

ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

www.izvestia.komisc.ru

Серия
«История и филология»

Научный журнал
Основан в 2010 г.
Выходит шесть раз в год

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр УрО РАН»

ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 1 (59)

Серия «ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ»

2023

Главный редактор – акад. РАН А.М. Асхабов

Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН С.В. Дёгтева

Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН В.Н. Лаженцев

Ответственный секретарь – к.и.н. Д.В. Милохин

Редакционный совет:

акад. РАН В.В. Алексеев, акад. РАН А.А. Барях, акад. РАН В.И. Бердышев, д.м.н. Е.Р. Бойко, чл.-корр. РАН И.Н. Болотов, акад. РАН В.Н. Большаков, Ph.D. (Econ.) К. Борисова-Маринова (Болгария), д.ф.-м.н. Т.М. Бречко (Польша), к.г.-м.н. И.Н. Бурцев, акад. РАН А.Д. Гвишиани, д.ф.-м.н. Н.А. Громов, д.и.н. И.Л. Жеребцов, д.б.н. В.Г. Зайнуллин, чл.-корр. РАН В.А. Ильин, акад. РАН С.В. Кривовичев, И.В. Курляк, акад. РАН А.В. Кучин, чл.-корр. РАН Ю.Б. Марин, акад. РАН В.П. Матвеев, д.и.н. В.И. Меньковский (Беларусь), акад. РАН Г.А. Месяц, чл.-корр. РАН А.А. Москалев, д.э.н. Л.А. Попова, чл.-корр. РАН В.Н. Пучков, д.г.-м.н. А.М. Пыстин, чл.-корр. РАН И.М. Роцевская, акад. РАН М.П. Роцевский, д.х.н. С.А. Рубцова, д.и.н. Э.А. Савельева, д.и.н. Т.С. Садыков (Казахстан), чл.-корр. РАН А.Ф. Титов, д.б.н. С.Н. Харин, к.б.н. И.Ф. Чадин, акад. РАН В.Н. Чарушин, д.т.н. Ю.Я. Чукреев, д.б.н. Е.В. Шамрикова, акад. РАН В.С. Шацкий, д.э.н. А.Г. Шеломенцев, к.э.н. А.А. Юдин

Редакционная коллегия серии «История и филология»:

д.и.н. И.Л. Жеребцов (ответственный редактор), к.и.н. И.О. Васкул (зам. ответственного редактора), д.филол.н. Е.А. Цыпанов (зам. ответственного редактора), к.и.н. Д.В. Милохин (ответственный секретарь), д.и.н. Е.Т. Артемов, д.и.н. А.М. Белавин, д.и.н. А.А. Бровина, д.филол.н. Т.Г. Владыкина, чл.-корр. РАН А.В. Головнев, д-р наук И. Жепниковска (Польша), д.и.н. А.Е. Загребин, д.филол.н. Т.И. Зайцева, к.и.н. Н.М. Игнатова, д.и.н. В.А. Исупов, д.филол.н. Л.Л. Карпова, д-р наук Г. Клумпп (Эстония), к.и.н. П.П. Котов, к.филол.н. Ю.А. Крашенинникова, д.и.н. Е.Ф. Кринко, д.филол.н. Р.А. Кудрявцева, к.филол.н. Т.Л. Кузнецова, д-р наук С. Лаллукка (Финляндия), д-р филос. А. Леэте (Эстония), д-р филос. Д. Лозовану (Молдова), д.и.н. М.А. Мацук, д.и.н. В.И. Меньковский (Беларусь), к.филол.н. А.Г. Мусанов, д-р филос. З. Надь (Венгрия), д.филол.н. О.И. Налдеева, д.и.н. П.Ю. Павлов, д.и.н. И.В. Побережников, д.филол.н. В.А. Поздеев, д.и.н. С.А. Прокопенко, д.и.н. А.В. Репневский, акад. РАН В.Н. Руденко, д.и.н. Т.С. Садыков (Казахстан), д.геогр.н. В.И. Силин, д.и.н. А.В. Сперанский, к.и.н. М.В. Таскаев, д.и.н. Ю.П. Шабаетов, д.филол.н. М. Шмигель (Словакия), к.и.н. С.Ю. Шокарев

Адрес редакции:

167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Коммунистическая, д. 24
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, каб. 317, 318.
Тел. (8212) 24-47-79
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

ISSN 1994-5655

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия.

Свид. о регистрации средств массовой информации
ПИ № ФС 77- 26969 от 11 января 2007 г.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» 52047

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК

© Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр УрО РАН», 2022

Science Journal

Founded in 2010

Published 6 times a year

Established by

Federal State Budgetary

Institution of Science

Federal Research Centre

«Komi Science Centre, Ural Branch, RAS»

PROCEEDINGS

OF THE KOMI SCIENCE CENTRE
URAL BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 1 (59)

«HISTORY AND PHILOLOGY» series

2023

Editor-in-chief – RAS acad. A.M. Askhabov

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member S.V. Degteva

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member V.N. Lazhentsev

Executive Secretary – Cand. Sci. (Hist.) D.V. Milokhin

Editorial Council:

RAS acad. V.V. Alekseev, RAS acad. A.A. Baryakh, RAS acad. V.I. Berdyshev, Dr. Sci. (Med.) E.R. Bojko, RAS corresp. member I.N. Bolotov, RAS acad. V.N. Bolshakov, Ph.D. (Econ.) (Bulgaria) K. Borisova-Marinova, Dr. Sci. (Phys.-Math.) (Poland) T.M. Brechko, Cand. Sci. (Geol.-Mineral.) I.N. Burtsev, RAS acad. A.D. Gvishiani, Dr. Sci. (Phys.-Math.) N.A. Gromov, Dr. Sci. (Hist.) I.L. Zherebtsov, Dr. Sci. (Biol.) V.G. Zainullin, RAS corresp. member V.A. Ilyin, RAS acad. S.V. Krivovichev, I.V. Kurlyak, RAS acad. A.V. Kuchin, RAS corresp. member Yu.B. Marin, RAS acad. V.P. Matveenko, Dr. Sci. (Hist.) (Belarus) V.I. Men'kovsky, RAS acad. G.A. Mesyats, RAS corresp. member A.A. Moskalev, Cand. Sci. (Chem.) A.Ya. Polle, Dr. Sci. (Econ.) L.A. Popova, RAS corresp. member V.N. Puchkov, Dr. Sci. (Geol.-Mineral.) A.M. Pystin, RAS corresp. member I.M. Roshchevskaya, RAS acad. M.P. Roshchevsky, Dr. Sci. (Chem.) S.A. Rubtsova, Dr. Sci. (Hist.) E.A. Savelyeva, Dr. Sci. (Hist.) (Kazakhstan) T.S. Sadykov, RAS corresp. member A.F. Titov, Dr. Sci. (Biol.) S.N. Kharin, Cand. Sci. (Biol.) I.F. Chadin, RAS acad. V.N. Charushin, Dr. Sci. (Tech.) Yu.Ya. Chukreev, Dr. Sci. (Biol.) E.V. Shamrikova, RAS acad. V.S. Shatsky, Dr. Sci. (Econ.) A.G. Shelomentsev, Cand. Sci. (Econ.) A.A. Yudin

Editorial Board of the series «History and Philology»:

Dr. Sci. (Hist.) I.L. Zherebtsov (executive editor), Cand. Sci. (Hist.) I.O. Vaskul (deputy executive editor), Dr. Sci. (Philol.) E.A. Tsypanov (deputy executive editor), Cand. Sci. (Hist.) D.V. Milokhin (executive secretary), Dr. Sci. (Hist.) E.T. Artemov, Dr. Sci. (Hist.) A.M. Belavin, Dr. Sci. (Hist.) A.A. Brovina, Dr. Sci. (Philol.) T.G. Vladykina, RAS corresp. member A.V. Golovnev, Dr. Sci. I. Zhepnikovska (Poland), Dr. Sci. (Hist.) A.E. Zagrebin, Dr. Sci. (Philol.) T.I. Zaitseva, Cand. Sci. (Hist.) N.M. Ignatova, Dr. Sci. (Hist.) V.A. Isupov, Dr. Sci. (Philol.) L.L. Karpova, Dr. Sci. G. Klumpp (Estonia), Cand. Sci. (Hist.) P.P. Kotov, Cand. Sci. (Philol.) Yu.A. Krashenninnikova, Dr. Sci. (Hist.) E.F. Krinko, Dr. Sci. (Philol.) R.A. Kudryavtseva, Cand. Sci. (Philol.) T.L. Kuznetsova, Dr. Sci. S. Lallukka (Finland), PhD A. Leete (Estonia), PhD D. Lozovanu (Moldova), Dr. Sci. (Hist.) M.A. Matsuk, Dr. Sci. (Hist.) V.I. Men'kovsky (Belarus), Cand. Sci. (Philol.) A.G. Musanov, Dr. of Philosophy Z. Nad' (Hungary), Dr. Sci. (Philol.) O.I. Naldeevea, Dr. Sci. (Hist.) P.Yu. Pavlov, Dr. Sci. (Hist.) I.V. Poberezhnikov, Dr. Sci. (Philol.) V.A. Pozdeev, Dr. Sci. (Hist.) S.A. Prokopenko, RAS acad. V.N. Rudenko, Dr. Sci. (Hist.) A.V. Repnevsky, Dr. Sci. (Hist.) T.S. Sadykov (Kazakhstan), Dr. Sci. (Geogr.) V.I. Silin, Dr. Sci. (Hist.) A.V. Speransky, Cand. Sci. (Hist.) M.V. Taskaev, Dr. Sci. (Hist.) Yu.P. Shabaev, Dr. of Philosophy M. Shmigel' (Slovakia), Cand. Sci. (Hist.) S.Yu. Shokarev

Editorial Office:

Office 317, 318 Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
24, Kommunisticheskaya st., GSP-2,
Syktyvkar 167982, Komi Republic
Tel. +7 8212 244779

E-mail: journal@frc.komisc.ru

www.izvestia.komisc.ru

The "Russian Post" catalogue subscription index 52047

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

© Federal State Budgetary Institution

of Science Federal Research Centre

"Komi Science Centre, Ural Branch, RAS", 2022

ISSN 1994-5655

Registered by the Russian Federal Surveillance Service
for Compliance with the Law in Mass Communications
and Cultural Heritage Protection.

The certificate of mass media registration -
ПМ № ФС 77-26969 dated 11 January, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Э.А. Савельева	
Особенности погребений женщин-литейщиц на нижевычегодском Чежтыягском могильнике	7
Ю.А. Подосенова	
Зерно-филигранные крестовидные подвески Пермского Предуралья	19
М.М. Шахнович	
Охотничьи ямы Восточной Фенноскандии: археология и этнография	26
М.А. Мацук	
Аренда государственных земель в Пустозерском уезде в XVI-XVII веках	38
А.С. Тищенко	
Тема «русского мира» в памятниках эпохи становления Московского государства	44
С.Ю. Шокарев	
Синодик-помянник Малюты Скуратова из Иосифо-Волоколамского монастыря: опыт расшифровки	52
И.И. Лейман	
У истоков частного страхования в Вологодской губернии: уполномоченный агент купец И.Т. Бовыкин.....	59
Ю.Н. Кожевникова	
Благочинный на Кольском Севере в начале XIX века (по документам Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелия)	67
И.И. Лейман, М.А. Мацук	
Благотворительная деятельность купечества в сфере народного просвещения (на примере Вологодской губернии второй трети XIX века)	74
М.С. Судовиков	
Министр М.И. Хилков в истории российской провинции рубежа XIX–XX веков: по материалам Вятской губернии	80
Д.В. Вишнякова	
Санитарные условия, медицинское обслуживание и инфекционные болезни в Коми крае во второй половине XIX–начале XX века	86
С.А. Гладких	
Моряки Усть-Сысольского уезда – участники русско-японской войны 1904–1905 годов	95
В.А. Бердинских	
ГУЛАГ как неизбежность развития советской системы (1920–е годы)	103
С.А. Кропачев	
Трансформация социальной роли женщины, семьи и брака в многонациональной России 1920–х годов	111
А.В. Самарин	
Отличительные черты индустриализации Коми АССР в 1927–1937 годы.....	117
К.В. Воронин	
Участие военнослужащих Румынии и Италии в осуществлении истребительной политики против населения оккупированной территории Ростовской области	127
А.В. Сперанский	
Свердловская железная дорога в 1941–1945 годы: вклад в эвакуацию	134
В.А. Исупов	
Статистические материалы как источник по изучению военно-мобилизационного и трудового потенциала тыловых районов России в годы Великой Отечественной войны	141
А.М. Мацук	
Динамика численности и удельного веса специалистов среднего звена в народном хозяйстве Европейского Севера РСФСР во второй половине 1950–х–начале 1960–х годов	147
Н.А. Косяк	
Институализация коммеморационной политики в Узбекистане в период президентства И.А. Каримова (1991–2016 годы)	155
В.И. Силин	
Истомины из Ижмы	162
Н.В. Кызьюрова	
Вопросы научного изучения арктических территорий в трудах отечественных и зарубежных исследователей (XIX–начало XX веков)	168
А.Е. Загребин	
Из истории советского этнографического финно-угроведения 1940–1950–х годов	176

А.Г. Оседах	
Формирование научной школы профессора А.А. Чернова в Коми филиале АН СССР в 1940–1960-х годах.....	185
А.Г. Мусанов	
У истоков становления коми диалектологии как науки.....	193
М.В. Таскаев	
Л.И. Сурина – исследователь истории Коми.....	198
А.В. Волокитин, Н.А. Волокитина, С.А. Родов	
Г.М. Буров – первооткрыватель и основоположник исследований мезолита Европейского Северо-Востока	204
В.Э. Шарапов, И.Л. Жеребцов	
Вклад Л.С. Грибовой в изучение декоративно-прикладного искусства народов Коми	211
В.И. Меньковский	
Накануне юбилея: как Российская Федерация отметила столетие революции 1917 года	216

Научное наследие

Л.П. Лашук, Л.Н. Жеребцов	
Материалы по хозяйственному укладу населения Прилузья (из отчета Прилузской этнографической экспедиции 1959 года) (публикация И.Л. Жеребцова, В.А. Саблина, Л.Я. Каневой)	224

Рецензии

О.В. Золотарев	
«История Коми с древнейших времен до конца XVII века. 6–7 классы»	231
А.Ф. Старцев	
«История и культура уйльта (ороков) Сахалина: историко-этнографические очерки (XIX–XXI вв.)»	232
О.В. Золотарев	
«Коми пединститут: время инновационного развития. 1973–2014».....	236

Сообщения

Н.М. Игнатова	
XI Международный симпозиум по исторической демографии (Сыктывкар, 4–8 июля 2022 года)	238

Юбилеи

В.И. Прошева, Е.А. Пшунетлева, Д.Н. Шмаков	
Михаилу Павловичу Роцевскому – 90 лет	240
И.Л. Жеребцов	
Афанасию Николаевичу Турубанову – 85 лет.....	243
Г.К. Лисовская	
Валерий Иванович Мартынов (к 90-летию со дня рождения).....	245

CONTENTS

E.A. Savelyeva	
Specificities of burials of founder women in the Low-Vychegda Chezhtyyag burial ground.....	7
Yu.A. Podosenova	
Grain-filigree cross-shaped pendants of the Permian Pre-Urals region	19
M.M. Shakhnovich	
Hunting pits of Eastern Fennoscandia: archaeology and ethnography.....	26
M.A. Matsuk	
Lease of state lands in the Pustozersky district in the XVI–XVII centuries	38
A.S. Tishchenko	
The theme of the "Russian world" in the monuments of the formative era of the Moscow state.....	44
S.Yu. Shokarev	
Commemoration Book of Malyuta Skuratov from the Joseph-Volokolamsk Monastery: an experience of deciphering	52
I.I. Leyman	
At the origins of private insurance in the Vologda province: the authorized agent merchant I.T. Bovykin	59
Yu.N. Kozhevnikova	
Dean in the Kola North at the beginning of the XIX century (according to the documents of the Kem spiritual collegium of the National Archives of the Republic of Karelia).....	67
I.I. Leyman, M.A. Matsuk	
Charitable activities of merchants in the public education sphere (on example of the Vologda province of the second third of the XIX century)	74
M.S. Sudovikov	
Minister M.I. Khilkov in the history of the Russian province at the turn of the XIX – XX centuries: based on the materials of the Vyatka Province	80
D.V. Vishnyakova	
Sanitary conditions, medical care and infectious diseases in the Komi region in the second half of the XIX–early XX centuries.....	86
S.A. Gladkikh	
Sailors of the Ust-Sysolsk district – participants in the Russian–Japanese war of 1904–1905	95
V.A. Berdinskikh	
GULAG as the inevitability of the development of the Soviet system (the 1920s)	103
S.A. Kropachev	
Transformation of the social role of woman, family and marriage in multinational Russia of the 1920s	111
A.V. Samarin	
Distinctive features of the industrialization of the Komi ASSR in 1927–1937.....	117
K.V. Voronin	
Participation of Romanian and Italian military personnel in the extermination policy against the population of the occupied territory of the Rostov region	127
A.V. Speransky	
Sverdlovsk railway in 1941–1945: contribution to evacuation	134
V.A. Isupov	
Statistical materials as a research source of the military-mobilization and labor potential of the rear regions of Russia during the Great Patriotic War.....	141
A.M. Matsuk	
Dynamics of the number and share of mid-level specialists in the national economy of the European North of the RSFSR in the second half of the 1950s–early 1960s	147
N.A. Kosyak	
Institutionalization of commemoration policy in Uzbekistan in the period of I.A. Karimov's presidency (1991–2016)	155
V.I. Silin	
The Istomins from Izhma	162
N.V. Kyzurova	
Arctic exploitation issues in the works of the Russian and foreign researchers (XIX–early XX centuries)	168
A.E. Zagrebin	
From the history of the Soviet ethnographic Finno-Ugric studies of the 1940s–1950s.....	176

A.G. Osedakh	
Formation of the Scientific School of Professor A.A. Chernov at the Komi Branch of the Academy of Sciences of the USSR in the 1940s–1960s.....	185
A.G. Musanov	
At the origins of the Komi dialectology as a science	193
M.V. Taskaev	
L.I. Surina – a researcher of the history of the Komi region	198
A.V. Volokitin, N. A. Volokitina, S.A. Rodov	
G.M. Burov – a discoverer and initiator of the Mesolithic studies in the European North-East.....	204
V.E. Sharapov, I.L. Zherebtsov	
Contribution of L.S. Gribova to investigation of decorative and applied arts of the Komi peoples	211
V.I. Men'kovsky	
On the eve of the anniversary: how the Russian Federation celebrated the centenary of the 1917 revolution.....	216
Scientific heritage	
L.P. Lashuk, L.N. Zherebtsov	
Materials on the economic structure of the population of the Luza region (from the report of the Luza ethnographic expedition of 1959) (publication of I.L. Zherebtsov, V.A. Sablin, L.Ya. Kaneva).....	224
Reviews	
O.V. Zolotarev	
“History of the Komi region from ancient times to the late XVII century. 6th–7th forms”	231
A.F. Startsev	
“History and culture of Uilta (Oroks) of Sakhalin: historical and ethnographic essays (the XIX–XXI centuries)”	232
O.V. Zolotarev	
“Komi Pedagogical Institute: time of innovative development. 1973–2014”	236
Events	
N.M. Ignatova	
XI International Symposium on Historical Demography (July 4–8, 2022)	238
Anniversaries	
V.I. Prosheva, D.N. Shmakov, E.A. Pshunetleva et al.	
Mikhail Pavlovich Roshchevsky (to the 90th anniversary).....	240
I.L. Zherebtsov	
Afanasy Nikolaevich Turubanov (to the 85th anniversary)	243
G.K. Lisovskaya	
Valery Ivanovich Martynov (1933–2015).....	245

Особенности погребений женщин-литейщиц на нижневыхегодском Чезтыягском могильнике

Э.А. Савельева

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
eleonorasav@yandex.ru

Аннотация

В статье вводятся в научный оборот материалы раскопок обособленной группы погребений женщин-литейщиц на нижневыхегодском Чезтыягском могильнике, датируемых XIII в. На основе типологического и химического анализов погребального инвентаря выявлены характерные особенности погребений. К ним относятся предметы бронзолитейного производства, слитки металла и лом для изготовления украшений, инструменты литья, преобладание в погребальном инвентаре женских украшений, отсутствие предметов, связанных со сферой производственной деятельности мужчин, предметов вооружения, насыщенное находками межмогильное пространство, высокий процент изделий, подвергшихся обжигу. Рядом с погребениями женщин-литейщиц выявлены погребения малых размеров, принадлежащие девочкам-подросткам, ученицам женщин-литейщиц. Богатый инвентарь погребений, обилие бус, тамга на одном из сосудов свидетельствуют о высоком социальном статусе погребенных женщин-литейщиц, наделении их магическими свойствами.

Ключевые слова:

эпоха средневековья, вымская культура, нижняя Вычегда, могильник, бронзолитейное производство, женщины-литейщицы, девочки-литейщицы, погребальный инвентарь, украшения костюма, слитки металла, производственный лом

Чезтыягский могильник расположен на левом берегу р. Вычегды в 3 км к юго-востоку от дер. Вездино Усть-Вымского района Республики Коми, в урочище Чезтыяг (рис. 1, А, Б). Исчерпывающие раскопки памятника проведены Усть-Вымским отрядом археолого-этнографической экспедиции Сыктывкарского государственного университета под руководством Т.В. Истоминой. Материалы раскопок частично опубликованы [1, с. 127–136; 2, с. 13–24; 3, с. 38–50]. Могильник грунтовый, насчитывает 152 погребения, датируемые XI–XIV вв., большинство погребений – XII–XIII вв. Он относится к нижневыхегодскому варианту вымской культуры Перми Вычегодской, однако отличается рядом специфических особенностей: выделение семи планиграфически обособленных групп погребений, разделенных

Specificities of burials of founder women in the Low-Vychegda Chezhtyyag burial ground

E.A. Savelyeva

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Syktyvkar
eleonorasav@yandex.ru

Abstract

The materials of excavations of a separate group of burials of founder women in the Low-Vychegda Chezhtyyag burial ground dating back to the XIII century are introduced into scientific discourse. Based on the typological and chemical analysis of grave goods, the author identified the characteristic features of the burials. Grave goods include items of bronze foundry production, metal ingots and a scrap for making adornments, casting tools, many women's adornments, numerous findings in the inter-grave space and a great number of artefacts that have been fired. There are no items related to the sphere of men's production activities or weapons items. Next to the burials of women-foundry workers, there are small burials of teenage girls, apprentices of adult women. The rich implements of burials, many beads, a tamga trace on one of the vessels indicate a high social status of the buried founder women, endowing them with magical properties.

Keywords:

the Middle Ages, the Vym culture, the Low Vychegda River, burial ground, bronze foundry production, founder women, founder girls, grave goods, costume decorations, metal ingots, production scrap

между собой значительным интервалом и хронологически разновременных (рис. 1, Б), значительно большее количество, чем на вымских могильниках, погребений в срубках (34,2 % от числа всех погребений). Особый научный интерес представляет группа погребений женщин-литейщиц на раскопе № 7 [2, с. 13–24]. Она расположена на южном краю террасы, на расстоянии около 300 м к юго-западу от наиболее близкого к нему раскопа № 6, около 400 м от основного массива погребений (раскопы №№ 1–4), не на ровной площадке, а на участке, характеризующемся значительным перепадом высот (около 1, 6 м). Погребения расположены двумя параллельными рядами, вытянутыми с юго-запада на северо-восток. Насчитывается 14 погребений, ориентированных с северо-запада на юго-восток и

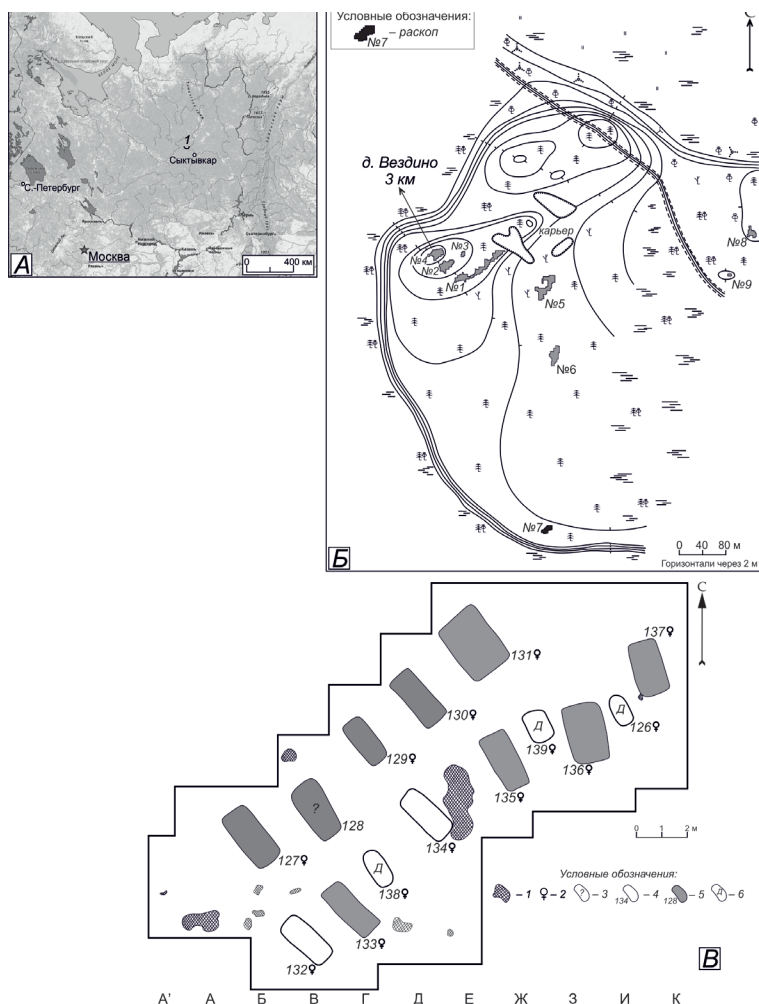

Рисунок 1. Могильник Чезхтыгский. А – местоположение могильника на карте Европейского Северо-Востока; Б – ситуационный план могильника; В – план раскопа № 7. Условные обозначения: 1 – кострище; 2 – женское погребение; 3 – неопределенное погребение; 4 – погребение без сруба и его номер; 5 – погребение в сруб и его номер; 6 – погребения детей-подростков.

Figure 1. The Chezhtyag burial ground. A – location of the burial ground on the map of the European North-East; Б – general layout plant of the burial ground; В – plan of excavation site № 7. Keys: 1 – fire pit; 2 – female burial; 3 – not-determined burial; 4 – burial without a log construction and its number; 5 – burial in a log construction and its number; 6 – burials of teenagers.

северо-северо-запада на юго-юго-восток. Из 14 погребений девять совершены в срубах, 12 – способом кремации, два (пп. 132 и 138), предположительно, – способом ингумации (рис. 1, В).

Погребения по инвентарю, содержащемуся в них, а также в прилегающем межмогильном пространстве, отнесены к женским [2, с. 17–18]. Три погребения малых размеров, вероятно, принадлежали девочкам-подросткам (пп. 126, 138, 139). Критериями определения женских погребений являются преобладание украшений, многочисленных фрагментов керамики, нередко от нескольких сосудов, отсутствие предметов, связанных со сферой производственной деятельности мужчин, предметов вооружения. Исключение составляет погребение 131, в котором найден обломок железного наконечника стрелы [2, с. 17]. Особо-го внимания заслуживает обилие бус как в погребениях, так и в межмогильном пространстве. Они представлены в 12 из 14 погребений, а также в межмогильном пространстве. Преобладают стеклянные бусы (238 экз.). В наибо-

лее богатых погребениях их насчитывается несколько десятков (пп. 130, 134–137). Из предметов быта найдены ножи (9 экз.), из них пять целых, четыре обломка, а также тонкие железные стержни, возможно, остатки шильев, бронзовые пуговицы. Свидетельством принадлежности погребений литейщицам служат многочисленные слитки металла, деформировавшиеся и оплавленные украшения, фрагменты украшений, предназначенных для переплавки, а также фрагменты льячек, литейная форма и ювелирный пинцет [3, с. 42–48]. Погребения женщин-литейщиц составляют 26,9 % от числа всех погребений Чезхтыгского могильника.

Большинство погребений имеют длину более 200 см, ширину – более 100 см. Глубина могильных ям в целом небольшая – от 19 до 45 см, лишь одно погребение (пог. 127) совершено на глубине 57 см. Исключение составляют погребения малых размеров длиной от 122 до 155 см, шириной от 76 до 85 см, глубиной от 19 до 28 см, расположенные в одном ряду с крупными, прилегающие к ним (пп. 126, 138, 139) (табл. 1).

Погребения расположены двумя рядами, в каждом из которых выделяются группы из двух-трех погребений. В одном ряду визу-ально определяются четыре группы. В первую входят погребения 126, 136 и 137. В отличие от других погребений они ориентированы с северо-северо-запада на юго-юго-восток.

В состав погребального инвентаря погребения 137 входят железный нож с обломанным черешком, обломки неопределимых железных предметов, фрагмент венчика сосуда, основ-ная часть которого обнаружена в межмогиль-ном пространстве за пределами погребения, и украшения. Найден обломок круглопроволоч-ного височного кольца, поясная накладка из

Таблица 1
Размеры могильных ям
Table 1
Dimensions of grave pits

№ по порядку	№ погребения	Длина	Ширина	Глубина
1	127	255	125	57
2	128	238	128	45
3	129	204	89	42
4	130	233	100	37
5	131	255	184	33
6	132	206	96	36
7	133	240	95	33
8	138	155	78	19
9	134	243	118	30
10	135	252	105	32
11	139	140	85	25
12	136	238	164	35
13	126	122	76	28
14	137	206	131	40

трех расположенных пирамидкой умбонов, две пронизки: конусовидная вытянутая и колоколовидная, 12 обломков спиралевидных пронизок, среди них есть сдвоенные и строенные, обломок спиралевидной пронизки с нанизанной на нее бусиной, вероятно, от ожерелья или подвески и 28 бус, большинство сильно обожжены, некоторые расплавились. Среди бус, которые можно определить, преимущественно мелкие зонные, а также винтообразные и бочонковидные (рис. 2, 1-12).

К северо-западу от погребения под выкидом из ямы обнаружен железный нож, к юго-востоку в смешанном песке – скопление фрагментов сосуда чашевидной формы, венчик которого лежал в засыпи погребения 137. На тулове сосуда нанесены насечки, не образующие четкого узора, на плечике – знак в виде двух пересекающихся линий, нанесенных зубчатым штампом (рис. 2, 13; 3, 1).

Погребение 126 маленьких размеров (122 x 75 x 28), расположено между погребениями 136 и 137 ближе к по-

гребению 136 и параллельно ему. В нем представлены фрагменты медных спиралевидных пронизок с нанизанными на них бусами (4 экз.) и восьмеркообразное звено бронзовой цепочки, а также четыре фрагмента керамики от трех сосудов с примесью дресвы в тесте (рис. 2, 14-16). Особый интерес представляет обломок венчика очень толстостенного сосуда (10 мм) закрытой формы, с примесью крупнотолченой дресвы в формовочной массе, с неровной, шероховатой поверхностью, представляющий собой, предположительно, обломок льячки или тигля.

Погребение 136 расположено параллельно предыдущему, на расстоянии менее 0,5 м от него. Оно содержит многочисленный богатый инвентарь, в котором преобладают украшения, большинство носит следы сильного обжига. Найдено значительное количество бус, точное число которых не поддается определению, так как многие из них расплавились, деформировались, спеклись вместе, потеряли цвет и форму. Среди сохранившихся (30 экз.) – мелкие зонные и кольцевидные голубые и синие, крупная зонная, ребристая зонная (рис. 2, 18, 31-35, 41-44). Вероятно, бусы входили в состав рассыпавшихся ожерелья, подвесок, в каналах некоторых из них сохранились обломки спиралевидных пронизок, другие оплавившись со спиралевидными пронизками. Сохранились спекшиеся по две-три бронзовые кольцевидные бусы (9 экз.).

Значительную часть инвентаря составляют бронзовые украшения: две крестовидные накладки, два рубчатых перстня, конусовидная пронизка, спиралевидные пронизки и их обломки (23 экз.), три шаровидных бубенчика с линейной прорезью, два грушевидных, четыре грушевидные привески, из них три сильно деформированы. В центре погребения компактно лежали фрагменты одной шумящей подвески, оплавившейся и сильно деформированной, от которой сохранились фрагмент якорька, щитовидные и умбоновидные звенья цепочек, с прикрепленными грушевидными бубенчиками (рис. 2, 22-29, 36-40).

В засыпи найдены мелкие обломки изделий из цветного металла, каплевидные слитки бронзы, ядрышки от бубенчиков, два обломка, предположительно, височного кольца, очень коррозированных, к одному из них припаялась сдвоенная спиралевидная пронизка. В центре погребения у западной стенки сруба расчищены остатки подвески, лежавшей вдоль стенки сруба, состоящей из нанизанных на кожаный шнурок длинной низки бронзовых кольцевидных бус, в начале которой – ребристая стеклянная бусина, в центральной – Ф-овидная трубчатая пронизка с двумя утолщениями, в конце – желтая зонная бусина и грушевидный бубенчик (рис. 4, 1). Возможно, к этой же подвеске относится и игольник с двумя утолщениями и тремя ушками с одной стороны (рис. 2, 27). Па-

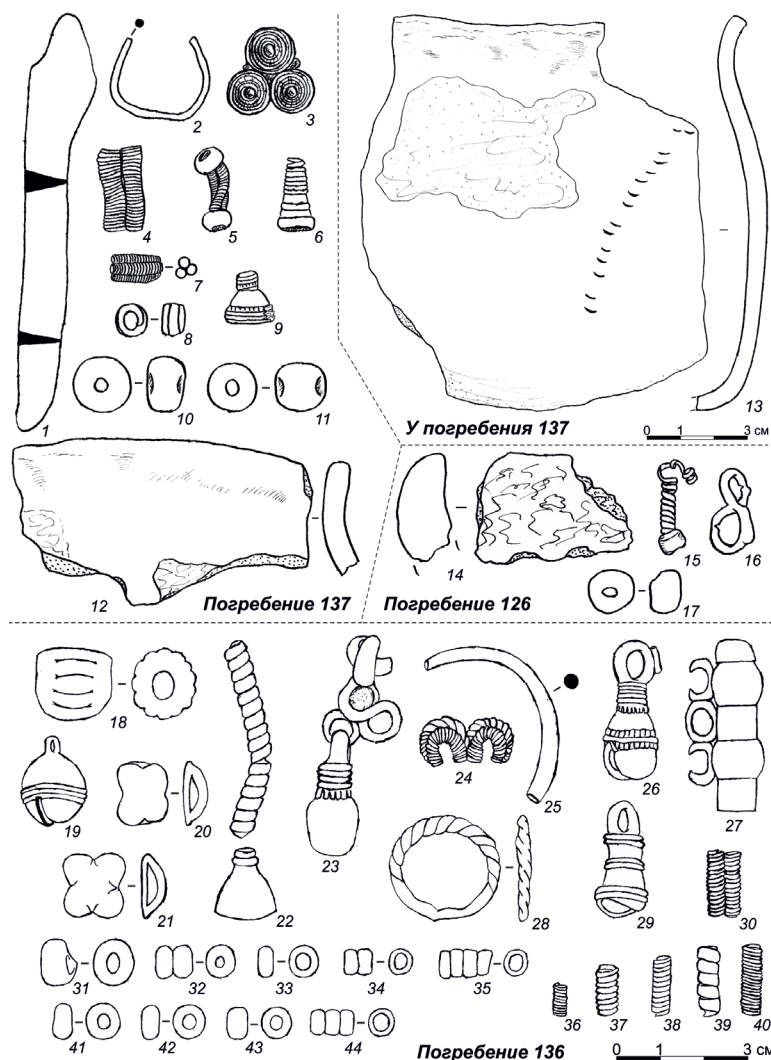

Рисунок 2. Предметы погребального инвентаря. 1-12 – погребение 137; 13 – у погребения 137; 14-17 – погребение 126; 18-44 – погребение 136.

Условные обозначения: 1 – железо; 2, 4, 6, 7, 9, 16, 19-30, 34-40, 44 – бронза; 8, 10, 11, 17, 18, 31-33, 41-43 – стекло; 3, 15 – бронза, стекло; 12-14 – керамика.

Figure 2. Items of grave goods. 1-12 – burial 137; 13 – near burial 137; 14-17 – burial 126; 18-44 – burial 136.

Keys: 1 – iron; 2, 4, 6, 7, 9, 16, 19-30, 34-40, 44 – bronze; 8, 10, 11, 17, 18, 31-33, 41-43 – glass; 3, 15 – bronze, glass; 12-14 – ceramics.

Рисунок 3. Керамические сосуды. 1 – у погребения 137; 2 – у погребения 133; 3 – у погребения 130.
Figure 3. Ceramic vessels. 1 – near burial 137; 2 – near burial 133; 3 – near burial 130.

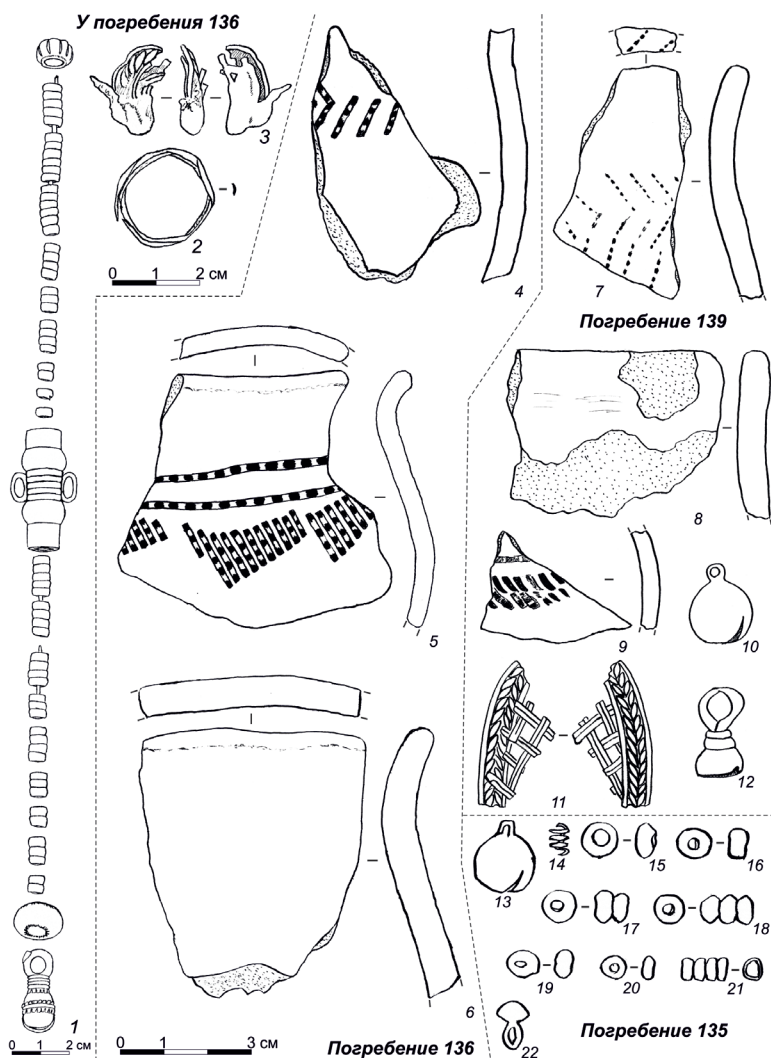

Рисунок 4. Предметы погребального инвентаря. 1-6 – погребение 136; 7-12 – погребение 139; 13-22 – погребение 135.

Условные обозначения: 1 – бронза, стекло; 2, 3, 10-14, 21, 22 – бронза; 4-9 – керамика.

Figure 4. Items of grave goods. 1-6 – burial 136; 7-12 – burial 139; 13-22 – burial 135.

Keys: 1 – bronze, glass; 2, 3, 10-14, 21, 22 – bronze; 4-9 – ceramics.

параллельно этому украшению, у самой стенки сруба, располагалось еще одно, состоящее из длинной спиралевидной пронизки, на которую нанизана конусовидная пронизка

(рис. 2, 22). В этой же части погребения, но за срубом, в желтом смешанном песке лежали не подвергшиеся огню грушевидный бубенчик, а также две бронзовые кольцевидные бусы на кожаном шнурке. В юго-восточном углу сруба обнаружены остатки разложившегося неподдающегося определению предмета и очень мелкие обломки плохо сохранившегося сплава. В засыпи погребения в юго-восточном углу в виде скопления залежали многочисленные обломки медного котла, среди которых выделяются фрагменты загнутого края и стенок, соединенных способом «сварки на расщеп», а также фрагменты трех керамических сосудов. Один из них

коричневато-серого цвета с примесью крупнотолченой дресвы в формовочной массе, не орнаментирован (рис. 4, 6), второй – красно-коричневого цвета, с примесью дресвы в формовочной массе, орнаментирован оттисками тонкозубого штампа (рис. 4, 4), третий – тонкостенный чашевидный с уплощенным дном, с примесью шамота в формовочной массе, по плечу орнаментирован двумя горизонтальными рядами зубчатого штампа, ниже – треугольными фестонами, нанесенными зубчатым штампом (рис. 4, 5).

Большое скопление вещей обнаружено за пределами погребения к югу, юго-западу и юго-востоку от него на площади около 6,5 кв. м. В слое смешанного с углями и остатками недогоревших бревен (головешек?) песка найдены кальцинированные кости, многочисленные обломки медного котла со следами починки, фрагменты лепной керамики, среди которых выделяются обломки того же сосуда, украшенного фестонами, что и в погребении. В юго-восточной части скопления расчищен развал крупного лепного чашевидного с уплощенным дном неорнаментированного сосуда со слегка отогнутым венчиком с примесью дресвы в формовочной массе. Представлены украшения из цветного металла: спирально-витой перстень из плоской проволоки, свернутой в 2, 5 оборота (рис. 4, 2), два бубенчика – сломанный шаровидный и оплавленный грушевидный, три фрагмента спиралевидных пронизок, сильно оплавленное, предположительно, косорешетчатое украшение (рис. 4, 3), каплевидный слиток бронзы, два ядрышка из бубенчиков, а также три мелкие зонные синие стеклянные и бронзовые кольцевидные бусы, спекшиеся по 4-7 экз., в одном случае – с сохранившимся внутри шнурком.

Во вторую группу входят погребения 135 и 139, расположенные параллельно с интервалом менее 0,5 м. Погребение 139 малых размеров (140 x 85 x 25 см). В нем обнаружены два шаровидных бубенчика и грушевидная привеска с большим ушком, обломок косорешетчатой арочной подвески, а также фрагменты трех лепных сосудов с примесью крупнотолченой дресвы в формовочной массе. Выделяются обломки венчика слабопрофилированного неорнаментированного сосуда, фрагмент чашевидного сосуда, орнаментированного по торцу венчика наклонными рядами, по плечу – направленными под углом друг к другу горизонтальными рядами тонкозубого штампа, третий фрагмент сосуда орнаментирован оттисками личинковидного зубчатого штампа, расположенными двумя горизонтальными рядами (рис. 4, 7–12).

Соседнее погребение 135 содержит многочисленный инвентарь, значительная часть которого носит следы сильного обжига. Найдены три грибовидные пуговицы, два шаровидных бубенчика с линейной прорезью, спиралевидная пронизка, 12 оплавленных деформировавшихся украшений, не поддающихся определению, каплевидные слитки металла, 27 бусин, среди них четыре бронзовые кольцевидные, спекшиеся, остальные – стеклянные: мелкие зонные, три сдвоенные, одна строенная, тонкий железный стерженек, возможно, шило, бронзовая пластинка, обломки железных предметов и многочисленные фрагменты двух или трех сосудов (рис. 4, 13–22). Выделяются фрагменты двух крупных чашевидных неорнаментированных сосудов и фрагмент венчика сосуда, орнаментированного по торцу и плечу наклонными рядами оттисков зубчатого штампа. В формовочной массе сосудов примесь крупнотолченой дресвы (рис. 5, 1, 2).

Рядом с погребением найдены фрагменты тех же сосудов, что в погребении, а также обломки медных пластинок, две стеклянные синие зонные бусины, аналогичные лежавшим в погребении.

В третью группу входят погребения 134 и 138, также расположенные параллельно. Погребение 134 выделяется богатым набором украшений. Найдены перстень, состоящий из серебряной скано-зерновой круглой бляшки, припаянной на бронзовое пластинчатое кольцо с расплюснутыми концами (рис. 5, 17), две умбовидные подвески, большая и малая, к основе первой припаяно пять колец, к которым прикреплены грушевидные привески, ко второй – два кольца с двумя привесками (рис. 5, 10, 11), обломок круглопроволочного височного кольца (рис. 5, 10), три пронизки – спиралевидная, конусовидная гладкая и конусовидная с высокой шейкой, орнаментированная поясками по шейке и нижнему краю, три целых и обломок шаровидного бубенчика с линейной прорезью, грушевидный гладкий с раздутым туловом,

грушевидный, орнаментированный гладкими и с насечкой поясками на звене цепочки с орнаментированным щитком (рис. 5, 15, 18), два обломка пластинчатого браслета (или браслетов), по краю одного из них прослеживается точечный орнамент (рис. 5, 19), фрагмент, предположительно, рамчатой пряжки. Погребение отличается богатой коллекцией бус (57 экз.), среди них четыре бронзовые, остальные – стеклянные. Бронзовые представлены двумя кольцевидными и двумя флаконовидными, большой и малой, с валиками по краям, орнаментированными насечками (рис. 5, 29). Среди стеклянных бус преобладают зонные, преимущественно мелкие, кольцевидные, встречаются бочонковидные, винтообразные, бипирамидные, эллипсоидные, цилиндрические, многочастные (рис. 5, 20–27, 30–34). Многие бусы сильно обожжены, некоторые оплавившись, потеряли цвет и форму. Кроме украшений в погребении найдены: слиток металла, сильно коррозированный с заостренным концом железный предмет, вероятно, шило, обломки железных предметов и фрагменты двух лепных сосудов.

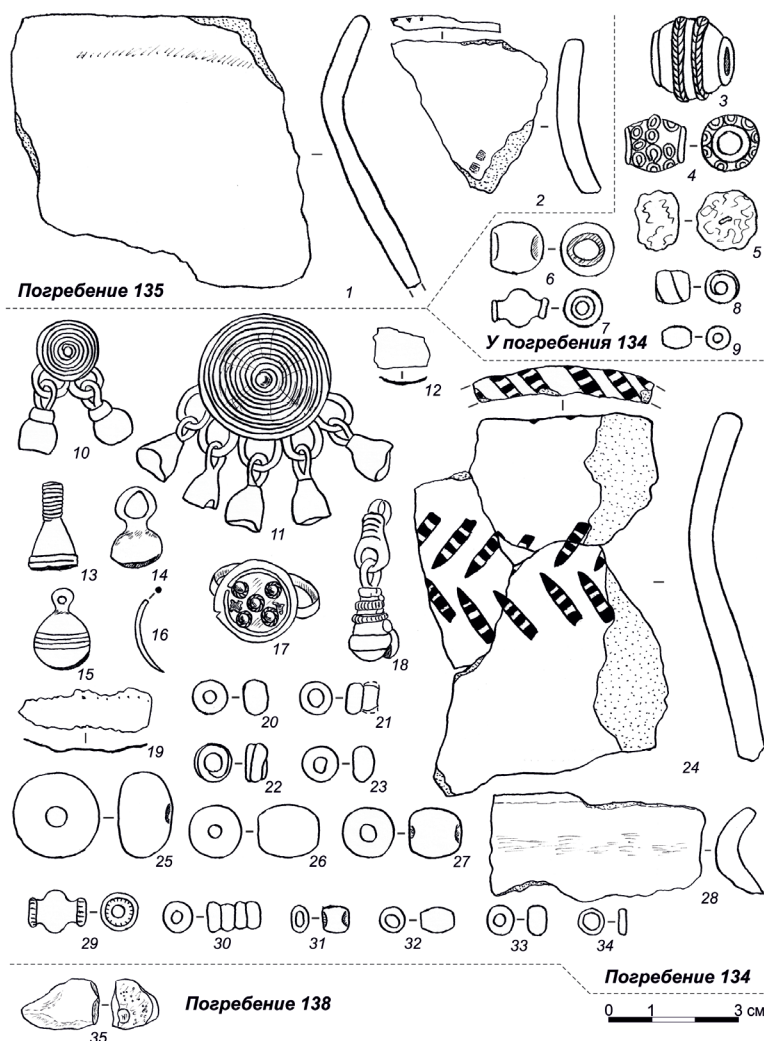

Рисунок 5. Предметы погребального инвентаря. 1, 2 – погребение 135; 3–9 – у погребения 134; 10–34 – погребение 134; 35 – погребение 138.

Условные обозначения: 1, 2, 24, 28 – керамика; 3, 4, 7, 10–16, 18, 19, 29, 34 – бронза; 5, 6, 8, 9, 20–23, 25–27, 30–33, 35 – стекло; 17 – серебро, бронза.

Figure 5. Items of grave goods. 1, 2 – burial 135; 3–9 – near burial 134; 10–34 – burial 134; 35 – burial 138.

Keys: 1, 2, 24, 28 – ceramics; 3, 4, 7, 10–16, 18, 19, 29, 34 – bronze; 5, 6, 8, 9, 20–23, 25–27, 30–33, 35 – glass; 17 – silver, bronze.

Один толстостенный, с примесью крупнотолченой дресвы в формовочной массе, орнаментированный по торцу венчика наклонными рядами отпечатков зубчатого штампа, по тулову – направленным под углом друг к другу горизонтальным рядом оттисков личинковидного штампа, второй – тонкостенный, неорнаментированный, с органической примесью в формовочной массе, плохого обжига, с отогнутым наружу венчиком и крутым плечиком (рис. 5, 24, 28).

За пределами ямы в смешанном песке лежали голубая стеклянная кольцевидная бусина и фрагменты того же тонкостенного сосуда, что и в погребении. Между погребениями 134 и 135 под дерном расчищено обширное углистое пятно, вытянутое с севера на юг, длиной 2,8 м, шириной 1,2 м, мощностью 0,5–1 см, насыщенное находками. В нем залежали многочисленные мелкие обломки обоих сосудов, найденных в погребении 134: массивный железный пластинчатый предмет, обломки медных пластинок, шарик из бубенчика, а также 25 бус, целых и в обломках, часть которых сильно обожжена. Три бусины бронзовые – флаконовидная со стянутыми краями (рис. 5, 7), бочонковидная, орнаментированная кружками (рис. 5, 4), крупная бочонковидная со стянутыми краями, декорированная по центру двумя поясками псевдоскани (рис. 5, 3). Среди стеклянных бус преобладают голубые и синие зонные и кольцевидные (16 экз.). Также представлены крупная желтая бочонковидная (рис. 5, 6), две обожженные битрапециодные с пропорциями 1:1, две крупные зонные обожженные, эллипсоидная обожженная, синяя винтообразная обожженная, сдвоенная обожженная (рис. 5, 5, 8, 9).

Погребение 138 малых размеров (155 x 78 x 19 см), расположено параллельно погребению 134. Судя по составу засыпи, отсутствию костных останков, погребение, вероятно, совершенно способом ингумации. В нем найдены два обломка железных предметов, фрагменты неорнаментированной лепной керамики с примесью дресвы в формовочной массе и кусочек оплавленного стекла (рис. 5, 35).

В четвертую группу входят погребения 132 и 133, расположенные параллельно. В погребении 133 основную часть погребального инвентаря составляют бронзовые украшения, значительная часть которых носит следы воздействия огня. Найдены гладкая конусовидная пронизка, усеченно-коническая привеска с большим ушком, две спиралевидные пронизки, шаровидный бубенчик с линейной прорезью, пять полубубенчиков, из них удовлетворительно сохранился только один, украшенный в нижней части насечками, фрагмент кольцевидной цепочки, обломок неопределимого бронзового изделия, а также проволочное серебряное височное кольцо с несомкнутыми концами (рис. 6, 2–15). Стеклянные бусы, целые и в обломках, сильно обожжены:

бочонковидная фиолетовая, желтая крупная зонная и обломок такой же бусины, две зонные и обломок кольцевидной, а также бронзовая кольцевидная. Обнаружены фрагменты керамики от четырех сосудов: крупного толстостенного со слегка отогнутым венчиком (рис. 6, 1), тонкостенного чашевидного, украшенного по плечикам кружками (рис. 6, 6) венчика, орнаментированного по торцу наклонными рядами оттисков зубчатого (личиночного) штампа (рис. 6, 12), стенки сосуда, орнаментированного розеточным штампом (рис. 6, 9). Найдены также два обломка неопределимых железных предметов и оплавленный слиток бронзы.

Вокруг погребения 133 найдены фрагменты разбитых сосудов, тех же, что и в погребении, некоторые сильно обожжены, а также железное круглопроволочное поясное кольцо (рис. 6, 15), железный нож (рис. 6, 3), бронзовая трубчатая пронизка с двумя вздутиями (рис. 6, 16) и усеченно-конический бубенчик-привеска, аналогичный найденному в погребении, оплавившееся бронзовое изделие,

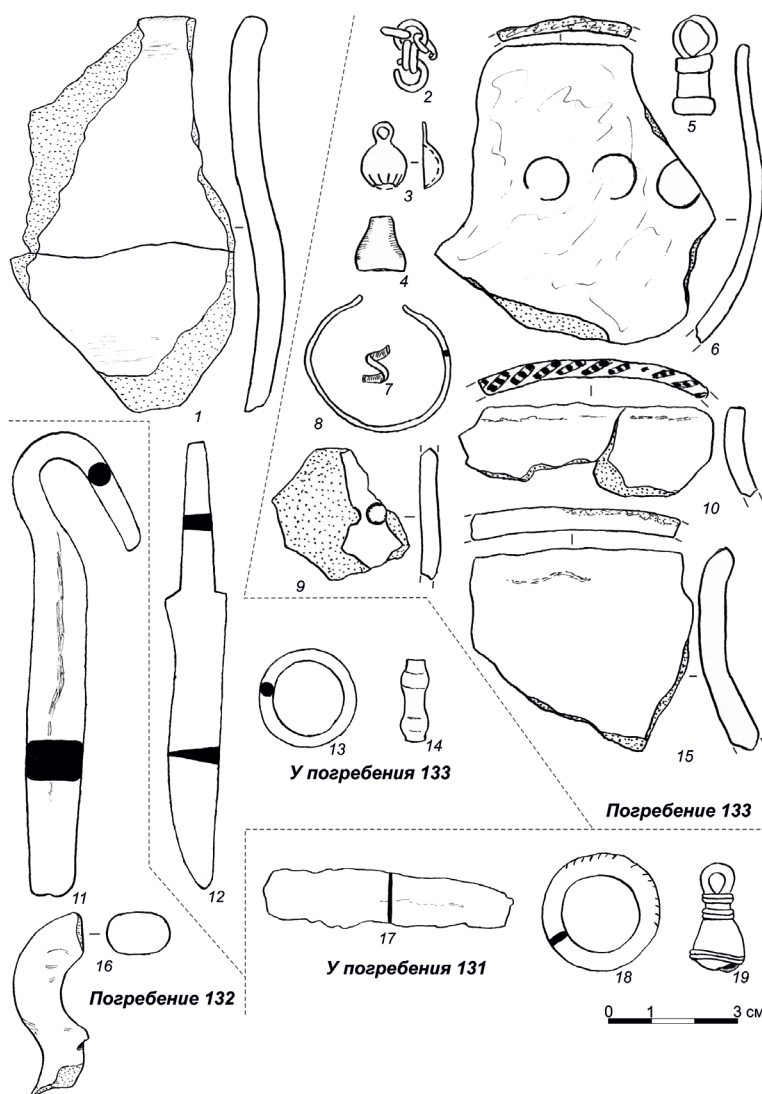

Рисунок 6. Предметы погребального инвентаря. 2–10, 15 – погребение 133; 1, 12–14 – у погребения 133; 11, 16 – погребение 132; 17–19 – у погребения 131.

Условные обозначения: 1, 6, 9, 10, 15, 16 – керамика; 11, 12, 17 – железо; 1–5, 7, 13, 14, 18, 19 – бронза; 8 – серебро.

Figure 6. Items of grave goods. 2–10, 15 – burial 133; 1, 12–14 – near burial 133; 11, 16 – burial 132; 17–19 – near burial 131.

Keys: 1, 6, 9, 10, 15, 16 – ceramics; 11, 12, 17 – iron; 1–5, 7, 13, 14, 18, 19 – bronze; 8 – silver.

голубая стеклянная кольцевидная бусина, маленький обломок неопределимого железного предмета и кресальный кремневый осколок.

Соседнее погребение 132 по бедному инвентарю, отсутствию в нем сруба обнаруживает близость к погребениям малых размеров. Кроме того, предположительно, оно совершено способом ингумации, как и погребение 138. В нем нет ни кальцинированных, ни сырых костей погребенного, засыпь составляет желтый однородный смешанный песок. На дне могильной ямы лежала желтая зонная стеклянная бусина, в засыпи найдены обломок и целая спиралевидная пронизка, несколько обломков неопределимых железных предметов, фрагменты крупного неорнаментированного толстостенного сосуда с примесью дресвы в формовочной массе, очень толстого днища и венчика от сосуда закрытой формы, предположительно, льячки. Один из фрагментов керамики обнаружен сразу под дерном.

Рядом с погребением лежали фрагмент стенки лепного керамического сосуда, обломок керамической ручки от сосуда и массивный железный крюк (рис. 6, 11).

В соседнем ряду выделяются две обособленные группы погребений, разделенные интервалом 2, 5 м. В первую входят погребения 129, 130 и 131, расположенные параллельно, разделенные одинаковым интервалом, во вторую – погребения 127 и 128. В этом ряду все погребения крупных размеров. Среди них не только размерами (255 x 184 x 33 см), но и конструкцией сруба выделяется погребение 131. Его продольные стенки сооружены не из плах, как во всех других погребениях, а из целых бревен, торцевые стенки – из плах. В восточном углу сруба сохранился фрагмент доски, лежавшей на дне сруба поперек могильной ямы, а не вдоль, как в других погребениях. Найден обломок железного наконечника стрелы, единственный на могильнике (рис. 7, 3), а также железный нож (рис. 7, 1), мелкие обломки неопределимых железных предметов, два кусочка оплавленной бронзы, два обломка неопределимых бронзовых изделий (рис. 7, 3, 4) и фрагмент серебряной прямоугольной бляшки, украшенной по краю сканью (рис. 7, 5), рядом с ней – обломок серебряного зерненного шатона для вставки со следами воздействия огня, крупная, деформировавшаяся под воздействием огня эллипсоидная бусина с накладными нитями стекла, декор – многократный зигзаг – и три фрагмента лепной керамики.

Рядом с погребением лежали грушевидный бубенчик и бронзовое пластинчатое поясное кольцо, орнаментированное насечками (рис. 6, 17–19).

В погребении 130, как и в большинстве погребений, преобладают украшения, среди них – стеклянные бусы (33 экз.), многие из которых носят следы воздействия огня, оплавившись.

потеряли цвет и форму, некоторые представлены обломками. Определены синие и голубые зонные и кольцевидные (20 экз.), двоянные (8 экз.), фиолетовая бочонковидная, эллипсоидная деформированная (рис. 7, 15-18). Представлены бронзовые украшения: пуговица с округлым туловом (рис. 7, 9), грушевидный бубенчик (рис. 7, 12), конусовидная пронизка (рис. 7, 8), два фрагмента кольцевидной цепочки (рис. 7, 7), 11 фрагментов спиралевидных пронизок, деформировавшийся под воздействием огня обломок украшения, не поддающийся определению, каплевидное оплавленное изделие из цветного металла, а также обломок железного пластинчатого изделия и фрагменты лепного чашевидного неорнаментированного сосуда с уплощенным дном (рис. 7, 13, 14).

Рядом с погребением найдены фрагменты того же сосуда, что в погребении, и развал лепного чашевидного сосуда, торец и венчик которого орнаментированы отпечатками узкого («пунктирного») зубчатого штампа (рис. 7, 10),

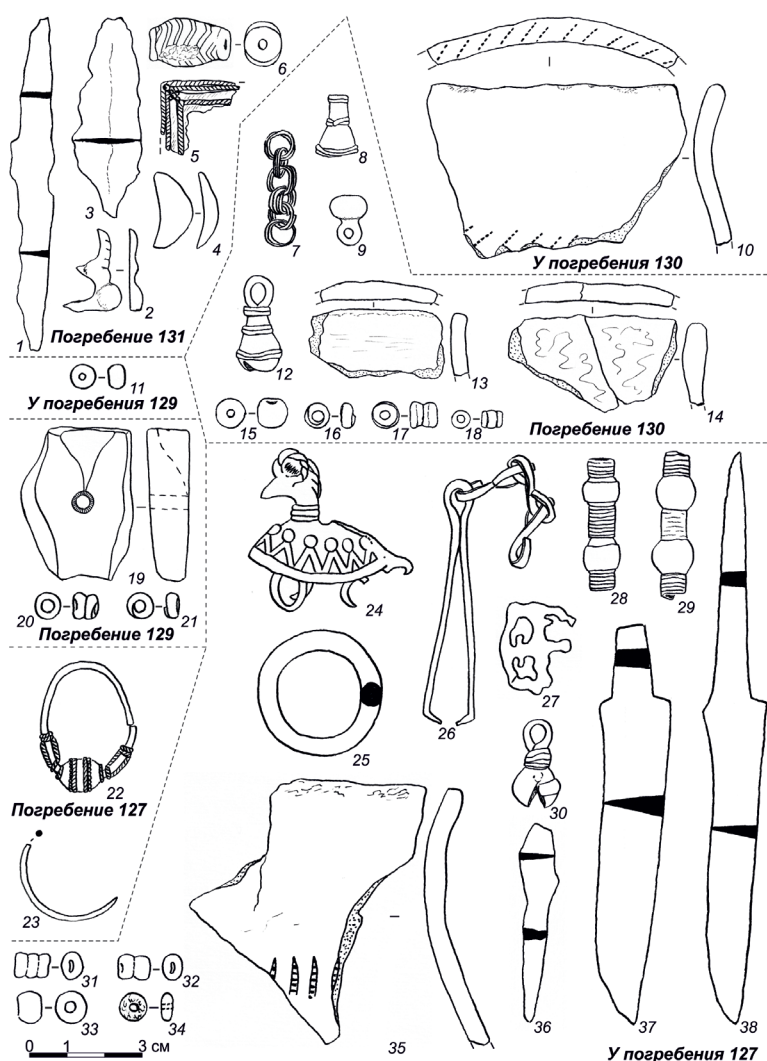

Рисунок 7. Предметы погребального инвентаря. 1-6 – погребение 131; 7-9, 12-14 – погребение 130; 19-21 – погребение 129; 11 – у погребения 129; 10 – у погребения 130; 22, 23 – погребение 127; 24-38 – у погребения 127.

Условные обозначения: 1, 3, 26, 36-38 – железо; 2, 4, 6, 7, 9, 12, 23-25, 27-30 – бронза; 5, 22 – серебро; 6, 15-18, 20, 21, 31-34 – стекло; 10, 13, 14, 35 – керамика.

Figure 7. Items of grave goods. 1-6 – burial 131; 7-9, 12-14 – burial 130; 19-21 – burial 129; 11 – near burial 129; 10 – near burial 130; 22, 23 – burial 127; 24-38 – near burial 127.

Keys: 1, 3, 26, 36-38 – iron; 2, 4, 6, 7, 9, 12, 23-25, 27-30 – bronze; 5, 22 – silver; 6, 15-18, 20, 21, 31-34 – glass; 10, 13, 14, 35 – ceramics.

а также синяя стеклянная зонная бусина, конусовидная пронизка, сильно обожженные три грушевидных бубенчика, один деформирован.

Погребение 129 отличается деталями погребальной конструкции. В верхнем слое засыпи оно перекрыто деревянной плахой длиной 140 см, шириной 25 см, лежавшей по центру могильной ямы, параллельно ее продольной стенке. Судя по сохранившимся уголькам по периметру ямы, не исключается предположение об обрамлявшей ее деревянной раме. Часть погребального инвентаря располагалась сразу под дерном (обломок неопределимого железного предмета, фрагменты керамики), в верхней части засыпи – голубая стеклянная кольцевидная бусина (рис. 7, 11). На дне в северо-восточном углу сруба лежала сланцевая литейная форма в виде неправильного прямоугольника со сквозным круглым отверстием в центре, слегка расширяющемся у рабочей поверхности с насечками по краю, от которого отходил литник (рис. 7, 19). В северо-западной части ямы на дне найдено шесть голубых стеклянных кольцевидных бусин, три из них сдвоенные (рис. 7, 20), две – под срубом в желтом смешанном песке. Среди фрагментов керамики выделяются обломок толстого уплощенного дна и фрагменты стенок неорнаментированного сосуда с примесью крупнотолченой дресвы в составе формовочной массы.

За пределами ямы обнаружены два фрагмента лепной неорнаментированной керамики, четыре стеклянные бусины – целая (рис. 7, 21) и обломок голубой кольцевидной, обожженная зонная неопределенного цвета и бесформенная оплавленная.

Следующую группу составляют погребения 127 и 128. Погребение 127, расположенное параллельно предыдущему, одно из самых крупных по размерам (255 x 125 x 57 см). В нем найдены обломки неопределимых железных предметов, фрагмент бронзового круглопроволочного височного кольца (рис. 7, 23), а также серебряное однобусинное височное кольцо с бочонковидной скано-зерновой бусиной, закрепленной на кольце перевитой проволокой (рис. 7, 22). За пределами погребения обнаружены обломок миниатюрного железного ножа, мелкие обломки железных изделий, две кальцинированные косточки.

Погребение 128 отличается исключительной бедностью инвентаря. В нем лежали только три обломка неопределимых железных изделий. Нет вещей и рядом с погребением. Обращает на себя внимание выразительная особенность в погребальном обряде. В заполнении сруба на дне выявлен очень плотный зольный слой коричневого цвета. Основная масса кальцинированных костей залегает в пределах сруба, особенно в центре и его юго-восточном конце. Над срубом сохранились головни от кострища. Не исключено предположение, что кремация проводилась непосредственно в срубе, а плотный коричневый слой на его дне представляет собой останки недогоревшего костяка. Рядом с погребением зафиксированы остатки кострища.

К юго-западу от погребения 127 на расстоянии 3 м от него выявлено пятно смешанного с угольками песка, в котором на площади около 4,6 кв. м обнаружено большое скопление вещей, а также кальцинированных костей. Найдены фрагменты разбитого лепного сосуда со слегка

отогнутым венчиком, высоким горлом, с уплощенным дном, торец орнаментирован наклонными рядами оттисков зубчатого штампа, по плечу горизонтальным рядом оттисков личинковидного зубчатого штампа (рис. 7, 25), два железных ножа (рис. 7, 37, 38), железный стерженек, возможно, шило, железный ювелирный пинцет (рис. 7, 26), бронзовое круглопроволочное поясное кольцо (рис. 7, 25), полая орнитоморфная подвеска (рис. 7, 24), три спиралевидные и две трубчатые с двумя утолщениями пронизки (рис. 7, 28, 29), один грушевидный (рис. 7, 30) и два шаровидных бубенчика, обломок оплавленной крестопрорезной подвески с припаявшейся к ней оплавленной стеклянной бусиной (рис. 7, 27), два оплавленных изделия из цветного металла, обломки железных предметов, 15 стеклянных бусин, 11 из них расплавленные и деформированные, три сохранили форму (две зонные, одна кольцевидная), но потеряли цвет, а также голубая бочонковидная (рис. 7, 31–34).

Таким образом, погребения отличаются между собой по размерам, конструкции могильной ямы и составу вещевого инвентаря. Для большинства погребений крупных размеров характерны богатый инвентарь, обилие бус и украшений из цветного металла. По вещевому инвентарю, содержащемуся как в погребениях, так и рядом в межмогильном пространстве, все погребения отнесены к женским. Наряду с бусами, другими украшениями, предметами быта в них найдены предметы, относящиеся к металлическому лому (обломки украшений, оплавленные и деформировавшиеся украшения, медные пластинки, слитки металла), что указывает на принадлежность этих погребений литейщицам. Расположенные рядом с ними остатки поминально-жертвенных тризн также содержат предметы, свидетельствующие о занятиях погребенных женщин литьем (пп. 129, 130, 133–137). По наблюдениям исследователей, особым богатством отличаются погребения старых женщин-литейщиц [4, с. 83]. Большой интерес представляют погребения малых размеров. Они не имеют на поверхности внешних признаков, овальной или близкой к овальной формы, без внутримогильных конструкций, содержат бедный инвентарь, примыкают к погребениям с богатым инвентарем. Судя по их размерам, они принадлежат девочкам-подросткам, предположительно, ученицам женщин-литейщиц. Впервые вопрос об ученичестве в эпоху распространения женского литейного дела был поставлен Л.А. Голубевой, которая выявила погребения девочек-подростков с орудиями литья в могильниках волжских финнов и высказала предположение, что литейному делу девочек учили с детства [5, с. 85; 6, с. 31–34].

Одной из особенностей погребений женщин-литейщиц Чжэтяньгского могильника является не только богатый инвентарь, представленный прежде всего украшениями костюма, но и значительное количество изделий, подвергнувшихся воздействию высоких температур, оплавленных, деформированных, как изделий из цветного металла, так и бус. Наиболее многочисленную категорию украшений составляют стеклянные бусы, представленные как в погребениях, так и в прилегающем межмогильном пространстве (табл. 2).

Таблица 2
Бусы в погребениях женщин-литейщиц

Beads in burials of founder women

№ погребения	Количество бус в погребении		За пределами погребения	
	Стеклянные	Бронзовые	Стеклянные	Бронзовые
127			15	
129	7		5	
130	33		2	
131	1			
132	1			
133	6	1	1	
138				
134	52	5	25	3
135	23	30	2	
136	30	11		
126	7			
137	26			
128	–	–	–	–
139	–	–	–	–
Итого	188	47	50	3

Всего обнаружено 238 стеклянных бус, в том числе 188 – в погребениях, 50 – в межмогильном пространстве, 50 – бронзовых, в том числе 47 – в погребениях и три – в межмогильном пространстве. Только в трех погребениях (пп. 128, 138, 139) бусы отсутствуют. Преобладают зонные и кольцевидные бусы, найдены также битрапецидные, бочонковидные, винтообразные, эллипсоидные. Единичными экземплярами представлены бусы с накладными нитями стекла.

Среди других категорий вещевого инвентаря наиболее многочисленны изделия из цветного металла. К предметам массового производства на памятниках вымской культуры относятся грушевидные бубенчики, спиралевидные, конусовидные и трубчатые пронизки [6, с. 85–94]. В рассматриваемых погребениях найдены спиралевидные пронизки и их обломки (32 экз.), грушевидные (17) и шаровидные бубенчики с линейной прорезью (13), конусовидные (12), трубчатые и Ф-овидные пронизки (7 экз.). Единичными экземплярами представлены бронзовые височные кольца, целые (2 экз.) и обломки (3 экз.), и одно серебряное, бронзовые пуговицы (4 экз.), одна с шаровидным туловом, три – грибовидные, поясные накладки (3 экз.) – крестовидные (2 экз.), умбовидная из трех умбонов (1 экз.), поясные кольца – бронзовые кольцевидные (2 экз.) и одно железное, подвеска конек-птица («барашек») (тип XIX зооморфных подвесок, по классификации Е.А. Рябинина), умбовидные шумящие подвески со спиральновитым узором и прикрепленными к ним колокольчиками (2 экз.), обломок горизонтального игольника с косорешетчатым арочным щитком (1 экз.), бронзовые флаконовидные бусы (3 экз.), две бочонковидные: одна с напаянными кружками, другая со стянутыми краями, декорированная по центру двумя рядами псевдоскани (у пог. 130), перстни (4 экз.) – рубчатые (2 экз.), спиральновитой (1 экз.), пластинчатый с припаянной круглой серебряной скано-зерненной бляшкой

(1 экз.). Кроме круглой серебряной бляшки, используемой в качестве щитка перстня, найдено еще три серебряных украшения, выполненные в технике скани и зерни: однобусинное височное кольцо, обломок прямоугольного украшения и шатон для вставки к нему. К единичным украшениям относится и обломок серебряного браслета, используемый в качестве сырья для изготовления украшений.

Характерной особенностью рассматриваемых погребений является многочисленная коллекция фрагментов сосудов, реже – развалы разбитых целых сосудов, залежавших и в погребениях, и в межмогильном пространстве. Всего найдено более 1 тыс. фрагментов керамики, по которым удалось выделить 52 сосуда. Они представлены в 12 из 14 погребений, в двух (пп. 127, 128) керамика отсутствует, но она залегает рядом в межмогильном пространстве. В большинстве случаев фрагменты одного сосуда находятся как в погребении, так и в прилегающем рядом межмогильном пространстве. Нередко в погребениях представлены фрагменты нескольких сосудов. В одном случае обломки одного сосуда обнаружены в двух погребениях, расположенных не рядом (пп. 132, 138, между которыми находится пог. 133), к северу и югу от погребения 138.

Сосуды чашевидной формы с уплощенным дном, в большинстве случаев с примесью в составе теста дресвы, дресвы и песка, шамота, в одном обнаружена органическая примесь. Из 52 выделенных сосудов только на фрагментах 10 выявлен орнамент, что составляет 19,2 % от числа сосудов. Таким образом, преобладание неорнаментированной керамики также относится к числу особенностей рассматриваемых погребений. Среди элементов орнамента преобладают оттиски зубчатого штампа – широкозубого, тонкозубого, личинкообразного, на одном сосуде представлены кружковые отпечатки, на другом – оттиски мелкого розеточного штампа. Узоры располагаются в верхней части сосудов горизонтальными поясами по торцу и плечикам. Оттиски зубчатого штампа образуют зигзаги, наклонные линии, направленные под углом друг к другу или в один ряд, комбинации из горизонтальных, наклонных, зигзагообразных линий. Особый интерес представляют фрагменты массивного лепного сосуда чашевидной формы с крупнотолченой дресвой в формовочной массе, со слегка отогнутым венчиком, уплощенным дном, найденные в погребении 137 и рядом с ним. На его поверхности прослеживается дугообразный ряд насечек, спускающийся от венчика ко дну, на плечике – две пересекающиеся линии, нанесенные зубчатым штампом (рис. 3, 1). Наиболее вероятно, что это знак, известный по коми этнографическим материалам как *пас*, или *родвужпас*, в переводе с коми 'родовой знак, знак родовой принадлежности'. Они имели прежде всего магическое назначение охраны рода (семьи) от злых духов, нечистой силы, одновременно фиксировали права членов рода, семьи на принадлежащую им собственность. В настоящее время древнейшие пасы у коми обнаружены на трех памятниках вычегодских пермян. На Ветьюском, II Веслянском и Вадьягском вымских могильниках, на серебряных изделиях выявлены диагонально-пересекающиеся линии, которые сопоставляются

с пасами [7, с. 53–55]. На Чезтыягском могильнике такой знак в виде перекрещивающихся лучей впервые обнаружен на глиняном сосуде.

Хронологические рамки погребений женщин-литейщиц на Чезтыягском могильнике по аналогиям могут быть датированы XIII в. Бронзовая умбовидная шумящая подвеска с привесками в виде колокольчиков находит аналогии на древнемарийских могильниках XII–XIII вв. [8, рис. 23, 25, 25, 12], шаровидные бубенчики с линейной прорезью, тремя рельефными линиями по тулову датируются последней четвертью XI–концом XIII в., гладкие шаровидные бубенчики с линейной прорезью бытовали с XI до XIV в., крестопрезные подвески – XII–XIII вв. [9, с. 42, 156]. Серебряные украшения со сканью и зернью на памятниках вымской культуры относятся к XII–XIII вв., бронзовые трубчатые, Ф-овидные пронизки – к XII–XIV вв. [6, рис. 37]. Бронзовая полая зооморфная подвеска («барашек»), по Е.А. Рябини-ну, датируется второй половиной XII–XIII вв. [10, рис. 3, IV].

Стеклянные бусы зонные, кольцевидные, бесцветные шаровидные, с накладными нитями также бытовали в XII–XIII вв. [11, рис. 237, 8], бронзовые бочонковидные бусы относятся к этому же хронологическому горизонту [12, рис. 15]. Бронзовый косорешетчатый игольник с арочным навершием датируется в Новгороде концом XII в. [9, с. 35]. Таким образом, нижняя дата погребений раскопа № 7 может быть определена не ранее конца XII в., верхняя – XIII в.

Погребения женщин-литейщиц, выявленные у финно-угров, объединяет ряд общих черт: предметы бронзолитейного производства, преобладание в погребальном инвентаре женских украшений, богатство погребений, насыщенные находками богатые остатки поминально-жертвенных тризн в межмогильном пространстве. Однако, как показали новейшие исследования, выделяются специфические особенности погребений пермских и волжских финнов. В погребениях волжских финнов не обнаружен классический инвентарь, необходимый для производства изделий или доработки после литья, производственный лом и, главное – исходный материал, обнаруженный в льячках, не совпадает с составом металла, из которого изготовлены украшения, и, следовательно, по мнению исследователей, погребенные в них женщины не были литейщицами, а занимались изготовлением проволоки/бисера для украшения одежды и являлись носителями этнической традиции [13, с. 336–344].

Чезтыягские женщины-литейщицы занимались литьем изделий из цветного металла, что подтверждается многочисленными находками в погребениях производственного лома, слитков металла, сходством сплавов в производственном ломе, слитках и украшениях, изготовленных из них, что установлено проведенными химическими анализами [3, с. 38–50]. В «отходах» металлургического производства преобладают (более 60 %) оловянистые бронзы (пп. 127, 130, 131, 133–136). Выявлена и металлургически чистая медь в отдельных пластинках, во фрагментах котлов (пп. 130, 134 и 136), оловянистые бронзы с обособлениями свинецсодержащего сплава (пог. 130), чистое олово (пог. 133), серебряно-медистый сплав (пог. 134). В погребениях 135, 136 обнаружены остатки плавильного производства,

предположительно, фрагменты льячек или тиглей. В целых изделиях установлены сплавы, как сходные по составу с пластинками и отходами, так и существенно отличающиеся. Так, в изготовлении котлов (пп. 134 и 136), шарика от бубенчика и крестовидной накладки (пог. 136) использовалась металлургически чистая медь, фрагмент якорьковой подвески (пог. 130) изготовлен из свинцовой бронзы, спиралевидная (пог. 127), колокольчиковидная (пог. 137) пронизки, височное кольцо (пог. 136) – из цинковой бронзы. Выявлены украшения, изготовленные из оловянистой бронзы с обособлениями свинецсодержащего сплава: круглопроволочное височное кольцо, грушевидные бубенчики-привески (пог. 137), обломок косорешетчатой подвески (пог. 139). Большинство исследованных изделий изготовлены из оловянистой бронзы – обломок височного кольца, трубчатые пронизки (пог. 127), спиралевидная пронизка, обломок спиралевидной пронизки (пог. 135), Ф-овидная пронизка (пог. 136), трубчатая пронизка-игольник, грушевидные бубенчики, кольцевидные бусы, височное кольцо (пог. 136), спиралевидная пронизка, шарик от бубенчика (пп. 130, 136). Изделия из свинцово-медистого сплава и цинковой бронзы, предположительно, являются привозными. К привозным также относится обломок браслета (пог. 134), изготовленный из серебряно-медистого сплава. Проведенные химические анализы найденных сплавов и изделий позволяют предполагать, что местные литейщицы работали преимущественно с оловянистыми бронзами, свинцом и медью. Ведущим технологическим приемом местных мастеров являлась переплавка привозных изделий.

Таким образом, впервые в финно-угорской археологии обнаружена изолированная группа погребений женщин-литейщиц, основным занятием которых являлось бронзолитейное производство. Богатый набор предметов погребального инвентаря как в погребениях, так и в межмогильном пространстве свидетельствует о высоком социальном статусе погребенных, обусловленном особым положением литейщиц в обществе, наделением их магическими ритуальными функциями, направленными на охрану рода (семьи) от воздействия враждебных сил. С другой стороны, наделение возможностью общения с духами вызывало страх. Во всех погребениях или за их пределами обнаружены обломки железных предметов, реже – целые ножи или их обломки, которые были направлены на «замыкание» могилы, препятствовавшие возвращению покойных в мир живых.

Используемые сокращения

САИ – Свод археологических источников.

КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция.

Abbreviations

SAI – Set of Archaeological Sources.

KAEE – Kama Archaeological and Ethnographic Expedition.

Литература

1. Истомина, Т.В. Комплекс погребения 37 Чезтыягского могильника / Т.В. Истомина // Проблемы финно-угор-

- ской археологии Урала и Поволжья: сб. научных трудов. – Сыктывкар, 1992. – С. 127–136.
2. Савельева, Э.А. Этнокультурные связи нижневычегодских пермян с населением Подвинья (по материалам погребального обряда Чезхтыягского могильника) / Э.А. Савельева // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – Сыктывкар, 2021. – № 4 (50). – С. 38–50.
 3. Астахова, И.С. Бронзолитейное производство вычегодских пермян (по материалам нижневычегодского Чезхтыягского могильника) / И.С. Астахова, Э.А. Савельева // Вестник геонаук. – 2022. – № 4 (328). – С. 38–50.
 4. Голубева, Л.А. Женщины-литейщицы (к истории женского ремесленного литья у финно-угров) / Л.А. Голубева // Советская археология. – 1984. – № 4. – С. 75–87.
 5. Голубева, Л.А. Девочки-литейщицы / Л.А. Голубева // Древности славян и Руси. – Москва: Наука, 1988. – С. 31–34.
 6. Савельева, Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. / Э.А. Савельева. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1987. – 200 с.
 7. Королев, К.С. Вначале были пасы / К.С. Королев, Э.А. Савельева // Памятники Отечества. № 36. Земля Коми (Альманах Всероссийского общества охраны памятников культуры). – 1996. – С. 53–55.
 8. Архипов, Г.А. Марийцы XII–XIII вв. (к этнокультурной истории Поветлужья) / Г.А. Архипов. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1981. – 153 с.
 9. Седова, М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. – Москва: Наука, 1981. – 195 с.
 10. Рябинин, Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / Е.А. Рябинин // Археология СССР. САИ; Вып. Е1–60. – 1981. – 124 с.
 11. Захаров, С.Д. Мининский археологический комплекс: хронология и динамика развития / С.Д. Захаров, Н.А. Макаров // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. (материальная культура и хронология). Т. 2. – Москва: Наука, 2008. – 365 с.
 12. Кочкуркина, С.И. Древняя корела / С.И. Кочкуркина. – Ленинград: Наука, 1981. – 215 с.
 13. Никитина, Т.Б. Женщины-литейщицы из марийских захоронений IX–XI вв. как носители этнических традиций / Т.Б. Никитина, Д.Ю. Ефремова // Труды КАЭЭ; Вып. 8. – Пермь, 2012. – С. 336–344.
 - the population of the Dvina region (based on the materials of the funeral rite of the Chezhtyyag burial ground)] / E.A. Savelyeva // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – Syktyvkar, 2021. – № 4 (50). – P. 38–50.
 3. Astakhova, I.S. Bronzolitajnoe proizvodstvo vyche-godskih permyan (po materialam nizhnevychegodskogo Chezhtyyagского могильника) [Bronze foundry production of the Vychegda Permians (based on the materials of the Low Vychegda Chezhtyyag burial ground)] / I.S. Astakhova, E.A. Savelyeva // Vestnik geonauk [Bulletin of Geosciences]. – 2022. – № 4 (328). – P. 38–50.
 4. Golubeva, L.A. Zhenshchiny-litejshchicy (k istorii zhen-skogo remeslennogo litya u finno-ugrov) [Founder women (on the history of women's craft casting among the Finno-Ugrians)] / L.A. Golubeva // Sovetskaya arkhologia [Soviet Archaeology]. – 1984. – № 4. – P. 75–87.
 5. Golubeva, L.A. Devochki-liteishchitsy [Founder girls] / L.A. Golubeva // Drevnosti slavyan i Rusi [Antiquities of the Slavs and Russia]. – Moscow: Nauka, 1988. – P. 31–34.
 6. Savelyeva, E.A. Vymskie mogilniki XI–XIV vv. [The Vym burial grounds of the XI–XIV centuries] / E.A. Savelyeva. – Leningrad: Leningrad University, 1987. – 200 p.
 7. Korolev, K.S. Vnachale byli pasy [Pases were first] / K.S. Korolev, E.A. Savelyeva // Monuments of the Fatherland. № 36. Komi Land (Almanac of the All-Russian Society for the Protection of Cultural Monuments). – 1996. – P. 53–55.
 8. Arkhipov, G.A. Marijcy XII–XIII vv. (k etnokulturnoj istorii Povetluzhya) [The Mari people of the XII–XIII centuries (on the ethnocultural history of the Vetluga River area)] / G.A. Arkhipov. – Yoshkar Ola: Mari Book Publ. House, 1981. – 153 p.
 9. Sedova, M.V. Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda [Jewelry of Ancient Novgorod] / M.V. Sedova. – Moscow: Nauka, 1981. – 195 p.
 10. Ryabinin, E.A. Zoomorfnye ukrasheniya Drevnej Rusi X–XIV vv. [Zoomorphic ornaments of Ancient Rus' of the X–XIV centuries] / E.A. Ryabinin // Arkheologia SSSR [Archaeology of the USSR]. SAИ; Issue E1–60. – 1981. – 124 p.
 11. Zakharov, S.D. Mininskij arheologicheskij kompleks: hronologiya i dinamika razvitiya [The Minino archaeological complex: chronology and development dynamics] / S.D. Zakharov, N.A. Makarov // Arheologiya severnoruss-koy derevni X–XIII vv. (materialnaya kultura i hronologiya) [Archeology of the northern Russian village of the X–XIII centuries (material culture and chronology)]. Vol. 2. – Moscow: Nauka, 2008. – 365 p.
 12. Kochkurkina, S.I. Drevnyaya Korela [Ancient Korela] / S.I. Kochkurkina. – Leningrad: Nauka, 1981. – 215 p.
 13. Nikitina, T.B. Zhenshchiny-litejshchicy iz marijskih za-horonenij IX–XI vv. kak nositeli etnicheskikh tradicij [Founder women from the Mari burials of the IX–XI centuries as bearers of ethnic traditions] / T.B. Nikitina, D.Yu. Efremova // Proceedings of the KAEЕ; Issue 8. – Perm, 2012. – P. 336–344.

References

1. Istomina, T.V. Kompleks pogrebeniya 37 Chezhtyyag-sko-gog mogilnika [Burial complex 37 of the Chezhtyyag burial ground] / T.V. Istomina // Problemy finno-ugorskoj arheologii Urala i Povolzhya [Problems of the Finno-Ugric Archeology of the Ural and Volga Regions]: Collection of scientific papers. – Syktyvkar, 1992. – P. 127–136.
2. Savelyeva, E.A. Etnokulturnye svyazi nizhnevychegodskih permyan s naseleniem Podvinya [po materialam pogrebalnogo obryada Chezhtyyagского могильника] [Ethnocultural relations of the Low Vychegda Permians with

Благодарность (госзадание)

Выражаю искреннюю благодарность Т.В. Истоминой за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы.

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Информация об авторе:

Савельева Элеонора Анатольевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; 167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: eleonorasav@yandex.ru).

Author:

Eleonora A. Savelyeva – Doctor of Sciences (History), Senior Researcher at the Department of Archeology of the Institute of Language, Literature and History FRC Komi SC UB RAS (Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russia, 167982; e-mail: eleonorasav@yandex.ru).

Для цитирования:

Савельева, Э.А. Особенности погребений женщин-литейщиц на нижневычегодском Чежтыягском могильнике / Э.А. Савельева // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 7-18.

For citation:

Savelyeva, E.A. Osobennosti pogrebenij zhenshchin-litejshchic na nizhnevychegodskom Chezhtyyagskom mogilnike [Specificities of burials of founder women in the Low-Vychegda Chezhtyyag burial ground] / E.A. Savelyeva // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 7-18.

Дата поступления рукописи: 19.12.2022

Прошла рецензирование: 29.12.2022

Принято решение о публикации: 16.01.2023

Received: 19.12.2022

Reviewed: 29.12.2022

Accepted: 16.01.2023

Зерно-филигранные крестовидные подвески Пермского Предуралья

Ю.А. Подосенова

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
г. Пермь
podosenka@yandex.ru

Аннотация

Среди ювелирного наследия родановской археологической культуры особо выделяются крестовидные подвески с зерно-филигранным декором. В статье представлены результаты исследования этих ювелирных украшений. На основе сбора, визуального анализа источников и их изучения с помощью разных методов дается подробное представление о конструкции изделий, особенностях их изготовления и приемах декорирования, а также происхождении и периоде их распространения. Изделия были изготовлены из серебра и их декорирование производилось с помощью разных ювелирных техник: зернью и филигранью, вставками из поделочных камней и стекла, тисненными элементами в виде полусфер, позолотой. Выделенные стилистические и технологические особенности изготовления изделий свидетельствуют об их местном производстве. Практически все подвески довольно стандартны, их немного, и время их изготовления, скорее всего, было ограничено концом XI-XII вв.

Ключевые слова:

средневековые, Пермское Предуралье, родановская культура, крестовидные подвески, зернь, филигрань, инкрустация, золочение

Одной из интересных категорий находок, происходящих из материалов средневековых памятников Пермского Предуралья (родановская археологическая культура), являются подвески крестовидной формы, декорированные зерно-филигранным орнаментом, позолотой и тисненными полусферами или вставками из поделочных камней и стекла. Несмотря на то, что первые публикации данных изделий и их фрагментов появляются более века назад [1, табл. II-6, XL-7, XXXI-6], детальное изучение этой категории материала не проводилось и в археологической литературе такие находки получили слабое освещение. В настоящий момент времени новые материалы, анализ техники изготовления изделий позволяют обратиться к отдельным моментам появления, распространения и функционирования этой категории изделий.

В опубликованных материалах и археологических коллекциях памятников Пермского Предуралья удалось выявить 11 крестовидных подвесок (восемь изделий сохранилось в целом виде, а три – в фрагментарном состоянии) (рис. 1). В целом рассматриваемые изделия представляют

Grain-filigree cross-shaped pendants of the Permian Pre-Urals region

Yu.A. Podosenova

Perm Federal Research Centre of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Perm
podosenka@yandex.ru

Abstract

The jewelry heritage of the Rodanovo culture, the Western Urals, includes cross-shaped pendants with a silver plate as a base with a grain-filigree decoration. The article highlights the study results of these jewels. Collection, visual analysis, and study of sources with different methods allow for a detailed view about the design of items, their production specificity and decoration techniques, as well as about their origin and distribution period. The jewels were made of silver and decorated in various jewelry techniques as granulation and filigree, with inserts of ornamental stones and glass, embossed elements in form of semi-spheres, gilding. The identified stylistic and technological characteristics of the artefacts indicate that the jewelry pieces were made by local craftsmen. Almost all pendants are rather standard, few in number, produced not later than in the end XI-XII centuries.

Keywords:

Middle Ages, Permian Pre-Urals, Rodanovo culture, cross-shaped pendants, granulation, filigree, inlay, gilding

собой серебряную пластину крестовидной формы с округлыми окончаниями-лопастями, декорированную разными способами и элементами. Основная масса изделий изготовлена в одном стиле. В центре подвески – средокрестии – каст квадратной формы, декорированный по углам шариками крупной зерни на филигранных подложках или без них и оконтуренный со всех сторон рядами мелкой зерни или выложенными из нее пирамидками (рис. 1, 1-6,9). Лопастни подвески имеют форму медальонов, выделенных в изделии с помощью филигранных рядов. Каждый медальон с внешней стороны оконтурен двумя рядами филигранной проволоки. Ряды расположены плотно друг к другу и так, что направление витков по отношению друг к другу направлено в противоположные стороны, создавая эффект «косички». С небольшим отступом от них, по средней части окружности медальона, выложен еще один ряд из филигранной проволоки (в единичном случае ряд был выложен из зерни мелкого размера, рис. 1, 10). Между двойным и одинарным филигранными рядами проложена тонкая позолоченная полоска металла. Центральная часть

Рисунок 1. Зерно-филигранные крестовидные подвески. Фото: К.А. Руденко, из архива Ю.А. Подосеновой. Прорисовки: Р.Д. Голдина, Т.К. Ютина, М.В. Талицкий. Родановская культура. 1–3, 12 – Вильгортский клад (Чердынский краеведческий музей им. А.С. Пушкина); 4 – музей археологии Европейского Северо-Востока Коми НЦ УрО РАН; 5 – дер. Данилова (коллекция Теплоуховых, Пермский краевой музей); 6, 9, 10 – Пермский край, сборы; 7 – Верхне-Березовский починок, коллекция Теплоуховых (Пермский краевой музей); 8 – дер. Елева (коллекция Теплоуховых, Пермский краевой музей); 11 – Агафоновский II могильник.

Figure 1. Grain-filigree cross-shaped pendants. Photos: K.A. Rudenko, from the archives of Yu.A. Podosenova. Trace drawings: R.D. Goldina, T.K. Yutina, M.V. Talitsky. The Rodanovo archeological culture. 1–3, 12 – the Vilgort treasure (the Cherdyn Museum of Local Lore named after A.S. Pushkin); 4 – the Museum of Archaeology of the European North-East of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 5 – the Danilova village (the Teploukhovs collection, the Perm Regional Museum); 6, 9, 10 – the Perm region, collections; 7 – the Verkhne-Berezovsky settlement, the Teploukhovs collection (the Perm Regional Museum); 8 – the Eleva village (the Teploukhovs collection, the Perm Regional Museum); 11 – the Agafonovo II Burial Ground.

медальонов декорирована по-разному: полусферическими элементами с выложенными треугольниками зерни и/или крупным шариком зерни на филигранной подложке в наверху (рис. 1, 2, 4–6, 11); кастами круглой формы, окаймленными в основании рядом мелкой зерни (рис. 1, 3); разного рода орнаментом из мелкой зерни и/или крупной зерни на подложках из гладкой или филигранной проволоки (рис. 1, 1, 8–10). Фон центральной части медальонов покрыт позолотой.

Изнаночная сторона изделий не декорирована. Но часто на ней фиксируются небольшие округлые и квадратные углубления, на месте расположения медальонов и кастов в средокрестии. Редко на изнаночной стороне сохраняются крепления, но имеются следы припоя от утерянных (рис. 1, 1–3). Крепление представляет петлю прямоугольной формы, вырезанную из медной пластины, загнутой в верхней

части и припаянной вертикально – от верхней лопасти к нижней (рис. 1, 12).

Судя по внешнему виду – все изделия выполнены из серебра. Исследование химического состава металла изделий из Вильгортского клада показало, что в изготовлении основ украшений и отдельных конструктивных элементов использовался сплав с повышенным содержанием серебра (Ag-Cu, где Ag>95 %, исследование проводилось с помощью рентгенофлуоресцентного анализа).

Достаточно интересна техника изготовления изделий, которую удалось изучить, исследуя предметы Вильгортского клада. Основа изделий вырезалась из тонкого листа металла. Перед декорирующими операциями на основах с помощью выколотки выполнялись углубления с изнаночной стороны, необходимые мастеру для последующего удобства сборки (рис. 1, 1–3). На будущую лицевую часть подвесок – в средокрестии – первоначально припаивался каст, сложенный из вырезанной прямоугольной пластины, концы которой спаивались на одной из сторон внахлест. Касты для вставок, декорирующие лопасти изделий, выполнялись аналогичным образом и перед укладкой зерно-филигранных элементов (рис. 2, 1 в, г, е). Декорирование лопастей полусферическими элементами, выполненными с помощью тиснения из тонкого листа металла, также производилось на начальных этапах перед укладкой зерно-филигранного декора. Затем на лицевую часть изделий припаивался зерновой и филигранный декор. Четкую последовательность операций, производимых далее, как и сам процесс операции пайки, восстановить трудно. Филигранные проволоки в исследованных изделиях выполнялись с помощью свивания в одну нить двух основ (скань). Однако, как показывает практика исследования прикамских средневековых ювелирных изделий, в одинаковых по форме и оформлению украшениях вместо скани могли использоваться и филигранные проволоки, выполненные с помощью приема торсирования (кручения проволоки прямоугольного или квадратного сечения вокруг своей оси), который имитировал витье [например, 2, с. 86–93]. Между филигранными рядами прокладывались тонкие пластинки, вырезанные из тонкого листа металла или выполненные из расплюснутых филигранных проволочек¹ (рис. 2, 1 а, б, в, г).

По всей видимости, первоначально был выложен филигранный декор, затем – зерновой (так как зерно подчинена филигранным элементам, а отдельные гранулы заходят на филигранные проволоки или располагаются на их поверхности). На последних этапах изготовления проводились операция нанесения позолоты на фон изделия и закрепление вставок в каст. Позолота была нанесена способом амальгамирования (рис. 2, 1), а закрепление вставок в касты производилось с помощью сжатия его углов и неглубокого заваливания его краев (рис. 2, 1 в, г, е). Вставки

¹ Изготовление тонких полосок металла из расплюснутых витой проволоки пока зафиксировано только в изделиях Вильгортского клада.

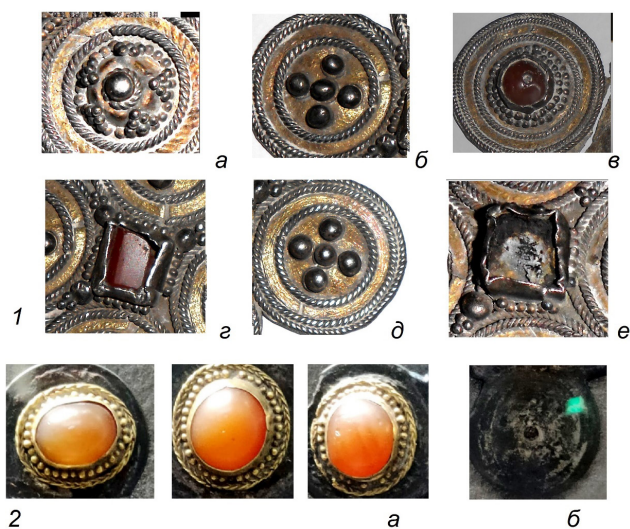

Рисунок 2. Отдельные особенности декора зерно-филигранных крестовидных подвесок. Без масштаба. 1а-в – особенности декорирования лопастей местных изделий: в виде полусферы, зерно-филигранного орнамента, в виде каста со вставкой; 1г, е – касты в средокрестии; 1б, д – крупная зернь на подложках из гладкой проволоочки; 1а – крупная зернь на подложке из филигранны; прокладка между филигранными изделиями выполнена из расплюсченной филигранной проволоочки; 1д – прокладка вырезанной тонкой пластины между филигранными элементами; 1в, г – примеры вставок в касты в виде расколотых и целых бусин; 1а-е – глубокая позолота; 2 – особенности украшения из Верхне-Березовского починка: а – золотые медальоны с подолочным камнем на украшении, декорированные зернью и филигранью и выполненные отдельно от основы; б – отверстие на лопасти изделия для крепления медальона – с помощью шпенька.

Figure 2. Particular decoration features of grain-filigree cross-shaped pendants. Not to scale. 1а-в – particular decoration features of the blades of local jewels: in form of a semi-sphere, as a grain-filigree ornament, as a holder with an insert; 1г, е – holders in the middle cross; 1б, д – large grains on supports of a smooth wire; 1а – large grains on a support of filigree; the interlayer between filigree items is made of a flattened filigree wire; 1д – the interlayer of a cut thin plate between filigree elements; 1в, г – examples of inserts into holders in form of split and whole beads; 1а-е – deep gilding; 2 – jewelry from the Verkhne-Berezhovskiy settlement: а – gold medallions with an ornamental stone decorated with granulation and filigree and made separately from the base; б – a hole on the blade of the product for fixing the medallion with a peg.

в изделия выполнялись из стеклянных фрагментов или целых и расколотых бус из сердолика (рис. 2, 1в, г).

Среди изделий по форме основы, оформлению и технике изготовления выделяется одно украшение (см. рис. 1, 7). Изделие также имеет серебряную основу крестовидной формы с округлыми окончаниями, но в отличие от формы основ изделий, рассмотренных выше, между его округлыми лопастями имеются небольшие выступы. В средокрестии и на лопастях основы золотые медальоны овальной формы с инкрустацией² (рис. 1, 7; 2, 2а). В их центре – каст со вставкой в виде кабошона из подолочного камня (янтаря или сердолика). В основании он окаймлен рядом мелкой зерни, а затем – по внешнему краю – двумя рядами тонкой сканой проволоочки с разнонаправленными витками, создающими эффект «косички». Медальоны на пластине окаймлял ряд

² В настоящий момент времени изделие находится в основной экспозиции Пермского краеведческого музея. На предмете присутствует всего три медальона, тогда как на прорисовке данного изделия в альбоме А.А. Спицына, изданного еще в 1902 г., их четыре – на каждой лопасти изделия, а также находится и ободок, окаймляющий его и выполненный из штампованной проволоочки (см. рис. 1, 7). Вероятнее всего, эти элементы были утрачены уже в период музейного хранения. Также обращает на себя внимание и то, что медальоны были прикреплены иначе, чем в настоящее время.

серебряной штампованной проволоочки. Варьирование материалов – серебро-золото-подолочный камень – придавало изделию еще больший эстетический эффект.

Удалось проследить технику изготовления этого изделия. Основа вырезалась по форме из серебряной пластины. В центре лопастей и средокрестии проделывали сквозные отверстия, через которые с помощью шпеньков крепили отдельно изготовленные золотые медальоны со вставками (рис. 2, 2б). Вокруг закрепленных медальонов укладывали и припаивали штампованную проволочку.

Медальоны имеют сложную конструкцию. На пластину овальной формы с небольшим припуском припаян каст из тонкой золотой металлической полоски, поставленной на ребро под прямым углом. Затем на припуск в основании каста припаяна зернь и затем два ряда сканых проволочек. В пластине по центру каста – сквозное отверстие, в которое вставлен металлический шпенок с раскованной головкой. Кабошон вставлен в каст поверх головки шпенька и аккуратно прижат кромкой каста.

Большинство изделий, обнаруженных на территории родановской археологической культуры, не имеют точного места нахождения и происходят либо из дореволюционных сборов с территории Пермской губернии (3 экз.) или частных современных коллекций (3 экз.). Это фрагменты находок близ деревень Елева и Данилова Пермской губернии (рис. 1, 5, 8; 2 экз.), находка с территории Верхне-Березовского починка (рис. 1, 7; 1 экз.) и севера Пермского края (рис. 1, 6, 9, 10; 3 экз.) [3, с. 87, рис. 33, 1-3, рис. 39, 1, 6; 1, табл. II-6, XL-7, XXXI-6]. Также известно об одной находке, происходящей с территории Верхнего Прикамья и хранящейся в собрании Музея археологии Европейского Северо-Востока Коми НЦ УрО РАН (рис. 1, 4) [4, с. 191]. Четыре изделия имеют точное место обнаружения и происходят из Вильгортского клада (см. рис. 1, 1-3), датированного XII в. [5, с. 58; 3, с. 87, рис. 33, 19-25; 6, рис. 7; 7, с. 163], и материалов Агафоновского II могильника, датированных XI в. (погр. 310) (рис. 1, 11) [8, р. 6, 86].

За пределами территории родановской археологической культуры похожих изделий обнаружено немного (5 экз.). Изделия происходят из материалов предчеляшского Кишертского могильника, датированного рубежом XI-XII – первой третьи XIII вв. (погр. 21; рис. 3, 1) [9, с. 181, рис. 8, 13; 4, с. 191], Печешурского могильника «Бигершай» чепецкой археологической культуры, датированного IX-XII вв. (рис. 3, 5) [10, с. 180, рис. 63, 11], Починковского могильника культуры средневековых марийцев, датированного XII-XIII вв. (погр. 7; рис. 3, 3) [11, рис. 24, 13], Кокпомьягского могильника вымской археологической культуры, датированного XII-XIII вв. (погр. 85; рис. 3, 2) [12, рис. 31, 27], и из материалов Новгорода, датированных XII-XIII вв. (рис. 3, 4) [13, с. 45].

По приведенным аналогиям можно указать достаточно широкий период распространения изделий – XI-начало XIII вв. Но их ограниченное количество предполагает более узкий хронологический период их распространения. К.А. Руденко определил период изготовления изделий из Вильгортского клада концом XII-началом XIII вв. на основании стилистического и технического сходства изделий с круглоконечными браслетами [4, с. 191]. Однако на настоящий момент времени результаты исследований ювелирных

Рисунок 3. Зерно-филигранные крестовидные подвески. Аналогии. Фото: И.Ю. Пастушенко. Прорисовки: И.Ю. Пастушенко, Э.А. Савельева, Г.А. Архипов, Ю.А. Подосенова, А.Г. Иванов. 1 – Кишертский могильник; 2 – Кокпомьягский могильник; 3 – Починковский могильник; 4 – Новгород; 5 – Печешурский могильник.

Figure 3. Grain-filigree cross-shaped pendants. Analogies. Photos: I.Yu. Pastushenko. Trace drawings: I.Yu. Pastushenko, E.A. Savelyeva, G.A. Arkhipov, Yu.A. Podosenova, A.G. Ivanov. 1 – the Kishert burial ground, 2 – the Kokpomiyag burial ground; 3 – the Pochinkovo burial ground; 4 – Novgorod, 5 – the Pecheshur burial ground.

изделий из материалов памятников Пермского Предуралья показывают, что стиль и приемы декорирования, а также технические приемы изготовления, аналогичные тем, что наблюдаются в рассматриваемых предметах, были характерны для ювелирной продукции прикамских мастерских с конца XI в. и существовали до XIII в. [14, с. 89–90]. В данном случае интересна находка незавершенной круглой зерно-филигранной подвески со вставкой, обнаруженной в литейной и ювелирной мастерской на территории Роданова городища и датированной концом XI в. Ее стилистические и химико-технологические особенности аналогичны оформлению лопастей крестообразных подвесок [15, с. 119–125]. Также материалы раскопок Агафоновского могильника показывают, что изделия в данном стиле появляются еще в XI в. [8, рис. 6, 105]. Погребение 21 Кишертского могильника, где было обнаружено одно из изделий, по сопровождающему инвентарю датируется XII–началом XIII вв., но изделие имеет следы ремонта³ [9, с. 170], который может свидетельствовать о длительном использовании украшения.

Ранее рассматриваемые украшения датировали в основном полагаясь на дату Вильгортского клада, предложенную еще в первой половине XX в. Но стоит отметить, что целенаправленного исследования и изучения вещей из

³ Произведена замена петли для подвешивания украшения. На изнаночной стороне вертикально основе изделия – от верхней лопасти к нижней – с помощью шпенок и сквозных отверстий прикреплена бронзовая пластина (вероятнее всего, она должна была скреплять конструкцию сломанного изделия). Также с помощью шпенок к верхней части украшения крепилась отдельно петля. Сквозные отверстия для шпенок нарушили филигранный декор изделия и его эстетику.

Вильгортского клада до настоящего времени не проводилось и вопрос о происхождении клада, датировки изделий и времени его сокрытия, а также о его наполнении должен быть поднят снова⁴.

По имеющимся описаниям, изделия из Починковского, Кишертского и Кокпомьягского могильников являются наиболее близкими по материалу, оформлению и технике изготовления родановским изделиям и отличаются от них незначительно (например, количеством крупной зерни, формой кастов и вставок). Вполне возможно, что эти изделия могут являться изделиями, изготовленными одним мастером или мастерами одной ювелирной школы.

Важно обратить внимание и на изделие, происходящее из Новгорода. Как отмечают исследователи, оно выполнено способом литья из оловянной бронзы [13, с. 45]. Декор изделия в виде псевдофилигранных рядов на медальонах, крестообразно расположенный орнамент из имитации зерни крупного размера на псевдофилигранных подложках в центре медальонов, каст квадратной формы в средокрестии подвески, декорированный по углам крупной псевдозернью, повторяет декор ювелирных зерно-филигранных крестовидных подвесок. Все это свидетельствует о том, что изделие было выполнено способом литья в форму, изготовленную по оттиску оригинального украшения, и является копией.

Возможно, и аналогичной копией является и украшение из Печешурского могильника. На представленной единственной в научной литературе прорисовке на изделии только обозначены ободки и крупные шарики, расположенные крестообразно на лопастях, а также вставка квадратной формы в средокрестии изделия (рис. 3, 5).

Таким образом, большая часть изделий происходит с территории родановской археологической культуры, в меньшем количестве они встречаются в материалах археологических памятников других территорий. В настоящий момент времени датировать их возможно концом XI–XII вв.

Долгое время серебряные зерно-филигранные изделия со вставками и без них, датируемые X–XIII вв. и обнаруженные в материалах средневековых памятников Пермского Предуралья, относились исследователями к изделиям булгарских ювелирных центров. Из Волжской Булгарии, через территорию Пермского Предуралья, они попадали и на другие территории – в основном Северное Предуралье, Зауралье и Западную Сибирь (например, ранние работы А.М. Белафина, ранние работы Н.В. Федоровой, Э.А. Савельевой) [3, с. 91; 16, с. 131–141; 17, с. 89–97]. На современном этапе на основе изучения новых источников из материалов полевых археологических изысканий последних лет и

⁴ Вильгортский клад находится в фондах Чердынского краеведческого музея им. А.С. Пушкина. Также в фотоархиве Пермского краеведческого музея хранятся фотографии изделий из Вильгортского клада, снятые в 60–80-ые гг. XX столетия (фонды ПКМ, инв.н. А/АА-6630, А/АА-6631, № по Госкаталогу музеев РФ 37203008, 37203009). При сравнении информации, опубликованной в научной литературе, и из архивных материалов выявлены противоречия как в описании обстоятельств и времени нахождения самого клада, так и его наполнении. Например, в научный оборот введено только 11 [6, рис. 7] из 26 серебряных предметов [5, с. 58]. Категории серебряных изделий клада разнообразны: бусы, ромбические и крестовидные подвески, подвески-лунницы, щитовосрединный перстень и т.д. По архивным материалам вещи обнаружены в 1927 и 1930 гг., тогда как в научной литературе указан 1933 год. Первоначально вещи были приняты в музей и атрибутированы как изделия из разрушенного женского погребения. В настоящий момент времени проводятся изучение и исследование изделий клада с применением разных естественно-научных методов.

исследований на новом уровне прежних материалов определено, что изготовление большинства «булгарских» изделий происходило на территории Пермского Предуралья местными мастерами-ювелирами. Также выделены основные отличительные особенности изделий, изготовленных в местных ювелирных центрах. Для периода конца XI–XIII вв. – это золочение фона изделий; применение в декорировании фоновой зерни и филигрании; использование филигрании в виде торсированной проволоочки или скани, уложенными «косичкой» и отдельными рядами; расположение крупной зерни на филигранных «подложках»; прокладывание между филигранными рядами тонкой полоски металла; изготовление изделий из высокопробного серебра и т.д. Такие особенности целиком фиксируются и в зерно-филигранных крестовидных подвесках родановской археологической культуры, что дает основание считать их изделиями местных ювелиров. Дополнительным обоснованием их местного происхождения может являться и их концентрация внутри региона и немного ранее время появления здесь.

Однако не совсем понятны истоки самой формы изделий. К.А. Руденко предположил, что изделия могут являться подражанием христианским крестам-тельникам или энколпионам и эмалевым украшениям в форме квадрифолия [4, с. 191]. В этом ракурсе интересна находка из Верхне-Березовского починка, которая, как уже было отмечено ранее, имеет отличительные особенности как по технике изготовления, материалам, так и в самой форме – между округлыми лопастями имеются выступы, и данное изделие действительно напоминает по форме древнерусские квадрифолии (см. рис. 1, 7). Само изделие происходит из дореволюционных сборов и точную датировку его предложить невозможно. Может быть, это привозное изделие и родановские крестовидные подвески являлись своего рода подражаниями аналогичных изделий. Возможно и другое – данное изделие было изготовлено местным ювелиром с использованием элементов, изъятых из ювелирных изделий неместного происхождения более раннего времени. Такая своеобразная смекалка прикамских мастеров встречается в ювелирных изделиях, происходящих из памятников Пермского Предуралья IX–X вв. [18, с. 83–90].

Погребения, при разборе которых были обнаружены изделия, в основном принадлежали женщинам (погр. 7 Починковского, погр. 310 Агафоновского II, погр. 21 Кишертского могильников). Судя по конструкции петли на изнаночной стороне и остаткам кожного ремешка в петле, украшения из Починковского могильника [11, с. 39], а также судя по залеганию их в районе груди (например, изделия из Починковского, Агафоновского II могильников), изделия возможно отнести к категории женских шейно-нагрудных украшений. Возможно, изделия являлись частью целых ожерелий, составленных по определенному образцу: на тоненький шнурок, проходящий через спиральновитую пронизку, подвешивали основное украшение (в данном случае зерно-филигранную крестовидную подвеску), а по бокам на одинаковом расстоянии друг от друга – дополнительные металлические украшения, выполненные в аналогичном стиле. Собранное по такому образцу ожерелье происходит из частных коллекций с территории Пермского края, где от зерно-филигранной крестовидной подвески сохранилась

Рисунок 4. Вильгортский клад и женские наборные украшения с зерно-филигранными изделиями. 1 – Вильгортский клад (фото из архива Пермского краевого музея, номер по Госкаталогу 37203009, инв.номер А/АА-6631); 2 – Ыджыдьельский могильник, очелье (по Э.А. Савельевой); 3 – Пермский край, шейно-нагрудное украшение (фото из архива Ю.А. Подосеновой).

Figure 4. The Vilgort treasure and women's jewelry sets with grain-filigree elements. 1 – the Vilgort treasure (photos from the archives of the Perm Regional Museum, State Catalog number 37203009, Inventory number A/AA-6631); 2 – the Ydzhdyel burial ground, a frontlet (according to E.A. Savelyeva); 3 – the Perm region, a neck-to-breast decoration (photos from the archives of Yu.A. Podosenova).

только верхняя лопасть (рис. 1, 10; 4, 3). Важно отметить, что в составе неопубликованной части Вильгортского клада также имеются аналогичные зерно-филигранные подвески круглой и квадратной форм (рис. 4, 1), а традиция составления таких украшений по определенному образцу прослеживается по изделию, интерпретированному как очелье и происходящему из материалов Ыджыдьельского могильника (погр. 74) [12, рис. 33–31].

Погребения, где были обнаружены рассматриваемые украшения, зачастую являлись погребениями с достаточно богатым наполнением (например, в пог. 21 Кишертского могильника был обнаружен практически полный зерно-филигранный прикамский ювелирный убор, состоящий из браслета, височного украшения, дополнительного зерно-филигранного медальона круглой формы и массы бус из подделочных камней и стекла [9, рис. 6, 8]. Сами изделия являются не массовыми, каждое имеет свои индивидуальные особенности. Скорее всего, позволить себе могли такие украшения только люди с высоким социальным положением.

Таким образом, время появления зерно-филигранных крестовидных подвесок можно отнести к концу XI–XII вв. Судя по стилистическим и технологическим особенностям, это были изделия, изготовленные на территории Пермско-

го Предуралья местными ювелирами. Каков был источник вдохновения для изготовления данных изделий у мастеров, остается загадкой, но, наверняка, они весьма эффектно смотрелись в составе женских шейно-нагрудных украшений.

Источники и литература

1. Спицын, А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // А.А. Спицын. – Санкт-Петербург: Тип. Безобразова и К^о, 1902. – 112 с.
2. Крыласова, Н.Б. Ромбическая ювелирная подвеска из Рождественского городища / Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2019. – № 9. – С. 86–93.
3. Белавин, А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях / А.М. Белавин. – Пермь: Издательство ПГПУ, 2000. – 200 с.
4. Руденко, К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра / К.А. Руденко. – Казань: Издательство «Заман», 2015. – 528 с.
5. Чагин, Г.Н. Чердынские клады. Сокровища археологических коллекций // Г.Н. Чагин. – Пермь: «Литер-А», 2013. – 144 с.
6. Талицкий, М.В. К этногенезу коми-пермяков / М.В. Талицкий // КСИИМК. – 1941. – Вып. 9. – С. 47–54.
7. Талицкая, И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы / И.А. Талицкая // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1952. – Т. 27. – 236 с.
8. Голдина, Р.Д. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) / Р.Д. Голдина, Т.К. Ютина // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э.–XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. – Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2012. – С. 447–472.
9. Пастушенко, И.Ю. Кишертский могильник в бассейне р. Сылвы / И.Ю. Пастушенко // Уфимский археологический вестник. – 2007. – Вып. 6–7. – С. 162–184.
10. Иванов, А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII вв. / А.Г. Иванов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. – 309 с.
11. Архипов, Г.А. Марийцы XII–XIII вв. (к этнокультурной истории Поветлужья) / Г.А. Архипов. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1986. – 114 с.
12. Савельева, Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. / Э.А. Савельева. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1987. – 200 с.
13. Кутасов, С.Н. Нателные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески / С.Н. Кутасов, А.Б. Селезнев. – Москва: Группа «Издатели», 2010. – 320 с.
14. Подосенова, Ю.А. Основные особенности средневековых ювелирных изделий из Пермского Предуралья / Ю.А. Подосенова // Вестник ПФИЦ УрО РАН. – 2021. – № 2. – С. 84–93.
15. Подосенова, Ю.А. Ювелирная подвеска с зерно-филигранным декором из ювелирной мастерской Роданова городища / Ю.А. Подосенова, А.Н. Сарапулов // Труды КАЭЭ. – 2021. – Вып. XIX. – С. 119–126.

16. Федорова, Н.В. Булгарские сканные украшения Зауралья / Н.В. Федорова // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе: сборник статей. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Казанского НЦ АН СССР, 1990. – С. 131–142.
17. Савельева, Э.А. Торгово-экономические связи Перми Вычегодской с Волжской Булгарией / Э.А. Савельева, К.С. Королев // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2011. – № 3 (7). – С. 89–97.
18. Крыласова, Н.Б. Звездчатые подвески Пермского Предуралья (или вторая жизнь изделий в гунском полихромном стиле) / Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2022. – Т. 50. – № 4. – С. 83–90.

References

1. Spitsyn, A.A. Drevnosti Kamskoj chudi po kollekcii Teploukhovyh [Antiquities of the Kama Chud from the Teploukhovs collection] / A.A. Spitsyn. – Sankt-Petersburg: Tipografia Bezobrazov and K^o Printing House, 1902. – 112 p.
2. Krylasova, N.B. Rombicheskaya yuvelirnaya podveska iz Rozhdestvenskogo gorodishcha [The rhomboid jewelry pendant from the Rozhdestvensk ancient settlement] / N.B. Krylasova, Yu.A. Podosenova // Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Perm Pre-Ural region. – 2019. – № 9. – P. 86–93.
3. Belavin, A.M. Kamskii torgovyi put. Srednevekovoe Preduralye v ego ekonomicheskikh i etnokulturnykh svyazyah [The Kama trade route. The Medieval Pre-Ural region and its economic and ethnocultural relations] / A.M. Belavin. – Perm: Perm State Pedagogical University, 2000. – 210 p.
4. Rudenko, K.A. Bulgarskoe serebro. Drevnosti Bilyara [The Bulgar silver. The antiquities of Bilyar] / K.A. Rudenko. – Kazan: Zaman Publ., 2015. – 528 p.
5. Chagin, G.N. Cherdynskie klady. Sokrovishcha arheologicheskikh kolekcij [The Cherdyn treasures. Jewels and treasure of archaeological collections] / G.N. Chagin. – Perm: Liter-A, 2013. – 144 p.
6. Talitskiy, M.V. K etnogenezu komi-permyakov [To the ethnogenesis of the Komi-Permians] / M.V. Talitskiy // Brief Reports...of the Institute of History of Material Culture]. – 1941. – Issue IX. – P. 47–54.
7. Talitskaya, I.A. Materialy k arheologicheskoy karte bassejna r. Kamy [Materials for the archaeological map of the Kama River basin] / I.A. Talitskaya // Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR [Materials and research on the archaeology of the USSR]. – 1952. – Vol. 27. – 236 p.
8. Goldina, R.D. Hronologiya pogrebalnykh kompleksov Agafonovskogo II mogilnika (IX–XII vv.). [Chronology of burial complexes of the Agafonovo II burial ground (the IX–XII centuries)] / R.D. Goldina, T.K. Yutina // Drevnosti Prikamya epohi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): hronologicheskaya atribuciya [Antiquities of the Kama region in the Iron Age (the VI century B.C. – XV century A.D.): chronological attribution]. – Izhevsk: Udmurt University, 2012. – P. 447–472.
9. Pastushenko, I.Yu. Kishertsij mogilnik v bassejne r. Sylvy [The Kishert burial ground in the Sylva River basin] / I.Yu. Pastushenko // Ufa Archaeological Bulletin. – 2007. – Vol. 6–7. – P. 162–184.

10. Ivanov, A.G. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: концы V – первая половина XIII вв. [Ethnocultural and economic relations of the population of the Cheptsy River in the Middle Ages: the end of V – first half of the XIII centuries] / A. G. Ivanov. – Izhevsk: Udmurt Inst. of History, Lang. and Literature, Ural Branch, RAS, 1998. – 308 p.
11. Arkhipov, G.A. Mariitsy XII–XIII vv. [Mari people in the XII–XIII centuries] / G.A. Arkhipov. – Yoshkar Ola: Mari Book Publ. House, 1986. – 178 p.
12. Savelyeva, E.A. Vymskie mogilniki XI – XIV vv. [The Vym burial grounds of the XI–XIV centuries] / E.A. Savelyeva. – Leningrad: Leningrad University, 1987. – 200 p.
13. Kutasov, S.N. Natelnye kresty, krestovklyuchennye i krestovidnye podveski [Body crosses, cross-connected and cross-shaped pendants] / S.N. Kutasov, A.B. Seleznev. – Moscow: Gruppya «Izdateli», 2010. – 320 p.
14. Podosenova, Yu.A. Osnovnye osobennosti srednevekovykh yuvelirnykh izdelij iz Permskogo Preduralya [Key features of medieval jewelry items from the Cis-Ural region] / Yu.A. Podosenova // Bulletin of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. – 2021. – № 2. – P. 84–93.
15. Podosenova, Yu.A. Yuvelirnaya podveska s zerno-filigrannym dekorom iz yuvelirnoj masterskoj Rodanova gorodishcha [A grain-filigree jewelry pendant from the jewelry workshop of the Rodanovo ancient settlement] / Yu.A. Podosenova, A.N. Sarapulov // Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition. – 2021. – Issue XIX. – P. 119–126.
16. Fedorova, N.V. Bulgarskie skanye ukrasheniya Zauralya [The Bulgar filigree jewelry of the Trans-Urals] / N.V. Fedorova // Rannie bolgary i finno ugry v Vostochnoi Evrope [The Early Bulgarians and Finno-Ugric Peoples in Eastern Europe]: Collected articles. – Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov of the KSC of the Academy of Sciences of the USSR, 1990. – P. 131–141.
17. Savelyeva, E.A. Torgovo-ekonomicheskie svyazi Permi Vychegodskoj s Volzhskoj Bulgarijei [Trade-economic relations of the Vychegda Perm with the Volga Bulgaria] / E.A. Savelyeva, K.S. Korolev // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. – 2011. – №3 (7). – P. 89–97.
18. Krylasova, N.B. Zvezdchatye podveski Permskogo Preduralya (ili vtoraya zhizn izdelij v gunnskom polihromnom stile) [Star-shaped pendants from the Perm Cis-Ural region: Hunnic polychrome ornaments reanimated] / N.B. Krylasova, Yu.A. Podosenova // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]. – 2022. – Vol. 50. – № 4. – P. 83–90.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено в рамках государственного задания, номер регистрации темы АААА-А19-119032590066-2 и финансовой поддержке РФФИ и Пермского края, проект № 20-49-590001 «Средневековое ювелирное наследие Пермского края: стилистические и химико-технологические особенности».

Информация об авторе:

Подосенова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (ПФИЦ УрО РАН); 614990, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Ленина, д. 13а; e-mail: podosenka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7230-1572>).

Author:

Yulia A. Podosenova – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher at the Perm Federal Research Center UB RAS, <https://orcid.org/0000-0001-7230-1572> (Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 13a Lenin St., Perm, Russian Federation, 614990; e-mail: podosenka@yandex.ru).

Для цитирования:

Подосенова, Ю.А. Зерно-филигранные крестовидные подвески Пермского Предуралья / Ю.А. Подосенова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 19–25.

For citation:

Podosenova, Yu.A. Zerno-filigrannye krestovidnye podveski Permskogo Preduralya [Grain-filigree cross-shaped pendants of the Permian Cis-Ural region] / Yu.A. Podosenova // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 19–25.

Дата поступления рукописи: 04.02.2023

Прошла рецензирование: 09.02.2023

Принято решение о публикации: 10.02.2023

Received: 04.02.2023

Reviewed: 09.02.2023

Accepted: 10.02.2023

Охотничьи ямы Восточной Фенноскандии: археология и этнография

М.М. Шахнович

Центр гуманитарных проблем Баренц региона
ФИЦ Кольский научный центр РАН,
г. Апатиты
marksuk62@mail.ru

Аннотация

Цель работы – проанализировать способ охоты на крупных животных – ямы-ловушки. Эти интересные памятники археологии известны в тундровой и северотаежной зонах Северной Евразии. В статье рассматриваются основные вопросы начального этапа их изучения.

В европейской части России они исследовались незначительно. Большие работы проведены в Швеции, Норвегии и Финляндии. Ямы строились вместе с длинными специальными изгородями. Основной объект охоты – северный олень и лось. В России они известны от Карельского перешейка до Баренцева моря. Ямы-ловушки использовались от мезолита до XVI в. В Средневековье в Фенноскандии ловушки могли делать аборигены – саамы и соседние народы – корелы, финны, германцы.

При комплексном изучении этнографии и археологии охотничьи ямы – это хорошие информативные археологические объекты.

Ключевые слова:

Русская Лапландия, Карелия, охотничьи ямы-ловушки, северный олень, загонная охота, Средневековье

Введение

Охота на Севере – это основная часть жизнеобеспечения человеческих коллективов, направленная, в первую очередь, на получение белковой пищи из природного окружения. Охота, как и рыболовство, всегда имеет сезонную, видовую и региональную специализацию, что формирует особенности промысловых приемов и приспособлений для их функционирования.

При многообразии известных охотничьих методов и стратегий остановимся только на одном способе добычи зверей – поимке с помощью ловушек. Они делятся на конструкции с приманкой или ориентированные на загон зверя, по характеру действия – на спутывающие (силки, петли, сети), давящие, стреляющие (самострелы), «зажимные» (капканы).

Цель нашей работы – рассмотреть не сохранившийся в настоящее время способ добычи крупных животных – ямы-ловушки. Эти стационарные промысловые сооружения известны практически по всей тундровой и северо-

Hunting pits of Eastern Fennoscandia: archaeology and ethnography

M.M. Shakhnovich

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre
of the Russian Academy of Sciences,
Apatity
marksuk62@mail.ru

Abstract

The purpose of the work is to analyze the method of hunting for large animals using trapping pits. These interesting archaeological artifacts are known in the tundra and North taiga zone of Northern Eurasia. The paper deals with the main problems of the initial stage of their study.

In the European part of Russia, the trapping pits were studied insignificantly. Extensive work was carried out in Sweden, Norway, and Finland. The pits were dug and provided with special long fences. The main huntable animals were reindeer and elk. In Russia, the trapping pits are known from the Karelian Isthmus to the Barents Sea. They were used from the Mesolithic to the XVI century. In the Middle Ages in Fennoscandia, the traps could be made by aborigines, Sami, and neighboring groups as Karelians, Finns, Germans. Against a comprehensive study of ethnography and archeology, the hunting pits are good informative archaeological assets.

Keywords:

Russian Lapland, Karelia, hunting pit-traps, reindeer, corral hunting, the Middle Ages

таежной зонах Северной Евразии. Поставленная задача – обозначить основную проблематику начального этапа изучения этих интересных памятников археологии Восточной Фенноскандии.

Древние ловчие ямы представляются сложным для изучения видом археологических объектов. Даже на материалах раскопок трудно или часто невозможно осуществить их датирование и полную реконструкцию. В качестве дополнительного источника для интерпретации археологического материала привлечены исторические описания XVIII в. и скорректированные этнографические аналогии.

Кратко охарактеризуем ситуацию с изучением охотничьих ям в различных регионах Фенноскандии.

Ловчие ямы Карелии

Первым археологом, обратившим внимание на охотничьи ямы в Карелии, была Н.Н. Гурина. Во время своих работ в 1951 г. около оз. Кимас (Муезерский р-н Республики Ка-

релия) она не смогла пройти мимо «отчетливо прослеживающихся трех углублений овальной формы (2 x 1,5 x 0,5 м каждое), строго ориентированных на северо-восток» около стоянки Ногеукса I. Шурф, заложенный в одной из ям, находок не дал [1, с. 180].

В Карелии раскопки охотничьих ям проводились в 1988 и 1990 гг. на северном берегу оз. Тунгудское. Всего обследовано четыре впадины общей системы из 21 ямы по двум сторонам оза. Их назначение, очевидное сегодня, первоначально для археологов было непонятным, и для работ они избирались из-за предположения, что это остатки углубленных жилищ каменного века. После раскопок двух ям, прорезающих культурный слой мезолитического поселения Тунгуда XXIV–XXV, впервые высказано предположение о ловушках на дикого северного оленя [2].

В последующем планомерная фиксация ям-ловушек производилась редко. Можно говорить только о 10 пунктах на территории Северной и Западной Карелии. В Беломорской Карелии на оз. Машозеро – 25 впадин (А.Ю. Тарасов, 1999 г.), три ямы на р. Кузема (М.М. Шахнович, 2000 г.), в Западной Карелии – на оз. Куркиярви – одна яма (М.М. Шахнович, 1993 г.), два пункта на оз. Каменное – две и три впадины (М.М. Шахнович, 1994 г.), на оз. Кенто – две и пять ям (М.М. Шахнович, 2001–2003 гг.), три – на оз. Лимсамо (М.М. Шахнович, 1996 г.), три ямы – на о. Лиетесуари на оз. Верхнее Куйто, и четыре – около оз. Нижнее Элли в окрестностях дер. Вокнаволоок (М.М. Шахнович, 2008 г.) (рис. 1).

Рисунок 1. Охотничья яма около оз. Нижнее Элли. 2008 год. Фото Ю. Кожевниковой.
Figure 1. Hunting pit near the Nizhnee Elli Lake. 2008. Photo by Yu. Kozhevnikova.

Ловчие ямы Русской Лапландии

В Мурманской области ямы-ловушки фиксировались единично. Например, этнографической экспедицией Кольского НЦ РАН в 1998 г. около Сонгельского саамского погоста отмечено 12 впадин, которые были интерпретированы как ямы-ловушки. В 2012 г. в районе рек Сергевань и Курга около пос. Ловозеро А.И. Мурашкиным обнаружено большое количество «ловчих ям с остатками деревянных конструкций» [3]. В 2022 г. М.М. Шахнович зафиксировал систему из трех ям на песчаной террасе в юго-восточной части оз. Толванд (Кандалакшский р-н) (рис. 2).

Назначение данных выразительных сооружений было понятно и не профессионалам. Уместно упомянуть об интересном документе из фондов МОКМ – о системах «охотничье-ловчих ям» (25–30 шт.), часто встречающихся в междуречье рек Иоканга – Выхъявр – Пятчема. Ямы сооружались на первой речной террасе в низине между возвышениями рельефа дугообразной цепочкой на расстоянии 15–20 м друг от друга. На приложенном к письму схематичном плане видно, что они имели овальную форму 1,5 x 2–3 м, глубину – 1–1,5 м. Местные жители с. Краснощелье не помнят об их использовании в XX в.¹ Небольшое количество известных охотничьих ям на огромной территории Восточной Финноскандии можно считать только следствием эпизодичности работ по их выявлению.

Охотничьи ямы Скандинавии

На территории Скандинавии объекты, рассматриваемые как ямы-ловушки, активно исследовались с начала 1950-х гг. В настоящее время речь идет о десятках тысяч ям. Они располагаются преимущественно на путях сезонных миграций северных оленей через горные перевалы, что создает определенную специфику в их конструкции и системе размещения на местности. Среди них самые многочисленные – единообразные ямы, выкопанные на песчаных участках рельефа цепочкой (через 35–40 м) по всему протяжению звериной тропы. В современном состоянии они неглубокие (до 1 м), в плане округлой или

Рисунок 2. Охотничья яма около оз. Толванд. 2022 год. Фото Э. Гернет.
Figure 2. Hunting pit near the Tolvand Lake. 2022. Photo by E. Gernet.

овальной формы (до 3,5 м), с валиком выброса по кругу. В ряде случаев прослежено, что в придонной части стенки ям укреплялись внутренней прямоугольной конструкцией из дерева – вертикально установленными жердями [4; 5]. Ямы могут быть одиночными, располагаться группами или огромными длинными системами до тысячи ловушек [6]. Рядом с ними выявлены остатки направляющих каменных и деревянных ограждений [7].

Вторая группа сооружений, определяемая как ловушки, – это немногочисленные «каменные олени могили»,

¹ МОКМ НВ 4078.9. Письмо начальника отдела охоты Мурманского охотуправления от 11.07.1947 г. Дейнеко.

находящиеся в высокогорных районах Южной Норвегии (на высоте от 900 до 1200 м над ур. м.). На местности они строились одиночно, с дополнением низкими оградками из камня. По конструкции – это прямоугольной формы (0,5–0,7 x 1,2–2 x 1,3–1,9 м) «каменные ящики», у которых дно и вертикальные стенки тщательно выложены сухой кладкой плитняком [8]² (рис. 3).

Рисунок 3. Каменная ловушка. Лордален, Райнхеймен. Южная Швеция. Фото Дж. Олсен.
Figure 3. Stone trap. Lord Allen, Reinheimen. Southern Sweden. Photo by J. Olsen.

Первая группа датируется от мезолита до XVI в., с периодом использования в период викингов и раннего Средневековья, вторая («оленьи могилы») – от поздне-римского времени до позднего Средневековья. В Южной Норвегии в I тыс. н.э. соседствовали саамские коллективы и германские общины, для которых охота на оленей составляла важную часть хозяйствования. По этой причине точная этническая принадлежность ловушек остается дискуссионной.

Охотничьи ямы Финляндии

В Финляндии, от Баренцева моря до южных районов страны, сегодня известно около 2300 мест с «оленьими ямами» [9]. В Северной Финляндии местные жители связывали ловушки исключительно с «древними лапландцами». В XIX в. с помощью ям ловили уже только волков, но повсеместно в народной памяти остались легенды о загоне оленей в специальные места, ограниченные навалами из деревьев и с ловушками в проходах. В южных областях такие объекты преимущественно воспринимаются как остатки ловушек на лосей позднего времени. Имеющие датировки ловчие ямы в Финляндии приходятся преимущественно на раннежелезный и каменный века [10, с. 116, 123].

В XX в. в Финляндии «лапландские ямы» долгое время не рассматривались в качестве полноценного археологического источника³. Ситуация изменилась после реализации

² В Карелии нам известно одно идентичное сооружение: на скальной вершине о. Русский Кузов в Белом море. Оно не могло выполнять функцию ловушки и нами рассматривается как погребальное сооружение неясной культурной принадлежности.

³ Они считались «памятью о лапландском быте, однако точное время их существования определить сложно, так как первобытная культура лапландцев была застывшей и не меняющейся и основным источником

проектов по картографированию объектов саамской культуры Скандинавии, когда охотничьи ловушки были определены как самые массовые памятники археологии саам, что задавало новый исследовательский вектор [12; 13]. За последние 50 лет системы ям в Финляндии активно фиксировались и раскапывались в ходе различных проектов, что создало значительную информативную базу по ним (рис. 4).

Рисунок 4. Охотничья яма на р. Лемменйоки. Финская Лапландия. 2015 год. Фото Э. Суоминаен.
Figure 4. Hunting pit on the Lemmenjoki River. Finnish Lapland. 2015. Photo by E. Suominen.

Единообразный с Карелией рельеф предопределил сходность для территории Финляндии стратегии размещения на местности ямных ловушек. Незначительность информации о подобных объектах Восточной Фенноскандии не позволяет делать какие-то утверждения о сходстве или отличии конструкций «лапландских ям» в этих двух регионах. Можно высказать предположение, что на позднем этапе существования данной формы охоты (XV–XVII вв.), когда на обширных приграничных территориях усилились интеграционные процессы, приведшие к сближению материальных культур соседних этносов – карел с русскими и финнов со шведами, возможно, возникли различия в практике использования ям и в их конструкциях.

Объекты охоты

Основными объектами охоты с помощью ям-ловушек являются крупные стадные травоядные – лось и северный олень. Их популяции отличаются быстрым воспроизводством и длительными миграциями. Осваивая разную кормовую базу, они хорошо уживаются на одной территории.

С каменного века ареал распространения лосей на севере Европы доходил до Баренцева моря, включая не только зону северной тайги, но и предтундровые сосново-березовые редколесья. В Северной Карелии лось, как и северный олень, совершает дальние сезонные миграции весной и осенью между летними, богатыми минеральными кормами пастбищами на побережье Белого моря и местами зимовий в континентальных районах [14, с. 258, 263]. До последних столетий численность лосей была высокой по

для исследования подобных безысторических культурных пространств и народов является языкознание» [11, с. 210–211].

всей лесной зоне Европы. В Карелии еще 50 лет назад их поголовье составляло около 15 тыс. особей [15].

Лесной северный олень во второй половине XIX в. обитал значительно южнее, чем в настоящее время – на территории современных Вологодской и Петербургской губерний России [14, с. 295; 16, с. 113]. Сегодня южная граница его расселения проходит по северному побережью Онежского озера. Северный олень принадлежит к животным, для которых определяющий фактор жизнедеятельности – это ранее опробованное действие [17, с. 14], поэтому пути передвижения оленьих стад в тайге относительно стабильны и невелики, не более 100 км. Смены маршрутов имеют циклический характер и связаны с необходимостью менять выбитые пастбища. При этом общее направление миграций остается неизменным [18, с. 75]. В летнее время олени держатся небольшими группами (10–13 экз.) или поодиночке, при передвижении выбирают легкопроходимые места, двигаясь по грядам, сосновым борам, зимой – по льду болот и водоемов. Острова (иногда на удалении до 2 км от берега) – одно из излюбленных мест их летнего обитания. В Северной Карелии олени зимуют по берегам и на островах крупных озер или в заболоченных лесах [19, с. 51, 54].

Оленеводство ягельников северной тайги только Беломорской Карелии оценивается в 10–12 тыс. животных [14, с. 297]. Оленеводство в Карелии было незначительным, возникло не ранее начала XVII в., никогда не выходило за границы северных районов и в основном связывается с беломорскими карелами и финнами [20, с. 57].

Цель миграций крупных копытных – перемещение к территориям с сезонно выгодной кормовой базой и более комфортным в период активности кровососущих насекомых (морское побережье, склоны горных снежников). Пути перемещения оленей и лосей не совпадают, поэтому специализированные ловушки на определенный вид копытных делались в разных местах.

Ареал распространения ловчих ям

Скорее всего, охотничьи ямы использовались в разные временные периоды по всей лесной зоне Европы. Их многочисленность в Фенноскандии, вероятно, объясняется обстоятельством, что сегодня в послеледниковых ландшафтах они более заметны и проще визуальнo вычлeняются на местности. В Карелии можно отметить некоторую общую тенденцию значительного уменьшения их фиксации южнее широты северного побережья Онежского озера. В Северном и Западном Приладожье они уже единичны. Например, при наших разведках на восточном берегу озера Янисъярви они были обнаружены только один раз (две впадины около устья р. Леппяоя) [21, с. 12]. Самая южная известная нам находка «оленьих ям» – это две группы из восьми впадин в северной части Карельского перешейка около дер. Проточное [22, с. 125] и три ямы на о-ве Кемиексаари (Kemiönsaari Hammarsboda 4) в Финском заливе Балтийского моря. Нельзя исключать, что при целенаправленном поиске ареал распространения охотничьих ям будет более точно очерчен, и они обнаружатся на более южных территориях – в Вологодской и Архангельской областях.

Этническая принадлежность

Системы охотничьих ям в лесах Северной Финляндии и Северной Карелии финляндские историки и этнографы XVIII–XIX вв. связывают с саамскими древностями периода X–XVI вв. [23, с. 50, 54]. Данная атрибуция основывается на традиционных представлениях местного населения о хорошо заметных, но малопонятных земляных сооружениях как о следах деятельности легендарной «лопи»: «лапландские могилы», «лопские печища», «лопарские руины», «лапландские курганы», «оленьи могилы» и т.д. [10, с. 119]. Еще полтора века назад это утверждение воспринималось с определенным скепсисом⁴. Конкретных доказательств «лопарской» этнической принадлежности подобного типа «стационарных находок» в Финляндии и Карелии нет. Для каждого рассматриваемого объекта требуется отдельное обоснование [25]. Сегодня можно утверждать, что в Средневековье в Фенноскандии ловушки могли использовать как аборигены – саамы, терфинны, квены, так и соседствующее «старожильческое население» – корела, финны, германцы.

Датировка охотничьих ям

Надежная датировка ям в ходе археологических работ часто затруднительна, так как датирующие предметы отсутствуют, а находки органики редки. При этом нужно учитывать, что древесина или уголь, найденные на дне ямы, могут быть не связаны со строительством и функционированием ловушки. Ямы обычно подновлялись перед новым этапом эксплуатации, следовательно, на объектах, где было несколько периодов использования, более ранний материал будет уничтожен. В таких случаях единственно доступный материал для разнопланового датирования – это слой под насыпью выброса.

В Фенноскандии по образцам угля ямы-ловушки датируются в широком временном диапазоне – от позднего мезолита (V тыс. до н.э.) до XVI в. и этнографической современности. Основной массив полученных дат приходится на ранний железный век (с 500 лет до н.э.) и Средневековье [10, с. 123]. Самая древняя известная нам дата происходит из ямы на стоянке Хюрюнсальми Нуолихарию в Северной Финляндии – 8960 ± 120 л.н. (Hel-3924) и 8890 ± 110 л.н. (Hel-4045) [26, с. 59, 60]. В Карелии единственная дата получена из конструкции ямы на поселении Тунгуда XXV – 4615 ± 55 BP (SPb 3628).

О продолжительности существования практики охотничьих ям в разных регионах Фенноскандии можно судить по обширной этнографической информации, которая чаще всего имеет легендарный характер. Как упоминалось, в Финской Лапландии и Северной Финляндии уже в середине XVIII в. «о ловле ямами говорилось, как о далеком прошлом». Предположительное окончание использования ям-ловушек в этих районах относится к XVI в. [27, р. 140].

По экспедиционным материалам 1970-х гг. карелы уже в XIX в. «оленьи ямы лопарского времени» давно воспри-

⁴ «Еще прежде в Финляндии и в Русской Карелии я имел случай видеть различные памятники, по мнению местных жителей, принадлежавшие некогда Лопарям, но мне кажется сомнительным их лопарское происхождение» [24, с. 254].

нимали как забытый и древний вид промысла [28, р. 46]. Воспоминания об охоте «в старину» на лосей и медведей с помощью замаскированных ям-ловушек, устраиваемых на звериных тропах, удалось зафиксировать только в Центральной Карелии [29, р. 212].

На Кольском п-ве охотничьи ямы эксплуатировались более долгий период, вероятно, до второй половины XIX в. Этнограф В.К. Алымов в 1930 г. пишет, что ловушки на диких оленей, вырывающиеся на звериных тропах, практиковались в Русской Лапландии еще в конце XIX в. [30, с. 34]. Это было связано с тем, что в центральных районах Кольского полуострова популяция дикого северного оленя сохранялась значительно дольше, чем в тундровых районах Скандинавии [31, р. 51].

На Русском Севере ловля зверей с помощью специальных ям уже не отмечается в XVII–XVIII вв. В различных источниках речь идет преимущественно о весенней охоте на копытных по насту или об их добыче с помощью петлевых ловушек [32, с. 163].

Разновидовая охота на «дикаря» и выпас одомашненных оленей существовали одновременно в системе таежного хозяйствования, но территориально они должны не совпадать. Дискуссионный вопрос начала оленеводства в Северной Европе для Скандинавии относится к двум разным временным рубежам, 800 – 1000 гг. н.э. и 1500–1600 гг. н.э.

Размещение ям на местности

Охотничьи ямы создавались не только в лесной зоне, где существовали стабильные тропы копытных, но и при отсутствии вечной мерзлоты массово и в безлесной тундре. В историографии отмечается, что в тундровых областях Финской Лапландии количество ловушек, сооруженных в одном месте, в среднем больше, чем в более южных лесных районах [10, с. 124].

Устройство систем ям-ловушек на местности предполагает существование долговременных наблюдений о перемещениях крупных животных в отдельном микрорегионе. Основной принцип их размещения был стандартен: максимальное использование пересеченного рельефа на сезонных маршрутах стад копытных или дневных «прогулочных» путях [33, с. 406]. Поэтому велика и вариативность мест их расположения: «Они встречаются рядами на вершинах холмов, на островах и мысах, ограниченных высокими хребтами, болотами или водой» [28, р. 48].

В Карелии известные охотничьи ямы находятся в следующих местах: на песчаных террасах вдоль берегов водоемов (р. Кузема, оз. Каменное), узкие перешейки между озерами, в сужениях островов и длинных мысов, переходящих в отмель (р. Кепа, озера Кенто и Машозеро), с двух сторон каменистого оза (оз. Тунгудское). Если топографическая ситуация была наиболее благоприятной для успешной охоты, то использовались также участки с более сложным для земляных работ каменистым грунтом, например, по узким гребням озов, стиснутых с двух сторон болотом или водоемом (озера Куркиярви и Нижнее Элли)⁵.

⁵ Ю.Б. Сериков описывает случай выдалбливания ямы в выветрелом камне-рухляке [34, с. 115].

Количество ям зависело от величины участка, который они должны были перекрыть и, самое главное, временных и физических возможностей коллектива, осваивающего данную местность. Они могут быть одиночными, располагаться группами или длинными системами по несколько десятков отдельных объектов. Для лесных районов Северной Финляндии среднее число ям для одного пункта колеблется в пределах от 5 до 20, но встречаются памятники с числом сооружений от 50 до 400, растянувшиеся на нескольких километрах. Например, в Ваала Асколанкангас (провинция Кайнуу) единая система состоит из 220 ям-ловушек [35, р. 119]. Самая большая система охотничьих ям, известная в Карелии – на оз. Машозеро, имеет 24 впадины на одном небольшом острове [36].

На песчаных террасах они устраивались в одну линию с промежутком от 25 до 40 м. Нужно учитывать вероятность того, что ямы, по топографии при фиксации объединенные в один комплекс ловушек, могли использоваться неодновременно.

Конструкции ловчих ям

По конструкции охотничьи ямы можно разделить на специализированные сооружения, направленные на поимку определенного вида животного и на объекты, рассчитанные на добычу разных зверей⁶.

Морфология ям, исходя из поставленной задачи, могла отличаться по ряду признаков. Например, по форме и размерам котлована (овальные, округлые или прямоугольные), по углу наклона стен, форме дна (плоское, вогнутое), глубине, наличию или отсутствию в нижней части сооружения поражающих кольев или захватывающего устройства [10, с. 116; 38, с. 167; 39, с. 182].

В современном состоянии впадины от ловушек обычно выглядят единообразно: в плане круглой или овальной формы, в диаметре – 3–4 м, глубиной – 0,35–0,7 м, с невысоким валиком выброса по кругу, без разрыва на «вход». Археологические раскопки существенно корректируют первоначальное представление о конкретном объекте. Например, начальная глубина ям может оказаться в три-четыре раза больше или изменится форма сооружения в плане⁷. Кольцевая насыпь выкинутого грунта, сейчас в основном стекшая обратно в яму, также была более значительной (рис. 5).

Размеры ям могут разниться в пределах одной группы. В Финляндии встречаются ямы в диаметре до 8 м при небольшой глубине до 1 м. Считается, что ямы для охоты на лосей по конструкции одинаковы с оленьими, но имеют больший размер. В первом случае их глубина – 3–3,5 м, во втором – до 2 м. Оленьи ловушки обычно овальной формы (усредненно 3,5 x 2,7 м) [10, с. 115]. В то же время в ямы, которые использовались при загоне стада оленей, одновременно попадало несколько животных, а значит они должны иметь более значительный объем, чем ловушки

⁶ Например, у коми существовали ямы-ловушки с приманкой для зайцев и росомех, естественно, значительно меньших размеров (0,8 x 1,5 x 1,5 м), чем ямы для ловли копытных [37, с. 112].

⁷ Раскопанная яма на поселении Тунгуда XXIV имела первоначальные размеры 3,7 x 3 x 0,4 м, после раскопок – 4 x 4 x 1,4 м, яма на поселении Тунгуда XXV – соответственно 3 x 2,2 x 0,35 и 4 x 4 x 1,45 м [40, с. 42, 48].

Рисунок 5. Раскопанная охотничья яма на поселении Тунгуда XXV. 1990 год. Фото А. Жульникова.
Figure 5. Excavated hunting pit at the settlement Tunguda XXV. 1990. Photo by A. Zhul'nikov.

«пассивной» охоты. Ш. Рабо описывает яму в нижнем течении р. Паз глубиной до 4,5 м и шириной до 8 м⁸. Нужно учитывать, что подправка ловушки приводит к изменению ее первоначальных размеров.

Крутые стенки ям, вырытых в песчаном грунте, осыпались с течением времени, поэтому их нужно было подновлять или изначально укреплять камнями или деревянной «опалубкой» из вертикально или горизонтально установленных плах или жердей. Ловушки, сделанные в каменистом грунте, более трудоемкие в исполнении, были более практичными в эксплуатации, так как менее подвержены осыпанию.

Обычно яма сужалась книзу, но есть сведения о существовании конструкций с сужением сверху [41, с. 25]. Иногда в процессе раскопок удается проследить боковые уступы-ступеньки [34; 39, с. 183].

При задаче умерщвления животного создавались условия для нанесения ему смертельных ран – вертикально установленные колья, удушающие петли. Орудия убийства, возможно, имели магическую нагрузку. По описаниям этнографов, поражающие деревянные острия могли быть оформлены специальными железными или даже каменными наконечниками⁹, а петли делались из корней деревьев. Полагаем, что охотник преимущественно избирал прагматичный вариант сохранения жертвы в ловушке как можно дольше живой, чтобы сберечь качество мяса и шкуры. Для этого животное должно было застрять в яме или частично травмироваться¹⁰.

⁸ «В лесу находится почти квадратный котлован шириной 8 метров и глубиной 4,5 метра. Совсем рядом находится вторая яма, окруженная кругом из камней. Первая яма, вероятно, была покрыта ветками, должна была служить ловушкой для поимки северных оленей и других диких животных, как это до сих пор делают русские лапландцы, а во второй яме, предположительно, находился охотник. Этот вид ловушек, безусловно, древний и не относящийся к той же эпохе, что и те, что до сих пор встречаются в лесах вокруг реки Энара. Во-первых, отличается его конструкция, а во-вторых, дикие северные олени исчезли из этого прибрежного района с очень давних времен» [31, р. 38].

⁹ «В конце прошлого века саамы в этом округе все еще устанавливали копы с каменными наконечниками в ловушки, в которые они ловили диких северных оленей» [31, р. 36].

¹⁰ «В некоторых местах, где бегают часто дикие олени, промышленники вырывают на тропах ямы, которые обтягиваются сетью, сплетенной из

Ямы накрывались берестой, дранкой, хворостом и камуфлировались мхом, листвой в соответствии с окружающим ландшафтом¹¹. При раскопках ямы на стоянке Тунгуда XXIV (Беломорский р-н Республики Карелия) прослежены следы от трех жердей, уложенных перекрестно поверх нее, скорее всего, в качестве опоры для маскировочного перекрытия [40, с. 42]. Для уверенности, что животное точно провалится в ловушку, иногда перед ямой делалось препятствие, через которое оно должно было перепрыгнуть [43, с. 92]. По нашему мнению, ловчие ямы предположительно использовались при отсутствии или минимуме снежного покрова (рис. 6).

Рисунок 6. Охотничья яма на поселении Тунгуда XXIV. Процесс раскопок. 1990 год. Фото М. Шахнович.
Figure 6. Hunting pit at the settlement Tunguda XXIV. The excavation process. 1990. Photo by M. Shakhnovich.

Изгороди

Для продуктивного функционирования ловчих ям предполагается, что в комплексе с ними создавались некие преграды, которые должны были направлять движение животных в проходы с ловушками. Археологически такие сооружения трудноуловимы и при их реконструкции можно привлечь только этнографические описания и логические построения, исходящие из анализа конкретной топографической ситуации.

Разновидности загоронок зависели от сложившихся местных звероловных традиций, характера рельефа и трудозатратных возможностей создателей. Например, в Западной Сибири преграды в конструкциях для добычи крупных животных обычно устраивали в виде жердевого прясла в одну-две слеги или засеками из срубленных деревьев (с высотой навала в 1 м), которые могли быть протяженными до 10–15 км [18, с. 88; 44, с. 46, 57, 204].

Схема изгороди могла быть также двух типов: на большом протяжении перегораживающая участок с яма-

звериных жил, и когда олени бегут через это место, то иногда в нее попадают» [42, с. 67–68].

¹¹ «Ямы тщательно застилали дранкой или очень тонкими полосками дерева, а поверх этого покрытия, называемого «лавдек», насыпали лишайник, чтобы олени не могли видеть настил. Когда олени были вынуждены из-за изгородей переходить через покрытие, оно ломалось, и животные проваливались в ямы. На дне ям вертикально в землю вбивались копы с остриями из железа, из сухой березы или сосны. Животные, упавшие в ямы, пронзались этими копыями». [27, с. 131].

ми в проходах или в форме сужающейся «воронки» с одной ямой в окончании.

Высота изгородей, применяемых в современном оленеводстве, – не более 1,7–1,8 м [45, с. 47]. Строительство деревянных оград было возможно только в лесных районах и затруднительно в тундре. Но в гористых местах Южной Швеции есть находки около ям специальных палок, установленных в ряд, которые, как считается, должны были отпугивать оленей. Длина их – 0,7–1 м, к верхушке прикреплялись кусочки бересты, ветки или древесные стружки, которые развеивались на ветру [46, р. 35]. По этнографическим данным, результативно в безлесной зоне также используются в качестве ограничения оленьих стад простые веревки и проволока [47]. В проходах изгородей необязательно отрывались ямы, могли устанавливаться самострелы, петли из корней сосны или кожи и горизонтально подвешенные бревна [48, с. 31].

Со временем сохранившаяся в народной памяти информация становится все более лаконичной. Например, о ловле оленей саамами Финской Лапландии с помощью систем специально устроенных изгородей со столбами с чучелами, со ссылкой на более ранний текст XVII в., подробно повествует М. Кастрен¹², позднее более сжато дополняет его О. Аппельгрэн¹³, а в 1930-х гг. Н.Н. Волков приводит воспоминания кольских саамов о загонной охоте с изгородями с ловушками в историческом прошлом уже предельно кратко¹⁴. О существовании на территории Южной Финляндии заброшенных общественных многокилометровых изгородей для ловли лосей сегодня указывают только сохранившиеся на картах XVII в. характерные топонимы [32, с. 89].

Модель эксплуатации ям-ловушек

Ямы-ловушки могли использоваться в рамках двух стратегий охоты. Первая – это сезонное проживание в относительной близости для осуществления их эксплуатации, т.е. поддержание на должном уровне рабочего состояния

¹² «Ловушки устраиваются следующим образом. На пустой, гладкой и безлесной равнине, одной или несколько миль в длину и столько же в ширину, охотник ставит высокие столбы по двум направлениям. Сначала расставляет их с большими промежутками, потом все ближе и ближе. К каждому столбу прибавляется черное, страшное чучело, что бы испугать оленя. Ближе к этому сужению, устраивается высокий частокол, через который олень не в состоянии перепрыгнуть. В самом узком месте устроен скат с пятью ступенями, а за ним плетень, который уже не одно животное живым не преодолет. Устроив такую засаду, Лопарь рыщет по горам и где найдет стадо, сгоняет его в ту сторону, где находится ловушка. Дойдя до этой изгороди, олень не проходит между столбов, пугаясь чучел. Позади толпа людей следит за ними и не дает вернуться, впрочем позволяя им по дороге есть мох, останавливаться и ложиться; но лишь только подойдут олени к сужению, то люди быстро кидаются на них и сгоняют в яму: откуда им уже не выбраться. Так они и остаются там в западне. Потом Лопарь убивает их всех, больших и малых и так истребляет целое стадо, за что другие Лопари ненавидят такого охотника» [24, с. 234].

¹³ «В лесу делали два забора, расстояние между которыми в одном конце было небольшим, а снаружи – несколько верст. Этот загон называли «развилиной». Саму изгородь делали так, что длинную ель без веток устанавливали на двух пнях, на один пень – комлевым концом, а комель второго дерева – на этот пень, на котором верхушка первого, а верхушкой – на третий пень, и так далее. Теперь, когда охотник гнал оленей из леса в угол развилки и вниз, на место ловли, настилы на ямах проваливались, и олени находили свою смерть на острых кольях» [28, р. 41].

¹⁴ «Изгородь представляла из себя сваленные последовательно стволы деревьев, между которыми было множество проходов с замаскированными мхом и снегом ямами» [48, с. 14].

и проверка результативности, что, вероятно, не требовало большого количества людей. В этом случае можно отнести данный тип охотничьих сооружений к пассивным средствам промысла, что считается признаком сезонной оседлости населения. Вторая стратегия – загонная охота в ямы большими коллективами.

Сложно определить, какое количество людей было необходимо в обоих случаях. Системы из нескольких десятков ловушек необязательно предназначались для загонных облав с большим числом участников. По этнографическим сведениям, у манси «на двух хозяев вполне достаточно иметь двадцать ям», т.е. «умеренное» количество ловушек было продуктивным для обеспечения небольшой семьи. Несомненно, наиболее трудоемкий процесс – выкапывание ям, а также сооружение изгородей/завалов требовали организованного коллектива.

За время своего существования ямы могли использоваться не только в качестве ловушек. Например, в раскопанной яме в системе на поселении Тунгуда XXV было размещено погребение [2]. Иногда за остатки ловушек принимают округлой формы ямы, скорее всего, специализированные места для хранения пищевых запасов, располагающиеся около углубленных жилищ на крупных неолитических и энеолитических поселениях в Центральной Карелии и Западном Приладожье.

Выводы

Использование систем ям-ловушек для ловли копытных – это распространенная в тундровых и северо-таежных районах Европы и Азии адаптационная практика промысловых культур от каменного века до Нового времени. Данную охотничью стратегию, связанную с методами длительного хранения, нельзя рассматривать как единое хронологическое или культурное явление. Для каждого объекта и конкретной территории, где они применялись, должно проводиться отдельное исследование. При всей простоте методики рассмотренного вида охоты, вероятно, он развивался и эволюционировал под влиянием временных и культурных контекстов.

На сегодня объективно сведения о «лопарских ямах» Карелии и Русской Лапландии, минимальны. Накопление информации по этому частному вопросу древних охотничьих практик позволит минимизировать ошибочность построений археологических интерпретаций, а также продвигаться в решении более глобальной проблемы этнической интерпретации археологических памятников Восточной Фенноскандии, в понимании социокультурных процессов, происходивших в этом регионе в последние два тысячелетия. При комплексном изучении охотничьи ямы могут стать вполне полноценными датирующими и информативными археологическими объектами.

Используемые сокращения

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
КНЦ РАН – Кольский научный центр Российской академии наук.

МАЗ РАН – Музей антропологии и этнографии РАН.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
 МОКМ – Мурманский областной краеведческий музей.
 НА – Научный архив.
 ПетрГУ – Петрозаводский государственный университет.
 ТАС – Тверской археологический сборник.

Abbreviations

IA RAN – Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences.
 KNC RAN – Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.
 MIA – Materials and research on the archaeology of the USSR.
 MAE RAN – Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences.
 MOKM – Murmansk Regional Museum of Local Lore.
 NA – Scientific Archive.
 PetrGU – Petrozavodsk State University.
 TAS – Tver Archaeological Collection.

Литература

1. Гурина, Н.Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР / Н.Н. Гурина // МИА. – 1961. – № 87. – 584 с.
2. Шахнович, М.М. Погребальный комплекс поселения Тунгуда XXIV–XXV / М.М. Шахнович // Вестник Карельского краеведческого музея. – 1993. – Вып. 1. – С. 60–68.
3. Лихачев, В.А. История Ловозерских тундр в дореволюционный период / В.А. Лихачев // Земля Тре. – 2013. – С. 2–7.
4. Jordhøy, P. Ancient wild reindeer pitfall trapping systems as indicators for former migration patterns and habitat use in the Dovre region, southern Norway / P. Jordhøy // Rangifer. – 2008. – № 28 (1). – P. 79–87.
5. Bergstøl, J. Trapping pits for reindeer – a discussion on construction and dating / J. Bergstøl // Exploitation of outfield resources. – Joint Research at the University Museums of Norway. – 2015. – № 32. – P. 49–54.
6. Hole, R. Fangstanlegg og villreinobservasjoner i Lordalen [Trapping facilities and wild reindeer observations in Lordalen] / R. Hole, E. Hage // Årbok for Villreirådet i Norge [Yearbook of the wild reindeer council in Norway]. – Villreinen, 2005. – P. 71–74.
7. Jacobsen, H. Dokkfloy's historie. Dokkfloy fra istid til kraftmagasin [History of Dokkfloy's. Dokkfloy from the Ice Age to Kraftmagazine] / H. Jacobsen, J.H. Larsen. – Lillehammer, 1992. – P. 118–122.
8. Bang-Andersen, S. Prehistoric reindeer trapping by stone-walled pitfalls / S. Bang-Andersen // News and Views from Bann Flakes to Bushmills. – Oxford, 2009. – P. 61–69.
9. Kortenien, M. Rangifer tarandus fennicus ja pohjoisen havumetsäalueen pyyntikuoppajäänteet [Rangifer tarandus fennicus and the remains of the northern coniferous forest] / M. Kortenien // Suomen varhaishistoria / Studia Historica Septentrionalia. – 1992. – № 21 – P. 165–196.
10. Суоминен, Э. Ловчие ямы в свете данных по провинции Кайнуу в Финляндии / Э. Суоминен // Вестник Карельского краеведческого музея. – 2002. – Вып. 4. – С. 114–133.
11. Tallgren, A.M. Suomen historia I: Suomen muinaisuus [Finnish history I: Finnish antiquity] / A.M. Tallgren. – Porvoo: WSOY, 1931. – 256 p.
12. Melander, J. Fångstgropar i Jämtland. In Arkeologi i fjäll, skog och bygd [Trapping pits in Jämtland. Archaeology in mountains, forests and countryside] / J. Melander // Fornvårdaren 23. – 1989. – 1. – P. 115–128.
13. Kortenien, M. Jälkiä hirvieläinten aita- ja ajopyynnistä [Traces of deer fence and drive hunting] / M. Kortenien // Faravid. – 1991. – 15. – P. 165–179.
14. Данилов, П.И. Охотничьи звери Карелии: экология, ресурсы, управление, охрана / П.И. Данилов. – Москва: Наука, 2005. – 340 с.
15. Троицкий, Г.А. Лоси Карелии / Г.А. Троицкий. – Петрозаводск: Карелия, 1972. – 70 с.
16. Русаков, О.С. К реаклиматизации лесного северного оленя на Северо-Востоке Ленинградской области / О.С. Русаков // Лесной северный олень. – Петрозаводск: Карелия, 1989. – С. 112–116.
17. Пуллиянен, Э. Жизненные ресурсы лесного северного оленя и стратегия их использования / Э. Пуллиянен // Лесной северный олень. – Петрозаводск: Карелия, 1989. – С. 11–15.
18. Симченко, Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии / Ю.Б. Симченко. – Москва: Наука, 1976. – 309 с.
19. Блюдник, Л.В. О суточных и сезонных перемещениях лесного северного оленя в Карельской АССР (1986–1988 гг.) / Л.В. Блюдник, П.И. Данилов, В.А. Марковский, К. Хейкура, В.Г. Анненков // Лесной северный олень. – Петрозаводск: Карелия, 1989. – С. 47–54.
20. Кораблев, Н.А. Экономическое развитие Беломорской Карелии в пореформенный период XIX в. / Н.А. Кораблев // Исторические судьбы Беломорской Карелии. – Петрозаводск: КарНЦ, 2000. – С. 51–63.
21. Шахнович, М.М. Российско-финляндские археологические изыскания в Северном и Западном Приладожье в 2005 году / М.М. Шахнович, Ю.Н. Кожевникова, С.В. Бельский, Д.В. Герасимов, С.Н. Лисицын [и др.] // История и культурное наследие Северного Приладожья: взгляд из России и Финляндии. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. – С. 10–15.
22. Мокконен, Т. Проточное IV (Runkangas I) – новая стратифицированная стоянка эпох мезолита – раннего металла на Карельском перешейке / Т. Мокконен, С.В. Бельский, К. Нордквист // ТАС. – 2009. – Вып. 7. – С. 123–129.
23. Линкола, М. Образование различных этноэкологических групп саамов / М. Линкола // Финно-угорский сборник. – Москва: Наука, 1982. – С. 48–59.
24. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838–1844 гг. // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. – 1858. – Вып. IV. – С. 221–273.
25. Šahnovich, M. "Lapps" and "Lapp" objects in northern and western Karelia / M. Šahnovic // ISKOS. – 2009. – Vol. 17. – P. 85–93.
26. Kortenien, M. Nuoliharju W-Suomen vanhin pyyntikuoppa? [Aroliharju W-the oldest fishing pit in Finland?] / M.

- Korteniemi, E. Suominen // *Studia Historica Septentrionalia*. 34. Rajamailla IV/1997. – Juväskylä. – 1998. – P. 51–67.
27. Manninen, M. Peurahautoja ja kulkureittejä – katsaus utsojen Paistunturin Pyyntikuoppakohteisiin [Deer trenches and paths – overview of the hunting pits in Utsjoki Paistunturi] / M. Manninen // *Peurakuopista kirkkokenttiin – Saamelaisalueen 10000 vuotta arkeologin näkökulmasta* [From deer pits to church fields – 10000 years of the Sami area from an archaeologist's point of view]. – 2007. – № 9. – P. 128–145.
28. Juvelius, S.W. Muistoja Pohjoisen venäjän Karjalan Muinaisuudesta [Memories of the ancient history of Karelia in the Northern Russia] / S.W. Juvelius // *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja* [Finnish Antiquities Society's Journal]. – 1889. – X. – P. 1–89.
29. Деревня Юккагуба и ее округа / под ред. В.П. Орфинского. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. – 427 с.
30. Алымов, В.К. Лопари / В.К. Алымов. – Москва: «Крестьянская газета», 1930. – 62 с.
31. Rabot, Ch. Notes ethnographiques recueillies en Lapopie [Ethnographic notes collected in Lapopia] / Ch. Rabot // *Revue d'ethnographie* [Journal of Ethnography]. – Paris: E. Leroux, 1885. – Vol. 4. – P. 24–60.
32. Монтонен, М. От оленьих просторов до оленьих гор / М. Монтонен. – Москва: Прогресс, 1986. – 200 с.
33. Manker, E. Fångstgropar och stalotomter. Kulturlämnningar från lapsk forntid [Trapping pits and stalo plots. Cultural relics of lapsk antiquity] / E. Manker // *Acta Lapponica*. – 1960. – Vol. 15. – P. 406–425.
34. Сериков, Ю.Б. Ловчие ямы в каменном веке Среднего Зауралья / Ю.Б. Сериков // *Охранные археологические исследования на Среднем Урале*. – 2007. – Вып. 5. – С. 114–123.
35. Kainuun maakunnallisesti merkittävät muinaisjäännökset [Antiquities of regional significance in Kainuu]. – Kajaani, 2007. – 265 p.
36. Василькова, Н. Некоторые итоги разведки на оз. Машозеро / Н. Василькова // *Проблемы археологии и этнографии Карелии*. – Петрозаводск: Petro-Press, 2001. – С. 16–20.
37. Конаков, Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX века. – Москва: Наука, 1983. – 244 с.
38. Кокшаров, С.Ф. Охотничьи ямы-ловушки на северо-западе Сибири / С.Ф. Кокшаров // *Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье*. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 162–169.
39. Косинская, Л.Л. О некоторых параллелях в археологии севера Западной Сибири и северо-запада Европы: ловчие ямы каменного века / Л.Л. Косинская // *Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы*. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН/МЭА РАН, 2009. – С. 181–183.
40. Шахнович, М.М. Отчет об археологических работах Карельского государственного краеведческого музея в 1990 году. – Петрозаводск, 1987 / НА Института археологии РАН. – Ф-1. – Р-1. – № 16835.
41. Sirelius, U.T. Metsästys [Hunting] / U.T. Sirelius // *Suomen suku* [Family of Finland]. – 1934. – III. – P. 3–46.
42. Новые и достоверные известия о лапландцах в Финмархии, об их языке, обрядах, нравах и о прежде бывшем языческом их законе. – Санкт-Петербург: Типография Исаака Н. Зедгбана, 1792. – 135 с.
43. Kolehmainen, A. Perinteista suurriistan pyyntiä Länsi- ja Pohjois-Siperiassa (Suomalais-ugrilaisilla kansoilla) [Traditional big game fishing in Western and Northern Siberia (Finno-Ugric ethnic group)] / A. Kolehmainen. – Orimattila: Finkandia Kirja, 1990. – 116 p.
44. Визгалов, Г.П. Историческая экология населения севера Западной Сибири / Г.П. Визгалов, О.В. Кардаш, П.А. Косинцев, Т.В. Лобанова // *Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири*. – Вып. 4. – Екатеринбург: АМБ, 2013. – 376 с.
45. Сегаль, А.Н. Северный олень и оленеводство в Карелии / А.Н. Сегаль. – Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1959. – 62 с.
46. Hole, R. Spennende registrering av 800 år gamle fangstanlegg i Lesjafjella [Exciting registration of 800-year-old fishing facilities in Lesjafjella] / R. Hole // *Årbok for Villreinrådet i Norge* [Yearbook of the Wild Reindeer Council in Norway]. – Villreinen, 2004. – P. 33–36.
47. Андерсон, Д.Г. Пространственные архитектуры в отношениях между людьми, животным миром и ландшафтом на Севере / Д.Г. Андерсон, П.С. Луверс, С.А. Шроер, Р.П. Вишарт // *Археология Арктики*. – 2016. – Вып. 3. – С. 5–24.
48. Волков, Н.Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки / Н.Н. Волков. – Санкт-Петербург: Кунсткамера, 1996. – 106 с.

References

- Gurina, N.N. Drevnyaya istoriya Severo-Zapada Evropejskoj chasti SSSR [Ancient history of the North-West of the European part of the USSR] / N.N. Gurina // *MIA*. – 1961. – № 87. – 584 p.
- Shakhnovich, M.M. Pogrebal'nyj kompleks poseleniya Tunguda XXIV – XXV [Burial complex of Tunguda settlement XXIV – XXV] / M.M. Shakhnovich // *Vestnik Karelskogo kraevedcheskogo muzeya* [Bulletin of the Karelian Museum of Local Lore]. – 1993. – Issue 1. – P. 60–68.
- Likhachev, V.A. Istoriya Lovozerskih tundr v dorevolucionnyj period [The history of the Lovozero tundra areas in the pre-revolutionary period] / V.A. Likhachev // *Zemlya Tre* [The Earth Tre]. – 2013. – P. 2–7.
- Jordhøy, P. Ancient wild reindeer pitfall trapping systems as indicators for former migration patterns and habitat use in the Dovre region, southern Norway / P. Jordhøy // *Rangifer*. – 2008. – № 28 (1). – P. 79–87.
- Bergstøl, J. Trapping pits for reindeer – a discussion on construction and dating / J. Bergstøl // *Exploitation of outfield resources*. – Joint Research at the University Museums of Norway. – 2015. – № 32. – P. 49–54.
- Hole, R. Fangstanlegg og villreinobservasjoner i Lordalen [Trapping facilities and wild reindeer observations]

- in Lordalen] / R. Hole, E. Hage // Årbok for Villreirådet i Norge [Yearbook of the wild reindeer council in Norway]. – Villreinen, 2005. – P. 71–74.
7. Jacobsen, H. Dokkfloy's historie. Dokkfloy fra istid til kraftmagasin [History of Dokkfloy's. Dokkfloy from the Ice Age to Kraftmagazine] / H. Jacobsen, J.H. Larsen. – Lillehammer, 1992. – P. 118–122.
 8. Bang-Andersen, S. Prehistoric reindeer trapping by stone-walled pitfalls / S. Bang-Andersen // News and Views from Bann Flakes to Bushmills. – Oxford, 2009. – P. 61–69.
 9. Kortenien, M. Rangifer tarandus fennicus ja pohjoisen havumetsäalueen pyyntikuoppajäänteet [Rangifer tarandus fennicus and the remains of the northern coniferous forest] / M. Kortenien // Suomen varhaishistoria / Studia Historica Septentrionalia. – 1992. – № 21 – P. 165–196.
 10. Suominen, E. Lovchie yamy v svete dannyh po provincii Kajnuu v Finlyandii [Hunting pits in the light of data on the province of Kainuu in Finland] / E. Suominen // Vestnik Karel'skogo kraevedcheskogo muzeya [Bulletin of the Karelian Museum of Local Lore]. – 2002. – Issue 4. – P. 114–133.
 11. Tallgren, A.M. Suomen historia I: Suomen muinaisuus [Finnish history I: Finnish antiquity] / A.M. Tallgren. – Porvoo: WSOY, 1931. – 256 p.
 12. Melander, J. Fångstgropar i Jämtland. In Arkeologi i fjäll, skog och bygd [Trapping pits in Jämtland. Archaeology in mountains, forests and countryside] / J. Melander // Fornvårdaren 23. – 1989. – 1. – P. 115–128.
 13. Kortenien, M. Jälkiä hirvieläinten aita- ja ajopyynnistä [Traces of deer fence and drive hunting] / M. Kortenien // Faravid. – 1991. – 15. – P. 165–179.
 14. Danilov, P.I. Ohotnich'i zveri Karelii: ekologiya, resursy, upravlenie, ohrana [Hunting animals of Karelia: ecology, resources, management, protection] / P.I. Danilov. – Moscow: Nauka, 2005. – 340 p.
 15. Troickij, G.A. Losi Karelii [Moose of Karelia] / G.A. Troickij. – Petrozavodsk: Karelia, 1972. – 70 p.
 16. Rusakov, O.S. K reaktivatsii lesnogo severnogo olenya na Severo-Vostoke Leningradskoj oblasti [To the acclimatization of the forest reindeer in the North-East of the Leningrad region] / O.S. Rusakov // Lesnoj severnyj olen' [Forest reindeer]. – Petrozavodsk: Karelia. 1989. – P. 112–116.
 17. Pulliajnen, E. Zhiznennye resursy lesnogo severnogo olenya i strategiya ih ispol'zovaniya [Vital resources of the forest reindeer and the strategy of their use] / E. Pulliajnen // Lesnoj severnyj olen' [Forest reindeer]. – Petrozavodsk: Karelia. 1989. – P. 11–15.
 18. Simchenko, Yu.B. Kul'tura ohotnikov na olenej Severnoj Evrazii [The culture of deer hunters of Northern Eurasia] / Yu.B. Simchenko. – Moscow: Nauka. 1976. – 309 p.
 19. Blyudnik, L.V. O sutochnyh i sezonnyh peremeshcheniyah lesnogo severnogo olenya v Karel'skoj ASSR (1986 – 1988 gg.) [About daily and seasonal movements of forest reindeer in the Karelian ASSR (1986 – 1988)] / L.V. Blyudnik, P.I. Danilov, V.A. Markovskij, K. Hejkura, V.G. Annenkov // Lesnoj severnyj olen' [Forest reindeer]. – Petrozavodsk: Karelia. 1989. – P. 47–54.
 20. Korablyov, N.A. Ekonomicheskoe razvitie Belomorskoj Karelii v poreformennyj period XIX v. [Economic development of the White Sea Karelia in the post-reform period of the XIX century] / N.A. Korablev // Istoricheskie sud'by Belomorskoj Karelii [Historical destinies of the White Sea Karelia]. – Petrozavodsk: KarNC, 2000. – P. 51–63.
 21. Shakhnovich, M.M. Rossijsko-finlyandskie arheologicheskie izyskaniya v Severnom i Zapadnom Priladozh'e v 2005 godu [Russian-Finnish archaeological surveys in the Northern and Western Ladoga region in 2005] / M.M. Shakhnovich, Yu.N. Kozhevnikova, S.V. Bel'skij, D.V. Gerasimov, S.N. Lisicyn [et al.] // Istoriya i kul'turnoe nasledie Severnogo Priladozh'ya: vzglyad iz Rossii i Finlyandii [History and cultural heritage of the Northern Ladoga region: a view from Russia and Finland]. – Petrozavodsk: PetrGU, 2007. – P. 10–15.
 22. Mokkonen, T. Protochne IV (Runkangas I) – novaya stratificirovannaya stoyanka epoh mezolita – rannego metalla na Karel'skom pereshejke [Protochne IV (Runkangas I) is a new stratified site of the Mesolithic – Early Metal epochs on the Karelian Isthmus] / T. Mokkonen, S.V. Bel'skij, K. Nordkvist // TAS. – 2009. – Issue 7. – P. 123–129.
 23. Linkola, M. Obrazovanie razlichnyh etnoekologicheskikh grupp saamov [Formation of various ethnoecological groups of Sami] / M. Linkola // Finno-ugorskij sbornik [Finno-Ugric collection]. – Moscow: Nauka, 1982. – P. 48–59.
 24. Etnograficheskie zamechaniya i nablyudeniya Kastrena o loparyah, karelah, samoedah i ostyakakh, izvlechennye iz ego putevyh vospominanij 1838–1844 gg. [Castren's ethnographic remarks and observations on Lapps, Karelians, Samoyeds and Ostyaks extracted from his travel memoirs of 1838 – 1844] // Etnograficheskij sbornik, izdavaemyj Imperatorskim Russkim Geograficheskim obshchestvom [Ethnographic collection published by the Imperial Russian Geographical Society]. – 1858. – Issue IV. – P. 221–273.
 25. Šahnovich, M. "Lapps" and "Lapp" objects in northern and western Karelia / M. Šahnovich // ISKOS. – 2009. – Vol. 17. – P. 85–93.
 26. Kortenien, M. Nuoliharju W-Suomen vanhin pyyntikuoppa? [Aroliharju W-the oldest fishing pit in Finland?] / M. Kortenien, E. Suominen // Studia Historica Septentrionalia. 34. Rajamailla IV/1997. – Juväskylä. – 1998. – P. 51–67.
 27. Manninen, M. Peurahautoja ja kulkureittejä – katsaus utsojen Paistunturin Pyyntikuoppakohteisiin [Deer trenches and paths – overview of the hunting pits in Utsjoki Paistunturi] / M. Manninen // Peurakuopista kirkkokenttiin – Saamelaisalueen 10000 vuotta arkeologin näkökulmasta [From deer pits to church fields – 10000 years of the Sami area from an archaeologist's point of view]. – 2007. – № 9. – P. 128–145.
 28. Juvelius, S.W. Muistoja Pohjoisen venäjän Karjalan Muinaisuudesta [Memories of the ancient history of Karelia in the Northern Russia] / S.W. Juvelius // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja [Finnish Antiquities Society's Journal]. – 1889. – X. – P. 1–89.

29. Derevnya Yukkaguba i eyo okrug [Yukkaguba Village and its districts] / Ed. V.P. Orfinskiy. – Petrozavodsk: PetrGU. 2001. – 427 p.
30. Alymov, V.K. Lopari [Lapps] / V.K. Alymov. – Moscow: "Krest'yanskaya gazeta", 1930. – 62 p.
31. Rabot, Ch. Notes ethnographiques recueillies en Lapopie [Ethnographic notes collected in Lapopia] / Ch. Rabot // Revue d'ethnographie [Journal of Ethnography]. – Paris: E. Leroux, 1885. – Vol. 4. – P. 24–60.
32. Montonen, M. Ot olen'ih prostorov do olen'ih gor [From deer wastes to deer mountains] / M. Montonen. – Moscow: Progress, 1986. – 200 p.
33. Manker, E. Fångstgropar och stalotomter. Kulturlämnin-gar från lapsk forntid [Trapping pits and stalo plots. Cul-tural relics of lapsk antiquity] / E. Manker // Acta Lapon-ica. – 1960. – Vol. 15. – P. 406–425.
34. Serikov, Yu.B. Lovchie yamy v kamennom veke Sredne-go Zaural'ya [Hunting pits in the Stone Age of the Mid-dle Urals] / Yu.B. Serikov // Ohrannye arheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale [Security archaeological research in the Middle Urals]. – 2007. – Issue 5. – 2007. – P. 114–123.
35. Kainuun maakunnallisesti merkittävät muinaisjäänök-set [Antiquities of regional significance in Kainuu]. – Ka-jaani, 2007. – 265 p.
36. Vasil'kova, N. Nekotorye itogi razvedki na oz. Mashoze-ro [Some exploration results on the Mashozero Lake] / N. Vasil'kova // Problemy arheologii i etnografii Karelii [Problems of archeology and ethnography of Karelia]. – Petrozavodsk: Petro-Press, 2001. – P. 16–20.
37. Konakov, N.D. Komi ohotniki i rybolovy vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Komi hunters and fishermen in the second half of the XIX – early XX century]. – Moscow: Nauka, 1983. – 244 p.
38. Koksharov, S.F. Ohotnich'i yamy-lovushki na severo-za-pade Sibiri [Hunting pit traps in Northwest Siberia] / S.F. Koksharov // Znaniya i navyki ural'skogo naseleni-ya v drevnosti i srednevekov'e [Knowledge and skills of the Ural population in the Ancient Times and the Middle Ages]. – Ekaterinburg: UIF "Nauka", 1993. – P. 162–169.
39. Kosinskaya, L.L. O nekotoryh paralelyah v arheologii severa Zapadnoj Sibiri i severo-zapada Evropy: lovchie yamy kamennogo veka [About some parallels in the archaeology of the North of Western Siberia and the North-West of Europe: Stone Age hunting pits] / L.L. Ko-sinskaya // Vzaimodejstvie i hronologiya kul'tur mezolita i neolita Vostochnoj Evropy [Interaction and chronology of Mesolithic and Neolithic cultures of Eastern Europe]. – Sankt-Petersburg: IIMK RAN/MAE RAN. 2009. – P. 181–183.
40. Shakhnovich, M.M. Otchet ob arheologicheskikh rabotah Karel'skogo gosudarstvennogo kraevedcheskogo muzeya v 1990 godu [Report on the archaeological work of the Karelian State Museum of Local Lore in 1990] / M.M. Shakhnovich. – Petrozavodsk, 1987 / NA of the Institute of Archaeology of the RAS. – F-1. – R-1. – № 16835.
41. Sirelius, U.T. Metsästys [Hunting] / U.T. Sirelius // Suomen suku [Family of Finland]. – 1934. – III. – P. 3–46.
42. Leem, K. Novye i dostovernye izvestiya o laplandcah v Finmarhii, ob ih yazyke, obryadah, nravah i o prezhdе byvshem yazycheskom ih zakone [New and reliable news about the Laplanders in Finmarchia, about their lan-guage, rituals, customs and about their formerly pagan law] / Knud Leem. – Sankt-Petersburg: Isaak N. Zedgrban Printing House, 1792. – 135 p.
43. Kolehmainen, A. Perinteista suurriistan pyyntiä Länsi-ja Pohjois-Siperiassa (Suomalais-ugrilaisilla kansoilla) [Traditional big game fishing in Western and Northern Siberia (Finno-Ugric ethnic group)] / A. Kolehmainen. – Orimattila: Finkandia Kirja, 1990. – 116 p.
44. Vizgalov, G.P. Istoricheskaya ekologiya naseleniya severa Zapadnoj Sibiri [Historical ecology of the population of the North of Western Siberia] / G.P. Vizgalov, O.V. Kardash, P.A. Kosincev, T.V. Lobanova // Materialy i issledovaniya po istorii severa Zapadnoj Sibiri [Materials and studies on the history of the North of Western Siberia]. – 2013. – Issue 4. Ekaterinburg: AMB. – 376 p.
45. Segal', A.N. Severnyj olen'i olenevodstvo v Karelii [Rein-deer and reindeer husbandry in Karelia] / A.N. Segal'. – Petrozavodsk: Gosizdat KASSR, 1959. – 62 p.
46. Hole, R. Spannende registrering av 800 år gamle fang-stanlegg i Lesjafjella [Exciting registration of 800-year-old fishing facilities in Lesjafjella] / R. Hole // Årbok for Villreintrådet i Norge [Yearbook of the Wild Reindeer Council in Norway]. – Villreinen, 2004. – P. 33–36.
47. Anderson, D.G. Prostranstvennyye arhitektury v otnosh-eniyah mezhdru lyud'mi, zhivotnym mirom i landshaftom na Severe [Spatial architectures in the relationship be-tween people, wildlife and landscape in the North] / D.G. Anderson, P.S. Luvers, S.A. Shroer, R.P. Vishart // Arhe-ologiya Arktiki [Archaeology of the Arctic]. – 2016. – Issue 3. – P. 5–24.
48. Volkov, N.N. Russijskie saamy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Russian Sami. Historical and ethnographic es-says] / N.N. Volkov. – Sankt-Petersburg: MAE RAN, 1996. – 106 p.

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме НИР FMEZ-2022-0028 «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX – XXI вв.: исторический и антропологический ракурсы».

Глубокая признательность за помощь коллегам: Г. Данилову, П. Уйно, С. Лисицыну, В. Аделю, Э. Суоминену, А. Волокитину, А. Тарасову.

Информация об авторе:

Шахнович Марк Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук»; <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X> (Российская Федерация, 184209, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 14; e-mail: marksuk62@mail.ru).

Author:

Mark M. Shakhnovich – Candidate of Sciences (History), Leading Researcher at the Barents Centre of the Humanities FRC Kola Science Centre RAS, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X> (Barents Centre of the Humanities, Federal Research Center Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, 14 Fersmana St., Apatity, Russian Federation, 184209; e-mail: marksuk62@mail.ru).

Для цитирования:

Шахнович, М.М. Охотничьи ямы Восточной Фенноскандии: археология и этнография / М.М. Шахнович // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 26–37.

For citation:

Shakhnovich, M.M. Ohotnich'i yamy Vostochnoj Fennoskandii: arheologiya i etnografiya [Hunting pits of Eastern Fennoskandia: archaeology and ethnography] / M.M. Shakhnovich // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 26–37.

Дата поступления рукописи: 20.12.2022

Прошла рецензирование: 23.01.2023

Принято решение о публикации: 24.01.2023

Received: 20.12.2022

Reviewed: 23.01.2023

Accepted: 24.01.2023

Аренда государственных земель в Пустозерском уезде в XVI-XVII веках

М.А. Мацук

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
michailmatsuk@rambler.ru

Аннотация

Одним из способов пополнения государственной казны Московского царства являлась практика сдачи частным лицам государственных земель и других угодий. В казну арендаторы платили фиксированный оброк (денежный платеж). В Арктической зоне европейского северо-востока России такими предметами аренды являлись сенокосные участки и рыболовные участки на морском побережье и реках и озерах Пустозерского уезда. Кроме того, оброком облагалась земля, на которой были построены торговые заведения. На протяжении XVI и XVII столетий реестр оброчных угодий Пустозерского уезда расширялся и получаемый от них государством доход увеличивался.

Ключевые слова:

Арктическая зона европейского северо-востока России, Пустозерский уезд, государственная казна, оброк, сенокосные и рыболовные угодья, XVI и XVII века

Государственные доходы в Арктической зоне европейского северо-востока России в XVI-XVII столетиях состояли из денежных средств и других активов, получаемых от: 1. прямых налогов с тяглого христианского населения; 2. ясака, взимаемого с язычников-ненцев; 3. оброка, получаемого с арендаторов государственных земель и других угодий; 4. доходов от сбора таможенных пошлин и работы государственных кабаков.

Если прямые налоги населения Пустозерского уезда и взимание таможенных пошлин достаточно подробно исследованы нами [1] и Т.В. Павлиной [2], то номенклатура и размер оброчных платежей никем ранее не изучались. В то же время эта статья доходов была достаточно важной для государственной казны. Поэтому данную работу мы посвящаем исследованию неизученного в исторической литературе вопроса о государственных доходах в Арктической зоне европейского северо-востока России со сдачи в аренду земель и других угодий.

В Московском великом княжестве (царстве) вся земля была собственностью государя, который передавал ее в пользование отдельным людям или коллективам (крестьянским, посадским и иным общинам). За право поль-

Lease of state lands in the Pustozersky district in the XVI-XVII centuries

M.A. Matsuk

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
michailmatsuk@rambler.ru

Abstract

A possible means to replenish the state treasury of the Moscow kingdom was the practice of leasing state and other lands to private individuals. The tenants paid rent as a fixed sum (monetary payment) to the treasury. In the Arctic zone of the European North-East of Russia, the leased objects were hayfields and fishing grounds on sea or lake coast and on river banks of the Pustozersky district. Moreover, the land on which trading establishments were built was subject to quitrent. Over the course of the XVI and XVII centuries, the register of quitrent lands in the Pustozersky district expanded and, consequently, the income received from them by the state increased.

Keywords:

Arctic zone of the European North-East of Russia, Pustozersky district, state treasury, quitrent, hayfields and fishing grounds, XVI and XVII centuries

зования земель (пашни, сенокосы, леса, реки и другие водные объекты и т.д.) пользователь должен был выплачивать в государеву казну определенный оброк (арендную плату) или государственный налог (дань), или служить на государственной службе. Такой порядок существовал везде, в том числе и в Арктической зоне европейского северо-востока России. Получить в пользование участок земли или рыболовное место (угодье) мог любой подданный московского государя. Условия он практически определял сам, заявляя, что за выбранное оброчное угодье готов платить в казну определенную сумму денег. Просьба оформлялась в виде челобитной на имя правящего государя. После получения разрешения конкретный участок определенному человеку мог выделить или писец, проводивший описание территории, или воевода, руководивший уездом в это время. Дальше конкретное оброчное угодье за определенным человеком записывалось в писцовую книгу или в оброчную уездную книгу. Там фиксировались размер оброчного платежа и в случае ограниченного времени пользования срок аренды участка. Это была обычная для того времени процедура, действовавшая на территории всей страны.

В Пустозерской волости (уезде) государев оброк прошел определенный исторический путь. В данной статье этот путь будет показан.

После присоединения Большеземельской тундры к Московскому великому княжеству и построения Пустозерского острога руководителем Пустозерской волости стал Вымский князь Феодор. С ним в Пустозерский острог отправились на постоянное место жительства подчиненные ему пермяне. Вероятно, несколько позднее в богатый ценной рыбой и другими дарами природы край потянулись предприимчивые люди из разных районов России.

К середине XVI в. сложилась весьма интересная ситуация, имеющая непосредственное отношение к исследуемому нами вопросу.

«Платежница» с Пустозерских дозорных книг Василия Третьякова сына Агалина и подьячего Степана Федорова сына Соболева, выданная из приказа Большого Прихода Пустозерскому данщику Третьяку Асенеу в 1574 г., свидетельствует о том, что в середине XVI столетия в Пустозерской волости (остроге) существовало две группы налогоплательщиков. Первая была представлена дворами тяглыми безпашенными, «а в них живут царевы и великого князя пермяки крещенные на тяглой земле». Всего таких насчитывалось 52 двора, а взрослых людей в них проживало 89 чел. мужского пола. Вторая группа – дворами оброчными. Всего 92 двора, а людей в них проживало взрослых мужчин 193 чел.

Упомянутый документ детализирует обязанности тяглов и плательщиков оброка. «И всего им вперед давати царю и великому князю в казну дани и оброку с старых и с новоприбылых дворов и з животов, и с промыслов, и с рек, и с озер, и с тонь морских и с речных за рыбную ловлю, и со птичьих, и со звериных ловищ, и со всяких угодей по осмидесят по пяти рублев в год» [3]. Дозорная книга не фиксирует различий в платеже тяглых пермяков и оброчников. Ко времени первого описания волости в 1564 г. различия между этими отрядами налогоплательщиков уже стерлись и, на наш взгляд, упоминание об этих двух группах просто дань существовавшему в первой половине XVI в. положению. Индивидуальные оброчные платежи стали частью прямого налога, а индивидуальные угодя – участки земли (рыболовецкие тони), взятые в аренду у государства, составили общеволостные угодя, выделенные государством пустозерской посадской общине.

Что же входило в сферу обложения оброком одних налогоплательщиков и данью других? Приведем официальные сведения из цитируемой «Платежницы». «А се угодя Пустозерские волости жильцов русаков и пермяков, всей волости реки и речки, и тони, и озера от Усть-Цылемские межи от речки Домыслы: река Печера, речка Шапкина, речка Лаписа, тоня на Челп-острове, речка Сулома, речка Сува, тоня Щелейкина по конец Юропонова шару, тоня Бородатая, тоня Мясникова, тоня Здирки, тоня Ловецкой остров, тоня Матерок по конец Ловецкого острову.

Да их же угодя на морском берегу тони, рыбные ловли, от усть Печеры реки в морской конец в Болвановской губе: тоня Крестовая, тоня Пилучная, тоня Носовая, тоня Дрестьява.

И всего река да четыре речки да одиннатцать тонь. **А ловят в тех реках и на тонях красную рыбу семгу всюю волостьюю.**

Да их же угодя река Уса да Пусто озеро, что по дво-ры, **а ловят в реке и в озере белую рыбу всюю ж волостьюю»** (выделено нами – М.М.) [3, с. 468]. Обратим внимание на выделенные нами уточнения писцов. Указанные угодя были в пользовании волостной общины всех пустозерцев. Оброчный статус этих угодий ко времени описаний 1564 и 1574/75 гг. был уже анахронизмом. Угодя фиксировались в писцовых документах в качестве основания для постоянного их использования тяглецами конкретной волости.

В то же время в Арктической зоне европейского северо-востока России в середине XVI столетия существовали оброчные угодя, которые считались таковыми официально. Цитируемый документ говорит: «Да на морском берегу от Пустозерских тонь в морской конец: тоня Самоедцкая околородные самоеди, а ловят на ней Пустозерские волости жильцы красную рыбу семгу всюю волостьюю. А оброку им давати царю и великому князю в казну по шти рублев на год, а с улова десятая рыба семга, чем хто сколько ни уловил, по тому ж, как было преж сего» [3, с. 469]. Очень интересное положение сложилось с этим оброчным угодем. Судя по названию, в свое время данный рыболовный участок был дан проживавшим около Пустозерского острога ненцам. Однако ненцы, вероятно, не могли платить в государеву казну ежегодно такой большой денежный взнос. Поэтому фактически тоню передали в пользование волостной общине пустозерцев, которые за право ловить там семгу вносили установленный оброк в государеву казну. Были ли какие-либо дополнительные отчисления в пользу номинальных владельцев рыболовного угодя – нам неизвестно.

Интересно, что упоминаемая Самоедская тоня числилась в оброчных угодях в течение всего XVII в. И, например, оброчный платеж в 1629/30 г. за нее составлял 6 руб. [4], как и в середине XVI в.

Кроме волостных угодий и Самоедской тони в числе оброчных угодий, зафиксированных писцами середины XVI в., были индивидуальные оброчные статьи, переданные конкретным просителям писцами Якимом Романовым и Василием Агалиным в 1564 и 1575 гг. Арендвались пустозерцами конкретные рыболовные (пруды, участки рек) и сенокосные места, на которых арендаторы жили, летом занимаясь рыболовством, скотоводством и заготовкой сена для своего скота. Данные оброчные угодя иногда становились фундаментом для возникновения на их месте так называемых «жир», позднее названных селами.

Всего в «Платежнице» перечислено 56 оброчных угодий, предоставленных в пользование арендаторам-пустозерцам [3, с. 469–476, 478, 479]. За пользование оброчными угодьми пустозерцы должны были платить в государеву казну ежегодно по 13 руб. 78 коп. Но не только местные жители могли быть арендаторами государственных земель. 17 участков вылова семги (тони) были отданы в аренду двинянам и пинежанам по государственной оброчной грамоте. Предприниматели получили право пользования этими рыболовными угодьми за платеж 6-рублевого оброка и

передачу в казну каждой десятой выловленной ими семги [3, с. 477].

Всего в середине 70-х гг. XVI столетия аренда государственных земель приносила в казну ежегодно по 25 руб. 78 коп. Правда, не все деньги из этой суммы поступали через Пустозерскую волость. Двиняне и пенезжане платили оброк напрямую в центральный московский приказ (Четверть дьяка Дружины Владимирова), но это не умаляло ценности государственных земель, отдаваемых в аренду.

Следующее известие о содержании и размере оброчных платежей, доступное нам, относится к первому и второму годам правления царя Михаила Федоровича (1613/14 и 1614/15 гг.). В Приходной книге Нижегородской четверти есть запись следующего содержания, относящаяся к Пустозерскому уезду: «С санных покосов и с пустошей, и с рек, и с рыбных ловель, и с тоней самоядцких, и с пустошного оброку с рек с Колоколки и с Пещаницы, опричь того, что в прошлых годах песком санные покосы занесло, против 122-го (1613/14 – М.М.) году оброчных денег на 123-й (1614/15 – М.М.) год 25 рублей 13 алтын (25 руб. 39 коп. – М.М.). И 124-го (1615 – М.М.) декабря в 25 день по отписке и по росписи воеводы Семена Жеребцова в то число на 123-й (1614/15 – М.М.) год 24 рубля 26 алтын 2 деньги (24 руб. 79 коп. – М.М.) взято» [5].

Данное скупое сообщение интересно тем, что общая величина собираемого за аренду государственных земель оброка в середине 1610-х гг. была почти равна размеру сбора середины 1570-х гг. Кроме того, в качестве оброчных статей появились две речки: Колоколка и Пещаница, ранее не фигурировавшие в составе оброчных угодий, потому что находились от Пустозерского острога на большом расстоянии.

До середины 1660-х гг. происходили незначительные изменения в составе оброчных угодий пустозерцев. Увеличение размера платежа на несколько копеек свидетельствует о том, что в реестре арендуемых земель появлялся какой-то сенокосный или рыболовный участок. Необходимо отметить, что ижемцы и устьицелы не брали отдельных участков сенокосов или рыболовных угодий в аренду у государства ни в XVI, ни в большей части XVII столетий. Вероятно, им вполне хватало волостных угодий и возможностей косить сено в окрестных лесах и лугах.

В 1667/68 г. произошло значительное по своему влиянию на состояние аренды государственных земель не только в Пустозерском уезде, но и во всем Московском царстве, событие. В этом году предприниматели из Двинского уезда, поставщики хищных птиц для государевой охоты (кречатьи помытчики) Л. Клобуков «з братьею» обратились к царю Алексею Михайловичу с просьбой дать им в аренду Дрествянскую тоню, в которой вылавливалась семга. Челобитчики обосновали свою просьбу тем, что мол «рыбные ловли Дрествянские тони лежат изстари впусте, и в писцовых и в платежных книгах ни за кем в оброк не написаны, и никто ими не владеет. А владеют пустоозерцы без государева указу и без грамот без оброчно, и отдают иногородним людям в наем, а с тех рыбных ловель в государеву казну оброку нейдет» [6]. Л. Клобуков ввел в заблуждение государственную власть. Выше мы

цитировали «Платежницу» 1574 г., в которой тоня Дрествя фигурировала в качестве объекта волостных угодий, предоставленных в пользование пустоозерцам государственной властью. И эта тоня в качестве такого угодья была включена в дозорную (писцовую) книгу Пустозерской волости 1574 г. Однако в Новгородском приказе, вероятно, не нашли необходимый документ, и пустоозерскому воеводе Ивану Неелову была отправлена государева грамота с указанием отдать запрашиваемую тоню просителям из ежегодного платежа в 4 руб. Причем, с этой суммы надо было взимать по 10 денег (5 коп.) с рубля, т.е. 40 денег (20 коп., или 6 алтын 4 деньги) в качестве четвертной пошлины [7]. Таким образом, государственная власть пошла на изменение своих собственных условий использования объектов государственной собственности тяглецами.

В 1678 г. произошло событие общегосударственного значения, касающееся распоряжения государственными землями. 1 января 1678 г. царь Федор Алексеевич указал: «в города, которые ведомы в Новгородском приказе посылать свои, великого государя, грамоты к воеводам и к приказным людям и заказ учинить крепкой: чтоб всяких чинов люди великого государя землями и сады, и лавочными месты, и рыбными ловли, и всякими угодья без дачь и без оброчно отнюдь не владели. А буде хто наперед сего владел, и ныне владеет, или впредь учнет какими статьями владеть без оброчно, и про то велено сыскивать накрепко. Да буде по сыску которые люди какими оброчными землями и сады, или озера, и всякими рыбными ловлями и лавками, или иными какими угодья владеют без дачь и без оброчно, и на тех людях на прошлые годы, с которых мест хто владеет, взять оброк против иных таких оброчных мест. И те оброчные всякие угодья и земли отдавать на оброк из наддачи // охочим людям, хто больше великого государя в казну оброку даст, как бы великого государя казне было прибыльнее. Да те новоприбылые оброки велено писать в оброчные приходные книги и в сметные городовые списки. И с оброчных и с переоброчных книг списки присылать к Москве по вся годы, чтоб те новоприбылые оброки на Москве для оклада однолично были ведомы» [8]. В соответствии с данным указом городовые воеводы стали искать возможность увеличить реестр оброчных угодий в подведомственных им городах и уездах.

Пустозерский воевода князь Петр Львов 12 августа 1678 г. прислал в Новгородский приказ следующее послание («отписку»): «В Пустозерском де остроге оброчных и не оброчных земель и садов, и лавочных мест, и никаких угодей нет. Только поставлены в Пустозерском остроге на посаде Колмогорского уезду пенезжан торговых людей анбары для их торговых лавок. А стоят лет по 5 и по 10 и больше. И с тех их с торговых с анбарных мест велел он, князь Петр, положить оброк. А что с кого оброку положено, и что на ком на прошлые годы и на 186-й (1677/78 – М.М.) год взято, и по чему впредь иметь, тому присланы книги в Новгородский приказ» [9]. Перечень объектов, вновь положенных в оброк, весьма интересный.

Приведем его полностью. «А в новооброчных книгах за рукою князя Петра Львова написано:

В Пустоозерском остроге на посаде Колмогорского уезду Волока Пеняжского Юронской волости Ивашка Маслова стоят два амбара. А по скаске прикащика ево, Иванова, С. Маслова – куплен один амбар в прошлом во 170-м (1661/62 – М.М.) году у волочанина у Устинка Логиновых, а другой амбар куплен во 180-м (1671/72 – М.М.) году у пустоозерца у Васьки Попова. И с тех двух амбарных мест оброку положено по 3 алтына 2 деньги на год. И тех оброчных денег взято за прошлые годы по нынешней по 187-й (1678/79 – М.М.) год с одного амбара за 17 лет 1 рубль 23 алтына 2 деньги, а с другога амбара за 7 лет – 23 алтына 2 деньги.

Да на посаде ж Колмогорского уезда Волока Пенежского ж торгового человека Якушки Ботева амбар. А по скаске ево, Якушкова, поставлен тот амбар во 183-м (1674/75 – М.М.) году. И с того амбара за 4 года оброку 13 алтын 2 деньги. //

На посаде того ж Пенежского Волока торгового человека Ивашка Федорова амбар. А по скаске ево, Ивашкова, поставлен тот амбар во 170-м (1661/62 – М.М.) году. И с того амбара оброку за прошлые за 17 лет 1 рубль 23 алтына 2 деньги.

В Пустоозерском же остроге на посаде Колмогорского уезда Волока Пенежского торгового человека Васьки Буркова амбар. А по скаске ево, Васьки, поставлен тот амбар во 184-м (1675/76 – М.М.) году. А с того амбарного места оброку за три года – 10 алтын.

В Пустоозерском же остроге с новооброчного амбарного ж места по челобитью Кеврольского уезда Веркольской волости пенежанина Г. Ставрова, и по подписной челобитной за рукою князя Петра Львова, оброку на 186-й (1677/78 – М.М.) год – 2 алтына.

Всего с тех же амбарных новооброчных мест оброку на прошлые годы по нынешней по 187-й (1678/79 – М.М.) год – 4 рубля 28 алтын 4 деньги.

Да в отписке князя Петра Львова написано: В Пустоозерском же остроге на посаде стоят два // амбара пенежан торговых людей Ивашка Неронова да Е. Каргалова. И тех де торговых людей в Пустоозерском остроге ныне нет, и оброк на них на прошлые годы не взят».

Интересна и резолюция Новгородского приказа в ответ на отписку воеводы: положить амбары И. Неронова и Е. Каргалова в оброк [9].

Из этого следует, что в общей сложности восемь земельных участков, на которых стояли амбары торговых людей, были положены в оброк воеводой князем П. Львовым. Однако данное количество таких оброчных статей в будущем не сохранилось. Так, в 1681/82 г. по сметному списку Пустоозерского острога оброк взимался с семи амбарных мест [10], в 1689/90 г. – с 10 амбарных мест и двух пристенов [11], в 1692/93 г. – с 11 амбарных мест и трех пристенов [12], столько же амбарных мест и пристенов облагались оброком, например, в 1696/97 г. [13]. Приведенные цифры свидетельствуют о постоянной работе пустоозерских воевод по выявлению новых объектов торговли, подлежащих обложению оброком.

С 1681/82 г. и до конца XVII столетия существовала одна оброчная статья, связанная с сельским населением Пустоозерского уезда. В этом году стали взимать оброк в размере 10 алтын с ижемского вдового попа Тимофея за рыбную

ловлю и сенокосные угодья [14]. Этот оброк интересен тем, что обычно священно- и церковнослужители пользовались землями и рыболовными угодьями бесплатно. Вероятно, поп Тимофей, овдовев, уже не имел права совершать Богослужения и поэтому перешел, так сказать, в разряд обычных тягловцев в плане пользования традиционно используемых им сенокоса и рыболовного угодья.

В 1684/85 г. еще один пустоозерский воевода отличился на ниве увеличения государственных доходов от аренды земель в Арктической зоне европейского северо-востока России. Воевода Иван Кафтырев получил от ижемца Константина Хозяинова его челобитную царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу с просьбой дать ему в аренду притоки р. Усы – речки Косью и Лембу, которые не были записаны в писцовые книги и формально считались пустыми, не приносящими дохода в казну. Иван Кафтырев мог ограничиться посылкой в Новгородский приказ челобитной К. Хозяинова, но он решил данную ситуацию обратить в свою пользу. Воевода в преамбуле написал: «По вашему великих государей указу и по наказу велено быть мне, холопу вашему, на вашей великих государей службе в Пустоозерском остроге. А в наказе великих государей мне, холопу вашему, написано: радеть бы вам, великим государям, и во всем всякого добра хотеть и всякую прибыль чинить» [15]. И после этого И. Кафтырев обратил внимание правящих властей, что возле Пустоозерского острога находятся три участка промысла семги (тони Крестовая, Прилучная и Носовая). Эти тони записаны в качестве волостных угодий пустоозерцев. Однако сами пустоозерцы данные участки не используют по назначению, а сдают их приезжим предпринимателям, которые, в свою очередь, пересдают их промысловикам. Воевода Кафтырев писал, что плата за пользование для окончательных пользователей составляла по 30 руб. за одно лето за все три тони. В то же время, сокрушался воевода, «тем они, подрядчики, сами корыстуются, а вам, великим государям, в казну с промыслу только идет десятая (рыба – М.М.). А оброку не положено на те три тони» [16]. Такое же положение, писал он, сложилось и в отношении рек Уса и Косью. Вырисовывалась очень интересная ситуация. Воевода фактически предлагал отменить действие писцовых документов и перевести данные угодья из разряда волостных (оплачиваемых через уплату прямых налогов) в разряд пустых государственных земель, выставленных на торги для сдачи в аренду. Его поддержал фактический глава государства, всесильный боярин В.В. Голицын. В резолюции дела Новгородского приказа по указанному вопросу сказано, что В.В. Голицын «с товарищи приказал: послать в Пустоозерский острог к стольнику и воеводе к Ивану Кафтыреву их, великих государей, грамоту. Велеть в Пустоозерском остроге в верху Печоры реки и об Усе, и о Косье, и о Лембе реках, и о Крестовой, и о Прилучной, и о Носовой тонях, и о иных угодьях пустоозерцам посадским и уездным охочим людям в оброке дать торг. Да кто больше на те реки и тони, и на всякие угодья оброку наддаст больше, тем людям в оброк их и отдать по Уложению. И тот оброк в сметные списки писать имянно особь статью» [17]. Приказ, изложенный в грамоте, был выполнен. Начиная с 1687/88 г. и в последу-

ющие годы за указанные три тони и реки казна ежегодно стала получать по 4 руб. 16 алтын 4 деньги (4 руб. 50 коп.) в качестве оброчной платы [18].

Всего в 1696/97 г. от аренды разных угодий поступало в государственную казну из Пустозерского уезда 39 руб. 19 коп., или на 13 руб. 41 коп. больше, чем в 1570-х гг., т.е. поступления в казну оброчных платежей с Пустозерского уезда выросли к концу XVII в. по сравнению с 70-ми годами XVI в. на 52 %.

Таким образом, аренда государственных земель в Пустозерском уезде в XVI-XVII вв. была постоянным действием, приносившим доход казне. Если в течение XVI столетия и первых 60 лет XVII столетия действовали правила, традиционные для Руси, то в последней трети XVII в. прежние правила достаточно легко отменялись правительством для увеличения поступления денег в казну. В Арктической зоне европейского северо-востока России это оборачивалось для населения фактической ликвидацией древних льгот и не способствовало в конечном счете развитию данной территории.

Источники и литература

1. Мацук, М.А. Фискальная политика Русского правительства и черносошное крестьянство восточного Поморья и Приуралья в XVII веке / М.А. Мацук. – Сыктывкар, 1998. С. 42, 43, 53, 54, 88–93, 131, 132, 140, 141, 167–170, 187, 188, 267–279, 472, 479–481, 510–515.
2. Павлина, Т.В. Таможенное дело и развитие торговли в Коми крае в конце XVI – середине XVIII века: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Павлина Татьяна Викторовна; Моск. гос. обл. ун-т. – Москва, 2014.
3. Садиков, П.А. Очерки по истории опричнины / П.А. Садиков. – Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950. – С. 467.
4. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. Новгород № 18. – Ч. 2. – Л. 1417.
5. Русская историческая библиотека. Т. 28. – Москва, 1912. – Стб. 223.
6. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. Новгород № 78. – Л. 261.
7. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. Новгород № 78. – Л. 261, 261 об.
8. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 159. – Оп. 3. – Д. 909. – Л. 102, 103.
9. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 159. – Оп. 3. – Д. 909. – Л. 104–106.
10. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 137. – Оп. 2. – Д. 277. – Л. 8.
11. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 137. – Оп. 2. – Д. 303. – Л. 9.
12. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 137. – Оп. 2. – Д. 244. – Л. 36–36 об.
13. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. Новгород № 143. – Л. 214 об.
14. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 137. – Оп. 2. – Д. 277. – Л. 8; – Оп. 1. – Д. Новгород № 143. – Л. 215.

15. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 159. – Оп. 3. – Д. 2016. – Л. 15.
16. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 159. – Оп. 3. – Д. 2016. – Л. 16.
17. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 159. – Оп. 3. – Д. 2016. – Л. 21.
18. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 137. – Оп. 1. – Д. Каргополь № 10. – Л. 288; – Оп. 2. – Д. 244. – Л. 35 об., 36.

References

1. Matsuk, M.A. Fiskal'naiia politika Russkogo pravitel'stva i chernososhnoe krest'ianstvo vostochnogo Pomor'ia i Priural'ia v XVII veke [Fiscal policy of the Russian government and the state peasantry of Eastern Pomorye and the Cis-Urals in the XVII century]. – Syktyvkar, 1998. – P. 42, 43, 53, 54, 88–93, 131, 132, 140, 141, 167–170, 187, 188, 267–279, 472, 479–481, 510–515.
2. Pavlina, T.V. Tamozhennoe delo i razvitie torgovli v Komi krae v kontse XVI – seredine XVIII veka [Customs business and development of trade in the Komi region of the late XVI – middle XVII century]: Candidate's thesis (History): 07.00.02 / Pavlina Tatyana Viktorovna; Moscow Region State University. – Moscow, 2014.
3. Sadikov, P.A. Ocherki po istorii oprichniny [Essays on the history of oprichnina]. – Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. – P. 467.
4. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. – Fonds 137, Inventory 1, File Novgorod № 18, Part 2, Sheet 1417.
5. Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library]. – Vol. 28. – Moscow, 1912. – Col. 223.
6. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. – Fonds 137, Inventory 1, File Novgorod № 78, Sheet 261.
7. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. – Fonds 137, Inventory 1, File Novgorod № 78, Sheet 261–261 Back Page.
8. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. – Fonds 159, Inventory 3, File 909, Sheets 102, 103.
9. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. – Fonds 159, Inventory 3, File 909, Sheets 104–106.
10. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. – Fonds 137, Inventory 2, File 277, Sheet 8.
11. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. – Fonds 137, Inventory 2, File 303, Sheet 9.
12. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. – Fonds 137, Inventory 2, File 244, Sheet 36–36 Back Page.
13. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. – Fonds 137, Inventory 1, File Novgorod № 143, Sheet 214 Back Page.
14. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. – Fonds 137, In-

- ventory 2, File 277, Sheet 8; Inventory 1, File Novgorod № 143, Sheet 215.
15. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. – Fonds 159, Inventory 3, File 2016, Sheet 15.
16. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. – Fonds 159, Inventory 3, File 2016, Sheet 16.
17. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. – Fonds 159, Inventory 3, File 2016, Sheet 21.
18. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts]. – Fonds 137, Inventory 1, File Kargopol № 10, Sheet 288; Inventory 2, File 244, Sheets 35 Back Page, 36.

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Информация об авторе:

Мацук Михаил Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; 167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: michailmatsuk@rambler.ru).

Author:

Mikhail A. Matsuk – Doctor of Sciences (History), Chief Researcher at the Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia, Institute of Language, Literature and History FRC Komi SC RAS (Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26 Kommunisticheskaya St., Syktывkar, Komi Republic, Russian Federation, 167000; e-mail: michailmatsuk@rambler.ru).

Для цитирования:

Мацук, М.А. Аренда государственных земель в Пустозерском уезде в XVI–XVII веках / М.А. Мацук // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 38–43.

For citation:

Matsuk, M.A. Arenda gosudarstvennykh zemel v Pustozerskom uезде v XVI–XVII vekakh [Lease of state lands in the Pustozersky district in the XVI–XVII centuries] / M.A. Matsuk // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2023. – № 1 (59). – P. 38–43.

Дата поступления рукописи: 28.10.2022

Прошла рецензирование: 02.11.2022

Принято решение о публикации: 03.11.2022

Received: 28.10.2022

Reviewed: 02.11.2022

Accepted: 03.11.2022

Тема «русского мира» в памятниках эпохи становления Московского государства

А.С. Тищенко

ФИЦ Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону
alex.tishchenko97@mail.ru

Аннотация

Понятие «русский мир» в настоящее время актуализировалось в связи с геополитическими событиями, однако его истоки обнаруживаются уже в ранних древнерусских текстах. Постепенно тема «русского мира» стала устойчивой в отечественной литературе. Особым образом она отражается в памятниках, повествующих о переломных моментах истории Руси, где осмысливается вопрос об исторической судьбе государства. В текстах XIV–XV вв. тема «русского мира» актуализируется в связи с победой в Куликовской битве и идеей объединения Русского государства под началом Москвы. Русский мир в памятниках этого периода – особое цивилизационное пространство, географический центр которого переносится из Киева в Москву.

В литературе идеализируется образ сильного правителя – лидера русского мира. Таковым предстает в текстах Дмитрий Донской. В литературных текстах XIV–XV вв. усиливается личностное начало, главным образом связанное со служением Родине. В «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» на первый план выходит мысль о единстве всего русского мира с целью победы над врагом, и это отражается в пространственной организации текстов, общерусской географии, в соединении временных пластов, что свидетельствует об общности истории и преемственности поколений, в появлении мотива жертвенности ради спокойного будущего. В «Слове о житии <...> Дмитрия Донского» князь представлен как преемник великих предков, обладающий высокими качествами, какими, в авторском осмыслении, должен обладать истинный человек русского мира. В «Житии Сергия Радонежского» акцентируется внимание на духовном покровительстве святого над Русью и его высокой роли в собирании русских земель. В «Трех посланиях <...> Кирилла Белозерского» содержатся советы об обустройстве обновленного русского мира. На материале памятников можно выделить устойчивые признаки русского мира: общность истории, независимость государства, христианство, стойкость, мужество, жертвенность во имя Отечества.

Ключевые слова:

русский мир, государство, Москва, христианство, Куликовская битва, Дмитрий Донской

The theme of the "Russian world" in the monuments of the formative era of the Moscow state

A.S. Tishchenko

Federal Research Center Southern Science Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don
alex.tishchenko97@mail.ru

Abstract

The concept of the "Russian world" has been actualized at present due to the recent geopolitical events but its origins are found already in the early specimens of the Old Russian texts. Gradually, the theme of the "Russian world" became prominent in the Russian literature. It is specifically expressed in the monuments that tell us about the crucial moments in the history of Russia as they also focus on the historical destiny of the state. The theme of the "Russian world" in the texts of the XIV–XV centuries becomes acute because of the victory in the Battle of Kulikovo and the idea of unification of the Russian state under the leadership of Moscow. The Russian world in the monuments of that period is a specific civilizational space, the geographical centre of which is transferred from Kiev to Moscow.

The image of a strong ruler, the leader of the Russian world, is idealized in the literature. Dmitry Donskoy appears in the texts as such a ruler. The literary texts of the XIV–XV centuries describe a particular person who serves the Fatherland. In the Zadonshchina and the Tale of Mamai's Debacle, the idea of the unity of the entire Russian world against the enemy comes to the fore and is reflected in the spatial organization of texts, the all-Russian geography, the juxtaposition of time layers which testifies to the commonality of history and succession of generations, and in the appearance of the motive of sacrifice for the peaceful future. In the Song about the Life of <...> Dmitry Donskoy, the Duke is a successor of his great ancestors who possesses high moral and spiritual qualities, which, in the author's understanding, a true person of the Russian world should possess. The Life of Sergius of Radonezh focuses on the spiritual protection of the Saint over Russia and his significant role in uniting the Russian lands. The Three Messages <...> of Kirill Belozersky contains proposals for the arrangement of the renewed Russian world. With help of the monuments, we can distinguish characteristic features of the Russian world: the commonality of history, the independence of the state, the Christianity, fortitude, courage, and sacrifice in the name of the Fatherland.

Keywords:

Russian world, state, Moscow, Christianity, Battle of Kulikovo, Dmitry Donskoy

Понятие «русский мир» занимает особое место в современной общественно-политической мысли. Прочно войдя в обиход в XIX в., оно актуализировалось на рубеже XX–XXI вв. и особенно остро стало звучать в настоящее время в связи с геополитическими событиями. Это понятие стало предметом научных изысканий исследователей из различных областей гуманитарных и общественных наук, вокруг него возникают дискуссии.

Исследователи расходятся во взглядах на определение русского мира, выделение его границ и признаков. В изучении этого понятия сложилось несколько направлений, или «теоретических школ» [1, с. 4], причем исследовательского единства не существует и в отношении подходов к анализу русского мира (например, по-разному выводят подходы [2–6 и др.]). Однако большинство исследователей признают существование следующих крупных направлений изучения русского мира: геополитического, геоэкономического, цивилизационно-культурного и религиозного.

Геополитический подход предполагает интерпретацию понятия «русский мир» как географической и исторической целостности, стремящейся вернуться к своим естественным границам [7–12]. Группа других исследователей осознает русский мир как геоэкономическое понятие, т.е. рассматривает его как сеть сообществ, целью которой является формирование инновационной экономики с центром – ядром русского мира – Россией [13–15]. Сторонники цивилизационно-культурного подхода рассматривают русский мир как уникальную этнокультурную общность людей, объединенных русским языком, историей, нормами и ценностями, проживают не только в России, но и за ее пределами [1; 16–18]. Исходной точкой религиозного подхода является провозглашение определяющей роли православия, которое рассматривается в качестве базового культуuroобразующего и государствообразующего фактора становления и развития российской цивилизации [19–22].

Несмотря на достаточно большое количество трудов, посвященных изучению понятия «русский мир», в настоящее время филологических работ, в которых последовательно представлен анализ темы «русского мира» в отечественной словесности, практически нет. С нашей точки зрения, русский мир – это сложное многостороннее явление, представляющее собой объединение людей, связанных общностью истории, русским языком и культурой, ментальностью, привязанностью к России и интересом к ее судьбе, и отразившееся в художественной литературе и публицистике в виде определенного набора тем, сюжетов и образов (см. об этом подробнее: [23]).

Хотя понятие «русский мир» актуализировалось в наши дни, его истоки обнаруживаются уже в ранних текстах древнерусской литературы. Впервые словосочетание «русский мир», как удалось выявить, обнаруживается в «Слове на обновление Десятинной церкви» – памятнике второй половины XI в.: «... славимъ и хвалимъ и кланяемъ въ Троицѣ поему Богу, благодаряще того вѣрнаго раба, иже умножи своего господина талантѣ не токмо въ Римѣ, но всеумъ и въ Херсонѣ, еще и въ Рустемъ мирѣ» [24, с. 144]. Показательно, что наряду с этим словосочетанием в памятнике встречаются, например, «Русская земля», «страна Русская», что

приводит к выводу о цивилизационном характере этого понятия и о его более широком семантическом наполнении, нежели «страна» и «земля».

Само словосочетание «русский мир» встречается в памятниках отечественной средневековой словесности нечасто. Но элементы концепции обнаруживаются и в «Слове о законе и благодати», где митрополит Иларион обозначает один из ключевых признаков «русского мира» – христианство, осмысляемое как «благодать», выделяющая русский народ среди других народов; и в «Повести временных лет», где тему «русского мира» можно выделить в связи с вопросами строительства, укрепления и защиты государства, в летописи также внимание уделяется фигуре сильного правителя; и в «Слове о полку Игореве», в котором концепция «русского мира» созвучна идее объединения князей и разрозненных земель под началом Киевского престола в целях защиты Родины от внешних врагов.

Постепенно тема «русского мира» стала устойчивой в отечественной литературе. Отметим, что она появляется в текстах в связи с определенным набором тем, мотивов, образов, как, например, тема строительства и укрепления государства [23; 25], тема христианства и христианского пути [23], мотив божественного покровительства [26], образ сильного правителя [27] и др. Особенно ярко тема «русского мира» отражается в памятниках, повествующих о переломных моментах истории Руси, в текстах, где осмысливается вопрос об исторической судьбе государства, мессианском значении Руси. Своеобразное звучание эта тема приобретает в памятниках, посвященных становлению Московского государства [28]. И хотя словосочетание «русский мир» там не встречается, основная проблематика этих текстов не только перекликается с рядом вопросов, поставленных в более ранних памятниках, но и во многом их раскрывает и преломляет особым образом.

В произведениях XIV–XV вв. на первый план выдвигается идея объединения Русского государства во главе с Москвой. Ключевым событием, сыгравшим большую роль в становлении Москвы как центра Русского государства, как нового центра русского мира, является Куликовская битва, которая «подняла политический престиж Москвы, сделав ее подлинной главой русских княжеств. Эта битва подняла русское национальное самосознание и сама явилась <...> результатом роста культурного и общенародного» [29, с. 5]. Идея объединения князей под началом одного – «старшего», главного является сквозной и в «Повести временных лет», и в «Слове о полку Игореве». В памятниках куликовского цикла эта мысль актуализируется и выдвигается на первый план более остро. Фигурой, объединяющей удельные княжества и решающей вопрос независимости Руси, становится Дмитрий Донской.

Личность Дмитрия Ивановича Донского осмысливается в этих произведениях особым образом: в памятнике, имеющем общепринятое наименование «Задонщина», автор называет Дмитрия Донского «великим князем», а житие Дмитрия Донского имеет заголовок «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича, царя русаго» [30, с. 206]. Как известно, первое венчание на царство было совершено в 1498 г. Иваном III, который

благословил на царствование своего внука Дмитрия. Однако первым русским царем считается Иван IV: в 1547 г. впервые проводилась полноценная церемония венчания на царство. В связи с этим именование Дмитрия Ивановича Донского царем более чем за 150 лет до официального закрепления этого титула видится нам неслучайным, так как царский титул связывается с единодержавием, преодолением княжеских усобиц и идеей общегосударственного начала и свидетельствует о «вотчинном характере власти великого князя московского над всеми частями Руси» [31, с. 7]. Такое восприятие фигуры Дмитрия Донского предвосхищает события XV–XVI вв. – становления и укрепления Русского централизованного государства, утверждения его авторитета на мировой арене: использование титула «царь» «засвидетельствовало утверждение нового статуса московского князя на международной арене» [32].

В памятниках этого периода неоднократно подчеркивается единство правящей династии на Руси, ее родословная и историческая общность: «Братия и князи русские, гнѣздо есмь великого князя Владимира Киевскаго» [33, с. 106], «Сами себѣ есмь два брата, а внуки великаго князя Владимира Киевскаго» [33, с. 110], «Братие князи русские, гнѣздо есмь князя Владимира Святославича Киевскаго, емуже открь Господь познати православную вѣру» [34, с. 148]. Соотнесение правящего рода с великим предком – Владимиром Святославичем Киевским – акцентирует внимание не только на общем происхождении русских князей, но и на преемственности Москвы от Киевской Руси, на перемещении территориального и культурного центра русского мира в Москву.

В «Слове о житии и о преставлении <...> Дмитрия Ивановича» (далее – «Слово о житии...») автор уделяет особое внимание высокородному происхождению великого князя: «Внук же бысть православнаго князя Ивана Даниловича, събрателя Руской земли» [30, с. 206]. Упоминание Ивана Даниловича Калиты, при котором началось собирание русских земель вокруг Москвы, неслучайно: это подчеркивает, что Дмитрий Донской является продолжателем дела своего великого предка. Интересно метафорическое выражение «корене святого и Богом насаженаго саду, отрасль благододна и цвѣтъ прекрасный царя Володимера, новаго Костянтина, крестившаго землю Рускую» [30, с. 206], в котором происхождение Дмитрия Донского связывается с родом Владимира Святославича. Княжеский род в представлении автора подобен мировому древу, образ которого «соотнесен с общей моделью брачных отношений и шире – с преемственной связью поколений, генеалогией рода в целом» [35, с. 400]. Образ мирового древа не только выдвигает на первый план идею древнего происхождения общего рода правителей Руси, но и соотносится с мыслью об упорядоченном устройстве всего русского мира, ведь древо «становится моделью культуры в целом, своего рода “древом цивилизации” среди природного хаоса» [35, с. 404].

В памятниках, посвященных событиям Куликова поля, сквозным является мотив единства. Он проявляется, во-первых, в представлении объединения разных князей в борьбе с противником, единстве князя и дружины: «... стоят мужи нагородские у святыя Софии, а ркучи тако:

“Уже нам, брате, не поспѣть на пособѣ к великому князю Дмитрею Ивановичю?”» [33, с. 106], «Братия и князи русские <...> Не в обиде есмь были по рождению ни соколу, ни ястребу, ни крѣчату, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю!» [33, с. 106], «И мы, государь, днесь готови есмь умерети с тобою» [34, с. 150]. Безусловно, объединенные силы Дмитрия Донского, князей-братьев, бояр направлены на победу над врагом и борьбу за независимость Русского государства, но такое единство – особенное, «братское» – можно рассмотреть как сплочение людей всего русского мира: «русский переживает мир, исходя не из “я”, а из “мы”», «Русские таинственным образом объединены духовной связью» [36, с. 11–12].

Во-вторых, важна мысль об общерусской географии: в памятниках показаны не отдельные княжества, а вся Русь в ее территориальном масштабе – упоминаемые Новгородская, Рязанская, Киевская земли осмысляются как составляющие единого государства во главе со «славным градом Москвой», при этом Русская земля – это «не просто фон для изображения событий, а живое существо, которое эмоционально реагирует на все происходящее» [37, с. 133]: «Руская земля сѣдѣть невесела <...> туюю и печалию покрываша, плачущися, чады своя поминаючи» [33, с. 104], «нынѣ еще Руссаа земля уныла и не имать уже надежи» [34, с. 156].

Наконец, можно сказать о совмещении временных пластов: повествование и в «Задонщине», и в «Сказании о Мамаевом побоище» органически соединяет прошлое, настоящее и будущее. Неоднократное обращение к истокам княжеского рода, Русского государства утверждает не только общность истории, но и прочную цивилизационно-культурную основу всего русского мира. В «Сказании о Мамаевом побоище» интересен эпизод, связанный с обращением к предкам: «Князь же великий Дмитрей Иванович з братом своим <...> приступи къ гробом православных князей прародителей своих, и тако слезно рекуще: “Истиннии хранители, русскыя князи <...> нынѣ помолитесь о нашем унынии, яко велико въстание нынѣ приключися нам, чадом вашим, и нынѣ подвизайтесь с нами”» [34, с. 154]. Призыв на помощь в борьбе с врагом покойных предков усиливает идею о единстве князей, которое является необходимым условием в обретении независимости Русью. Соединение живых и мертвых обращает к идеалам прошлого, напоминает о целостности русского мира и его скреплении духовными ценностями: недаром предки названы «истинными хранителями» и «православныя вѣры христианскыя поборьници».

Д.С. Лихачев справедливо отмечает: «Главная черта этого периода – рост личностного начала» [29, с. 7]. Но личностное начало проявляется не в индивидуализме, а в служении Родине: «В эпоху борьбы с игом выступали вперед личные свойства человека: его преданность князю, его стойкость, неподкупность, независимость, мужество» [29, с. 7]. В связи с этим можно выделить мотивы жертвенности и мученичества ради будущего, и эти мотивы устойчивы во многих памятниках отечественной словесности, где находит отражение тема «русского мира». Так, в «Задонщине», «Сказании о Мамаевом побоище», «Слове о житии...» неоднократно повторяется мысль о готовности

дружины сложить головы за землю Русскую, христианскую веру, великого князя: «... не пощадим живота своего за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую и за обиду великого князя Дмитрея Ивановича!» [33, с. 108], «И мы, государь, днесь готови есмя умерети с тобою и главы своя положить за святую вѣру христианскую и за твою великую обиду» [34, с. 150]. В «Слове о житии...» мотив жертвенности звучит особенно необычно: «Ркли есмя, тобѣ служа, живот свой положить, а нынѣ тебе дѣля кровь свою прольемъ, и своею кровию второе крещение приемемъ» [30, с. 210]. Символично упоминание «второго крещения». Автор теории о «втором крещении» в связи с монашеским постригом считается преподобный Феодор Студит: «Идеи преп. Феодора Студита о возрождающем значении монашеского пострига привились в среде византийского монашества и породили даже особые трактаты, посвященные доказательству идеи о великой схиме, как о втором благодатном крещении» [38, с. 13]. Однако здесь слова о «втором крещении», вложенные в уста княжеской дружины, можно интерпретировать как готовность отдать жизнь земную ради будущего великой Руси, ради обновления и возрождения каждого христианина и всего русского мира.

Идеалами мучеников, пострадавших за христианские ценности, являются Борис и Глеб, «сродники великого князя». Неоднократное упоминание этих святых, авторское обращение к ним неслучайно: Борис и Глеб – символы не только мученичества, но и независимости Руси, ведь, как известно, «Почитание этих первых русских святых приобрело характер национального культа, оно было связано с осуждением братоубийственных распри, с идеей сохранения единства Русской земли» [39, с. 52]. Можно сказать, что святые Борис и Глеб становятся небесными спутниками русского мира, напоминая об ужасах княжеских усобиц.

Невозможно обойти стороной мотив небесного заступничества, который характерен для многих древнерусских памятников, в особенности – для воинских повестей. В памятниках о Куликовской битве этот мотив трансформируется и получает выражение в образе Сергия Радонежского, который благословляет князя Дмитрия и его дружину на победу: «Подобает ти, господине, пещися о врученном от Бога христоименитому стаду. Поиди противу безбожныхъ, и Богу помогающе ти, побѣдиши и здравъ въ свое отечество с великими похвалами възвратишися» [40, с. 372]. В словах преподобного старца прослеживается мысль о великом назначении князя как защитника христиан, ответственного перед Богом. Незримо присутствуя на поле битвы, Сергей Радонежский становится хранителем русского мира, поставленным самим Богом оберегать Русь и помогать в борьбе с врагом: «Святый же тогда по предреченному, яко прозорливый имѣя даръ, вѣдѣаше, яко близъ была бѣда. Зряше издали, бѣше растоаниа мѣстом и многы дни хождениемъ, на молитвѣ съ братиею Богу предстоа о бывшей побѣдѣ на поганыхъ» [40, с. 374].

Важно отметить, что мысль о русском мире в разных памятниках, обращенных к событиям Куликова поля, направлена в будущее: именно с будущим связываются авторские надежды на возрождение и обновление русского мира после освобождения от ордынского ига. В связи с

этим многие памятники могут служить своего рода сводом правил для будущих поколений. Так, в одном из фрагментов «Слова о житии <...> Дмитрия Ивановича» автор призывает: «... да се слышаще, царие и князи, научитесь тако творити» [30, с. 212], тем самым представляя жизнь и подвиги Дмитрия Донского как модель поведения поистине великого князя. В «Посланиях Кирилла Белозерского», которые адресованы сыновьям Дмитрия Ивановича – продолжателям дела великого отца – можно выделить конкретные советы, направленные на обустройство и гармоничное существование обновленного русского мира: «И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы в твоей отчинѣ не было <...>. Также, господине, и мытов бы у тебя не было <...>. Также, господине, и разбоя бы и татбы во твоей отчинѣ не было» [41, с. 434]. Кирилл Белозерский акцентирует внимание на большой роли князя-правителя, который «своимъ людемъ от Бога поставленъ», и призывает к почитанию морально-нравственных и христианских законов, которые являются духовными скрепами русского мира, чтобы нашествие «иномирныхъ», чужих, врагов не повторилось, ведь это – Божье наказание за грехи.

Таким образом, памятники письменности, посвященные значимому для истории Руси событию – Куликовской битве, отражают и тему единства Русской земли, русского мира, которая проявляется в этих текстах в особом свете – прежде всего, в связи с ростом личностного начала, заключающегося в мужественном служении Родине. Русский мир в памятниках этого периода показан как претерпевающее изменения особое цивилизационное пространство, географический центр которого перемещается из Киева в Москву, но ценностные ориентиры, складывающие это целостное явление, остаются неизменными: общность истории, независимость государства, христианство, стойкость, мужество, жертвенность во имя Отечества.

Источники и литература

1. Никонов, В.А. Не воспоминание о прошлом, а мечта о будущем / В.А. Никонов // Стратегия России. – 2010. – № 3. – URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1269860718&archive=1269860794&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 25.10.2022).
2. Алейникова, С.М. «Русский мир»: белорусский взгляд / С.М. Алейникова. – Минск: РИВШ, 2017. – 240 с.
3. Кочеров, С.Н. Русский мир: проблема определения / С.Н. Кочеров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 5. – С. 163–167.
4. Кривоусков, В.В. Концепт «русский мир»: принципы и возможности методологических подходов / В.В. Кривоусков // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2016. – Вып. 1 (174). – С. 111–119.
5. Назарова, Г.Ф. Русский мир: обновление подходов к концепции / Г.Ф. Назарова, А.В. Фокина // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 6 (69). – С. 338–343.
6. Пенькова, Е.А. Русский мир как фактор социальной идентификации российской молодежи: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Екатерина Александровна Пенькова; Рос. гос. социал. ун-т. – Москва, 2012. – 164 с.

7. Андреев, А.Л. Русский мир как фактор российской политики / А.Л. Андреев // Мир и политика. – 2011. – 10 января. – С. 94–102.
8. Жаде, З.А. Российская цивилизационная идентичность в меняющемся мире / З.А. Жаде // Власть. – 2014. – № 4. – С. 53–58.
9. Дугин, А.Г. Геополитика России / А.Г. Дугин. – Москва: Академический Проект; Гаудеамус, 2012. – 424 с.
10. Кара-Мурза, А.А. Как возможен Русский мир / А.А. Кара-Мурза // Смыслы и ценности Русского мира: сборник статей и материалов круглых столов. – Москва: Фонд «Русский мир», 2010. – С. 15–19.
11. Столяров, А.М. Русский мир / А.М. Столяров. – Санкт-Петербург, 2004. – URL: <https://www.rulit.me/books/russkij-mir-read-11836-1.html?ysclid=l5k3s6h687535110274> (дата обращения: 05.10.2022).
12. Цымбурский, В.Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики / В.Л. Цымбурский // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 5. – С. 6–21.
13. Неклесса, А.И. Русский мир / А.И. Неклесса. – URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofi/8324-russkij-mir.html (дата обращения: 28.09.2022).
14. Полоскова, Т.В. Русский мир: мифы и реалии / Т.В. Полоскова, В.М. Скринник. – Москва: Московский фонд «Россияне», 2003. – 130 с.
15. Щедровицкий, П.Г. Русский мир. Возможные цели самоопределения / П.Г. Щедровицкий // Независимая газета. – 2000. – URL: http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr/?library=2015 (дата обращения: 07.10.2022).
16. Петухов, В.В. Русские и «русский мир»: исторический контекст и современное прочтение / В.В. Петухов, Р.Э. Бараш // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 6. – С. 83–101.
17. Тишков, В.А. Русский мир: история и география / В.А. Тишков // Русский мир в меняющемся мире. – Москва, 2018. – С. 13–34.
18. Фатющенко, В.И. Русский мир в контексте мировых цивилизаций: курс лекций / В.И. Фатющенко. – Москва, 2009. – 316 с.
19. Жукова, О.А. Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории / О.А. Жукова. – Москва: ООО Издательство «Согласие», 2017. – 624 с.
20. Святейший Патриарх Кирилл. Русский мир – особая цивилизация, которую необходимо сберечь. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html> (дата обращения: 06.01.2022).
21. Савельева, И.Ю. Дискурс о Русском мире: мифы и реальность / И.Ю. Савельева // Российская школа связей с общественностью. – 2015. – № 6. – С. 175–184.
22. Семенова, Г.П. Русский мир и Православная церковь России / Г.П. Семенова // Научные труды Северо-Западного института управления. – 2013. – Т. 4. – № 2 (9). – С. 213–224.
23. Ларионова, М.Ч. Тема «русского мира» в древнерусской литературе / М.Ч. Ларионова, А.С. Тищенко // Русская старина. – 2019. – № 10 (2). – С. 86–94.
24. Оболенский, М.А. О двух древнейших святынях Киева: мощах св. Климента и кресте великой княгини Ольги / М.А. Оболенский // Киевлянин. Кн. 3. – Москва, 1850. – С. 139–150.
25. Тищенко, А.С. «Повесть временных лет»: к вопросу о формировании понятий «русский мир» и «Русская земля» // Двадцатый Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура»: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Челябинск: ЧГИК, 2022. – С. 135–140.
26. Тищенко, А.С. Тема «русского мира» в «Повести о разорении Рязани Батыем»: оппозиция «свой – чужой» / А.С. Тищенко // Известия волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 9 (162). – С. 171–178.
27. Ларионова, М.Ч. Идея «Москва – третий Рим» Филофея: к вопросу о формировании понятия «русский мир» / М.Ч. Ларионова, А.С. Тищенко // Русская старина. – 2020. – № 11 (2). – С. 83–90.
28. Тищенко, А.С. Русский мир и его признаки в «Переписке Андрея Курбского с Иваном Грозным» / А.С. Тищенко // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2022. – Т. 26, № 3. – С. 80–93.
29. Лихачев, Д.С. Литература времени национального подъема / Д.С. Лихачев // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – С. 5–28.
30. Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – С. 205–227.
31. Агоштон, М. Титул правителя Московского государства (1474–1533 гг.) / М. Агоштон // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2004. – № 9. – С. 6–16.
32. Ситкевич, Ю.В. Эволюция титулатуры московских князей в практике отношений со странами Центральной и Восточной Европы (последняя четверть XV – первая четверть XVI в.) / Ю.В. Ситкевич // Журнал международного права и международных отношений. – 2014. – № 4. – С. 33–37.
33. Задонщина // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – С. 104–119.
34. Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – С. 138–189.
35. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т. 1. – Москва: Российская энциклопедия, 1994. – С. 398–405.
36. Неженец, Н.И. Концепты русского национального характера / Н.И. Неженец // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 4 (66). – С. 10–14.
37. Сторожева, А.А. Пространственная оппозиция в произведениях Куликовского цикла // Слово. Словесность. Словесник: материалы Международной научно-практической конференции преподавателей и студентов. – Рязань, 2022. – С. 130–133.
38. Пальмов, Н.Н. Пострижение в монашество. Чины пострижения в монашество в Греческой церкви: историкоархеологическое исследование / Н.Н. Пальмов. – Киев: Типография И.И. Чоколова, 1914. – 436 с.

39. Кусков, В.В. История древнерусской литературы / В.В. Кусков. – Москва: Высшая школа, 2003. – 336 с.
40. Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – С. 253–411.
41. Три послания и Духовная грамота Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. Т. 6. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – С. 424–439.

References

1. Nikonov, V.A. Ne vospominanie o proshlom, a mechta o budushchem [Not a memory of the past, but a dream of the future] / V.A. Nikonov // Strategiya Rossii [Russia's Strategy]. – 2010. – № 3. – URL: http://sr.fondedin.ru/new/full-news_arch_to.php?subaction=showfull&id=1269860718&archive=1269860794&start_from=&ucat=14& (accessed: 25.10.2022).
2. Alenikova, S.M. "Russkij mir": belorusskij vzglyad ["Russian world": Belarusian view] / S.M. Alenikova. – Minsk: Republican Institute of Higher Education, 2017. – 240 p.
3. Kocherov, S.N. Russkij mir: problema opredeleniya [Russian world: the problem of definition] / S.N. Kocherov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky]. – 2014. – № 5. – P. 163–167.
4. Krivopuskov, V.V. Koncept "russkij mir": principy i vozmozhnosti metodologicheskikh podhodov [The concept of the "Russian world": principles and possibilities of methodological approaches] / V.V. Krivopuskov // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Adygea State University]. – 2016. – Issue 1 (174). – P. 111–119.
5. Nazarova, G.F. Russkij mir: obnovenie podhodov k koncepcii [Russian world: updating approaches to the concept] / G.F. Nazarova, A.V. Fokina // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of the Orel State University]. – 2015. – № 6 (69). – P. 338–343.
6. Pen'kova, E.A. Russkij mir kak faktor social'noj identifikacii rossijskoj molodezhi [Russian world as a factor of social identification of Russian youth]: Candidate's thesis (Sociology): 22.00.44 / Pen'kova Ekaterina Alexandrovna: Russian State Social University. – Moscow, 2012. – 164 p.
7. Andreev, A.L. Russkij mir kak faktor rossijskoj politiki [Russian world as a factor of Russian politics] / A.L. Andreev // Mir i politika [The world and politics]. – 2011. – January 10. – P. 94–102.
8. Zhade, Z.A. Rossijskaya civilizatsionnaya identichnost' v menyayushchemsya mire [Russian civilizational identity in a changing world] / Z.A. Zhade // Vlast [Power]. – 2014. – № 4. – P. 53–58.
9. Dugin, A.G. Geopolitika Rossii [Geopolitics of Russia] / A.G. Dugin. – Moscow: Academic Project; Gaudeamus, 2012. – 424 p.
10. Kara-Murza, A.A. Kak vozmozhen Russkij mir [How is the Russian world possible] / A.A. Kara-Murza // Smysly i cennosti Russkogo mira: sbornik statej i materialov kruglyh stolov [Meanings and values of the Russian world: a collection of articles and materials of round tables]. – Moscow: Fond "Russkiy mir", 2010. – P. 15–19.
11. Stolyarov, A.M. Russkij mir [The Russian world] / A.M. Stolyarov. – Saint-Petersburg. – URL: <https://www.rulit.me/books/russkij-mir-read-11836-1.html?ysclid=l5k3s6h687535110274> (accessed: 05.10.2022).
12. Tsymbursky, V.L. Ostrov Rossiya. Perspektivy rossijskoj geopolitiki [The island of Russia. Prospects of Russian geopolitics] / V.L. Tsymbursky // Polis. Politicheskie issledovaniya [Policy. Political studies]. – 1993. – № 5. – P. 6–21.
13. Neklessa, A.I. Russkij mir [Russian world] / A.I. Neklessa. – URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofi/8324-russkij-mir.html (accessed: 28.09.2022).
14. Poloskova, T.V. Russkij mir: mify i realii [The Russian world: myths and realities] / T.V. Poloskova, V.M. Skrinnik. – Moscow: Moscow "Rossiyane" Foundation, 2003. – 130 p.
15. Shchedrovicky, P.G. Russkij mir. Vozmozhnye celi samoopredeleniya [Russian world. Possible goals of self-identification] // Nezavisimaya gazeta [Independent Newspaper]. – 2000. – URL: http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr/?library=2015 (accessed: 07.10.2022).
16. Petukhov, V.V. Russkie i «russkij mir»: istoricheskij kontekst i sovremennoe prochtenie [Russians and the "Russian world": historical context and modern interpretation] / V.V. Petukhov, R.E. Barash // Polis. Politicheskie issledovaniya [Policy. Political studies]. – 2014. – № 6. – P. 83–101.
17. Tishkov, V.A. Russkij mir: istoriya i geografiya [Russian world: history and geography] / V.A. Tishkov // Russkij mir v menyayushchemsya mire [Russian world in a changing world]. – Moscow, 2018. – P. 13–34.
18. Fatyushchenko, V.I. Russkij mir v kontekste mirovyh civilizacij: kurs lekcij [Russian world in the context of world civilizations: a course of lectures] / V.I. Fatyushchenko. – Moscow, 2009. – 316 p.
19. Zhukova, O.A. Filosofiya russkoj kul'tury. Metafizicheskaya perspektiva cheloveka i istorii [Philosophy of Russian culture. Metaphysical perspective of man and history] / O.A. Zhukova. – Moscow: Soglasie, 2017. – 624 p.
20. Svyatejshij Patriarh Kirill [His Holiness the Patriarch Kirill]. Russkij mir – osobaya civilizaciya, kotoruyu neobhodimo sberech [The Russian world is a special civilization that needs to be preserved]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html> (accessed: 06.01.2022).
21. Savelyeva, I.Yu. Diskurs o Russkom mire: mify i realnost [Discourse about the Russian world: myths and reality] / Savelyeva, I.Yu // Rossijskaya shkola svyazey s obshchestvennostyu [Russian School of Public Relations]. – 2015. – № 6. – P. 175–184.
22. Semenova, G.P. Russkij mir i Pravoslavnaya cerkov Rossii [Russian World and the Orthodox Church of Russia] / G.P. Semenova // Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya [Scientific papers of the Northwestern Institute of Management]. – 2013. – Vol. 4. – № 2 (9). – P. 213–224.
23. Larionova, M.Ch. Tema "russkogo mira" v drevnerusskoj literature [The theme of the "Russian world" in ancient

- Russian literature] / M.Ch. Larionova, A.S. Tishchenko // Russkaya starina [Russian antiquity]. – 2019. – № 10 (2). – P. 86–94.
24. Obolensky, M.A. O dvuh drevnejshih svyatyнях Kieva: moshchah sv. Klimenta i kreste velikoj knyagini Olgi [About the two most ancient shrines of Kiev: the relics of St. Clement and the cross of Grand Duchess Olga] / M.A. Obolensky // Kievlyanin. Kn. 3 [Kievan. Book 3]. – Moscow, 1850. – P. 139–150.
 25. Tishchenko, A.S. "Povest vremennyh let": k voprosu o formirovanii ponyatij "russkij mir" i "Russkaya zemlya" [On the question of formation of the concepts of the "Russian world" and "Russian land" in the "Tale of bygone years"] / A.S. Tishchenko // Dvadcaty Slavyanskij nauchnyj sobor «Ural. Pravoslavie. Kul'tura»: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem [The Twentieth Slavic Scientific Council "Ural. Orthodoxy. Culture": Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with the International Participation]. – Chelyabinsk: Chelyabinsk State Institute of Culture, 2022. – P. 135–140.
 26. Tishchenko, A.S. Tema "russkogo mira" v "Povesti o razorenii Ryazani Batyem": oppozitsiya "svoj – chuzhoj" [The theme of the "Russian world" in the "Tale of the destruction of Ryazan by Batu": the opposition "ours – others"] / A.S. Tishchenko // Izvestiya volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University]. – 2021. – № 9 (162). – P. 171–178.
 27. Larionova, M.Ch. Ideya "Moskva – tretij Rim" Filofeya: k voprosu o formirovanii ponyatiya "russkij mir" [The idea of "Moscow – the third Rome" by Philotheus: on the formation of the concept of the "Russian world"] / M.Ch. Larionova, A.S. Tishchenko // Russkaya starina [Russian antiquity]. – 2020. – № 11 (2). – P. 83–90.
 28. Tishchenko, A.S. Russkij mir i ego priznaki v "Perepiske Andrey Kurbskogo s Ivanom Groznym" [Russian world and its signs in the "Correspondence of Andrei Kurbsky with Ivan the Terrible"] / A.S. Tishchenko // Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki [Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences]. – 2022. – Vol. 26. – № 3. – P. 80–93.
 29. Likhachev, D.S. Literatura vremeni nacionalnogo pod'yema [Literature of the time of national rise] / D.S. Likhachev // Biblioteka literatury Drevnej Rusi: v 20 tomah [Library of Literature of Ancient Russia: in 20 volumes]. – Vol. 6. – Saint-Petersburg: Nauka, 1999. – P. 5–28.
 30. Slovo o zhitii velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha [A word about the life of Grand Duke Dmitry Ivanovich] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi: v 20 tomah [Library of Literature of Ancient Russia: in 20 volumes]. – Vol. 6. – Saint-Petersburg: Nauka, 1999. – P. 205–227.
 31. Agoshton, M. Titul pravatelya Moskovskogo gosudarstva (1474–1533 gg.) [Title of ruler of the Moscow state (1474–1533)] / M. Agoshton // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations]. – 2004. – № 9. – P. 6–16.
 32. Sitkevich, Yu.V. Evolyuciya titulatury moskovskih knyazej v praktike otnoshenij so stranami Central'noj i Vostochnoj Evropy (poslednyaya chetvert XV – pervaya chetvert XVI v.) [Evolution of the title of Moscow dukes in the practice of relations with the countries of Central and Eastern Europe (the last quarter of the XV – the first quarter of the XVI century)] / Yu.V. Sitkevich // Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij [Journal of International Law and International Relations]. – 2014. – № 4. – P. 33–37.
 33. Zadonshchina [Zadonshchina] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi: v 20 tomah [Library of Literature of Ancient Russia: in 20 volumes]. – Vol. 6. – Saint-Petersburg: Nauka, 1999. – P. 104–119.
 34. Skazanie o Mamaevom poboishche [The legend of the Mamai Massacre] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi: v 20 tomah [Library of Literature of Ancient Russia: in 20 volumes]. – Vol. 6. – Saint-Petersburg: Nauka, 1999. – P. 138–189.
 35. Mify narodov mira. Enciklopediya v 2-h tomah [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in 2 volumes]. – Vol. 1. – Moscow: Rossijskaya enciklopediya, 1994. – P. 398–405.
 36. Nezhenec, N.I. Koncepty russkogo nacionalnogo haraktera [Concepts of Russian national character] / N.I. Nezhenec // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. – 2015. – № 4 (66). – P. 10–14.
 37. Storozheva, A.A. Prostranstvennaya oppozitsiya v proizvedeniyah Kulikovskogo cikla [Spatial opposition in the works of the Kulikov cycle] / A.A. Storozheva // Slovo. Slovesnost. Slovesnik: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii prepodavatelej i studentov [Word. Philology. Philologist: Materials of the International Scientific and Practical Conference of Teachers and Students]. – Ryazan, 2022. – P. 130–133.
 38. Palmov, N.N. Postrizhenie v monashestvo. Chiny postrizheniya v monashestvo v Grecheskoj cerkvi: istorikoarheologicheskoe issledovanie [Monastic tonsure. The ranks of monastic tonsure in the Greek Church: historical and archaeological research] / N.N. Palmov. – Kiev: I.I. Chokolov Printing House, 1914. – 436 p.
 39. Kuskov, V.V. Istorija drevnerusskoj literatury [The history of Ancient Russian literature] / V.V. Kuskov. – Moscow: Vysshaya shkola, 2003. – 336 p.
 40. Zhitie Sergiya Radonezhskogo [The Life of Sergius of Radonezh] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi: v 20 tomah [Library of Literature of Ancient Russia: in 20 volumes]. – Vol. 6. – Saint-Petersburg: Nauka, 1999. – P. 253–411.
 41. Tri poslaniya i Duhovnaya gramota Kirilla Belozerskogo [Three Epistles and the Spiritual Letter of Kirill Belozersky] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi: v 20 tomah [Library of Literature of Ancient Russia: in 20 volumes]. – Vol. 6. – Saint-Petersburg: Nauka, 1999. – P. 424–439.

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

Информация об авторе:

Тищенко Алексей Сергеевич – инженер-исследователь лаборатории филологии Южного научного центра РАН (Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН); Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Чехова, д. 41; e-mail: alex.tishchenko97@mail.ru).

Author:

Alexey S. Tishchenko – Research Engineer of the Philology Laboratory of the Southern Science Center RAS (Federal State Budgetary Institution of Science “Federal Research Center Southern Science Center of the Russian Academy of Sciences”, 41 Chekhova prospect, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006; e-mail: alex.tishchenko97@mail.ru).

Для цитирования:

Тищенко, А.С. Тема «русского мира» в памятниках эпохи становления Московского государства / А.С. Тищенко // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 44–51.

For citation:

Tishchenko, A.S. Tema "russkogo mira" v pamyatnikah epohi stanovleniya Moskovskogo gosudarstva [The theme of the “Russian world” in the monuments of the formative era of the Moscow state] / A.S. Tishchenko // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2023. – № 1 (59). – P. 44–51.

Дата поступления рукописи: 26.01.2023

Прошла рецензирование: 30.01.2023

Принято решение о публикации: 31.01.2023

Received: 26.01.2023

Reviewed: 30.01.2023

Accepted: 31.01.2023

Синодик-помянник Малюты Скуратова из Иосифо-Волоколамского монастыря: опыт расшифровки

С.Ю. Шокарев

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва
shokarevs@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу и расшифровке родового синодика-помянника Малюты Скуратова из Иосифо-Волоколамского монастыря. Этот материал сопоставлен с другими помянниками Скуратова из синодиков Новодевичьего и Троице-Сергиева монастырей. Анализ дополняет сведения о генеалогии Малюты Скуратова и связях внутри клана Бельских. В помяннике прослежены закономерности, которые могут служить для расшифровки других синодичных записей.

Ключевые слова:

коммеморация, синодики, Малюта Скуратов, Иосифо-Волоколамский монастырь, Троице-Сергиев монастырь

Commemoration Book of Malyuta Skuratov from the Joseph-Volokolamsk Monastery: an experience of deciphering

S. Yu. Shokarev

Russian Academy of National Economy
and Public Service under the President of the RF,
Moscow
shokarevs@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis and deciphering of the ancestral Commemoration Book of Malyuta Skuratov from the death-bills of the Joseph-Volokolamsky Monastery. This material is compared with the other Commemoration Books of Skuratov from the Novodevichy Convent and Trinity-St. Sergius Monastery. The analysis improves the knowledge about the genealogy of Malyuta Skuratov and the relations within the Belsky clan. The Commemoration Book has regular features that can help to decipher other synodic records.

Keywords:

commemoration, Commemoration Books, Malyuta Skuratov, the Joseph-Volokolamsky Monastery, the Trinity-St. Sergius Monastery

Фигура знаменитого опричного палача Малюты Скуратова (Григория Лукьяновича Бельского) неоднократно привлекала специалистов, занимавшихся его биографией, политическим влиянием и родственными связями [1, с. 201–203; 2, с. 23–25; 3–5]. Взгляд на Малюту Скуратова в зеркале коммеморативных практик открывает малоизвестные стороны его деятельности и характера и вместе с этим позволяет рассмотреть новый материал по истории русской поминально-погребальной традиции. Коммеморации Малюты Скуратова касались В.И. Антонова, В.А. Меняйло и Л.А. Щенникова, в работах, посвященных Волоколамской иконе Божией Матери [6–8].

Малюта Скуратов и его родственники, Бельские, в данном аспекте интересны тем, что сохранилось значительное число источников, связанных с организацией их родового поминовения в Иосифо-Волоколамском монастыре. На поминовение своего рода Бельские во второй половине XVI в. пожертвовали огромную по тем временам сумму (около 3 тыс. руб.). Источники о поминовении Бельских в монастыре святого Иосифа таковы:

1. Вкладные (записные) книги: ГИМ. Епарх. 419 (687), 2-я–3-я четв. XVI в., опубликована по списку XIX в. [9, приложение, с. 1–79]; ГИМ. Епарх. 418, сер. XVI–нач. XVII в., опубликована [9, приложение, с. 80–115]; РГАДА. Ф. 1192.

Оп. 2. Д. 395 (XVI–начало XVII в.); РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. Д. 141, список кон. XVIII в.

2. Кормовые книги: ГИМ. Епарх. 415 (675), сер. 4-я четв. XVI в.;
3. Синодики: ГИМ. Епарх. 414 (673), 2-я–3-я четв. XVI в.; РГАДА. Ф. 1192. Оп. 559, 1597 г.; РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 561, XVI–XVII вв.; ГИМ. Епарх. 413 (672). 1646 г.; ГИМ. Епарх. 412 (670). 3-я четв. XVII в.

Наиболее полный перечень имен Бельских, поминавшихся в монастыре, и месяцеслов «кормов» на их представление содержит синодик из собрания ГИМ (Епарх. 413 (672), 1646 г.): «... инока Леонида, иноку Варсонофию, Афонасия, иноку Татиану, Григория, Игнатия, Ивана, Григория, иноку Мареману, Максима, Захария, Ксению, инока Филофея, Еуфимию, Иакова, Дмитрия, Григория, Владимира, инока Серапиона, иноку Анисию, Анну, инока Васьяна, иноку Елену, инока Геронтия, инока Илию, Григория, Татиану, инока Макария, инока Антония, Андрея, иноку Александру» [10, л. 56, 56 об.].

Главный «корм» (большой «корм») по Малюте и его родственникам был установлен 30 сентября – на день памяти священномученика епископа Григория Армянского. Попробуем расшифровать помянник, помещенный в этот день, сопоставив имена с известными по вкладным и приходным книгам, а также другим синодикам [10, л. 41 об., 69

Таблица 1

**Помянник Малюты Скуратова по синодикам
Иосифо-Волоколамского монастыря (ГИМ. Епарх. 413 (672), 1646 г.)**
Table 1
**Synodic records of Malyuta Skuratov from the death-bills
of the Joseph-Volokolamsky Monastery (State Historical Museum.
Eparchy 413 (672), 1646)**

Имя в помяннике	Атрибуция	День памяти
Инока Леонида	Лукьян Афанасьевич Скурат Бельский, инок Леонид, отец Малюты	15 октября
Иноку Варфумофею	Инокиня Варсонофия, мать Малюты Скуратова	4 ноября
Афанасия	Афанасий Евстафьевич Бельский, дед М. Скуратова	
Иноку Татиану	Бабка М. Скуратова, супруга А.Е. Бельского [11, л. 76]	
Григория	–	
Игнатия	Дед М. Скуратова со стороны матери [11, л. 76]	
Ивана	–	
Григория	Григорий Лукьянович Малюта Скуратов Бельский	30 сентября, 1 января, 12 января, 25 мая
Иноку Маремияну	Мария Скуратова Бельская, супруга М. Скуратова, инокиня Мариамна	13 апреля
Максима	Максим Григорьевич Горяин, сын М. Скуратова	28 ноября
Захария	Захарий Шемяка Бельский, отец инока Вассиана (в миру Василия), возможно, двоюродный или родной дядя М. Скуратова	
Ксению	–	
Инока Филофея	–	
Еуфимию	Евфимия, супруга С.Л. Бельского (?) [12, с. 46]	
Иякова	Яков Лукьянович, брат М. Скуратова (?)	
Дмитрия	Возможно, Неждан Лукьянович, брат М. Скуратова (?)	
Григория	Григорий Нежданов, племянник М. Скуратова (?)	
Владимира [13, с. 88]	Возможно, Третьяк, брат М. Скуратова (?)	
Инока Серапиона	Сидор (Исидор) Лукьянович, инок Серапион, брат М. Скуратова	
Иноку Анисью	–	
Анну	Супруга Ивана (в монашестве Ильи), брата М. Скуратова	18 августа
Инока Вассиана	Вассиан (в миру Василий) Шемякин	21 ноября
Иноку Елену	Евфимия, супруга Я.Л. Бельского, инокиня Елена	2 марта
Инока Геронтия	Григорий Иванович, инок Геронтий, племянник М. Скуратова	18 августа, 15 сентября
Инока Илью	Иван Лукьянович, инок Илья, брат М. Скуратова	25 августа, 15 сентября
Григория	Григорий Лукьянович, брат М. Скуратова	
Татиану	Татьяна, супруга Г.Л. Бельского, брата М. Скуратова	
Инока Макария	Невежа-Матвей Яковлевич, племянник М. Скуратова	3 мая
Инока Антония	Богдан-Андрей Сидорович, племянник М. Скуратова	4 июля
Андрея	Богдан-Андрей Яковлевич, племянник М. Скуратова	
Александру	–	

об., 79, 95, 117 об., 147 об., 168, 178, 189, 209, 228; 11, л. 76 об., 77, 78 об., 80 об.]. При расшифровке была использована наиболее полная в настоящее время генеалогическая схема рода Бельских, составленная Н.В. Башниным и А.Л. Корзининым [4, с. 176] (см. схема). В табл. 1 имена приведены в родительном падеже, как в тексте помянника.

Из 31 имени, включенного в синодик, удастся отождествить точно или приблизительно 25, что довольно большой процент для расшифровки родовых синодиков. Помянник сконцентрирован вокруг фигуры главного представителя рода – Малюты Скуратова. В синодике неоднократно отмечается, что основной день поминовения Бельских приходится на 30 сентября – именины Григория Лукьяновича.

Данный помянник Малюты в составе помянников Иосифо-Волоколамского монастыря не единственный. В другом синодике он дополняется именами Петра, Ивана и Марии, помещенными между иноком Ильей и парой «Григория, Татиану», являющимися, скорее всего, родителями Петра Вериги Григорьевича Бельского. Отождествить эти имена можно с Петром Веригой, Иваном Яковлевичем и Марией Яковлевной [14, л. 9].

Представляет интерес четыре дня, отведенных для кормового поминовения М. Скуратова. 30 сентября отмечались его именины, 1 января – дата смерти; другие числа – это даты внесения царских вкладов по душе Малюты Скуратова: 12 января 1599 г. – царя Бориса Годунова, а 25 мая (без указания года) – царя Ивана Грозного [11, л. 6, 12, 13–13 об.]. По мнению Н.В. Башнина и А.Л. Корзинина, дата 25 мая была избрана царем для установления еще одного корма по М. Скуратову, поскольку в этот день празднуется память преподобного Григория, чудотворца Печорского – «возможно, этого святого особо чтит Малюта Скуратов» [4, с. 179].

А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский отмечают, что 30 сентября также отмечается день памяти преподобного Григория Пельшемского, прославленного в 1549 г. Малюта Скуратов родился ранее этой даты и все же, по мнению исследователей, «возможность крещения в честь местночтимого на тот момент св. Григория Пельшемского все же нельзя исключить полностью». Представляется, что вкладные и записные книги определенно указывают на святого Григория Армянского как патрона Малюты Скуратова, и здесь вряд ли возможны иные варианты.

Интереснее сюжет с Григорием Печерским. А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский обратили внимание на то, что святой Григорий был утоплен дружинниками князя Ростислава за предсказание их скорой кончины. Действительно, вскоре после этого князь и его дружина утонули, убегая от половцев, а тело святого было чудесным образом обретено. «Тот специфический склад ума, которым отличался царь Иван, позволяет осторожно допустить, что он сознательно соположил этот агиографический сюжет с жизненным путем Малюты Скуратова», – заключают исследователи. Таким образом, с Малютой Скуратовым, возможно, связывалось почитание двух святых Григориев, в честь одного из которых он был крещен, а с другим его связывали какие-то особые обстоятельства [15, с. 14, 15]. Вместе с тем, поминовение Малюты отмечалось 12 января, когда в месяцеслове нет Григориев, а память святого Григория Нисского 10 ян-

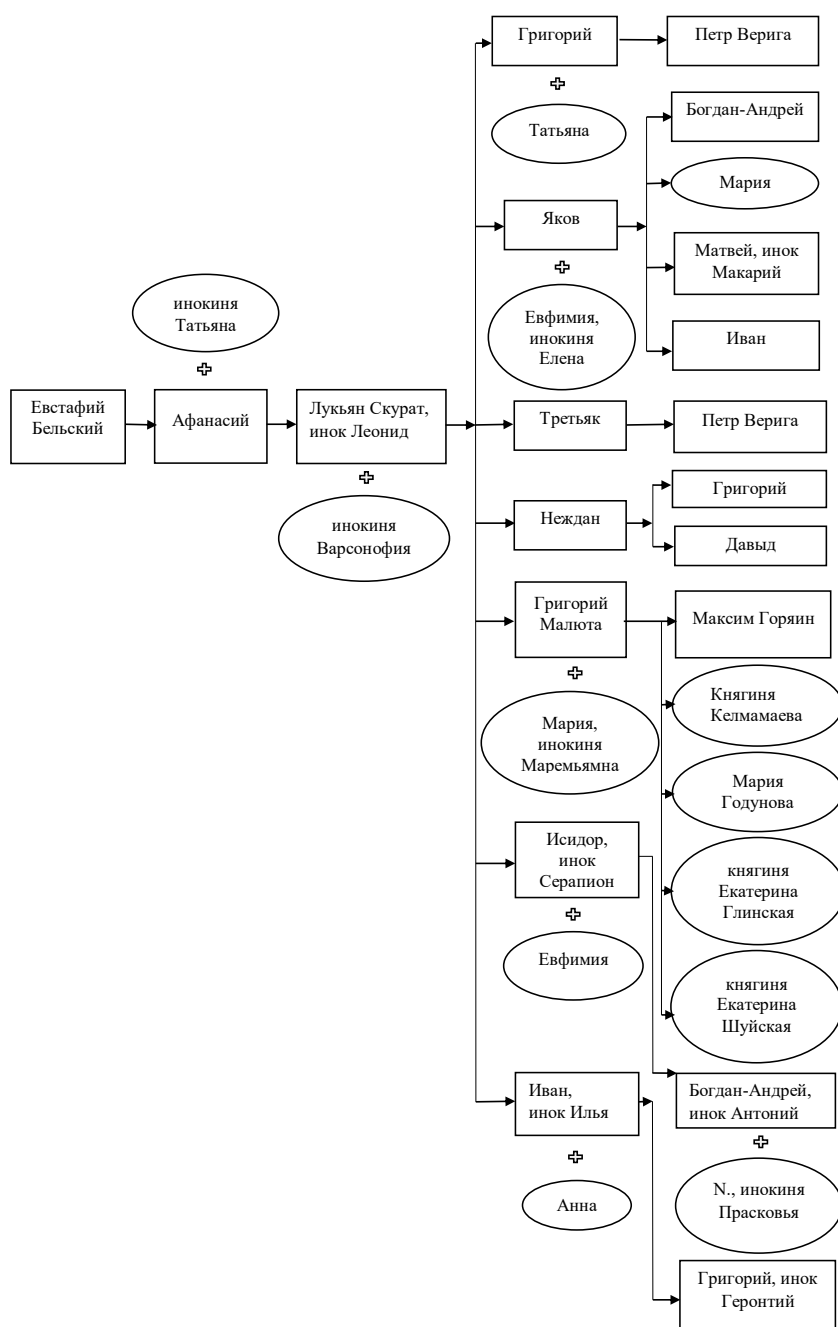

Схема. Генеалогическая схема рода Бельских (по Н.В. Башнину и А.Л. Корзину, с дополнениями и поправками автора).

Scheme. The genealogical tree of the Belsky family clan (by N.V. Bashnin and A.L. Korzinin with the author's additions and corrections).

варя вряд ли можно связать со вкладом Бориса Годунова. В Кирилло-Белозерском монастыре «корм» по Малюте совершали 28 сентября, объединив с другими вкладчиками [16, с. 117].

В недавнее время достигнуты значительные успехи в расшифровке родовых синодиков-помянников (работы В.В. Дергачева, С.В. Сазонова, А.Г. Авдеева, С.Н. Кистерева, В.В. Мурзина-Гундорова и др.). Итоги исследований показывают, что записи имен в синодиках не подчиняются какому-то общему правилу. По определению А.Г. Авдеева, «имена перечислялись либо по гендерному принципу – сначала мужские, потом женские в нисходящем порядке родства, либо

в порядке семейного старшинства, если речь шла о потомках одного отца, – сначала сыновья, затем внуки, однако деление рода на прямые и боковые ветви выдерживалось далеко не всегда. Нередко система в перечислении имен отсутствовала, так как вкладчик перечислял их в том порядке, в котором они всплывали в памяти» [17, с. 64]. Добавим к этому, что в некоторых помянниках запись замыкается перечислением младенцев и/или слуг, а в отдельных случаях – дополняется именами царей, князей, господ (помянники слуг) и, вероятно, друзей [18, л. 95 об.].

Помянник Малюты перечисляет имена в генеалогическом порядке, хотя не всегда последовательно. Список начинается именами родителей Малюты, затем поднимается на поколение вверх (но не более, имени прадеда – Евстафия – там нет), после «дедов» следуют имена Малюты, его жены и сына, затем несколько имен остаются непонятными, а затем перечислены семьи братьев Малюты и другие, более отдаленные родственники (например, Вассиан Шемякин). Если принять предложенное отождествление, то синодик не выдерживает четкого порядка старшинства, однако демонстрирует общую тенденцию – от старших поколений к младшим.

При сопоставлении родовых помянников Малюты Скуратова из Ио-сифо-Волоколамского монастыря с другими выясняется, что между ними существуют весьма значительные отличия.

Например, запись рода М. Скуратова в синодике Новодевичьего монастыря (там была похоронена его жена, Мария Степановна) отличается краткостью и содержит иной набор имен, нежели волоколамские синодики: «Григория, схимницы Маремьяны, Максима, Марию, Феодора» [19, л. 24; 20, с. 226].

Определенно можно отождествить три имени: Григория Малюты, его супруги, инокини Маремьяны и их сына Максима Горяина. Относительно двух других можно предположить, что это дочь Малюты, Мария Годунова, и ее сын, царевич Федор. Известно, что царевна Ксения Годунова, в монашестве Ольга, в 1610–1611 гг. жила в Новодевичьем монастыре. Вероятно, запись в синодик была осуществлена в это время, при ее жизни. Поэтому имя Ксении (или монахини Ольги) в синодике отсутствует. Другой вопрос, который возникает при таком отождествлении – это отсутствие титулов. Можно предположить, что в Смутное

время упоминание о царском титуле Марии и Федора показалось нежелательным, несмотря на частичную реабилитацию Бориса Годунова при Василии Шуйском. Наконец, еще один спорный момент касается христианского имени царевича Федора Годунов, которым было, как установили А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский, не Феодор, а Феодот [21, с. 85–97]. Указание публичного, а не крестильного имени царевича может быть связано с тем, что запись оформлялась кем-то из боярынь или слуг царевны-инокини, кто мог не знать о том, что Федор Годунов был крещен Феодотом.

Еще сложнее ситуация с записями родовых поминовений Малюты и его жены в синодике 1575 г. Троице-Сергиева монастыря (Ризничный синодик).

На л. 101 помещена запись, обозначенная киноварной подписью над строками «родители Малютинския жены», включающая 43 имени. На л. 102 об. – 103 запись – «родъ Малюты Скоуратова» из 47 имен [22, л. 101, 102 об., 103]. Эти записи почти идентичны друг другу, в них совпадают 36 имен. Однако с волоколамским синодиком Епарх. 413 (672) совпадает всего восемь имен из помянника Малютинской жены и семь имен из помянника самого Малюты. Эти имена в обеих записях из синодика 1575 г. узнаются без труда: «Афонасия, инок схимника Леонида, Игнатя, инок скимницю Варсонофию, помяни Ги Григория убиенаго от немец, Ивана, Григория» [22, л. 102 об., 103]. Помянники из состава троцкого синодика 1575 г. сведены ниже в таблицу, где курсивом выделены совпадающие имена (табл. 2). Даже если учесть, что популярные имена Иван и Мария могут принадлежать разным лицам, совпадения весьма значительны.

Видимо, расхождения между троцкими и волоколамским помянником следует объяснять тем, что в синодике 1575 г. довольно полно представлен род жены Малюты, Марии Степановны. Из имен, которые дополняют волоколамский помянник, можно отождествить лишь немногие. Очевидно, один из Стефанов – это тесть Малюты Скуратова, фамилия которого неизвестна. Имена «князя Иона, княжну Елену», скорее всего, относятся к князю Ивану Келмамаевичу Канбарову и его сестре, княжне Елене. 15 июля 1573 г. Петр Верига Григорьев Бельский (племянник Малюты) дал по душе князя Ивана Канбарова и его сестры, княжны (в источнике ошибочно: княгини) Елены «на корм» 6 руб. В том же году, 20 августа, вдова Малюты, Мария, дала 50 руб. «по зятю по своем по князе Иване Келмамаевиче» [13, с. 6, 9]. Скорее всего, князь И.К. Канбаров был зятем Малюты Скуратова и Марии Степановны, однако нельзя исключить, что он был женат на сестре жены Малюты. Два других княжеских имени, князя Иоанна и княгиню Марию, пока раскрыть не удалось. Загадкой остается отсутствие имени князя Иоанна (предположительно, Келмамаевича Канбарова) в помяннике жены Малюты Скуратова, ведь именно она сделала вклад по его душе.

Анализ родового синодика-помянника Малюты Скуратова позволяет сделать выводы о составе его рода и семейных связях внутри клана Бельских. Как можно видеть, они были крепкими. Родовая память Малюты включает три поколения вглубь, родных братьев, племянников и более дальних родственников. Помянники в составе троцкого

Таблица 2
Помянники Марии Степановны Бельской и Малюты Скуратова в синодике Троице-Сергиева монастыря 1575 г.

Table 2
Synodic records of Mariya Stepanovna Belskaya and Malyuta Skuratov in the death-bills of the Trinity-St. Sergius Monastery of 1575

№	Родители Малютинския жены	Родъ Малюты Скоуратова
1	Афонасия	Афонасия
2	Леванида	инок схимника Леонида
3	Игнатиа	Игнатя
4	Варсонофя	инок скимницю Варсонофию
5	Иоанна	помяни Ги Григория убиенаго от немец
6	Григора	Ивана
7	Василисоу	Григориа
8	Марю	Василисоу
9	Симеона	Марию
10	Феодре	Клементиа
11	Гаврила	Семена
12	Марью	Феодора
13	Иона	Алексеа
14	Елену	Гаврила
15	Алексия	инок Герасима
16	Ефросинью	Варфоломеа
17	Стефана	инок Еоуфросиню
18	Еуфимю	Анну
19	Алексия	Марию
20	Прохора	инок скимницю Еоуфросинию
21	Исидра	Иона
22	Антоня	Елену
23	Зеновию	Стефана
24	Михаила	Афимию
25	Симеона	князя Иона
26	Анну	княжну Елену
27	Стефана	княз Иона
28	Марфоу	княг Марию
29	Матфея	младенца Михаила
30	Стефаниду	младенца Семена
31	Андрея	младенца Зиновию
32	княжну Елену	младенца Анну
33	Федра	младенца Марфоу
34	Василя	младенца Стефанидоу
35	Марю	младенца Исидора
36	Евдокею	младенца Антониа
37	Владимера	Прохора
38	Анну	Анну
39	Анну	Авдотию
40	Марю	Марию
41	Василя	Матфея
42	Александра	Василиа
43	Иона	Феодора
44		Василиа
45		Иона
46		младенца Иона
47		младенца Феодора

синодика 1575 г., скорее всего, были составлены после смерти Малюты Скуратова его вдовой или в ее окружении. Возможно, расшифровка этой записи даст возможность уточнить ее происхождение.

Источники и литература

1. Веселовский, С.Б. Исследование по истории опричнины / С.Б. Веселовский. – Москва, 1963. – 539 с.
2. Кобрин, В.Б. Опричина. Генеалогия. Антропонимика: избранные труды / В.Б. Кобрин. – Москва, 2008. – 369 с.
3. Володихин, Д.М. Малюта Скуратов / Д.М. Володихин. – Москва, 2012. – 258 с.
4. Башнин, Н.В. Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова / Н.В. Башнин, А.Л. Корзинин // Российская история. – 2017. – № 2. – С. 172–188.
5. Гневашев, Д.Е. Вологодское поместье Малюты Скуратова / Д.Е. Гневашев // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории России XII–XX веков: сборник статей в честь Елены Николаевны Швейковской. – Москва, 2021. – С. 23–51.
6. Антонова, В.И. Волоколамская Богоматерь / В.И. Антонова // Очерки по русскому и советскому искусству: статьи, публикации, хроника. – Ленинград, 1974. – С. 53–77.
7. Меняйло, В.А. Две чудотворные иконы из Иосифо-Волоцкого монастыря / В.А. Меняйло // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель: материалы научно-практической конференции, посвященной пятилетию обретения Святых мощей Преподобного Иосифа, 520-летию освящения первого монастырского каменного храма – Успенского собора – и 80-летию со дня рождения Митрополита волоколамского и Юрьевского Питирима. – Иосифо-Волоцкий ставропигиальный мужской монастырь. – Новый Иерусалим, 2008. – С. 187–198.
8. Щенникова, Л.А. Местночтимая икона «Богоматерь Владимирская» из Иосифо-Волоколамского монастыря и ее заказчик / Л.А. Щенникова // Иконографические новации и традиция в русском искусстве XVI века: сб. ст. памяти Виктора Михайловича Сорокатого / ред.-сост. О.А. Дьяченко, Л.М. Евсеева. – Москва, 2008. – С. 173–198.
9. Титов, А.А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительно члену Русского археологического общества И.А. Вахрамееву. Вып. 5 / А.А. Титов. – Москва, 1906. – 240 с.
10. Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря. Государственный исторический музей (ГИМ). Епарх. 413 (672).
11. Записная книга вкладов Иосифо-Волоколамского монастыря. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 181. – Оп. 2. – Д. 141.
12. Акты служилых землевладельцев XV–начала XVII вв. / сост. А.В. Антонов. – Москва, 1998. – Т. 2. – 602 с.
13. Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. / под ред. д.и.н. А.Г. Манькова. – Москва–Ленинград, 1980. – 279 с.
14. Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря. ГИМ Епарх. 415 (675).

15. Литвина, А.Ф. Особенности почитания соименных святых на Руси XVI–XVII вв. / А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский // Вопросы ономастики. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 9–29.
16. Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках / подг. текстов и исследование Т.И. Шабловой. – Санкт-Петербург, 2012. – 402 с.
17. Авдеев, А.Г. Архимандрит Троицкого Ипатьевского монастыря Феодосий II (*1680) / А.Г. Авдеев // Ипатьевский вестник. – 2021. – № 4 (16). – С. 63–76.
18. Синодик Соловецкого монастыря. ГИМ Епарх. 944.
19. Синодик Новодевичьего монастыря. ГИМ. НДМ № 108.
20. Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива московского Новодевичьего монастыря / под ред. В.И. Корецкого; подгот. текста и вступ. ст. В.Б. Павлова-Сильванского. – Москва, 1985. – 362 с.
21. Литвина, А.Ф. Годунов в кругу родни (Биографические разыскания) / А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. – Санкт-Петербург, 2022. – 224 с.
22. Синодик Троице-Сергиева монастыря. Российская государственная библиотека (РГБ). – Ф. 304. – III. – № 25.

References

1. Veselovsky, S.B. Issledovanie po istorii oprichniny [Studies on the history of oprichnina] / S.B. Veselovsky. – Moscow, 1963. – 539 p.
2. Kobrin, V.B. Oprichnina. Genealogiya. Antroponimika: izbrannyye trudy [Oprichnina. Genealogy. Anthroponymy: selected works] / V.B. Kobrin. – Moscow, 2008. – 369 p.
3. Volodikhin, D.M. Malyuta Skuratov / D.M. Volodikhin. – Moscow, 2012. – 258 p.
4. Bashnin, N.V. Novye dannyye k biografii oprichnika Malyuty Skuratova [New data on the biography of the oprichnik Malyuta Skuratov] / N.V. Bashnin, A.L. Korzinin // Rossiyskaya istoriya [Russian History]. – 2017. – № 2. – P. 172–188.
5. Gnevashev, D.E. Vologodskoe pomestye Malyuty Skuratova [Vologda estate of Malyuta Skuratov] / D.E. Gnevashev // Tradicionnye i novatorskie puti izucheniya socialnoy istorii Rossii XII–XX vekov: Sbornik statej v chest Eleny Nikolaevny Shvejkovskoy [Traditional and innovative means of studying the social history of Russia in the XII–XX centuries: Collection of articles in honor of Elena N. Shveikovskaya]. – Moscow, 2021. – P. 23–51.
6. Antonova, V.I. Volokolamskaya Bogomater [Volokolamsk Icon of the Mother of God] / V.I. Antonova // Ocherki po russkomu i sovetskomu iskusstvu. Statyi, publikacii, hronika [Essays on the Russian and Soviet Art. Articles, publications, chronicle]. – Leningrad, 1974. – P. 53–77.
7. Menyailo, V.A. Dve chudotvornyye ikony iz Iosifo-Volockogo monastyrja [Two miraculous icons from the Joseph-Volotsky Monastery] / V.A. Menyailo // Prepodobnyy Iosif Volockij i ego obitel: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj pyatiletiyu obreteniya Svyatykh moshchej Prepodobnogo Iosifa, 520-letiyu osvyashcheniya pervogo monastyr'skogo kamennogo hrama – Uspenskogo sobora – i 80-letiyu so dnya rozhdeniya Mitropolita

- volokolamskogo i Yuryevskogo Pitirima [St. Joseph Volotsky and his Cell: Materials of the Scientific and Practical Conference Dedicated to the Fifth Anniversary of the Acquisition of the Holy Relics of St. Joseph, the 520th anniversary of the consecration of the first stone monastery church – the Assumption Cathedral – and the 80th anniversary of the birth of the Metropolitan of Volokolamsk and Yuryevsk Pitirim]. – Iosifo-Volotsky male monastery. – New Jerusalem, 2008. – P. 187–198.
8. Shchennikova, L.A. Mestnochtimaya ikona "Bogomater Vladimirskaya" iz Iosifo-Volokolamskogo monastyrya i ee zakazchik [Locally venerated icon "The Virgin Mary of Vladimir" from the Joseph-Volokolamsk Monastery and its orderer] / L.A. Shchennikova // Ikonograficheskie novacii i tradiciya v russkom iskusstve XVI veka: sb. st. pamyati Viktora Mihajlovicha Sorokatogo [Iconographic innovations and tradition in the Russian art of the XVI century: collection of articles in memory of Viktor M. Sorokaty] / edited and compiled O.A. Dyachenko, L.M. Evseeva. – Moscow, 2008. – P. 173–198.
 9. Titov, A.A. Rukopisi slavyanskije i russkije, prinadlezhashchie dejstvitel'nomu chlenu Russkogo arheologicheskogo obshchestva I.A. Vahrameevu [Slavic and Russian manuscripts belonging to a full member of the Russian Archaeological Society I.A. Vakhrameev]. Issue 5 / A.A. Titov. – Moscow, 1906. – 240 p.
 10. Sinodik Iosifo-Volokolamskogo monastyrya [Death-bill of the Joseph-Volokolamsk Monastery]. Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey (GIM) [State Historical Museum]. Eparchy 413 (672).
 11. Zapisnaya kniga vkladov Iosifo-Volokolamskogo monastyrya [Donation Book of the Joseph-Volokolamsk Monastery]. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts]. Fonds 181. Inventory 2. File 141.
 12. Akty sluzhilykh zemlevladel'cev XV–nachala XVII vv. [Acts of landowners who served in the military service in the XV–early XVII centuries] / Compiled A.V. Antonov. – Moscow, 1998. – Vol. 2. – 602 p.
 13. Votchinnye hozyajstvennye knigi XVI v. Prihodnye i raskhodnye knigi Iosifo-Volokolamskogo monastyrya 70–80-h gg. [Land economic books of the XVI century. Receipt and expense books of the Joseph-Volokolamsk Monastery of the 70–80s] / Ed. Doctor of History A.G. Mankov. – Moscow-Leningrad, 1980. – 279 p.
 14. Sinodik Iosifo-Volokolamskogo monastyrya [Death-bill of the Joseph-Volokolamsk Monastery]. GIM. Eparchy 415 (675).
 15. Litvina, A.F. Osobennosti pochitaniya soimennykh svyatykh na Rusi XVI–XVII vv. [Veneration of namesake saints in Russia in the XVI–XVII centuries] / A.F. Litvina, F.B. Uspenskiy // Voprosy onomastiki [Questions of onomastics]. – 2019. – Vol. 16. – № 3. – P. 9–29.
 16. Kormovoe pominovanie v Uspenskom Kirillo-Belozerskom monastyre v XVI–XVII vekakh [Food commemoration in the Assumption Kirillo-Belozersky Monastery in the XVI–XVII centuries] / compiled and researched T. I. Shablova. – Sankt-Petersburg, 2012. – 402 p.
 17. Avdeev, A.G. Arhimandrit Troickogo Ipatyevskogo monastyrya Feodosij II (†1680) [Archimandrite of the Trinity Ipatiev Monastery Theodosius II († 1680)] / A.G. Avdeev // Ipatyevskij vestnik [Ipatiev Bulletin]. – 2021. – № 4 (16). – P. 63–76.
 18. Sinodik Soloveckogo monastyrya [Death-bill of the Solovetsky Monastery]. GIM. Eparchy 944.
 19. Sinodik Novodevichyego monastyrya [Death-bill of the Novo-Devichi Convent]. GIM. NDM № 108.
 20. Istochniki po socialno-ekonomicheskoy istorii Rossii XVI–XVIII vv. Iz arhiva moskovskogo Novodevichyego monastyrya [Sources on the socio-economic history of Russia in the XVI–XVIII centuries. From the archives of the Moscow Novo-Devichi Convent] / Ed. V.I. Koretsky, compiled and prefaced V. B. Pavlov-Silvanskiy. – Moscow, 1985. – 362 p.
 21. Litvina, A.F. Godunov v krugu rodni (Biograficheskie razyskaniya) [Godunov in the circle of relatives (Biographical searches)] / A.F. Litvina, F.B. Uspenskiy. – Sankt-Petersburg, 2022. – 224 p.
 22. Sinodik Troitse-Sergiyeva monastyrya [Death-bill of the Trinity-Sergius Monastery]. Russian State Library. – Fonds 304. – III. – № 25.

Благодарность (госзадание)

Автор выражает благодарность члену-корреспонденту РАН Ф.Б. Успенскому за ценные советы и замечания. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Информация об авторе:

Шокарев Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); <https://orcid.org/0000-0002-7620-0186>; 119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 82; e-mail: shokarevs@yandex.ru).

Author:

Sergey Yu. Shokarev – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher at the Laboratory of Old Russian Culture of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the RF, <https://orcid.org/0000-0002-7620-0186> (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, 82 Prospect Vernadsky, Moscow, Russian Federation, 119571; e-mail: shokarevs@yandex.ru).

Для цитирования:

Шокарев, С.Ю. Синодик-помянник Малюты Скуратова из Иосифо-Волоколамского монастыря: опыт расшифровки / Ю.С. Шокарев / Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 52–58.

For citation:

Shokarev S.Yu. Sinodik-pomyannik Malyuty Skuratova iz Iosifo-Volokolamskogo monastyrya: opyt rasshifrovki [Commemoration Book of Malyuta Skuratov from the Joseph-Volokolamsk Monastery: an experience of deciphering] / S.Yu. Shokarev // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 52–58.

Дата поступления рукописи: 22.02.2023

Прошла рецензирование: 27.02.2023

Принято решение о публикации: 28.02.2023

Received: 22.02.2023

Reviewed: 27.02.2023

Accepted: 28.02.2023

У истоков частного страхования в Вологодской губернии: уполномоченный агент купец И.Т. Бовыкин

И.И. Лейман

Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар;
Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
irinalleyman@gmail.com

Аннотация

В статье дана характеристика деятельности вологодского купца Ивана Тихоновича Бовыкина в сфере страхования во второй трети XIX в. Основным источником стали публикации в «Вологодских губернских ведомостях» за 1838–1860 гг. Согласно полученным данным, И.Т. Бовыкин был самым активным уполномоченным агентом в Вологодской губернии, представляя в разные годы самые крупные и известные частные страховые учреждения Российской империи. С 1847 по 1859 г. он единственный в губернии занимался транспортным страхованием. В сфере страхования от огня, несмотря на высокую конкуренцию, И.Т. Бовыкин был активен с 1848 по 1859 г., работая от имени старейшего в стране страхового акционерного общества. Кроме того, в рассматриваемый период он был единственным в губернии агентом, специализировавшимся на страховании жизни.

Ключевые слова:

купечество, «Вологодские губернские ведомости», страховое дело, страховое общество

История страхового дела в Российской империи, с одной стороны, представляет собой довольно специфический и узкоспециализированный объект исследования. С другой – процесс становления и распространения страховых услуг (и, прежде всего, системы частного страхования) в нашей стране в течение XIX в. можно рассматривать в качестве индикатора более масштабных экономических и социально-политических трансформаций, среди которых складывание единого внутреннего рынка, процесс накопления капитала, развитие предпринимательства, формирование отечественной буржуазии и т.п.

История страхования становилась объектом исследования целого ряда научных работ. В монографиях рассматриваются преимущественно экономические, юридические и организационные аспекты развития страхового дела в Российской империи [1–3]. В научных статьях в центре внимания находится история отраслевого страхования: противопожарного [4–6 и др.], имущественного [7 и

At the origins of private insurance in the Vologda province: the authorized agent merchant I.T. Bovykin

I.I. Leyman

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar
Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Syktyvkar
irinalleyman@gmail.com

Abstract

The paper describes the insurance activity of the Vologda merchant Ivan Tikhonovich Bovykin in the second third of the XIX century. The main source of materials was publications in the "Vologda Provincial Gazette" for 1838–1860. According to the data obtained, I.T. Bovykin was the most active authorized agent in the Vologda province, representing the largest and most famous private insurance institutions of the Russian Empire in different years. From 1847 to 1859, he, the only one in the province, was engaged in transport insurance. In the field of fire insurance despite high competition, I.T. Bovykin was active from 1848 to 1859, working on behalf of the country's oldest insurance joint-stock company. Moreover, during the considered period he was the only agent in the province specializing in life insurance.

Keywords:

merchants, "Vologda Provincial Gazette", insurance, insurance company

др.], транспортного [8 и др.] (в основном, с точки зрения правового обеспечения и создания законодательной базы). Социальный аспект истории страхового дела (например, персоналии, стоявшие у истоков его становления) пока представлен в значительно меньшем объеме и по большей части ограничен информацией об учредителях первых страховых акционерных обществ [9; 10]. Сведения о работавших в губерниях уполномоченных агентах частных страховых учреждений весьма фрагментарны, хотя именно эти люди, по сути, продвигали совершенно новый вид услуг и новую сферу деятельности в масштабах всей страны. Подобные материалы могли бы существенно дополнить общий план истории развития страхового дела в Российской империи.

Система частного страхования в Российской империи начала активно развиваться во второй трети XIX в. [4, с. 162–163; 6, с. 62; 7, с. 8, 15–16; 11, с. 7]. До этого времени – с конца XVIII в. и в первой трети XIX в. – шел процесс становления системы государственного страхования [4,

с. 161–162; 5, с. 214; 6, с. 62; 7, с. 8, 13, 15–16; 11, с. 1; 12, с. 1]. Уже в конце 1840-х гг. страховое дело распространилось за пределы крупных городов центральной части страны [4, с. 163; 7, с. 17]. Уполномоченными агентами акционерных страховых обществ становились местные жители; наибольшую активность при этом проявляло купечество.

В данной статье мы сосредоточим внимание на характеристике деятельности в области страхования вологодского купца И.Т. Бовыкина, который на протяжении почти полутора десятилетий представлял в губернии несколько крупнейших частных страховых учреждений и единственный в Вологодской губернии во второй трети XIX в. оказывал услуги страхования по всем основным направлениям: страхование от огня, транспортное страхование, страхование жизни.

Основным источником стали публикации в «Вологодских губернских ведомостях» с 1838 (начало издания газеты) по 1860 г., а именно – объявления об услугах страхования в Вологодской губернии. Ввиду того, что данный вид услуг для населения был новым и не вполне понятным, привлечь к ним внимание, объяснить их назначение и в результате сформировать спрос можно было при помощи одного из самых распространенных в губернии средств массовой информации – еженедельного издания «Губернских ведомостей». Всего было выявлено 112 объявлений об услугах страхования, из которых 85 (75 %) опубликовано от имени купца Ивана Тихоновича Бовыкина. Кроме него, судя по тексту объявлений, услуги страхования в Вологодской губернии оказывали еще семь уполномоченных различными страховыми обществами агентов, однако их публикационная активность была гораздо ниже и ограничивалась периодом одного-двух лет (что, вероятно, совпадало и с периодом их занятости в деле страхования). Объявления И.Т. Бовыкина присутствовали на страницах «Вологодских губернских ведомостей» ежегодно с 1847 по 1859 г., причем в 1847–1850-х гг. он единственный давал в газете объявления об услугах страхования (за исключением 1849 г., когда в газете не было напечатано вообще ни одного подобного объявления).

Иван Тихонович Бовыкин (1800–1860) был купцом 3-й, а с 1851 г. – 2-й гильдии, проживал в губернском городе Вологде, владел масляным, кожевенно-клеевым и сально-свечным заводами [13, с. 76; 14]. Продукция сально-свечного завода купца И.Т. Бовыкина отличалась высоким качеством. Так, на первой выставке сельских произведений в Вологде в сентябре 1848 г. И.Т. Бовыкин был награжден похвальным листом за представленные сальные свечи, которые, как отмечалось, были «замечательны белизною, в чем не уступают обыкновенным стеариновым свечам» [15, с. 575–579]. Большая часть свечей отправлялась для продажи в порты Архангельска и Санкт-Петербурга, а также за границу. Местное население могло приобретать свечи на самом заводе. По причине того, что завод располагался «в довольно отдаленной от центра города части», 10 января (по ст. ст.) 1853 г. И.Т. Бовыкин открыл розничную торговлю свечами «в самом центре города – в Кожевенном ряду в лавке под № 13» [16, с. 10]. Заводские свечи имели клеймо «И.Б.» и «совершенно ровный на манер стеариновых» вид; для их

литья использовались формы, полученные из Санкт-Петербурга [16, с. 15]. В сентябре 1853 г. на выставке сельских произведений в Вологде «отличные сальные свечи» купца 2-й гильдии И.Т. Бовыкина были удостоены почетного отзыва [17, с. 373]. В 1853–1856 гг. И.Т. Бовыкин продавал «при собственном доме» семена льна «в бочках под гербовым клеймом города Риги» (семена он получал оттуда напрямую) [18, с. 127; 19, с. 146].

Часть доходов И.Т. Бовыкин направлял на благотворительность. В частности, он делал пожертвования Вологодскому Александринскому детскому приюту: к примеру, в декабре 1847 г. купец передал учреждению «деревянные столбы для всех заборов» [20, с. 510]. Как член Вологодского губернского попечительного о тюрьмах комитета он принимал участие в обеспечении тюремного хозяйства. Так, в 1848 г. И.Т. Бовыкин передал для заключенных «суконные новые халаты из фабричного сераго сукна для верхней одежды арестантов», а в 1850 г. – холщовые рубашки, порты и шерстяные чулки [15, с. 283; 21, с. 410]. В 1853 г. купец пожертвовал 3 руб. серебром «на благоустройство Вологодского тюремного храма» [22, с. 92].

Помимо традиционных для представителей купечества сфер деятельности – торговли и благотворительности – И.Т. Бовыкин одним из первых в губернии стал заниматься страхованием. Самое раннее объявление о страховых услугах в «Вологодских губернских ведомостях» было опубликовано в 1846 г. от имени купца 2-й гильдии Василия Алексеевича Колесова, уполномоченного агента «Российского Морского и Речного Страхового Общества» (профиль Общества – транспортное страхование). Однако в дальнейшем других объявлений В.А. Колесова (по причине его кончины) напечатано не было. С 1847 г. и вплоть до 1859 г. И.Т. Бовыкин единственный в Вологодской губернии оказывал услуги в сфере транспортного страхования, выступая в разные годы уполномоченным агентом Санкт-Петербургской коммерческой компании морского, речного и сухопутного страхования «Надежда», «Российского морского и речного страхового общества», «Архангельской морской и речной страховой компании». В большей степени деятельность И.Т. Бовыкина в сфере транспортного страхования была связана с компанией «Надежда» (78 % всех его объявлений об услугах этого типа).

Устав компании «Надежда» был утвержден 15 марта (по ст. ст.) 1847 г., а уже в следующем месяце компания «открыла свои действия первоначально лишь по страхованию морских, речных и сухопутных транспортов» [11, с. 17]. Учредителями компании были купцы 1-й гильдии: Д. Хлебников, С. Меняев, Е. Войнов, И. Дирсен, Я. Таль, К. Ланц, 2-й гильдии – Т. Моберли, и «иностранные гости»: К. Белль, Р. Кетли и Т. Андерсон [23, с. 4]. Целью компании было «поощрение торговли, обеспечение капиталов, в ней обращающихся» [24, с. 215]. В конце 1840-х гг. условия для деятельности в сфере транспортного страхования были «крайне неблагоприятны»: не было «железных дорог, кроме Царскосельской, морское и речное пароходства были в зачаточном состоянии, шоссейных же дорог было не более 6 тысяч верст» [11, с. 17]. Первоначально в деятельности компании преобладало речное страхование, однако небывалая

засуха летом 1848 г. приостановила отправку грузов «по внутренним водяным системам», что негативно сказалось на объемах прибыли [23, с. 6]. В связи с указанными обстоятельствами компания «Надежда» активизировалась в области морского страхования, где спрос оказался велик, и страховые взносы стали расти «с поразительной быстротой» [23, с. 7]. Но уже вскоре из-за Крымской войны компании пришлось «прекратить морские страхования в России и закрыть агентства за границей» [23, с. 8]. По окончании войны компания «Надежда» в целях увеличения прибыльности включила в спектр оказываемых услуг «транспортирование кладей» (перевозку грузов), и уже 19 октября 1856 г. был утвержден отредактированный устав компании и ее новое название – компания «Надежда» для морского, речного и сухопутного страхования и для транспортирования кладей [23, с. 9; 25, с. 884].

И.Т. Бовыкин стал уполномоченным агентом (поверенным) компании «Надежда» в апреле 1847 г., почти сразу после начала ее деятельности. В уставе компании от 1847 г. полномочия агентов обозначены крайне скудно. В частности, сказано, что в обязанности Правления компании входит «снабжение поверенных <...> правилами и наставлениями» [24, с. 216]. Также отмечено, что в случае повреждения или гибели застрахованного имущества хозяин должен уведомить об этом «со всевозможною скоростью» ближайшего агента «с объяснением всех подробностей случившегося несчастья» [24, с. 219].

В объявлении, напечатанном в 1847 г. в «Вологодских губернских ведомостях», купец И.Т. Бовыкин сообщал, что «по поручению Компании, принимает все страхования, входящие в круг ее действия, на суда и товары, отправляемые из Вологды к С. Петербургскому и Архангельскому портам» и приглашал желающих «застраховать свои товары» в собственный дом, «состоящий города Вологды в 1 части» [26, с. 163].

В 1848–1849 гг. И.Т. Бовыкин не публикует объявлений о транспортном страховании (что, возможно, было связано со сложной финансовой ситуацией в компании). Однако уже в 1850 г. он становится уполномоченным агентом двух страховых учреждений, в числе которых, помимо «Надежды», «Российское морское и речное страховое общество». С этого времени объявления уже больше похожи на рекламу: высокая информативность, крупный шрифт, разные способы выделения текста; был указан уставной капитал компании «Надежда» – 1 млн руб. серебром – и отмечено, что И.Т. Бовыкин имеет доверенности обоих указанных учреждений [27, с. 122]. В 1851 г. вместо «Российского морского и речного страхового общества» купец И.Т. Бовыкин становится агентом «Архангельской морской и речной страховой компании», представляя ее интересы в губернии до 1853 г. [28, с. 178; 29, с. 113]. Агентом компании «Надежда» И.Т. Бовыкин оставался до 1859 г. (вплоть до самой смерти), принимая к страхованию «товары и вещи, отправляемые водяною коммуникацией из Вологды и близ лежащих пристаней» к портам Архангельска и Санкт-Петербурга [17, с. 126; 30, с. 134].

В целом, в общем числе опубликованных в «Вологодских губернских ведомостях» объявлений И.Т. Бовыкина

о страховых услугах, услуги в сфере транспортного страхования составляют почти половину (48 %). Это вполне объяснимо, так как основной род деятельности купца – промышленность (заводы) и торговля, предполагавшие транспортировку товаров в крупные города и международные порты. Кроме того, водные артерии Вологодской губернии в целом широко использовались для перемещения разного рода грузов, и спрос на этот вид страхования, по всей видимости, оказался приемлемым.

На втором месте среди объявлений купца И.Т. Бовыкина о страховых услугах находится страхование от огня. Интересно отметить, что в общей массе объявлений о страховых услугах, опубликованных различными уполномоченными агентами Вологодской губернии в период с 1838 по 1860 г., услуга страхования от огня преобладала (51 %); и лишь затем следовало транспортное страхование (38 %).

Купец И.Т. Бовыкин первым в Вологодской губернии предложил услугу страхования от огня в 1848 г. как уполномоченный агент «Российского страхового от огня общества» (к слову, самого первого в стране страхового акционерного общества, учрежденного в 1827 г. [4, с. 162–163; 6, с. 62; 7, с. 8, 15–16; 11, с. 7]). Общество принимало «на страх от пожара всякого рода имущество, движимое и недвижимое, состоящее в городах и губерниях» [31, с. 557–558]. Не подлежали страхованию кредитные бумаги; золото и серебро в монетах и слитках; облигации и ассигнации; земля, на которой находился застрахованный объект [31, с. 558]. Страховать имущество можно было на срок от трех месяцев до 5 лет. Застрахованные получали полисы с подписью двух директоров, а «вне С.-Петербурга и за скрепою поверенного» [31, с. 557]. Для застрахованных домов выдавались специальные доски, свидетельствовавшие о том, что строение застраховано в данном Обществе [31, с. 561].

Объявления И.Т. Бовыкина о страховании от огня, опубликованные в «Вологодских губернских ведомостях» регулярно с 1848 по 1859 г. (за исключением 1849 г.), занимали почти полторы страницы и, безусловно, выделялись на фоне остальных шрифтами разного размера и типа, а также способом размещения текста. В объявлениях было указано название учреждения, его уставной капитал, перечислялись директора. Приводилась выписка из устава: «§61. Кто отдаст на страх (имущество) прямо на пять лет, тот платит премию и пошлину в казну только за четыре года; равно при постоянно-продолжительном страховании, может еще делаться быть от общества некоторое облегчение в премиях. §84. Страховое общество обязывается со дня платежа премий платить до последнего уничтожения своих капиталов, за всякий ущерб от неумышленного пожара произойти могущий» [27, с. 123]. И.Т. Бовыкин добавлял, что все застрахованные бесплатно получают печатный экземпляр устава Общества и доски, а описи, оценки и планы строений будут сделаны архитектором общества на безвозмездной основе [27, с. 124]. «Желающих отдать на страх Общества сего имущества свои, состоящие в городе Вологде, уездных городах и уездах Вологодской губернии» купец принимал в своем доме в Вологде «во всякое время» [27, с. 124]. Данный текст и его структура оставались в объявлениях неизменными в течение всего рассматриваемого периода.

Помимо И.Т. Бовыкина в 1850-х гг. в Вологодской губернии действовали уполномоченные агенты различных страховых от огня обществ. В 1851–1852 гг. агентом того же «Российского страхового от огня общества» был аптекарь Карл Кюлинг, проживавший в Великом Устюге (текст объявлений в точности совпадал с текстом И.Т. Бовыкина, за исключением подписи и указания места жительства) [32, с. 269–270; 33, с. 319–320]. Страховое товарищество «Саламандра» (учреждено в 1846 г.) в 1852 г. представлял С. Зубов (вероятно, местный помещик из числа дворян), а в 1858–1859 гг. – стряпчий Вологодской палаты государственных имуществ, коллежский асессор Иван Петрович Попов [34, с. 113–114; 35, с. 8–9; 36, с. 18–19]. В 1857 г. статский советник Фёдор Польшер из Вологды был поверенным «Второго Российского страхового от огня общества» (учреждено в 1835 г.) [37, с. 115]. Надворный советник Федор Николаевич Бунаков в 1858 г. являлся агентом «Санкт-Петербургского общества страхований» (учреждено в 1858 г.), а устюгский купец Андрей Александрович Смолин в 1859 г. – агентом «Московского страхового от огня общества» (учреждено в 1858 г.) [38, с. 377–378; 39, с. 158–159]. Таким образом, конкуренция между страховыми от огня обществами в Вологодской губернии была весьма высока. Однако следует отметить, что их агенты, за исключением И.Т. Бовыкина, публиковали объявления в весьма ограниченный период (в течение одного-двух лет) и, вероятно, в это же время предоставляли свои услуги.

Один из самых интересных фактов из деятельности купца И.Т. Бовыкина в сфере страхования – то, что он был единственным в губернии агентом, предлагавшим услуги по страхованию жизни (наверное, одного из самых сложных видов страхования на тот период по причине его не только новизны, но и некоторой абстрактности, усложнявшей понимание сути услуги населением). В 1853–1856 гг. И.Т. Бовыкин являлся уполномоченным агентом «Российского общества для страхования пожизненных и других срочных доходов и денежных капиталов» (с 1910 г. оно стало называться «Жизнь»). Данное Общество было учреждено в 1835 г. Оно стало первым в Российской империи акционерным обществом по страхованию жизни и оставалось единственным в стране вплоть до 1868 г. (хотя его монополия на этот вид страховых услуг завершилась в 1855 г.). В это время «сама идея страхования жизни была почти совершенно чужда огромному большинству населения России» [11, с. 14]. Несмотря на различные меры поддержки со стороны правительства, даже страхование жизни не получило широкого распространения вплоть до 1870-х гг.

Целью Общества было «упрочить настоящее и обеспечить будущее благосостояние всякого, желающего участвовать в действиях сего общества лица, выдачею в его пользу единовременных капиталов или пожизненных пенсий» [40, с. 946]. Застрахованное лицо могло приобрести для себя пожизненную пенсию, а также оставить после своей смерти наследникам капитал или пенсию. На местах интересы Общества представляли областные и окружные поверенные (последние находились в непосредственном подчинении первым). Областной поверенный занимался взаимодействием с правлением Общества; заключением

договоров о страховании и выдачей полисов; передачей премий (страховых взносов) в правление; определением окружных поверенных «во всех тех местах, где только найдут за полезное: в городах, местечках и деревнях» [40, с. 948]. Задачи окружных поверенных были схожи (единственно, с правлением Общества они соотносились не напрямую, а через областного поверенного). Поверенные снабжались «законными доверенностями», где излагались «пределы их прав и обязанностей <...> в подробностях» [40, с. 949].

В уставе Общества были подробно расписаны разряды, условия и порядок страхования. Желающий застраховать свою жизнь должен был обратиться в правление Общества или, если проживал за пределами столицы, к его поверенному, предъявив свидетельство о рождении или крещении (либо другие документы, подтверждавшие возраст). Для некоторых видов страхования требовалось свидетельство врача о «хорошем здоровье», об отсутствии хронических болезней и наличии прививки от оспы. При наступлении страхового случая требовалось подтвердить факт смерти застрахованного лица. Если смерть была неестественная, то необходимо было привести «свидетельство местной полиции» с подробным описанием причин произошедшего. Застрахованные суммы Общество обязывалось выплатить «не позже трех месяцев по предъявлении в оное узаконенных свидетельств» [40, с. 952, 956–957].

Первое объявление купца И.Т. Бовыкина об услугах страхования жизни было опубликовано в «Вологодских губернских ведомостях» в июле 1853 г. Оно представляло собой небольшую заметку, где сообщалось, что уполномоченный агент «Российского общества для страхования пожизненных и других срочных доходов и денежных капиталов», вологодский купец 2-й гильдии И.Т. Бовыкин «имеет честь известить, что желающие застраховать пожизненные и другие срочные доходы и капиталы по здешней губернии могут относиться к нему в собственный его дом, 1 части на Пречистенской набережной, где могут видеть и правила страхования» [41, с. 248–249]. По всей вероятности, особого ажиотажа среди местной публики эта информация не вызвала, в связи с чем новое объявление об услугах страхования жизни в апреле 1854 г. было больше похоже на статью и составляло целых четыре страницы текста [42, с. 164–167].

Первый его абзац дублировал предыдущее объявление. Далее следовала характеристика «цели, условий и действий общества» [42, с. 164]. Было указано, что «каждый человек, какого бы ни был пола, однако не моложе 15 лет, имеет право страховать любую сумму, по собственному своему назначению, не выходя только из пределов, положенных Уставом общества» [42, с. 164]. Затем подробно и доступно описывался механизм страхования (кто и сколько должен платить, и что в итоге он или его родственники получают). Отдельно подчеркивалось, что даже в случае смерти «от чумы ли, от холеры или от несчастного случая, застрахованный капитал уплачивается непременно» [42, с. 165]. Также было сказано, при каких обстоятельствах страховые суммы не выплачивались: «1) Когда страхователь прекратит жизнь свою самоубийством или в поединке. 2) Если тот,

в чью пользу застрахован капитал, покусился бы на жизнь своего благодетеля. 3) Когда страхователь подвергнется смертной казни или ссылке в Сибирь на каторжную работу. 4) Когда окажется, что страхователем дано ложно объявление, в коем, в ущерб Общества, утаено о важных болезнях. 5) Если просрочен платеж премии. 6) Если состоящий в военной сухопутной или морской службе погибнет в сражении или от кораблекрушения, не быв застрахован добавочною премиею от опасности своей службы» [42, с. 165–166]. В завершении текста объявления был помещен довольно эмоциональный призыв: «Сколько бедных семей спасены от нужд чрез страхования! Не будь их, оне непременно обременяли бы собою общественныя богоугодныя заведения или претерпевали бы крайний недостаток. Сколько отцев семейств уладили себе последний час жизни, вспоминая о том, что успели, во дни своего здоровья, обеспечить своих жен и детей от бедствий нищеты» [42, с. 167].

В 1854–1856 гг. этот текст публиковался в «Вологодских губернских ведомостях» трижды в год. Вероятно, спроса данная услуга так и не возымела, в связи с чем в последующие три года объявления о страховании жизни не печатались (хотя в то же время на страницах газеты присутствовали объявления И.Т. Бовыкина о страховании от огня и транспортном страховании).

Таким образом, согласно публикациям «Вологодских губернских ведомостей», купец И.Т. Бовыкин на протяжении 1840–1850-х гг., вплоть до своей кончины, являлся самым активным в губернии агентом различных частных страховых учреждений Российской империи. Несмотря на новизну и сопутствовавший риск, он тем не менее предоставлял услуги по всем известным в то время видам страхования: транспортному страхованию, страхованию от огня, страхованию жизни. С 1847 по 1859 г. он, единственный в губернии, занимался транспортным страхованием, являясь в разные годы уполномоченным агентом всех основных частных страховых учреждений данного профиля. В сфере страхования от огня, несмотря на высокую конкуренцию со стороны других уполномоченных агентов различных страховых обществ, И.Т. Бовыкин был активен с 1848 по 1859 г., представляя интересы старейшего в стране страхового акционерного общества («Российского страхового от огня общества», учрежденного в 1827 г.). Наконец, в 1853–1856 гг. он был единственным в губернии агентом, специализировавшимся на страховании жизни. Однако этот вид страхования, вероятно, не оказался востребованным, в связи с чем в объявлениях 1857–1859 гг. не фигурировал.

Безусловно, без привлечения дополнительных источников (прежде всего, архивных материалов) сложно дать оценку эффективности деятельности И.Т. Бовыкина в области страхового дела на территории Вологодской губернии. Однако сам факт длительной занятости в данной сфере (на протяжении почти полутора десятилетий) может указывать на получение достаточной прибыли и успешности этого рода занятий. Деятельность купца И.Т. Бовыкина в сфере страхования во многом отражала общероссийские тенденции в развитии этого достаточно нового направления и, безусловно, способствовала расширению рынка страховых услуг в Вологодской губернии.

Источники и литература

1. Аленичев, В.В. Страховое законодательство России: Историко-правовое исслед. / В.В. Аленичев. – Москва, 1998.
2. Васильев, Г.В. История страхового дела в России / Г.В. Васильев. – Москва, 1997.
3. Ильин, С.В. Страховое дело в России (XIX–начало XX вв.) / С.В. Ильин. – Москва, 2001.
4. Иванов, А.К. Возникновение противопожарного страхования в Российской империи / А.К. Иванов // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т. 8, № 12. – С. 161–164.
5. Силуанова, Н.М. Обзор законодательства о противопожарном страховании в Российской империи / Н.М. Силуанова // Российское законодательство в сфере борьбы с пожарами и другими стихийными бедствиями: история и современность: материалы Всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 31 октября 2017 года. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 212–218.
6. Соловьева, Е.А. Система частного страхования от огня в Российской империи (на материалах Симбирской губернии) / Е.А. Соловьева // Манускрипт. – 2018. – № 12–1(98). – С. 61–65.
7. Андреев, Р.А. Законодательство об имущественном страховании в Российской империи (1781–1861 гг.): автореф. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Андреев Роман Александрович. – Москва, 2007.
8. Карпенко, Т.А. Основные факторы развития транспортного страхования в Российской империи / Т.А. Карпенко // Российская наука: актуальные исследования и разработки: сборник научных статей III Всероссийской заочной научно-практической конференции. В 2-х частях, Самара, 17 марта 2017 года. – Самара, 2017. – С. 11–14.
9. Лебединская, Т.А. Из истории Вологодского общества взаимного страхования от огня имуществ / Т.А. Лебединская // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: материалы научной конференции (5–6 февраля 2004 г.). – Вологда, 2005. – С. 111–115.
10. Спиридонова, Ю.Н. Формирование первых акционерных страховых обществ в России / Ю.Н. Спиридонова // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – № 4 (25). – С. 39–43.
11. Страхование / под. ред. П.Х. Спасского // История торговли и промышленности в России. Т. 1, Вып. 4: Исторический очерк развития торговых учреждений в России. Страховые учреждения. – Санкт-Петербург, 1910.
12. Акционерное страхование от огня в России 1827–1910. – Санкт-Петербург, 1912.
13. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1860. – № 9.
14. Козина, Г.Н. Вологодские купцы – фабриканты и заводчики (XVIII – начало XX века) / Г.Н. Козина // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. – Вологда, 1997. – С. 85–148.
15. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1848. – № 51.
16. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1853. – № 2.

17. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1853. – № 43.
18. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1853. – № 15.
19. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1856. – № 18.
20. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1847. – № 50.
21. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1850. – № 48.
22. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1853. – № 11.
23. Пятидесятилетие учрежденной с высочайшего соизволения С.-Петербургской компании «Надежда» для морского, речного и сухопутного страхования, транспортирования кладей и страхования от огня имуществ, 1847–1897. – Санкт-Петербург, 1897.
24. Устав Санкт-Петербургской коммерческой компании морского, речного и сухопутного страхования «Надежда». № 21009. 15 марта 1847 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. 22. Ч.1. 1847. – Санкт-Петербург, 1848.
25. Устав С.-Петербургской компании под фирмою «Надежда» для морского, речного и сухопутного страхования и для транспортирования кладей. № 31028. 19 октября 1856 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. 31. Ч.1. 1856. – Санкт-Петербург, 1857.
26. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1847. – № 16.
27. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1850. – № 12.
28. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1851. – № 16.
29. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1853. – № 14.
30. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1859. – № 16.
31. Учреждение страхового общества. № 1202. 22 июня 1827 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. 2. 1827. – Санкт-Петербург, 1830.
32. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1851. – № 24.
33. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1852. – № 20.
34. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1852. – № 12.
35. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1858. – № 1.
36. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1859. – № 2.
37. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1857. – № 19.
38. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1858. – № 40.
39. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1859. – № 19.
40. Устав Российского общества для застрахования пожизненных и других срочных доходов и денежных капиталов. № 8392. 4 сентября 1835 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. 10. 1835. – Санкт-Петербург, 1836.
41. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1853. – № 29.
42. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1854. – № 15.

References

1. Alenichev, V.V. Strakhovoye zakonodatel'stvo Rossii : Istoriko-pravovoye issled. Polnoye sobraniye pravovykh aktov po strakhovomu delu [Insurance legislation of Russia: Historical and legal research. The complete collection of legal acts on the insurance business] / V.V. Alenichev. – Moscow, 1998.
2. Vasiliev, G.V. Istoriya strakhovogo dela v Rossii [History of insurance business in Russia] / G.V. Vasiliev. – Moscow, 1997.
3. Ilyin, S.V. Strakhovoye delo v Rossii (XIX – nachalo XX vv.) [Insurance business in Russia (XIX – early XX centuries)] / S.V. Ilyin. – Moscow, 2001.
4. Ivanov, A.K. Vozniknoveniye protivopozharnogo strakhovaniya v Rossiyskoy imperii [Historical aspect of the origin of fire insurance in the Russian empire] / A.K. Ivanov // Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya [Modern science and education progress]. – 2016. – Vol. 8. – № 12. – P. 161-164.
5. Siluyanov, N.M. Obzor zakonodatelstva o protivopozharnom strakhovanii v Rossiyskoy imperii [Review of legislation on fire insurance in the Russian Empire] / N.M. Siluyanov // Russian legislation in the field of fighting fires and other natural disasters: history and modernity. Materials of the All-Russian Round Table, Sankt-Petersburg, October 31, 2017. – Sankt-Petersburg, 2020. – P. 212-218.
6. Solovyova, E.A. Sistema chastnogo strakhovaniya ot ognya v Rossiyskoy imperii (na materialakh Simbirskoy gubernii) [The system of private fire insurance in the Russian Empire (based on the materials of the Simbirsk province)] / E.A. Solovyova // Manuscript. – 2018. – № 12-1(98). – P. 61-65.
7. Andreev, R.A. Zakonodatel'stvo ob imushchestvennom strakhovanii v Rossiyskoy imperii (1781-1861 gg.) [Legislation on property insurance in the Russian Empire (1781-1861)]: extended abstract of Candidate's thesis (Law): specialty 12.00.01 "Theory and history of law and state; history of law and state studies" / Roman Alexandrovich Andreev. – Moscow, 2007.
8. Karpenko, T.A. Osnovnyye faktory razvitiya transportnogo strakhovaniya v Rossiyskoy imperii [Major factors of transport insurance development in the Russian Empire] / T.A. Karpenko // Russian science: current research and development: collection of scientific papers of the III All-Russian Correspondence Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Samara, March 17, 2017. – Samara, 2017. – P. 11-14.

9. Lebedinskaya, T.A. Iz istorii Vologodskogo obshchestva vzaimnogo strakhovaniya ot ognia imushchestv [From the history of the Vologda Mutual Property Fire Insurance Society] / T.A. Lebedinskaya // The European North in the destiny of Russia: general and special features of historical process: Scientific Conference Materials (February 5-6, 2004). - Vologda, 2005. - P. 111-115.
10. Spiridonova, Yu.N. Formirovaniye pervykh aktsionernykh strakhovykh obshchestv v Rossii [Formation of the first joint-stock insurance companies in Russia] / Yu.N. Spiridonova // Society. Medium. Development. - 2012. - № 4(25). - P. 39-43.
11. Strakhovaniye [Insurance] // Istoriya trgovli i promyshlennosti v Rossii [History of trade and industry in Russia] / Ed. P.Kh. Spassky. T. 1. Vyp. 4: Istoricheskij ocherk razvitiya trgovykh uchrezhdenij v Rossii. Strahovye uchrezhdeniya [Vol. 1. Issue 4: A historical sketch of the development of trade institutions in Russia. Insurance institutions]. - Sankt-Petersburg, 1910-1914.
12. Aktsionernoye strakhovaniye ot ognia v Rossii 1827-1910 [Joint-stock fire insurance in Russia 1827-1910]. - Sankt-Petersburg, 1912.
13. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. 1860. № 9.
14. Kozina, G.N. Vologodskie kuptsy - fabrikanty i zavodchiki (XVIII - nachalo XX veka) [Vologda merchants - manufacturers and breeders (XVIII - early XX century)] / G.N. Kozina // Vologda. Historical and local History Almanac. Issue 2. - Vologda, 1997. - P. 85-148.
15. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1848. - № 51.
16. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1853. - № 2.
17. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1853. - № 43.
18. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1853. - № 15.
19. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1856. - № 18.
20. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1847. - № 50.
21. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1850. - № 48.
22. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1853. - № 11.
23. Pyatidesyatiletie uchrezhdennoy s vys. soizvoleniya S.-Peterburgskoy kompanii "Nadezhda" dlya morskogo, rechnogo i sukhoputnogo strakhovaniya, transportirovaniya kladey i strakhovaniya ot ognia imushchestv: 1847-1897 [The fiftieth anniversary of the St. Petersburg company "Nadezhda" established with the highest permission for sea, river and land insurance, transportation of luggage and property fire insurance: 1847-1897]. - Sankt-Petersburg, 1897.
24. Ustav Sankt-Peterburgskoy kommercheskoy kompanii morskogo, rechnogo i sukhoputnogo strakhovaniya "Nadezhda" [Charter of the Sankt-Petersburg commercial company of marine, river and land insurance "Nadezhda"]. № 21009. March 15, 1847 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Vol. 22. Part I. 1847. - Sankt-Petersburg, 1848.
25. Ustav S.-Peterburgskoy kompanii pod firmoyu "Nadezhda" dlya morskogo, rechnogo i sukhoputnogo strakhovaniya i dlya transportirovaniya kladey [Charter of the St. Petersburg company under the firm "Nadezhda" for sea, river and land insurance and for luggage transportation]. № 31028. October 19, 1856 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Vol. 31. Part I. 1856. - Sankt-Petersburg, 1857.
26. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1847. - № 16.
27. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1850. - № 12.
28. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1851. - № 16.
29. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1853. - № 14.
30. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1859. - № 16.
31. Uchrezhdeniye strakhovogo obshchestva [Establishment of an insurance company]. № 1202. June 22, 1827 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Part II. Vol. II. 1827. - Sankt-Petersburg, 1830.
32. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1851. - № 24.
33. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1852. - № 20.
34. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1852. - № 12.
35. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1858. - № 1.
36. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1859. - № 2.
37. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1857. - № 19.
38. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1858. - № 40.
39. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1859. - № 19.
40. Ustav Rossiyskogo obshchestva dlya zastrakhovaniya pozhiznennykh i drugikh srochnykh dokhodov i denezhnykh kapitalov [Charter of the Russian Society for Insurance of Lifetime and Other Term Income and Money Capital]. № 8392. September 4, 1835 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Part II. Vol. 10. 1835. - Sankt-Petersburg, 1836.
41. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1853. - № 29.
42. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1854. - № 15.

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Информация об авторе:

Лейман Ирина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина; Российская Федерация, 167001, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-кт, д. 55; e-mail: irinaleyman@gmail.com); старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул.Коммунистическая, д. 26; e-mail: irinaleyman@gmail.com).

Author:

Irina I. Leyman – Candidate of Sciences (History), Docent, Chair of the Public Relation and Publicity Department at the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pitirim Sorokin Syktyvkar State University", 55 Oktyabrsky Prospect, Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation, 167001; e-mail: irinaleyman@gmail.com); Senior Researcher of the Laboratory of Archaeography, Documents Publication on the History of the Development of the European North of Russia at the Institute of Language, Literature and History FRC Komi SC RAS (Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation, 167000; e-mail: irinaleyman@gmail.com).

Для цитирования:

Лейман, И.И. У истоков частного страхования в Вологодской губернии: уполномоченный агент купец И.Т. Бовыкин / И.И. Лейман // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 59–66.

For citation:

Leyman, I.I. U istokov chastnogo strahovaniya v Vologodskoj gubernii: upolnomochennyj agent kupec I.T. Bovykin [At the origins of private insurance in the Vologda province: the authorized agent merchant I.T. Bovykin] / I.I. Leyman // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 59–66.

Дата поступления рукописи: 24.10.2022

Прошла рецензирование: 02.11.2022

Принято решение о публикации: 02.11.2022

Received: 24.10.2022

Reviewed: 02.11.2022

Accepted: 02.11.2022

Благочинный на Кольском Севере в начале XIX века (по документам Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелия)

Ю.Н. Кожевникова

ФИЦ Кольский научный центр РАН,
ЦГП Кольского НЦ РАН,
г. Апатиты
yukozhevnikova@gmail.com

Аннотация

На основании новых документов впервые изучается институт благочинных на Кольском Севере и определяется его специфика. На значительной территории Кольского полуострова, входившей в состав Архангельской и Холмогорской епархий, в начале XIX в. существовал единственный благочиннический округ из-за малого числа приходов. Будни местного благочинного заполнялись бюрократической перепиской с епархиальным руководством. Многодневные поездки для инспекции приходских церквей, находившихся на огромном расстоянии друг от друга, в условиях Кольского Севера оказывались для него серьезным испытанием. Обязанности кольского благочинного, как и в других епархиальных округах, были обширны, однако он не всегда мог придерживаться рекомендаций общероссийской инструкции и своевременно выполнять ее требования. Отсутствие казенной финансовой поддержки благочиннической службы на Кольском Севере значительно усложняло деятельность священника, поставленного по выбору епископа во главе округа. Обнаруженные сведения важны для понимания особенностей развития церковно-приходской жизни на северо-западной окраине Российского государства в начале XIX в.

Ключевые слова:

Кольский Север, Кемское духовное правление, институт благочинных, благочиния, приходы

Введение

В системе епархиального управления Русской Православной Церкви со второй половины XVIII в. появляется институт благочинных – особых помощников епископа, выполнявших обязанности, ранее возлагавшиеся на «казачиков» и «поповских старост» [1, с. 243]. Они возглавляли особые округа, или благочиния, на которые делилась епархиальная территория, и наблюдали за жизнью мест-

Dean in the Kola North at the beginning of the XIX century (according to the documents of the Kem spiritual collegium of the National Archives of the Republic of Karelia)

Yu.N. Kozhevnikova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre
of the Russian Academy of Sciences,
Apatity
yukozhevnikova@gmail.com

Abstract

Using new documents of the Kem spiritual collegium, the institution of deans in the Kola North with its specific features has been studied for the first time. The large territory of the Kola Peninsula that was part of the Arkhangelsk and Kholmogory dioceses had the only one deanery district due to few parishes at the beginning of the XIX century. The everyday life of a local dean was filled with bureaucratic correspondence with the spiritual collegium. The dean took multi-day trips to inspect parish churches located at a great distance from each other and that was a difficult task for him in the conditions of the Kola North. The duties of the Kola dean, like in the other diocesan districts, were numerous but he could not always adhere to the recommendations prescribed by the ecclesiastical authority in the all-Russian instructions and fulfill its requirements in a timely manner. The absence of any state financial support to the deanery service in the Kola North significantly complicated and limited the activities of the dean. The personal qualities of a priest appointed by the bishop to this responsible position were of great importance and largely determined the effectiveness of the established system of control over local parish communities. The information found in the course of the study is important for understanding the development of parish life in the north-western outskirts of the Russian state in the early XIX century.

Keywords:

Kola North, Kem spiritual collegium, institution of deans, deaneries, parishes

ных приходов, нравственностью духовенства и состоянием церковного имущества.

В современной отечественной историографии для изучения института благочинных как нижней инстанции епархиального управления используются материалы разных российских регионов преимущественно второй половины XIX в. Отмечаются постепенное усложнение обязан-

ностей благочинных к началу XX в., а также неизбежное увеличение объема делопроизводства, связанного с их выполнением [2; 3]. Благочинные определяются как «статусные фигуры», обладавшие реальной властью в епархиальной жизни в пореформенный период [4], выясняются региональные особенности института [5], рассматривается попытка светских властей ввести принцип выборности благочинных в первой половине XIX в. [6].

Институт благочинных на Кольском Севере до сих пор не привлекал отдельного внимания отечественных историков и не становился объектом исследования. Не изучены вопросы об устройстве и материальном обеспечении благочиннической службы в приходах Кольского уезда, не определена специфика ее существования с учетом особенностей национального и социального составов местного населения; не хватает личной информации о священниках, управлявших Кольским благочинием в первой половине XIX столетия¹. В статье рассматриваются права и обязанности кольского благочинного в начале XIX в., выясняются особенности его положения, впервые в научный оборот вводятся персональные данные о священниках, возглавлявших благочиннический округ в этот период.

Источниками для проведенного исследования стали документы, сохранившиеся в составе фонда Кемского духовного правления в Национальном архиве Республики Карелия (далее – НА РК). Они представлены обширной перепиской кольского благочинного с Кемским духовным правлением, которому в тот период подчинялись приходы Кольского уезда, и различными указами Архангельской духовой консистории. Статья продолжает цикл работ, посвященных изучению церковно-приходской жизни на Кольском Севере [8; 9].

«Инструкция благочинным». В начале XIX в. продолжала действовать «инструкция благочинным иереям или протоиереям», составленная в 1775 г. московским архиепископом Платоном (Левшиным) и объявленная Святейшим Синодом обязательной для всех российских епархий [10, с. 275; 11]. Благочинные выбирались по усмотрению правящего архиерея из наиболее достойных священников каждого округа: «благочинного никто ни определить, ни сменить, ни оштрафовать ничем не может без архиерейского определения». Согласно инструкции, «по крайней мере» два раза в год благочинные должны были объезжать вверенные им приходы и отчитываться перед епископом. Во время своего отсутствия по служебным делам они замещались одним из подчиненных священников, причем «без всякого доходу своего вычета». Также предусматривалась возможность благочинному иметь помощника «для повесток и разных рассылок» из «действительных или не определенных» церковников.

В начале XIX в. благочинные не только выявляли недостатки в церковной жизни, но и могли наказывать провинившихся клириков (накладывать епитимью или штрафовать). Они были обязаны следить за порядком в церквях, а именно за состоянием антиминсов, на престольной

одежды, ризницы и церковной утвари, проверять наличие необходимых богослужебных книг (включая «табель торжественных молебнов»). Кроме того, проверяли приходские кладбища (должны содержаться «в надлежащей чистоте», а могилы «копаны не мелко, но сколь возможно глубже»). Благочинным следовало «прихожан увещевать» причащаться «по крайней мере единожды» в год, а также убеждать их в необходимости строить новые храмы вместо обветшавших.

Примечательны особые указания, данные благочинным в отношении поведения приходского духовенства: «прилежно наблюдать, чтоб священники, диаконы и церковники <...> жили честно, постоянно, сановито, кротко и любовно <...> не пьянствовали, в питейные дома не ходили»; не пропускали богослужения и служили благоговейно; произносили проповеди в праздничные и воскресные дни; «без зову в гости ни к кому нахально не ходили, разве бы были позваны». Благочинные внушали клирикам, чтобы те не роняли духовный авторитет в глазах мирян и везде появлялись «в пристойном церковному чину платье и обуви, а именно священники и диаконы в рясах и сапогах, а церковники в приличном продолговатом платье и в сапогах же, особливо в церкви» [11].

Клирикам не разрешалось самовольно покидать приходы. Благочинные непременно должны были сообщать правящему епископу о появлении в их округах пришлых священников без паспортов. Они присутствовали при избрании приходских иереев и в случае необходимости могли рекомендовать прихожанам своего кандидата. Помимо ежегодного сбора алтарных и метрических книг с приходов, в их обязанности входило распространение важных указов и объявлений среди окружного духовенства. Наконец, по особому указанию архиерея благочинные проводили расследования проступков клириков.

Кратко основные обязанности и права благочинных были повторены в синодальном указе от 7 мая 1797 г. [12, № 17958]. В частности, напоминалось о своевременном составлении именных списков духовенства со сведениями об их поведении: «Преосвященным архиереям иметь о состоянии каждого епархии своей священно и церковнослужителя верные сведения, получая для сего ежегодно или чрез год от смотрителя благочиния именные о каждом и его состоянии списки, и рассматривать почасту оные со вниманием». В этом указе впервые уточнялся средний размер благочиннического округа: «от 15 до 10 церквей в лучших приходах, дабы удобнее им было за священно и церковнослужителями наблюдение».

Светские и духовные власти должны были содействовать благочинным и не препятствовать их деятельности: «Благочинных уполномочить, дабы в наблюдении ими над поведением священно и церковно-служителей никакого от стороны духовной или светской препятствия не было». В синодальном указе специально оговаривалось, что при посещении подведомственных приходов благочинные должны обеспечиваться подводами «от церкви до церкви»: «... благочинным не менее двух раз в год осматривать ведомства своего церкви и разведывать всеми возможными средствами о состоянии священно и церков-

¹ Краткие биографические сведения о некоторых священниках, бывших благочинными, представлены в «Православном словаре Кольского Севера» [7].

нослужителей, ведя всему верный журнал, во время же сего объезда давать им благочинным от церкви до церкви подводы».

Состав Кольского округа и его благочинный. В начале XIX в. в состав Кольского благочиния Архангельской епархии входили семь приходов (18 самостоятельных и приписанных церквей) с центрами в г. Коле, селах Кандалакша, Варзуга, Кереть, Умба и Поной². Они были разбросаны на большом пространстве Кольского полуострова и севера Карелии. При этом Воскресенский Кольский, Кандалакшский и Понойский приходы включали сезонные поселения саамов.

В 1807–1813 гг. должность благочинного по выбору епископа исполнял настоятель Пречистенского Кандалакшского прихода священник Димитрий Плотников. В местной церкви он начал служить в 45-летнем возрасте после смерти предыдущего священника Григория Плотникова в 1793 г. [14, л. 83 об.; 15, л. 1]³. Его предшественником на должности благочинного был протоиерей Кольского Воскресенского собора Василий Ивановский, уволенный за предосудительные поступки [17, л. 48 об.]⁴. Иерей Димитрий Плотников возглавлял Кольское благочиние краткий срок, потому что 2 июля 1813 г. умер «по болезни» [18, л. 13; 19, л. 3 об.].

В Кандалакше, где служил благочинный, стояли две церкви Рождества Богородицы (построена в 1802 г.) и Иоанна Предтечи (возведена в 1786 г.). Также к приходу относился приписанный Никольский храм в Ковде (в 1596/97 г.). Известно, что в 1800 г. Димитрий Плотников окормлял прихожан в Кандалакше, Ковде, Княжей губе, а также Нявозерском (Нямозерском) присутствии, Екостровском, Бабинском, Пявозерском и Орьежерском «лопарских» погостах. Всего в приходской общине числилось 1108 чел. (541 мужчина и 567 женщин) [20, л. 1–13].

Уровень доходов кандалакшского священника был невысок. В начале XIX в. казенное жалование для причтов государством еще не предусматривалось. От прихожан полагалась незначительная денежная руга, а также небольшие суммы «из рыбных промыслов» (до 5 руб. серебром в год). Приходское духовенство вынуждено искало дополнительные источники доходов. Так, Димитрий Плотников разрешал местным крестьянам хранить 500 пудов ржи «под церковь» Рождества Богородицы (за это они должны были платить по 5 коп. с 1 пуда, но в действительности отдавали значительно меньше – по 5 руб. в год) [21, л. 53–54].

² Кольский приход – Воскресенский собор и приписанные к нему церкви: Благовещенская, Сретенская, Троицкая бывшего Печенгского монастыря, Борисоглебская при р. Пазреке; Кандалакшский приход – церкви Иоанна Предтечи, Рождества Богородицы и приписанная Никольская в Ковде, Варзужские – церкви Успения Божией Матери, святителя Афанасия Александрийского и преподобных Зосимы и Савватия Соловецких; святителя Николая Чудотворца и апостолов Петра и Павла, приписанная церковь Димитрия Солунского в Кузомени; Керетский приход – церковь святителя Николая; Умбский приход – Воскресения Христова, приписанная церковь Никольская в Порьегубском; Понойский приход – церковь апостолов Петра и Павла [13].

³ Димитрий Плотников был переведен в Кандалакшу по собственному желанию из Умбы [16, л. 132].

⁴ Василий Ивановский приехал в Колу в 1795 г. из Соломбалы, где был дьячком в Преображенской церкви. Он поступил на место кольского священника Андрея Федоровского, умершего в 1791 г. [16, л. 213].

Обязанности кольского благочинного. Как следует из выявленных документов, кольский благочинный в течение года вел обширную переписку с Кемским духовным правлением и причтами по текущим вопросам. В г. Кемь отправлялись многочисленные рапорты о получении и надлежащем исполнении указов Архангельской духовной консистории. Обмен информацией между благочинным, приходами, правлением и консисторией крайне затруднялся нерегулярным транспортным сообщением по «малому почтовому тракту» Архангельск – Кола через Онегу и Кемь. Корреспонденция из Архангельска в Колу доставлялась зимой за три–четыре недели, а весной и осенью – за два месяца [22, с. 152]. Причем в распутицу прекращалась «самая езда на пространстве из Кемь в Колу на три или четыре недели», и почта не доставлялась [23, с. 285]. По этой причине после получения долгожданной корреспонденции кольский благочинный в один день мог написать десятки рапортов о получении указов по самым разным поводам. Епархиальные власти рекомендовали ему присылать отчетные бумаги «чрез городские почтовые экспедиции» [24, л. 32], а тот умолял из-за отсутствия «попутных okazji» освободить его от обременительных так называемых третних ведомостей и просил оставить только полугодовые рапорты о состоянии приходов своего округа [25, л. 34 об. – 35].

Одной из основных обязанностей любого благочинного было посещение всех подведомственных ему приходов. Димитрий Плотников не мог воспользоваться, как предписывалось синодальным указом, обывательскими подводами из-за их отсутствия. По свидетельству местного учителя Василия Петровича Верещагина, лошадей даже «в городе Коле почти вовсе нет, разве только у богатых, которые держат их только для своего удовольствия, а не для нужды; ибо эти животные не могут быть полезны для езды по глубоким снегам. В Коле, кажется, нет ни одной телеги, не только что дрожек или подобных им экипажей» [22, с. 129]. Зимой кольский благочинный ездил по тундре на домашних оленях (два оленя заменяли одну лошадь), а летом пробирался пешком по почтовым тропам и плыл на карбасах вдоль побережья Баренцева моря.

Малая почтовая дорога, начинавшаяся в Керети, проходила в Колу через Кандалакшу [23]⁵. Как писал В.П. Верещагин, летом «для перевоза почты и проезжих употребляются лопари, которые находятся на 7-ми станциях. Они на себе должны переносить почту в тех местах, где случаются перешейки между многочисленными озерами, лежащими по линии дороги» [22, с. 152–153]. Предупреждением для путников звучали слова учителя: «Если б кто вздумал предпринять путешествие по Лапландии летом и отправился бы в путь

⁵ В Кольском уезде в середине XIX в. насчитывалось 13 почтовых станций [23, с. 285–286]. «Обыкновенно они отдаются с торгом тому, кто за меньшую цену согласится держать их. На торги по большей части являются только русские, которые потом уже в свою очередь часто передают их с большим барышом лопарям <...>. При каждой станции находится изба с печью, где путник может укрыться от непогоды, согреться и переночевать. Проезжий тут, как и везде, оплачивает прогоны по числу верст и почтовых лошадей, между тем как на самом деле каждая лошадь заменяется двумя «ямщиками»-лопарями. Они провожают путника от станции до станции, несут его багаж и везут его на лодках по рекам и озерам <...>. Но в летнее время немногие ездят или, лучше сказать, проходят по этому пути. Изредка только отправится по делам службы кто-нибудь из местного начальства или же путешественник-любитель» [26, с. 20].

один, без надежного проводника – тот непременно погиб бы среди обширных болот» [22, с. 153].

В 1807 г. по требованию архангельского епископа Евлампия (Введенского) все епархиальные благочинные должны были предоставить сведения о том, «на каких они подводах ездят по приходам во время отбирания годовых дел, для следствий по делам и исполнения указных предписаний» [27, л. 4]. Архиерея интересовал насущный финансовый вопрос, как оплачиваются транспортные расходы («из церковной суммы» или же «священноцерковнослужители на собственных возят от прихода до прихода подводах»). В фонде Кемского духовного правления сохранился краткий отчет, составленный Дмитрием Плотниковым о его первой инспекторской поездке по приходам летом 1807 г. [27, л. 4–5]. Сложный и непривычный для него маршрут проходил через села, уездный город и прибрежные становища: Кандалакша – Кола – Кильдин – Гаврилово – Харловка – Барвиха – Еканский погост – Поной – Тетрино – Варзуга – Кузомень – Кузрека – Умба – Кереть – Кандалакша. Благочинный сообщал по указанию епископа о том, что «крестьяне по станциям подводы дают весьма медленно <...> с отговорками <...> священноцерковнослужители от прихода до прихода сами собой не перевозят за великими переездами, отказываются, прогон давать не в силах, денег не имеют» [27, л. 4]. Таким образом, все транспортные расходы во время посещения местных приходов оплачивал сам благочинный.

В отчете содержатся красноречивые сведения о трудностях благочиннической службы на Кольском Севере. Как следует из документа, священник «за двухмесячной распутой» смог выехать из Кандалакши только 24 июня 1807 г. Ему предстояло принять в Коле дела благочиния от протоиерея Василия Ивановского. Здесь он задержался до 9 июля, так как его предшественник недобросовестно относился к своим прямым обязанностям и не вел записей исходящих и входящих бумаг. Далее Дмитрий Плотников отправился в с. Поной – центр одного из древнейших погостов края – на восточной оконечности Кольского полуострова через промысловые становища, расположенные по побережью Баренцева моря.

По словам благочинного, настоятели немногочисленных приходов Кольского уезда, особенно в его северной части, не успевали «и по самому строжайшему делу в скорости выполнить» данные им предписания и не имели возможности присылать ежемесячные рапорты. Они нередко докладывали через него в духовное правление о том, что не смогли добраться до такого-то селения «как по случаю метелей и трудности проезда за отдаленностью, так и по неимению времени» [28, л. 8 об. – 9]. Дмитрию Плотникову приходилось задерживаться в Поное, Варзуге, Умбе и Керети «за исполнением дел». Помимо этого, в Поное, Кузомени, Кузреке и Керети благочинный останавливался на два дня в каждом селении из-за плохой погоды. Еще три дня он ждал, когда ему предоставят подводу на Керетской почтовой станции, и двое суток провел на берегу р. Еконги (Йоканьги) в ожидании перевозчика. Священник подсчитал, что он находился в пути 48 дней, с 24 июня по 10 августа 1807 г., в течение которых преодолел не менее 1500 км.

В обязанности Дмитрия Плотникова входило разбирать вопросы, связанные с проступками духовных лиц. По архиерейскому указанию вскоре после своего назначения он проводил следствие о неблагопристойном поведении бывшего благочинного Василия Ивановского. Долгие годы епархиальные власти мирились со вздорным характером протоиерея и его увлечением хмельными напитками, однако дело «об острижении усов и бороды у кольского протопопа Василия Ивановского» получило широкую огласку среди жителей уездного города. Дмитрий Плотников выяснил, что происшествие случилось в доме кольского купца Андрея Герасимова, где протоиерей вздремнул после «винного угощения». Как свидетельствовал пономарь кольского собора Филипп Сидоровский, он застал священника спящим и увидел, что у того «на лице ус и на щеке борода обриты». Отец Василий обвинял почетных гостей, купца Дмитрия Попова и пятисотского Филиппа Голодного, а во время следствия неожиданно отказался от иска и заявил, что «обида уже не оказалось» [29, л. 7]⁶.

Из материалов фонда Кемского духовного правления известно, что в том же 1807 г. Дмитрий Плотников получил от епископа задание разобраться в деле о самовольной отлучке пономаря и дьячка из Кольского же Воскресенского собора. В консистории об отсутствии Филиппа Сидоровского и Алексея Федорова стало известно из рапорта кольского священника Александра Измайлова: «отлучились самовольно для рыбного морского промысла» от купцов Романа Шабунина и Андрея Герасимова, «оставя свои должности, а потому и в священнослужении учинилась остановка» [31, л. 63]. При разговоре с благочинным оба сослались на разрешение, полученное от протоиерея Василия Ивановского, и пояснили свой поступок: «... не для каких-либо к жизни прибытков, единственно для прокормления по бедности своей». И пономарь, и дьячек брали в долг у кольских купцов продукты и товары, а потому должны были вернуть деньги. Чем завершилось это разбирательство, сохранившиеся документы не сообщают. Приведенные сведения, между тем, подчеркивают трудное материальное положение церковных причетников в г. Коле, вынужденных заниматься несвойственным им делом.

Круг обязанностей кольского благочинного включал не только надзор за правильностью богослужения в уездных церквях и проверку сохранности храмового имущества, но и наблюдение за внешним видом приходского духовенства. Строгое требование правящего епископа было озвучено в консисторском указе от 17 декабря 1806 г.: «... дабы в непристойном сану своему одеяния не облачались, а особливо священники и диаконы ходили бы в святую церковь, по городу и в приходе к требам в рясах, волосов своих пучками не завязывали и в том над ними наблюдать благочинным» [32, л. 1].

Согласно инструкции, благочинный следил за тем, чтобы приходские церкви имели все необходимое для богослужений. Так, осенью 1809 г. Дмитрий Плотников сообщал в Кемское духовное правление собранные от причтов сведения о годовом количестве восковых свечей, необхо-

⁶ В 1813 г. Василий Ивановский был отрешен от священнослужения [30, л. 7 об.].

димом для «продовольствия и распродажи прихожанам»: для Воскресенского собора в Коле просили 12 пудов, церкви в Керети – 5 пудов, в Варзуге – 3 пуда 20 фунтов, в Понойском погосте, Кандалакше и Умбе – по 2 пуда [33, л. 32, 37–41а].

Выводы

В начале XIX в. на территории Кольского полуострова, входившей в состав Архангельской и Холмогорской епархии, существовал единственный благочиннический округ из-за малого числа приходов. Будни местного благочинного уже тогда заполнялись бюрократической перепиской с духовным правлением, из которого поступали многочисленные указания от епархиального руководства. Многодневные трудные поездки для инспекции приходских церквей, находившихся на значительном расстоянии друг от друга, в природно-климатических реалиях Кольского Севера оказывались серьезным испытанием для благочинного. Его обязанности, как и в других епархиальных округах, были обширны, однако не всегда он мог придерживаться тех рекомендаций, которые прописывались духовной властью в общероссийской инструкции, и своевременно выполнять ее требования. Отсутствие казенной финансовой поддержки благочиннической службы значительно усложняло деятельность священника, поставленного во главе округа. По выбору правящего архиерея Кольское благочиние возглавляли настоятели разных приходов (Кольского и Кандалакшского). Огромное значение имели личные качества священника, назначенного епископом на эту ответственную должность: от них напрямую зависела эффективность сложившейся системы контроля над местными приходскими общинами.

Источники и литература

1. Цыпин, В. протоиерей. Епархиальное управление и епископат. 1700–1999 гг. // Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь. – Москва: «Православная энциклопедия», 2000. – 751 с.
2. Скутнев, А.В. Институт благочинного в системе управления Русской Православной Церковью в пореформенную эпоху / А.В. Скутнев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2 (8). – С. 180–182.
3. Новак, В.Н. Отчеты благочинных как источник по региональной истории России второй половины XIX–начала XX века / В.Н. Новак // Вестник ТвГУ. Серия «История». – 2020. – № 4 (56). – С. 74–84.
4. Корнилова, В.И. «Статусная фигура» провинциальной жизни XIX века: благочинный С. Ф. Кудрявцев / В.И. Корнилова // Мир современной науки. – 2011. – № 3 (6). – С. 30–33.
5. Цысь, О.П. Сургутский благочинный – из истории управления северо-восточными приходами Тобольской епархии в XIX–начале XX вв. / О.П. Цысь // Православие. Наука. Образование. – 2018. – № 1 (5). – С. 19–29.
6. Кондаков, Ю.Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX в. / Ю.Е. Кондаков. – Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2003. – 360 с.
7. Федоров, П.В. Православный словарь Кольского Севера / П.В. Федоров. – Санкт-Петербург: Международный банковский институт, 2017. – 232 с.
8. Кожевникова, Ю.Н. Документы по истории приходов Кольского Севера в фонде Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелии / Ю.Н. Кожевникова // Труды Кольского научного центра. Гуманитарные исследования. – 2022. – Т. 13, вып. 22. – № 2. – С. 109–119.
9. Кожевникова, Ю.Н. Материальное обеспечение приходского духовенства Кольского Севера в последней трети XIX века / Ю.Н. Кожевникова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. – 2022. – Т. 1, № 1. – С. 130–135.
10. Смолич, И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Часть первая / И.К. Смолич. – Москва: Издательство Валаамского монастыря, 1996. – 800 с.
11. Платон (Левшин), архиепископ. Инструкция благочинным иереям или протоиереям / Платон (Левшин), архиепископ. – Москва: Московская синодальная типография, 1775. – 32 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. 24. – 869 с.
13. НА РК. – Ф. 165 (Кемское духовное правление). – Оп. 1. – Д. 6/108.
14. НА РК. – Ф. 25 (Олонецкая духовная консистория). – Оп. 19. – Д. 2/9.
15. НА РК. – Ф. 25. – Оп. 19. – Д. 4/31.
16. НА РК. – Ф. 165. – Оп. 2. – Д. 2/3.
17. НА РК. – Ф. 165. – Оп. 2. – Д. 4/26.
18. НА РК. – Ф. 165. – Оп. 2. – Д. 5/15.
19. НА РК. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 4/9.
20. НА РК. – Ф. 25. – Оп. 19. – Д. 4/31.
21. НА РК. – Ф. 165. – Оп. 2. – Д. 5/36.
22. Верещагин, В. Очерки Архангельской губернии / В. Верещагин. – Санкт-Петербург: Типография Якова Трея, 1849. – 408 с.
23. Поромов, И. Описание Кольского уезда / И. Поромов // Архангельский сборник. – Архангельск: Губернская типография, 1863. – Кн. 2. – С. 267–312.
24. НА РК. – Ф. 165. – Оп. 2. – Д. 3/15.
25. НА РК. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 1/23.
26. Львов, В.Л. Русская Лапландия и русские лопари / В.Л. Львов. – Москва: «Труд», 1903. – 82 с.
27. НА РК. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 3/52.
28. НА РК. – Ф. 25. – Оп. 1. – Д. 74/20.
29. НА РК. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 4/80.
30. НА РК. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 4/93.
31. НА РК. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 3/49.
32. НА РК. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 3/46.
33. НА РК. – Ф. 165. – Оп. 2. – Д. 4/18.

References

1. Cypin, V. protoierej. Eparhial'noe upravlenie i episkopat. 1700–1999 gg. [Cypin, V. archpriest. Diocesan administration and episcopate. 1700–1999] // Pravoslavnaia jenciklopedija: Russkaja Pravoslavnaia Cerkov' [Orthodox Encyclopedia: The Russian Orthodox Church]. – Moscow: "Pravoslavnaia jenciklopedija", 2000. – 751 p.
2. Skutnev, A.V. Institut blagochinnogo v sisteme upravlenija Russkoj Pravoslavnoj Cerkov'ju v poreformennuju jepohu [Institution of the dean in the system of governance of the Russian Orthodox Church in the Post-Reform era] / A.V. Skutnev // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. – 2011. – № 2 (8). – P. 180–182.
3. Novak, V.N. Otchetny blagochinnyh kak istochnik po regional'noj istorii Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [Reports of deans as a source on the regional history of Russia in the second half of the XIX – early XX century] / V.N. Novak // Vestnik TvGU. Serija "Istorija" [Herald of TvSU. "History"]. – 2020. – № 4 (56). – P. 74–84.
4. Kornilova, V.I. "Statusnaja figura" provincial'noj zhizni XIX veka: blagochinnyj S. F. Kudrjavcev ["Status figure" of provincial life of the XIX century: Dean S. F. Kudryavtsev] / V.I. Kornilova // Mir sovremennoj nauki [The world of modern science]. – 2011. – № 3 (6). – P. 30–33.
5. Tsys', O.P. Surgutskij blagochinnyj – iz istorii upravlenija severo-vostochnymi prihodami Tobol'skoj eparhii v XIX – nachale XX vv. [Surgut dean – from the history of the administration of the north-eastern parishes of the Tobolsk diocese in the XIX – early XX centuries] / O.P. Tsys' // Pravoslavie. Nauka. Obrazovanie [Orthodoxy. Science. Education]. – 2018. – № 1 (5). – P. 19–29.
6. Kondakov, Yu.E. Gosudarstvo i pravoslavnaia cerkov' v Rossii: jevoljucija otnoshenij v pervoj polovine XIX v. [State and Orthodox Church in Russia: evolution of relations in the first half of the XIX century] / Yu.E. Kondakov. – Sankt-Petersburg: Rossijskaja nacional'naja biblioteka, 2003. – 360 p.
7. Fedorov, P.V. Pravoslavnyj slovar' Kol'skogo Severa [Orthodox dictionary of the Kola North] / P.V. Fedorov. – Sankt-Petersburg: Mezhdunarodnyj bankovskij institut, 2017. – 232 p.
8. Kozhevnikova, Yu.N. Dokumenty po istorii prihodov Kol'skogo Severa v fonde Kemskogo duhovnogo pravlenija Nacional'nogo arhiva Respubliki Karelii [Documents on the parish history of the Kola North in the fonds of the Kem spiritual collegium of the National archive of Republic of Karelia] / Yu.N. Kozhevnikova // Trudy Kol'skogo nauchnogo centra. Gumanitarnye issledovanija [Transactions of the Kola Science Centre RAS. Humanitarian Studies]. – 2022. – Vol. 13. – Issue 22. – № 2. – P. 109–119.
9. Kozhevnikova, Yu.N. Material'noe obespechenie prihodskogo duhovenstva Kol'skogo Severa v poslednej tretej XIX veka [Material support of the parish clergy of the Kola North in the last third of the XIX century] / Yu.N. Kozhevnikova // Trudy Kol'skogo nauchnogo centra. Gumanitarnye issledovanija [Transactions of the Kola Science Centre RAS. Humanitarian Studies]. – 2022. – Vol. 1. – № 1. – P. 130–135.
10. Smolich, I.K. Istorija Russkoj Cerkvi. 1700–1917. Chast' pervaja [History of the Russian Church. 1700–1917. Part one] / I.K. Smolich. – Moscow: Valaam monastery Publ. House, 1996. – 800 p.
11. Platon (Levshin), archbishop. Instrukcija blagochinnym ierejam ili protoierejam [Instructions to the deanery priests or archpriests] / Platon (Levshin), archbishop. – Moscow: Moskovskaja sinodal'naja tipografija, 1775. – 32 p.
12. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe [The complete collection of laws of the Russian Empire. The first collection]. – Sankt-Petersburg, 1830. – Vol. 24. – 869 p.
13. NA RK (hereinafter National Archive of the Republic of Karelia). – Fonds 165 (Kem spiritual collegium). – Inventory 1. – File 6/108.
14. NA RK. – Fonds 25 (Olonets ecclesiastical consistency). – Inventory 19. – File 2/9.
15. NA RK. – Fonds 25. – Inventory 19. – File 4/31.
16. NA RK. – Fonds 165. – Inventory 2. – File 2/3.
17. NA RK. – Fonds 165. – Inventory 2. – File 4/26.
18. NA RK. – Fonds 165. – Inventory 2. – File 5/15.
19. NA RK. – Fonds 165. – Inventory 1. – File 4/9.
20. NA RK. – Fonds 25. – Inventory 19. – File 4/31.
21. NA RK. – Fonds 165. – Inventory 2. – File 5/36.
22. Vereshchagin, V. Ocherki Arhangel'skoj gubernii [Essays of the Arkhangelsk province] / V. Vereshchagin. – Sankt-Petersburg: Yakov Trey Printing House, 1849. – 408 p.
23. Poromov, I. Opisanie Kol'skogo uezda [Description of the Kola uyezd] / I. Poromov // Arhangel'skij sbornik [Arkhangelsk journal]. – Arkhangelsk: Gubernskaya tipografiya [Provincial Printing House], 1863. – Part 1. – Book 2. – P. 267–312.
24. NA RK. – Fonds 165. – Inventory 2. – File 3/15.
25. NA RK. – Fonds 165. – Inventory 1. – File 1/23.
26. L'vov, V.L. Russkaja Laplandija i russkie lopari [Russian Lapland and Russian Lapps] / V.L. L'vov. – Moscow: Trud, 1903. – 82 p.
27. NA RK. – Fonds 165. – Inventory 1. – File 3/52.
28. NA RK. – Fonds 25. – Inventory 1. – File 74/20.
29. NA RK. – Fonds 165. – Inventory 1. – File 4/80.
30. NA RK. – Fonds 165. – Inventory 1. – File 4/93.
31. NA RK. – Fonds 165. – Inventory 1. – File 3/49.
32. NA RK. – Fonds 165. – Inventory 1. – File 3/46.
33. NA RK. – Fonds 165. – Inventory 2. – File 4/18..

Благодарность (госзадание)

Статья подготовлена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН № FMEZ-2022-0028.

Информация об авторе:

Кожевникова Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона – филиала Кольского НЦ РАН (Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук» (ЦГП КНЦ РАН); Российская Федерация, 184209, Мурманская область, г. Апатиты, мкр. Академгородок, д. 40а; e-mail: yukozhevnikova@gmail.com).

Author:

Yulia N. Kozhevnikova – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher at the Barents Centre of the Humanities FRC Kola Science Centre RAS (Barents Centre of the Humanities, Federal Research Center Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, 40a Akademgorodok, Apatity, Murmansk region, Russian Federation, 184209; e-mail: yukozhevnikova@gmail.com).

Для цитирования:

Кожевникова, Ю.Н. Благодичный на Кольском Севере в начале XIX века (по документам Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелия) / Ю.Н. Кожевникова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 67–73.

For citation:

Kozhevnikova, Yu.N. Blagochinnyj na Kol'skom Severe v nachale XIX veka (po dokumentam Kemskogo duhovnogo pravleniya Nacional'nogo arhiva Respubliki Kareliya) [Dean in the Kola North at the beginning of the XIX century (according to the documents of the Kem spiritual collegium of the National Archives of the Republic of Karelia)] / Yu.N. Kozhevnikova // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 67–73.

Дата поступления рукописи: 28.12.2022

Прошла рецензирование: 20.02.2023

Принято решение о публикации: 20.02.2023

Received: 28.12.2022

Reviewed: 20.02.2023

Accepted: 20.02.2023

Благотворительная деятельность купечества в сфере народного просвещения (на примере Вологодской губернии второй трети XIX века)

И.И. Лейман^{*,**}, М.А. Мацук^{**}

^{*} Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар;

^{**} Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
irinalleyman@gmail.com

Аннотация

В статье на базе опубликованных в «Вологодских губернских ведомостях» материалов рассмотрены основные направления благотворительной деятельности купечества Вологодской губернии в сфере народного просвещения во второй трети XIX в. В их числе: пожертвования на текущие нужды образовательных учреждений; передача предметов, необходимых для процесса обучения; поддержка наиболее нуждающихся учеников; содержание учебных зданий. Масштаб оказываемой купцами помощи системе образования губернии подтверждается публичным выражением признательности со стороны высоких чиновников сферы народного просвещения и присвоением наград.

Ключевые слова:

купечество, благотворительность, народное образование, Вологодская губерния, Вологодские губернские ведомости

В современных реалиях особую актуальность обретает историческая ретроспектива благотворительности. В Российской империи (особенно в провинции) в число наиболее значительных благотворителей и меценатов входили, прежде всего, представители купеческого сословия. Поддержка сферы образования как одно из важнейших направлений благотворительной деятельности торгового сословия Российской империи отмечена многими исследователями истории купечества XIX в. в различных регионах нашей страны [1, с. 117; 2, с. 39; 3, с. 153; 4, с. 325; 5, с. 156–158; 6, с. 296–298]. Немало научных публикаций посвящено непосредственно вкладу купечества в развитие системы народного просвещения; объектом исследования преимущественно являются южные и восточные (Сибирь) регионы Российской империи [7–13]. Среди основных мотивов благотворительной деятельности авторы называют глубокую религиозность жертвователей; нравственные причины; эгоистические побуждения (возможность получить ордена, звания); влияние местной администрации [5,

Charitable activities of merchants in the public education sphere (on example of the Vologda province of the second third of the XIX century)

I.I. Leyman^{*,**}, M.A. Matsuk^{**}

^{*} Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar

^{**} Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
irinalleyman@gmail.com

Abstract

With help of the materials published in the Vologda Provincial Gazette, the paper examines the main directions of charitable activity of the merchants in the Vologda province in the public education sphere in the second third of the XIX century. They include donations for the current needs of educational institutions, presenting schools with items necessary for the learning process, financial support of poor students, maintenance of educational buildings. The large-scale contribution provided by merchants to the education system of the province is confirmed by the public expression of gratitude from high officials of public education and giving them awards.

Keywords:

merchants, charity, public education, Vologda province, Vologda Provincial Gazette

с. 157; 8, с. 240–241; 9, с. 178; 12, с. 240]. Что интересно, сами жертвователи нередко имели весьма низкий уровень образования [12, с. 240].

Вклад купечества Европейского Севера России в развитие местной системы образования за редким исключением не являлся предметом отдельного исследования [14]. В то же время есть достаточно большое количество публикаций, посвященных различным аспектам развития системы образования в северных губерниях европейской части России: преимущественно авторы концентрируют внимание на пореформенном периоде развития системы образования; особый интерес вызывает становление системы женского образования в регионе [15–20].

В данной статье, базируясь на материалах «Вологодских губернских ведомостей» (издавались с 1838 г. еженедельно), мы рассмотрим влияние купечества Вологодской губернии на сферу народного просвещения в регионе в дореформенный период. На страницах «Вологодских губернских ведомостей» находили отражение

наиболее значимые для губернии события, в том числе развитие сферы народного просвещения. Важно отметить, что порядка 80 % выявленных за указанный период материалов относится к 1858–1860 гг. (при этом всего три публикации – за 1840-е гг.; две – за первую половину 1850-х гг.).

Оформление системы начального образования, предусматривавшей преемственность основных ее ступеней, в Российской империи получило завершение в начале XIX в. В январе 1803 г. был издан указ «Об устройстве училищ», согласно которому в каждом церковном приходе должно было быть «по крайней мере одно приходское училище»; в каждом уездном городе – хотя бы одно уездное училище; в каждом губернском городе помимо училищ должна была быть гимназия [21, с. 437–438]. Положения закона нашли отражение в «Уставе учебных заведений, подведомых университетам» 1804 г. [22]. В 1828 г. данный устав был заменен «Уставом гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского» [23]. Система гимназий, уездных и приходских училищ сохранилась, но, согласно новому Уставу, образование стало сословным. Важным отличием Устава 1828 г. стало введение положений о женских училищах: «... в уездных училищах обучаются дети только мужского пола; учреждению равных оным по степени преподавания училищ для девиц местное училищное начальство обязано содействовать всеми имеющимися у него средствами» (доступ лиц обоего пола в приходские училища был зафиксирован как в Уставе 1804 г., так и в Уставе 1828 г.) [22, с. 56; 23, с. 3, 11].

Содержание уездных училищ и гимназий определялось «из сумм, отпускаемых ежегодно Государственным казначейством»; приходские училища содержались за счет местного населения [23, с. 8, 15, 33]. Вследствие того, что выделяемых государством средств на содержание гимназий и уездных училищ зачастую было недостаточно, большую роль в поддержании системы образования играли пожертвования наиболее состоятельной части населения, преимущественно, купечества.

В Вологодской губернии в середине XIX в. купеческое сословие было представлено во всех городах: всего, согласно данным статистики за 1847 г., в купцы было записано 1569 чел. (в 1-ю гильдию – 2,4 %, во 2-ю – 6,4, в 3-ю гильдию – 91,2 %; данная пропорция в целом соответствовала общероссийской) [24, с. 76]. Базируясь на материалах «Вологодских губернских ведомостей» за 1838–1860 гг., можно выделить основные направления благотворительной деятельности вологодского купечества в сфере образования, среди них: денежные пожертвования на текущие нужды; покупка необходимых для образовательного процесса предметов и материалов; персонализированная поддержка учащихся; содержание инфраструктуры (учебных зданий).

Денежные пожертвования купцов учебным заведениям Вологодской губернии были различны по объему. Так, в 1844 г. бывший лальский купец 1-й гильдии Иван Плюсин передал на содержание приходского училища «с накопившимися добровольно жертвуемыми 3 258 руб. 31 коп. сереб.» [25, с. 188]. На открытие женского училища в Тотме в 1858 г. купцами А.Н. Бойченко и А.М. Кокоревым

было пожертвовано по 60 руб. (для сравнения: «городовое общество» внесло 66 руб.) [26, с. 133]. Для нужд Усть-Сысольского женского училища в 1858 г. местный купец Забоев передал 50 руб.; в 1859 г. купец Красных – 10 руб. [27, с. 71]. В 1860 г. «в пользу Вологодского перворазрядного женского училища» купечеством, торговавшим на Январской ярмарке в Вологде, было внесено 93 руб. 20 коп. [27, с. 69]. Встречаются и такие публикации: «... на открытие в Устюге второразрядного женского училища сделаны весьма значительные пожертвования как отдельными лицами из числа местных граждан, особенно Ильею Яковлевичем Грибановым, так и городским обществом в составе целого. Но эти пожертвования отдельных лиц Дирекцией пока не получены ...» (Илья Грибанов – купец) [27, с. 71–72].

Помимо денежных средств купечество передавало образовательным учреждениям необходимые для процесса обучения предметы и материалы (как отмечал в 1860 г. директор вологодских училищ, «в уездных и приходских училищах огромная масса учеников, не имеющих средств покупать учебники» [28, с. 143]). В 1857–1859 гг. московским купцом 2-й гильдии Варсонофием Насоновым в Вологодскую дирекцию училищ было передано для «безденежной раздачи бедным ученикам всех училищ Вологодской губернии до 2 000 разных учебных книг, употребляемых в качестве руководств в уездных и приходских, как мужских, так и женских училищах; 2 500 азбук, 24 географические стенные карты, в том числе степной атлас Сидова на холсте; 1 настольный атлас нового издания Дюфура; 8 фунт. китайской туши, 24 дюжины акварельных красок, 500 кистей, 2 160 карандашей в кипарисе и 186 тушевалыных» [27, с. 69]. Этот вклад позволил снабжать учащихся «всем нужным без затруднения», а чтобы «эта помощь долее сохраняла свое влияние», книги выдавали ученикам не в собственность, а в пользование на период обучения [28, с. 143–144]. В 1860 г. Варсонофий Насонов пожертвовал Вологодской гимназии два глобуса, «привезенных из-за границы» [27, с. 70; 29, с. 53]. В том же году почетный блюститель Усть-Сысольского женского училища царскосельский купец 1-й гильдии В.Н. Латкин (представитель усть-сысольской купеческой семьи Латкиных, покинувший город в 1840-х гг. [30, с. 117]), передал учебному заведению 70 экземпляров Нового Завета «в русском переводе» (это был не первый вклад В.Н. Латкина: например, в 1858 г. он пожертвовал книги на 45 руб.) [27, с. 71; 31, с. 436]. В дар учебным заведениям могли быть переданы предметы, напрямую не связанные с процессом обучения. Так, в 1858 г. усть-сысольский купец 2-й гильдии М.Н. Латкин (родной брат В.Н. Латкина) подарил местному женскому училищу «небольшой портрет Государя Императора в золоченой рамочке» [27, с. 71]. В 1860 г. почетный блюститель Усть-Сысольского женского училища купец В.Н. Латкин пожертвовал восемь лотерейных билетов, «выигрыш коих будет предоставлен благонравнейшим из девиц этого училища» [31, с. 436].

Местное купечество оказывало и адресную помощь наиболее нуждающимся ученикам. К примеру, в 1845 г. тотемский купец 3-й гильдии Ливерий Колычев «изъявил желание содержать каждогодно одного из сыновей бедных граждан, обучающихся в Тотемском уездном учили-

ще». В связи с этим городская ратуша «признала достойным пользоваться, по поведению и успехам, мещанского сына Евгения Одницова до окончания им курса учения в уездном училище» [32, с. 167–168]. В 1850-х гг. вологодский купец В.А. Кокорев взял на себя обязательство в течение 8 лет выделять ежегодно по 1 тыс. руб. «в пользу Вологодских ополченцев, с тем, чтобы дочери ополченцев обучались бесплатно» (речь идет о народном ополчении периода Крымской войны) [27, с. 69]. В 1860 г. царскосельский купец 1-й гильдии В.Н. Латкин пожертвовал Усть-Сысольскому женскому училищу 20 руб. серебром для «раздачи ученицам от имени жертвователя» [31, с. 436].

Существенный вклад был сделан купечеством и в содержание учебных зданий на территории Вологодской губернии. В 1840 г. грязовецкий купец 3-й гильдии Петр Гудков (бывший городской голова) за свой счет построил деревянное здание для уездного училища (губернским архитектором этот проект был оценен в 10 тыс. руб. ассигнациями) [33, с. 281]. В 1859 г. усть-сысольский купец Забоев передал для Усть-Сысольского женского училища деревянный дом, строительство которого обошлось, согласно смете, в 2637 руб. Кроме того, Забоев взял на себя обязательство в течение трех лет обеспечивать отопление и освещение здания училища [27, с. 71]. В 1859–1860 гг. тотемское купечество вносило пожертвования на покупку здания для Тотемского женского училища; довольно большую сумму (180 руб.) передал в 1860 г. и солигаличский купец 1-й гильдии А.Г. Кокорев, что было не первым его «приношением <...> на пользу общую» [34, с. 43–44; 35, с. 23–24; 36, с. 38; 37, с. 133–134].

Комплексная поддержка купечеством сферы народного просвещения на территории Вологодской губернии была отмечена на самом высоком уровне. К примеру, в 1840 г. грязовецкий купец 3-й гильдии Петр Гудков за поддержку местных уездного и приходского училищ был награжден «золотой медалью на Александровской ленте с надписью "за полезное" для ношения на шее» [33, с. 281]. В 1858 г. тотемскому купцу А.Н. Бойченко и купеческому сыну А.М. Кокореву была объявлена «совершенная признательность» со стороны попечителя Санкт-Петербургского учебного округа «за деятельное участие в доставлении средств к открытию в городе Тотьме двухклассного для девиц Училища» [38, с. 138]. В том же году министр народного просвещения объявил признательность усть-сысольским купцам Забоеву и Латкину «за усердное содействие к учреждению женской школы» [39, с. 411].

Таким образом, опубликованные в 1838–1860 гг. на страницах «Вологодских губернских ведомостей» материалы позволяют выделить основные направления благотворительной деятельности купечества, в числе которых пожертвования на текущие нужды образовательных учреждений; передача предметов, необходимых для процесса обучения; поддержка наиболее нуждающихся учеников; содержание учебных зданий. Масштабы вложений зависели от уровня благосостояния купцов, но тем не менее в целом были весьма ощутимы для системы образования Вологодской губернии, что подтверждается публичным выражением признательности купечеству со стороны высоких чиновников сферы народного просвещения.

Источники и литература

1. Гуркина, Н.К. Благотворительность и меценатство в российской провинции на рубеже XIX–XX веков / Н.К. Гуркина // Управленческое консультирование. – 2016. – № 11 (95). – С. 111–119.
2. Жиров, А.А. Провинциальное купечество Сибири: на материалах тарского купечества второй половины XVIII – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Жиров Александр Александрович. – Барнаул, 2000.
3. Капленко, А.Н. Иркутское купечество: благотворительность и меценатство (к 75-летию образования Иркутской области) / А.Н. Капленко // Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета. – 2012. – Т. 1, № 1. – С. 153–158.
4. Репина, Н.В. Благотворительность купечества Костромской губернии в середине XIX–начале XX века / Н.В. Репина // Вестник КГУ. – 2012. – № 1. – С. 324–327.
5. Скубневский, В.А. Благотворительность предпринимателей Алтая во второй половине XIX–начале XX в. / В.А. Скубневский // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2018. – № 435. – С. 155–160.
6. Судовиков, М.С. Купечество Вятского края: от истоков до 1917 года / М.С. Судовиков. – Киров, 2018.
7. Акользина, М.К. Вклад провинциального купечества в развитие системы образования в Тамбовской губернии в XIX веке / М.К. Акользина // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2018. – Т. 17, № 38. – С. 87–91.
8. Бойко, В.П. Благотворительность западносибирского купечества в области народного образования в XIX веке / В.П. Бойко // Вестник ТГПУ. Серия: гуманитарные науки. – 2000. – № 4 (20) спецвыпуск. – С. 56–61.
9. Борисов, Б.Ю. Духовно-нравственные основы благотворительности и попечительства русского купечества в отечественном образовании / Б.Ю. Борисов // Человек и образование. – 2009. – № 4 (21). – С. 177–179.
10. Гарунова, Н.Н. Роль кизлярских купцов в формировании образовательно-культурной среды и благотворительности в контексте развития региона в XIX в. / Н.Н. Гарунова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2016. – № 1. – С. 16–20.
11. Герасимиди, Е.И. Роль купечества в развитии образования в Астрахани в XIX в. / Е.И. Герасимиди // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 1 (26). – С. 17–21.
12. Клинический, А.И. Мотивы благотворительной деятельности Сибирского купечества в сфере народного образования XIX века / А.И. Клинический // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты. – 2016. – № 2. – С. 239–242.
13. Кузнецова, М.В. Вклад купечества в развитие женского образования дореформенного Иркутска / М.В. Кузнецова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2016. – Т. 18. – С. 23–28.
14. Козина, Г.Н. Вологодское купечество и школа (XVIII – начало XX века) / Г.Н. Козина // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 4. – Вологда, 2004. – С. 38–62.

15. Баев, А.А. Вологодская женская Мариинская гимназия во второй половине XIX века: специфика создания и деятельности / А.А. Баева, Т.Н. Иванова // Исторический поиск. – 2021. – Т. 2, № 4. – С. 5–14.
16. Бондаренко, О.Е. Женское образование в Республике Коми (XIX – нач. XXI вв.) / О.Е. Бондаренко. – Сыктывкар, 2005.
17. Бондаренко О.Е. Учебные заведения в Коми крае в конце XIX – начале XX веков / О.Е. Бондаренко. – Сыктывкар, 1998.
18. Калинина, Е.А. Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... д. ист. наук: 07.00.02 / Калинина Елена Александровна. – Москва, 2018.
19. Колос, Л.Н. Развитие начального женского образования в Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века / Л.Н. Колос. – Вологда, 2015.
20. Плех, О. Становление и развитие светского образования на Русском Севере в первой половине XIX в. / О. Плех // Российская история. – 2018. – № 6. – С. 176–180.
21. Об устройстве училищ. № 20597. 24 января 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. 27. 1802–1803. – Санкт-Петербург, 1830.
22. Устав учебных заведений, подведомых университетам: [утвержден 5-го ноября 1804 года]. – Санкт-Петербург, 1804.
23. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского. – Санкт-Петербург, 1840.
24. Лейман, И.И. Благотворительная деятельность провинциального купечества в середине XIX в. (по материалам «Вологодских губернских ведомостей» за 1838–1860 гг.) / И.И. Лейман // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2020. – № 5 (45). – С. 75–82.
25. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. – 1844. – № 13.
26. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1858. – № 16.
27. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1860. – № 9.
28. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1860. – № 18.
29. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. – 1860. – № 6.
30. Мацук, М.А. Торговля и пути сообщения в Коми крае в XIX в. / М.А. Мацук, В.В. Шаньгина. – Сыктывкар, 1996.
31. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. – 1860. – № 47.
32. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. – 1845. – № 43.
33. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. – 1840. – № 39.
34. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1859. – № 5.
35. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1860. – № 3.
36. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1860. – № 5.
37. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1860. – № 17.
38. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. – 1858. – № 14.
39. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. – 1858. – № 39.

References

1. Gurkina, N.K. Blagotvoritelnost i metsenatstvo v rossiyskoy provintsii na rubezhe XIX–XX vekov [Charity and philanthropy in the Russian provinces at the turn of XIX–XX centuries] / N.K. Gurkina // Upravlencheskoe konsultirovanie [Administrative consultation]. – 2016. – № 11 (95). – P. 111–119.
2. Zhirov, A.A. Provintsialnoye kupechestvo Sibiri: Na materialakh tarskogo kupechestva vtoroy poloviny XVIII – nachala XX vekov [Provincial merchants of Siberia: Based on the materials of the Tarsk merchants of the second half of the XVIII – early XX centuries]: extended abstract of Candidate's thesis (History): 07.00.02 / Zhirov Alexandr Alexandrovich. – Barnaul, 2000.
3. Kaplenko, A.N. Irkutskoye kupechestvo: blagotvoritelnost i metsenatstvo (k 75-letiyu obrazovaniya Irkutskoy oblasti) [Irkutsk merchants: charity and patronage (to the 75th anniversary of the formation of the Irkutsk region)] / A.N. Kaplenko // Collection of scientific papers of the Angara State Technical University. – 2012. – Vol. 1. – № 1. – P. 153–158.
4. Repina, N.V. Blagotvoritelnost kupechestva Kostromskoy gubernii v seredine – XIX nachale XX veka [Charity of the merchants of the Kostroma province in the middle XIX – early XX centuries] / N.V. Repina // Vestnik KGU [Bulletin of the Kostroma State University]. – 2012. – № 1. – P. 324–327.
5. Skubnevsky, V.A. Blagotvoritelnost predprinimateley Altaya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v [Charity of Altai entrepreneurs in the second half of the XIX – early XX centuries] / V.A. Skubnevsky // Vestn. Tom. gos. un-ta [Bulletin of the Tomsk State University]. – 2018. – № 435. – P. 155–160.
6. Sudovikov, M.S. Kupechestvo Vyatskogo kraya: ot istokov do 1917 goda [Merchants of the Vyatka region: from the origins to 1917] / M.S. Sudovikov. – Kirov, 2018.
7. Akolzhina, M.K. Vklad provintsialnogo kupechestva v razvitiye sistemy obrazovaniya v Tambovskoy gubernii v XIX veke [Contribution of provincial merchants to development of the education system in the Tambov province in the XIX century] / M.K. Akolzhina // Psychological-pedagogical journal Gaudeamus. – 2018. – Vol. 17. – № 38. – P. 87–91.
8. Boyko, V.P. Blagotvoritelnost zapadnosibirskogo kupechestva v oblasti narodnogo obrazovaniya v XIX veke [Charity of the West Siberian merchants in the field of public education in the XIX century] / V.P. Boyko // Bulletin of the TSPU. Series: Humanities. – 2000. – № 4 (20). – P. 56–61.
9. Borisov, B.Yu. Dukhovno-nravstvennyye osnovy blagotvoritelnosti i popechitelstva russkogo kupechestva v otechestvennom obrazovanii [Spiritual and moral foundations of charity and guardianship of the Russian merchant class in domestic education] / B.Yu. Borisov // Chelovek i obrazovanie [Man and education]. – 2009. – № 4(21). – P. 177–179.

10. Garunova, N.N. Rol kizlyarskikh kuptsov v formirovanii obrazovatelno-kulturnoy sredy i blagotvoritelnosti v kontekste razvitiya regiona v XIX v. [The role of Kizlyar merchants in formation of the educational-cultural environment and philanthropy in the context of regional development in the XIX century] / N.N. Garunova // Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities. - 2016. - № 1. - P. 16-20.
11. Gerasimidi, E.I. Rol kupechestva v razvitii obrazovaniya v Astrakhani v XIX veke [The role of merchants in the development of education in Astrakhan in the XIX century] / E.I. Gerasimidi // Kaspijskiy region: politika, ekonomika, kultura [The Caspian region: politics, economics, culture]. - 2011. - № 1(26). - P. 17-21.
12. Klinitsky, A.I. Motivy blagotvoritelnoy deyatel'nosti Sibirskogo kupechestva v sfere narodnogo obrazovaniya XIX veka [Motives of charitable activity of Siberian merchants in the field of public education of the XIX century] / A.I. Klinitsky // Razvitie sovremennoy nauki: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Development of modern science: theoretical and applied aspects]. - 2016. - № 2. - P. 239-242.
13. Kuznetsova, M.V. Vklad kupechestva v razvitiye zhenskogo obrazovaniya doreformennogo Irkutsk [Role of the merchant class in the development of female education in the pre-reform Irkutsk] / M.V. Kuznetsova // Izvestia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta [News of the Irkutsk State University]. Series: History. - 2016. - Vol. 18. - P. 23-28.
14. Kozina, G.N. Vologodskoye kupechestvo i shkola (XVIII - nachalo XX veka) [Vologda merchants and school (the XVIII - early XX centuries)] / G.N. Kozina // Vologda: Local History Almanac. Issue 4. - Vologda, 2004. - P. 38-62.
15. Baev, A.A. Vologodskaya zhenskaya Mariinskaya gimnaziya vo vtoroy polovine XIX veka: spetsifika sozdaniya i deyatel'nosti [Vologda women's Mariinsky gymnasium in the second half of the XIX century: the specifics of foundation and activity] / A.A. Baev // Istoricheskiy poisk [Historical Research]. - 2021. - Vol. 2. - № 4. - P. 5-14.
16. Bondarenko, O.E. Zhenskoye obrazovaniye v Respublike Komi (XIX - nach. XX vv.) [Women's education in the Komi Republic (the XIX - early XX centuries)] / O.E. Bondarenko. - Syktyvkar, 2005.
17. Bondarenko, O.E. Uchebnyye zavedeniya v Komi kraye v kontse XIX - nachale XX vekov [Educational institutions in the Komi region in the late XIX - early XX centuries] / O.E. Bondarenko. - Syktyvkar, 1998.
18. Kalinina, E.A. Sistema narodnogo prosveshcheniya na Yevropeyskom Severe Rossii v pervoy polovine XIX v. [The system of public education in the European North of Russia in the first half of the XIX century]: extended abstract of Doctor's thesis (History): 07.00.02 / Kalinina Elena Alexandrovna. - Moscow, 2018.
19. Kolos, L.N. Razvitiye nachalnogo zhenskogo obrazovaniya v Vologodskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX - nachale XX veka [The development of primary women's education in the Vologda province in the second half of the XIX - early XX centuries] / L.N. Kolos. - Vologda, 2015.
20. Plekh, O. Stanovleniye i razvitiye svetskogo obrazovaniya na Russkom Severe v pervoy polovine XIX v. [Formation and development of secular education in the Russian North in the first half of the XIX century] / O. Plekh // Rossiyskaya istoriya [Russian History]. - 2018. - № 6. - P. 176-180.
21. Ob ustroystve uchilishch [About the organization of specialized secondary schools]. № 20597. January 24, 1803 // Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoj imperii. Sobranie Pervoe [Complete collection of laws of the Russian Empire. The first collection]. Vol. 27. 1802-1803. - Sankt-Petersburg, 1830.
22. Ustav uchebnykh zavedeniy, podvedomykh universitetam [Statute of educational institutions subordinated to universities]: approved on November 5, 1804. - Sankt-Petersburg, 1804.
23. Ustav gimnazy i uchilishch uyezdnym i prikhodskim, sostoyashchikh v vedomstve universitetov: Sankt-Petersburgskogo, Moskovskogo, Kazanskogo i Kharkovskogo [Statute of gymnasiums and district and parish schools subordinated to the universities: St. Petersburg, Moscow, Kazan, and Kharkov]. - Sankt-Petersburg, 1840.
24. Leyman, I.I. Blagotvoritelnaya deyatel'nost provintsialnogo kupechestva v seredine XIX v. (po materialam "Vologodskikh gubernskikh vedomostey" za 1838-1860 gg.) [Charitable activities of provincial merchants in the middle of the XIX century (based on materials of the "Vologda Provincial Gazette" for 1838-1860)] / I.I. Leyman // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". - 2020. - № 5 (45). - P. 75-82.
25. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Official part. - 1844. - № 13.
26. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1858. - № 16.
27. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1860. - № 9.
28. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1860. - № 18.
29. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Official part. - 1860. - № 6.
30. Matsuk, M.A. Torgovlya i puti soobshcheniya v Komi kraye v XIX v. [Trade and communication routes on the Komi territory in the XIX century] / M.A. Matsuk. - Syktyvkar, 1996.
31. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Official part. - 1860. - № 47.
32. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Official part. - 1845. - № 43.
33. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Official part. - 1840. - № 39.
34. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1859. - № 5.
35. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1860. - № 3.
36. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1860. - № 5.
37. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. - 1860. - № 17.
38. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Official part. - 1858. - № 14.
39. Vologodskie gubernskie vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Official part. - 1858. - № 39.

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Информация об авторах:

Лейман Ирина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина; Российская Федерация, 167001, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-кт, д. 55; e-mail: irinaleyman@gmail.com); старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: irinaleyman@gmail.com).

Мацук Михаил Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; 167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: michailmatsuk@rambler.ru).

Author:

Irina I. Leyman – Candidate of Sciences (History), Docent, Chair of the Public Relation and Publicity Department at the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pitirim Sorokin Syktyvkar State University", 55 Oktyabrsky Prospect, Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation, 167001; e-mail: irinaleyman@gmail.com); Senior Researcher of the Laboratory of Archaeography, Documents Publication on the History of the Development of the European North of Russia at the Institute of Language, Literature and History FRC Komi SC RAS (Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation, 167000; e-mail: irinaleyman@gmail.com).

Mikhail A. Matsuk – Doctor of Sciences (History), Chief Researcher at the Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia, Institute of Language, Literature and History FRC Komi SC RAS (Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation, 167000; e-mail: michailmatsuk@rambler.ru).

Для цитирования:

Лейман, И.И. Благотворительная деятельность купечества в сфере народного просвещения (на примере Вологодской губернии второй трети XIX века) / И.И. Лейман, М.А. Мацук // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 74–79.

For citation:

Leyman, I.I. Blagotvoritel'naya deyatel'nost' kupechestva v sfere narodnogo prosveshcheniya (na primere Vologodskoj gubernii vtoroj treti XIX veka) [Charitable activities of merchants in the public education sphere (on example of the Vologda province of the second third of the XIX century)] / I.I. Leyman, M.A. Matsuk // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 74–79.

Дата поступления рукописи: 03.02.2023

Прошла рецензирование: 09.02.2023

Принято решение о публикации: 09.02.2023

Received: 03.02.2023

Reviewed: 09.02.2023

Accepted: 09.02.2023

Министр М.И. Хилков в истории русской провинции рубежа XIX–XX веков: по материалам Вятской губернии

М.С. Судовиков

Кировская областная научная библиотека им. А.И. Герцена,
г. Киров
Вятский государственный университет,
г. Киров
region@herzenlib.ru

Аннотация

В статье рассматриваются биографические аспекты и служебная деятельность министра путей сообщения России Михаила Ивановича Хилкова (1834–1909). Будучи представителем известного княжеского рода, пройдя военную службу, он стал активным деятелем эпохи великих реформ Александра II – участвовал в проведении крестьянской реформы в Тверской губернии. В дальнейшем получил опыт железнодорожного строительства и работы в Америке и Европе, служил в англо-американской компании по постройке Трансатлантической железной дороги. Вернувшись в Россию, участвовал в железнодорожном строительстве, занимая высокие должности, а в апреле 1895 г. был назначен министром путей сообщения. Особое внимание обращается на постройку Пермь–Котласской железной дороги через Вятскую губернию, проезд в июне 1898 г. М.И. Хилкова в Вятскую губернию. Автор заключает, что железнодорожное строительство, связанное с деятельностью министра Хилкова, явилось знаковым событием в экономических преобразованиях российских губерний.

Ключевые слова:

Россия, США, Болгария, М.И. Хилков, С.Ю. Витте, железнодорожное строительство, Пермь–Котласская железная дорога, Вятская губерния, Вятская городская дума

Государственный деятель, министр путей сообщения России в 1895–1905 гг. Михаил Иванович Хилков (1834–1909), родившийся в Тверской губернии, принадлежал к русскому княжескому роду, который восходил к стародубской ветви Рюриковичей. Родона начальники династии именовались князьями Рязанскими, а один из них – Иван Федорович (18-е колено от Рюрика) – в силу слабого здоровья получил прозвище Хилок, впоследствии трансформировавшееся в фамилию его потомков.

Предки М.И. Хилкова были удельными князьями, боярами, стольниками, окольничими, воеводами, дипломатами, губернаторами и известными военными деятелями, участвовавшими в Ливонской войне, русско-турецких войнах, Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах Рус-

Minister M.I. Khilkov in the history of the Russian province at the turn of the XIX–XX centuries: based on the materials of the Vyatka Province

M.S. Sudovikov

Kirov Regional Scientific Library named after A.I. Herzen,
Kirov
Vyatka State University,
Kirov
region@herzenlib.ru

Abstract

The paper examines the biographical aspects and official activities of the Minister of Railways of Russia Mikhail Ivanovich Khilkov (1834–1909). Being a representative of a well-known princely family and having completed military service, he became an active figure in the era of the great reforms of Alexander II – participated in the peasant reform in the Tver Province. Later, he gained experience in railway construction and work in America and Europe, served in the Anglo-American company for the construction of the Transatlantic Railway. After returning to Russia, he held high state positions, was involved in railway construction and finally appointed Minister of Railways in April 1895. In the paper, special attention is paid to the construction of the Perm–Kotlas railway through the Vyatka Province, the arrival of M.I. Khilkov in the Vyatka Province in June 1898. The author concludes that the railway construction associated with the activities of Minister Khilkov was a landmark event in the economic transformations of the Russian Provinces.

Keywords:

Russia, the USA, Bulgaria, M.I. Khilkov, S.Yu. Witte, railway construction, Perm–Kotlas railway, Vyatka Province, Vyatka City Duma

ской армии 1813–1814 гг. Хилковы были внесены в пятую часть дворянских родословных книг Калужской, Московской, Тверской и Тульской губерний [1, с. 405–407].

Отец Михаила Ивановича – Иван Александрович Хилков – являлся офицером лейб-гвардии гусарского полка и был владельцем большого имения в с. Синево–Дуброво Бежецкого уезда Тверской губернии. В 1848 г. он отменил в своей вотчине телесные наказания для крепостных, заменив их штрафом или внеочередными работами. Обеспеченная семья дала своему сыну прекрасное начальное образование, приглашая в дом наставников–энциклопедистов [2, с. 186–187].

Тринадцатилетним юношей Михаил Хилков поступил на службу пажом к Высочайшему двору и через несколь-

ко месяцев, в сентябре 1848 г., был определен в Пажеский Его Императорского Величества корпус. В период обучения воспитанники корпуса считались причисленными к императорскому двору и несли обязанности караульной службы. Летом 1852 г. Михаил Хилков был возведен в придворный чин камер-пажа [3, с. 708]. Через год, после выпуска из корпуса, Михаил направляется на службу в лейб-гвардии Егерский полк, но в армии Хилков был недолго. В начале 1857 г. он оставил военную службу и под руководством своего наставника Э.Р. Циммермана продолжил заниматься самообразованием, которое вылилось в их совместное путешествие по Европе и Америке.

Описание этого путешествия Э.Р. Циммерман поместил в журнале «Русский Вестник» в выпусках за 1858–1859 гг., отметив, что «из разных способов путешествия, предпринимаемого с целью узнать край и его жителей, странствование пешком доставляет самый обильный материал для наблюдателя, и особенно справедливо это по отношению к Северной Америке» [4, с. 371]. Русским путешественникам пришлось ехать «по железной дороге только что начинающейся», узнать «как они здесь возникают», передвигаться на пароходе и воочию увидеть, кто такие американцы.

После возвращения жизнь Хилкова была связана со службой в Министерстве иностранных дел, затем эпоха великих реформ выдвинула его в мировые посредники, и Михаил Иванович участвовал в проведении крестьянской реформы 1861 г. Князь жил в знакомом с детства Бежецком уезде и видел то, как Россия раскрепощалась. По словам С.Ю. Витте, сам он «роздал большую часть своих земель крестьянам» [5, с. 324].

Переломные для России 1860-е гг. стали временем дальнейших исканий Михаилом Ивановичем и своего места в жизни. В 1864 г. он вновь покидает Россию и в Америке поступает на службу в англо-американскую компанию по постройке Трансатлантической железной дороги. Пройдя путь от рабочего и кочегара до помощника, а затем и старшего машиниста, в 1868 г. Хилков стал заведующим службой подвижного состава и тяги. Набравшись опыта, из Америки он перебрался в Европу, и около года работал на паровозном заводе в Ливерпуле, трудясь слесарем.

Связав свою жизнь с новым тогда видом транспортного сообщения – железной дорогой, в дальнейшем свои знания и опыт М.И. Хилков применял на родине. Во второй половине XIX столетия Россия уверенно вставала на путь капитализма, и многие экономические проблемы требовалось решать незамедлительно. Показательны цифры: в 1870 г. в России насчитывалось всего 10,7 тыс. км железных дорог, а в Англии в тот же период их длина составляла 25, США – 85,2, Германии – 18,7 тыс. км. [6, с. 83]. Отметим, что в тот период именно железные дороги являлись крупнейшей сферой вложения капитала в ведущих капиталистических странах, и в России с началом великих реформ Александра II создание сети железных дорог становилось одним из актуальнейших вопросов.

Вернувшийся из Америки и Европы «железнодорожный» князь М.И. Хилков назначается начальником тракции (тяги) на Курско-Киевской, затем – Московско-Рязанской железных дорогах. В период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он – уполномоченный Красного Креста при сани-

тарном поезде, а в 1880 г. командирован на Закаспийскую дорогу для осуществления руководства постройкой ветки на Кизил-Арват, и в этот же период Хилков назначается управляющим Закаспийской военной железной дорогой.

Новый поворот в судьбе князя произошел в конце 1882 г., когда он по приглашению болгарского правительства стал управляющим Министерства общественных работ, путей сообщения, торговли и земледелия. Начался «болгарский период» его жизни. «В Болгарии князь Х. пользовался завидною популярностью и значительно урегулировал возложенные на него многосложные функции», – писал современник, добавляя, «что дело приходилось иметь со страной, во внутреннем управлении которой царил хаос, к тому же еще не оправившейся от ужасов военных погромов» [2, с. 187]. После военного переворота, произошедшего в Болгарии в сентябре 1885 г., Михаил Иванович вернулся в Россию и продолжил службу на железной дороге.

В течение следующих 10 лет, будучи на руководящих должностях, он участвовал в дальнейшем строительстве Закаспийской военной железной дороги, в частности Самаркандского ее участка. В 1892 г., с переходом на службу в Министерство путей сообщения, Михаил Иванович был назначен директором от Министерства в правление Общества Привислинских железных дорог, затем был начальником Орловско-Грязской железной дороги. В 1893 г. стал начальником Самаро-Златоустовской железной дороги, исполнял должность главного инспектора железных дорог, а в самом начале 1895 г. был определен на должность управляющего Министерством путей сообщения.

В том же, 1895 г. министр финансов С.Ю. Витте предложил императору назначить князя М.И. Хилкова на должность министра путей сообщения. Для Витте было важно, что его выдвиженец «прекрасно знал железнодорожное дело, знал все, что касается паровозов и тракции, он был опытный железнодорожник, вообще был человек чрезвычайно воспитанный, человек высшего общества и по существу был хороший человек» [5, с. 326]. Назначение последовало 2 апреля 1895 г., Хилков стал министром [3, с. 709].

Его энергичная деятельность на посту министра способствовала подъему железнодорожного строительства в России, именно при министре М.И. Хилкове началось движение поездов по Великому Сибирскому пути (Транссибу). К 1898 г. железнодорожные магистрали охватывали 64 губернии Европейской России, восемь губерний Финляндии, семь областей Азиатской части страны [6, с. 271].

Весьма примечательно, что за период с 1893 по 1900 г. было построено 20,5 тыс. верст новых дорог, увеличивших железнодорожную сеть России на 70 %, что кардинально меняло ее промышленную географию, углубляя процессы капитализации. Одной из новых магистралей стала Пермь-Котласская железная дорога, пролегавшая через Вятскую губернию и ставшая детищем князя Хилкова. Значение этой дороги определялось целью развития экспортной торговли через Архангельск и важностью соединения Сибирской магистрали с севером страны для вывоза хлебной продукции.

Заинтересованность в строительстве железной дороги именно через Вятку деятеля местного самоуправления сумели высказать и С.Ю. Витте, и Хилкову лично во время

своей поездки в Петербург в январе – феврале 1895 г. «для принесения верноподданнического поздравления Их Императорским Величествам с высокорадостным днем бракосочетания» [7, с. 24–33].

Представителей Вятской городской думы и делового мира губернии не устраивал тот факт, что по плану строительства «станция железной дороги назначалась у села Макарьевского, в четырех верстах от города, а мост чрез р. Вятку у дер. Перевоз, верстах в 18-ти от него» [7, с. 29]. Прямо в Петербурге председатель железнодорожной комиссии Вятской городской думы А.К. Иванов составил записку «Железнодорожная линия Пермь–Котлас в отношении г. Вятки», которую поддержал и губернатор Ф.Ф. Трепов. Затем министр финансов С.Ю. Витте пообещал вятчанам «свое содействие в достижении устройства станции в городе, а моста под городом».

После этого была встреча с Хилковым и сенатором А.Н. Куломзиним, которые внимательно выслушали вятскую депутацию, «причем князь, – докладывал думе по возвращении в Вятку городской голова И.А. Сухов, – вполне согласился с моими доводами, что город должен пасть, если дорога его обойдет; оба приняли нашу записку и оба обещали полное свое содействие при разрешении этого вопроса» [7, с. 31]. Как следовало из доклада Сухова, решение всех этих вопросов заняло у него 42 дня командировки в столицу, и результатом стало строительство линии именно через Вятку.

Один из следующих эпизодов встречи вятчан с М.И. Хилковым связан уже непосредственно со строительством Пермь–Котласской железной дороги.

Летом 1898 г. в прессе сообщалось, что «около 20 июня в Вятскую губернию приедет [господин] министр путей сообщения князь Хилков. [господин] начальник губернии выедет в Глазов на встречу» [8, с. 7]. Так оно и произошло. Вечером 20 июня М.И. Хилков со свитой и в сопровождении железнодорожников прибыл в Вятскую губернию на поезде из Перми. Губернатор Н.М. Клингенберг встречал министра на вокзале уездного вятского города Глазова. После короткой остановки, пообщавшись с депутациями от города и уездного земства и осмотрев станционные сооружения, министр вместе с губернатором отправился на поезде в Вятку и прибыл сюда утром 21 июня [9, с. 5].

Приезд в губернский город М.И. Хилкова стал для региона важным событием, к которому готовились заранее. За месяц до приезда министра, 19 мая 1898 г., на заседании Вятской городской думы было решено образовать «особую комиссию» из гласных думы для составления программы приветствия высокого гостя и обстоятельной докладной записки «о нуждах города для вручения ее его сиятельству» [10, с. 97–98]. В комиссию вошли 12 гласных, среди которых были известные местные предприниматели и общественные деятели – Т.Ф. Булычев, Я.Ф. Тырышкин, И.И. Лаптев, П.П. Клобуков, Я.И. Поскребышев, А.А. Прозоров, П.А. Шуравин, И.А. Чарушин и др.

Через месяц, 19 июня 1898 г., состоялось чрезвычайное заседание городской думы, на котором комиссия представила результаты своей работы. Был озвучен проект докладной записки для М.И. Хилкова. «Имея счастье приветствовать в своем городе в лице Вашем первого министра

путей сообщения, посетившего наш удаленный город, Вятская городская дума позволяет себе воспользоваться этим благоприятным для нее случаем, чтобы лично высказать Вашему сиятельству о тех, связанных с развитием местных путей сообщения, нуждах города, удовлетворение которых при ничтожных собственных средствах представляется без посторонней помощи для города невозможным и, с другой стороны, без удовлетворения этих нужд может замедлиться экономическое развитие как самого города, так и всего Вятского края», – говорилось в начале записки [10, с. 128].

Далее члены комиссии обстоятельно изложили имеющиеся проблемы и заявили о необходимости строительства подъездной железнодорожной ветки, которая соединяла бы речные пристани со станцией г. Вятки, об улучшении и изменении у города фарватера и укреплении на средства казны берега р. Вятки, о замощении городских улиц до вокзала Пермь–Котласской железной дороги, о «бесплатной или удешевленной перевозке по линии Пермь–Котласской дороги камня для замощения городских улиц», о важности для города нахождения в нем железнодорожного управления.

Решение всех этих вопросов должно было позитивно отразиться на экономическом и культурном развитии губернского города, и, кроме того, как указывалось в заключительной части записки, «... Вятская городская дума надеется, что Ваше сиятельство не изволите усмотреть в них (нуждах города. – М.С.) чего-либо преувеличенного; почти все эти нужды тесно связаны с интересами и самого железнодорожного ведомства; удовлетворением их Министерством путей сообщения только теснее свяжет интересы общегосударственные с интересами местно общественными» [10, с. 132]. Текст записки с некоторыми дополнениями получил одобрение со стороны думы.

На том же заседании думы состоялись выборы «особой депутации» для подачи докладной записки министру, было поручено «избранной депутации приветствовать [господина] министра путей сообщения по прибытии его в г. Вятку на железнодорожном вокзале и поднести ему от имени города хлеб и соль», а также на память о посещении М.И. Хилковым Вятки предполагалось «поднести ему альбом видов города Вятки в деревянном каповом футляре» [10, с. 126–128].

В день визита, воскресным утром, на вокзале г. Вятки министерский поезд встречали местные чиновники во главе с вице-губернатором Н.Н. Новосельским, городской голова Я.И. Поскребышев с депутацией, земские деятели, железнодорожники, «а также много публики» [9, с. 5].

В первые минуты пребывания в Вятке министра М.И. Хилкова к нему обратился городской голова: «Имею честь, – начал он, – от лица Вятской городской думы приветствовать Ваше сиятельство с прибытием в наш город. Почитаю себя счастливым выразить перед Вашим сиятельством чувства глубокой радости всего городского населения по случаю прибытия столь редкого и дорогого гостя. Ваше сиятельство являетесь первым министром путей сообщения, посетившим наш город. В этом посещении население видит милостивое внимание своего монарха к городу и к его нуждам. Позвольте просить Ваше сиятельство принять хлеб-соль от Вятского городского общества» [9, с. 6].

В газетах уточнялось, что «хлеб-соль были поднесены на простом, но изящном каповом блюде местной работы. Солонка тоже каповая. На красивом фоне блюда выделяется надпись, сделанная из вкрапленных кусочков белого дерева, славянскими буквами: "Город Вятка", "Июнь 1898 г." В середине между этими надписями помещен герб города Вятки. Блюдо было покрыто полотенцем, вышитым в Вятском женском монастыре» [9, с. 6]. Министра таким образом познакомили и с вятским капокорешковым промыслом, и рукоделием местных монашек-мастериц. Герб г. Вятки подчеркивал территориальную принадлежность изделий.

У поезда же была вручена и докладная записка с описанием транспортных потребностей города, и Михаил Иванович тут же дал ответ на нее, поскольку через губернатора был уже знаком с ее содержанием.

Министр поддержал идею о соединении рельсовым путем вятских пристаней с железной дорогой и дал поручение управлению Пермь-Котласской железной дороги «провести необходимые изыскания и составить сметы». Разделил он и озабоченность городской думы относительно развития судоходства по р. Вятке, пообещав обратить на этот вопрос «особое внимание», при этом М.И. Хилков отметил, «что им давно уже было обращено внимание на нашу реку, по его инициативе Вятка признана судоходною до Слободского». По поводу замощения улиц до вокзала министр не обещал «ничего положительного», но вдохновил присутствующих известием о решении вопроса о строительстве железной дороги «от Петербурга на Вятку, через Вологду» [9, с. 6].

Дальнейшая программа пребывания М.И. Хилкова предусматривала осмотр станционных сооружений, посещение епископа, беседу с вице-губернатором, завтрак на квартире губернатора с присутствием начальников всех губернских правительственных учреждений, городского головы, земских деятелей, представителей местного купечества. После завтрака в сопровождении начальника губернии министр путей сообщения посетил Александро-Невский собор, затем осмотрел недавно возведенный памятник Александру III, располагавшийся вблизи этого собора; побывал в мужском монастыре, где приложился к раке над мощами преподобного Трифона Вятского; посетил Александровский сад – «здесь Его сиятельство с ротонды и балкона в летнем помещении клуба осматривал реку» [9, с. 6]. Михаил Иванович попросил фотографа снять несколько видов р. Вятки и пристани.

Визит в Вятку министра Хилкова завершился вечером. Газеты сообщают читателям, что «г[осподин] министр вместо предположенных 5 часов в г. Вятке пробыл более 12 часов» [11, с. 6]. Далее М.И. Хилков через Загарский перевоз, станции Опарино, Пинюг, Лузу проследовал в Котлас.

Но на этом вятские события 21 июня не исчерпывали себя. Министр путей сообщения с первых минут пребывания в губернском центре своим вниманием к местному обществу и нуждам города и региона, уже сделанными им конкретными шагами по развитию здесь железнодорожного транспорта и судоходства не мог оставить равнодушными городские власти. В день визита Михаила Ивановича, т.е. тогда же 21 июня 1898 г., созывается чрезвычайное заседание Вятской городской думы, на котором вслед за докладом городского головы Якова Ивановича Поскребыше-

ва о встрече министра и «сочувственном отношении» с его стороны к местным городским нуждам, желании помочь в их разрешении, дума единогласно постановила «избрать Его сиятельство князя Михаила Ивановича Хилкова почетным гражданином города Вятки» [12, л. 5 – 5 об.].

На том же заседании принимается еще два решения: «для увековечения же памяти о посещении Его сиятельством города Вятки Набережную улицу, идущую от реки Вятки во 2-ю часть города по берегу оврага, где проектировано провести железнодорожную ветку к паровым пристаням, назвать улицу князя Хилкова» и «просить Его сиятельство принять на себя звание почетного гражданина г. Вятки и выразить свое согласие на название указанной выше улицы улицей князя Хилкова» [12, л. 5 об.].

На первый взгляд эти решения могут показаться несколько скорыми и эмоциональными, но отнюдь они не были безосновательными. Строительство железной дороги, развитие судоходства на Вятке меняли экономическую жизнь губернии с ее главным городом. Правительственные решения, связанные с позицией С.Ю. Витте и М.И. Хилкова, давали Вятской губернии и г. Вятке путевку в новую экономическую жизнь.

Одно только строительство Пермь-Котласской железной дороги привело к возведению в губернском городе «до 300 новых домов», сюда «явилось много приезжего люда», возросли доходы домовладельцев и ремесленников [10, с. 132]. Преимущества постройки железной дороги (постоянное движение по линии Пермь-Вятка-Котлас было открыто в 1899 г.) выражались и в развитии торговли. «Благодаря Пермь-Котласской железной дороге граждане города Вятки, имея в виду расширение торговых дел, построили вновь дома, для приезжающих номера, магазины и лавки для торговцев. Иногородние торговцы поспешили приехать в Вятку, заняли более десяти магазинов ...», – отмечал современник [13, с. 3].

Новые формы организации приобрело и судоходство по р. Вятке, получившее от М.И. Хилкова гарантии своего развития. В декабре 1901 г. был утвержден устав паевой компании – Вятско-Волжского пароходства, учредителями которого выступили купцы первой гильдии Т.Ф. Булычев, Я.Ф. Тырышкин и торговый дом «Наследники коммерции советника И.В. Александрова», ранее имевшие свои пароходства [14, с. 198–199].

Решение Вятской городской думы по вопросу о присвоении М.И. Хилкову почетного звания было поддержано верховной властью. 14 сентября 1898 г. император «соизволил на присвоение министру путей сообщения князю Хилкову звания почетного гражданина гор. Вятки <...> в знак искренней признательности городского общества за сочувственное отношение этого лица к нуждам города» [15, л. 8]. Получив известие об этом, М.И. Хилков отправил в Вятку на имя губернатора письмо, в котором просил выразить Вятской городской думе искреннюю признательность «за оказанную мне честь» [15, л. 10]. С.Ю. Витте был удостоен этого звания ранее, в июле 1895 г., за труды и заботы по решению вопроса о строительстве железной дороги от Перми до Котласа через г. Вятку [16, с. 324–325].

Что касается улицы князя Хилкова, вятский губернатор и городская дума предпринимали попытки получить раз-

решение на переименование улицы Набережной (сейчас ул. Горбачева в г. Кирове), но безуспешно. В одном из конфиденциальных документов, хранящемся в Петербурге в Российском государственном историческом архиве, сообщается, что министр внутренних дел распорядился «наименование улицы задержать» [12, л. 2].

Следующий раз М.И. Хилков побывал в Вятке 14 мая 1903 г. Это была короткая, утренняя остановка на станции во время поездки «частного характера». По сообщению «Вятских губернских ведомостей», министр «прибыл с особым поездом из Котласа», затем проследовал в Пермь и далее в Томск [17, с. 2]. Примечательно, что накануне этого события вятский городской голова Яков Поскребышев напомнил думе, что благодаря прежде всего М.И. Хилкову, проявившему внимательное и сочувственное отношение к городским нуждам, «окончательно решен вопрос об устройстве пристанской ветки и приступлено к укреплению правого берега реки Вятки против города» [18, с. 169–170].

Эти слова созвучны с мнением о Михаиле Ивановиче как о человеке «непоколебимой исполнительности» [2, с. 190]. Современников подкупали и его гуманность, и высокий профессионализм. «Князь хорошо помнит тяжелую, хотя и добровольную школу своей молодости – она-то и служит источником его сердечного отношения к нуждам мелкого железнодорожного люда. С удовольствием князь вспоминает о той поре, когда он служил машинистом; уже будучи министром, во время одной из своих поездок по России, добровольно заместил машиниста и провел поезд от станции до станции, доказав, что он и донныне в совершенстве помнит технику вождения поездов» [2, с. 190].

Хилков покинул пост министра путей сообщения в октябре революционного 1905 г. До самой кончины в 1909 г. его жизнь была связана с деятельностью в Государственном Совете, членом которого, назначенным к присутствию, он являлся. М.И. Хилков был и председателем, с 1907 г., Главного управления Российского общества Красного Креста – «снискал на этом поприще большую любовь и уважение» [19, с. 381].

Хотя порой и можно встретить неоднозначные оценки его деятельности в должности министра путей сообщения, тот же С.Ю. Витте упрекал Михаила Ивановича в слабости как государственного деятеля [5, с. 326], но очевиден и факт его подвижничества, кипучей энергии и желания служить обществу. О многом свидетельствовали и почетные звания, которых удостоивался М.И. Хилков. Помимо Вятки он был почетным гражданином городов Архангельска, Царицына, Поти, Иркутска, Темрюка, Жиздры, Устюга, Тихвина, Вологды, Череповца, Твери, Галича, Боровичей.

Поддержка Хилковым инициатив с мест, безусловно, способствовала развитию губерний и городов, укреплению их экономического потенциала в период бурного развития капитализма на рубеже XIX–XX столетий. Железнодорожное строительство в Вятской губернии, появление Пермь–Котласского транспортного узла, связанное с деятельностью М.И. Хилкова, явились знаковым событием в экономических преобразованиях и Русского Севера, и Приуралья.

Источники и литература

1. Федорченко, В.И. Дворянские роды, прославившие Отечество: Энциклопедия дворянских родов / В.И. Фе-

дорченко. – Красноярск: Бонус; Москва: Олма-Пресс, 2001. – 464 с.

2. Князь Михаил Иванович Хилков, тайный советник, министр путей сообщения // Альманах современных русских государственных деятелей. – Санкт-Петербург, 1897. – С. 186–190.
3. Шилов, Д.Н. Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральный учреждений. 1802–1917: Биобиблиографический справочник / Д.Н. Шилов. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001. – 830 с.
4. Циммерман, Э.Р. Путешествие по Америке / Э.Р. Циммерман // Русский Вестник. – 1859. – Т. XXIV. – Ноябрь. – Кн. 2. – С. 371–395.
5. Витте, С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг.: в 2-х т. Т. 1 / С.Ю. Витте. – Москва: Терра, 1997. – 352 с.
6. Соловьева, А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. / А.М. Соловьева. – Москва: Наука, 1975. – 315 с.
7. Журналы Вятской городской думы за 1895 год. – Вятка, 1896. – 356 с.
8. Вятские губернские ведомости. – 1898. – № 45. – 10 июня.
9. Вятские губернские ведомости. – 1898. – № 49. – 24 июня.
10. Журналы Вятской городской думы за 1898 г. – Вятка, 1899. – 289 с.
11. Вятские губернские ведомости. – 1898. – № 50. – 27 июня.
12. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1293. – Оп. 132. – Д. 6.
13. Клепиков, К.И. Заметки и впечатления старожила / К.И. Клепиков. – Вятка: тип. и хромотипогр. Маишеева, 1900. – 14 с.
14. Судовиков, М.С. Купечество Вятского края: от истоков до 1917 года / М.С. Судовиков. – Киров: ИД «Герценка», 2018. – 468 с.
15. Центральный государственный архив Кировской области. – Ф. 587. – Оп. 3. – Д. 364.
16. Почетные граждане города Вятки: Исторические портреты / сост., науч. ред. М.С. Судовиков. – Киров: НКО «Золотой фонд Вятки», КОУНБ им. А.И. Герцена, 2015. – 480 с.
17. Приложение к «Вятским губернским ведомостям». – 1903. – № 56. – 15 мая.
18. Журналы Вятской городской думы за 1903 год. – Вятка, 1903. – Т. 1. – 237 с.
19. Джунковский, В.Ф. Воспоминания: в 2-х т. Т. 1: записи прошлого / В.Ф. Джунковский. – Москва: Издательство им. Сабашниковых, 1997. – 734 с.

References

1. Fedorchenko, V.I. Dvoryanskie rody, proslavivshie Otechestvo: Enciklopediya dvoryanskih rodov [Noble families who glorified the Fatherland: Encyclopedia of noble families] / V.I. Fedorchenko. – Krasnoyarsk: Bonus; Moscow: Olma-Press, 2001. – 464 p.
2. Knyaz Mihail Ivanovich Hilkov, tajnyj sovetnik, ministr putej soobshcheniya [Knyaz Mikhail Ivanovich Khilkov, Privy Councilor, Minister of Railways] // Almanah sovremennyh russkih gosudarstvennyh deyatelej [Almanac of Modern Russian Statesmen]. – Saint Petersburg, 1897. – P. 186–190.
3. Shilov, D.N. Gosudarstvennye deyateli Rossijskoj imperii: Glavy vysshih i centralnyj uchrezhdenij. 1802–1917: Biobib-

- liograficheskij spravochnik [Statesmen of the Russian Empire: Heads of higher and central institutions. 1802 – 1917: Bio-bibliographic Reference Book] / D.N. Shilov. – Sankt-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2001. – 830 p.
4. Zimmerman, E.R. Puteshestvie po Amerike [Journey across America] / E.R. Zimmerman // Russkii vestnik [Russian Bulletin]. – 1859. – Vol. XXIV. – November. – Book 2. – P. 371–395.
 5. Witte, S.Y. Izbrannye vospominaniya, 1849 – 1911 gg.: V 2 t. T. 1 [Selected memoirs, 1849 – 1911: In 2 Vols. Vol. 1] / S.Y. Witte. – Moscow: Terra, 1997. – 352 p.
 6. Solovyova, A.M. Zheleznodorozhnyj transport Rossii vo vtoroj polovine XIX v. [Railway transport of Russia in the second half of the XIX century] / A.M. Solovyova. – Moscow: Nauka, 1975. – 315 p.
 7. Zhurnaly Vyatskoj gorodskoj dumy za 1895 god [Journals of the Vyatka City Duma for 1895]. – Vyatka, 1896. – 356 p.
 8. Vyatskie gubernskie vedomosti [Vyatka Provincial Gazette]. – 1898. – № 45. – June 10.
 9. Vyatskie gubernskie vedomosti [Vyatka Provincial Gazette]. – 1898. – № 49. – June 24.
 10. Zhurnaly Vyatskoj gorodskoj dumy za 1898 god [Journals of the Vyatka City Duma for 1898]. – Vyatka, 1899. – 289 p.
 11. Vyatskie gubernskie vedomosti [Vyatka Provincial Gazette]. – 1898. – № 50. – June 27.
 12. Russian State Historical Archive. – Fonds 1293. – Inventory 132. – File 6.
 13. Klepikov, K.I. Zametki i vpechatleniya starozhila [Notes and impressions of an old timer] / K.I. Klepikov. – Vyatka: Maisheev's typography and chromolithography, 1900. – 14 p.
 14. Sudovikov, M.S. Kupechestvo Vyatskogo kraja: ot istokov do 1917 goda [Merchants of the Vyatka region: from the origins to 1917] / M.S. Sudovikov. – Kirov: Publishing house "Herzenka", 2018. – 468 p.
 15. Central State Archive of the Kirov region. – Fonds 587. – Inventory 3. – File 364.
 16. Pochetnye grazhdane goroda Vyatki: Istoricheskie portrety [Honorary citizens of the city of Vyatka: Historical portraits] / comp., scientific ed. M.S. Sudovikov. – Kirov: NCO "Golden Fund of Vyatka", A.I. Herzen KOUNB, 2015. – 480 p.
 17. Appendix to the Vyatka Provincial Gazette. – 1903. – № 56. – May 15.
 18. Zhurnaly Vyatskoj gorodskoj dumy za 1903 god [Journals of the Vyatka City Duma for 1903]. – Vyatka, 1903. – Vol. 1. – 237 p.
 19. Dzhunkovsky, V.F. Vospominaniya: v 2 t. T. 1: zapisi proshlogo [Memoirs: in 2 Vols. Vol. 1: Records of the past] / V.F. Dzhunkovsky. – Moscow: the Sabashnikovs Publishing House, 1997. – 734 p.

Информация об авторе:

Судовиков Михаил Сергеевич – профессор, доктор исторических наук, руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена (Государственная универсальная областная научная библиотека им. А.И. Герцена; Российская Федерация, 610000, г. Киров, ул. Герцена, д. 50; e-mail: region@herzenlib.ru); профессор кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет»; Российская Федерация, 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36; e-mail: region@herzenlib.ru).

Author:

Mikhail S. Sudovikov – Professor, Doctor of Sciences (History), Head of the Research Centre of Regional Studies at the Kirov Regional Scientific Library named after A.I. Herzen (Regional State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen, 50 Herzen St., Kirov, Russian Federation, 610000; e-mail: region@herzenlib.ru), Professor at the Department of History and Political Sciences of the Vyatka State University (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vyatka State University", 36 Moskovskaya St., Kirov, Russian Federation, 610000; e-mail: region@herzenlib.ru).

Для цитирования:

Судовиков, М.С. Министр М.И. Хилков в истории российской провинции рубежа XIX–XX веков: по материалам Вятской губернии / М.С. Судовиков // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 80–85.

For citation:

Sudovikov, M.S. Ministr M.I. Hilkov v istorii rossijskoj provincii rubezha XIX–XX vekov: po materialam Vyatskoj gubernii [Minister M.I. Khilkov in the history of the Russian province at the turn of the XIX–XX centuries: based on the materials of the Vyatka Province] / M.S. Sudovikov // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 80–85.

Дата поступления рукописи: 22.02.2023

Прошла рецензирование: 27.02.2023

Принято решение о публикации: 28.02.2023

Received: 22.02.2023

Reviewed: 27.02.2023

Accepted: 28.02.2023

Санитарные условия, медицинское обслуживание и инфекционные болезни в Коми крае во второй половине XIX–начале XX века

Д.В. Вишнякова

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
vishnyakova_dari@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются санитарные условия и медицинское обслуживание населения в Коми крае во второй половине XIX–начале XX в., обобщается фактический материал по распространению инфекционных заболеваний среди жителей края. В работе приводятся факторы, влиявшие на заболеваемость и смертность от инфекционных болезней, анализируются мероприятия по улучшению санитарно-эпидемической ситуации в крае.

Общая ситуация с инфекционными болезнями и заболеваемостью достаточно сильно влияла на жизнь и смертность населения в исследуемый период. Внедрение санитарно-гигиенических представлений и правил, развитие системы медицинских учреждений, вакцинация и борьба с эпидемиями стали, по всей видимости, оказывать понижающее воздействие на смертность от инфекционных заболеваний. Общая смертность населения оставалась высокой, но смертность городского населения к началу XX в. стала постепенно снижаться. Относительно простые меры, такие как отказ от потребления поверхностных вод, строительство общественных колодцев и улучшение основных санитарно-гигиенических условий, возможно, в значительной степени способствовали снижению летальности от инфекционных болезней.

Ключевые слова:

санитарные условия, инфекционные заболевания, эпидемии, санитарно-гигиенические представления, здравоохранение, смертность, Коми край

В XIX–начале XX в. общая ситуация с инфекционными болезнями и заболеваемостью достаточно сильно влияла на смертность населения. В научной литературе факторами, способствовавшими снижению общей и детской смертности, считаются: улучшение водоснабжения и санитарии, изменения в гигиеническом восприятии и поведении людей, а также уровень социально-экономического развития, включая рост качества питания [1, 2]. В связи с этим исследование в историческом ключе изменений санитарно-эпидемических условий, а также мер по профилактике и борьбе с распространением инфекционных заболеваний

Sanitary conditions, medical care and infectious diseases in the Komi region in the second half of the XIX–early XX centuries

D.V. Vishnyakova

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
vishnyakova_dari@mail.ru

Abstract

The paper examines the sanitary conditions and medical care of the population in the Komi region in the second half of the XIX–early XX centuries and summarizes the factual material on incidence of infectious diseases among the inhabitants of the region. The paper presents factors that influenced morbidity and mortality from infectious diseases, analyzes measures to improve the sanitary and epidemic situation in the region.

The general situation with infectious diseases and morbidity strongly influenced the life time and mortality rate of population in the study period. The introduction of sanitary and hygienic concepts and rules, development of the system of medical institutions, vaccination and control of epidemics apparently started to have a decreasing effect on the mortality from infectious diseases. The total mortality rate of the population remained high but the mortality of the urban population by the beginning of the XX century began to decrease gradually. Such relatively simple measures as the abandonment of surface water consumption, construction of public wells and improvement of principal sanitary and hygienic conditions, significantly contributed to the decreased mortality cases from infectious diseases.

Keywords:

sanitary conditions, infectious diseases, epidemics, sanitary and hygienic concepts, health care, mortality, Komi region

населения в Российской империи и ее отдельных регионах представляется важной научной проблемой при изучении вопроса демографического перехода и демографических сдвигов в эволюции смертности.

Отечественная историография обозначенного вопроса достаточно разнообразна и включает в себя работы по истории эпидемий, медицины, санитарной деятельности [3]. Развитие медицины, санитарного дела, данные по заболеваемости на Европейском Севере и европейском северо-востоке России рассматривались в трудах В.Г. Баданова [4], Н.К. Гуркиной [5], А.А. Желтова [6], С.В. Вайровской [7],

П.П. Котова, В.А. Пилипенко [8]. Тем не менее по-прежнему актуальными остаются выявление динамики заболеваемости населения Коми края во второй половине XIX – начале XX в., анализ и установление факторов и причин ее развития.

В статье рассматриваются сведения по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам Вологодской губернии, а также той части Мезенского уезда Архангельской губернии, которая в 1891 г. вошла в Печорский уезд. Данная территория относится исследователями к понятию Коми край. Основными материалами для анализа послужили документы, включающие в себя отчеты, прошения и донесения врачебной управы. Также были привлечены отчеты земской управы, рапорты полицейского управления, официальные постановления властей. Значительная проблема в изучении динамики заболеваемости населения заключается в ограниченном круге тех источников, которые содержат сведения о количестве заболевших и умерших от болезней, распространенных в крае. Данные о заболеваемости и смертности населения в указанных документах не отражают в полной мере эпидемическую ситуацию в изучаемый период. Цифры, приводимые в отчетах, были значительно ниже реального числа заболеваний. Зачастую большая часть населения не имела возможности обратиться за медицинской помощью, к тому же не всегда полицейские и медицинские службы успевали выявить и зафиксировать все случаи заболеваний. Но несмотря на то, что привлекаемые материалы не дают представления об абсолютном числе заболевших, в целом они позволяют судить об общей динамике, тенденциях развития болезней, мерах, предпринимаемых для прекращения эпидемий.

Распространение большинства инфекционных болезней в изучаемый период было связано с бытовыми условиями жизни населения. Обсуждение крестьянской жизни Коми края XIX в. с санитарной точки зрения не раз выносилось на страницы губернской печати. Крестьянский быт второй половины XIX – начала XX в. также подробно рассматривался в трудах земских медиков. Основное внимание в этих работах было сосредоточено на неблагоприятных аспектах крестьянского уклада. «Избы строятся белые и курные, курных изб в уезде гораздо больше ...», «Большой чистоты в жилищах не соблюдается. Полы, а иногда и стены, моются в некоторых домах только однажды в год, перед Пасхой. Грязь, накапливающаяся в течение года, скоблится железными заступами и тем ограничивается весь обиход» [9, с. 362, 363], «Полы загрязненные, покрываются соломой, которая от давнего лежания и сырости принимает гнилостный запах, стены и потолки покрыты целыми потоками влаги. Куда ни войдешь, везде неопрятность, душливость». «Повсеместный обычай зырян строить под избами или в ближайшем соседстве помещения для скота не остается, конечно, без вреда на здоровье обитателей, в особенности во время эпидемий» [10, с. 1]. Несмотря на критические замечания в отношении чистоты состояния крестьянских изб Коми края, они считались лучшими в Вологодской губернии: «Впрочем, сравнивая домашний быт тамошнего крестьянина с бытом крестьян, ближайших к Вологде, нельзя не заметить, что зыряне, сравнительно с последними, гораздо чище, да и в самих жили-

щах соблюдается у них больше чистоты и опрятности» [9, с. 363]. То же самое отмечалось и в Печорском уезде: «По сравнению с условиями жилищ крестьян центральных губерний, жилища печорского населения состоят в лучших условиях» [11, с. 26].

Бытовые условия жизни крестьян были тесно связаны с их хозяйственной деятельностью. Безусловно, близость помещений для скота к жилым помещениям дома создавала определенные условия для антисанитарии. Скученность проживания в избах, употребление сырой воды, невозможность соблюсти надлежащие правила приготовления и хранения пищи, поддержания гигиены – все это являлось факторами возникновения и распространения инфекционных заболеваний. Для улучшения санитарного контроля в губернии были разработаны и приняты «Обязательные постановления по охранению народного здоровья для жителей Вологодской губернии» [12]. «Правила» были подготовлены Вологодским губернским земским собранием в 1891 г. Особое внимание уделялось поддержанию чистоты улиц, площадей, водоемов, торговых мест, трактиров, гостиниц, промышленных предприятий. Предписывалось выделять место для организации свалок, следить за обустройством питьевых колодцев, чистотой дворов, вывозом нечистот.

Как отмечают исследователи г. Усть-Сысольска, дома горожан мало чем отличались от домов сельских жителей. Однако к концу XIX в. уже почти не осталось курных изб, соответственно, дома стали чище. Исчезли бычьи пузыри и куски холста как заменители стекол в окнах. Домовладельцами или нанятыми ими людьми вывозились за город нечистоты [13, с. 73, 98]. В Усть-Сысольске, как и большинстве городов Вологодской губернии, отсутствовали городские водопроводы, мостовые, практиковалась вывозная система отходов, а удаление стоков осуществлялось через открытые канавки, расположенные вдоль улиц. В период до введения обязательных санитарных постановлений в городах вводились «Временные правила по предметам городского благоустройства». Вопросы санитарного благоустройства городов не были представлены в них в полной мере и потому не могли существенно повлиять на улучшение санитарных условий. В Вологодской губернии к началу 1880-х гг. обязательные для городских жителей постановления, в том числе по ассенизации, были изданы только в Вологде, Кадникове и Вельске [14, с. 32]. В г. Усть-Сысольске обязательные постановления по санитарной части появились лишь в 1912 г. Постановления были направлены на улучшения санитарной обстановки. Они включали требования о содержании в чистоте придомовой территории, своевременной очистке помойных и выгребных ям. Горожанам предписывалось возвышать низменные улицы, устраивать канавы для стока воды, вывозить мусор на специально отведенные места. Устанавливались сроки для очистки дворов. Содержатели торговых и промышленных заведений, гостиниц, трактиров, скотобойни обязаны также были соблюдать установленные санитарные правила [15].

За нарушение санитарных правил предусматривались наказание и штраф. Также проводились попытки организации регулярного общественно-медицинского надзора за

состоянием населенных пунктов. По распоряжению местных органов власти для проверки состояния источников водоснабжения, выгребных ям, ревизии промышленных и торговых заведений создавались особые санитарные комиссии, санитарно-эпидемические отряды, назначались санитарные попечители. Деятельность санитарных попечителей состояла в своевременном оповещении органов местной власти о появлении эпидемий, в участии в санитарных осмотрах домовладений и проведении профилактических бесед с домовладельцами о соблюдении ими постановлений по охране общественного здоровья и городскому благоустройству. Практика привлечения местных жителей, в том числе, содействовала распространению знаний о социальной гигиене среди широких масс населения [16, с. 30]. Санитарному просвещению населения способствовала и губернская печать. На ее страницах все чаще появлялись материалы по гигиене и санитарному делу, заметки о способах профилактики заразных болезней, средствах дезинфекции и др.

Усть-Сысольское уездное собрание для заведования санитарной частью организовало в 1875 г. при Управе санитарную комиссию, в которую вошли устьсысольский лесничий, член от казны, гласный от города и все имеющиеся врачи [17, с. 601]. В 1886 г. земское собрание назначило уже 35 санитарных попечителей Усть-Сысольского уезда [17, с. 604]. В 1899 г. земские врачи были также назначены санитарными попечителями своих врачебных участков [18, с. 355], а в помощь участковым врачам и фельдшерам создавались летучие эпидемические отряды [19, с. 495]. Проверки санитарного состояния домов и прилегающих территорий показывали, что жителями соблюдались далеко не все пункты обязательных санитарных постановлений [20, с. 89]. Однако что касается качества воды, используемой для питья, то здесь в основном нареканий не возникало. «Во всех селениях есть речная, проточная вода <...>. Кроме рек почти во всех селениях находятся хорошо устроенные колодцы» [21, с. 50]. Известно, что обеспечение чистой водой считается решающим фактором для искоренения болезней, передающихся через воду.

Земства также ставили и решали вопросы об улучшении снабжения населения питьевой водой, для земских училищ приобретались кадки для хранения питьевой воды, были организованы водопроводы для снабжения водой некоторых больничных зданий, оказывалось содействие в обустройстве колодцев с питьевой водой, полицейскими приставами велось наблюдение за содержанием колодцев в исправности, колодцы должны были иметь ограждение и держаться закрытыми [18, с. 334, 383, 384; 22].

Система необходимых лечебных учреждений в Коми крае была развита крайне слабо. Первое специализированное медицинское учреждение – больница – появилась в г. Усть-Сысольске в 1815 г., однако оно не располагало должным оснащением и медикаментами [13, с. 59]. В 1854 г. в больнице имелось 10 кроватей, штат состоял из одного врача и двух фельдшеров [23, с. 132]. Большое влияние на улучшение здравоохранения в крае оказало развитие земской медицины. Земские учреждения были введены в Усть-Сысольском и Яренском уездах Вологодской губернии в 1869 г. В Печорском уезде Архангельской губернии в изучаемый период земства не было. Управление врачебно-санитарным делом находилось в ведении медицинского департамента Министерства внутренних дел. В не земских губерниях руководство медико-санитарной деятельностью осуществляли Врачебные отделения губернского правления и приказы общественного призрения, в земских – врачебные отделения и земские органы. В 1869 г. в Печорском крае работали один правительственный врач, один фельдшер и одна повивальная бабка [24, с. 502].

С первых лет своего существования земства приступили к организации медицинской помощи населению. В уездах были организованы врачебные участки с лечебницами. Земские органы решали вопросы о расширении штатов медицинских работников, об увеличении заработной платы, открытии новых лечебниц и приемных покоев. За исследуемый период количество больничных учреждений и медперсонала заметно выросло (табл. 1). Конец XIX – начало XX в. характеризовались ростом числа больниц и сельских лечебниц. В 1886 г. была открыта первая больница в Печор-

Численность медицинского персонала по Коми краю во второй половине XIX–начале XX в.

Number of medical workers in the Komi region in the second half of the XIX–early XX centuries

Медицин- ский персонал	Годы, уезды											
	1854 г.		1870 г.		1890		1903 г. /1906 г.*			1913 г.		
	Усть- Сысоль- ский	Ярен- ский	Усть- Сысоль- ский	Ярен- ский	Усть- Сысоль- ский	Яренский	Усть- Сысоль- ский	Яренский	Печор- ский	Усть- Сысоль- ский	Ярен- ский	Печор- ский
Врач	1	1	1	1	3	1	6	3	2	6	6	2
Фельдшер	2	1	4	2	15	10	20	9	7	25	30	7
Акушерка	0	0	1	0	1	2	1	1	0	4	2	0
Повивальная бабка	0	0	0	0	7	3	7	10	3	10	10	3
Оспоприви- ватель	0	0	10	6	6	6	15	7	8	0	0	0

Примечание: * через косую черту приводятся данные по Печорскому уезду.
Источники: [19, 23, 25].
Note. * The data of the Pechora district date back to 1906 and those of the Ust-Sysolsk and Yarensk districts – to 1903.
Sources: [19, 23, 25].

ском уезде в с. Усть-Цильме, разместившаяся в наемном крестьянском доме, и приемный покой в Мохче [26, с. 59]. В 1890–1893 гг. открылись больницы в Усть-Куломе, Визинге, Ертоме. В 1903 г. была построена Печорская больница, в 1904 г. – Объячевская, в 1909 г. – Подъельская. В 1908–1909 гг. открыты приемные покои в селах Помоздино, Усть-Нем, Ыб, Шешецкое, Кослан, Важгорт [7, с. 99]. Медицинский персонал в Печорском уезде в 1906 г. состоял из уездного и сельского врачей, семи фельдшеров, трех повивальных бабок и восьми оспопрививателей [27].

Однако проблемы обеспечения медицинской помощью сельских жителей и нехватки врачебного персонала наблюдались на протяжении всего изучаемого периода. Сельские врачи заведовали лечебницами и приемными покоем, вели амбулаторный прием населения не только в местах проживания, но и регулярно объезжали свои участки. В уездах на одного врача приходилось огромное число жителей. В 1910 г. по Усть-Сысольскому уезду в среднем на одном врачебном участке числилось около 15 тыс. чел., по Яренскому – примерно 10 тыс. чел. [28]. В целом по Российской империи в 1914 г. на одного врача приходилось 5140 жителей, среди сельского населения этот показатель был выше – 20 тыс., среди горожан – около 1200 [29, с. 347]. Практиковалась так называемая разъездная система медицинского обслуживания. Врачебные участки отличались обширными площадями. Врачи вынуждены были постоянно объезжать свои участки, иногда им приходилось замещать отсутствовавших врачей на соседних участках. Медики работали зачастую без отпуска и выходных, уезжая из дома на несколько недель. В целом исследователи отмечают, что к концу 80-х гг. XIX в. стали ощутимыми результаты деятельности уездных земств в деле «народного здоровья» [7, с. 97].

Статистика инфекционных заболеваний и смертности от них в Коми крае была стабильно высокой. Меры борьбы и профилактики эпидемий формировались в течение всего пореформенного периода. Среди них можно выделить создание специальных постоянных и временных больничных отделений, бесплатное предоставление медицинской помощи, оспопрививание, статистические исследования, оперативное реагирование на поступающую информацию о ситуации в соседних регионах, регулирование в сфере санитарных норм с помощью обязательных постановлений. Большое значение врачебная общественность придавала профилактике инфекционных заболеваний и борьбе с эпидемиями. Эти задачи должна была решать санитарная и эпидемическая организация. К обсуждению проектов ее создания земства возвращались неоднократно. Уже в 1870-е гг. Вологодским губернским земством была открыта должность санитарного врача. Однако в Усть-Сысольском и Яренском земствах должность особого санитарного врача не была введена, несмотря на все усилия земств. Основную работу по санитарному надзору осуществляли участковые врачи.

Угрозу для жизни представляли скарлатина, тиф, дифтерия, круп, дизентерия. Также были распространены грипп, оспа, корь, коклюш, воспаление легких и др. В отдельные годы в связи с одновременным распространением

нескольких заболеваний сразу ситуация усугублялась. Половина всех смертей приходилась на ранний детский возраст. Смертность от инфекционных заболеваний при сильных эпидемиях составляла до 20–30 %. В периоды подъема эпидемий для лечения больных, помимо существующих стационаров, организовывались временные больницы (больнички) на местах. В районы распространения инфекции командировали врачей и фельдшеров, создавались запасы медикаментов и дезинфицирующих средств. В Земской управе Усть-Сысольского уезда с 1893 г. на случай появления холеры был сделан запас белья на 40 чел. Низшим полицейским чинам предписывалось совершать обход жилых дворов, проверять соблюдение санитарных норм, проводить осмотры колодцев с питьевой водой, захоронений. Вводились требования об обязательном сообщении о наличии заболевших, изоляции заразных больных, дезинфекции помещений и личных вещей, проведении похорон в закрытых гробах и др. [22].

Довольно частыми заболеваниями в Коми крае были брюшной и сыпной тифы. Первое описание брюшного тифа относится к началу XIX в., летальность от инфекции варьировала от 8,0 до 16,2 %. Сыпной тиф регистрировался у лиц обоего пола, но наибольшее количество заболевших было среди мужского населения от 15 до 30 лет. Летальность при сыпном тифе составляла от 4,0 до 8,1 %, достигая 25–70 % у лиц старше 60 лет [30, с. 14, 27]. Брюшной тиф является кишечной инфекцией, которая вызывается возбудителем *Salmonella typhi*. Инфекция передается через питьевую воду или продукты питания. Число случаев в изучаемый период колебалось, но крупные вспышки происходили регулярно и вызывали опасения. Значительная заболеваемость тифами наблюдалась в действующей армии во время русско-турецкой войны в 1877–1879 гг. В Вологодской губернии эпидемия тифа распространилась в 1878 г. с прибытием пленных турок [31]. В Усть-Сысольском уезде эпидемия сыпного тифа началась в мае 1878 г., было зарегистрировано 86 заболеваний [32]. Эпидемии тифов наблюдались в Усть-Сысольском и Яренском уездах также в 1880-х и 1890-х гг. XIX в. [33; 34]. В Мезенском уезде имела распространение тифозная горячка в 1866, 1869 и 1875 гг. [35]. Меры по борьбе с этими эпидемиями являлись неудовлетворительными, о чем свидетельствуют отчеты приставов Мезенского уезда. Пристав второго стана Мезенского уезда в своем рапорте за 1866 г. уведомлял: «Заболевших горячкой было 98 человек, эпидемия прекратилась уже без медицинского пособия в конце марта месяца. Временно же командированный в уезд для прекращения эпидемической горячки архангельский врач Павлов от той же болезни в марте умер». В 1875 г. в отчете Мезенскому уездному исправнику сообщалось: «В Пустозерской волости с 15-го апреля 1875 г. появилась эпидемия горячки, никаких медицинских средств к прекращению болезни не принимается, за неимением в крае не только врача, но и фельдшера». В 1900 г. было зарегистрировано 55 случаев заболевания тифами по Печорскому уезду [11, с. 162]. В 1906 г. брюшной тиф распространился в Устькожвинской и Ижемской волостях Печорского уезда, где насчитывалось 80 заболевших [36]. В 1914 г. эпидемия брюшного тифа

была выявлена в Усть-Цилемском, Красноборском, Брыкланском, Кипиевском, Сизябском, Усть-Усинском сельских обществах Печорского уезда [37].

На протяжении исследуемого времени также регулярно происходили вспышки заболевания натуральной оспой. Основным средством предупреждения эпидемий оспы являлось оспопрививание. Медицинские учреждения нанимали специальных оспопрививателей из числа местных жителей, которые осуществляли противоэпидемиологические мероприятия. С введением земских учреждений, помимо специальных оспопрививателей, вакцинацией начали заниматься фельдшера и акушерки. По отчетам земских врачей, жители уездов, в особенности старообрядческое население, всевозможными мерами препятствовали распространению оспопрививания, давали взятки, чтобы откупиться от прививок, замалчивали случаи вспышек натуральной оспы. Процент непривитых детей в разных районах сильно колебался. По сведениям врачей, от 10 до 30 % детей оставались непривитыми от натуральной оспы. При случаях появления этого заболевания в обязательном порядке проводилась ревакцинация [34; 38, Ч. 3, с. 49–50; 39]. Вспышки оспы регистрировались в крае в 1850–1960-е гг. [21, с. 82]. С 1874 г. в течение нескольких лет в Вологодской губернии не прекращалась эпидемия оспы. Заболевание распространилось и в Усть-Сысольском уезде [31–33]. В 1890 г. в Яренском уезде произошла довольно сильная вспышка натуральной оспы, занесенной в уезд цыганами. Заболевших оспой числилось 923 чел., выздоровело – 644, умерло – 85, больными оставалось на момент сбора сведений 194 чел. [34]. В 1905 г. по Усть-Сысольскому уезду только в мае было зарегистрировано 123 чел., заболевших оспой [40]. В 1911 г. По Усть-Сысольскому и Яренскому уездам разразилось одновременно несколько эпидемий: натуральная оспа, дизентерия, скарлатина, «сибирская язва» [41]. По Запечорскому краю в 1866 г., по официальным сведениям, умерло от оспы 24 чел. [42]. В Мохченской волости в 1875 г. за период с 13 июня по 13 июля умерло от оспы 13 чел., в Пустозерской волости с 1 июня за месяц умерло 15 чел. В 1900 г. по Печорскому уезду оспой болело 300 чел. [11, с. 162]. В целом же, по нашим подсчетам, к началу XX в. заболеваемость натуральной оспой заметно снизилась. В этом сыграли роль развитие земской медицины и усиливавшаяся вакцинация населения.

Регулярно вспыхивающей болезнью являлся кровавый понос. Максимальное количество случаев заболеваемости приходилось на летние месяцы. Основным фактором заболеваемости служило неудовлетворительное качество питания. Следует отметить, что довольно большое число детей в возрасте до одного года умирало в результате желудочно-кишечных заболеваний, пик этих заболеваний чаще всего приходился на летние месяцы и был связан с жаркой погодой, а также с особенностями вскармливания новорожденных. Исследователи, изучающие сезонность демографических событий в России, также обращают внимание на существовавший ярко выраженный летний (с июня по август) пик младенческой смертности [43, с. 42]. Главными причинами высокой детской смертности были также корь, скарлатина и дифтерия.

Общий уровень смертности в Коми крае в изучаемый период находился на очень высоком уровне и варьировал в пределах 26–48 смертей на 1000 чел. населения. Несмотря на то, что в целом снижения смертности среди жителей края не наблюдалось, постепенно наметились тенденции к снижению уровня смертности среди городского населения. Так, в 1856 г. общий коэффициент смертности горожан составил 42 на 1000 чел. населения, в 1871 г. – 26,4, в 1894 г. – 24,3, в 1914 г. – 19 [44, с. 194; 45–52]. Возможно, большая доступность медицинской помощи, более значительные изменения санитарно-гигиенических условий и представлений среди городского населения имели влияние и на снижение смертности. С течением времени практически перестали фиксироваться случаи заболевания оспой, снизились случаи брюшного тифа. Сокращение заболеваемости от инфекций привело к уменьшению смертности городского населения. Обратившись к данным табл. 2, мы можем констатировать явный факт сокращения летальности по всему Коми краю от некоторых серьезных инфекционных заболеваний, таких как оспа, брюшной тиф и кровавый понос. По другим заболеваниям мы не располагаем достаточными данными, чтобы привести их в сравнительной таблице.

Таблица 2
Смертность населения Коми края от некоторых инфекционных заболеваний на 100 чел. заболевших (середина XIX–начало XX в.)

Table 2
Mortality rate of the population in the Komi region of the infectious diseases, per 100 diseased individuals (middle XIX–early XX centuries)

Годы	Оспа	Брюшной тиф	Кровавый понос
1853–1869	22,7	18,8	42,9
1876–1878	22,3	6	–
1890–1895	11,3	5,7	34
1907–1910	10	4	24,4

Подсчитано по: [20, 21, 33, 34, 47–52].

Sources: [20, 21, 33, 34, 47–52].

Таким образом, отказ от потребления поверхностных вод и строительство общественных колодцев в частности, а также в целом улучшение санитарно-гигиенических условий, развитие системы здравоохранения, проведение противоэпидемических мероприятий в значительной степени способствовали снижению летальности от инфекционных болезней.

Источники и литература

1. Floris, Joël. Water, sanitation and mortality in Swiss towns in the context of urban renewal in the late nineteenth century / Joël Floris, Kaspar Staub // The History of the Family. – 2019. – 24(2). – С. 249–276.
2. Gallardo Albarrán, Daniel. Sanitary infrastructures and the decline of mortality in Germany, 1877–1913 / Daniel Gallardo Albarrán // The Economic History Review. – 2020. – 73 (5). – С. 730–757.
3. Кондрашин, В.В. История голода и эпидемий в России: историографическая ситуация / В.В. Кондрашин, Г.Е. Кор-

- нилов // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 1 (70). – С. 6–13. – DOI 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-6-13.
4. Баданов, В.Г. Земская медицина на Европейском Севере России: становление, развитие, результаты (1867–1917) / В.Г. Баданов // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2010. – № 1 (9). – С. 33–48.
 5. Гуркина, Н.К. Сельская медицина Европейского Севера дореволюционной России / Н.К. Гуркина // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. – 2010. – № 3 (39). – С. 204–222.
 6. Желтов, А.А. Жизненная среда и здоровье населения Вологодской земли в исторической ретроспективе (XIX–начало XX века) / А.А. Желтов. – Вологда, 2009. – 170 с.
 7. Вайровская, С.В. Земство Коми края (1869–1918 гг.) / С.В. Вайровская. – Сыктывкар, 2001. – 127 с.
 8. Котов, П.П. Здравоохранение в Коми АССР в 1920–1930-х годах: становление и развитие / П.П. Котов, В.А. Пилипенко. – Сыктывкар, 2011. – 196 с.
 9. Аврамов, В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт / В. Аврамов // Вологодские губернские ведомости. – 1859. – № 42.
 10. Тур, М.И. Эпидемические болезни Усть-Сысольского уезда / М.И. Тур // Вологодские губернские ведомости. – 1880. – № 32.
 11. Печорский край. Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда, произведенное доктором С.В. Мартыновым. Ч. 2. – Санкт-Петербург, 1905. – 219 с.
 12. Обязательные постановления для жителей Вологодской губернии по охранению народного здравия, составленные Вологодским губернским земским собранием на основании ст. 108. Положения о земских учрежд. издания 1891 года. – Вологда, 1893. – 13 с.
 13. Рогачев, М.Б. Усть-Сысольск: страницы истории / М.Б. Рогачев, А.И. Цой. – Сыктывкар, 1989. – 155 с.
 14. Агафонова, А.Б. Правовое регулирование и проблемы обеспечения санитарно-гигиенических условий в городах Вологодской и Новгородской губерний в 1870–1880-х годах / А.Б. Агафонова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 4 (57). – С. 31–35.
 15. Обязательные постановления по санитарной части в г. Усть-Сысольске. – Усть-Сысольск, 1912. – 12 с.
 16. Агафонова, А. Б. Санитарные попечительства в дореволюционной России / А.Б. Агафонова // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 1 (70). – С. 30–38.
 17. Систематический сборник постановлений Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии, уездного земского собрания. За 30 лет (1869–1898). – Вологда, 1899. – 860 с.
 18. Сборник постановлений Устьсысольского уездного собрания за 13 лет (1898–1910 гг.). – Усть-Сысольск, 1913. – 592 с.
 19. Сборник постановлений Яренского уездного земского собрания за 1869–1901 гг. – Вологда, 1904. – 716 с.
 20. Журналы Устьсысольского уездного земского собрания и доклады Управы XXIII очередной сессии 1892 года. – Вологда, 1893. – 166 с.
 21. Држевецкий, А.И. Медико-топография Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии: дис. на степень мед. лекаря / Александр Иванович Држевецкий. – Санкт-Петербург: печатня В.И. Головина, 1872. – 106 с.
 22. НАРК (Национальный архив Республики Коми). – Ф.6. – Оп. 1. – Д. 1804. – Л. 4, 13.
 23. Памятная книжка Вологодской губернии на 1854 г. – Вологда, 1854. – 228 с.
 24. История Коми с древнейших времен до конца XX века / под. ред. А.Ф. Сметанина. Т. 1. – Сыктывкар, 2004. – 560 с.
 25. НА Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 5. – Оп. 2. – Д. 352. – Л. 614.
 26. Чупров, В.И. Усть-Цильма – край печорский / В.И. Чупров, А.Ф. Сметанин, А.А. Попов. – Сыктывкар, 1991. – 174 с.
 27. ГАОО (Государственный архив Архангельской области). – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 332. – Л. 19.
 28. Труды VIII губернского съезда земских врачей и представителей земств Вологодской губернии. – Вологда, 1913. – 110 с.
 29. Глушков, С.Е. Преобразование системы здравоохранения и снижение смертности населения в Западной Сибири конца XIX–начала XX в. / С.Е. Глушков // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6–2 (31). – С. 346–349.
 30. Васильев, К.Г. История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии / К.Г. Васильев. – Москва, 2001. – 254 с.
 31. Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. – 1879. – № 67. – С. 1.
 32. Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. – 1879. – № 69. – С. 2.
 33. Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. – 1880. – № 32. – С. 1.
 34. Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. – 1890. – № 24. – С. 3.
 35. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 208. – Л. 42; Ф. 211. – Оп. 1. – Д. 344. – Л. 20; Справочная книжка Архангельской губернии на 1870 г. – Архангельск, 1870. – С. 166.
 36. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 208. – Л. 19.
 37. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 335. – Л. 30.
 38. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания, XXVI-й очередной сессии 1895 года, и чрезвычайной сессии 15-го июля 1895 года: с приложениями. – Вологда, 1896. – 181 с.
 39. НАРК. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 224. – Л. 2.
 40. Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Вып. 5. – Вологда, 1905. – С. 1.
 41. НАРК. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 1283. – Л. 42 об-43.
 42. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 208. – Л. 15.
 43. Авдеев, А. Сезонный фактор в демографии российского крестьянства в первой половине XIX века: брачность, рождаемость, младенческая смертность / А. Авдеев, А. Блюм, И. Троицкая // Российский демографический журнал. – 2002. – № 1. – С. 35–45.
 44. Игнатова, Н.М. Численность и воспроизводство населения Республики Коми во второй половине XIX–XX в.: историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера / Н.М. Игнатова, Д.В. Вишнякова, А.П. Обедков, В.И. Силин; ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 1. – Сыктывкар: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Фе-

деральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», 2022. – 276 с. – ISBN 978-5-89606-616-3. – DOI 10.19110/89606-035. – EDN OFFUSV.

45. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания, XXIV очередной сессии с приложениями 1893 г. – Вологда, 1894. – 150 с.
46. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания, 42-й очередной сессии 1911 года и докладов Управы с приложениями. – Усть-Сысольск, 1912. – 844 с.
47. Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. – 1880. – № 34 – С. 1.
48. ГАО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 208. – Л. 260.
49. ГАО. – Ф. 6. – Оп. 2. – Д. 332. – Л. 30.
50. ГАО. – Ф. 211. – Оп. 1. – Д. 344. – Л. 139.
51. НАРК. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 1277. – Л. 143; Оп. 1. – Д. 1817. – Л. 153.
52. НАРК. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 125. – Л. 22.

References

1. Floris, Joël. Water, sanitation and mortality in Swiss towns in the context of urban renewal in the late nineteenth century / Joël Floris, Kaspar Staub // *The History of the Family*. – 2019. – 24(2). – P. 249-276.
2. Gallardo Albarrán, Daniel. Sanitary infrastructures and the decline of mortality in Germany, 1877-1913 / Daniel Gallardo Albarrán // *The Economic History Review*. – 2020. – 73 (5). – P. 730-757.
3. Kondrashin, V.V. Istoriya goloda i epidemiy v Rossii: istoriograficheskaya situatsiya [History of famine and epidemics in Russia: historiographical situation] / V.V. Kondrashin, G.E. Kornilov // *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin]. – 2021. – № 1 (70). – P. 6-13.
4. Badanov, V.G. Zemskaya meditsina na Yevropeyskom Severe Rossii: stanovleniye, razvitiye, rezultaty (1867-1917) [Zemstvo medicine in the European North of Russia: formation, development, results (1867-1917)] / V.G. Badanov // *Voprosy istorii i kultury severnykh stran i territoriy* [Questions of history and culture of northern countries and territories]. – Syktyvkar, 2010. – № 1 (9). – P. 33-48.
5. Gurkina, N.K. Selskaya meditsina Yevropeyskogo Severa dorevolutsionnoy Rossii [Rural medicine of the European North of pre-revolutionary Russia] / N.K. Gurkina // *Upravlencheskoye konsultirovaniye. Aktualnyye problemy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* [Management consulting. Actual problems of state and municipal management]. – 2010. – № 3 (39). – P. 204-222.
6. Zheltov, A.A. Zhiznennaya sreda i zdorovye naseleniya Vologodskoy zemli v istoricheskoy retrospektive (XIX-nachalo XX veka) [Living environment and health of the population of the Vologda land in historical retrospective (the XIX-early XX centuries)] / A.A. Zheltov. – Vologda, 2009. – 170 p.
7. Vairovskaya, S.V. Zemstvo Komi kraya (1869 – 1918 gg.) [Zemstvo of the Komi territory (1869 – 1918)] / S.V. Vairovskaya. – Syktyvkar. – 2001. – 127 p.
8. Kotov, P.P. Zdravookhraneniye v Komi ASSR v 1920 – 1930-kh godakh: stanovleniye i razvitiye [Health care in the Komi ASSR in the 1920s – 1930s: formation and development] / P.P. Kotov, V.A. Pilipenko. – Syktyvkar. – 2011. – 196 p.
9. Avramov, V. Zhiteli Yarenskogo uyezda i ikh khozyaystvennyy byt / V. Avramov [Residents of the Yarensk district and their economic life] / V. Avramov // *Vologodskiye gubernskiye vedomosti* [Vologda Provincial Gazette]. – 1859. – № 42.
10. Tur, M.I. Epidemicheskiye bolezni Ust-Sysolskogo uyezda [Epidemic diseases of the Ust-Sysolsk district] / M.I. Tour // *Vologodskiye gubernskiye vedomosti* [Vologda Provincial Gazette]. – 1880. – № 32.
11. Pechorskiy kray. Podvorno-ekonomicheskoye issledovaniye seleniy Pechorskogo uyezda, proizvedennoye doktorom S.V. Martynovym [Pechora region. Household-economic study of the villages of the Pechora district conducted by Doctor S.V. Martynov]. – Part 2. – Sankt-Petersburg, 1905. – 219 p.
12. Obyazatelnyye postanovleniya dlya zhitel'ey Vologodskoy gubernii po okhraneniyu narodnogo zdравиya, sostavlennoye Vologodskim gubernskim zemskim sobraniyem na osnovanii st. 108 Polozheniya o zemskikh uchrezhd. izdaniya 1891 goda [Mandatory resolutions for the inhabitants of the Vologda province on the protection of public health, drawn up by the Vologda province zemstvo assembly on the basis of Article 108 of the Regulations on Zemstvo Institutions published in 1891]. – Vologda, 1893. – 13 p.
13. Rogachev, M. B. Ust-Sysolsk: stranitsy istorii [Ust-Sysolsk: pages of history] / M.B. Rogachev, A.I. Tsoi. – Syktyvkar, 1989. – 155 p.
14. Agafonova, A.B. Pravovoye regulirovaniye i problemy obespecheniya sanitarno-gigiyenicheskikh usloviy v gorodakh Vologodskoy i Novgorodskoy guberniy v 1870 – 1880-kh godakh [Legal regulation and problems of ensuring sanitary and hygienic conditions in the cities of the Vologda and Novgorod provinces in the 1870s – 1880s] / A.B. Agafonova // *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University]. – 2014. – № 4 (57). – P. 31-35.
15. Obyazatelnyye postanovleniya po sanitarnoy chasti v g. Ust-Sysolske [Compulsory resolutions on the sanitary measures in Ust-Sysolsk]. – Ust-Sysolsk, 1912. – 12 p.
16. Agafonova, A.B. Sanitarnyye popechitelstva v dorevolutsionnoy Rossii [Sanitary care in pre-revolutionary Russia] / A.B. Agafonova // *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin]. – 2021. – № 1 (70). – P. 30-38.
17. Sistematicheskii sbornik postanovleniy Ust-Sysolskogo uyezda Vologodskiy gubernii, uyezdnogo zemskogo sobraniya. Za 30 let (1869-1898). [Systematic collection of resolutions of the district zemstvo assembly of the Ust-Sysolsk district of the Vologda province. For 30 years (1869-1898)]. – Vologda, 1899. – 860 p.
18. Sbornik postanovleniy Ust-Sysolskogo uyezdnogo sobraniya za 13 let (1898-1910 gg.) [Collection of resolutions of the Ust-Sysolsk district assembly for 13 years (1898-1910)]. – Ust-Sysolsk, 1913. – 592 p.

19. Sbornik postanovleniy Yarenskogo uyezdnogo zemskogo sobraniya za 1869-1901 gg. [Collection of resolutions of the Yarensk district zemstvo assembly for 1869-1901]. – Vologda, 1904. – 716 p.
20. Zhurnaly Ust-Sysolskogo uyezdnogo zemskogo sobraniya i doklady Upravy XXIII ocherednoy sessii 1892 goda [Journals of the Ust-Sysolsk district zemstvo assembly and reports of the Council of the XXIII regular session of 1892]. – Vologda, 1893. – 166 p.
21. Drzhevetsky, A.I. Mediko-topografiya Ust-Sysolskogo uyezda Vologodskoy gubernii: dis. na stepen d-ra meditsiny [Medical topography of the Ust-Sysolsk district of the Vologda province: Doctor's thesis (Medicine)] / A.I. Drzhevetsky. – Sankt-Petersburg, 1872. – 106 p.
22. NARK [hereinafter National Archive of the Komi Republic]. – Fonds 6. – Inventory 1. – File 1804. – Sheets 4, 13.
23. Pamyatnaya knizhka Vologodskoy gubernii na 1854 g [Memorandum book of the Vologda province for 1854]. – Vologda, 1854. – 228 p.
24. Istoriya Komi s drevneyshikh vremen do kontsa XX veka [History of Komi from ancient times to the end of the XX century] / General edition A.F. Smetanin. – Vol. 1. – Syktyvkar, 2004. – 560 p.
25. NA of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. – Fonds 5. – Inventory 2. – File 352. – Sheet 614.
26. Chuprov, V.I. Ust-Tsilma – kray pechorskiy [Ust-Tsilma – Pechora region] / V.I. Chuprov, A.F. Smetanin, A.A. Popov. – Syktyvkar, 1991. – 174 p.
27. GAAO [hereinafter State Archive of the Arkhangelsk region]. – Fonds 6. – Inventory 2. – File 332. – Sheet 19.
28. Trudy VIII gubernskogo syezda zemskikh vrachey i predstaviteley zemstv Vologodskoy gubernii [Proceedings of the VIII Provincial Congress of Zemstvo Doctors and Representatives of the Vologda province]. – Vologda, 1913. – 110 p.
29. Glushkov, S.E. Preobrazovaniye sistemy zdravookhraneniya i snizheniye smertnosti naseleniya v Zapadnoy Sibiri kontsa XIX – nachala XX veka [Transformation of the health care system and reduction of mortality cases among population in Western Siberia in the late XIX – early XX centuries] / S. E. Glushkov // Mir nauki, kultury, obrazovaniya [World of science, culture, education]. – 2011. – № 6-2 (31). – P. 346-349.
30. Vasiliev, K.G. Istoriya epidemiy i borba s nimi v Rossii v XX stoletii [History of epidemics and epidemic control measures in Russia in the XX century] / K.G. Vasiliev. – Moscow, 2001. – 254 p.
31. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. – 1879. – № 67. – P. 1.
32. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. – 1879. – № 69. – P. 2.
33. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. – 1880. – № 32. – P. 1.
34. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. – 1890. – № 24. – P. 3.
35. GAAO. – Fonds 6. – Inventory 2. – File 208. – Sheet 42; Fonds 211. – Inventory 1. – File 344. – Sheet 20; Spravochnaya knizhka Arkhangelskoy gubernii na 1870 god [Reference book of the Arkhangelsk province for 1870]. – Arkhangelsk, 1870. – P. 166.
36. GAAO. – Fonds 6. – Inventory 2. – File 208. – Sheet 19.
37. GAAO. – Fonds 6. – Inventory 2. – File 335. – Sheet 30.
38. Zhurnaly Ust-Sysolskogo uyezdnogo zemskogo sobraniya, XXVI-y ocherednoy sessii 1895 goda, i chrezvychaynoy sessii 15-go iyulya 1895 goda: s prilozheniyami [Journals of the Ust-Sysolsk district zemstvo assembly, the XXVIth regular session of 1895, and the extraordinary session of July 15, 1895: with applications]. – Vologda, 1896. – 181 p.
39. NARK. – Fonds 6. – Inventory 1. – File 224. – Sheet 2.
40. Vrachebno-sanitarnyy obzor Vologodskoy gubernii [Medical and sanitary review of the Vologda province]. – Issue 5. – Vologda, 1905. – P. 1.
41. NARK. – Fonds 6. – Inventory 1. – File 1283. – Sheet 42 Back Page-43.
42. GAAO. – Fonds 6. – Inventory 2. – File 208. – Sheet 15.
43. Avdeev, A. Sezonnyy faktor v demografii rossiyskogo krestyanstva v pervoy polovine XIX veka: brachnost, rozhdayemost, mladencheskaya smertnost [Seasonal factor in the demography of the Russian peasantry in the first half of the XIX century: marriage, fertility, infant mortality] / A. Avdeev, A. Blum, I. Troitskaya // Rossiyskiy demograficheskiy zhurnal [Russian Demographic Journal]. – 2002. – № 1. – P. 35-45.
44. Ignatova, N.M. Chislennost i vosproizvodstvo naseleniya Respubliki Komi vo vtoroy polovine XIX – XX v.: istoriko-demograficheskiye i istoriko-geograficheskiye issledovaniya Rossiyskogo Severa [Number and reproduction of the population of the Komi Republic in the second half of the XIX–XX centuries: historical-demographic and historical-geographical studies of the Russian North] / N.M. Ignatova, D.V. Vishnyakova, A.P. Obedkov, V.I. Silin. – FRC Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Issue 1. – Syktyvkar, 2022. – 276 p.
45. Zhurnaly Ust-Sysolskogo uyezdnogo zemskogo sobraniya, XXIV ocherednoy sessii s prilozheniyami 1893 g. [Journals of the Ust-Sysolsk district zemstvo assembly, XXIV regular session with annexes of 1893]. – Vologda, 1894. – 150 p.
46. Zhurnaly Ust-Sysolskogo uyezdnogo zemskogo sobraniya, 42-j ocherednoy sessii 1911 goda i dokladov Upravy s prilozheniyami [Journals of the Ust-Sysolsk district zemstvo assembly, 42th regular session of 1911 and reports of the Local Government with annexes]. – Ust-Sysolsk, 1912. – 844 p.
47. Vologodskiye gubernskiye vedomosti [Vologda Provincial Gazette]. Unofficial part. – 1880. – № 34. – P. 1.
48. GAAO. – Fonds 6. – Inventory 2. – File 208. – Sheet 260.
49. GAAO. – Fonds 6. – Inventory 2. – File 332. – Sheet 30.
50. GAAO. – Fonds 211. – Inventory 1. – File 344. – Sheet 139.
51. NARK. – Fonds 6. – Inventory 1. – File 1277. – Sheet 143; Inventory 1. – File 1817. – Sheet 153.
52. NARK. – Fonds 70. – Inventory 1. – File 125. – Sheet 22.

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта: FUUU-2021-0011 «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского севера России».

Информация об авторе:

Вишнякова Дарья Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: vishnyakova_dari@mail.ru ORCID: 0000-0002-8671-4877).

Author:

Darya V. Vishnyakova – Candidate of Sciences (History), ORCID: 0000-0002-8671-4877, Senior Researcher at the Department of Historical-Demographical and Historical-Geographical Studies of the Russian North at the Institute of Language, Literature and History FRC Komi SC UB RAS (Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation, 167982; e-mail: vishnyakova_dari@mail.ru).

Для цитирования:

Вишнякова, Д.В. Санитарные условия, медицинское обслуживание и инфекционные болезни в Коми крае во второй половине XIX–начале XX века / Д.В. Вишнякова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 86–94.

For citation:

Vishnyakova, D.V. Sanitarnye usloviya, medicinskoe obsluzhivanie i infekcionnye bolezni v Komi krae vo vtoroj polovine XIX–nachale XX veka [Sanitary conditions, medical care and infectious diseases in the Komi region in the second half of the XIX–early XX centuries] / D.V. Vishnyakova // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2023. – № 1 (59). – P. 86–94.

Дата поступления рукописи: 07.02.2023

Прошла рецензирование: 17.02.2023

Принято решение о публикации: 17.02.2023

Received: 07.02.2023

Reviewed: 17.02.2023

Accepted: 17.02.2023

Моряки Усть-Сысольского уезда – участники русско-японской войны 1904–1905 годов

С.А. Гладких

Котласский краеведческий музей,
г. Котлас
sgladkih@inbox.ru

Аннотация

В статье приводятся биографические и статистические сведения об уроженцах Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии – участниках морских сражений русско-японской войны 1904–1905 гг. Особое внимание уделяется героям, удостоенным высших боевых наград (17 из 55 выявленных персоналий), и погибшим морякам. Указывается их место службы, описываются обстоятельства совершенных подвигов. Отмечается, что выходцы из континентального региона освоили сложные военно-морские специальности и достойно проявили себя в боях с врагом. Приводятся примеры увековечения памяти отдельных героев.

Ключевые слова:

Усть-Сысольский уезд, военно-морской флот, русско-японская война, 1904–1905 гг.

Со времен крещения зырян Стефаном Пермским коми наряду с другими православными народами России обрели суровое и почетное право проливать кровь за общую многонациональную Родину, находясь на официальной воинской службе. Все православные единоверцы страны несли ее на общих основаниях. С момента появления в составе вооруженных сил России военно-морского флота представители Коми края стали служить и на кораблях. Довелось им принять участие и в самой «морской» из всех войн, которые вела Россия – русско-японской войне 1904–1905 гг. Главным стратегическим вопросом этой войны было завоевание господства на море, а русский флот в ходе крейсерских операций и межтеатровых маневров действовал на просторах трех океанов – Тихого, Индийского и Атлантического.

В то время большая часть коми проживала на территории Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Он был самым обширным в губернии, но и самым редконаселенным [1, с. 106]. Русское население уезда, по данным Всероссийской переписи населения 1897 г., составляло всего лишь 7,62 % [2, с. 56]. Поскольку в отношении коми использовалась русская антропонимическая система, а национальность в документах воинского учета тогда не фиксировалась, точно установить, кто из местных военнослужащих относился к какому народу, ныне в большин-

Sailors of the Ust-Sysolsk district – participants in the Russian-Japanese war of 1904–1905

S.A. Gladkikh

Kotlas Museum of Local Lore,
Kotlas
sgladkih@inbox.ru

Abstract

The paper provides biographical and statistical information about the native sons of the Ust-Sysolsk district of the Vologda province – participants in the naval battles of the Russian-Japanese war of 1904–1905. Special attention is paid to the heroes who were awarded the highest military awards (17 of 55 identified personalities) and to the dead sailors. The paper indicates their place of service, circumstances of performed feats. Being residents of the continental region, they successfully mastered complex naval professions and fought bravely against the enemy. There are examples of perpetuating the memory of individual heroes.

Keywords:

the Ust-Sysolsk district, Navy, Russian-Japanese war

стве случаев невозможно. Поэтому в данной статье пойдет речь о всех уроженцах Усть-Сысольского уезда – братьях по оружию, независимо от национальности. Далее все они будут обобщенно именоваться по названию уездного центра – устьсысольцами.

При этом сразу следует отметить, что проблема с определением этнической принадлежности местных уроженцев далеко не единственная. В связи с тем, что непривычные для русских военных писарей фамилии и названия населенных пунктов записывались на слух, в документах того времени встречается немало ошибок, которые не всегда поддаются исправлению. Кочуя из документа в документ, они обрастали дополнительными искажениями. Нередко возникало несколько вариантов написания имен собственных, и установить верный порой весьма затруднительно. Вызванные данным обстоятельством неточности возможны и в представленной работе, хотя флотская документация существенно точнее армейской.

Однако военных моряков в Усть-Сысольском уезде всегда было немного. На это влияли два основных фактора: удаленность уезда от морей и низкий уровень грамотности призывников (многие коми совершенно не владели русским языком), мешавший освоению непростых флотских специальностей. Однако наличие на территории уезда судоходных рек – Вычегды, Сысолы, Лузы, Печоры – озна-

чало постоянное привлечение части местного населения к речному судостроению и судоходству. Знакомые с этим ремеслом люди обычно и призывались во флот. Именно поэтому все три призывных пункта Усть-Сысольского уезда (Усть-Сысольск, Усть-Кулом, Визинга) упоминались в принятом в связи с переходом на всеобщую воинскую повинность и высочайше утвержденном 4 июня 1874 г.¹ «Расписании местностей и призывных участков, предназначенных для комплектования флота» [3, с. 144–145].

Кроме того, во флот можно было попасть, обладая определенными физическими данными. В такую элитную воинскую часть, как Гвардейский флотский экипаж, специально отбирали самых крупных, рослых и широкогрудых людей [4, с. 267–268]. В команде эскадренного броненосца «Император Александр III», комплектовавшейся моряками Гвардейского экипажа, в годы русско-японской войны числилось четверо усть-сысольских уроженцев – настоящих богатырей. Но всем им суждено было погибнуть ...

Поскольку новобранцы с территории Вологодской губернии направлялись на Балтийский флот, из состава которого формировались Тихоокеанские эскадры, многим устьсысольцам в ходе семилетней действительной службы довелось оказаться на Дальнем Востоке и принять участие в морских сражениях русско-японской войны. Непосредственно же во время войны проводились частные мобилизации в армию или флот, распространявшиеся на отдельные регионы империи. Усть-Сысольский уезд попал под третью флотскую мобилизацию, объявленную царским указом 21 июня 1904 г. [5, с. 276, 749].

На территории уезда мобилизация началась 26 июня и закончилась 7 июля 1904 г. Запасных моряков здесь числилось всего лишь 15 чел., из них медицинская комиссия признала негодными к службе семь, в итоге мобилизованы были только восемь [6, л. 10, 16]. Кроме того, в рамках ежегодного воинского призыва осенью 1904 г. на службу в Балтийский флот направлены 23 из 383 новобранцев Усть-Сысольского уезда [7, л. 225, 263]. Некоторые из призванных и мобилизованных в 1904 г. моряков пополнили экипажи кораблей 2-й и 3-й Тихоокеанских эскадр и стали участниками Цусимского сражения. Но основную долю сражавшихся в морских боях на Дальнем Востоке все же составили моряки довоенных призывов.

Согласно выявленным к настоящему времени сведениям, всего в боях с японским флотом принимали участие 55 выходцев из Усть-Сысольского уезда. В основном это были уроженцы и жители прибрежных волостей, расположенных вдоль главной местной реки – Вычегды. Больше всего моряков дала Корткеросская волость – семь человек. В целом же местными моряками были представлены 18 волостей уезда и город Усть-Сысольск. Некоторые населенные пункты (села Устькуломское и Керчемское, деревни Вольдинская, Ивановская и Наволоцкая²) дали русскому флоту по двое участников войны, уездный центр – троих.

Устьсысольцы сражались с врагом на 25 кораблях из состава трех Тихоокеанских эскадр, в основном на круп-

ных кораблях I ранга: броненосцах и крейсерах. Больше всего местных выходцев (девять человек) находились на крейсере «Паллада», экипаж которого в значительной части был укомплектован уроженцами Вологодской губернии. Точное место службы четверых человек пока не установлено, но как минимум двое из них находились в Порт-Артуре. Всего же усть-сысольские моряки числились в экипажах 10 эскадренных броненосцев, одного броненосного крейсера, семи легких крейсеров, одного минного крейсера, одного минного транспорта, одной мореходной канонерской лодки, одного эскадренного миноносца, одного миноносца, одного транспорта-мастерской и одного транспорта. 17 из этих кораблей входили в состав 1-й Тихоокеанской эскадры и к началу войны находились в Порт-Артуре, Владивостоке и Чемульпо.

По военно-морским специальностям устьсысольцы распределяются следующим образом: 17 матросов, 15 коچهгаров, семь комендоров, шесть машинистов, три минера, один кочегарный квартирмейстер, один минный квартирмейстер, один минный машинист, один гальванер, один марсовой, один маляр и один кок. Привлекает внимание значительное число кочегаров и строевых матросов, т.е. наименее квалифицированных категорий корабельных специалистов. Требовавшими достаточно сложных знаний специальностями минера, гальванера, комендора, минного машиниста овладели лишь 12 чел. До квартирмейстерских (по-современному – старшинских) званий дослужились только двое. Все это указывает на низкий исходный уровень грамотности призывников из глухого окраинного уезда. Интересно также полное отсутствие трюмных, в которые обычно набирали самых ловких и проворных людей.

Всего в ходе войны погибли 20 усть-сысольских моряков, трое ранено, один контужен, 24 (в том числе двое раненых и контуженный) попали в плен, восемь интернированы вместе со своими кораблями в нейтральных портах (Циндао, Сайгон, Манила) до окончания военных действий. Таким образом, процент боевых и сопутствующих потерь оказался исключительно высоким, что в целом характерно для морской войны, где моряки обычно разделяют судьбу своих кораблей, порой погибая полным экипажем.

О том, что моряки Усть-Сысольского уезда в боях русско-японской войны проявили себя не только достойными воинами, но и настоящими героями, свидетельствуют полученные ими награды. Самой почетной боевой наградой нижних чинов того времени являлся подразделявшийся на четыре степени Знак Отличия Военного ордена Святого Георгия (чаще именуемый «Георгиевский крест»), которого удостоились 17 усть-сысольских моряков. А подвиги старшего комендора крейсера «Паллада» Дмитрия Григорьевича Вавилова из дер. Тимофеевская Корткеросской волости были отмечены Знаками Отличия Военного ордена IV и III степеней [8, л. 16 об.; 9, с. 192, 1211].

Два Георгиевских креста получил и матрос 1-й статьи эскадренного броненосца «Севастополь» Лазарь Васильевич Панюков из дер. Наволоцкая Подъяельской волости, но оба IV степени, поэтому в 1909 г. один из них (№ 169853) был возвращен в Капитул орденов как ошибочно выданный за одно и то же отличие. Однако наградные формулиров-

¹ Все даты в тексте даны по Юлианскому календарю (ст. ст.).

² Здесь и далее названия сел и деревень приводятся в транскрипции начала XX в.

ки несколько разнятся: знак № 169853 получен «за отличия, оказанные при защите крепости Порт-Артур в 1904 г.», т.е. по совокупности совершенных боевых подвигов; а № 177971 – «за отличие, оказанное <...> 17 октября 1904 г. при защите крепости Порт-Артур», т.е. за конкретный подвиг [9, с. 1113, 1208; 10, л. 127 об.]. Это позволяет предположить, что более верным было бы не лишение награды, а замена ее на Георгиевский крест следующей, III, степени. Однако военная бюрократия не всегда удосуживается войти в детали совершенных подвигов.

К сожалению, крайне скупые наградные формулировки Капитулы Российских Императорских и Царских орденов не позволяют восстановить точные обстоятельства подвигов усть-сысольских моряков. Однако по указанным датам боевых отличий в ряде случаев можно узнать, за участие в каком бою тот или иной герой получил высокую награду. Например, Лазарь Панюков и Андрей Шахов заслужили Георгиевские кресты соответственно 17 и 18 октября, т.е. в дни отражения третьего штурма Порт-Артура [9, с. 1208, 1490].

Далеко не все совершенные подвиги были отмечены наградами, так как в годы русско-японской войны не существовало посмертных награждений. А этой чести, бесспорно, заслужили многие бившиеся до последнего и шедшие на дно со своими кораблями при Цусиме матросы 2-й Тихоокеанской эскадры. Но и не всем усть-сысольским кавалерам Георгиевского креста довелось вернуться на родину: двое из них (Михаил Попов и Евгений Самарин) пали в боях с врагом [11, л. 20–20 об.].

А первой жертвой русско-японской войны среди уроженцев Усть-Сысольского уезда стал Андрей Николаевич Трофимов – выходец из дер. Бор Ношульской волости [12, л. 189–189 об.]. Он погиб в первый день войны, в одном из самых знаменитых боев российской военно-морской истории, и поэтому доныне является самым известным в регионе участником войны. Андрей Николаевич служил комендором (морским артиллеристом) легендарного крейсера «Варяг», 27 января 1904 г. принявшего неравный бой с японской эскадрой, блокировавшей его в корейском порту Чемульпо. В ходе боя моряк был убит осколками вражеского снаряда [13, с. 80]. 5 июля 2009 г. в с. Ношуль на собранные по подписке средства земляков был установлен памятный знак в честь А.Н. Трофимова – единственный в Республике Коми мемориальный объект, посвященный участию местных уроженцев в русско-японской войне [14, с. 114].

Как минимум 37 усть-сысольских моряков принимали участие в героической обороне Порт-Артура – главной военно-морской базы России на Дальнем Востоке. Свой первый бой многие из них приняли еще в ночь на 27 января 1904 г. при внезапной торпедной атаке японских миноносцев на корабли Тихоокеанской эскадры. Тогда были подорваны три корабля, на каждом из которых служили усть-сысольские уроженцы: эскадренные броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада». При подрыве «Паллады» получил контузию матрос 1-й статьи Егор Дмитриевич Уляшев из дер. Роздинская Помоздинской волости [8, л. 16 об.; 15, л. 12].

Ослабленный потерями первых дней войны русский флот некоторое время придерживался пассивного обра-

за действий. Попытку перехвата инициативы в борьбе за господство на море предпринял прибывший в Порт-Артур 24 февраля вице-адмирал С.О. Макаров. Однако 31 марта 1904 г. флагманский корабль командующего флотом, эскадренный броненосец «Петропавловск», подорвался на японской мине, выставленной накануне ночью на внешнем рейде Порт-Артура. От взрыва детонировал боезапас, и огромный корабль, переломившись пополам, менее чем за две минуты ушел на морское дно. В числе 650 погибших вместе с адмиралом С.О. Макаровым и находившимся на борту знаменитым художником В.В. Верещагиным значится и минер «Петропавловска» Илья Самсонович Осипов – до призыва во флот мещанин г. Усть-Сысольска [16, л. 106].

В апреле 1904 г. Порт-Артур был блокирован противником с моря и суши. 17 июля японские войска подошли непосредственно к крепости, а 25 июля русские корабли на внутреннем рейде впервые подверглись обстрелу осадной артиллерии. Тогда 28 июля артурская эскадра под командованием контр-адмирала В.К. Витгефта предприняла попытку прорваться во Владивосток и вступила в бой с японским флотом. Сражение некоторое время шло с переменным успехом, но вследствие гибели командующего и дезорганизации управления эскадра распалась на отдельные отряды и корабли, потеряв возможность организованного сопротивления. Часть кораблей ушла в нейтральные порты, где в соответствии с нормами международного права разоружилась до конца войны, а основные силы разбитой эскадры возвратились в Порт-Артур.

В бою 28 июля участвовали многие усть-сысольские моряки. Трое из них – Петр Нестеров, Михаил Попов и Дмитрий Вавилов – за проявленные в сражении мужество и героизм удостоились Георгиевских крестов [9, с. 192, 1471, 1476]. Двое – Андрей Шешуков и Захар Попов – были ранены [17, л. 53 об.–54; 18, л. 4 об.–5]. Четверо усть-сысольцев после боя были интернированы со своими кораблями в нейтральных портах: на разоруженном в Циндао флагманском русском броненосце «Цесаревич», наиболее пострадавшем от сосредоточенного вражеского огня, служили Петр Нестеров, Степан Панюков и Иван Разсыхаев [19, л. 13 об.–14, 30 об.–31, 50 об.–51], а на ушедшем в Сайгон крейсере «Диана» – Андрей Шешуков. Таким образом, боевая биография этих людей длилась всего полгода и завершилась задолго до окончания войны.

А вернувшиеся на своих кораблях в Порт-Артур моряки в составе десантных отрядов приняли участие в сухопутной обороне крепости. Впервые вступить в кровавую схватку с противником в непривычном бою на суше им довелось при первом штурме Порт-Артура. Тогда только за один день 9 августа 1904 г. погибли трое усть-сысольских моряков: герой боя в Желтом море, матрос 1-й статьи эскадренного броненосца «Севастополь» Михаил Попов из дер. Ручевская Деревянской волости; матрос 2-й статьи эскадренного броненосца «Победа» Василий Попов из дер. Парчевская Устьнемской волости и матрос 1-й статьи эскадренного броненосца «Ретвизан» Андрей Уляшев из дер. Вольдинская Помоздинской волости [11, л. 20–20 об.; 17, л. 145 об.–146; 20, л. 64 об.–65; 21, л. 47].

Десантная рота «Победы» защищала в тот день редут № 1, десантная рота «Ретвизана» – соседний редут № 2, а десантная рота «Севастополя» – открытый капонир № 2. Все три укрепления находились на главном направлении японской атаки. Особенно жестокие бои развернулись за редут № 1, пять раз переходивший из рук в руки. И атакующие, и обороняющиеся несли огромные потери. Лишь к вечеру практически полностью разрушенные редуты №№ 1 и 2 перешли в руки противника [22, с. 185, 197–201].

Всего же Порт-Артур выдержал четыре общих штурма и бесчисленное множество атак на отдельные пункты обороны. Не прекращался и обстрел русских кораблей. Так, при бомбардировке 26 сентября 1904 г. на крейсере «Паллада» получил ранение кочегар 1-й статьи Филипп Михайлович Игушев – уроженец дер. Ивановская Богородской волости [23, л. 15]. К концу ноября почти все крупные корабли артурской эскадры погибли под огнем артиллерии противника.

Командор эскадренного броненосца «Севастополь» Егор Варламович Карпов из Корткеросской волости удостоился Знака Отличия Военного ордена «за отличие, оказанное во время военных действий с Японией 2 декабря 1904 г.» [9, с. 1476; 24, с. 90]. Это означает, что он участвовал в отражении отчаянных ночных атак японских миноносцев на «Севастополь» – последний боеспособный корабль основных сил эскадры, который готовился к прорыву из осажденной крепости в бухте Белого Волка. Эти атаки длились на протяжении недели и стоили японцам два миноносца погибшими и 13 серьезно поврежденными. В ночь на 2 декабря противник бросил в бой максимальное число кораблей – 23 миноносца и один минный катер, но вновь не добился успеха. Лишь при нападении в ночь на 3 декабря русский броненосец получил торпедное попадание. Шансы на прорыв были потеряны, и накануне капитуляции Порт-Артура «Севастополь» был затоплен экипажем, чтобы не стать трофеем врага [25, с. 28–29].

Силы защитников крепости таяли с каждым днем. Людей косили не только вражеские пули, но и многочисленные болезни: тиф, цинга. В период «с 1 августа по 10 декабря в сражениях на передовых позициях» пропал без вести и позже был признан погибшим матрос 1-й статьи эскадренного броненосца «Победа» Алексей Иванович Уляшев из дер. Вольдинская Помоздинской волости [21, л. 49; 26, л. 121–127 об.]. Не установлены обстоятельства гибели усть-сысольских моряков-артурцев Ивана Габова, Егора Попова, Алексея Шарапова.

Хотя возможности обороны еще не были исчерпаны, 20 декабря 1904 г. решением командования Порт-Артур был сдан противнику. В ночь накануне капитуляции последние оставшиеся на плаву корабли русской эскадры прорвали блокаду и ушли в нейтральные порты [27, с. 121]. В их числе – прорвавшийся в Циндао эскадренный миноносец «Смелый», на котором служил минный машинист и Георгиевский кавалер Афанасий Иванович Панюков из Небдинской волости [8, л. 16 об.; 9, с. 1482]. Остальные уцелевшие в боях за крепость усть-сысольцы не по своей воле оказались в японском плену.

Однако инвалидов, тяжелораненых и тяжелобольных японцы отпустили в Россию. Среди них числился и больной цингой матрос 1-й статьи эскадренного броненосца «Севастополь» Андрей Сергеевич Мишарин из дер. Большелужская Богородской волости. Пройдя курс лечения во Владивостокском морском госпитале, по итогам медицинского освидетельствования он был уволен в отпуск на родину сроком на один год [20, л. 73].

Всего же в боях за Порт-Артур официально признаны героями, т.е. заслужили Георгиевские кресты, 15 моряков из Усть-Сысольского уезда. Интересно отметить, что семеро из них, служившие на крейсере «Паллада», удостоились Знаков отличия Военного ордена «за отличие, оказанные... 18 декабря 1904 г.», т.е. за два дня до капитуляции крепости. Однако произведенное с отсылкой к этой дате массовое послевоенное награждение сотен артурских моряков фактически являлось пожалованием наград не за конкретное отличие, а по совокупности совершенных подвигов.

Русский Тихоокеанский флот во время войны базировался не только на Порт-Артур, но и на Владивосток, однако среди личного состава Владивостокского отряда крейсеров пока выявлен только один уроженец Усть-Сысольского уезда: машинист 1-й статьи крейсера «Богатырь» Василий Иванович Стенин из с. Объячево Борисовской волости [28, л. 282 об.–283]. Его боевой путь оказался очень коротким. «Богатырь» участвовал лишь в первых походах Владивостокского отряда к неприятельским берегам, а 2 мая 1904 г. налетел в тумане на прибрежные скалы у мыса Брюса и до конца войны находился в ремонте [29, с. 21–22].

Во Владивостоке также служил минный квартирмейстер миноносца № 210 Евгений Васильевич Самарин из с. Керчемского Керчемской волости [30, л. 166 об.]³. Он стал Георгиевским кавалером, и из всех усть-сысольцев лишь его наградная формулировка четко указывает на конкретную военную операцию. Квартирмейстер Самарин удостоился Знака Отличия Военного ордена «за мужество и храбрость, выказанные во время похода 15–19 июня 1904 г. на усиленную рекогносцировку порта Гензан» [9, с. 223]. В этом походе восемь русских миноносцев 17 июня внезапно ворвались в занятый противником корейский порт Гензан, уничтожили два небольших японских судна и несколько барж, а также обстреляли береговые цели, вынудив японские войска бежать из города [31, с. 97]. Однако этот ограниченный успех не окупил понесенных потерь: при набеге на Гензан из-за навигационной аварии погиб миноносец № 204.

Осенью 1904 г. на помощь сражавшемуся Порт-Артуру из Балтийского моря была направлена 2-я Тихоокеанская эскадра. Однако русская крепость пала, когда подкрепление еще находилось в пути. Тогда 2-ю эскадру усилили первым отрядом также формировавшейся на Балтике 3-й эскадры и переориентировали на Владивосток. Однако в Цусимском проливе дорогу прошедшим полмира русским кораблям преградил японский флот.

В трагическом для российского флота Цусимском сражении 14–15 мая 1905 г. принимали участие 14 усть-сысольцев. Из них первыми жертвами Цусимы стали моряки гвардейского эскадренного броненосца «Император Алек-

³ За указание на источник благодарю П.П. Котова.

сандр III». Этот корабль, некоторое время возглавлявший строй русской эскадры, был потоплен артиллерийским огнем противника вечером 14 мая со всем экипажем. Через полчаса та же участь постигла однотипный эскадренный броненосец «Бородино», шедший головным в заключительной фазе боя. Почти одновременно с «Бородино» был пущен на дно японской торпедой транспорт-мастерская «Камчатка». На «Императоре Александре III» погибли четверо уроженцев Усть-Сысольского уезда, на «Бородино» – еще трое, на «Камчатке» – один.

В ночь на 14 мая отряд в составе трех русских крейсеров, серьезно пострадавших в бою, отделился от разбитой эскадры и ушел в нейтральный порт Манила на Филиппинах, где и был разоружен до конца войны. Это позволило сохранить жизнь трем устьсыольцам, служившим на интернированных в Маниле крейсерах «Аврора» и «Олег». Но большая часть рассеянных после боя 14 мая кораблей русской эскадры продолжала попытки отрядами и поодиночке прорваться во Владивосток.

Утром 15 мая японскими крейсерами «Отова» и «Нийтака» был настигнут тяжело поврежденный русский крейсер «Светлана», который принял неравный бой и лишь после израсходования всего боезапаса был затоплен своим экипажем. К спасению погибавших в море русских моряков японцы приступили лишь через несколько часов, что привело к значительному числу утонувших. Все уцелевшие моряки героического корабля удостоились Георгиевских крестов [32, с. 100–104]. Среди них – занимавший невзрачную должность корабельного маляра «Светланы» Григорий Митрофанович Потапов из с. Маджа Корткеросской волости [8, л. 15 об.; 9, с. 1240–1241].

Днем 15 мая японским флотом был окружен отряд из четырех русских броненосцев под командованием контр-адмирала Н.И. Небогатова. Подавленный катастрофой предыдущего дня адмирал принял решение капитулировать. Так в числе военнопленных оказался мобилизованный из запаса в 1904 г. матрос 1-й статьи эскадренного броненосца «Император Николай I» Михаил Павлович Игнатов из с. Помоздино Помоздинской волости [33, л. 100 об.; 34, с. 35].

Неясны обстоятельства гибели при Цусиме уроженца с. Керчемского Николая Лодыгина (он был внебрачным ребенком, поэтому его отчество неизвестно) [11, л. 20 об.]. Лодыгин служил минером транспорта «Китай», еще 6 апреля с группой других невооруженных судов отделившегося от эскадры и направленного в Сайгон [35, с. 80]. Имевший ценную военную специальность моряк был переведен на другой корабль, но какой именно – пока не установлено. Известно лишь, что из горнила Цусимы он не вернулся ...

В третью годовщину Цусимского сражения, 14 мая 1908 г., в Санкт-Петербурге состоялось торжественное открытие обелиска «Героям броненосца “Император Александр III”» [36, с. 225]. Установленный в сквере у Николо-Богоявленского Морского собора – церкви Гвардейского флотского экипажа – он стал первым в России памятником, посвященным событиям русско-японской войны. На четырех гранях обелиска помещены бронзовые доски с именами погибших на броненосце. К сожалению, перечислены здесь далеко не все, но на северной доске среди других

увековечено имя машиниста 1-й статьи Дмитрия Тимофеевича Тарабукина – уроженца с. Устькуломского [30, л. 166 об.]. У этого памятника доныне можно склонить голову в память всех устьсыольцев, павших при Цусиме.

Разгромное Цусимское сражение подвело черту боевым действиям на море. Потеряв почти весь Тихоокеанский флот, Россия вынуждена была признать поражение. По заключении мирного договора вернулись из японского плена усть-сысольские моряки. После демобилизации почти все служившие во флоте земляки возвратились на малую родину, к привычному мирному труду. Их дальнейшие биографии – предмет уже иного исследования.

Сведения, представленные в настоящей работе, также нельзя считать окончательными. Сохраняется возможность выявления других неизвестных имен и внесения соответствующих поправок в статистические расчеты. Дополнения и уточнения к биографиям конкретных героев могут появиться в результате грамотно ориентированной краеведческой работы. Но приведенные выше данные вполне достаточны, чтобы уверенно утверждать: уроженцы сугубо континентального Усть-Сысольского уезда проявили себя настоящими моряками. Они смогли овладеть необходимыми для столь специфической военной службы навыками и многократно отличились в боях с врагом. Не их вина, что Россия в той далекой войне потерпела поражение. А значит, память о героях-воинах должна жить в памяти земляков.

Конечно, нельзя сказать, что моряки-герои русско-японской войны из Усть-Сысольского уезда полностью забыты на их малой родине. Краткие сведения о 15 местных моряках представлены на подготовленной Л.А. Кызьюровым и М.М. Сельковой виртуальной выставке Национального архива Республики Коми «На сопках Маньчжурии (коми-зыряне в русско-японской войне 1904–1905 годов)» [37]. О подвигах некоторых усть-сысольских моряков рассказал в своей книге «На службе Отечеству» Н.И. Сурков [24, с. 88–90, 96–104]. В серии публикаций В.Ф. Паршукова отображен герой «Варяга» А.Н. Трофимов [38, с. 3; 39, с. 6; 40, с. 60–61], памятный знак в его честь берегут в с. Ношуль. Однако все это – лишь эпизоды коммеморации, не устоявшиеся в коллективной памяти. Поэтому просветительскую деятельность по восстановлению и сохранению памяти о моряках-героях русско-японской войны необходимо расширять, активно применяя в деле патриотического воспитания подрастающих поколений.

Источники и литература

1. Россия. Энциклопедический словарь. – Ленинград: Лениздат, 1991. – 922 с.
2. Вишнякова, Д.В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX–начале XX в. / Д.В. Вишнякова. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2012. – 164 с.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. XLIX. 1874. Отд. 3. – Санкт-Петербург: Типография Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1876. – 869 с.
4. Манвелов, Н.В. Обычаи и традиции Российского Императорского флота / Н.В. Манвелов. – Москва: Яуза, Эксмо, 2008. – 384 с.

5. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3. Т. XXIV. 1904. Отд. 1. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1907. – 1257 с.
6. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). – Ф. 726. – Оп. 1. – Д. 3781.
7. ГАВО. – Ф. 726. – Оп. 3. – Д. 387.
8. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). – Ф. Р-639. – Оп. 1. – Д. 17.
9. Знак Отличия Военного ордена св. Георгия: Списки пожалованным за русско-японскую войну 1904–1905 гг. – Москва: [б. и.], 2006. – 1496 с.
10. НАРК. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 1514.
11. ГАВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 5136.
12. НАРК. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 26.
13. Гладких, С.А. Комендоры «Варяга» / С.А. Гладких // Двинская земля. Вып. 3. Материалы третьих межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений. – Вельск: Вельти, 2004. – С. 76–83.
14. Гладких, С.А. Один из бессмертных / С.А. Гладких // Корттик: Флот. История. Люди. Вып. 10. – Санкт-Петербург: Гангут, 2009. – С. 114–117.
15. Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 388.
16. РГАВМФ. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 404.
17. РГАВМФ. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 6.
18. РГАВМФ. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 10.
19. РГАВМФ. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 7.
20. РГАВМФ. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 3.
21. РГАВМФ. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 4.
22. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. VIII. Оборона Квантуна и Порт-Артура. Ч. 2. От начала тесного обложения до конца осады (17 июля – 20 декабря 1904 года). – Санкт-Петербург: Типография И. Шурухт, 1910. – XVI, 720 с.
23. РГАВМФ. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 9.
24. Сурков, Н.И. На службе Отечеству / Н.И. Сурков. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2011. – 244 с.
25. Сулига, С.В. Броненосцы типа «Полтава» / С.В. Сулига. – Москва: Техника – молодежи, 1993. – 32 с.
26. НАРК. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 722.
27. Порт-Артур: Действия флота в 1904 году / сост. К.П. Губер; ред. С.Д. Климовский. – Санкт-Петербург: АНТТ-Принт, 2003. – 144 с.
28. НАРК. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 4432.
29. Мельников, Р.М. Крейсер «Богатырь» / Р.М. Мельников. – Санкт-Петербург: Гангут, 1995. – 32 с.
30. ГАВО. – Ф. 34. – Оп. 1. – Д. 3053.
31. Егорьев, В.Е. Операции владивостокских крейсеров в русско-японскую войну 1904–1905 гг. / В.Е. Егорьев. – Москва: Военная книга, 2006. – 176 с.
32. Скворцов, А.В. Крейсер I ранга «Светлана» / А.В. Скворцов. – Санкт-Петербург: Гангут, 2014. – 108 с.
33. НАРК. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 1910.
34. Котрунцев, А.В. Списки нижних чинов Первого Отдельного отряда судов флота Тихого океана (Третьей Тихоокеанской эскадры) под командованием контр-адмирала Н.И. Небогатова на 1905 год: Таблицы из фондов РГА ВМФ. / А.В. Котрунцев. – Санкт-Петербург: [б. и.], 2019. – 256 с.
35. Крестьянинов, В.Я. Цусимское сражение 14–15 мая 1905 г. / В.Я. Крестьянинов. – Санкт-Петербург: Галей Принт, 1998. – 172 с.
36. Поливанов, В.Т. Морской Гвардейский экипаж: Страницы истории / В.Т. Поливанов, Г.И. Бякин. – Санкт-Петербург: ПиК, 1996. – 392 с.
37. На сопках Маньчжурии (коми-зыряне в русско-японской войне 1904–1905 годов). – URL: http://na.rkomi.ru/s53v.files/Obnovlennaja_Ucnastniki_russko_japonskoj_voini1904_1905_godov.ppsx (дата обращения: 11.04.2022 г.).
38. Паршуков, В.[Ф.] Врагу не сдается наш гордый «Варяг» / В.Ф. Паршуков // Красное знамя. – 1994. – 9 февраля. – С. 3.
39. Паршуков, В.[Ф.] Матросы из песни / В.Ф. Паршуков // Дым Отечества: Историко-краеведческий выпуск газеты «Республика». – 2002. – 25 мая. – С. 6.
40. Паршуков, В.Ф. Матросы из песни / В.Ф. Паршуков // Участие жителей Коми края в войнах и вооруженных конфликтах (XI–начало XX века). Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. – Вып. 1. – Сыктывкар: Редакционно-издательский отдел ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2004. – С. 57–64.

References

1. Rossiia. Entsiklopedicheskii slovar' [Russia. Encyclopedic dictionary]. – Leningrad: Lenizdat, 1991. – 922 p.
2. Vishnyakova, D.V. Etnodemograficheskie protsessy v Komi krae v XIX – nachale XX v. [Ethno-demographic processes in the Komi region in the XIX – early XX century] / D.V. Vishnyakova. – Syktyvkar: Komi Science Centre UB RAS, 2012. – 164 p.
3. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. Volume XLIX. 1874. Series 3. – Sankt-Petersburg: Tipografiia Vtorogo otdeleniia sobstvennoi E. I. V. kantseliarii, 1876. – 869 p.
4. Manvelov, N.V. Obychai i traditsii Rossiiskogo Imperatorskogo flota [Customs and traditions of the Russian Imperial fleet] / N.V. Manvelov. – Moscow: Yauza, Eksmo, 2008. – 384 p.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. Volume XXIV. 1904. Series 1. – Sankt-Petersburg: Gosudarstvennaia tipografiia, 1907. – 1257 p.
6. Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti (dalee – GAVO) [State archive of the Vologda region (hereinafter – SAVR)]. – Fonds 726. – Inventory 1. – File 3781.
7. SAVR. – Fonds 726. – Inventory 3. – File 387.
8. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Komi (dalee – NARK) [National archives of the Komi Republic (hereinafter – NAKR)]. – Fonds R-639. – Inventory 1. – File 17.
9. Znak otlichii Voennogo ordena Sv. Georgii: Spiski pozhaloovannym za russko-iaponskuiu voinu 1904–1905 gg. [Insignia of the military order of St. George: Lists of patents

- for the Russian-Japanese war 1904–1905]. – Moscow: [b. i.], 2006. – 1496 p.
10. NAKR. – Fonds 6. – Inventory 1. – File 1514.
 11. SAVR. – Fonds 18. – Inventory 1. – File 5136.
 12. NAKR. – Fonds 6. – Inventory 1. – File 26.
 13. Gladkikh, S.A. Komendory "Variaga" [Gun-captains of the Varyag cruiser] / S.A. Gladkikh // Dvinskaya zemlia [Dvina land]. Issue 3. Materialy tret'ikh mezhregional'nykh obshchestvenno-nauchnykh istoriko-kraevedcheskikh Stefanovskikh chtenii [Proceedings of the Third Interregional Social-Scientific Local-History Stefan Readings]. – Vel'sk: Vel'ti, 2004. – P. 76–83.
 14. Gladkikh, S.A. Odin iz bessmertnykh [One of the immortals] / S.A. Gladkikh // Kortik: Flot. Istoriia. Liudi [Dirk: Fleet. History. People]. Issue 10. – Sankt-Petersburg: Gangut, 2009. – P. 114–117.
 15. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv voenno-morskogo flota (dalee – RGAVMF) [Russian State Archive of the Navy (hereinafter – RSAN)]. – Fonds 452. – Inventory. – File 388.
 16. RSAN. – Fonds 452. – Inventory 1. – File 404.
 17. RSAN. – Fonds 452. – Inventory 1. – File 6.
 18. RSAN. – Fonds 452. – Inventory 1. – File 10.
 19. RSAN. – Fonds 452. – Inventory 1. – File 7.
 20. RSAN. – Fonds 452. – Inventory 1. – File 3.
 21. RSAN. – Fonds 452. – Inventory 1. – File 4.
 22. Russko-iaponskaia voina 1904–1905 gg. Rabota voenno-istoricheskoi komissii po opisaniu russko-iaponskoi voiny [Russian-Japanese war of 1904–1905. The work of the military-historical commission on the description of the Russian-Japanese war]. Vol. VIII. Oborona Kvantuna i Port-Artura [Defense of Kwantung and Port Arthur]. Part 2. Ot nachala tesnogo oblozheniia do kontsa osady (17 iuliia – 20 dekabria 1904 goda) [From the beginning of the close surround to the end of the siege (July 17 – December 20, 1904)]. – Sankt-Petersburg: I. Shurukht Printing House, 1910. – XVI, 720 p.
 23. RSAN. – Fonds 452. – Inventory 1. – File 9.
 24. Surkov, N.I. Na sluzhbe Otechestvu [In the service of the Fatherland]. / N.I. Surkov. – Syktyvkar: Komi Pedagogical Institute, 2011. – 244 p.
 25. Suliga, S.V. Bronenostsy tipa "Poltava" [Battleships of the "Poltava" type] / S.V. Suliga. – Moscow: Tekhnika – molodezhi, 1993. – 32 p.
 26. NAKR. – Fonds 36. – Inventory 1. – File 722.
 27. Port-Artur: Deistviia flota v 1904 godu [Port Arthur: Naval operations in 1904] / Compiled by K.P. Guber. Ed. S.D. Klimovsky. – Sankt-Petersburg: ANTT-Print, 2003. – 144 p.
 28. NAKR. – Fonds 34. – Inventory 1. – File 4432.
 29. Melnikov, R.M. Kreiser "Bogatyr" [Cruiser "Bogatyr"] / R.M. Melnikov. – Sankt-Petersburg: Gangut, 1995. – 32 p.
 30. SAVR. – Fonds 34. – Inventory 1. – File 3053.
 31. Egoryev, V.E. Operatsii vladivostokskikh kreiserov v russko-iaponskuiu voinu 1904–1905 gg. [Operations of Vladivostok cruisers in the Russian-Japanese war of 1904–1905] / V.E. Egoryev. – Moscow: Voennaia kniga, 2006. – 176 p.
 32. Skvortsov, A.V. Kreiser I ranga "Svetlana" [I rank cruiser "Svetlana"]. / A.V. Skvortsov. – Sankt-Petersburg: Gangut, 2014. – 108 p.
 33. NAKR. – Fonds 6. – Inventory 1. – File 1910.
 34. Kotruntsev, A.V. Spiski nizhnikh chinov Pervogo Otdel'nogo otriada sudov flota Tikhogo okeana (Tret'ei Tikhookeanskoi eskadry) pod komandovaniem kontr-admirala N.I. Nebogatova na 1905 god: Tablitsy iz fondov RGA VMF [Lists of the lower ranks of the First Separate detachment of ships of the Pacific Fleet (Third Pacific squadron) under the command of the Rear Admiral N.I. Nebogatov for 1905: Tables from the fonds of the Russian State Archives of the Navy] / A.V. Kotruntsev. – Sankt-Petersburg: [b. i.], 2019. – 256 p.
 35. Krestyaninov, V.Ya. Tsusimskoe srazhenie 14–15 maia 1905 g. [Battle of Tsushima on May 14–15, 1905] / V.Ya. Krestyaninov. – Sankt-Petersburg: Galeya Print, 1998. – 172 p.
 36. Polivanov, V.T. Morskoi Gvardeiskii ekipazh: Stranitsy istorii [Naval Guards Crew: Pages of History] / V.T. Polivanov, G.I. Biakin. – Sankt-Petersburg: PiK, 1996. – 392 p.
 37. Na sopkakh Man'chzhurii (komi-zyriane v russko-iaponskoi voine 1904–1905 godov) [On the hills of Manchuria (Komi-Zyrians in the Russian-Japanese war of 1904–1905)] [Electronic resource]. URL: http://na.rkomi.ru/s53v.files/Obnovlennaja_Ucnastniki_russko_japonskoj_voiny1904_1905_godov.ppsx (accessed: 11 April 2022).
 38. Parshukov, V.F. Vragu ne sdaetsia nash gordyi "Variag" [Our proud "Varyag" does not surrender to the enemy] / V.F. Parshukov // Krasnoe znamia [Red Banner]. – 1994. – February 9. – P. 3.
 39. Parshukov, V.F. Matrosy iz pesni [Sailors from the song] / V.F. Parshukov // Dym Otechestva: Istoriiko-kraevedcheskii vypusk gazety "Respublika" [Smoke of the Fatherland: local-history issue of the newspaper "Respublika"]. – 2002. – May 25. – P. 6.
 40. Parshukov, V.F. Matrosy iz pesni [Sailors from the song] / V.F. Parshukov // Uchastie zhitelei Komi kraia v voynakh i vooruzhennykh konfliktakh (XI – nachalo XX veka). Trudy Komi otdeleniia Akademii voenno-istoricheskikh nauk [Participation of the residents of the Komi region in wars and armed conflicts (the XI – early XX centuries). Proceedings of the Komi Branch of the Academy of Military Historical Sciences]. – Issue 1. – Syktyvkar: Editorial and Publishing Dept. of the Inst. of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2004. – P. 57–64.

Информация об авторе:

Гладких Сергей Александрович – кандидат исторических наук, ученый секретарь Котласского краеведческого музея (Муниципальное учреждение культуры Котласский краеведческий музей. Российская Федерация, 165300, Архангельская обл., г. Котлас, ул. Виноградова, д. 22, e-mail: sgladkih@inbox.ru).

Author:

Sergey A. Gladkikh – Candidate of Sciences (History), Academic Secretary at the Kotlas Museum of Local Lore (Municipal Cultural Institution Kotlas Museum of Local Lore, 22 Vinogradova St., Kotlas, Arkhangelskaya oblast, Russian Federation; e-mail: sgladkih@inbox.ru).

Для цитирования:

Гладких, С.А. Моряки Усть-Сысольского уезда – участники русско-японской войны 1904–1905 годов / С.А. Гладких // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 95–102.

For citation:

Gladkikh, S.A. Moryaki Ust-Sysolskogo uezda – uchastniki russko-yaponskoj vojny 1904–1905 godov [Sailors of the Ust-Sysolsk district – participants in the Russian-Japanese war of 1904–1905] / S.A. Gladkikh // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2023. – № 1 (59). – P. 95–102.

Дата поступления рукописи: 11.05.2022

Прошла рецензирование: 20.05.2022

Принято решение о публикации: 20.05.2022

Received: 11.05.2022

Reviewed: 20.05.2022

Accepted: 20.05.2022

ГУЛАГ как неизбежность развития советской системы (1920-е годы)

В.А. Бердинских

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
bva.prof@mail.ru

Аннотация

В статье раскрыты основные проблемы и предпосылки формирования ГУЛАГа (главного управления исправительно-трудовых лагерей) в 1920-е гг. Особенности этого периода истории показаны очень четко и наглядно. Привлечен обширный материал писем, дневников, других частных источников. Анализ статистических данных позволяет проследить основные тенденции формирования тоталитарной системы сталинизма. На примере СЛОНа (Соловецкого лагеря особого назначения) показаны конкретные черты формирующейся системы ГУЛАГа.

Ключевые слова:

ГУЛАГ, СЛОН, Россия, 1920-е гг., менталитет населения

К середине 1920-х гг. позиции Советской власти выглядели достаточно стабильными: одержана победа над политическими противниками («белым движением», иностранными интервентами, оппозиционными партиями), подавлены антибольшевистский мятеж в Кронштадте, антикоммунистические крестьянские восстания в Тамбовской губернии, Поволжье и Сибири. Был преодолен (хотя и с огромными жертвами) массовый голод в ряде регионов страны, провозглашена новая экономическая политика, несколько улучшилось (после Генуэзской конференции 1922 г.) международное положение.

А поскольку извне на власть большевиков открыто никто уже не посягал, объектом новых карательных акций стали свои же однопартийцы, вчерашние соратники по революционной борьбе и внесудебным расправам, а затем – и самые широкие массы населения. Главными аргументами и инструментами при этом служили аресты, тюрьмы, ссылки и концлагеря.

В результате воздействия популистской пропаганды многие люди воспринимали репрессии как совершенно справедливую «революционную расправу», которая совершалась во имя некоего «светлого будущего».

Однако, как и во все времена, находились среди россиян люди, которые хотели достойно и по справедливости жить сегодня, не откладывая это на неопределенное будущее. «Нам масло надо, а не социализм», – единодушно заявили 6 сентября 1927 г. рабочие Путиловского завода в Ленинграде, собравшиеся на свою кооперативную конференцию.

GULAG as the inevitability of the development of the Soviet system (the 1920s)

V.A. Berdinskikh

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar
bva.prof@mail.ru

Abstract

The paper reveals the main problems and prerequisites to formation of the GULAG (Chief Administration of Corrective Labour Camps) in the 1920s. The specificity of this period of history is described in detail. The author utilizes an extensive material of letters, diaries and other private sources. The analysis of statistical data allows to trace the main formation trends of the totalitarian system of Stalinism. On the example of SLON (Solovetsky Special Purpose Camp), the author shows characteristic features of the GULAG system.

Keywords:

GULAG, SLON, Russia, the 1920s, population mentality

Как сообщалось Ленинградским отделом ОГПУ, «рабочие выявили такое озлобление по поводу плохого снабжения, что конференция по резкости выступлений, по самовольности и количеству хулиганских выпадов вполне могла быть отнесена к явлениям исключительного порядка»[1].

Какой же виделась советская действительность 1920-х гг. современникам? Наглядное представление об этом можно получить из перлюстрированных (просмотренных цензурой ОГПУ) писем. 40 тыс. копий таких писем за 1924–1925 гг. хранятся, например, в бывшем Ленинградском партийном архиве (ныне – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга – ЦГАИСПД СПб) [2].

Городские жители рассуждали о Советской власти и Коммунистической партии, о состоянии народного образования и культуры, их беспокоил рост преступности и безработица. Жителей села больше всего волновали пьянство, поведение местных властей, постановка народного образования, уровень жизни и работа кооперации. Красноармейцы в первую очередь писали о службе, положении с питанием и обмундированием, о дисциплине. Повседневная действительность не слишком радовала рядового советского человека середины 1920-х гг.

В мае 1924 г. некто Н.К. Тихонов (очевидно, крестьянин) из Смоленской губернии писал родственникам в Ленинград: «Налогу с меня в нынешнем году (начислили) 66 рублей золотом, за межевание 20 рублей ... Что-либо продайте, но мне эти деньги нужны во что бы то ни стало.

Не жри, не спи, а отдай и не разговаривай, а иначе опишь имущества и продажа с аукциона. Да еще год или полтора тюрьмы дадут за налог (за неуплату налога. – В.Б.)». Ему вторило письмо из Ярославской губернии: «Дорогой сын, мы все разуты и раздеты. Что собрано с поля, вряд ли хватит покрыть долги. От Пасхи мяса не видели и вкуса не знаем, а работаем, как черти <...>. Вроде золотой рыбки приходится жить в разбитом корыте».

Особенно тяжело было в полосе неурожая, охватившего около 20 губерний России. Из Тамбовской губернии в мае 1925 г. сообщали родственнику, служившему в армии: «Кругом, на сто верст, сильный голод. Ходят милостыню просить, но подать некому. У многих ничего не сеяно и озимых нет. Продадут свои последние вещи и инвентарь и скот, которое все не ценится и покупать некому. Хлеб стоит 4 рубля пуд, а лошадь 30 рублей, а корова 15 рублей. Государство понемногу дает семена слабым, но этого слишком мало <...>. Большая ненависть и зло к тому, у кого хлеб есть».

Еще более тяжелой представлялась жизнь деревни постороннему наблюдателю. В октябре 1925 г. неизвестная женщина писала в Эстонию: «Так близко я никогда с крестьянами не жила <...>. Спят на полу вповалку, удивлены, зачем у нас кровати. Вытираются такой грязной тряпкой, что пол такой не моют. Едят щи пустые и картошку. Масло, яйца, телят и свиней продают <...>. Русские мученики. Покрываются шубами-половиками <...>. Салфетки постилают два раза в году. В лекарства не верят, знахари приезжают <...>. Кажется мне, что я живу не в 20-м веке, а в 8-м, до Крещения Руси».

Многих горожан пугала безработица и огорчала низкая зарплата. В июле 1924 г. неизвестная ленинградка писала в Южную Америку: «Эта жизнь в борьбе за черный кусок хлеба и кашу с постным маслом очертела».

О том, что многие семьи жили за чертой бедности, говорит письмо школьного работника из Ленинграда (июнь 1925 г.): «Тот, кто получает 40–50 рублей и имеет 2–3 детей, обречен на голодовку. У меня в одной школе, где дети главным образом рабочих, до 20 процентов цинготных, а все из-за питания. На картофеле и черном хлебе далеко не уйдешь. В этой же школе 88 процентов малокровных и 9 процентов туберкулезных».

Недовольны своей жизнью были не только крестьяне, рабочие и служащие, но и нэпманы. Владелица магазина в мае 1924 г. сообщала в Париж: «Вот уже несколько месяцев, как мы <...> начали снова влезать в долги <...>. Налоги и сборы превышают заработок <...>. Сегодня извещение, чтобы уплатить 50 червонцев уравнительного налога в 2 раза. Это <...> в 8 раз больше, чем в прошлое полугодие. <...> От общего бедствия нам не легче, а еще тяжелее, кругом кошмарно».

В декабре 1924 г. курянин А.В. Домостай делился со студентом ленинградского Лесного института: «Я не могу себе простить, что родился так поздно или так рано. Если бы лет на 10 раньше, то в революции и мне перепал бы кусок. А если бы лет на 10 позднее, то такой же кусок я сумел бы перехватить в будущую революцию. <...> Видишь захлебывающегося от ораторского восторга коммуниста, знай, что он, сукин сын, только потому в восторге, что получает 200–250 рублей, а дай ему 12–15 рублей, живо в ста-

не монархистов будет и так везде, мерзавец на мерзавце, подлец на подлеще. Я в этом уже убедился. <...> Взял бы я стадо этой поганой сволочи, стадо обывателей, мещан и истер бы в порошок...».

Главным бичом представлялись взятки и повальное пьянство руководства. Вот так, например, праздновали Пасху в одном из сел Подольской губернии на Украине: «Весь самогон позабрал сельсовет и пил до того, что днем и ночью было темно в их глазах. <...> Словом, по всему селу забрали до 3 с половиной ведер самогону и весь пропил Сельсовет». Из Тамбовской губернии сторонник Советской власти сообщал: «Насчет отца, так он сам первый <...> за коммунистами пойдет. Но вот если коммунисты все такие, как перед нашими глазами, то за такими трудно идти. Потому что нашим коммунистам покажи стакан самогонки, так он за тобой будет бежать хоть верст десять» [3].

Массовым явлением стали хищения с заводов и фабрик. Именно в те времена появился и укоренился на долгие годы термин «несуны». К воровству людей толкала сама жизнь. В годы «военного коммунизма», чтобы выжить, нужно было что-то продать или обменять на «черном рынке». Сначала это был домашний скраб, одежда, а потом рабочие начали уносить все, что могли, со своих предприятий. Мало что изменилось и с переходом к новой экономической политике (далее – НЭП).

В начале «нового курса» в г. Гусь-Хрустальный рабочие на общем собрании решили не воровать, пока их делегаты ездят в Москву. За эти две недели выпуск мануфактуры увеличился на 200 %. Получается, что за ворота фабрики выносились две трети продукции [4].

В печати на протяжении 1920-х гг. сообщения о мелких кражах на предприятиях мелькают довольно часто. Вот лишь несколько примеров: «При выходе с Монетного двора (в 1924 г. в Ленинграде – В.Б.) был задержан рабочий П. Каравайчик, у которого в вещевом мешке оказалось 233 золотых кружочка, предназначенных для чеканки золотой монеты. Выяснилось, что кроме этого случая Каравайчику удалось вынести с Монетного двора еще 54 кружочка, которые он продал» [5].

В 1920-е гг. обыски стали повсеместным явлением. Причем недовольство людей вызывала прежде всего несправедливость при их проведении. Некоторые категории работников были избавлены от этой унижительной процедуры: например, коммунисты, которых, как наиболее проверенных, надежных производственников, привлекали к производству обысков, или члены правления фабкома.

В одном из своих выступлений в 1923 г. Ф.Э. Дзержинский (по совместительству еще и нарком путей сообщения) упомянул, что только на Казанской железной дороге за месяц были украдены более 24 тыс. пудов грузов. Ф.Э. Дзержинский разработал целую программу борьбы с воровством, суть которой сводилась не к механическому увеличению числа охраняющих грузы, а к устранению условий, способствующих кражам: оградить станционные пути, ужесточить меры наказания (вплоть до расстрела), выдавать премии за раскрытие похитителей, увеличить скорость товарных вагонов и т.п.

Единственное, о чем не говорилось и в этой программе, и во многих ей подобных, так это о глубинных причинах, толкавших людей на преступления. Только в «Тезисах о значении и задачах железнодорожного транспорта в стране» (июнь 1923 г.) Ф.Э. Дзержинский вынужденно упомянул о необходимости поднять заработную плату железнодорожникам как самом важном условии решения проблемы [6].

Далекая от гуманности советская действительность и специфические условия армейской казармы 1920-х гг. способствовали формированию типа brutального красноармейца. Инициатива повседневной грубости и хулиганства чаще всего исходила от младших командиров, которые, в свою очередь, копировали старших начальников.

Новая армия Советской России 1920-х гг. во многом являла собой микромодель вульгарного коммунизма. Она штамповала готовые для такой системы кадры, привыкшие к беспрекословному подчинению, изощренной грубости, неприятию инакомыслия. Придя туда со своими крестьянскими представлениями и ограниченным мировоззрением, юноша покидал ее во многом другим человеком. Армия приподнимала его над массой и одновременно отрывала от нее.

Она учила его двойным стандартам: конформизму и лицемерию, терпению и угодничеству, доносительству и демагогии, власти силы и силе власти. Она формировала из него личность, но при этом лишала его чего-то более существенного – человеческого [7].

Серьезную озабоченность большевистского руководства вызывал мониторинг настроений среди молодого и подрастающего поколений. Из опрошенных в середине 1920-х гг. социологами советских школьников только 2,2 % пожелали быть коммунистами; 1,1 – политическими деятелями; 0,3 – комиссарами, тогда как учителем захотели стать 10,4 % респондентов, конторщиками – 8,9; инженерами – 5,6 %. Нашлись также потенциальные лавочники, княгини, дворянки, цари, богачи, попы [8].

Наблюдался бурный всплеск хулиганства. Причем в середине 1920-х гг. из всех задержанных хулиганов более 13 % составляли коммунисты и комсомольцы. Субlimация социального недовольства выражалась в создании многочисленных хулиганских и других неформальных ювенальных (молодежных, юношеских и даже детских) организаций: «Кружок хулиганов»; «ОДН» – Общество «Долой невинность»; «ОСА» – «Общество советских алкоголиков»; «Интернационал дураков»; «Союз хулиганов»; «Центральный комитет шпаны».

Возникали различные кружки типа «Вольница», «Лига самоубийств», где молодежь, в основном учащаяся, была готова расстаться с жизнью. Один из ведущих большевистских идеологов К. Радек вполне справедливо назвал самоубийства «термометром», показывающим лихорадочное состояние общественного организма [9].

Нараставшему недовольству широких масс населения уровнем жизни и социально-политической обстановкой в стране большевистское руководство, в котором все более прочные позиции занимал И.В. Сталин, не сумело (да и не намеревалось) противопоставить ничего, кроме нагнетания атмосферы «осажденной крепости», манипулирования жупелом «враждебного окружения», насаждения

военно-карательной дисциплины и последовательного ужесточения в связи с этим всех видов репрессий.

Так начался новый этап Гражданской войны – затяжной, необъявленной, тотальной агрессии большевистской партии и Советского государства против мирного населения своей же страны.

Сразу же после создания карательных органов Советской власти (ВЧК) в стране начинает складываться параллельная система мест заключения, предназначенная для содержания политических противников большевистского режима. До 1921 г. этой системой руководила Коллегия ВЧК, а затем – Спецотдел ВЧК-ГПУ-ОГПУ. На местах при территориальных органах ВЧК-ГПУ-ОГПУ создавались специальные комендатуры [10].

Первые лагеря на территории Советской республики появились летом 1918 г. Назывались они по-разному: концентрационные, принудительных работ, особого назначения, исправительно-трудовые и т.д. Но разные названия в реальности не меняли их сути и назначения. До апреля 1919 г. концлагеря на местах подчинялись непосредственно губернским Чрезвычайным комиссиям. Кроме того, часть заключенных направлялась в концлагеря системы Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (далее – Центропленбеж), созданной при Наркомате по военным делам РСФСР 27 апреля 1918 г. [11].

Центропленбеж располагала широкой сетью концентрационных лагерей, в которых содержались 2,2 млн военнопленных Первой мировой войны. После заключения Брестского мира (март 1918 г.) и начавшегося обмена военнопленными концлагеря Центропленбежа стали заполняться военнопленными Гражданской войны. Постановлением ВЦИК от 15 апреля 1919 г. организация лагерей принудительных работ (такое общее название было выбрано для различных типов концлагерей) поручалась губернским ЧК, а общее управление ими возлагалось на НКВД РСФСР [12].

Это решение было развито и конкретизировано Постановлением ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17 мая 1919 г. [13]. Через неделю, 24 мая, Центропленбеж была также переведена в состав НКВД. В последнем для руководства лагерями создается Отдел принудительных работ (далее – ОПР), который в дальнейшем повысил свой статус до Главного управления, несколько раз меняя названия. Постановлением ВЦИК (от 24 мая 1919 г.) ВЧК поручалось организовать лагеря принудительных работ в каждой губернии, а при необходимости – и в уездах, чтобы затем передать их ОПР.

Некоторая неопределенность ведомственной подчиненности лагерей принудительных работ (часть из них, в нарушение постановления ВЦИК от 17 мая 1919 г., оставалась до 1922 г. в ведении ВЧК) не имела большого значения, поскольку председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский с марта 1919 г. одновременно (до июля 1923 г.) возглавлял и НКВД РСФСР.

И неслучайно первыми руководителями ОПР-ГУПР НКВД были видные чекисты: М.С. Кедров (с апреля по июнь 1919 г.) и Ф.Д. Медведь (с сентября 1919 г. по февраль 1920 г.). На протяжении первого советского десятилетия шла постоянная межведомственная борьба НКВД и Наркомюста за руководство местами заключения.

При этом каждое из ведомств подчеркивало свои «сильные стороны» и выдвигало «весомые аргументы» в свою пользу. НКВД утверждал, что «располагает хорошо налаженной связью с местами заключения», а также пытался убедить, что «ГУПР сможет добиться самокупаемости мест заключения быстрее, чем НКЮ». В свою очередь Наркомюст полагал, что НКВД «игнорирует проблему перевоспитания заключенных, тогда как ЦИТО с этим вполне может справиться» [14]. После того, как 9 февраля 1922 г., в связи с ликвидацией ВЧК, было принято решение ВЦИК о передаче всех мест заключения в Наркомюст, НКВД выступил с решительным протестом по этому поводу, и уже 25 июля 1922 г. Совнарком РСФСР постановил передать все карательные-исполнительные учреждения в Наркомат внутренних дел.

Коллизия вроде бы разрешилась 12 октября того же года, когда совместным постановлением Наркомюста и НКВД было организовано Главное управление мест заключения (далее – ГУМЗ) в составе Наркомвнудела. Возглавил этот вновь образованный Главк бывший руководитель ЦИТО Наркомюста Е.Г. Ширвиндт, который оставался на этой должности до 15 декабря 1930 г., т.е. вплоть до ликвидации ГУМЗа.

Тем не менее это не предотвратило дальнейших попыток Наркомюста вновь подчинить себе систему исполнения наказаний. И в начале 1930-х гг. это ведомство, казалось бы, добилось реванша: после ликвидации с 15 декабря 1930 г. республиканских НКВД подведомственные им места заключения перешли в подчинение республиканских наркоматов юстиции.

Этот вопрос был предreshен постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1930 г. № П14/7 «Об упразднении республиканских НКВД». В документе, в частности, говорилось: «... Руководство уголовным розыском и милицией передать ОГПУ, а заведывание местами заключения органам Наркомюста» [15].

Для руководства обозначенными «местами» в союзных республиках были созданы Главные управления исправительно-трудовых учреждений (далее – ГУИТУ). Некоторые отступления от общей системы управления местами лишения свободы были санкционированы лишь для Закавказья.

Однако в 1934 г. вся система мест заключения вновь вернулась в структуру органов внутренних дел и пребывала там (с некоторыми незначительными перерывами) вплоть до 1998 г.

По состоянию на 1922 г. в системе ГУМЗ НКВД РСФСР функционировало: домов заключения и тюрем – 105; сельскохозяйственных колоний – 35; исправительных домов и домов лишения свободы – 207; трудовых домов для несовершеннолетних – 3; больниц – 5. Из них 23 учреждения имели общегосударственное назначение.

Общее число заключенных достигало 68 297 чел. [16]. Этапным явлением в истории советской карательной системы стало оформление уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

12–26 мая 1922 г. 3-я сессия ВЦИКа РСФСР X созыва рассмотрела проект первого Уголовного кодекса РСФСР. Принципиальной «новацией» этого документа явилось

(впервые в мировой юридической практике) введение в Особенную часть (по составу «Государственные преступления») отдельной главы («О контрреволюционных преступлениях», статьи 57–73), которая устанавливала уголовную ответственность, обусловленную не правовыми, а политико-идеологическими мотивами.

Вновь принятый Уголовный кодекс РСФСР предусматривал применение смертной казни в 38 случаях. В частности, расстрел мог быть назначен: за «контрреволюционные преступления» – в 13 случаях, за преступление против порядка управления – в шести, за должностные преступления – в пяти случаях.

26 ноября 1926 г. вторая сессия ВЦИКа РСФСР XII созыва приняла новый Уголовный кодекс РСФСР, который был введен в действие Постановлением ВЦИКа РСФСР с 1 января 1927 г. Новый УК РСФСР предусматривал применение смертной казни за 37 видов преступлений, в том числе: за «контрреволюционные» – по 13 статьям, против порядка управления – по шести, за должностные преступления – по пяти, за хозяйственные и имущественные преступления – по одной, за воинские преступления – по 11 статьям.

Минимальный срок лишения свободы был установлен в пределах одного дня.

«Контрреволюционные преступления» квалифицировались по статье 58 (пункты 1–14), включенной в главу 1 «Преступления государственные» Особенной части УК (глава 1 была введена в действие с принятием 25 февраля 1927 г. 3-й сессией ЦИК СССР «Положения о преступлениях государственных»).

Перечень «контрреволюционных» статей (в самом сжатом виде) может быть представлен следующим образом: статья 58-1 – «понятие контрреволюционного преступления»; 58-1а – «измена родине»; 58-1б – «измена родине, совершенная военнослужащим»; 58-1в – «ответственность членов семьи в случае побега или вербовки за границу военнослужащего»; 58-1г – «недонесение военнослужащими об измене родине»; 58-2 – «вооруженное восстание»; 58-3 – «сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством»; 58-4 – «помощь международной буржуазии в осуществлении враждебной деятельности против СССР»; 58-5 – «склонение иностранного государства к неприязненным действиям против СССР»; 58-6/1 – «шпионаж»; 58-7 – «экономическая контрреволюция (вредительство)»; 58-8 – «террористические акты»; 58-9 – «диверсионные акты»; 58-10/1 – «контрреволюционная пропаганда и агитация»; 58-11 – «контрреволюционная организационная деятельность»; 58-12 – «недонесение о контрреволюционном преступлении»; 58-13 – «активная контрреволюционная деятельность при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны»; 58-14 – «контрреволюционный саботаж» [16].

При этом «контрреволюционным» признавалось «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основ-

ных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции», а «в силу международной солидарности интересов всех трудящихся» такие же действия считались «контрреволюционными» и тогда, «когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР» [17].

Как видим, вновь принятым советским уголовным законодательством предоставлялось карательным органам практически неограниченное пространство для толкований понятия «контрреволюционности».

Уголовный кодекс РСФСР с 1926 г. действовал в Казахской, Киргизской, а с 1940 г. – в Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. В остальных союзных республиках были приняты собственные уголовные кодексы, в которых дублировалась трактовка «контрреволюционных преступлений», принятая Уголовным кодексом РСФСР, варьировалась только нумерация статей.

Отметим также, что в исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1924 г. (как и в Уголовном кодексе 1926 г.) не было терминов «тюрьма» и «лагерь» (в том числе «концентрационный лагерь», либо «лагерь принудительных работ», либо «исправительно-трудовой лагерь» и т.п.).

Но в реальности таковые существовали, функционировали и руководствовались в своей деятельности не законодательными установлениями, а различными подзаконными ведомственными актами, издаваемыми самими же карательно-применительными органами – ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД и др.

По официальным данным, в начале 1920-х гг. имелись пять типов лагерей принудительных работ: лагеря особого назначения; концентрационные лагеря общего типа; производственные лагеря; лагеря для военнопленных; лагеря-распределители.

В документах НКВД термины «лагерь принудительных работ» и «концентрационный лагерь» часто использовались как синонимы. Первые учреждения такого типа были открыты в 1918 г. в Москве: Андроньевский, Ивановский, Владыкинский, Новоспасский и др. [18].

К концу 1920 г. в РСФСР насчитывалось 84 лагеря, расположенных в 43 губерниях. Общая численность заключенных составляла около 50 тыс. чел., половина из них – военнопленные Гражданской войны. Через год количество открытых по всей России лагерей увеличилось до 132. Из них 106 были распределены между 43 губернскими подотделами принудительных работ (далее – ГУПР), а остальные 26 лагерей приходились на Сибирь и автономные области.

Лагеря насчитывали в этот период от 40 до 60 тыс. заключенных. Во второй половине 1921 г. по составу преступлений заключенные ГУПРа делились: на уголовные – 28,5 %; совершившие противообщественные преступления (пьянство, проституция, праздношатание и пр.) – 18,3; контрреволюционеры – 16,9; совершившие должностные преступления – 8,7; военные дезертиры – 8,5; следственные за ЧК – 5,4 %; нарушители границы – 2,1; шпионы – 1,9; прочие – 9,7.

Таким образом, около 35 % узников лагерей того времени относились к числу репрессированных за «контрреволюцию» [19]. Режим содержания в лагерях принудительных

работ в 1920-е гг. отличался от того, который установился десятилетием позже. Продолжительность рабочего дня составляла 8 ч. Труд заключенных оплачивался по расценкам профсоюзов и не должен был отличаться от оплаты труда вольнонаемных. Тем, кто зарекомендовал себя безупречным поведением, разрешалось проживание на частной квартире – являться в лагерь надлежало только в часы работы. Широко использовалось досрочное освобождение.

Попытаемся проследить реальную историю и жизнедеятельность отдельно взятого лагеря в начале 1920-х гг. Речь идет о концлагере (лагере принудительных работ), находившемся в губернском городе Вятке. Этот лагерь был организован в феврале 1919 г. под наблюдением местной ЧК и первоначально размещался в Вятском исправительном рабочем доме. 28 апреля 1919 г. его перевели в здание Вятской губернской тюрьмы.

По существовавшим установлениям, лагерь предназначался для лиц, «кои по несознательности или слабости (корысти) совершили то или иное преступление (саботаж, спекуляция, преступление по должности и др.), и для заведомых угнетателей и эксплуататоров трудового народа и контрреволюционного элемента».

Все эти люди должны были «в труде и труде рационально искупить свою вину и подготовиться к новой жизни». Количество заключенных в лагере зависело от удаленности фронта Гражданской войны: в июне 1919 г. их было 312, а в январе 1920 г. – только 88. 26 ноября 1919 г. концлагерь передали во ведение отдела по управлению губернией при губисполкоме.

Концлагерь должен был содержаться трудом самих заключенных. Их назначали на работы как на территории лагеря, так и за ее пределами. Занимались не только физическим, но и «умственным» трудом: специалисты служили в различных советских учреждениях. А в 1920 г. вообще вся канцелярия подотдела общественных работ при отделе управления губернией состояла из содержащихся в лагере заключенных. Обязанности секретаря в этой канцелярии исполнял В.Г. Куракин, бывший член партии эсеров-интернационалистов, арестованный в 1918 г. за «контрреволюционную деятельность». Работали по 8 ч, сверхурочные и ночные работы могли вводиться лишь с соблюдением трудового законодательства.

Продовольственный паек для заключенных должен был соответствовать нормам питания для лиц, занятых физическим трудом. Оплата труда осуществлялась по ставкам профсоюза, соответствующего роду деятельности заключенного. Из заработка вычиталась стоимость содержания (продовольствие, одежда, расходы по помещению, содержание администрации, караула). Оставшиеся деньги (не менее четверти заработка) шли заключенному на его расчетную книжку. Заключенные избирали своего старосту, который являлся посредником между узниками и руководством лагеря.

Каждому заключенному предоставлялось право обжаловать неправильные действия администрации. Для этой цели заводилась книга жалоб, которая должна была храниться у старосты и предоставляться отделу управле-

ния и лицам, имеющим право ревизии лагеря. Свидания с заключенными устраивались в воскресные и праздничные дни: для ближайших родственников (супруги, родители, дети, братья, сестры) – без особого разрешения, для остальных – с санкции администрации.

Концлагерь существовал в нелегких условиях. Зарабатываемые средства не покрывали нужд администрации и заключенных, приходилось обращаться за помощью в «центр». Не хватало спальных принадлежностей и матрацев, одежды и обуви. В связи с демобилизацией Красной армии в 1920 г. возникают проблемы с охраной лагеря. Недоставало средств на содержание необходимого количества надзирателей. В 1921 г. обязанности их несли бывшие белогвардейские пленные, переведенные в Красную армию. На внешние работы заключенные отправлялись практически без охраны.

Но побегов, в общем, случалось немного – возможно, и потому, что за первый побег наказание увеличивалось до 10-кратного размера, а за вторым побегом следовал ревтрибунал, который мог применить уже и «высшую меру». Кроме того, в лагере действовала «круговая порука» – солидарная ответственность заключенных за соблюдение режимных требований.

Для облегчения материального положения лагеря в феврале 1921 г. были созданы мастерские. Благодаря этому он перестал значиться убыточным. Появляется даже возможность снятия его с государственного снабжения и перевода на «самоснабжение». В апреле 1922 г., в связи с окончанием Гражданской войны, Вятский лагерь принудительных работ (концлагерь) был закрыт [20].

Но лагерная система продолжала функционировать и проявляла устойчивую тенденцию расширения. 1 января 1922 г. эта система была снята с денежного государственного снабжения и переведена на принцип самоокупаемости.

Знаковым событием в истории советской карательной-репрессивной системы явилась организация в 1922–1923 гг. огромного лагеря на Соловецких островах в Белом море, расположенных недалеко от Архангельска. На главном из этих островов издревле находился крупнейший православный монастырь – со всеми его атрибутами, включая знаменитую монастырскую тюрьму. После изгнания из монастыря монахов, ГПУ, по поручению высшего советского руководства, устроило на Соловецких островах концлагерь, получивший название СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения.

Первые заключенные прибыли сюда из лагерей в Холмогорах и Пертоминске в начале июля 1923 г. К концу этого года в лагере находились 4 тыс. заключенных, в 1927 г. – 15 тыс., а к концу 1928 г. – 38 тыс. [20].

Одной из особенностей лагерной системы Соловков было так называемое «самоуправление»: кроме начальника и нескольких других ответственных постов, все административные «должности» в этом лагере занимали заключенные. В подавляющем большинстве это были бывшие сотрудники ГПУ, осужденные за серьезные проступки, связанные с превышением власти. Понятно, что осуществляемое такими лицами «самоуправление» оборачивалось настоящим произволом, и прежде всего – по отношению к

политическим заключенным, или так называемым «контр-революционерам».

Последние, обязанные проживать совместно с уголовниками, устанавливающими свои порядки в лагере, подвергались чудовищным издевательствам, голодали, мерзли зимой, а летом их буквально пожирала мошка и комары.

Позднее лагерь на Соловках был реорганизован в УС-ЛОН (Управление Соловецкими лагерями особого назначения), широко шагнул на континент, а в 1926–1927 гг. появились лагеря в устье р. Печоры, Коми крае и в других местах Европейского Севера страны.

Есть все основания полагать, что именно с организации Соловецкого лагеря началась замена «импровизированных» лагерей периода Гражданской войны продуманной системой подневольно-принудительных работ, формирование и приведение в действие огромного и чудовищного «ис-требительно-трудового» механизма этой системы (ГУЛАГа).

Источники и литература

1. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои / под. ред. И.В. Добровольского. – Франкфурт-на-Майне – Москва, 1999. – С. 14.
2. ЦГАИСПД СПб. – Ф. 16. – Оп. 5. – Д. 5911–5916; Оп. 6. – Д. 6934–6947.
3. Измозик, В. НЭП через замочную скважину. Советская власть глазами советского обывателя / В. Измозик // Родина. – 2001. – № 8. – С. 81–87.
4. Павлюченков, С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы / С.А. Павлюченков. – Москва, 1997. – С. 154.
5. Красная газета. – 1924. – 23 сент.
6. Дзержинский, Ф.Э. Избранные произведения. В 2-х т. Т.1 / Ф.Э. Дзержинский. – Москва, 1977. – С. 237, 299–300, 348, 405, 437.
7. Рожков, А. Под диктовку политруков. Мир и мирок красноармейца 1920-х годов / А. Рожков // Родина. – 2001. – № 4. – С. 60–65.
8. Рыбников, Н.А. Интересы современного школьника / Н.А. Рыбников. – Москва–Ленинград, 1926. – С. 12, 24.
9. Рожков, А. Интернационал дураков / А. Рожков // Родина. – 1999. – № 12. – С. 61–66.
10. Тряхов, В.Н. ГУЛАГ и война. Жестокая правда документов / В.Н. Тряхов. – Пермь, Пушкин, 2005. – С. 19.
11. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: справочник / сост. М.Б. Смирнов. – Москва: Звенья, 1998. – С. 11.
12. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; науч. ред. В.Н. Шостаковский. – Москва: Материк: Межд. фонд "Демография", 2002. – С. 15–16.
13. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: справочник / сост. М.Б. Смирнов. – Москва: Звенья, 1998. – С. 13.
14. Архив Президента РФ. – Ф. 3. – Оп. 58. – Д. 165. – Л. 132.
15. Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк / подгот. В.Ф. Некрасов [и др.]. – Москва, 1996. – С. 347.

16. Таблица соответствия уголовных кодексов РСФСР и республик бывшего СССР. – Приложение к указанию Министерства социальной защиты населения Российской Федерации от 24.03.1993 г. № 1-27-У «О практике применения законодательства при выплате денежных компенсаций и предоставлении пенсионных льгот лицам, необоснованно репрессированным по политическим мотивам и впоследствии реабилитированным» (Зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации 14.04.1993 г., регистрационный номер 227) // Бюллетень нормативных актов Российской Федерации. 1993. № 7; Пенсионное законодательство. Сборник документов. – Москва: СПАРК, 1996. – С. 294–296; Уголовный кодекс РСФСР. – Москва, 1957. – С. 26–32.
17. Ширвиндт, Е.Г. К сорокалетию исправительно-трудовой политики Советского государства / Е.Г. Ширвиндт. – Москва: НИО ИТК МВД СССР, 1957. – С. 54.
18. ГАРФ. – Ф. 4042. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 71–75.
19. Касимова, Э. Вятский концлагерь / Э. Касимова // Пано-рама. – 1991. – № 1. – С. 36–38.
20. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. – Москва: Три века истории, 2001. – С. 148.
10. Tryakhov, V.N. GULAG i vojna. Zhestokaya pravda dokumentov [GULAG and the war. Cruel truth of documents] / V.N. Tryakhov. – Perm: Pushka, 2005. – P. 19.
11. Sistema ispravitelno-trudovykh lagerej v SSSR. 1923–1960: Spravochnik [System of forced labor camps in the USSR. 1923–1960: Handbook] / Comp. M.B. Smirnov. – Moscow: Zvenya, 1998. – P. 11.
12. GULAG: Glavnoe upravlenie lagerej. 1918–1960 [GULAG: General directorate of camps. 1918–1960] / Comp. A.I. Kokurin, N.V. Petrov; scientific ed. V.N. Shostakovskiy. – Moscow: Materik: "Demography" Intern. Foundation, 2002. – P. 15–16.
13. Sistema ispravitelno-trudovykh lagerej v SSSR. 1923–1960: Spravochnik [System of forced labor camps in the USSR. 1923–1960: Handbook] / Comp. M.B. Smirnov. – Moscow: Zvenya, 1998. – P. 13.
14. Arhiv prezidenta RF [Archive of the President of the RF]. Fonds 3. Inventory 58. File 165. Sheet 132.
15. Organy i vojska MVD Rossii: Kratkij istoricheskij ocherk [Organs and troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Short historical essay] / Prepared V.F. Nekrasov [et al.]. – Moscow, 1996. – P. 347.
16. Table of conformity of the Criminal Codes of the RSFSR and the republics of the former USSR. – Appendix to the decree of the Ministry of Social Protection of the Population of the Russian Federation dated 24.03.1993 № 1-27-U "O praktike primeneniya zakonodatelstva pri vyplate denegzhnykh kompensacij i predostavlenii pensionnykh lgot li- cam, neobosnovanno repressirovannym po politicheskim motivam i vposledstvii reabilitirovannym [On the practice of payment of monetary compensation and provision of pension benefits to persons unreasonably repressed for political reasons and subsequently rehabilitated]" (Reg- istered in the Ministry of Justice of the Russian Feder- ation of 14.04.1993, registration number 227) // Bulletin of Normative Acts of the Russian Federation. – 1993. – № 7; Pension legislation. Collected documents. – Moscow: SPARK, 1996. – P. 294–296; Criminal Code of the RSFSR. – Moscow, 1957. – P. 26.
17. Shirvindt, E.G. K sorokaletiyu ispravitelno-trudovoj poli- tiki Sovetskogo gosudarstva [To the fortieth anniversary of the correctional labor policy of the Soviet state] / E.G. Shirvindt. – Moscow: NIO ITK MVD SSSR, 1957. – P. 54.
18. GARF (State Archive of the Russian Federation). – Fonds 4042. – Inventory 2. – File 1. – Sheets 71–75.
19. Kasimova, E. Vyatskij konclager' [Vyatka concentration camp] / E. Kasimova // Kirov: Panorama, 1991. – № 1. – P. 36–38.
20. Chernaya kniga kommunizma. Prestupleniya, terror, re- pressii [The black book of communism. Crimes, terror, re- pressions] / Ed. I.Yu. Belyakova. – Moscow: Tri veka istorii [Three centuries of history], 2001. – P. 148.

References

1. GULAG: ego stroiteli, obitateli i geroi [GULAG: its builders, inhabitants and heroes] / Ed. I.V. Dobrovolsky. – Frank- furt-am-Main – Moscow, 1999.
2. CGAHIPD SPb [Central State Archive of Historical-Politi- cal Documents of Sankt-Petersburg]. Fonds 16. Inventory 5. File 5911–5916; Inventory 6. File 6934–6947.
3. Izmozik, V. NEP cherez zamochnyu skvazhinu. Soviet- skaya vlast' glazami sovetskogo obyvatel'ya [NEP (New Economic Policy) through the keyhole. The Soviet regime as seen by the eyes of a Soviet philistine] / V. Izmozik // Rodina [Homeland]. – 2001. – № 8. – P. 81–87.
4. Pavlyuchenkov, S.A. Voennyj kommunizm v Rossii: vlast' i massy [Military communism in Russia: power and the masses] / S.A. Pavlyuchenkov. – Moscow, 1997. – P. 154.
5. Krasnaya gazeta [Red Newspaper]. 23 September, 1924.
6. Dzerzhinsky, F.E. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Vol. 1 / F.E. Dzerzhinsky. Moscow, 1977. – P. 237, 299–300, 348, 405, 437.
7. Rozhkov, A. Pod diktovku politrukov. Mir i mirok kras- noarmejca 1920-h godov [Under the dictation of political instructors. The world and little world of the Red Army soldier of the 1920s] / A. Rozhkov // Rodina [Homeland]. – 2001. – № 4. – P. 60–65.
8. Rybnikov, N.A. Interesy sovremennogo shkol'nika [In- terests of a modern schoolboy] / N.A. Rybnikov. – Mos- cow–Leningrad, 1926 – P. 12, 24.
9. Rozhkov, A. Internacional durakov [International of fools] / A. Rozhkov // Rodina [Homeland]. – 1999. – № 12. – P. 61–66.

Благодарность (госзадание)

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «ГУЛАГ как неизбежность развития советской системы (1920-е годы)» (№ государственного учета 122040800166-0).

Информация об авторе:

Бердинских Виктор Аркадьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; Российская Федерация, 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: bva.prof@mail.ru).

Author:

Viktor A. Berdinskikh – Doctor of Sciences (History), Chief Researcher at the Institute of Language, Literature and History FRC Komi SC UB RAS (Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation, 167982; e-mail: bva.prof@mail.ru).

Для цитирования:

Бердинских, В.А. ГУЛАГ как неизбежность развития советской системы (1920-е годы) / В.А. Бердинских // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 103–110.

For citation:

Berdinskikh, V.A. Gulag kak neizbezhnost' razvitiya sovetstkoj sistemy (1920-e gody) [GULAG as the inevitability of the development of the Soviet system (the 1920s)] / V.A. Berdinskikh // Proceeding of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 103–110.

Дата поступления рукописи: 20.01.2023

Прошла рецензирование: 27.01.2023

Принято решение о публикации: 27.01.2023

Received: 20.01.2023

Reviewed: 27.01.2023

Accepted: 27.01.2023

Трансформация социальной роли женщины, семьи и брака в многонациональной России 1920-х годов

С.А. Кропачев

Институт российской истории РАН,
г. Москва
rektor@eipk.info

Аннотация

Статья посвящена эволюции роли женщины в обществе, институтов семьи и брака в России после революционных событий 1917 г. В 1920-е гг. развитие матримониальных отношений имело либеральную направленность и проходило под условным девизом «меньше государства». Рассматриваются вопросы легитимизации фактического (гражданского) брака, который в 1927–1944 гг. в РСФСР имел такой же статус, как и брак, зарегистрированный в государственных органах. Анализируются вопросы социального статуса сельской женщины и особенности матримониального поведения крестьянского населения. Подчеркивается, что последние были в меньшей степени подвержены влиянию революционных идей о свободных формах отношений между мужчиной и женщиной и новой половой морали. Деревня с ее институтами социального (общественного) контроля консервировала традиционный уклад жизни сельских жителей и укоренившиеся типы воспроизводства населения в 1920-х гг. в условиях смягчения экзогенных факторов.

Ключевые слова:

социальная роль женщины, семья, брак, матримониальное поведение, РСФСР, 1920-е гг.

Под влиянием Октябрьской революции 1917 г. передовые идеи о роли женщины в обществе, институтах брака и семьи, которые активно распространялись в конце XIX–начале XX вв., отчасти были воплощены в Советской России. Секуляризация брака, провозглашенная в декретах «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и «О расторжении брака» (декабрь 1917 г.), подорвала правовую основу патриархальной семьи. Все дела о браке и разводе изымались из ведения церковных органов и передавались органам государственным. В Семейном кодексе РСФСР 1918 г. провозглашалось, что «только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов» [1, с. 87].

Все социальные, сословные, религиозные, национальные ограничения, связанные со вступлением в брак и его расторжением, отменялись. Закреплялось равноправное

Transformation of the social role of woman, family and marriage in multinational Russia of the 1920s

S.A. Kropachev

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow
rektor@eipk.info

Abstract

The paper is devoted to the evolution of the role of a woman in society, family and marriage institutions in Russia after the revolutionary events of 1917. In the 1920s, the development of matrimonial relations had a liberal orientation and was held under the conditional motto “less state”. The issues of legitimization of an actual (civil) marriage, which had the same status as a marriage registered in the state bodies in the RSFSR of 1927–1944, are considered. The social status of rural women and the matrimonial behavior of the peasant population are analyzed. It is emphasized that rural women were less influenced by revolutionary ideas about free forms of relations between men and women and the new sexual morality. The village with its institutions of social (public) control preserved the traditional way of life of rural residents and entrenched reproduction types of population in the 1920s, in conditions of mitigation of exogenous factors.

Keywords:

the social role of a woman, family, marriage, matrimonial behavior, the RSFSR, the 1920s

положение супругов в обществе, браке и семье. Женщина формально становилась юридически свободной.

В Советской России начался период, продолжавшийся примерно до середины 1930-х гг., когда развитие брачно-семейных отношений имело ярко выраженную либеральную направленность. В советском обществе идеи об освобожденной женщине, о том, что семья, брак, половая мораль будут кардинально отличаться от норм общества буржуазного, распространялись широко и активно.

В работах А. Коллонтай, А. Луначарского, И. Арманд и других романтизировались свободные формы отношений между мужчиной и женщиной, новая половая мораль, институт гражданского (фактического) брака. Последний распространялся в России быстро, особенно среди молодежи крупных городов. Зарегистрированные государственные браки не покрывали всех случаев возникновения фактических брачных отношений. Происходило это, в

том числе, из-за дефицита мужчин на брачном рынке. Так, в 1923 г. в стране насчитывалось около 100 тыс. незарегистрированных (фактических) браков [1, с. 87].

Либерализация матримониальных отношений, зреющая революция во взаимоотношениях полов, признание того, что фактический и зарегистрированный браки ничем не отличаются, имели вполне законченные юридические последствия. Государство признало фактический брак. Данная правовая форма, как известно, была зафиксирована в Кодексе законов о браке, семье и опеке, принятом в 1926 г. на сессии ВЦИК РСФСР. Новый Кодекс был введен в действие с 1 января 1927 г.

Институт фактического брака просуществовал в Советском Союзе с 1927 по 1944 г. и имел широкое распространение. Так, по переписи населения 1937 г. в СССР в браке состояло 64 561 843 мужчин и женщин. При этом мужей было на 1 459 159 чел. меньше, чем жен, состоявших в браке (или считавших себя таковыми). Это стало следствием легитимизации незарегистрированного брака, а также института многоженства, существовавшего в Казахстане, Киргизии (до 1936 г. входили в состав РСФСР), Дагестане и на Северном Кавказе, подлинными размерами которого установить весьма сложно [2, с. 82].

В 1920–1930-е гг. в РСФСР одновременно существовали три формы брака: церковный, государственный и фактический. При этом церковный брак был весьма распространен, наряду с другими формами брака. Так, рабочие Нижнего Тагила в 1917–1921 гг. в основном заключали церковный брак (90 %), в 1922–1924 гг. таких брачных союзов было только 40 %. Активная борьба советской власти с религией и церковью, трансформация религиозного сознания свели на нет церковные браки в конце 1930-х гг. [3, с. 36].

В целом, в 1920-е гг. институт семьи и брака в России не претерпел значительных изменений, несмотря на новые политические, социальные условия и принятые законы. Большинство народов находилось на стадии традиционного типа воспроизводства населения, что означало раннее вступление в брак как для мужчин, так и для женщин, преобладание многодетных патриархальных семей, фактическое неприменение аборт, табу на разводы и т.д.

Традиционной была и роль женщины в семье и обществе. Старая система брачно-семейных отношений стала разрушаться в 1930-е гг. под влиянием сложных экзогенных факторов. Коллективизация, индустриализация, депортации, вынужденная миграция, массовый голод, репрессии, невиданные темпы урбанизации, активная борьба с церковью привели к быстрому освобождению семейных отношений от механизмов социального ограничения, снижению влияния религии, исчезновению повседневного общественного деревенского контроля. Последний играл весьма важную роль в повседневной жизни российской деревни, где проживало в середине 1920-х гг. 82,7 % всего населения страны. Миллионы крестьян, хлынувшие в города и на стройки первых пятилеток в конце 1920-х–1930-е гг., стали быстро усваивать более свободный стиль матримониального поведения [1, с. 89, 90]. Следствием всего этого стало резкое увеличение разводов и неполных семей, снижение рождаемости, рост числа искусственных абортов.

Массовый характер приобрела детская беспризорность и безнадзорность.

Нужно отметить, что не все вековые традиции и обычаи в сфере семейно-брачных отношений исчезли. Многие живы до сих пор, особенно у народов Дагестана и Северного Кавказа. Так, у адыгейцев, проживающих в Республике Адыгея и Краснодарском крае, обязательной нормой поведения как для сельских, так и для городских жителей, является полное отсутствие на протяжении всей жизни контактов между зятем и тещей, запрет на участие родителей невесты на ее свадьбе, сохранение обычаев «кражи» (умыкания) невесты (как правило, по предварительной договоренности) и т.д.

Вернемся в относительно благополучные 1920-е гг. Эволюция социальной роли женщины в семье и обществе тормозилась рядом объективных и субъективных причин. Среди них были укоренившиеся вековые традиции, институты общественного контроля, безграмотность, многодетность, религиозность, отсутствие веры в себя и др. В сельской местности особенно незавидным было положение молодой бездетной женщины, вышедшей замуж и переехавшей к мужу в большую крестьянскую семью, где в одной избе проживали, как правило, представители трех-четырех поколений. Она занимала (не считая детей) низшую, наименее почетную, социальную ступень в семейной иерархии. Выше нее стояли «молодки» – молодые женщины, имеющие детей, неженатые юноши (парни), молодые женатые мужчины, пожилые («взрослые») женщины и венчал эту пирамиду пожилой мужчина, глава большой крестьянской семьи. Молодая замужняя бездетная женщина («молодица», «водворка», «молодуха», «молодайка» и др.) не была полностью бесправной, но ее положение было весьма незавидным. Кем она являлась? Добровольной домашней слугой, челядью, дворовой девкой, крепостной? Ни одно определение не подходит к ее социальному статусу. Вместе с тем, в ее новой жизни, в семье мужа, она испытывала на себе элементы ограничений и притеснений, тяжелого крестьянского труда, которые сопровождали жизнь всех перечисленных выше сельских тружеников в разные исторические эпохи.

К выбору невесты в России до 1917 г. и в первые десятилетия советской власти подходили очень серьезно. Это был своего рода капитал, выгодное приобретение, от которого ждали прибавления семейства, а значит, и новых работников. «Молодуха» была словно хлеб, плодородной и жизненно важной для всей семьи. В процедуре сватовства, смотрин (в Вятской губернии она называлась Советом) главная роль отводилась родителям жениха. Именно его отец и мать делали окончательный вывод о качествах невесты и за ними было последнее слово. Но при этом согласие невесты тоже имело значение. Никого, как правило, насильно замуж не выдавали.

Бабушка автора данной статьи Наталия Леонтьевна Татаринова (в девичестве Зайцева) 1904 года рождения, вышла замуж в 1924 г. за Александра Егоровича Татаринова, к сожалению, очень рано ушедшего из жизни, в 1933 г. Было это в дер. Зайцы Котельничского уезда Вятской губернии. Сначала молодая семья проживала в доме мужа, в дер.

Большие Татары. Н.Л. Татаринова была красивой, работающей девушкой и много раз ее сватали. Однако, как она с гордостью говорила, на Совете она согласилась выйти замуж только за 20-го по счету жениха.

Роль новоиспеченного мужа в семье также была незавидной. В XVIII–XIX вв. молодых крестьян призывали в рекруты, а затем им приходилось заниматься отхожим промыслом вне места постоянного проживания. Сезонная работа крестьян (отходничество) в Российской империи составляла один из значительных источников дохода сельского населения.

В 1920–1930-е гг., с началом коллективизации, многие крестьяне устремились в города. Они ехали за новой, лучшей жизнью, спасаясь от раскулачивания и голода. С введением паспортов в 1932 г. крестьяне не могли свободно покидать деревню. Но в годы первых пятилеток руководство строящихся фабрик, заводов, электростанций имело возможность организованно набирать рабочую силу из деревень («органборы», «вербовка») [4, с. 7].

Длительное отсутствие дома молодого мужа создавало многочисленные проблемы. В ряде губерний Российской империи, а потом и РСФСР, существовало такое явление, как снохачество. Оно представляло собой практику в русской деревне, а также казачьих станицах Дона [5], при которой возрастной мужчина – глава большой патриархальной крестьянской семьи, живущей в одной избе, состоял в половой связи с младшими женщинами семьи, обычно с женой своего сына (снохой). Этот факт отчасти объясняет преобладающую роль родителей жениха в процедуре сватовства и выборе невесты для сына, будущей снохи.

Но не везде снохачество имело распространение. По рассказам бабушки автора статьи, Натальи Леонтьевны Татариновой, данного явления в Котельничском уезде Вятской губернии не было. Она вспоминала тяжелый повседневный труд, бремя крестьянской жизни, но никогда даже не упоминала о домашнем насилии. Наоборот, она с теплотой говорила о своем свекре, Егоре (Георгии) Филипповиче Татаринове, который относился к ней, как к родной дочери.

Народы России в 1920-е гг. находились на разных стадиях социального, экономического и культурного развития. Эти процессы, впрочем, очень тесно связаны между собой. Так, уровень грамотности по Всесоюзной переписи населения 1926 г. в России был низким и составлял лишь 40,7 % грамотных (52,3 % у мужчин и 30,1 % у женщин) [6, с. 95]. При этом подходы, определявшие уровень грамотности населения, были весьма лояльными. Грамотным считался гражданин (начиная с 5-летнего возраста), умеющий читать по слогам и писать свою фамилию на родном или русском языке [7, с. 245].

В других советских республиках, кроме Украинской ССР, уровень грамотности был еще ниже. Например, в ЗСФСР – 27,8 %, ТуркССР – 9,6, УзССР – 7,7 % [6, с. 102, 105, 108, 109].

В Российской Федерации у жителей городов отмечался более высокий уровень грамотности, чем у сельских жителей [6, с. 95]. Мужчины были гораздо образованнее женщин. Самый высокий показатель грамотности был у мужчин (73 %), проживавших в городах, самый низкий – у сельских женщин (24,1 %) [6, с. 95; 8, с. 179].

Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала самый высокий уровень грамотности у представителей европейских народов, проживавших в СССР: у финнов – 76,0 %, латышей – 75,5, чехов и словаков – 74,3, эстов – 72,4, литовцев – 70,5, финнов ленинградских – 70,5, сербов – 61,3, немцев – 60,2, румын – 56,4, болгар – 51,5, греков – 50,3, албанцев – 46,5 % [6, с. 86]. В переписи указана еще одна собирательная группа «англичане, шведы, голландцы, итальянцы, французы и мадьяры» (83,4 % грамотных), но в силу ее малочисленности (14 920 чел.) [6, с. 86] она является лишь исключением и не может быть сопоставлена с народами, составлявшими большинство жителей СССР и РСФСР.

Высокий процент грамотности был у евреев (ашкеназов) – 72,3 %, ижоров – 60,9, евреев крымских – 58,2 %. Рекорд образованности принадлежал малочисленному тюркоязычному народу (8324 чел.), проживавшему в основном в Крыму, – караимам. Уровень их грамотности составлял 84,9 % и был одинаково высоким как у мужчин, так и у женщин [6, с. 86].

У восточнославянских народов (русские, украинцы и белорусы) показатели грамотности были намного выше, чем у большинства народов СССР и РСФСР: у русских – 45,1 %, украинцев – 41,3, белорусов – 37,3 % [6, с. 86].

Уровень грамотности зависел не только от степени развития того или иного этноса, места его проживания, но и от религиозности, традиций, достатка, семейного образования и других факторов. Так, домашнее образование, изучение родного языка было широко распространено у этнических немцев в ряде регионов России вплоть до 1970-х гг.

Ниже, чем у восточноевропейских народов, показатели грамотности были у этносов Поволжья: татар (включая черневых татар и кряшенов) – 33,4 %, чувашей – 30,7, марийцев – 26,6, башкир – 24,3, вотяков (удмуртов) – 25,6, мордовцев – 22,9 % [6, с. 86]. В сельской местности показатели грамотности были значительно ниже, чем в городах. Они резко снижаются у мужчин и женщин с увеличением возраста. Грамотных мужчин у народов Поволжья в 1920-е гг. было в два–четыре раза больше, чем грамотных женщин [6, с. 86; 8, с. 181].

В плачевном состоянии по уровню грамотности находились нацменьшинства, населявшие окраинные районы России: народы Азиатского Севера, Северного Кавказа и Дагестана, Казахской и Киргизской АССР. Всесоюзная перепись населения 1926 г. объединила в группу «Народы Азиатского Севера» шесть этносов, куда входили гольды, чукчи, коряки, камчадалы, гиляки, эскимосы. Уровень их грамотности составлял 9,4 %. Примерно такая же картина отмечалась у тунгусов (эвены и эвенки) – 13,6 %, якутов – 6,3, остяков-самоедов и самоедов (ненцы) – 3,0 % и т.д. Исключение составляли буряты. Их индекс грамотности равнялся 23,2 % (у мужчин – 36,9 %, у женщин – 9,3 %) [6, с. 87].

Не лучше была картина у этносов Северного Кавказа. Пятидесятилетняя Кавказская война, депортация народов не способствовали проникновению грамотности в кавказские аулы, прежде всего, расположенные в горных и труднодоступных районах. Так, среди собирательной группы «горцы Дагестана» грамотных насчитывалось всего 5,9 %,

у других народов, проживавших в республике, примерно столько же: у татов – 5,9 %, кумыков – 11,1 % [6, с. 87].

Другие этносы, населявшие автономии Северного Кавказа, также имели весьма низкий индекс грамотности: черкесы (черкесы и адыгейцы) – 16,9 %, карачаи – 9,2, ингуши – 9,1, кабардинцы – 6,8, балкары – 5,3, чечены и бацбии – 2,9 и т.д. Исключением являлись осетины, среди которых было 21,2 % грамотных. Среди киргизов грамотных насчитывалось всего 4,6 %, казахов – 7,1 %. Женщины народов, проживавших в окраинных районах России, были поголовно неграмотными. Уровень грамотных женщин у разных народов составлял от 0,3 (киргизы и чечены) до 11 % (осетины) [6, с. 87]. Это говорит о бесправии женщин упомянутых народов, их низком социальном статусе и полной зависимости от мужчин.

Образование в стране в 1920-е гг. не получило широкого развития. Система среднего и высшего образования только формировалась. Изменения начали происходить в 1930-е гг., но они были весьма скромными. В конце 1930-х гг. среднее образование имели 4,6 % населения, а высшее – 0,6 % [8, с. 182–185].

До революции 1917 г. религия в Российской империи играла огромную роль. Имела большое влияние на самосознание народов, их ментальность, общественную, политическую и культурную жизнь. Прежде всего, православие, широко распространенное среди восточнославянских народов. Девиз, с которым шли в бой и умирали, содержал три святых для православных людей слова: «За веру, царя и Отечество!». Мы видим, что на первом месте стояла вера. После революции ситуация изменилась. Атеистический курс государства, коммунистическая идеология, изменения границ привели к сокращению количества верующих. Однако в 1920-е гг. религиозные верования и убеждения в России играли большую роль. В стране исповедовали все ветви христианства: православие, католицизм, лютеранство, протестантство, армяно-григорианство и др., мусульманство (магометанство), иудейство, буддизм и ламаизм, шаманство. Страна продолжала оставаться полиэтнической и многоконфессиональной. После всплеска агрессии периода революции, Гражданской войны и голода 1921–1922 гг., в годы новой экономической политики наступило относительное затишье, государство лояльно относилось к религии и верующим. В 1920-е гг. в России наблюдалось несколько устойчивых тенденций. По понятным причинам увеличилось количество атеистов. Прослеживалась прямая зависимость уровня грамотности и верований. Доля верующих женщин (прежде всего у христиан) была выше, чем верующих мужчин. Популярными у православных были религиозные обряды и праздники, такие как церковный брак, крестины, отпевание, празднование пасхи и др.

Перелом наступил в 1929 г. Начавшаяся коллективизация и состоявшийся в июне 1929 г. II съезд Союза Воинствующих Безбожников привели к массовому закрытию культовых зданий, аресту священнослужителей и верующих. Были закрыты тысячи православных церквей, монастырей, молитвенных домов. Арестованы иерархи Русской православной церкви [9]. Гонениям подверглись все имевшиеся в РСФСР конфессии – мусульманство, иудейство и

др. Каталическая церковь в конце 1930-х гг. прекратила свое существование.

Подводя итоги эволюционного развития социальной роли женщины в обществе, семьи и брака в 1920-е гг., отметим, что названные институты, а также новации в гендерной политике существовали в благоприятной политической, социальной, экономической среде. Закончился период разрухи, войн, эпидемий и пандемий, кризисов и катастроф. Экзогенные факторы минимально влияли на внутреннюю политику в Советской России.

Это был период, продолжавшийся примерно до середины 1930-х гг., когда развитие брачно-семейных отношений имело ярко выраженную либеральную направленность и проходило под условным девизом: «Меньше государства» [1, с. 86].

Последнее терпимо относилось к попыткам найти современные формы отношений между мужчиной и женщиной и дискуссиям о новой половой морали. Одним из итогов этого периода стала легитимизация института гражданского (фактического) брака в РСФСР. Вот как об этом говорилось в материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г.: «Глубокие изменения в основах семейного права, явившиеся результатом революции, и огромные сдвиги, вызванные ею в области бытовых отношений, требовали радикальной перестройки методов регистрации фактических отношений.

Инструкция по производству переписи требовала, чтобы женатыми и замужними записывались лица, признающие себя состоящими в браке, хотя бы этот брак не был легально оформлен.

Поскольку данные о семейном состоянии имеют значение не сами по себе, а по той глубокой связи, в которой они находятся с другими демографическими и социальными характеристиками населения (плодовитость, самостоятельность женщины и др.), преимущества нового метода регистрации очевидны. Вряд ли, убедительными являются ссылки на большую четкость определений при установке на регистрацию юридически оформленного брака. Четкость остается лишь в инструкции. На практике сложность жизненных отношений ломает формальные требования инструкций и обуславливает уклон в сторону регистрации фактических отношений» [10, V, VI].

Узаконение института фактического брака произошло под влиянием Октябрьской революции и идей либерализации семейно-брачных отношений. Значение имел и дефицит мужчин на брачном рынке. По Всесоюзной переписи населения 1926 г. в РСФСР проживало 48,2 млн мужчин и 52,7 млн женщин. Последних было больше на 4 549 974 чел., или 4,5 %. Если в городе мужчин и женщин проживало примерно равное количество, то в деревне последних было на 4 млн больше [11, с. 2].

Терпимость к новациям в семейно-брачных отношениях широко проявлялась в городах, где проживало только 17,3 % жителей Советской России. В стране преобладало сельское население (82,7 %), а деревенские жители, прежде всего национальных районов, к изменениям относились весьма сдержанно.

В 1920-е гг. на селе фактический брак, самостоятельное прокреативное поведение, свободная сексуальная жизнь вне брака осуждались церковью и институтами социального (общественного) контроля. Пребывание в браке, сексуальные отношения, производство потомства воспринимались массовым общественным сознанием сельских жителей как единое целое. Прокреация и ее регулирование рассматривались в неразрывной связи с матримониальным поведением [12, с. 33–34]. Как уже отмечалось, глобальные изменения в семейно-брачных отношениях на селе наступят в 1930-е гг., под влиянием индустриализации, массовой миграции крестьян в города и на стройки и других сложных экзогенных факторов.

Но в 1920-е гг., по крайней мере на селе, женщина продолжала играть сакраментальную роль, занимаясь домашним хозяйством, семьей и воспитанием детей. В деревне доминировали традиционное матримониальное поведение крестьян, сложившиеся веками уклады жизни и укоренившиеся типы воспроизводства населения.

Литература

1. Демографическая модернизация России. 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневецкого. – Москва: Новое издательство, 2006. – 608 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. – Москва: Институт истории СССР АН СССР, 1991. – 239 с.
3. Араловец, Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. / Н.А. Араловец. – Тула: Гриф и К, 2009. – 304 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. – Москва: РОСПЭН, 2007. – 320 с.
5. Небрatenko, Г.Г. Институт семьи в обычном праве донских казаков (XVI–начало XX вв.) / Г.Г. Небрatenko // Северо-Кавказский юридический вестник. – Ростов-на-Дону, 2012. – С. 19–23.
6. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. VII: Возраст и грамотность населения СССР. – Москва: Издание ЦСУ СССР, 1928. – 111 с.
7. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Основные итоги. – Москва: Наука, 1992. – 256 с.
8. Жиромская, В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В.Б. Жиромская. – Москва: РОСПЭН, 2001. – 280 с.
9. Регельсон, Л.Л. Трагедия Русской церкви. 1917–1953 гг. / Л.Л. Регельсон. – Москва: Центрполиграф, 2017. – 430 с.
10. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXXV. Северный район. Ленинградско-Карельский район. Семейное состояние. Место рождения и продолжительности проживания. Увечные и психические больные. – Москва: Издание Планхозгиза, 1930. – 220 с.
11. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IX. Российская социалистическая федеративная советская республика. Народность, родной язык, возраст, грамотность. – Москва: Издание ЦСУ Союза ССР, 1929. – 228 с.
12. Всемирная история: в 6 т. Т. 6. Мир в XX веке: Эпоха глобальных трансформаций: Кн. 1 / редкол.: А.О. Чубарьян (гл. ред.) [и др.]. – Москва: Наука, 2019. – 692.

References

1. Demograficheskaya modernizaciya Rossii. 1900–2000 [Demographic modernization of Russia. 1900–2000] / Ed. A.G. Vishnevsky. – Moscow: Novoe izdatelstvo, 2006. – 608 p.
2. Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1937 g.: Kratkie itogi [All-Russian population census of 1937: Brief overview]. – Moscow: Inst. of History of the USSR, USSR Ac. Sci., 1991. – 239 p.
3. Aralovets, N.A. Gorodskaya semya v Rossii, 1927–1959 gg. [Urban family in Russia, 1927–1959] / N.A. Aralovets. – Tula: Grif and K, 2009. – 304 p.
4. Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1937 goda: Obshchie itogi. Sbornik dokumentov i materialov [All-Russian population census of 1937: Summary. Collection of documents and materials]. – Moscow: ROSSPEN, 2007. – 320 p.
5. Nebratenko, G.G. Institut semyi v obychnom prave donskih kazakov (XVI–nachalo XX vv.) [Family institution in the customary law of Don Cossacks (XVI–early XX centuries)] / G.G. Nebratenko // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik [North Caucasian Legal Bulletin]. – Rostov-on-Don, 2012. – P. 19–23.
6. Vsesoyuznaya perepis naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: Kratkie svodki. Vyp. VII: Vozrast i gramotnost naseleniya the USSR [All-Russian population census of December 17, 1926: Brief overview. Issue VII: Age and literacy of population of the USSR]. – Moscow: USSR Central Statistical Office Publ., 1928. – 111 p.
7. Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1937 goda: Osnovnye itogi [All-Russian population census of 1937: Main results]. – Moscow: Nauka, 1992. – 256 p.
8. Zhiromskaya, V.B. Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzglyad v neizvestnoe [Demographical history of Russia in the 1930s. View of the unknown] / V.B. Zhiromskaya. – Moscow: ROSSPEN, 2001. – 280 p.
9. Regelson, L.L. Tragediya Russkoj cerkvi. 1917–1953 gg. [Tragedy of the Russian church. 1917–1953] / L.L. Regelson. – Moscow: Centrpoligraf, 2017. – 430 p.
10. Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 goda. T. XXXV. Severnyj rajon. Leningradsko-Karelskij rajon. Semjnoe sostoyanie. Mesto rozhdeniya i prodolzhitel'nosti prozhivaniya. Uvechnye i psichicheskie bolnye [All-Russian population census of 1926. Vol. XXXV. The northern region. The Leningrad-Karelian region. Family status. Place of birth and duration of residence. Crippled and mentally ill individuals]. – Moscow: Izdanie Plankhozgiz Publ., 1930. – 220 p.
11. Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 goda. T. IX. Rossijskaya socialisticheskaya federativnaya sovetskaya respublika. Narodnost, rodnoj yazyk, vozrast, gramotnost [All-Russian population census of 1926. Vol. IX. The Russian Socialistic Federative Soviet Republic. Nationality, native language, age, literacy]. – Moscow: I USSR Central Statistical Office Publ., 1929. – 228 p.
12. Vsemirnaya istoriya: V 6 t. T. 6. Mir v XX veke: Epoha globalnyh transformacij: Kn. 1 [World history. In 6 volumes. Vol. 6. World in the XX century: Epoch of global transformations. Book 1] / Ed.-in-chief A.O. Chubaryan. – Moscow: Nauka, 2019. – 692 p.

Информация об авторе:

Кропачев Сергей Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории; Scopus Author ID: 38261839200, <https://orcid.org/0000-0002-2655-4779> (Институт российской истории РАН; Российская Федерация, 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19; e-mail: Rektor@eipk.ru).

Author:

Sergei A. Kropachev – Doctor of Sciences (History), Scopus Author ID: 38261839200, <https://orcid.org/0000-0002-2655-4779>, Leading Researcher at the Institute of Russian History RAS (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: Rektor@eipk.ru).

Для цитирования:

Кропачев, С.А. Трансформация социальной роли женщины, семьи и брака в многонациональной России 1920-х годов / С.А. Кропачев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 111–116.

For citation:

Kropachev, S.A. Transformatsiya sotsialnoi roli zhenshchiny, semyi i braka v mnogonatsionalnoi Rossii 1920-kh godov [Transformation of the social role of woman, family and marriage in multinational Russia of the 1920s] / S.A. Kropachev // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2023. – № 1 (59). – P. 111–116.

Дата поступления рукописи: 24.01.2023

Прошла рецензирование: 27.01.2023

Принято решение о публикации: 27.01.2023

Received: 24.01.2023

Reviewed: 27.01.2023

Accepted: 27.01.2023

Отличительные черты индустриализации Коми АССР в 1927–1937 годы

А.В. Самарин

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
samarin@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

В статье, опираясь на документальные источники и исследования советских и современных исследователей, проанализировано, почему индустриализация Коми АССР развивалась в отрыве от стратегических плановых документов СССР. Продemonстрировано, что первые пятилетние планы развития Коми края не учитывали вектор индустриализации СССР, направленный на смену технологического уклада. Сложившиеся представления о месте региона в экономической системе не позволяли раскрыть фактический потенциал Коми края. Страна остро нуждалась в нефти и угле, но центральные плановые органы и научные институты не видели перспектив в разработке месторождений на территории Коми. Только внеэкономическая система ГУЛАГа за счет привлечения большого количества ресурсов позволила преодолеть всеобщий скепсис относительно минерально-сырьевых богатств края, а Печорская бригада АН СССР определила новое место Коми на экономической карте страны.

Ключевые слова:

пятилетние планы СССР, индустриализация, ГУЛАГ, геолого-разведка, Коми АССР, социально-экономическое развитие Севера, комплексные экспедиции АН СССР

Главные вехи индустриализации Коми края хорошо известны. В начале данного процесса основной упор делался на развитие лесодобычи и лесопереработки, строительстве новых транспортных путей для вывоза грузов. После открытия большой нефти на Ухте и Печорского угольного бассейна приоритетом индустриализации региона стало развитие добывающих отраслей. Очень быстро из отсталого аграрного региона Республика Коми превратилась в сырьевую базу Европейской части страны. Однако если мы обратимся к документам, то увидим, что реальная индустриализация края происходила не только без оглядки на пятилетние планы региона, но и со значительным отхождением от пятилетних планов развития СССР.

История социально-экономической трансформации Коми края во второй четверти XX в. описана хорошо. Еще в советское время были определены и изложены основные

Distinctive features of the industrialization of the Komi ASSR in 1927–1937

A.V. Samarin

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Syktyvkar
samarin@mail.illhkomisc.ru

Abstract

Based on the documentary sources and scientific papers of Soviet and modern researchers, the paper analyzed why the industrialization of the Komi ASSR proceeded independently of the main strategic plans of the USSR. The first five-year development plans of the Komi region did not take into account the industrialization vector of the USSR aimed at a shift to a new technological paradigm. The wrong impressions about the role of the region in the economic system did not allow to archive the actual potential of the Komi region. The country was in dire need of oil and coal but the central planning authorities and scientific institutions did not see prospects for development of deposits on the Komi territory. Only the non-economic system of GULAG (Chief Administration of Corrective Labour Camps) by attracting a great deal of resources managed to work through the general skepticism about mineral resources of the region, and the Pechora brigade of the Academy of Sciences of the USSR determined a new position for the Komi region on the economic map of the country.

Keywords:

five-year plans of the USSR, industrialization, GULAG, geological exploration, the Komi ASSR, socio-economic development of the North, complex expeditions of the Academy of Sciences of the USSR

мероприятия, экономические предпосылки, ход реализации и кадровое обеспечение индустриализации [1–4]. В 1990–2010-е гг. ученые вернулись к истории индустриализации Коми края. Это было важно сделать для того, чтобы отразить роль системы ГУЛАГа в этом процессе [5–8]. Была расширена периодизация индустриализации, которая выходит за рамки пятилеток. Некоторые элементы индустриализации исследователи находят в конце XIX в., а завершение – в 1950-х гг. [9, 10]. Важное отличие последних исследований по теме индустриализации заключается в том, что они с высоты прошедших лет оценивают процессы, происходившие в Коми, с точки зрения развития подневольной экономики советского времени [11, 12]. Вместе с тем, в перечисленных работах индустриализация Коми АССР рассмотрена как самостоятельное явление. Не показано, что она была составной частью индустриализации

промышленности всей страны, которая в свою очередь являлась частью глобального процесса смены технологических укладов. В следствие этого, наши предшественники не увидели, что реализация основных этапов индустриализации в Коми крае хоть и имела общие особенности, схожие с общесоюзными процессами, но присутствовали и уникальные черты, на которые специалисты не обратили внимание. В своей работе мы, опираясь на документальные источники и исследования советских и современных ученых, проанализируем, почему индустриализация Коми развивалась в отрыве от стратегических плановых документов СССР. Хронологические рамки работы обусловлены датами первых двух пятилетних планов развития народного хозяйства СССР.

Коми автономная область в начале 20-х гг. XX в. представляла собой аграрный край, в котором промышленность была представлена тремя чугунолитейными заводами (ориентированными на внутрирегиональный рынок, использовавшими устаревшее изношенное оборудование и производившими изделия низкого качества), солеваренным заводом и кустарной местной промышленностью. На всех предприятиях в 1925 г. работало 439 чел. [4, с. 28]. Основной доход региону приносила лесозаготовка, являвшаяся для местного населения отхожим промыслом. При этом уже в последней трети XIX–начале XX вв. на территории Коми края, благодаря экспедициям Ф.Н. Чернышева, Е.С. Федорова, А.В. Журавского и других, был выявлен ряд угленосных площадей [13, 14]. Выходы полезных ископаемых оказались многочисленны, и в поисках месторождений ископаемых в коми земле принимали участие и местные жители. А.Н. Турубанов отмечает, что «Наибольший успех был достигнут жителем села Петрунь И.Н. Сорвачевым и чиновником по крестьянским делам Печорского уезда П.П. Матафтиным: ими были исследованы в 1910–1912 гг. выходы бурых углей на реках Большая Инта, Малая Инта, Адзья и Неча и тем самым открыты Интинское и Неченское месторождения. Однако выявленные этими людьми материалы (коллекция углей и вмещающих уголь пород) поступили в Петербургский Геологический музей Академии наук только в 1915 г. и после смерти академика Ф.Н. Чернышева остались в его личном архиве и как бы "забылись"» [7, с. 14]. Также трудно развивалась нефтедобыча на р. Ухте. О нефтяных ключах исследователи знали с конца XVII в., промышленные скважины пробурили в конце XIX в. Широко известна деятельность инженера А.Г. Гансберга и Русского Товарищества «Нефть», однако масштабная промышленная добыча нефти в доиндустриальный период так и не началась.

Таким образом, в первом десятилетии XX в. в управленческих кругах Коми края сформировалось понимание того, что территория региона богата минерально-сырьевыми ресурсами. Было непонятно, насколько богата, и как это богатство извлечь и использовать. Требо-

валось развернуть широкомасштабную геологоразведку территории. Однако этого не происходило. Любые попытки местных властей активизировать изучение природных богатств региона наталкивались на замкнутый круг: зачем исследовать минеральные ресурсы, если их будет чрезвычайно трудно добыть и вывезти к потребителю из-за отсутствия рабочей силы и дорог? И, наоборот, зачем проводить дороги, если они не ведут к промышленно развитым районам с добывающими предприятиями и перерабатывающими заводами? Полемика между представителями Геолкома и исполкома Коми автономной области о том, что должно быть в начале – геолого-разведочные работы или строительство дороги, продолжалась до конца 1930-х гг. [15]. Кроме того, отсутствие интереса к возможным природным богатствам можно объяснить и другой причиной: в 1920-е гг. на европейском северо-западе России не было потребителей, заинтересованных в разработке новых месторождений минеральных ресурсов.

Неудивительно, что первые планы социалистической индустриализации Коми автономной области базировались на имевшихся в распоряжении региона ресурсах. По данным исследователей, промышленность в том числе ценовая и кустарно ремесленная, а также отхожие промыслы занимали не более 8 % валовой продукции хозяйства региона в 1924–1925 гг. [4, с. 26]. Народное хозяйство области финансировалось за счет государственных дотаций, а также за счет того, что в области полностью оставался единый сельскохозяйственный и промысловый налог и другие государственные доходы (табл. 1).

Поэтому реализация планов развития региона зависела от объема средств, доведенных союзными органами власти до региона. Неудивительно, что в таких условиях проекты местных властей страдали гигантоманией. С одной стороны, нет необходимости опираться на экономический расчет, а с другой – чем привлекательнее будет обрисован образ будущего, тем больше шансов получить запрашиваемые средства. В частности, в 1925 г. в Коми АО был создан Генеральный 15-летний план развития народного хозяйства на 1926–1940 гг., согласно которому главное внимание уделялось индустриальному развитию области на базе имевшихся крупных лесосырьевых ресурсов. При этом валовая продукция области должна была возрасти к 1940 г. в 104,3 раза, основные капиталы промышленности увеличиться в 164 раза. План базировался, прежде всего, на дальнейшем развитии (индустриализации) лесной про-

Рост доходной части Коми областного бюджета по годам, тыс. черв. руб. и %
Table 1
Increase of the Komi regional budget revenues by year, thousand rubles and %

Бюджетные годы	1922/23		1923/24		1924/25		
	Сумма	% к итогу	Сумма	% к итогу	Сумма	% к итогу	% к 1922/26
1. Собственные средства	131,0	25,7	419,0	25,0	918,3	44,0	700,6
2. Отчисления от государственных доходов	158,1	31,0	750,8	44,8	914,1	43,8	578,2
3. Государственные дотации	320,8	43,3	506,1	30,2	254,6	13,2	115,3
Итого	510,0	100	1676,0	100	2087,0	100	409,2

Источник: [4, с. 136].
Source: [4, P. 136].

мышленности области. Один из первых исследователей индустриализации В.Н. Давыдов справедливо назвал этот план авантюристическим и подверг его критике, отметив, что «... в нем ярко проявлялось стремление к сверхиндустриализации без конкретного учета экономических и технических возможностей государства» и «... такие "планы" являлись лишь фактически добрыми пожеланиями» [4, с. 143]. Такими же нереализуемыми были планы строительства транспортных артерий. Выше уже говорилось, что отсутствие дорог существенно сдерживало промышленное развитие региона, поэтому в плане было предусмотрено строительство железных дорог Омск–Ухта–бухта Индига, Москва–Пинюг–Усть–Сысольск–Ухта, Солеварня–Троицко–Печорск; каналы Кама–Печора, Кама–Вычегода, Вымь–Ухта. Однако, оценивая перспективность этих проектов, ученые отмечали, что «... постановка этих вопросов как научных проблем, была закономерной, но как практической задачи будущего являлась несостоятельной и создавало неправильные представления об отношении центральных органов к Коми области» [4, с. 144].

Показательно, что в условиях, когда реализация плана предполагалась за счет общесоюзных средств, и создатели плана не отягощали себя экономикой вопроса, даже тогда планы не включали масштабную геологоразведку, бурение, поиск и обоснование месторождений полезных ископаемых, хотя, как было сказано выше, достоверные свидетельства у местных органов имелись.

В 1928 г. был утвержден первый пятилетний план развития СССР. Если отступить на шаг назад и взглянуть на индустриализацию СССР с точки зрения теории промышленных революций¹, то окажется, что с индустриализацией наша страна завершила вхождение во вторую промышленную революцию, для которой характерны такие основные черты, как внедрение электричества в промышленность, появление массового производства и переход на минеральное топливо.

Для того, чтобы понять основополагающую роль этого факта, погрузимся глубже в историю. Вторая промышленная революция (фактически – индустриализация в России) началась еще в последней трети XIX в. Отличительная черта капиталистической индустриализации российской промышленности в конце XIX в. – минерализация топливного баланса, оказавшая влияние на стремительное развитие металлургического производства, становление тяжелой промышленности в России, что совпадало с общемировой тенденцией [16, с. 9]. Минеральное топливо (нефть и уголь) было движущей силой экономических преобразований. Если раньше местоположение фабрик определялось наличием лесов, так как гужевая доставка дров рентабельна только на короткие расстояния, то переход предприятий на более дешевый и доступный уголь позволил провести масштабную реконструкцию российской промышленности.

¹ Согласно устоявшемуся мнению исследователей, после великой промышленной революции, начавшейся в Англии во второй половине XVIII в., произошло еще несколько (одна или две) промышленных революций. Вторая революция началась в конце XIX в. и была связана с повсеместным внедрением электричества в промышленность, в результате чего появилось массовое производство, а третья промышленная (иначе ее называют научно-технической) революция началась в середине XX в. и была связана с использованием электроники и автоматизацией производства.

Предпосылкой этого резкого скачка стало транспортное освоение Донбасса.

Сооружение в 1870 гг. южной сети железных дорог позволило соединить угледобывающие предприятия Донбасса с промышленными центрами страны. Объем перевозок каменного угля значительно увеличился. Это стимулировало резкое возрастание добычи каменного угля в Донбассе, а металлургические заводы юга России, работавшие в отличие от конкурентов на каменном угле, заняли ведущие позиции, что заставило и другие металлургические предприятия проводить модернизацию.

В этот же период возросло потребление нефтяного топлива. На продукты нефтепереработки переводились многие промышленные предприятия Северного Кавказа, Среднего и Нижнего Поволжья. Это стало следствием интенсивного бурения скважин в Баку, где был достигнут резкий рост добычи, что привело к перенасыщению рынка и падению цен на нефть и вытеснению дровяного топлива из текстильной промышленности и железнодорожного и речного транспорта, особенно на Кавказе и в Поволжье.

Таким образом, уголь и особенно продукты нефтепереработки повсеместно вытесняли дровяное топливо вплоть до начала XX в. Однако Первая мировая война, революции, нарастание кризисных явлений, наложившиеся на проблемы с объемом буровых работ на грозненских и бакинских месторождениях, а также сложность угледобычи и повсеместный износ оборудования привели к резкому удорожанию минерального топлива и возврату многих производств к использованию дров и торфа. Эта тенденция сохранялась до 1920 г. Поэтому одной из ключевых задач плана Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО) и последовавших за ним пятилеток было восстановление топливодобывающих отраслей. Существенные проблемы с восстановлением объемов нефтедобычи привели к тому, что минерализация практически всех отраслей промышленности осуществлялась, главным образом, за счет каменного угля, добывать который было технически проще [16, с. 16].

Нефть и уголь являлись главными ресурсами советской индустриализации. Их наличие или нехватка определяли, будут ли выполнены показатели промышленного производства. Директивы первых пятилеток предполагали значительное увеличение добычи нефти и угля, однако показатели стагнировали. Исследователи на примере развития нефтяной отрасли отмечают «чтобы произвести эти (запланированные пятилеткой – А.С.) нефтепродукты, требовалось огромное количество нефтеперерабатывающего оборудования, а для добычи соответствующих объемов нефти – во много раз больше, чем имелось, труб, буровых станков, компрессоров, насосов и многого другого» [17, с. 136]. В результате хронический дефицит всех видов нефтепродуктов сохранялся на протяжении обеих пятилеток. Например, осенью 1933 г. в очередной раз создалось «исключительно напряженное положение со снабжением самого нефтяного флота на Волге и Каме, жел. дорог, южной металлургии, Москвы, Ленинграда, Одессы». Для того, чтобы основные транспортные магистрали и предприятия продолжали работать «вынуждены были сжигать крайне

дефицитные нефтепродукты: смеси гудронов с керосиновым дестиллатом, черной солянки, веретенных и других масел, смазочного мазута» [17]. Таким образом разработка и введение в эксплуатацию новых месторождений должны были стать ядром индустриализации.

В пятилетних планах развития народного хозяйства СССР большое внимание уделялось развитию добывающей промышленности. Тем удивительнее знакомиться с первым пятилетним планом в части развития Коми АО. Как известно, проект плана разрабатывался одновременно во всех звеньях плановой системы. В пределах своей компетенции региональные плановые органы составляли проекты пятилетних планов исходя из своих возможностей. В решениях XV съезда подчеркивалось, что при составлении плана в первую очередь должны развиваться отрасли, обеспечивающие экономическую независимость и обороноспособность страны, в том числе и топливная промышленность. Однако предложения Коми области во многом повторили 15-летний план 1925 г. Основные точки роста намечены в области развития лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности, развития сыктывкарского промышленного узла, который планировалось превратить в центр деревообработки области [6, с. 62]. Согласно первому пятилетнему плану, Северный край должен был стать крупнейшим источником валютных средств. За пятилетку в его развитие планировалось вложить до 800 млн руб. и получить свыше 250 млн валютных рублей [18], и Коми автономная область играла важную роль в этих планах². Для усиления этого направления предполагалось строительство железной дороги Пинюг–Усть–Сысольск, а также развитие речного и гужевого транспорта. В документах отмечалась необходимость расширения геолого-разведочных и горнопромышленных изысканий на нефть, уголь, полезные руды, однако эти направления не были приоритетными по сравнению с транспортом и развитием сельского хозяйства [19].

Реализация плана первой пятилетки в Коми прошла с переменным успехом. Многие объекты и мероприятия переносились в будущие пятилетки из-за плохой проработки и отсутствия средств. Неизвестно, к каким результатам привела бы индустриализация Коми края, если бы в 1928 г. советская пенитенциарная система не оказалась в кризисе.

В связи с тем, что в России с приходом большевиков раскручивался маховик репрессий, тюрьмы в стране были переполнены. Заключенных в них содержалось в 2–2,5 раза больше расчетных объемов. Суды, в нарушение директив правительства, были вынуждены выносить приговоры с краткими сроками заключения. 13 апреля 1929 г. наркоматы юстиции, внутренних дел и ОГПУ обратились в СНК РСФСР с предложением создать систему лагерей нового типа, в которых бы заключенные с большими сроками наказания (от 3 лет) выполняли бы общественно значимые работы [20]. Предполагалось, что лагеря будут создавать в уда-

ленных северных окраинах с колонизаторскими целями – строительство дорог, лесозаготовка, т.е. всеми доступными способами «продвинуть дело хозяйственной эксплуатации богатств Севера». Уже 13 мая 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) поддержало это предложение, а 15 мая 1929 г. специальная комиссия определила, что первый лагерь нового типа будет организован в Ухте. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) было принято 23 мая 1929 г., и в результате перед ОГПУ была поставлена задача освоения природных богатств Ухты и Печоры, строительство железной дороги Сыктывкар–Пинюга, трактов Сыктывкар–Ухта и Кемь–Ухта [20]. Уже 6 июля Ухтинская экспедиция ОГПУ отправилась к ухтинскому нефтяному промыслу. Хорошо известно, что именно это событие положило начало созданию нефтедобывающей промышленности в Коми. Так был разорван замкнутый круг. Являясь внеэкономической системой, Ухтинская экспедиция ОГПУ ценой невероятных усилий, человеческих жертв и финансовых затрат добилась производственных объемов добычи нефти, а затем приступила и к нефтепереработке. От базы на Ухте начались экспедиции на Воркуту. По постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) и других директивных органов весной 1931 г. все геолого-разведочные работы на уголь, проводимые Угольным институтом и Буровым трестом ГГРУ в районе Кожима, притоке Усы, вместе со всем оборудованием и специалистами были переданы Ухтинской экспедиции [4, с. 135]. Таким образом экспедиция стала главной движущей силой индустриализации региона.

Решен был и вопрос с квалифицированной рабочей силой, с которой на Севере были известные трудности. Политбюро ЦК ВКП(б) своим решением обязал Наркомтруд, Наркомтяжпром и ОГПУ обеспечить «рабочей силой Печорское строительство как за счет спецсилы, так и за счет посылки рабочей силы и технических кадров» [21].

Финансирование работ шло по линии ОГПУ, и общий объем средств, вкладываемый в строительство и развитие нефте- и угледобывающих предприятий, был значительно больше, чем закладывалось в самые смелые планы первой пятилетки для Коми области (табл. 2).

Благополучно для Коми края решился вопрос о потребителях минеральных ресурсов. Ранее мы писали, что несмотря на общесоюзные трудности с углем и нефтью в начале 1920-х гг. на Европейском Севере и Северо-Западе не было крупных потребителей. Однако Ленинград (который по результатам первой пятилетки стал одним из лидеров индустриализации в СССР) в процессе наращивания промышленного производства исчерпал сырьевые ресурсы

Таблица 2
Сравнение объемов капиталовложений по Коми автономной области и Ухтопечортресту в первой и второй пятилетках

Table 2
Comparison of investment volumes in the Komi Autonomous Region and Ukhta-Pechora-Trust in the first and second five-year plans

Капитальные вложения	Коми АССР	Ухтопечортрест
Первая пятилетка	7,7	14,8
Вторая пятилетка	80	151

Составлено по: [4, с. 157, 319].
Source: [4, P. 157, 319].

² Уместно вспомнить, что в 1929 г. началась великая депрессия и мировой экономический кризис, который продлился до 1933 г. Рынок международной торговли сильно сжался. Резко упал спрос на основные экспортируемые из СССР товары – пшеницу и лес. Швеция и Финляндия – основные конкуренты СССР на международной лесной бирже – не позволяли СССР демпинговать, от чего объем инвалютных рублей, поступающих от продажи леса, еще больше сократился.

макрорегиона и промышленным предприятиям города стало не хватать угля, металлов и других ресурсов для расширения ассортимента промышленных продуктов и увеличения объемов производства. Так, из доклада Ленинградского Облплана в СНК РСФСР о выполнении первого пятилетнего плана в 1928/29–1929/30 гг. следует, что «Главнейшие затруднения в работе предприятий в 1929/30 г. обуславливались перебоями в снабжении сырьем, запасы которого неизменно убывают. Поступление каменного угля идет очень слабо. Запасы угля по Электротоку понизились на 40 %, упали до размеров 5-недельной потребности» [22]. Очевидно, что для развития промышленной базы Северо-Запада нужно было искать минерально-сырьевые ресурсы ближе, чем на Урале и Донбассе. Поэтому специалисты устремили свои взоры на Кольский Север и Европейский Северо-Восток. Недаром в итогах первой пятилетки Кольские апатиты и Печорский уголь названы среди основных новых сырьевых баз СССР [23].

Вышеназванные изменения нашли отражение в 1933 г. при принятии второго пятилетнего плана СССР. Исследователи отмечали, что составление второго пятилетнего плана Коми АО проходило «более организованно, на более объективной основе, с меньшими отходами от реальной почвы». Впервые в пятилетнем плане, тесно связанном с краевым экономическим планом, появился план добычи угля и нефти в области [4, с. 164–165]. Приоритеты коми областной экономики от лесодобычи и лесопереработки начали смещаться к нефтяной и угольной промышленности. В докладе председателя госплана при СНК СССР В.В. Куйбышева о втором пятилетнем плане перед Северным краем были поставлены две основные задачи: во-первых, завершение технической реконструкции лесной промышленности и рационализация лесного хозяйства (переработка отходов, в частности, гидролиз древесины); во-вторых, развитие угольных и нефтяных месторождений Коми края, которые должны были обеспечить топливом северный морской флот, промышленность Мурманского округа и Северного края [24].

Намечалось построить крупные лесобработывающие предприятия в Усть-Сысольске и на месте пересечения дороги Пинюг – Усть-Сысольск с р. Лузой. Планировалось начало строительства Усть-Сысольского целлюлозно-бумажного комбината, которое также связывалось с железнодорожным строительством. Валовая продукция всего народного хозяйства области за пятилетку должна была увеличиться на 112,5 %, т.е. более чем в два раза. Из общей суммы капиталовложений 22,2 млн руб. (27,7 %) направлялось на развитие промышленности, 9,1 млн из них – на развитие лесозаготовительной промышленности, 35,3 млн (44,1 %) – на развитие транспорта, 20,2 млн руб. из них – на железнодорожное строительство. Основной задачей области во второй пятилетке оставались всемерное развитие лесной промышленности и лесной экспорт [4, с. 152]. Таким образом сохранялась инерция в принятии решений на уровне плановых органов, которые во втором пятилетнем плане не сделали ставку на печорские уголь и нефть.

На фоне взрывного увеличения количества экспедиций ОГПУ (за 1929–1932 гг. количество партий увеличилось в четыре раза, а протяженность геолого-разведочных

маршрутов – в 25 раз) и открытия богатых месторождений полезных ископаемых интерес к региону проявила и академическая наука. Безусловно, научные экспедиции работали в Коми крае и до Ухтинской экспедиции ОГПУ³, однако значительных подвижек не наблюдалось. Например, в декабре 1927 г. через несколько дней после принятия плана первой пятилетки Коми облисполком обратился в Академию наук СССР с просьбой о всестороннем исследовании области. Вопрос был передан на рассмотрение Полярной комиссии Академии наук СССР. В январе 1928 г. Печорская подкомиссия признала «изучение природных и естественных производительных сил автономной области Коми первоочередной задачей» [4, с. 246]. Однако знаменитая экспедиция Печорской бригады состоялась лишь в 1933 г. Очевидно, что наиболее вероятной причиной такой задержки было отсутствие понимания перспектив развития региона или, как говорили ученые в то время, «недостаточностью мотивировки задач». Однако за прошедшие пять лет советская наука сильно изменилась. Причины этих перемен были связаны с новой советской научной политикой, которая формировалась в 1927–1934 гг. исходя из следующих задач: в рамках индустриализации государству было необходимо обеспечить форсированное наращивание промышленного потенциала страны, внедрение передовых результатов науки и техники. Промышленность страны концентрировалась в нескольких крупных промышленных городах, с ограниченными возможностями по дальнейшему расширению. Как мы отмечали выше, остро стояла задача развития сырьевой и промышленной базы страны за счет активного включения сырьевого потенциала ранее неосвоенных регионов. Задача ученых – в кратчайшие сроки провести ревизию знаний о природных богатствах страны и определить точки наиболее эффективного вложения ресурсов.

Первоочередная задача, поставленная перед наукой в советской России – это введение планирования научных исследований и подчинение их пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР. Было необходимо, чтобы единый план предусматривал согласованный цикл мероприятий: разведку ресурсов, промышленное освоение месторождений, создание новых отраслей, строительство промышленных предприятий и внедрение передовых технологий, подготовку квалифицированных кадров для новых производств. Следовательно, наука должна была встроиться в общий план хозяйственного развития. В постановлении Совнаркома РСФСР от 20 января 1927 г. отмечалось, что «... научно-исследовательская работа должна быть максимально увязана с нуждами как социалистического строительства, так и, в частности, народного хо-

³ Т.А. Малкова отмечает, что после окончания Гражданской войны, начиная с 1921 г., на территории области работали геолого-разведочные партии и отряды Северной научно-промысловой экспедиции и Геологического комитета ВСНХ СССР. Много сил и энергии вложили в изучение геологического строения территории и поиски полезных ископаемых русские ученые: академик А.П. Карпинский, профессор А.А. Чернов, Е.Д. Сошкина, Т.А. Добролюбова, М.С. Волков, В.А. Варсановьева, профессор В.Д. Рязанов, В.Г. Хименков и др. Геоботаническое исследование лесов выполнялось учеными В.Ю. Сочавой, Б.Н. Городковым, В.С. Говорухиным, Ф.В. Самбук, А.П. Шенниковым, а также агрономами Коми ОЗУ В.А. Иевлевым и П.Г. Тювиным.

зайства и что научные достижения должны быть с максимальной скоростью использованы в практической работе по поднятию производственных сил страны» [25].

Когда промышленность Ленинградской области начала испытывать острую нехватку ресурсов и топлива, развитие промышленности на Кольском полуострове также столкнулось с нехваткой ресурсов, а Ухтинская экспедиция добилась значительных результатов в разведке минерального сырья на территории Коми АО, тогда и вектор индустриализации края начал меняться в этих условиях. Академия наук СССР, признанная ведущей научной организацией в стране, не могла остаться в стороне от этих процессов. Экспедиция Печорской бригады стала логическим продолжением опыта Якутской и Кольской комплексных экспедиций, работа которых в свое время привела к прорывным результатам. В Якутии и на Кольском полуострове учеными были собраны и обобщены разнообразные сведения о природных условиях, полезных ископаемых, народном хозяйстве, навигации по рекам и северным морям, даны предложения по развитию производительных сил. На Кольском полуострове открыто месторождение апатитов, позволившее построить здесь один из крупнейших центров химической промышленности в стране.

Главной задачей Печорской бригады было знакомство с природными ресурсами северных районов, с точки зрения обеспечения топливной и сырьевой баз Ленинградской промышленности [26]. За лето 1933 г. участники Печорской бригады исследовали Ухтинский, Воркутинский и Печорский районы Коми АО. Ознакомились с результатами проведенных научно-исследовательских и разведочных работ. Члены бригады, совместно с местными органами власти, определили задачи и направления исследований, нацеленных на дальнейшее социально-экономическое развитие региона.

По результатам экспедиции состоялся ряд заседаний и отчетных мероприятий, на которых была сформулирована обширная программа изучения Печорского края, предложена «Рабочая гипотеза народнохозяйственного освоения Ухто-Печорского края на 1935–1950 гг.». Президент АН СССР А.П. Карпинский подготовил письмо Председателю СНК СССР В.М. Молотову с предложениями по освоению Ухто-Печорского края [27]. Несмотря на то, что в материалах Печорской бригады неоднократно упоминалось, что «АН СССР стремиться в соответствии с указаниями партии и правительства в максимальной степени обслуживать нужды народного хозяйства Союза» [28], предложения Печорской бригады можно разделить на две группы: те, что были в той или иной степени услышаны и реализованы и те, которым не суждено было сбыться. К первой группе можно отнести рекомендацию сделать Печорский край топливной базой для Ленинградской области, металлургической промышленности Кольского полуострова, Северного флота. Ученые посчитали нецелесообразным ориентировать Печорский край на металлургическую промышленность Урала, справедливо полагая, что для обеспечения Уральских предприятий могут быть использованы другие месторождения, с уже налаженным транспортным сообщением с Уралом. Члены бригады предложили сконцентрировать

развитие региона, опираясь на нефть, уголь и лесодобычу, при этом справедливо указали, что узкими вопросами индустриализации региона являются транспортная доступность и развитие тепловой и электроэнергетики. Для научного сопровождения предлагалось организовать комплексную научно-исследовательскую станцию в Усинском районе Коми АО. В результате академическое подразделение было создано в Архангельске, столице Северного края, а в Коми край академическая наука «на постоянной основе» пришла в 1939 г., сначала как Сыктывкарская группа Северной базы АН СССР, а затем, с началом Великой Отечественной войны, и вся база была переведена в Сыктывкар и в конечном итоге осталась здесь под именем Базы АН СССР в Коми АССР. Главный итог экспедиции – большая наука пришла в регион и осталась в нем. Была сформирована обширная программа научных исследований территории Коми края помимо геологоразведки – это изучение лугов, сорной растительности, ихтиологические и гидробиологические исследования, изучение местных пород крупного рогатого скота и северных оленей. Все это, безусловно, создало дополнительные благоприятные условия для развития других отраслей хозяйства. Уже после Великой Отечественной войны База АН СССР в Коми АССР занялась фундаментальными вопросами развития производительных сил, общие контуры которых задала Печорская бригада. Первый значимый результат – разработка «Генеральной схемы использования местных энергетических ресурсов для электрификации сельского хозяйства Коми АССР».

Среди нереализованных предложений Печорской бригады больше всего сил было потрачено на решение транспортной проблемы, как главного тормоза развития региона. Ученые отбросили вариант строительства железной дороги как неоправданно дорогой и сложный и разработали несколько проектов организации транспортных коридоров за счет строительства плотин на местных мелководных реках. Таким образом предполагалось организовать вывоз сырья через Северные моря к морским портам Архангельска и Мурманска и через Каму и Волгу к промышленным предприятиям Поволжья и Урала. Как мы знаем, руководство страны, зная о практически неограниченных ресурсах ГУЛАГа, а также, вероятно, помня о взрывном росте экономики страны, после строительства железной дороги до Донбасса, предпочло построить железную дорогу Котлас–Воркута, которая соединила все перспективные промышленные районы края и стала главным экономическим стержнем будущего развития региона. До настоящего времени многие перспективные месторождения, расположенные в стороне от железной дороги, не имеют экономической перспективы для разработки. Вероятно, по этой же причине (отказ от идеи развития речного транспорта) не получили развития предложения Печорской бригады развить добычу редкоземельных металлов на Северном Урале и Пай-Хое.

К концу второй пятилетки со всей уверенностью можно было говорить о формировании угольной и нефтедобывающей промышленности в крае. Хотя удельный объем отгруженного угля и нефти в общесоюзной добыче были еще небольшими, но они ежегодно увеличивались, а в годы Великой Отечественной войны приобрели стратегическое

значение. Кроме того, в годы второй пятилетки были введены в строй новые предприятия, которые олицетворяли собой новые отрасли производства. С запуском в 1933 г. Ухтинского нефтеперерабатывающего завода можно говорить о появлении нефтеперерабатывающей промышленности в регионе. В 1931 г. была запущена гидроэлектростанция на р. Визинге, в 1936 г. возник крахмало-паточный завод в с. Пустошь. В с. Усть-Усе был построен и пущен в эксплуатацию механизированный консервный завод, полностью переоборудован Усть-Усинский консервный завод, в Усть-Цильме построен механизированный замшевый завод. Не будет преувеличением, если мы скажем, что форсированное внеплановое строительство объектов пищевой промышленности на Севере области было следствием индустриального развития Печорского края и резкого увеличения населения, не только репрессированного, но и вольнонаемного. В целом для индустриализации Коми АССР во второй пятилетке было характерно появление большого количества новых предприятий, многие из которых не были включены в утвержденные планы пятилетки. Строительство объектов, не связанных с развитием основных отраслей, исключалось из планов, вместо них по необходимости включались другие. Было прекращено начатое в первой пятилетке строительство дороги Усть-Сысольск – Пинюг, не состоялось восстановление Кажимского чугунолитейного завода, строительство Нючпасского кирпичного и Чухломского стекольного заводов, строительство предприятий деревообрабатывающей промышленности. В то же время были значительно расширены работы под Ухтой и Воркутой. К концу второй пятилетки Коми АССР подходила с научно разработанной концепцией развития. Были отброшены последние сомнения относительно приоритетов экономического развития региона. Лесная промышленность, сохраняя важность, уступила ведущие роли угольной и нефтедобывающей.

Приведенные факты говорят о выборе регионом или для региона его отраслевого профиля. К концу 1930-х гг. стало очевидно, что место Коми АССР в экономике СССР – это уголь, нефть и лес. Великая Отечественная война не позволила реализовать третий пятилетний план, но мы можем оценить, какое развитие Республики Коми планировалось в третьей пятилетке. Основной приоритет – строительство Ухто-Печорской железной дороги и завершение перевода промышленности Ленинграда и Севера на Печорские угли и нефть. Среди приоритетных задач – усиление геолого-разведочных работ с целью создания крупного металлургического комбината на пересечении транспортных потоков: угольного с Воркуты и железорудного с Кольского полуострова [29]. С позиции прошедших лет следует признать, что задачи, озвученные в плане третьей пятилетки в отношении Коми АССР, стали первыми, которые были выполнены полностью: построена железная дорога, снабжающая топливом Ленинград и Север. В 1950-х гг. построен Череповецкий металлургический комбинат, работавший на воркутинских углях.

Таким образом, первые советские планы развития Коми края не учитывали главный вектор индустриализации СССР. Страна, восстанавливая промышленность после Гражданской войны, стремилась сразу войти во вторую промышлен-

ную революцию (использование электрического двигателя, угля и нефти, общая минерализация топливного баланса). В то время как плановые органы Коми основной упор делали на развитие лесной промышленности, главным центром индустриализации был определен Сыктывкар, как наиболее освоенный и богатый лесами район. Несмотря на многочисленные свидетельства наличия в регионе богатой минерально-сырьевой базы ни руководство Северного края, ни представители центральных научных институтов, ни Госплан СССР не верили в перспективы развития добывающей промышленности на Севере.

Ухтинская экспедиция ОГПУ стала для Коми края счастливым билетом. Руководство страны, направляя экспедицию, решала иные задачи. Лагерь ОГПУ были бы сформированы на территории региона вне зависимости от результатов работы Ухтинской экспедиции, однако ее успех сделал приоритетными работы на нефть и уголь. Вся вторая пятилетка для региона прошла в преодолении ранее сформировавшегося представления о том, что в Коми нужно развивать только лес. Основную работу по геологоразведке, нефте- и угледобыче осуществляли заключенные и вольнонаемные работники Ухтинско-Печорского ИТЛ. Именно сюда стекалась вся имевшаяся к тому времени научно-техническая информация и направлялось целевое финансирование, не предусмотренное планами хозяйственной деятельности и социального строительства. Благодаря этому на обширных, слабо изученных территориях началась пробная эксплуатация месторождений, которая в результате (хотя далеко не сразу) позволила выйти на промышленные объемы добычи.

Традиционно в Советском Союзе замалчивалась большая часть всего, что было связано с ГУЛАГом. Поэтому широкое обсуждение перспектив новых отраслей промышленности в Коми АО запустила Печорская бригада АН СССР. Ученые посетили самые многообещающие месторождения и сформировали «Рабочую гипотезу народнохозяйственного освоения Ухто-Печорского края», которая определила место региона на социально-экономической карте СССР. Только начиная с третьей пятилетки промышленное развитие края стало осуществляться в соответствии с директивами Госплана СССР. На долгие годы вперед Коми край стал топливной базой индустриализации Европейского Севера СССР, и это определяло вектор его собственного развития. В дальнейшем другие отрасли промышленности региона (пищевая, легкая, сельскохозяйственная) развивались таким образом, чтобы обслуживать интересы топливдобывающей.

Источники и литература

1. Очерки по истории Коми АССР, Т. II (1917–1961) / под ред. д.и.н. К.В. Сивкова [и др.]. – Сыктывкар, 1962.
2. Очерки истории Коми партийной организации / редкол.: Я.Н. Безносиков [и др.]. – Сыктывкар, 1964. – 428 с.
3. Очерки по развитию промышленности Коми АССР / Акад. наук Союза ССР, Коми филиал; под ред. Д.С. Тона, Н.И. Шишкина, Г.Н. Паращенко. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1956. – 147 с.
4. Давыдов, В.Н. Социалистическая индустриализация Коми АССР (1926–1937) / В.Н. Давыдов, В.В. Старцев,

- В.С. Дёгтева, А.Н. Александров // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 1. – Оп. 12. – Д. 50.
5. Таскаев, М.В. Научный отчет «Социалистическая индустриализация Коми АССР (1926–1937 гг.)» как первое комплексное исследование по истории индустриализации Европейского Северо-Востока России / М.В. Таскаев, Т.А. Малкова // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. – Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2013. – С. 142–150.
 6. Малкова, Т.А. Сыктывкарский промышленный узел в довоенные годы: к вопросу исследования и формирования / Т.А. Малкова // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. – Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2013. – С. 62–73.
 7. Турубанов, А.Н. Топливный комплекс Республики Коми в XX веке / А.Н. Турубанов. – Сыктывкар, 2007. – 191 с.
 8. История становления и развития нефтегазового комплекса Коми края (к истории освоения нефти Европейского северо-востока России). – Ухта: УГТУ, 2004. – 168 с.
 9. Жеребцов, И.Л. Основные этапы промышленного развития Европейского Северо-Востока России / И.Л. Жеребцов // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. – Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2013. – С. 5–12.
 10. Котов, П.П. Вопросы переселения в Коми край в конце XIX – начале XX века и экспедиция П.И. Соколова / П.П. Котов // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2020. – Т. 14, Вып. 1. – С. 94–102.
 11. Бердинских, В.А. ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке / В.А. Бердинских, В.И. Меньковский. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. – 132 с.
 12. Борозинец, Л.Г. Роль и значение массового применения труда уголовно осужденных в освоении природных богатств Печорского края в конце 20-х – конце 50-х гг. XX в. / Л.Г. Борозинец // Гуманитарные исследования. – 2008. – № 3. – С. 70–87.
 13. Филиппова, Т.П. Первые исследования геологического комитета на Европейском Севере России: экспедиции Е.С. Федорова на Северный Урал в 1884–1889 гг. / Т.П. Филиппова // История науки и техники. – 2022. – № 3. – С. 38–44.
 14. Малкова, Т.А. Научные исследования территории Республики Коми в первой половине XX века: 1901–1945 гг. / Т.А. Малкова; Российская академия наук, Уральское отделение, Коми научный центр, Институт языка, литературы и истории. – Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2008. – 179 с.
 15. Письмо всесоюзного Геологического Комитета ВСНХ в адрес исполкома Коми АО от 1 апреля 1927 г. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми». ФР-139. – Оп. 1. – Д. 404, – Л. 79–80.
 16. Кафенгауз, Л.Б. Эволюция промышленного производства России / Л.Б. Кафенгауз. – Москва: Эпифания, 1994. – 848 с.
 17. Иголкин, А.А. Нефтяная промышленность в годы второй пятилетки: планы и реальность / А.А. Иголкин // Экономическая история. Обзорные / под ред. Л.И. Бородин. Вып. 10. – Москва, 2005. – С. 132–145.
 18. XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). 23–29 апреля 1929. Стенографический отчет. – Москва–Ленинград: Госиздат, 1929. – С. 108.
 19. Газета «Югид туй» («Светлый путь») № 3 от 5 января 1928 г. // Национальная Электронная Библиотека. – URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl60000274000?page=10&otate=0&theme=white> (дата обращения: 21.12.2022).
 20. Красильников, С.А. Рождение ГУЛАГа: дискуссия в верхних эшелонах власти / С.А. Красильников // Исторический архив. – 1997. – № 4. – С. 142–156.
 21. Покаяние: Мартиролог. Т. 2 / сост. Г.В. Невский. – Сыктывкар, 1999. – С. 132.
 22. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. – Ф.Р-1000. – Оп. 14. – Д. 89. – Л. 17–30.
 23. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. – Ленинград: Издательство «Стандартизация и рационализация», 1933. – С. 94, 97, 116.
 24. Куйбышев, В.В. Второй пятилетний план / В.В. Куйбышев // Стенографический отчет XVII съезда ВКП(б) 26 января – 10 февраля 1934 г. – Москва, 1934. – С. 409.
 25. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). – Ф. 2. – Оп. 1–1928. – Д. 144. – Л. 282–282 об.
 26. Письмо ученого секретаря Полярной комиссии АН ССР А.И. Толмачева заместителю председателя Совета Севера Госплана СССР С.В. Славину // НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 1 – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 1.
 27. НА Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 19а. – Ч. 4. – Л. 2–4.
 28. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. – Москва: Огиз: Госполитиздат, 1939. – С. 251, 360, 658, 662.

References

1. Ocherki po istorii Komi ASSR [Essays on the history of the Komi ASSR], Vol. II (1917–1961) / Ed. Dr. Sci. (History) K.V. Sivkov [et al.]. – Syktyvkar, 1962.
2. Ocherki istorii Komi partiynoy organizatsii [Essays on the history of the Komi party organization] / Ed. Ya.N. Beznosikov [et al.]. – Syktyvkar, 1964. – 428 p.
3. Ocherki po razvitiyu promyshlennosti Komi ASSR [Essays on the development of industry in the Komi ASSR] / USSR Acad. of Sciences, Komi Branch; Ed. D.S. Ton, N.I. Shishkin, G.N. Parashchenko. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1956. – 147 p.
4. Davydov, V.N. Sotsialisticheskaya industrializatsiya Komi ASSR (1926–1937) [Socialist industrialization of the Komi ASSR (1926–1937)] / V.N. Davydov, V.V. Startsev, V.S. Degteva // Nauchnyy arkhiv FITS Komi NTS UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi Science Centre, Ural Branch of

- the Russian Academy of Sciences]. Fonds 1. Inventory 12. File 50.
5. Taskaev, M.V. Nauchnyy otchet "Sotsialis-ticheskaya industrializatsiya Komi ASSR (1926–1937 gg.)" kak pervoye kompleksnoye issledovaniye po istorii industrializatsii Yevropeyskogo Severo-Vostoka Rossii [Scientific report "Socialist industrialization of the Komi ASSR (1926–1937)" as the first comprehensive study on the history of industrialization of the European North-East of Russia] / M. V. Taskaev, T. A. Malkova // Industrializatsiya Yevropeyskogo Severo-Vostoka Rossii: predposylki, sposoby osushchestvleniya i vliyaniye na sotsialno-ekonomicheskoye, politicheskoye, etnodemograficheskoye i kulturnoye razvitiye regiona [Industrialization of the European North-East of Russia: prerequisites, implementation methods and impact on the socio-economic, political, ethno-demographic and cultural development of the region]. – Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2013. – P. 142–150.
 6. Malkova, T.A. Syktyvkar'skiy promyshlennyy uzel v do-voyennyye gody: k voprosu issledovaniya i formirovaniya [The Syktyvkar industrial hub in the pre-war years: research and formation] / T. A. Malkova // Industrializatsiya Yevropeyskogo Severo-Vostoka Rossii: predposylki, sposoby osushchestvleniya i vliyaniye na sotsialno-ekonomicheskoye, politicheskoye, etnodemograficheskoye i kulturnoye razvitiye regiona [Industrialization of the European North-East of Russia: prerequisites, implementation methods and impact on the socio-economic, political, ethno-demographic and cultural development of the region]. – Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2013. – P. 62–73.
 7. Turubanov, A.N. Toplivnyy kompleks Respubliki Komi v XX veke [Fuel complex of the Republic of Komi in the XX century] / A.N. Turubanov. – Syktyvkar, 2007. – 191 p.
 8. Istoriya stanovleniya i razvitiya neftegazovogo kompleksa Komi kraya (k istorii osvoyeniya nefti Yevropeyskogo severo-vostoka Rossii) [The history of the formation and development of the oil and gas complex of the Komi region (on the history of oil development in the European North-East of Russia)]. – Ukhta: USTU, 2004. – 168 p.
 9. Zherebtsov, I.L. Osnovnyye etapy promyshlennogo razvitiya Yevropeyskogo Severo-Vostoka Rossii [The main stages of industrial development of the European North-East of Russia] / I.L. Zherebtsov // Industrializatsiya Yevropeyskogo Severo-Vostoka Rossii: predposylki, sposoby osushchestvleniya i vliyaniye na sotsialno-ekonomicheskoye, politicheskoye, etnodemograficheskoye i kulturnoye razvitiye regiona [Industrialization of the European North-East of Russia: prerequisites, implementation methods and impact on the socio-economic, political, ethno-demographic and cultural development of the region]. – Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2013. – P. 5–12.
 10. Kotov, P.P. Voprosy pereseleniya v Komi krai v kontse XIX – nachale XX veka i ekspeditsiya P.I. Sokolova [Problems of resettlement to the Komi Region in the late XIX-early XX centuries and the expedition of P.I. Sokolov] / P.P. Kotov // Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. – 2020. – Vol. 14. – Issue 1. – P. 94–102.
 11. Berdinskikh, V.A. GULAG: ideologiya i ekonomika podnevolnogo truda v XX veke [GULAG: ideology and economics of forced labor in the XX century] / V.A. Berdinskikh, V.I. Men'kovsky. – Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2017. – 132 p.
 12. Borozinets, L.G. Rol i znachenie massovogo primeneniya truda ugovolno osuzhdennykh v osvoyenii prirodnikh bogatstv Pechorskogo kraya v kontse 20-kh – kontse 50-kh gg. XX v. [The role and significance of wide use of the labor of criminally convicted people in the development of the natural resources of the Pechora region in the late 20s – late 50s of the XX century] // Gumanitarnyye issledovaniya [Humanitarian Studies]. – 2008. – № 3. – P. 70–87.
 13. Filippova, T.P. Pervye issledovaniya geologicheskogo komiteta na Evropejskom Severe Rossii: ekspeditsii E.S. Fedorova na Severnyj Ural v 1884–1889 gg. [The first studies of the Geological Committee in the European North of Russia: E.S. Fedorov's expeditions to the Northern Urals in 1884–1889] / T.P. Filippova // Istoriya nauki i tekhniki [History of Science and Technique]. – 2022. – № 3. – P. 38–44.
 14. Malkova, T.A. Nauchnyye issledovaniya territorii Respubliki Komi v pervoy polovine XX veka: 1901–1945 gg. [Scientific research of the territory of the Komi Republic in the first half of the XX century: 1901–1945] / T.A. Malkova; Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Komi Science Centre, Institute of Language, Literature and History. – Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History Komi SC UB RAS, 2008. – 179 p.
 15. Pismo vsesoyuznogo Geologicheskogo Komiteta VSNH v adres ispolkoma Komi AO ot 1 aprelya 1927 g. [Letter of the All-Union Geological Committee at the Supreme Economic Council to the Executive Committee of the Komi Autonomous Region dated April 1, 1927] Gosudarstvennoye uchrezhdeniye Respubliki Komi "Natsionalnyy arkhiv Respubliki Komi" [State Institution of the Komi Republic "National Archive of the Komi Republic"]. Fonds R-139. Inventory 1. File 404, Sheets 79–80.
 16. Kafengauz, L.B. Evolyutsiya promyshlennogo proizvodstva Rossii [Evolution of industrial production in Russia] / L.B. Kafengauz. – Moscow: Epifania, 1994. – 848 p.
 17. Igolkin, A.A. Neftyanaya promyshlennost v gody vtoroy pyatiletki: plany i realnost [Oil industry during the second five-year plan: plans and reality] / A.A. Igolkin // Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie [Economic History. Review] / Ed. L.I. Borodkin. Issue 10. – Moscow, 2005. – P. 132–145.
 18. XVI konferentsiya Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (b). 23–29 aprelya 1929. Stenograficheskiy otchet [The XVI Conference of the All-Union Communist Party (b). April 23–29, 1929. Verbatim record]. – Moscow-Leningrad: Gosizdat, 1929. – P. 108.

19. Gazeta "Yugyd tuy" ("Svetlyy put") № 3 ot 5 yanvarya 1928 g. [Newspaper "Yugyd Tuy" ("Path of Light") № 3 dated January 5, 1928] [Electronic resource] // National Electronic Library. – URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl60000274000?page=10&rotate=0&theme=white> (accessed: 21.12.2022).
20. Krasilnikov, S.A. Rozhdeniye GULAGa: diskussiya v verkhnikh eshelonakh vlasti [Birth of the GULAG: discussion in the upper echelons of power] / S.A. Krasilnikov // Istoricheskii arkhiv [Historical Archive]. – 1997. – № 4. – P. 142–156.
21. Pokayaniye: Martirolog. [Repentance: Martyrology]. Vol. 2 / Comp. G.V. Nevsky. – Syktyvkar, 1999. – P. 132.
22. Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Archive of Sankt-Petersburg]. Fonds R 1000. Inventory 14. File 89. Sheets 17–30.
23. Itogi vypolneniya pervogo pyatiletnego plana razvitiya narodnogo khozyaystva Soyuza SSR [Implementation results of the first five-year plan for the development of the national economy of the USSR]. – Leningrad: "Standardization and rationalization" Publ. House, 1933. – P. 94, 97, 116.
24. Kuibyshev, V.V. Vtoroy pyatiletniy plan [Second Five-Year Plan] / V.V. Kuibyshev // Verbatim report of the XVII Congress of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks). January 26 – February 10, 1934. – Moscow, 1934. – P. 409.
25. Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva RAN [The Sankt-Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences]. Fonds 2. Inventory 1–1928. File 144. Sheet 282–282 Back Page.
26. Pismo uchenogo sekretarya Polyarnoj komissii AN SSSR A.I. Tolmacheva zamestitelyu predsedatelya Soveta Severa Gosplana SSSR S.V. Slavinu [Letter of the Scientific Secretary of the Polar Commission of the USSR Academy of Sciences A.I. Tolmachev to the Deputy Chairman of the Council of the North of the USSR State Planning Commission S.V. Slavin] // Scientific archive of the FRC Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. – Fonds 1. – Inventory 1. – File 8. – Sheet 1.
27. Nauchnyy arkhiv FITS Komi NTS UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Fonds 1. Inventory 1. File 19a. Part 4. Sheets 2–4.
28. XVIII syezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (b) [The XVIII Congress of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks)]. March 10–21, 1939. Verbatim record. – Moscow: O giz: Gospolitizdat, 1939. – P. 251, 360, 658, 662.

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах Европейского Севера России» (№ государственного учета 122040800166-0).

Информация об авторе:

Самарин Алексей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Коим НЦ УрО РАН; ORCID 0000-0002-7528-4242 (Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; Российская Федерация, 167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: samarin@mail.illhkomisc.ru).

Author:

Aleksei V. Samarin – Candidate of Sciences (History), ORCID 0000-0002-7528-4242, Senior Researcher at the Institute of Language, Literature and History FRC Komi SC UB RAS (Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation, 167982; e-mail: samarin@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Самарин, А.В. Отличительные черты индустриализации Коми АССР в 1927–1937 годы / А.В. Самарин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 117–126.

For citation:

Samarin, A.V. Otlichitelnye cherty industrializatsii Komi ASSR v 1927–1937 gody [Distinctive features of the industrialization of the Komi ASSR in 1927–1937] / A.V. Samarin // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 117–126.

Дата поступления рукописи: 09.02.2023

Прошла рецензирование: 17.02.2023

Принято решение о публикации: 17.02.2023

Received: 09.02.2023

Reviewed: 17.02.2023

Accepted: 17.02.2023

Участие военнослужащих Румынии и Италии в осуществлении истребительной политики против населения оккупированной территории Ростовской области

К.В. Воронин

Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону
Konst.voronin2012@yandex.ru

Аннотация

Первые задокументированные факты об участии военнослужащих иностранных армий в уничтожении гражданского населения и военнопленных на оккупированной советской территории стали известны широкой общественности в годы Великой Отечественной войны. В большинстве своем это были материалы, собранные Чрезвычайной государственной комиссией СССР по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям, а также подчинявшимся ей региональными комиссиями. Эти документы использовались во время войны и в первые послевоенные годы в судебных процессах над немецкими, венгерскими, румынскими и прочими иностранными военными преступниками. В послевоенное время многие вопросы данной темы по различным причинам не получили соответствующего отражения в советской историографии. Новые подходы в изучении действий оккупационных войск Румынии и Италии на Дону были предложены историками в 1990–2000-х гг. Рассекречивание и ввод в научный оборот новых архивных документов, а также публикация многотомного издания «Без срока давности» в 2020 г. создают возможности систематизированного и комплексного изучения масштабов и степени виновности вооруженных сил Румынии, Италии и других союзников Германии в истребительной политике на захваченной территории Ростовской области в 1941–1943 гг.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, Ростовская область, оккупационный режим, военные преступления, Румыния, Италия, истребительная политика

Введение

Вместе с вооруженными силами нацистской Германии в нападении на СССР 22 июня 1941 г. приняли участие и вооруженные силы ее европейских стран-союзниц и сателлитов. Наряду с немецкими частями советскую границу перешли войска Финляндии, Венгрии, Румынии, Словакии,

Participation of Romanian and Italian military personnel in the extermination policy against the population of the occupied territory of the Rostov region

K.V. Voronin

Southern Science Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don
Konst.voronin2012@yandex.ru

Abstract

The first documented facts about the participation of soldiers of foreign armies in the slaughter of civilians and war prisoners on the occupied Soviet territory became known to the general public during the Great Patriotic War. These materials were mainly collected by the Extraordinary State Commission of the USSR and its regional commissions for the establishment and investigation of the atrocities of Nazi invaders and their accomplices and the damage they caused to citizens, collective farms, public organizations, state enterprises and institutions. These documents were used during the war and in the first post-war years in the trials of the German, Hungarian, Romanian and other foreign war criminals. In the post-war period, many issues of this topic for various reasons were not adequately highlighted in the Soviet historiography. The historians proposed new study approaches for the actions of the Romanian and Italian occupation troops on the Don in 1990s–2000s. Declassification and introduction into scientific circulation of new archival documents and publication of the multi-volume edition “Without statute of limitations” in 2020 create opportunities for a systematic and comprehensive study of scale and culpability degree of the armed forces of Romania, Italy and other allies of Germany in the extermination policy on the occupied territory of the Rostov region in 1941–1943.

Keywords:

the Great Patriotic War, the Rostov region, occupation regime, war crimes, Romania, Italy, extermination policy

Хорватии и Италии. Помимо вооруженных сил союзников, в рядах немецкой армии и войсках СС служили десятки тысяч добровольцев и насильно призванных граждан из покоренных к тому времени европейских и скандинавских стран. Общая доля воинских контингентов иностранных

государств-союзниц Германии на начало Великой Отечественной войны составляла около 1/5 от всех задействованных в нападении против СССР вражеских войск, а к середине войны она еще более возросла. Особенно активно войска союзников Германии на Восточном фронте применялись с лета 1942 г. до весны 1943 г. – в самый напряженный период войны. Основная их часть сражалась на юге РСФСР, где решалась судьба войны в целом [1, с. 218].

Значительная часть этой огромной массы иностранных граждан, большинство из которых открыто не разделяло расовую идеологию нацистов и не являлось членами националистических партий, при нахождении на оккупированных территориях Ростовской области, наряду с немецкими военными и коллаборационистами, запятнала себя военными и бытовыми преступлениями в отношении советских военнопленных и гражданских лиц. Однако ранее эта тема не являлась предметом специального изучения.

Материалы и методы

Главными историческими источниками выступают архивные документы, впервые вводимые в научный оборот и ранее опубликованные, историографическими источниками – исследования советских и современных российских и зарубежных историков. Методологической основой исследования стал принцип историзма, позволяющий рассматривать отдельные исторические факты в динамике, в контексте определенной исторической ситуации. Наряду с общенаучными методами логического анализа и методом источниковедческого анализа при подготовке статьи использовались сравнительно-исторический метод, определявший возможности для сопоставления действий представителей различных оккупационных армий, и проблемно-хронологический метод, позволяющий рассматривать динамику введения в научный оборот источников по изучаемой проблеме в хронологической последовательности, установить приоритеты в постановке проблемы и процесс преемственности в ее исследовании. Географические рамки статьи, в основном, ограничены территорией Ростовской области / РСФСР / Российской Федерации.

Результаты

Проблема участия иностранных военнослужащих в зверствах и бесчинствах на захваченных территориях СССР советской исторической наукой рассматривалась крайне ограниченно [2]. Советские историки при описании преступлений оккупантов осознанно старались не упоминать их национальность, используя общепринятый штамп «немецко-фашистские захватчики». По мнению исследователей проблемы: «Преобладала позиция, что венгерских, румынских и других солдат приносили в жертву немецким интересам, они мерзли и гибли в донских степях за чуждые цели» [1, с. 218–219].

Такой подход был вызван, прежде всего, политическими факторами: с 1943 г. союзники Германии, под угрозой полного разгрома, стали выходить из войны и присоединяться к странам Антигитлеровской коалиции. По оконча-

нии Второй мировой войны Венгрия и Румыния приняли социалистическую модель развития и стали партнерами СССР – членами Организации Варшавского договора. Словакия и Хорватия вошли в состав Чехословакии и Югославии, также ставшими социалистическими странами, а с Италией и Финляндией возобновились дипломатические отношения. На фоне угрозы третьей мировой войны советское руководство стремилось поддерживать хорошие отношения с бывшими врагами и не хотело лишний раз напоминать новым союзникам о бесчинствах их военнослужащих, тем самым обостряя противоречия прошлых лет. В основном исследователями рассматривались общий ход боевых действий, частные военные операции и стратегические последствия использования иностранных войск на ключевых направлениях советско-германского фронта [3–6].

Но нельзя сказать, что расследований зверств и бесчинств, совершенных иностранными военнослужащими, в СССР вообще не проводилось. В фонде уголовных дел Центрального архива ФСБ России хранится около 30 тыс. следственных дел в отношении лиц, служивших в армиях гитлеровской Германии и ее союзников, в отрядах особого назначения, в частях по поддержанию порядка и оккупационных войсках [7, с. 182]. Начиная с осени 1941 г. сотрудниками НКВД, военной прокуратуры, а впоследствии и уполномоченными Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК) были собраны подробные материалы об организаторах и исполнителях зверств и грабежей из числа иностранных военнослужащих. Они легли в основу послевоенных судебных процессов над «бывшими военнослужащими враждебных армий» [7, с. 183].

В новейших работах российских и зарубежных исследователей постепенно стала подниматься проблема расследования преступлений, совершенных во время оккупации советских территорий союзниками Германии. В сборнике «Крестовый поход против России» авторами приведена краткая характеристика оккупационной политики почти каждой страны-союзницы Германии, с упоминанием отдельных злодеяний военнослужащих этих стран, а также частично раскрыты предпосылки и причины возникновения условий и обстоятельств их совершения [6].

Глубокое исследование данной проблемы провел венгерский историк Т. Краус, который на основании многочисленных венгерских и российских архивных документов доказывает, что совершение массовых преступлений военнослужащими иностранных, в частности венгерской, армий было заранее спланированным геноцидом населения на оккупированной территории [7, с. 180–215]. Выводы Т. Крауса полностью подтверждают российские исследователи И.И. Баринов и А.П. Скорик, изучившие соотвественно деяния итальянских и румынских войск на донской земле [8; 9, с. 181–187].

На отношение оккупантов к населению влияло их восприятие нацистской «расовой политики», которое отличалось в разных странах-сателлитах. Свои коррективы

вносили военная обстановка (положение на фронте) и другие обстоятельства (партизанская активность, поведение самого населения и т.д.). Преступные, противоречащие международным юридическим нормам приказы высшего немецкого руководства и верховного командования вермахта в отношении советских военнопленных, мирного населения, в первую очередь, евреев, цыган, а затем и представителей других национальностей, прежде всего славянских, печально известный «Приказ о комиссарах» от 5 мая 1941 г. и привлечение иностранных военнослужащих к карательным акциям прямо подталкивали их к совершению различных преступлений на оккупированных территориях.

В течение 1941–1943 гг. через территорию Ростовской области прошли войска или воинские формирования ряда стран-союзниц Германии. Осенью 1941 г., вместе с немецкими захватчиками, Приазовье оккупировали войска Румынии и Словакии, а в составе дивизии СС «Викинг» действовал финский батальон [10, с. 32, 36]. Летом 1942 г. к оккупантам добавились войска Италии, которые заняли территории на северо-востоке области.

Жители оккупированных районов СССР, пережившие оккупацию, по-разному относились к иностранным оккупантам: венгров ненавидели за запредельную жестокость, румын презирали за насилие и мародерство. Итальянцы и словаки на Дону предпочитали не зверствовать, а передавать советских патриотов в немецкие карательные органы. Но, несмотря на различные поведенческие линии представителей разных национальностей, отличительными чертами бесчинствующих иностранных оккупантов были ненависть к советскому строю, жажда материального обогащения и безнаказанность.

Необходимо отметить, что румынская оккупационная политика на захваченных территориях отличалась от итальянской. Основной костяк румынской армии составляли малообразованные крестьяне, многие солдаты и офицеры находились под воздействием националистических настроений, созданных пропагандой. Большинство из них надеялись нажиться на войне и получить земельные наделы на завоеванной территории. Румынский диктатор И. Антонеску с самого начала войны в СССР издавал преступные приказы о жестоких репрессивных мерах по отношению к мирному населению. Во многих населенных пунктах румынские войска находились вместе с частями вермахта, в других – были расквартированы самостоятельно. Если румынские части располагались в населенном пункте совместно с немецкими подразделениями, то реализация оккупационной политики целиком находилась под контролем немецкого военного командования, которое отводило румынам роль исполнителей и палачей. В случае самостоятельного квартирования в населенном пункте устанавливался режим румынской оккупации, порой по степени бесчинств превышавший немецкий, но также под общим немецким контролем. Карательными функциями в румынской армии занималось Управление полиции безопасности – сигуранца, аналог немецкого гестапо. Большинство сотрудников румынской сигуранцы повинно в организации и исполнении массовых преступлений на оккупированных

территориях. Террор и уничтожение советских граждан, издевательства над ними были возведены правительством Румынии в ранг официальной политики [11].

Подтверждением этому служат как ранее опубликованные, так и рассекреченные, вводимые в последние годы в научный оборот архивные документы, в которых сохранились свидетельства о зверствах и преступлениях, творимых иностранными военнослужащими на Дону. Помимо массовых свидетельств о зверствах немцев, более всего сохранилось документов о злодеяниях именно румынских военнослужащих. Это объясняется тем, что румынский контингент был самым многочисленным из иностранных войск, оккупировавших крупные населенные пункты Ростовской области. Практически везде на Дону, где находились румынские части, уцелевшие жители рассказывали об их бесчинствах.

Профессор Ростовского педагогического и медицинского института Ш. Керенский после освобождения области так описал методы работы румынской сигуранцы: «В сигуранце избивали, это я могу засвидетельствовать на основании личного (*опыта* – К.В.). Лопатой меня ударили, прикладом в спину, за то, что я отказался отречься от своих взглядов на расовую теорию, что я отказался выступать с этим в печати и с докладом перед широкой публикой» [12, л. 1–7]. Свидетельство Ш. Керенского содержит пример преследования румынским карательным органом представителя научной интеллигенции за его взгляды на догматы, навязываемые оккупационным режимом. Сигуранца в этом случае выступает инструментом насаждения идеологии нацистской Германии, не являвшейся официальной в Румынии.

Из акта от 17 января 1943 г. комиссии Яман-Сальского сельского совета Заветинского района Ростовской области: «В начале декабря 1942 г. <...> подъехали румынские изверги к старику Самойлову Ф.С., 54 лет, взяли у него телка, гусей 3 штуки, кур, когда Самойлов стал говорить, что я заявляю коменданту, то они его схватили, посадили в бричку и увезли, не доезжая до с. Кичкино, избили его прикладами до полусмерти и бросили на дороге» [13, с. 244]. Этот факт является одним из многочисленных примеров неконтролируемых грабежей продуктов питания разнузданными румынскими солдатами, которые при угрозе сообщить об их неправомерных действиях совершили еще одно преступление – сильно избили ограбленного гражданина.

Из акта Орловского сельского совета Милютинского района: «27 декабря 1942 г. при отступлении немецко-румынских банд в хуторе Золотовском были расстреляны пять местных жителей: Ковалева Валентина Леонтьевна, Лазарев Николай Иванович, Любченко Василий Иванович, Черножуков Савелий Самойлович, Яровой Яков Александрович. Также расстреляли военнопленных, проживавших в хуторе Золотовском: Афанасьева Александра Тихоновича, Бузунова Павла, Ковшарева Григория Алексеевича, Курова Андрея Сергеевича, Просвинова Николая Поликарповича, Синицына Федора Георгиевича. Кроме этого, оккупанты расстреляли взятых ранее в плен 23 красноармейцев (их фамилии не установлены), которых предвительно пытали, а именно: отрезали уши, языки, щеки, руки, ноги, половой член, выкалывали глаза, вырезали с

боков полосы и др.» [9, с. 181–183]. В данном акте используется термин «немецко-румынские банды», больше похожий на пропагандистский штамп, не являющийся прямым доказательством участия в данном злодеянии румынских военнослужащих. В то же время А.П. Скорик, опираясь на архивные документы, указывает, что в тех местах оперировала 7-я пехотная дивизия румын [9, с. 181–182]. Можно предположить, что совместно с какой-то немецкой карательной командой действовало румынское полицейское либо армейское подразделение.

Из показаний свидетеля Е.И. Оверченко, жителя совхоза имени Ильича Сальского района Ростовской области от 29 марта 1943 г.: «Я была дома одна. К нам (в дом – К.В.) забежали румыны и стали что-то искать в моем сундуке. Взяли перчатки и мое платье. Я стала отбирать, они стали меня избивать кулаками и когда я упала, стали избивать ногами и разными предметами» [13, с. 244]. Грабежи имущества у местного населения с применением физического насилия приобрели у военнослужащих румынской армии настолько массовый характер, что большая часть документальных свидетельств, в которых они фигурируют, рассказывает именно об этих видах преступлений.

Повсеместный характер приобрели и изнасилования румынскими военнослужащими советских женщин и девушек. Из показаний свидетельницы В.Т. Тырниковой, проживавшей в совхозе имени Ильича Сальского района Ростовской области, от 29 марта 1943 г.: «Однажды ночью в избу ворвались румынские солдаты и заметив ее (дочь Веру, 18 лет – К.В.) на койке, стали приставать к ней. Отец и мать стали было заступаться, тогда они взяли их под оружие, положив на пол. При борьбе Веры с солдатом, она ударила его в лицо и воспользовавшись его замешательством, выбила окно и ушла, тем самым спаслась от изнасилования» [14, л. 125 об.].

Кроме того, имеются свидетельства о групповых изнасилованиях румынскими военнослужащими «во главе с полковником» гражданки Белоконовой в колхозе имени В.П. Чкалова Кутейниковского сельсовета Селивановского района [15, с. 59–60, 61] и гражданок Наумовой и Рокачевой пятью румынскими солдатами в хуторе Малаховском Боковского района Ростовской области [16, л. 115–120].

Из акта № 778 комиссии хутора Озеры Чернышевского района Ростовской области: «Перед отступлением из х. Озеры Петровского сельсовета румынские солдаты устроили облаву по хутору и все мужское население от 13 лет и старше <...> согнали в один дом в количестве 45 человек и заминировали. Только внезапный захват хутора Красной Армией не позволил провести зверскую расправу над мирным населением хутора» [14, л. 218]. Попытка массового убийства гражданских лиц, в том числе детей, является одним из тягчайших военных преступлений по всем международным законам.

Как видно из этих свидетельств, расстрелами, изнасилованиями, бесчинствами и грабежами занимались как полицейские и карательные формирования, так и простые румынские солдаты. Несмотря на нередко неприязненные отношения между немцами и румынами [11], последние охотно участвовали в насаждении оккупационного режима по немецкому образцу, разграбляя и уничтожая все, до

чего могли добраться, и безжалостно относясь к мирному населению.

Итальянские соединения летом 1942 г. через Донбасс дошли до Ростовской области и к декабрю занимали полосу обороны от с. Новая Калитва Воронежской области до станицы Верхне-Чирской Ростовской области. Одна из итальянских дивизий, 3-я пехотная «Равенна», обороняла участок у Богучара, а 35-й армейский корпус занимал позиции по правому берегу Дона [1, с. 226]. В тылу фронтовых частей стояли многочисленные гарнизоны из частей снабжения, самые крупные находились в г. Миллерово и пос. Чертково.

Итальянская оккупационная политика считалась среди населения наиболее мягкой [8], а поведение итальянцев существенно отличалось в положительную сторону от поведения немцев и румын. В отличие от румын, солдатская масса итальянской армии не была идеологически подготовлена и материально стимулирована. Итальянским солдатам не было обещано земельных наделов на Востоке, и многие из них не понимали, за что они воюют в России. Вооруженные силы Италии попали в СССР исключительно из-за стремления диктатора Б. Муссолини участвовать в разделе завоеванных территорий СССР после окончания войны.

В случае самостоятельного размещения в населенном пункте, из итальянских командиров немцами назначалась военная администрация, в обязанность которой вменялось обеспечение безопасности войск в данной местности. Из числа гражданских лиц итальянской военной администрацией назначались старосты и бургомистры, отвечавшие за порядок среди населения и обязанные сообщать о партизанах, беглых военнопленных и прочих нарушениях «под страхом суровых наказаний и репрессий» [8]. Данная модель итальянской оккупационной политики в корне отличалась от немецкой и подражавшей ей румынской, обрекавшей на физическое уничтожение всех лиц, отказывавшихся подчиняться «новому порядку» [8].

Итальянским командованием была выпущена директива о разделении всего населения оккупированных территорий на три группы: в первую попадали граждане, поддерживавшие советский строй, во вторую — их идейные противники и пострадавшие от советской власти, а в последнюю нейтрально настроенные граждане. Эта директива указывала администрации оккупированных районов на необходимость выстраивания разной политики по отношению к этим трем группам [8]. Напротив, немцы только условно делили советское население на граждан, ставших коллаборантами, и всех остальных, в отношении которых не соблюдалось никаких законов.

В итальянских экспедиционных войсках полицейскими и надзорными функциями занимались военная контрразведка и спецслужба (Controspionaggio militare e servizi speciali – CSMSS) и отдельно созданная для работы на оккупированных территориях специальная полиция. В своем исследовании И.И. Баринов доказывает, что итальянцы были фактически единственными союзниками Германии, которые максимально уменьшили полицейские функции регулярных армейских частей в отношении мирного населения. Итальянская специальная полиция, в отличие от карательных и полицейских органов Германии, Румынии и

других стран-союзниц, была создана для обеспечения закона и правопорядка, согласно международным нормам и законам Италии. Этот надзор осуществлялся не только за местным населением, но и за военнослужащими оккупационных войск стран-союзниц на подконтрольной территории: «Имеются документы о расследованиях сотрудниками специальной полиции фактов преступлений, совершенных итальянскими военнослужащими» [17, л. 65].

Тем не менее сохранились архивные документы, свидетельствующие о бесчинствах итальянцев на Дону. Вот факты военных преступлений, совершенных итальянскими войсками, зафиксированные органами НКВД и уполномоченными ЧГК. Из акта № 1096 от 10 апреля 1943 г. комиссии Каргинского сельсовета Ростовской области: «Бурдыга Федор Романович, агроном, не давая разбить колхозного имущества в поле колхоза им. Ворошилова итальянской армией, был избит. Карпов Иван Васильевич был убит за отказ пустить комбайн в работу, Стуков И.А. был избит, Богачкова Антонина Карповна, девочка 16 лет, подверглась гонению со стороны фашистов, которые намеревались ее изнасиловать, гоняя по улице с ножами. Девочка 16 лет была изнасилована фашистами, а ее 75-летний дед был избит за то, что защищал девушку, 10-летний мальчик Складов Николай под угрозой оружия и избиения заставлен был фашистами везти на себе коляску с награбленным имуществом для отправки в Италию» [13, с. 318–319]. Включающий несколько составов тяжких и особо тяжких преступлений, данный акт представляет обобщающие сведения о них, не раскрывая подробных деталей совершенных злодеяний и имен конкретных виновных в данных преступлениях военнослужащих. Но сами виды перечисленных преступлений позволяют уверенно утверждать об осуществлении итальянской армией на донской земле истребительной политики и тотального грабежа в интересах Италии и Германии.

Из акта от 24 октября 1943 г. по Каршено-Анненскому сельсовету Большекрепинского района Ростовской области: «В период оккупации с 07.11.41 г. по 01.12.41 г. и в период второй оккупации с 22.07.42 г., по 15.02.43 г. проходящими немецкими, румынскими и итальянскими войсками было разрушено хозяйство сельсовета. Воздушных бомбардировок и артобстрелов не было» [18, л. 212]. Этот документ кратко показывает характер общей грабительской политики всех стран-оккупантов на захваченных территориях. Несмотря на то, что боевые действия в данной местности не велись, захватчики разграбили и разрушили всю хозяйственную инфраструктуру сельсовета. Подобные действия оккупантов массово осуществлялись почти во всех освобожденных населенных пунктах.

Даже в послевоенных мемуарах итальянских офицеров и солдат, участвовавших в оккупации Ростовской области, можно найти упоминания о жестокостях отдельных военнослужащих по отношению к мирному населению. Из воспоминаний Э. Корти, офицера итальянского экспедиционного корпуса: «Помню одного неприятного лейтенанта <...> Его солдаты рассказали, что летом (1942 г. – К.В.) он сделал своей любовницей русскую девочку. Когда же он надумал от нее избавиться, то <...> объявил ее шпионкой и подвел под расстрел» [19, с. 191]. Этот пример отдель-

ного военнослужащего, совершившего два особо тяжких преступления против советской гражданки и оставшегося безнаказанным со стороны своего командования, говорит о таком же несоблюдении международного права итальянскими солдатами и офицерами, как и всеми остальными оккупантами, независимо от национальности.

О повальном воровстве и мародерстве пишет в своем письме в Италию капрал Фалькони из 52-го артиллерийского полка: «Больше, чем фронтовые опасности, нас занимает проблема питания. Мы все время думаем о том, где бы добыть поесть. Мы забираем и воруем продукты в деревнях, которые мы проходим, так как, если бы мы жили на то, что нам дают, мы давно бы умерли с голоду <...>. Все мы стали мастерами по части “организовать” курицу, порося, овцу и т.д.» [20].

Таким образом, между румынской и итальянской оккупационной политикой на захваченных территориях имелись определенные различия. Если румынские части практически нигде и никогда не соблюдали никаких норм международного и военного права, то итальянцы, напротив, стремились придать своим действиям видимость порядка и законности. Но, несмотря на особенности поведения румынских и итальянских частей и отдельных военнослужащих, общей целью всех иностранных захватчиков было порабощение и ограбление оккупированных территорий и местного населения. Убивая, грабя и насилая, солдаты румынской и итальянской армий способствовали достижению главных военных целей нацистской Германии – ликвидации советской государственности и германизации оккупированной территории, включая полное или частичное уничтожение, выселение или использование рабского труда расово «неполноценных» этнических групп, проживающих на завоеванных или подлежащих завоеванию территориях [7, с. 182]. В условиях навязанной Германией тотальной войны все без исключения вооруженные силы союзников стали добровольными либо невольными соучастниками истребительной политики нацистов в отношении советского мирного населения, особенно евреев. Имеющиеся факты преступлений военнослужащих армий Румынии и Италии позволяют утверждать, что осуществленный нацистами геноцид в Ростовской области был общим делом не только немцев, но и их румынских и итальянских союзников.

Заключение

Публикации рассекреченных архивных фондов и серии документов «Без срока давности», опирающиеся на опыт предшествующей разработки проблемы отечественными и зарубежными исследователями, создают условия для более систематизированного и комплексного изучения особенностей оккупационной политики Румынии и Италии и различий оккупационных режимов на захваченной территории Ростовской области, дальнейшего исследования структуры и деятельности иностранных оккупационных органов и служб, юридической и политической ответственности за совершенные военные преступления конкретных организаторов и исполнителей как из числа должностных

лиц, так и среди простых военнослужащих этих стран. Результаты могут стать необходимой основой для будущих исследований, обновления доказательной базы участия и степени виновности военнослужащих Румынии и Италии в истребительной политике нацистов на оккупированных территориях.

Источники и литература

1. Матишов, Г.Г. Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.) / Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев. – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2016. – 456 с.
2. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне: военно-исторический справочник. / под ред. М.И. Семиряги. – Москва: Воениздат, 1972. – 302 с.
3. Сафронов, В.Г. Итальянские войска на советско-германском фронте: 1941–1943 / В.Г. Сафронов. – Москва: Наука, 1990. – 238 с.
4. Филоненко, С.И. От Прута и Днестра до Дона и Волги: Разгром армий сателлитов фашистской Германии под Сталинградом и Воронежем (ноябрь 1942 года – февраль 1943 года) / С.И. Филоненко. – Воронеж: Издательство Воронеж. гос. ун-та, 1999. – 256 с.
5. Залесский, К.А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии / К.А. Залесский. – Москва: Астрель-АСТ, 2003. – 492 с.
6. Крестовый поход на Россию: сборник статей / под ред. М. Чернова. – Москва: Яуза, 2005. – 477 с.
7. Краус, Т. Судьба идей в истории СССР и после / Т. Краус. – Москва: Аквилон, 2020. – 332 с.
8. Баринов, И.И. Итальянские войска на оккупированных территориях СССР / И.И. Баринов // Вестник РУДН, сер. «История России». – 2011. – № 4. – URL: <https://journals.rudn.ru/russian-history/issue/view/260> (дата обращения 29.11.2022).
9. Скорик, А.П. Фашизм с румынским лицом на земле донских казаков в оккупационный период 1942 года / А.П. Скорик // Россия в глобальном мире: альманах. – 2016. – № 8 (31). – С. 181–187.
10. Батлер, Р. SS-Viking: История пятой дивизии СС «Викинг». 1941–1945 / Р. Батлер. – Москва: АСТ Москва: Хранитель, 2006. – 192 с.
11. Левит, И.Э. Вступление Румынии в войну против Советского Союза / И.Э. Левит // Крестовый поход на Россию: сборник статей. – URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-history/106389-sbornik-krestovyyupohod-na-rossiyu.html#book> (дата обращения: 29.11.2022).
12. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 7021. – Оп. 40. – Д. 844. – Л. 1–7.
13. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны / Ростовская область: сборник документов. / под ред. М.А. Пономаревой. – Москва: «Кучково поле», 2020. – 464 с.
14. ГАРФ. – Ф. 7021. – Оп. 40. – Д. 777.

15. Центр документации новейшей истории Ростовской области. – Ф. 1886. – Оп. 1. – Д. 9.
16. ГАРФ. – Ф. 7021. – Оп. 40. – Д. 773.
17. ГАРФ. – Ф. 7021. – Оп. 149. – Д. 191.
18. ГАРФ. – Ф. 7021. – Оп. 40. – Д. 624.
19. Корти, Э. Немногие возвратившиеся. Записки офицера итальянского экспедиционного корпуса. 1942–1943 гг. / Э. Корти. – Москва: Центрполиграф, 2002. – 314 с.
20. Филатов, Г.С. Восточный поход Муссолини / Г.С. Филатов // Крестовый поход на Россию: сборник. – URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-history/106389-sbornik-krestovyyupohod-na-rossiyu.html#book> (дата обращения: 29.11.2022).

References

1. Matishov, G.G. Bol'shaya izluchina Dona - mesto reshayushih srazhenij Velikoj Otechestvennoj vojny (1942–1943 gg.) [The big bend of the Don is a place of decisive battles in the Great Patriotic War (1942–1943)] / G.G. Matishov, V.I. Afanasenko, E.F. Krinko, M.V. Medvedev. – Rostov-on-Don: Southern Sci. Cener, RAS, 2016. – 456 p.
2. Strany Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evropy vo vtoroj mirovoj vojne: voenno-istoricheskij spravochnik [Countries of Central and South-Eastern Europe in the Second World War: A military historical reference book]. – Moscow: Voenizdat, 1972. – 302 p.
3. Safronov, V.G. Ital'yanskie vojska na sovetsko-german'skom fronte: 1941–1943 [Italian troops on the Soviet-German Front: 1941–1943] / V.G. Safronov. – Moscow: Nauka, 1990. – 238 p.
4. Filonenko, S.I. Ot Pruta i Dnestra do Dona i Volgi: Razgrom armij satellitov fashistskoj Germanii pod Stalingradom i Voronezhem (noyabr' 1942 goda – fevral' 1943 goda) [From the Prut and Dniester to the Don and Volga: Defeat of the satellite armies of Nazi Germany near Stalingrad and Voronezh (November 1942 – February 1943)] / S.I. Filonenko. – Voronezh: Voronezh State Univ. Publ., 1999. – 256 p.
5. Zalesky, K.A. Kto byl kto vo Vtoroj mirovoj vojne. Soyuzniki Germanii [Who was who in the Second World War. Allies of Germany] / K.A. Zalesky. – Moscow: Astrel'-AST, 2003. – 492 p.
6. Krestovyy poxod na Rossiyu: sbornik statej [Crusade against Russia: Collection of papers]. – Moscow: Yauza, 2005. – 477 p.
7. Kraus, T. Sudba idej v istorii SSSR i posle... [The fate of ideas in the history of the USSR and after...] / T. Kraus. – Moscow: Akvilon, 2020. – 332 p.
8. Barinov, I.I. Italyanskije vojska na okkupirovannykh territoriyakh SSSR [Italian troops on the occupied territories of the USSR] / I.I. Barinov // Bull. of RUDN, ser. History of Russia, 2011, № 4 [Electronic resource]. URL: <https://journals.rudn.ru/russian-history/issue/view/260> (accessed: 29.11.2022).
9. Skorik, A.P. Fashizm s rumynskim licom na zemle don'skikh kazakov v okkupacionnyj period 1942 goda [Fascism with a Romanian face on the land of Don Cossacks during the occupation period of 1942] / A.P. Skorik // Rossiya v globalnom mire. Almanakh [Russia in the global world. Almanac]. – 2016. – № 8 (31). – P. 181–187.

10. Batler, R. SS-Viking: Istoriya pyatoy divizii SS "Viking". 1941-1945 [SS-Viking: The history of the fifth SS Division "Viking". 1941-1945] / R. Batler. – Moscow: AST Moscow: Khronitel, 2006. – 192 p.
11. Levit, I.E. Vstuplenie Rumynii v vojnu protiv Sovetskogo Soyuza [Romania's entry into the war against the Soviet Union] / I.E. Levit // Krestovyy poход na Rossiyu: sbornik statej [The Crusade against Russia: Collection of papers] [Electronic resource]. URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-history/106389-sbornik-krestovyy-pohod-na-rossiyu.html#book> (accessed: 29.11.2022).
12. Gosudarstvennyy arkhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation (hereafter SARF)]. – Fonds 7021. – Inventory 40. – File 844. – Sheets 1-7.
13. Bez sroka давности: prestupleniya nacistov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoy territorii RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [No statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against civilians on the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War] // Rostovskaya oblast: sbornik dokumentov [Rostov region: Collection of documents]. – Moscow: Kuchkovo pole, 2020. – 464 p.
14. SARF. – Fonds 7021. – Inventory 40. – File 777.
15. Centr dokumentacii novejshej istorii Rostovskoj oblasti [Documentation center of the modern history of the Rostov region]. – Fonds 1886. – Inventory 1. – File 9.
16. SARF. – Fonds 7021. – Inventory 40. – File 773.
17. SARF. – Fonds 7021. – Inventory 149. – File 191.
18. SARF. – Fonds 7021. – Inventory 40. – File 624.
19. Korti, E. Nemnogie vozvrativshiesya. Zapiski oficera italyanskogo ekspedicionnogo korpusa. 1942-1943 gg. [Few returned. Notes of an officer of the Italian Expeditionary Corps. 1942-1943] / E. Korti. – Moscow: Centrpoligraf, 2002. – 314 p.
20. Filatov, G.S. Vostochnyy pokhod Mussolini [Mussolini's Eastern Campaign] / G.S. Filatov // Krestovyy poход na Rossiyu: sbornik [The Crusade against Russia: Collection of papers] [Electronic resource]. URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-history/106389-sbornik-krestovyy-pohod-na-rossiyu.html#book> (accessed: 29.11.2022).

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

Информация об авторе:

Воронин Константин Владимирович – младший научный сотрудник Южного научного центра РАН (Южный научный центр, Российская Федерация, 344010, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41; e-mail: konst.voronin2012@yandex.ru).

Author:

Konstantin V. Voronin – Junior Researcher at the Southern Science Centre RAS (Southern Science Centre of the Russian Academy of Sciences, 41 Chekhova avenue, Rostov-on-Don, 344010; e-mail: konst.voronin2012@yandex.ru).

Для цитирования:

Воронин, К.В. Участие военнослужащих Румынии и Италии в осуществлении истребительной политики против населения оккупированной территории Ростовской области / К.В. Воронин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 127-133.

For citation:

Voronin, K.V. Uchastie voennosluzhashchih Rumynii i Italii v osushchestvlenii istrebitel'noy politiki protiv naseleniya okkupirovannoy territorii Rostovskoj oblasti [Participation of Romanian and Italian military personnel in the extermination policy against the population of the occupied territory of the Rostov region] / K.V. Voronin // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 127-133.

Дата поступления рукописи: 16.01.2023

Прошла рецензирование: 27.01.2023

Принято решение о публикации: 27.01.2023

Received: 16.01.2023

Reviewed: 27.01.2023

Accepted: 27.01.2023

Свердловская железная дорога в 1941–1945 годы: вклад в эвакуацию

А.В. Сперанский

Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург
avsperansky@mail.ru

Аннотация

В статье проанализирована деятельность Свердловской железной дороги, разделенной в годы Великой Отечественной войны на две магистрали: Пермскую и Свердловскую (до 1943 г. – им. Л.М. Кагановича), по обеспечению эвакуации промышленных предприятий и населения с западных территорий СССР в восточные регионы. Показан процесс перестройки железнодорожного хозяйства на военные рельсы, дана характеристика мероприятий, направленных на преодоление трудностей, таких как сокращение кадров, слабость ремонтной базы, недостаток паровозов и топлива к ним, несогласованность действий диспетчерских служб. Особый акцент сделан на возникновении «пробок», связанных с увеличением интенсивности железнодорожных перевозок и проблемами разгрузочно-погрузочного характера, напрямую влиявшими на эффективность действий подвижного состава. Выявлены недостатки в организации и осуществлении процесса перемещения мирного населения в тыловые районы. Определено, что систематические нарушения графиков движения поездов, несогласованность действий эвакуационных и железнодорожных служб порождало массу бытовых проблем, проявлявшихся в низкой комфортности средств переезда, плохом питании, распространении инфекционных и простудных заболеваний и, как следствие этого, в высоком проценте смертности среди эвакуировавшихся пассажиров. Отмечено, что советские органы управления на протяжении всей войны целенаправленно исправляли негативные моменты, проявлявшиеся в функционировании железнодорожных магистралей. Сделан вывод, что в результате принятия целого ряда правительственных постановлений и проведенных в соответствии с принятыми решениями эффективных действий «великое переселение на Восток» промышленности и значительной части населения из районов, подвергшихся немецко-фашистскому вторжению, было успешно осуществлено. Свердловская железная дорога с честью выполнила поставленные задачи, внося значительный вклад в проведенную эвакуацию и создание на Урале мощного военно-промышленного комплекса.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, эвакуация, железнодорожный транспорт, Свердловская железная дорога, железнодорожные перевозки, грузооборот, суточная скорость, эвакуация населения, эвакуационный пункт, эшелон

Sverdlovsk railway in 1941–1945: contribution to evacuation

A.V. Speransky

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg
avsperansky@mail.ru

Abstract

The paper analyses the work of the Sverdlovsk railway divided during the Great Patriotic War into two main lines – the Perm and the Sverdlovsk lines (before 1943 – named after L.M. Kaganovich) to ensure the evacuation of industrial enterprises and population from western territories of the USSR to the eastern regions. The paper also shows the process of conversion of the railway economy to correspond to war requirements and needs and describes measures aimed at overcoming difficulties, such as staff reduction, a poor repair base, lack of locomotives and fuel for them, inconsistency of dispatching services. Particular emphasis is placed on the occurrence of “traffic jams” associated with an increase in the intensity of rail traffic and loading-to-unloading problems that directly affected the effectiveness of the rolling stock.

The paper reveals weaknesses in organization and implementation of transporting civilians to the rear areas. The author found that systematic train schedule delays, inconsistency in the actions of evacuation and railway services generated a lot of everyday problems, e.g. low comfort, poor nutrition, spread of infectious and cold-related diseases and, as a consequence, a high percentage of mortality among evacuated passengers.

Throughout the whole war period, the Soviet authorities intentionally corrected negative moments in the functioning of railway lines. As a result of the adoption of a number of government resolutions followed by the corresponding efficient actions, the “great migration to the East” of industry and a significant part of population from areas subjected to the Nazi invasion was successful. The Sverdlovsk railway fulfilled its tasks with honour making a significant contribution to the evacuation and creation of a powerful military-industrial complex in the Urals.

Keywords:

the Great Patriotic War, evacuation, railway transport, Sverdlovsk railway, railway transportation, cargo turnover, daily speed, evacuation population, evacuation point, echelon

Введение

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. была самой кровопролитной и смертоносной за весь период человеческой истории. Принесшая гибель 27 млн соотечественников, она явилась суровым испытанием для нашей Родины, втянула все ее население, от мала до велика, в орбиту тяжелейших испытаний и бедствий. В непримиримом противостоянии с грозным неприятелем, пройдя через позор и трагедию поражений, испытав горестные чувства невозполнимых материальных утрат и людских потерь, наш многонациональный народ сумел пересилить врага, нанеся смертельный удар фашистскому зверю в его логове – Берлине. Это дало возможность сохранить за собой право дальнейшего существования и развития, спасти мировую цивилизацию от коричневой чумы.

Одной из важнейших причин, приведших к полному разгрому неприятеля, стала эвакуация основных производственных сил и населения с театра военных действий в восточные регионы СССР с целью их сохранения и дальнейшего использования в борьбе с немецко-фашистскими агрессорами. Практически этот потрясающий подвиг по перемещению западного военно-промышленного потенциала на восток и создание на этой основе мощной индустриальной базы, обеспечившей фронт всем необходимым, стал залогом будущей Великой Победы. Поэтому неслучайно, один из главных героев Великой Отечественной войны маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, оценивая значимость эвакуации для судеб страны, назвал ее «равной величайшим битвам Второй мировой войны» [1, с. 48; 2, с. 278].

Львиная доля всех проведенных в процессе эвакуации перевозок осуществлялась по магистралям, входящим в разветвленную железнодорожную сеть, разумно и дальновидно сформированную советским руководством страны еще в годы предвоенных пятилеток. На момент начала Великой Отечественной войны в Советском Союзе действовали 54 железные дороги общей протяженностью в 106,1 тыс. км, по этому показателю страна занимала второе место в мире, уступая лишь США [3, с. 309–311]. Естественно, что этот мощный логистический потенциал, не претерпевший серьезных количественных изменений за военные годы (на 1 января 1945 г. в СССР насчитывалось 53 магистрали), был максимально использован.

Значительную роль в системе железнодорожного транспорта СССР играла Свердловская железная дорога, разделявшаяся в период Великой Отечественной войны на две магистрали: Свердловскую и Пермскую. Первая (до 1943 г. носила имя наркома путей сообщения Л.М. Кагановича) управлялась из г. Свердловска (с 1991 г. – г. Екатеринбург), вторая руководилась из г. Молотова (с 1957 г. – г. Пермь). Обеим магистралям, охватывавшим территорию от Урала до Западной Сибири и соединявшим урало-сибирские регионы с европейской частью России, отводилось заметное место при реализации задач эвакуационного процесса.

Следует отметить, что проблемы функционирования железнодорожного транспорта и процессы эвакуации до-

статочно глубоко и развернуто представлены в историографии Великой Отечественной войны как советского, так и постсоветского периодов [4–10]. Однако опубликованные ранее монографии и научные статьи, охватывая главным образом процессы общесоюзного масштаба, решают исторические задачи общего характера. В то же время для углубления и расширения содержательной части темы требуется дальнейшее изучение ее региональной составляющей. Вот почему Свердловская железная дорога, входившая в состав 53 магистралей СССР, обеспечивавших снабжение фронта всем необходимым и объединявших тыл в единое целое, представляется объектом самостоятельного изучения. А данная статья, написанная в рамках модернизационного методологического подхода с использованием историко-сравнительного и историко-генетического методов на широкой источниковой базе, представленной документами центральных (ГАРФ) и местных (ГАПО, ОГАЧО, ПГАНИ) архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, демонстрирует ее конкретный вклад в эвакуацию.

Перемещение промышленности

С началом военных действий Пермская и Свердловская (до 1943 г. – им. Л.М. Кагановича) магистрали сразу же оказались в эпицентре мощных потоков железнодорожного транспорта, соединявших западные районы СССР с его восточными регионами. На Восток, где размещались тыловые территории, двигались эшелоны с оборудованием эвакуированных предприятий, ранеными, стариками, женщинами и детьми. На Запад, где шли боевые действия, отправлялись поезда с необходимыми для фронта боевой техникой, вооружением и воинскими подразделениями.

Эти встречные потоки необходимо было контролировать и направлять при постоянно увеличивающихся нагрузках. Поэтому в первые месяцы войны на Пермской и Свердловской железных дорогах сложилось крайне тяжелое положение. Сразу же выявились слабые стороны ремонтной базы, нерассчитанной на починку подвижного состава, прибывавшего с западных территорий Советского Союза. В результате массовой мобилизации железнодорожников в Красную армию во весь рост встала кадровая проблема. Дефицитом стали запчасти и стройматериалы. В сентябре–октябре 1941 г. выгрузка на Пермском и Свердловском узлах возросла в два–три раза, что породило проблему с разгрузкой подвижного состава. В сентябре 1941 г., по мнению заместителя народного комиссара путей сообщения Б.Н. Арутюнова, Свердловская железная дорога, наряду с рядом других, находилась в числе худших из-за огромного количества неразгруженных вагонов, скопившихся на станциях [11].

Наиболее трудным для работы железных дорог СССР стал период с конца 1941 – по начало 1942 г., когда враг активно наступал на Москву. В обозначенный период значительно сократилась маневренность дорог, что привело к созданию «пробок» и замедлению оборота вагонов. К 23 января 1942 г. на 26 магистралях страны находилось 33 692 вагона, требующих разгрузки. На урало-сибирском направлении из-за недостатка паровозов и

топлива остановилось около 3 тыс. поездов, а неудовлетворительная работа Свердловской железной дороги была дважды отмечена в постановлениях Государственного комитета обороны (далее – ГКО). Тормозом эффективной работы уральских железных дорог, наряду с уже названными, являлась и разобщенность их действий, в том числе по причине отсутствия должной связи в работе диспетчерских служб [5, с. 47; 7, с. 99].

В сложившихся условиях, чтобы обеспечить бесперебойное движение поездов, Государственный комитет обороны осуществил ряд экстренных мероприятий. На основе его постановления, принятого в ноябре 1941 г. «О привлечении к судебной ответственности агентов железных дорог за нарушение установленных норм приема поездов и за незаконный прием поездов» (№ 890), стал действовать порядок, дававший право уменьшать или увеличивать прием поездов между дорогами и отделениями только с разрешения Наркомата путей сообщения. По конкретным станциям этот вопрос могли решать только начальники железных дорог. За нарушение установленных правил по законам военного времени виновные должны были привлекаться к ответственности. Управления дорог получили также право на временную задержку поездов с несрочными грузами и разгрузку вагонов, необеспеченных соответствующей документацией [12].

Принятые решения помогли эффективно регулировать оборот вагонов, ускорять продвижение эшелонов и экономить топливо. Объявленные мобилизованными работники уральских дорог, все без исключения: паровозники, вагонники, служащие дистанции пути, связисты и др., стали обеспечивать бесперебойный поток грузов. Увеличились объемы перевозок, изменилась их структура. Следуя приоритетам, первыми, как правило, пропускали эшелоны оборонно-промышленного значения, составы с бойцами Красной армии и ранеными, а только потом с эвакуированным гражданским населением. Серьезно улучшилось управление воинскими перевозками благодаря введению новой системы нумерации. Наиболее важным составам присваивались серии или литеры. Вследствие этого появилась возможность видеть нахождение поездов на сети дорог, определять род груза и пункт назначения, постоянно контролировать следование особо значимых эшелонов.

Объем перевозок, осуществленный уральскими дорогами в годы Великой Отечественной войны, можно без преувеличения назвать фантастическим. Ведь, исходя из того, что, по оценкам специалистов, в среднем на эвакуацию одного предприятия использовалось примерно 6 тыс. вагонов, то для перевозки фабрик и заводов на Урал потребовалось около 5 млн единиц этого вида транспорта, в том числе около 2 млн – для Свердловской и Пермской областей. При этом суточная скорость продвижения оборонных грузов была доведена до 800–900 км, а в отдельных случаях доходила до 1200 км при плановых 700 км. Удельный вес перевозок промышленного оборудования, вооружений, боеприпасов и т.п. возрос на уральских дорогах до 55 %, а транзитный грузопоток через главный ход в 1942 г., по сравнению с 1941 г., увеличился на 2,2 млн т.

Эвакуированные предприятия вступали в строй и начинали давать необходимую продукцию в среднем через 1,5–2 месяца по прибытии в пункт назначения, что позволило в кратчайшие сроки восстановить военный и промышленный потенциал страны. Невероятные объемы перевозок дали Уралу значительный прирост валовой продукции. Так, если в 1940 г. она оценивалась в 9 млрд руб., то уже к 1942 г. составила 26 млрд [6, с. 109, 110].

Перевозка населения

Однако эвакуация оборудования промышленных предприятий, хоть и носила по своей значимости и масштабу беспрецедентный характер, все же не была единственной задачей. Важнейшей миссией железнодорожного транспорта была и перевозка мирного населения. Эвакуированные и местные заводы требовали рабочую силу, недостаток которой как раз и компенсировался за счет перемещения на восток огромной массы людей. Следует отметить, что территориальные потоки эвакуации, двигающиеся в тыловые районы, в том числе и на Урал, были связаны прежде всего с обстановкой на фронте. Поэтому наибольшее количество людей перемещалось из Украины (4 млн чел.), Белоруссии (1,5 млн), Москвы (2 млн) и Ленинграда (1,5 млн чел.) [4, с. 22; 8, с. 22; 13, с. 93, 94].

Пункт назначения и маршрут следования эвакуированным гражданам старались определить в строго централизованном порядке. Но в результате того, что следовавшие на фронт воинские составы постоянно пропускались вперед, этот «порядок», как правило, оставался лишь в предписаниях. В реальности же эшелоны с эвакуированными часто меняли маршрут, а на переполненных станциях их отказывались принимать и перенаправляли в другие города. Часто в выдававшихся людям удостоверениях в графе «Направление» просто ставили: «Вглубь страны».

В первые месяцы войны из-за перегруженности магистралей скорость движения эшелонов была очень низкой. Официально установленные 500–600 км в сутки повсеместно не соблюдались, а реальная скорость поездов в среднем не превышала 180–200 км в сутки [14]. На Урале дела обстояли еще хуже. В частности, в апреле 1942 г. средняя скорость движения эшелонов с эвакуированными на Пермской железной дороге составляла 173 км в сутки [15].

В результате жизнь «на колесах» эвакуированных людей продолжалась, как правило, от нескольких суток до нескольких недель. Но даже прибыв на железнодорожную станцию, люди не чувствовали облегчения. Эшелоны и здесь сутками, а то и целыми неделями простаивали по причине их переадресовки, сортировки и т.п. Многочасовых простоев эшелонов не избежали и уральские железные дороги. К примеру, в отчете начальника Свердловского эвакуопункта за период с декабря 1941 г. по март 1942 г. отмечено, что на Свердловском узле в среднем вагоны стояли по 6 ч кряду [16]. В имевшей место обстановке скученности и неразберихи про отдельные вагоны с пассажирами просто забывали. Так, на станции Свердловск вагон, где находилось более 150 детей, простоял четыре дня [9, с. 110]. В ряде случаев измученные пассажиры пытались сами решить свои путевые проблемы. 16 августа 1941 г., когда на-

правлявшийся в Новосибирск поезд с эвакуированными, состоящий из 27 вагонов, по очередному недоразумению переправили из Челябинска в Свердловск, возмущенные люди, применив методы активного воздействия, заставили начальника станции отправить их по назначению [17].

В результате неэффективности перевозок эвакуированного населения уральскими железными дорогами, выражавшейся в несогласованности действий из-за отсутствия связи между диспетчерскими службами, возникала масса бытовых проблем. Оперативные отделы Пермской и Свердловской магистралей плохо информировали эвакуопункты о времени прибытия эшелонов, вследствие чего работники эвакуопунктов не успевали учитывать прибывавших и обеспечивать их всем необходимым. Прежде всего это касалось питания. По установленным нормативам на основе выданной властями эвакуационной справки, обозначающей маршрут следования, они должны были получить продуктовый паек на 10 дней и рейсовую карточку для отоваривания на эвакуопунктах. На деле же нормативы не соблюдались, о чем свидетельствуют многочисленные воспоминания людей. В лучшем случае кормление происходило «... раз в сутки и то не всегда <...> еда была прокисшей <...> понос свирепствовал зверски ...». Часто продовольствие не выдавалось совсем и люди «... когда поезд стоял <...> разбредались в поисках еды порой за 5–7 километров от железной дороги» [18, с. 145; 19, с. 141, 142].

И во время движения поездов, и в момент нахождения людей на станциях большое распространение получили инфекционные заболевания. Масштабы их бедствия можно понять по данным Свердловского эвакуопункта, где только в 1942 г. в городские больницы города были направлены 915 больных с диагнозами: дизентерия, корь, сыпной и брюшной тиф, дифтерия, ветрянка, коклюш, склероз, краснуха. В здании эвакуопункта было зарегистрировано 28 смертельных случаев, а с прибывших поездов сняли 83 трупа [20].

Умерших по дороге в эвакуацию, как правило, снимали с поездов на станциях при обходе эшелонов. После того как железнодорожная прокуратура составляла акты, их хоронили. Но так как скончавшихся в пути было достаточно много, часто тела просто складывали на землю, а коммунальные службы, не дожидаясь освидетельствования, производили захоронение в братские могилы [21].

В условиях резкого дефицита передвижного состава хорошие эшелоны задействовали в первую очередь в оборонно-промышленных и войсковых целях, а перемещаемому на восток мирному населению, как правило, доставались старые, отслужившие свой срок. Транспортировали людей даже на открытых платформах, предназначенных для перевозки песка и щебня. Большинство поездов не были оборудованы печами, поэтому при наступлении холодов эвакуировавшиеся очень часто подвергались обморожению и по прибытию в пункт назначения сразу же направлялись в больницу. Имели место случаи летального исхода. Так, в феврале 1942 г. из трех сотен воспитанников ремесленного училища № 31, прибывших на неотопляемом поезде из блокадного Ленинграда в уральский горо-

док Каменск, 69 было госпитализировано, а 49 умерло от обморожений и связанных с переохлаждением болезней [22].

Так как эшелоны в ситуации организационного хаоса, имевшего место в начале войны, часто отправлялись без предупреждения диспетчеров, часть людей отставали от своих поездов, что крайне негативно сказывалось на их дальнейшем передвижении и затрудняло деятельность работников магистралей и эвакуопунктов. В среднем, за период с января по апрель 1942 г. на Пермской и Свердловской железных дорогах отставшие от поезда составляли 15 % от общего количества пассажиров [23].

Создавшееся на железнодорожном транспорте положение не устраивало руководство страны, поэтому ГКО принял два постановления «Об ускорении продвижения эшелонов и отдельных групп вагонов с эвакуированными» (от 18 ноября 1941 г.) и «О продвижении эшелонов с эвакуированными» (от 22 ноября 1941 г.), обязавших Народный комиссариат путей сообщения (далее – НКПС) исправить имеющиеся недостатки и обеспечить ускоренное движение эвакуопоездов к пунктам своего прибытия [24, с. 548].

17 апреля 1942 г. ГКО принял еще одно постановление «Об оживлении движения и создании устойчивости в работе железных дорог», на основе которого введенный в начале войны график движения поездов был заменен новым, лучше сочетавшим народнохозяйственные и оборонные перевозки, что способствовало увеличению пропускной способности магистралей. Наркомом путей сообщения, вместо освобожденного от этих обязанностей Л.М. Кагановича, был назначен А.В. Хрулев, занимавший до этого посты заместителя Наркома обороны и начальника тыла Красной армии [10, с. 26].

Был учтен весь наличный вагонный парк и предусмотрено наиболее целесообразное его использование под перевозки. Особое внимание обращалось на питание эвакуированных в пути. Предусматривалось создание эвакуобаз, которые обеспечивались продовольствием специальными органами Советов народных комиссаров союзных республик и облисполкомов, при постоянном контроле со стороны Народного комиссариата торговли СССР [8, с. 11].

Объединение в одних руках функций планирования, транспортирования и снабжения позволило более гибко и оперативно решать многие вопросы, связанные с эвакуоперевозками населения. В результате перевозки населения были взяты под постоянный контроль. Начальники дорог ежедневно, не позднее 22.00 ч, сообщали в НКПС о следовании людских эшелонов и отдельных вагонов с эвакуонаселением, а сам наркомат ежедневно представлял подробную справку в ГКО. Приказ НКПС «Об оборудовании печами и снабжении топливом людских вагонов с эвакуированным населением» учел и проблему наступивших холодов [25].

Выполняя решения государственной власти, руководители уральских магистралей очень внимательно следили за передвижением эшелонов с людьми. На станциях Пермской и Свердловской железных дорог действовали специальные комсомольские посты, контролирующие продвижение эвакуопоездов. При возникновении проблем партийный и

комсомольский активы, закрепленные за эшелонами, всеми доступными средствами стремились к их разрешению. При необходимости к работникам уральских железных дорог применялись строгие меры, вплоть до привлечения к уголовной ответственности. В целях предотвращения угрозы безопасности тыловым районам страны, регулярные проверки эшелонов и эвакуационных пунктов проводили региональные органы НКВД, выявляя среди эвакуированных людей лиц, подлежащих военному призыву, прикреплению к оборонному предприятию, дезертиров, преступных элементов и т.п.

Заключение

Итогом осуществленных мероприятий стало значительное улучшение положения на Пермской и Свердловской железных дорогах. Уже в первой декаде декабря 1941 г. среднесуточная скорость продвижения эшелонов с промышленным оборудованием и эвакуационным населением на этих магистралях поднялась до 522 км [26]. В результате «великое переселение на Восток» промышленности и населения из районов, подвергшихся немецко-фашистскому вторжению, было успешно осуществлено. За период эвакуации, проведенной в два этапа (лето – осень 1941 г. и лето 1942 г.), в тыл было перевезено более 2,5 тыс. промышленных предприятий и около 25 млн чел. На Урал прибыло оборудование 832 заводов, 212 из которых приняла Свердловская и 124 – Пермская (в годы войны – Молотовская) области. Кроме того, еще тысячи предприятий по железнодорожным путям Свердловской и Пермской магистралей были увезены в Сибирь [27, с. 9; 28, с. 267]. Была кардинально решена и кадровая проблема работавших в регионе промышленных предприятий. За июль 1941 – декабрь 1942 г. Урал принял 2 млн 127 тыс. чел., что составило 9,7 % от всего населения края [28, с. 268].

Изменение ситуации в лучшую сторону, наряду с успешно проведенными государственными мероприятиями, было связано и с изменением обстановки на фронте после разгрома немецких войск под Москвой, приведшего к спаду потока эвакуированных. Значительную роль в стабилизации железнодорожных перевозок сыграл также патристический настрой работников Пермской и Свердловской железных дорог, сумевших благодаря самоотверженному труду переломить имевшие место негативные тенденции и обеспечить бесперебойное функционирование магистралей, соединявших фронтовые территории с глубоким тылом.

Литература

1. Сперанский, А.В. Свердловская железная дорога в 1941–1945 гг.: переход на военные рельсы / А.В. Сперанский // История и современное мировоззрение. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 47 – 53.
2. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 1-е изд. / Г.К. Жуков. – Москва: АПН, 1969. – 736 с.
3. Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. – Москва: Наука, 1970. – 502 с.

4. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Т. 1. Исход / сост.: Л.И. Снегирева, Т.А. Сафонова. – Томск: Издательство Томского гос. пед. ун-та, 2005. – 360 с.
5. Елизаров, И.В. Деятельность партийных организаций по обеспечению бесперебойной работы железнодорожного транспорта Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1942 гг. / И.В. Елизаров. – Томск: Издательство Томского ун-та, 1979. – 199 с.
6. Исторический путь Свердловской железной дороги / под. науч. ред. М.Т. Крючкова. – Екатеринбург: УрГУПС, 2011. – 512 с.
7. Куманев, Г.А. Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов / Г.А. Куманев. – Москва: Издательство АН СССР, 1963. – 207 с.
8. Куманев, Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941 – 1942 / Г.А. Куманев // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 7–26.
9. Потемкина, М.Н. Дорога в эвакуацию: опыт реконструкции железнодорожных перевозок населения / М.Н. Потемкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. – 2015. – № 4 (34). – С. 107–118.
10. Снегирева, Л.И. Эвакуация населения и железнодорожный транспорт в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири). Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2015. – № 2 (155). – С. 21–30.
11. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 6822. – Оп. 1. – Д. 433, 540.
12. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 6822. – Оп. 1. – Д. 483. – Л. 65.
13. Колесник, А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы тыла и всенародной помощи фронту / А.Д. Колесник. – Москва: Наука, 1982. – 328 с.
14. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 327. – Оп. 2. – Д. 44. – Л. 77.
15. Пермский государственный архив Новейшей истории. – Ф. 105. – Оп. 8. – Д. 123. – Л. 6.
16. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 327. – Оп. 2. – Д. 33. – Л. 211.
17. Объединенный государственный архив Челябинской области. – Ф. П-288. – Оп. 4. – Д. 315. – Л. 71.
18. Кожурин, В.С. Народ и власть. (1941–1945 гг. Новые документы) / В.С. Кожурин. – Москва: РАГС, 1995. – 145 с.
19. Гусев, В. Как кировцы делали танки в Челябинске / В. Гусев // Знамя. – 1974. – № 8. – С. 141–142.
20. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 327. – Оп. 2. – Д. 367. – Л. 100, 101.
21. Государственный архив Пермского края. – Ф. 1198. – Оп. 2. – Д. 8. – Л. 95; Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 327. – Оп. 2. – Д. 44. – Л. 88; Объединенный государственный архив Челябинской области. – Ф. Р 220. – Оп. 13. – Д. 1. – Л. 286.
22. Объединенный государственный архив Челябинской области. – Ф. П-288. – Оп. 6. – Д. 117. – Л. 810.
23. Объединенный государственный архив Челябинской области. – Ф. Р-1142. – Оп. 3. – Д. 4. – Л. 40.

24. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: в 6 т. Т. 2. – Москва: Воениздат, 1961. – 682 с.
25. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 6822. – Оп. 1. – Д. 483; – Оп. 1. – Д. 508. – Л. 21–27.
26. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 327. – Оп. 2. – Д. 44. – Л. 97.
27. Гаврилов, Д.В. Опорный край державы в 1941–1945 гг. / Д.В. Гаврилов // Урал индустриальный. – Екатеринбург, 2005. – С. 8–18.
28. Урал в панораме XX века. – Екатеринбург: СВ-96, 2000. – 495 с.

References

1. Speransky, A.V. Sverdlovskaya zheleznaya doroga v 1941–1945 gg.: perekhod na voennye relsy [The Sverdlovsk railway in 1941–1945: transition to military rails] / A.V. Speransky // Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie [History and Modern Worldview]. – 2022. – Vol. 4. – № 2. – P. 47–53.
2. Zhukov, G.K. Vospominaniya i razmyshleniya [Memories and reflections]. 1st edition / G.K. Zhukov. – Moscow: APN, 1969. – 736 p.
3. Sovetskaya ekonomika v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 godov [Soviet economy during the Great Patriotic War of 1941–1945] / Ed. I.A. Gladkov. – Moscow: Nauka, 1970. – 502 p.
4. Vo imya Pobedy: evakuaciya grazhdanskogo naseleniya v Zapadnuyu Sibir v gody Velikoj Otechestvennoj vojny v dokumentah i materialah: v 3 t. T. 1. Iskhod. [In the name of Victory: the evacuation of civilian population to Western Siberia during the Great Patriotic War in documents and materials: in 3 volumes. Vol. 1. Exodus] / Comp. L.I. Snegireva, T.A. Safonova. – Tomsk: Tomsk State Univ. Publ., 2005. – 360 p.
5. Elizarov, I.V. Deyatel'nost partijnyh organizacij po obespecheniyu besperebojnoj raboty zheleznodorozhnogo transporta Zapadnoj Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1942 gg. [The activities of the party organizations to ensure the smooth operation of the railway transport of Western Siberia during the Great Patriotic War of 1941–1942] / I.V. Elizarov. – Tomsk: Tomsk State Univ. Publ., 1979. – 199 p.
6. Istoricheskij put Sverdlovskoj zheleznoj dorogi [The historical path of the Sverdlovsk railway] / Scientific edition M.T. Kryuchkov. – Ekaterinburg: UrGUPS, 2011. – 512 p.
7. Kumanev, G.A. Sovetskie zheleznodorozhniki v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 godov [Soviet railway workers during the Great Patriotic War of 1941–1945] / G.A. Kumanev. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1963. – 207 p.
8. Kumanev, G.A. Vojna i evakuaciya v SSSR. 1941–1942 [War and evacuation in the USSR. 1941–1942] / G.A. Kumanev // Novaya i novejschaya istoriya [New and Recent History]. – 2006. – № 6. – P. 7–26.
9. Potemkina, M.N. Doroga v evakuaciju: opyt rekonstrukcii zheleznodorozhnyh perevozok naseleniya [The road to evacuation: the experience of reconstruction of railway transportation of the population] / M.N. Potemkina // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4. History]. – 2015. – № 4 (34). – P. 107–118.
10. Snegireva, L.I. Evakuaciya naseleniya i zheleznodorozhnyj transport v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Zapadnoj Sibiri) [Evacuation of the population and railway transport during the Great Patriotic War (based on materials from Western Siberia)] / L.I. Snegireva // Bulletin of Tomsk State Pedagog. Univ.. – 2015. – № 2 (155). – P. 21–30.
11. State Archive of the Russian Federation. – Fonds 6822. – Inventory 1. – Files 433, 540.
12. State Archive of the Russian Federation. – Fonds 6822. – Inventory 1. – File 483. – Sheet 65.
13. Kolesnik, A.D. RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Problemy tyla i vsenarodnoj pomoshchi frontu [RSFSR during the Great Patriotic War. Problems of the rear and national assistance to the front] / A.D. Kolesnik. – Moscow: Nauka, 1982. – 328 p.
14. State Archive of the Russian Federation. – Fonds 327. – Inventory 2. – File 44. – Sheet 77.
15. Perm State Archive of Recent History. – Fonds 105. – Inventory 8. – File 123. – Sheet 6.
16. State Archive of the Russian Federation. – Fonds 327. – Inventory 2. – File 33. – Sheet 211.
17. Combined State Archive of the Chelyabinsk Region. – Fonds P-288. – Inventory 4. – File 315. – Sheet 71.
18. Kozhurin, V.S. Narod i vlast (1941 – 1945 gg. Novye dokumenty) [People and authorities (1941 – 1945. New documents)] / V.S. Kozhurin. – Moscow: RAGS, 1995. – 145 p.
19. Gusev, V. Kak kirovtsy delali tanki v Chelyabinske [How the Kirovites made tanks in Chelyabinsk] / V. Gusev // Znamya [Flag]. – 1974. – № 8. – P. 14–142.
20. State Archive of the Russian Federation. – Fonds 327. – Inventory 2. – File 367. – Sheets 100, 101.
21. State Archive of the Perm Region. – Fonds 1198. – Inventory 2. – File 8. – Sheet 95; State Archive of the Russian Federation. – Fonds 327. – Inventory 2. – File 44. – Sheet 88; Combined State Archive of the Chelyabinsk Region. – Fonds R-220. – Inventory 13. – File 1. – Sheet 286.
22. Combined State Archive of the Chelyabinsk Region. – Fonds P-288. – Inventory 6. – File 117. – Sheet 810.
23. Combined State Archive of the Chelyabinsk Region. – Fonds R-1142. – Inventory 3. – File 4. – Sheet 40.
24. Istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza. 1941–1945: v 6 t. T. 2. [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945: in 6 volumes. Vol. 2.] / Editor-in-chief P.N. Pospelov. – Moscow: Voениzdat, 1961. – 682 p.
25. State Archive of the Russian Federation. – Fonds 6822. – Inventory 1. – File 483; – Inventory 1. – File 508. – Sheets 21–27.
26. State Archive of the Russian Federation. – Fonds 327. – Inventory 2. – File 44. – Sheet 97.
27. Gavrilov, D.V. Opornyj kraj derzhavy v 1941 – 1945 gg. [The supporting region of the state in 1941–1945] / D.V. Gavrilov // Ural industrialnyj [Industrial Ural]. – Ekaterinburg, 2005. – P. 8–18.
28. Ural v panorame XX veka [Ural in the panorama of the XX century] / Editor-in-chief V.V. Alekseev. – Ekaterinburg: SV-96, 2000. – 495 p.

Информация об авторе:

Сперанский Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации; заведующий Центром политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН (Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; Российская Федерация, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16; e-mail: avsperansky@mail.ru).

Author:

Andrei V. Speransky – Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Center for Political and Socio-Cultural History of the Institute of History and Archaeology UB RAS (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 16 S. Kovalevskaya St., Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: avsperansky@mail.ru).

Для цитирования:

Сперанский, А.В. Свердловская железная дорога в 1941–1945 годы: вклад в эвакуацию / А.В. Сперанский // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 134–140.

For citation:

Speransky, A.V. Sverdlovskaya zheleznaya doroga v 1941–1945 gody: vklad v evakuaciyu [Sverdlovsk railway in 1941–1945: contribution to evacuation] / A.V. Speransky // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 134–140.

Дата поступления рукописи: 06.02.2023

Прошла рецензирование: 17.02.2023

Принято решение о публикации: 17.02.2023

Received: 06.02.2023

Reviewed: 17.02.2023

Accepted: 17.02.2023

Статистические материалы как источник по изучению военно-мобилизационного и трудового потенциала тыловых районов России в годы Великой Отечественной войны

В.А. Исупов

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
г. Пушкин

Vladimir_2004_@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы информационного обеспечения историко-демографических исследований. В основу работы положен критический анализ переписи населения 1939 г., а также статистических материалов, характеризующих естественное и миграционное движение населения. Большое внимание уделяется изучению и источниковедческой оценке статистических материалов, содержащих сведения о численности и составе городского и сельского населения.

Ключевые слова:

историческая демография, население, численность, состав, мобилизация, источники, статистика

Численность и состав населения, его профессиональная и образовательная подготовленность, словом, все то, что можно включить в понятие «военно-мобилизационный и трудовой потенциал», являли собой силу, внесшую основной вклад в Победу в годы Великой Отечественной войны. Деятельность по определению военно-мобилизационного и трудового потенциала велась в нашей стране в течение всей войны. Она была возложена на Госплан СССР и его органы – республиканские, областные (краевые) статистические управления. Полученные данные передавались для практического использования специальным государственным структурам: Главному управлению формирования и укомплектования войск Красной Армии при Наркомате обороны СССР (далее – Главупраформ) и Комитету по распределению рабочей силы (с 1942 г. – Комитету по учету и распределению рабочей силы) при СНК СССР. Госплан и ЦСУ СССР совместно с Комитетом по учету и распределению рабочей силы в течение всей войны составляли балансы рабочей силы с целью определить наличные трудоспособные ресурсы, которые уменьшались с каждым годом войны. Главупраформ прилагал титанические усилия по выявлению мобилизационных ресурсов различных регионов.

Цель настоящей статьи – установить, на какие источники информации опирались государственные структуры в этой сложной работе и, вместе с тем, дать сжатую харак-

Statistical materials as a research source of the military-mobilization and labor potential of the rear regions of Russia during the Great Patriotic War

V.A. Isupov

Leningrad State University named after A.S. Pushkin,
Pushkin

Vladimir_2004_@mail.ru

Abstract

The paper considers the information support issues of historical and demographic research. The work is a critical analysis of the population census made in 1939, as well as statistical materials characterizing the natural and migratory population movement. Much attention is paid to research and source study evaluation of statistical materials containing information about size and composition of urban and rural population.

Keywords:

historical demography, population, population size, composition, mobilization, sources, statistics

теристику этих источников. Отметим попутно, что проблема точности и достоверности источников является одной из основных проблем бурно развивающегося ныне направления исторических исследований – исторической демографии.

Хронологические рамки статьи охватывают не только весь период Второй мировой войны, но и ее начальный период (1939–1940) и первые годы после ее завершения. Это обусловлено тем, что документы 1946–1948 гг. содержат сведения об итогах войны и тем самым проливают свет на события военных лет.

В начальный период Второй мировой войны первичной основой, на которую опирались статистики осуществляя расчеты военно-мобилизационного и трудового потенциала страны и ее отдельных регионов, служили материалы переписи населения, проведенной 17 января 1939 г. Они содержали сведения не только о численности населения страны и ее отдельных регионов, но почти полную информацию о структуре населения по полу, возрасту, социально-экономическим группам (образование, занятость, социальный и профессиональный составы, национальность). Перепись 1939 г. проводилась в особых условиях. Она была организована по постановлению СНК СССР от 26 сентября 1937 г. После признания материалов Всесоюзной переписи населения 1937 г. дефектными [1, с. 227] многие статистики были подвергнуты репрессиям по надуманным

обвинениям в преднамеренной фальсификации переписи. Таким образом, важнейшей задачей, поставленной перед организаторами переписи 1939 г. было исправление якобы допущенных в 1937 г. грубых ошибок, в том числе и преодоление последствий вредительства. Перепись 1939 г. из обычной статистической операции превратилась в масштабную политическую акцию. Газета «Правда», выражавшая официальную позицию властей, писала, что перепись призвана показать «как под благодатными лучами Сталинской Конституции из года в год увеличивается рождаемость в нашей стране, как неуклонно повышается культурный уровень советских людей» [2]. Собственно, научно-практическая цель переписи – получение по возможности точной информации о населении – явно уступала интересам идеологии. Вокруг самой переписи была создана завеса бессмысленной секретности. Неудивительно, что перепись 1939 г. вызвала множество споров в современной историко-демографической литературе по вопросу ее достоверности [3–7]. Нет необходимости повторять основные положения дискуссии – они хорошо известны. Для задач, решаемых в настоящей статье, не имеют значения приемы искажения данных в ходе переписи. Укажем только, что исследователи сошлись во мнении, что перепись 1939 г. завысила численность населения. Кроме того, перепись явно преувеличила степень урбанизированности Советского Союза [8]. Но для нас особенно важно, что завышение численности населения неизбежно повлекло за собой искажение его структурных характеристик, так как в ходе фальсификаций завышается не просто абстрактная численность населения. Последнее, как известно, состоит из мужчин и женщин различного возраста. Соответственно искажение общей численности населения приводило к искажению его половозрастных характеристик.

Фальсифицируя цифровые показатели переписи, статистики не предполагали, что с началом войны это вызовет серьезные трудности при оценке военно-мобилизационного и трудового потенциала страны. Только в годы Великой Отечественной войны стало очевидно, что, вынуждая статистиков искажать в угоду идеологическим фетишам демографические характеристики, советские руководители обманывали сами себя. Но, несмотря на многочисленные дефекты, материалы переписи 1939 г. были пригодны для использования в практических целях, но требовали внесения обоснованных поправок. Иными словами, нуждались в очищении от искажений. Вместе с тем, для этого не доставало сведений, которые были засекречены – сам факт преднамеренной фальсификации переписи 1939 г., как мы уже отмечали, тщательно скрывался. Однако за неимением более точных цифр в начале Великой Отечественной войны перепись 1939 г. служила важным ориентиром для определения людского потенциала и военно-мобилизационных возможностей СССР. Отметим, кстати, что с этой же целью материалами переписи населения 1939 г. небезуспешно пользовалась немецкая разведка [9, с. 18–22]. Из этого следует, что псевдосекретность, созданная вокруг переписи 1939 г., была не только бессмысленной, но попросту вредной затеей, причинившей ущерб, прежде всего, Советскому Союзу.

Важно отметить, что переписи населения имеют очень большое значение не только для экономики и армии, но и для выявления траектории демографического роста. Погрешности переписи обусловили возникновение явно негативной тенденции в развитии советской демографической статистики. В частности, к началу Великой Отечественной войны недостаточно точно была определена численность населения России. Как известно, текущая оценка численности населения производится на основании итогов последней переписи населения, к которым добавляются числа родившихся и прибывших на данную территорию и вычитаются числа умерших и выбывших с данной территории.

Сегодня, по мере включения в научный оборот новых статистических документов, мы имеем возможность выяснить, как на основании вышеприведенной методики проводились расчеты по определению численности населения России. Статистики ЦСУ при Госплане СССР исходили из следующих данных: перепись 1939 г. показала, что численность населения РСФСР (без Карельской АССР, но включая Крымскую АССР) достигла 108,8 млн чел. Естественный прирост в 1939 г. составил 1,9 млн чел. Потери населения России за счет оттока населения в другие союзные республики (отрицательное сальдо миграции) составили 0,2 млн чел. [10]. Таким образом, численность населения РСФСР на начало 1940 г. была определена исходя из следующего расчета:

$$108,8 + 1,9 - 0,2 = 110,5 \text{ млн чел.}$$

Естественный прирост населения РСФСР в течение 1940 г. составлял, по прикидкам статистиков, 1,5 млн чел. За счет миграций Россия потеряла 0,3 млн чел. [11]. Следовательно, население РСФСР на начало 1941 г. насчитывало:

$$110,5 + 1,5 - 0,3 = 111,7 \text{ млн чел.}$$

У нас нет уверенности в точности этих цифр, так как все статистические документы 1930-х гг. заполнены материалами, свидетельствующими о неточности текущего учета естественного и механического движения населения [12]. Так, начальник Центрального управления народно-хозяйственного учета при Госплане СССР (так до 21 марта 1941 г. именовалось ЦСУ СССР) И.В. Саутин 31 марта 1940 г. докладывал председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому: «Вследствие того, что население не все случаи рождений и смертей регистрирует в загсах, приводимые цифры не являются вполне точными» [13]. Усилия властей по повышению точности регистрации рождений и смертей, предпринятые во второй половине 1930-х гг., положительно сказывались на развитии советской демографической статистики. Тем не менее погрешности статистического учета при огромном массиве материала (миллионы случаев рождений и смертей) были неизбежны. Так, в 1939 г. в России было зарегистрировано 4,1 млн родившихся, тогда как на самом деле на свет появилось почти 4,3 млн младенцев (не учтено почти 200 тыс. рождений). В этом же году загсами РСФСР зафиксировано 2,1 млн смертей. На самом деле умерло 2,2 млн чел. (погрешность около 100 тыс. смертных случаев) [14, 15]. Но особенно большими неточностями характеризовался статистический учет мигрантов, который был организован только в городах на основе прописки-вы-

писки. В сельской местности, где люди были лишены паспортов, мигранты вообще не регистрировались. Кроме того, напомним, что данные о численности населения страны и ее отдельных регионов по переписи 1939 г. (она была точкой отталкивания при проведении расчетов) изначально содержали неточности. Они механически перешли в расчеты динамических рядов численности населения.

Погрешность расчетов статистиков, работавших в начале 1940-х гг., невольно подтвердили оценки современных статистиков. По данным Госкомстата России, опубликованным в 1998 г., население нашей страны в начале 1940 г. насчитывало 110,1 млн чел., а в начале 1941 г. – 111,4 млн [16, с. 32]. Казалось бы, расхождение между современными оценками и расчетами, проведенными в 1940-е гг., минимально и находится в пределах допустимой статистической ошибки. Но это сходство иллюзорно. Дело в том, что оценки 1990-х гг. не учитывали население Крыма, который был выведен из состава РСФСР в 1954 г. Расчеты начала 1940-х гг., напротив, население Крымской АССР учитывали. Таким образом, налицо несовпадение территориальных границ. Между тем, по данным переписи 1939 г., в Крымской АССР проживало 1,1 млн чел. [17, с. 25]. Следовательно, советские статистики не имели возможности с требуемой точностью определить численность населения к началу Великой Отечественной войны.

Со значительными неточностями регистрировались пол и возраст умерших, что приводило к преувеличенному представлению о численности мужчин призывных возрастов. Это вызывало ошибки в расчетах численности и состава населения отдельных регионов страны. Так, численность населения Западной Сибири на начало 1941 г. была определена в 9266,6 тыс. чел. [18, с. 67]. Это послужило основой для оценки численности мужчин призывного возраста. Считалось, что количество мужчин в возрасте 18–45 лет в Западной Сибири составляло 1576,8 тыс. чел., что, скорее всего, превышало их реальную численность [19].

Война началась при отсутствии достоверных данных о наличии людских ресурсов. Это существенно затрудняло плановое использование людского потенциала. В конечном счете на места высылались явно завышенные наряды на мобилизацию военнообязанных, которые подчас невозможно было выполнить. В 1941 г. ни Госплан, ни ЦСУ, ни Наркомат обороны СССР, ни местные статистические и плановые органы не имели точных сведений о численности мужчин боеспособных возрастов, что было чрезвычайно важно для укомплектования армии. Отсутствовала достоверная информация о количестве женщин трудоспособных возрастов, подростков, вступающих в рабочий возраст, и лиц старше 60 лет. Между тем, эти данные были крайне необходимы при распределении трудовых ресурсов. Это, в свою очередь, создавало затруднения при замене ушедших на фронт мужчин небоеспособными гражданами. Неопределенным оставалось и количество детей – дошкольников и подростков, а следовательно, неясно, сколько женщин не смогут прийти на заводы и фабрики? Какое количество детских садов и яслей требовалось, чтобы высвободить женщин от домашних забот и направить их на производство?

В таких условиях о каком-либо строгом планировании и эффективном использовании людских ресурсов страны не могло идти и речи. Летом 1941 г., с началом широкомасштабных боевых действий, в деятельности государственных органов и воинских штабов, не обладавших точной информацией о советском людском потенциале, произошел сбой. В свою очередь это вызвало множество ошибочных решений, растерянность, а в конечном итоге явно избыточный призыв. В целом, в течение Великой Отечественной войны многие решения о воинской мобилизации носили не планомерный и упорядоченный характер, а являлись ситуационными и подчас бессистемными.

В июле 1942 г. Новосибирский обком под давлением обстоятельств военного времени принял явно запоздалое, но важное решение об организации специального обследования людского потенциала области с целью его последующего рационального использования. Его итогом стал фундаментальный 340-страничный аналитический доклад, подготовленный отделами обкома и облисполкома при активном участии местных научных работников. Составители доклада посчитали необходимым специально подчеркнуть: «Несмотря на всю народнохозяйственную и оборонную важность этих (демографических – В.И.) процессов, точных статистических материалов, характеризующих состояние дела – не имеется. Органы статистического управления до последнего времени не занимались учетом и анализом происходящих сдвигов в составе населения и потому не располагают соответствующими материалами. Между тем, этот вопрос сейчас, в обстановке отечественной (так в источнике – В.И.) войны, приобрел исключительное государственное значение и в первую очередь для обеспечения всех отраслей народного хозяйства рабочей силой, не говоря уже о значении этих данных для выполнения планов мобилизации в Красную Армию» [20]. В результате властям, при расчете людских ресурсов и организации трудовых и военных призывов приходилось действовать не по заранее составленному плану, но принимать ситуационные решения, далеко не во всех случаях основанные на достоверных данных.

Важно учитывать, что и без того неточные материалы переписи 1939 г. быстро устарели и утратили значение информационной базы. Резкие колебания рождаемости и смертности, характерные для военных лет, крупномасштабные воинские мобилизации и эвакуация, передвижение спецконтингента быстро и кардинально изменили численность и состав населения тыловых регионов страны. В этих условиях приходилось искать новые источники информации о мобилизационном и трудовом потенциале тыловых районов. В 1943 г. сотрудники ЦСУ СССР разработали таблицы единовременных отчетов сельсоветов, которые предназначались для получения сведений о половом и возрастном составе сельского населения. Эти таблицы, получившие наименование «форма С», заполнялись работниками сельсоветов на основе похозяйственных книг и списков временно проживавших. Затем таблицы направлялись районным инспекторам ЦСУ для проведения статистической обработки и получения сводных (по районам) данных. Таблицы формы «С» содержат ценнейшую инфор-

мацию о распределении наличного сельского населения по полу и возрасту.

Очевидно, что единовременные отчеты сельсоветов преследовали фискальные и мобилизационные цели. Их использовали налоговые учреждения, органы по учету и распределению рабочей силы, а также военные комиссариаты. По этой причине отчеты о численности и структуре сельского населения составлялись особенно тщательно, а потому были достаточно надежны. Современные историки, используя этот источник информации, имеют возможность не только определить численность и состав сельского населения по полу и возрасту в годы Великой Отечественной войны, но дифференцировать женский перевес по различным диапазонам возрастов. Это чрезвычайно важно, так как аномалии в соотношении полов были особенно значительны в социально активных возрастах от 18 до 49 лет.

К сожалению, источники не дают возможности детально проследить изменения половозрастного состава городского населения, произошедшие в военные годы. Однако этот досадный пробел в источниковой базе отчасти восполняется вследствие использования материалов карточной системы распределения продуктов. ЦСУ СССР и Госплан СССР использовали материалы Наркомторга СССР как базу для учета численности и состава населения городов и рабочих поселков. Карточная система была введена постановлением СНК СССР от 18 июля 1941 г. Рабочие, служащие и их иждивенцы получали хлебные карточки непосредственно на предприятиях, а так называемое «неорганизованное» население – в карточных бюро на основании стандартных справок, заверенных в бюро технического учета. Горожане были заинтересованы в постановке на учет, а сама карточная система являла собой эффективный способ контроля над городским населением. Данные о количестве выданных хлебных карточек являются источником дополнительных сведений не только о численности, но и структуре городского населения.

Важным источником по определению размеров трудового потенциала городского населения является учет неработающего населения городов. В ходе этих учетов, организация которых возлагалась на ЦСУ СССР, выявлялись все не работавшие мужчины в возрасте от 14 до 55 лет и женщины – от 15 до 50 лет. Из списков не работавших исключались инвалиды первой и второй групп, учащиеся вузов, техникумов, школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ. Учеты, как правило, проводились без опроса населения, по сведениям управляющих домами, комендантов общежитий и домовладельцев. Полученные материалы тщательно сверялись с данными карточных бюро о числе выданных хлебных карточек. Учет людских ресурсов как города, так и села показал, что в ходе трудовых мобилизаций запас нигде не работавших женщин, подростков и стариков, составлявших в военное время основной запас незадействованного труда, постоянно сокращался. Тем не менее даже в суровые годы войны в городах оставались люди, не занятые на производстве и существовавшие за счет неконтролируемых государством источников дохода. В политическом аспекте это означало выпадение из структуры тоталитарного государства. Про-

веденный в марте 1942 г. учет выявил в городских поселениях Новосибирской области 48 тыс. нигде не работавших женщин (не учившихся и не имевших на своем попечении детей до 8 лет). Так, в Омской области таковых насчитывалось свыше 14 тыс. чел., в Алтайском крае – около 9 тыс. [21]. По подсчетам ЦСУ СССР, которые были сверены с данными Наркомторга СССР о количестве выданных хлебных карточек, в Барнауле в 1943 г. численность не работавших и не учившихся женщин, не имеющих детей до 8 лет, составляла почти 5 тыс. чел. В Анжеро-Судженске таковых насчитывалось 2,2 тыс., в Киселевске – 1,2, в Томске – почти 4, в Тюмени – свыше 2 тыс. чел. [22].

В 1944 г. по всем городам Советского Союза было выявлено 614 тыс. нигде не работавших мужчин и женщин [23]. В Новосибирской области повторный учет не работающего населения, проведенный 15 марта 1944 г., показал, что количество не занятых мужчин в возрасте от 14 до 55 лет составляло 1791 чел. Не занятых женщин в возрасте от 14 до 50 лет было еще больше – 41 978 чел., в том числе бездетных или не имеющих детей моложе 8 лет – 11 340 чел. Таким образом, областные власти получили возможность мобилизовать в Красную армию и на производство дополнительно 23 062 чел. [24]. В действительности количество не занятых на производстве мужчин и женщин было значительно больше, чем обнаруживали официальные проверки. Н.М. Шверник, стремясь подчеркнуть положительные стороны деятельности руководимого им Комитета по учету и распределению рабочей силы, а заодно поставить в неловкое положение представителей других ведомств, писал: «Проводимый ЦСУ единовременный учет городского неработающего населения (без опроса населения) не обеспечивает выявления неработающих граждан» [25]. По-видимому, эффективность административно-бюрократической системы, действовавшей в СССР в годы войны, сильно преувеличена.

После завершения войны появился источник, содержащий сведения о половозрастном составе не только сельского, но и городского населения. Государственные органы использовали этот источник для выявления как численности и состава населения, так и гендерных аномалий, сложившихся вследствие огромных военных потерь. Мы имеем в виду списки избирателей, составлявшиеся к выборам депутатов Верховного Совета СССР (1946) и Верховных Советов РСФСР и автономных республик (1947). В списки вносились граждане от 18 лет и старше, обладавшие избирательным правом. СНК СССР распоряжением от 31 декабря 1945 г. № 13842Р разрешил статистикам использовать списки избирателей для расчетов с целью определения численности и половозрастного состава населения [26]. Основным недостатком этого источника является то, что в списки избирателей не включались некоторые группы населения, в частности, лишённые избирательных прав заключенные. Кроме того, исходя из соображений секретности, СНК СССР категорически запретил статистикам разработку списков избирателей по воинским частям. К тому же информация о половозрастном составе гражданского населения, полученная на основе списков избирателей, не может считаться статистически «чистой», так как имеет «примеси» в связи с притоком в города и деревни мужчин

в ходе развернувшейся в 1945 г. демобилизации. Поэтому надо иметь в виду, что собственно в военные годы структурная ситуация в стране была значительно напряженней, чем это показывает используемый источник.

Значительные сдвиги в военные годы произошли в составе детского и подросткового населения. Изменения, произошедшие в численности и структуре населения моложе 18 лет, можно проследить, используя статистические сведения, полученные после завершения Великой Отечественной войны. Такого рода данные содержат материалы подсчета детей и подростков, организованного ЦСУ СССР в декабре 1947 – январе 1948 гг. в городских поселениях страны. Этот учет являл собой своеобразную микроперепись населения моложе 18 лет, проведенную, однако, без опроса населения. Информация о количестве и составе детей и подростков по домам индивидуального жилищного фонда была получена в ходе отчетов домовладельцев. Регистраторы ЦСУ СССР и представители уличных комитетов посетили фактически каждое домовладение. По домам обобщественного жилищного фонда отчеты составлялись комендантами и домоуправлениями. Сведения о численности и составе детей и подростков в детских домах, школах-интернатах, в общежитиях учебных заведений были получены на основе рапортов их руководителей. После окончания подсчета проводилась контрольная проверка точности полученной информации. Проверка охватила примерно 10–14 % детей и подростков.

Подсчет численности населения моложе 18 лет зафиксировал две глубокие демографические ямы, образовавшиеся в возрастной структуре населения. Они соответствовали двум мощным демографическим катастрофам, обрушившимся на Россию в XX столетии – 1932–1933 и 1939–1945 гг. Впоследствии наличие этих демографических провалов нашло подтверждение в ходе проведения и статистической обработки материалов первой после Второй мировой войны Всесоюзной переписи населения 1959 г.

Источники и литература

1. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – Москва, 1991.
2. Правда. – 1939. – 4 сент.
3. Тольц, М.С. Репрессированная перепись / М.С. Тольц // Родина. – 1989. – № 11.
4. Цаплин, В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы / В.В. Цаплин // Вопросы истории. – 1989. – № 4.
5. Андреев, Е. Опыт оценки численности населения СССР. 1926–1941 гг. (Краткие результаты исследования) / Е. Андреев, Л. Дарский, Т. Харьковская // Вестник статистики. – 1990. – № 7.
6. Исупов, В.А. Тайны советской статистики / В.А. Исупов // Вестник АН Сиб. отд. Серия «История, филология». – Новосибирск, 1991.
7. Жиромская, В.Б. Всесоюзная перепись 1939 г. в историографии: оценка достоверности / В.Б. Жиромская // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. – Москва, 1996.
8. Жиромская, В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В.Б. Жиромская. – Москва, 2001.
9. Гелен, Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии 1942–1971 / Р. Гелен. – Москва, 2003.
10. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 391. – Л. 39; – Д. 406. – Л. 113.
11. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 391. – Л. 39, 40.
12. Исупов, В.А. Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны / В.А. Исупов. – Сыктывкар, 2011.
13. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 406. – Л. 20.
14. Андреев, Е.М. Демографическая история России: 1927–1957 / Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харьковская. – URL: <http://www.demoscope.ru/knigi/-dars/adk.html> (дата обращения 25 января 2017 года).
15. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 537. – Л. 10.
16. Население России за 100 лет (1897 – 1997). Стат. сб. / редкол. Ю.А. Юрков [и др.]. – Москва, 1998.
17. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / сост. Ю.А. Поляков [и др.]. – Москва, 1992.
18. Исупов, В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны. Изд. 2-е, испр. и доп. / В.А. Исупов. – Москва–Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2021.
19. РГАЭ. – Ф. 4372. – Оп. 42. – Д. 997. – Л. 55.
20. ГАНУ. – Ф. П-4. – Оп. 6. – Д. 38. – Л. 23.
21. РГАЭ. – Ф. 4372. – Оп. 42. – Д. 999. – Л. 24.
22. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 20. – Д. 412. – Л. 2, 34, 38.
23. ГАРФ. – Ф. 9517. – Оп. 1с. – Д. 23. – Л. 14.
24. ГАНУ. – Ф. П-4. – Оп. 8. – Д. 22. – Л. 8 об.
25. ГАРФ. – Ф. 9517. – Оп. 1с. – Д. 23. – Л. 15.
26. ГАНУ. – Ф. 11. – Оп. 2. – Д. 1409. – Л. 1.

References

1. Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1937 g. Kratkie itogi [All-Union population census. Short results] / ed. Yu.A. Pol'yakov. – Moscow, 1991.
2. Pravda Newspaper. – 1939. – September 4.
3. Tolts, M.S. Repressirovannaya perepis [Census of the repressed] / M.S. Tolts // Rodina. – 1989. – № 11.
4. Tsaplin, V.V. Statistika zhertv stalinizma v 30-e gody [Statistics of the victims of Stalinism in the 1930s] // Voprosy istorii [Questions of History]. – 1989. – № 4.
5. Andreev, E. Opyt ocenki chislennosti naseleniya SSSR. 1926 – 1941 gg. (Kratkie rezultaty issledovaniya) [Assessment of population density of the USSR. 1926 – 1941 (Short research results)] / E. Andreev, L. Darsky, T. Kharkova // Statistical Bulletin. – 1990. – № 7.
6. Isupov, V.A. Tayny sovetskoy statistiki [Secrets of Soviet statistics] / V.A. Isupov / Bulletin of the Siberian Branch RAS. Series "History and Philology". – Novosibirsk, 1991.
7. Zhiromskaya, V.B. Vsesoyuzhnaya perepis 1939 g. v istoriografii: otsenka dostovernosti [All-Union census of 1939 in historiography: assessment of reliability] / V.B. Zhiromskaya // Rossiya v XX veke: sudby istoricheskoy nauki [Russia in the XX century: fate and fortunes of the historical science]. – Moscow, 1996.
8. Zhiromskaya, V.B. Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzgl'yad v neizvestnoye [Demographic history of Russia in the 1930s. View of the unknown] / V.B. Zhiromskaya. – Moscow, 2001.

9. Gelen, R. Vojna razvedok. Tajnye operacii spetssluzhb Germanii. 1942 – 1971 [The war of intelligence. Covert operations of the German secret services. 1942 – 1971] / R. Gelen. – Moscow, 2003.
10. RGAE [Russian State Archive of Economics]. – Fonds 1562. – Inventory 329. – File 391. – Sheet 406.
11. RGAE [Russian State Archive of Economics]. – Fonds 1562. – Inventory 329. – File 391. – Sheets 39, 40.
12. Isupov, V.A. Statisticheskie istochniki po demograficheskoy istorii Rossii perioda Velikoj Otechestvennoj vojny [Statistical sources on the demographic history of Russia during the Great Patriotic War] / V.A. Isupov. – Syktyvkar, 2011.
13. RGAE [Russian State Archive of Economics]. – Fonds 1562. – Inventory 329. – File 406. – Sheet 20.
14. Andreev, E.M. Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927 – 1957 [Demographic history of Russia: 1927 – 1957] [Electronic resource] / E.M. Andreev, L.E. Darsky, T.L. Kharkova. – URL: <http://www.demoscope.ru/znani/dars/adk.html>.
15. RGAE [Russian State Archive of Economics]. – Fonds 1562. – Inventory 329. – File 537. – Sheet 10.
16. Naselenie Rossii za 100 let (1897 – 1997) [Population of Russia for 100 years (1897 – 1997). Statistical collection. – Moscow, 1998.
17. Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1939 goda: Osnovnye itogi [All-Union Population Census of 1939: Main results]. – Moscow, 1992.
18. Isupov, V.A. Glavnyj resurs Pobedy. Lyudskoj potencial Zapadnoj Sibiri v gody Vtoroj mirovoj vojny [The main resource of victory. Human potential of Western Siberia during the Second World War]. 2nd ed., revised and updated / V.A. Isupov. – Moscow-Berlin: Directmedia Publishing, 2021.
19. RGAE [Russian State Archive of Economics]. – Fonds 4372. – Inventory 42. – File 997. – Sheet 55.
20. GANO [State Archive of the Novosibirsk Region]. – Fonds P-4. – Inventory 6. – File 38. – Sheet 23.
21. RGAE [Russian State Archive of Economics]. – Fonds 4372. – Inventory 42. – File 999. – Sheet 24.
22. RGAE [Russian State Archive of Economics]. – Fonds 1562. – Inventory 20. – File 412. – Sheets 2, 34, 38.
23. GARF [State Archive of the Russian Federation]. – Fonds 9517. – Inventory 1s. – File 23. – Sheet 14.
24. GANO [State Archive of the Novosibirsk Region]. – Fonds P-4. – Inventory 8. – File 22. – Sheet 8 Back Page.
25. GARF [State Archive of the Russian Federation]. – Fonds 9517. – Inventory 1s. – File 23. – Sheet 15.
26. GANO [State Archive of the Novosibirsk Region]. – Fonds 11. – Inventory 2. – File 1409. – Sheet 1.

Информация об авторе:

Исупов Владимир Анатольевич – доктор исторических наук, профессор Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»; Российская Федерация, 196605, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10; e-mail: Vladimir_2004_@mail.ru).

Author:

Vladimir A. Isupov – Doctor of Sciences (History), Professor, Leningrad State University named after A.S. Pushkin (State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Leningrad Region “Leningrad State University named after A.S. Pushkin”; 10 Peterburgskoe shosse, Pushkin, Leningrad Region, Russian Federation; e-mail: Vladimir_2004_@mail.ru).

Для цитирования:

Исупов, В.А. Статистические материалы как источник по изучению военно-мобилизационного и трудового потенциала тыловых районов России в годы Великой Отечественной войны / В.А. Исупов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 141–146.

For citation:

Isupov, V.A. Statisticheskie materialy kak istochnik po izucheniyu voenno-mobilizatsionnogo i trudovogo potenciala tylovyh rajonov Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Statistical materials as a research source of the military-mobilization and labor potential of the rear regions of Russia during the Great Patriotic War] / V.A. Isupov // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2023. – № 1 (59). – P. 141–146.

Дата поступления рукописи: 22.02.2023

Прошла рецензирование: 27.02.2023

Принято решение о публикации: 27.02.2023

Received: 22.02.2023

Reviewed: 27.02.2023

Accepted: 27.02.2023

Динамика численности и удельного веса специалистов среднего звена в народном хозяйстве Европейского Севера РСФСР во второй половине 1950-х–начале 1960-х годов

А.М. Мацук

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
almmatsuk@gmail.com

Аннотация

В статье на основе данных ежегодных статистических сборников представлено исследование динамики численности и удельного веса специалистов среднего звена, работающих в народном хозяйстве областей и республик Европейского Севера РСФСР. Период исследования обоснован проводившейся в это время в стране реформой народного образования, которая оказала влияние на изменение численности и удельного веса отдельных категорий специалистов среднего звена. Показано, что, по статистическим данным, в народном хозяйстве заметно возросло количество техников, в то время как удельный вес других категорий специалистов среднего звена сократился. В представленной работе приведено сравнение исследуемой динамики с подобным процессом на территории РСФСР в целом и отмечен ряд особенностей, а также показано увеличение численности специалистов среднего звена в общей массе населения Европейского Севера РСФСР.

Ключевые слова:

специалисты среднего звена, среднее специальное образование, народное хозяйство, Европейский Север РСФСР, численность, удельный вес, вторая половина 1950-х–начало 1960-х гг.

В областях и республиках Европейского Севера РСФСР к 1950-м гг. действовали развитые системы среднего специального образования, включающие в себя значительное количество техникумов и училищ. Так, в середине 1950-х гг. в Архангельской области насчитывалось 32 средних специальных учебных заведения, в Вологодской области – 33, Мурманской – 5, в Карельской и Коми АССР – 15 и 13 соответственно. В этих 98 учебных заведениях обучалось почти 40 тыс. чел., большая часть которых после выпуска распределялась на рабочие места по различным отраслям народного хозяйства Европейского Севера РСФСР [1].

Dynamics of the number and share of mid-level specialists in the national economy of the European North of the RSFSR in the second half of the 1950s-early 1960s

A.M. Matsuk

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
almmatsuk@gmail.com

Abstract

On the basis of the data of annual statistical collections, the paper analyzes the dynamics of the number and share of mid-level specialists working in the national economy of the regions and republics of the European North of the RSFSR. The study period coincided with the reform of public education carried out in the country at that time and logically changed the number and share of certain categories of mid-level specialists. The paper demonstrates that, according to the statistical data, the number of technicians in the national economy noticeably increased whereas the share of other categories of mid-level specialists decreased. Then the author compares the studied dynamics with a similar process on the territory of the RSFSR as a whole, notes a number of specific features, and also points to an increase in the number of mid-level specialists in the total population of the European North of the RSFSR.

Keywords:

mid-level specialists, secondary specialized education, national economy, European North of the RSFSR, number, share, second half of the 1950s - early 1960s

В очерченный период в стране проводилась реформа народного образования, которая имела как позитивные (например, отмена платы за обучение, развитие заочного и вечернего видов обучения), так и отрицательные (заметное сокращение количества учебных заведений по отдельным областям подготовки специалистов, отрицательная динамика запланированной подготовки кадров среднего звена по ряду специальностей и др.) стороны в отношении системы среднего специального образования [подр. см.: 2, с. 14; 3, с. 105–106; 4–6]. К 1964 г. на Европейском Севере РСФСР функционировало 86 техникумов и училищ: в Архангельской области – 24, Вологодской – 25, Мурманской области – 6, в

Карельской и Коми АССР – 16 и 15 учебных заведений соответственно. Обучалось в них суммарно около 70 тыс. чел. [7, с. 438].

Озвученные факторы оказали непосредственное влияние на изменение численности и удельного веса специалистов со средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве Европейского Севера РСФСР.

В отечественной историографии (советского и постсоветского периодов) проблема истории развития и функционирования системы среднего специального образования, в том числе на территории Европейского Севера РСФСР, имеет определенное освещение. Ряд научных работ напрямую посвящен данному вопросу как по Европейскому Северу РСФСР в целом, так и по отдельным областям и республикам, относящимся к данной территории [2–3; 8–11 и др.], в других – в той или иной степени затронуты отдельные его аспекты [6; 12–17 и др.].

Рассматриваемые в представленной статье вопросы численности специалистов среднего звена в народном хозяйстве областей и республик Европейского Севера РСФСР, их удельного веса, а также динамики изменения этих показателей во время проведения реформы народного образования в СССР во второй половине 1950-х–начале 1960-х гг. освещены в историографии фрагментарно. Так, в работе Ю.В. Ухановой приведены данные о количестве специалистов в сельском хозяйстве Архангельской области в 1951 и 1961 гг., имеющих среднее специальное образование, с отдельными данными по их численности в колхозах и совхозах, а также обобщенные данные о росте их числа в сельском хозяйстве Архангельской и Вологодской областей в целом за период 1941–1962 гг. [18]. В статье Л.В. Изюмовой содержатся подробные данные о численности и составе специалистов среднего звена, занятых в сельском хозяйстве Вологодской области в 1947 и 1958 гг., занятых в машинно-тракторных и спецстанциях сельскохозяйственного сектора Архангельской, Вологодской областей и Коми АССР в 1954 г., а также о числе и движении молодых специалистов в колхозах и совхозах Вологодской области в первой половине 1960-х гг. [19]. Р.С. Колокольчикова осветила вопрос повышения образовательного уровня городского населения Европейского Севера РСФСР, а также привела данные о численности горожан Мурманской области, имеющих среднее специальное образование, в том числе выделив среди них долю женщин [20]. В препринте доклада С.В. Бархатовой отмечен рост количества специалистов среднего звена в Карельской АССР с начала 1940-х до начала 1960-х гг. [2, с. 35]. В монографиях Я.Н. Безносикова содержатся сведения о числе специалистов со средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве Коми АССР в конце 1950-х, середине 1960-х и начале 1970-х гг., и отмечен их удельный вес в 1959 г. с разделением данных по различным отраслям [3, с. 113–114, 158; 21]. А.К. Гагиева привела подробные данные о численности специалистов среднего звена в сфере потребительской кооперации в период середины 1960-х–начала 1980-х гг. в Коми АССР [15, с. 38].

Следует отметить, что в двух наших работах содержится информация о численности занятых в народном хозяй-

стве областей и республик Европейского Севера РСФСР специалистов со средним специальным образованием за период начала 1950-х–конца 1980-х гг. [11, с. 10; 22]. Однако в представленной статье мы расширили область исследования изучаемого вопроса, осветив помимо общей динамики численности специалистов изменение их числа по ряду отдельных категорий, а также проследив динамику изменения удельного веса специалистов в выделенных категориях. Кроме того, здесь приведено выделение удельного веса специалистов среднего звена в общей массе населения областей и республик изучаемой территории и сравнение динамики изменения удельного веса их отдельных категорий на Европейском Севере и РСФСР в целом. Для наглядности и удобства данные о численности специалистов среднего звена приведены в виде таблиц с разделением на два периода – вторая половина 1950-х гг. (табл. 1) и начало 1960-х гг. (табл. 2). Отметим, что в связи с форматом представленных в статистических сборниках данных, в указанных таблицах не удалось разделить общую категорию специалистов, работающих в области просвещения, библиотечного и культурно-просветительского дела, экономики, планирования и статистики по отдельным графам.

По информации, приведенной в табл. 1, можно судить об общей положительной динамике роста числа специалистов среднего звена на Европейском Севере РСФСР во второй половине 1950-х гг., где было зафиксировано увеличение занятых в народном хозяйстве специалистов с 82,6 до 136,8 тыс. чел. (или в 1,66 раза). Среди областей и республик изучаемой территории максимальный рост наблюдался в Мурманской области – с 10,6 до 21,1 тыс. чел. (или почти в два раза), минимальный – в Вологодской – с 23,4 до 33,5 тыс. чел. (или в 1,43 раза).

В представленных в табл. 1 категориях специалистов, относящихся к разным отраслям народного хозяйства, в 1955–1959 гг. зафиксирован рост численности, в первую очередь, у техников (более чем в два раза), затем у медицинских работников (в 1,6) и наименьший прирост у категорий агрономов, зоотехников и других, а также педагогов, культурно-просветительных работников и др. (в 1,2 и 1,4 раза соответственно). В первой обозначенной категории по отдельным областям и республикам наибольший рост фиксируется в Мурманской области, Карельской и Коми АССР (более чем в 2,2 раза); в категории медицинских работников – в Мурманской области и Карельской АССР (более чем в 1,7 раза); в двух последних категориях лидером по приросту специалистов выступили вновь Мурманская область (в 1,7 раза) и Коми АССР (в категории педагоги, культурно-просветительные работники и другие – в 1,7 раза).

Рассматривая изменение удельного веса отдельных категорий специалистов в их общем объеме, отметим наличие неравнозначной динамики: удельный вес категории техников значительно увеличился на всем Европейском Севере РСФСР во второй половине 1950-х гг. (на 7,6 %), за счет чего прочие категории потеряли в данном параметре. Удельный вес категории медицинских работников снизился на 0,7 %, агрономов, зоотехников и других – почти на

Число специалистов среднего звена, занятых в народном хозяйстве Европейского Севера РСФСР во второй половине 1950-х гг., тыс. чел.

Таблица 1

Table 1

Number of mid-level specialists in the national economy of the European North of the RSFSR in the second half of 1950s, thousand people

Специалисты среднего звена	Области и республики Европейского Севера РСФСР								
	Архангельская область			Вологодская область			Мурманская область		
	Годы								
	1955 г.	1957 г.	1959 г.	1955 г.	1957 г.	1959 г.	1955 г.	1957 г.	1959 г.
Всего	23,7	35,6	37,3	23,4	29,0	33,5	10,6	15,9	21,1
В том числе: Техники	6,8	12,1	13,5	4,1	6,2	8,1	4,1	6,9	9,8
Агрономы, зоотехники, лесоводы и др.	1,8	1,9	2,1	3,0	3,1	3,5	0,3	0,4	0,5
Медработники	6,1	8,6	9,0	5,7	7,7	8,5	3,2	4,4	5,7
Педагоги, культурно-просветительные работники, экономисты и др.	9,0	13,0	12,7	10,6	12,0	13,4	3,0	4,2	5,1

Специалисты среднего звена	Области и республики Европейского Севера РСФСР						Итого		
	Карельская АССР			Коми АССР					
	Годы								
	1955 г.	1957 г.	1959 г.	1955 г.	1957 г.	1959 г.	1955 г.	1957 г.	1959 г.
Всего	11,8	18,1	20,9	13,1	19,1	24,0	82,6	117,7	136,8
В том числе: Техники	3,0	5,0	6,7	4,0	6,4	8,8	22,0	36,6	46,9
Агрономы, зоотехники, лесоводы и др.	0,9	1,2	1,3	0,9	1,1	1,3	6,9	7,7	8,7
Медработники	2,5	4,3	4,7	3,6	5,1	6,0	21,1	30,1	33,9
Педагоги, культурно-просветительные работники, экономисты и др.	5,4	7,6	8,2	4,6	6,5	7,9	32,6	43,3	47,3

Источники: Народное хозяйство РСФСР. Стат. сб. – Москва: Госстатиздат, 1957. – С. 275; Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. Стат. ежегодник. – Москва: Госстатиздат, 1959. – С. 381; Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. Стат. ежегодник. – Москва: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. – С. 434.

Literature sources: Narodnoe hozyajstvo RSFSR [National economy of the RSFSR]. Stat. collection. – Moscow: Gosstatizdat, 1957. – P. 257; Narodnoe hozyajstvo RSFSR v 1958 godu [National economy of the RSFSR in 1958]. Stat. annual. – Moscow: Gosstatizdat, 1959. – P. 381; Narodnoe hozyajstvo RSFSR v 1959 godu [National economy of the RSFSR in 1959]. Stat. annual. – Moscow: Gosstatizdat CSO USSR, 1960. – P. 434.

2 %, педагогов, культурно-просветительных работников и других – почти на 5 %.

В областях и республиках изучаемой территории в категории техников наибольший рост удельного веса зафиксирован в Мурманской и Архангельской областях (на 7,7 и 7,5 % соответственно). Удельный вес агрономов, зоотехников и других снизился наиболее заметно в Архангельской и Вологодской областях (на 1,9 и 2,3 % соответственно). В категории медиков вектор динамики изменения удельного веса специалистов был разнонаправленным – в Архангельской, Мурманской областях и Коми АССР отмечено снижение данного показателя от 3,2 до 1,6 %, в Вологодской области и Карельской АССР – напротив, увеличение более чем на 1 %. В указанной отмеченной категории удельный вес специалистов заметнее всего снизился в Вологодской области и Карельской АССР (на 5,3 и 6,5 % соответственно), наименьшее его снижение зафиксировано в Коми АССР (на 2,2 %).

Динамика изменения числа специалистов со средним специальным образованием на Европейском Севере РСФСР

в начале 1960-х гг. выглядела следующим образом (табл. 2).

Общая динамика изменения числа специалистов среднего звена на Европейском Севере РСФСР сохранила в начале 1960-х гг. свой положительный вектор, однако его интенсивность снизилась с 1,66 (отмеченной во второй половине 1950-х гг.) до 1,22 (с 146,5 до 179,5 тыс. чел.) раза. Максимальный прирост вновь зафиксирован в Мурманской области – с 22,2 до 31,2 тыс. чел., или в 1,4 раза.

В четырех категориях специалистов в целом на изучаемой территории отмечен незначительный рост – от 1,08 и 1,14 раза среди агрономов, зоотехников и других и медицинских работников соответственно, до более чем 1,2 раза в двух других. Наибольший прирост численности специалистов во всех категориях отмечен в Мурманской области, где он составил от 1,3 до 1,5 раза.

Динамика изменения удельного веса специалистов отдельных категорий в начале 1960-х гг. заметно изменилась. Так, рост удельного веса техников значительно снизился и составил в целом лишь чуть более 1 %. Удельный вес агрономов, зоотехников и других замедлил снижение до 0,7 %. Категория специалистов медицинского профиля, напротив, усилила отрицательный вектор до 1,7 %. В последней из отмеченных категорий вектор динамики удельного веса изменил направление на положительное – прирост в целом по Европейскому Северу РСФСР составил более 1,3 %.

По отдельным областям и республикам в рассматриваемых категориях можно отметить пиковые моменты. В категории техников максимальный рост удельного веса фиксируется в Вологодской области (на 4,4 %), отрицательное изменение удельного веса – в Архангельской области (на 2,5 %). Удельный вес категории агрономов, зоотехников и других заметнее всего снизился в Вологодской области (на 1,8 %), в Архангельской области, наоборот, изменился в положительную сторону (на 0,1 %). Наибольшее уменьшение удельного веса медицинских работников отмечено в Карельской АССР и Вологодской области (на 2,5–2,4 %), менее всего удельный вес данной категории снизился в Коми АССР (на 1 %). В категории педагогов, культурно-просветительных работников и других во всех областях и республиках Европейского Севера РСФСР отмечен рост удельного веса специалистов (максимальный – в Архангельской области – на 3,8 %), кроме Вологодской области, где зафиксировано снижение удельного веса этой категории почти на 0,3 %.

Число специалистов среднего звена, занятых в народном хозяйстве Европейского Севера РСФСР в начале 1960-х гг., тыс. чел.

Таблица 2

Table 2

Number of mid-level specialists in the national economy of the European North of the RSFSR in the early 1960s, thousand people

Специалисты среднего звена	Области и республики Европейского Севера РСФСР								
	Архангельская область			Вологодская область			Мурманская область		
	Годы								
	1960 г.	1962 г.	1964 г.	1960 г.	1962 г.	1964 г.	1960 г.	1962 г.	1964 г.
Всего	41,1	43,6	48,3	35,3	38,0	41,5	22,2	27,4	31,2
В том числе: Техники	17,3	17,1	19,1	9,4	11,5	12,9	10,3	12,5	14,5
Агрономы, зоотехники, лесоводы и др.	2,0	2,2	2,4	3,7	3,5	3,6	0,6	0,7	0,8
Медработники	9,1	9,3	10,0	8,5	8,4	9,0	5,8	6,9	7,6
Педагоги, культурно-просветительные работники, экономисты и др.	12,7	15,0	А	13,7	14,6	16,0	5,5	7,3	8,3

Специалисты среднего звена	Области и республики Европейского Севера РСФСР						Итого		
	Карельская АССР			Коми АССР					
	Годы								
	1960 г.	1962 г.	1964 г.	1960 г.	1962 г.	1964 г.	1960 г.	1962 г.	1964 г.
Всего	22,3	23,6	25,5	25,6	28,7	33,0	146,5	161,3	179,5
В том числе: Техники	7,3	8,5	9,1	9,8	11,0	12,6	54,1	60,6	68,2
Агрономы, зоотехники, лесоводы и др.	1,3	1,1	1,2	1,3	1,6	1,6	8,9	9,1	9,6
Медработники	5,1	4,8	5,2	6,0	6,5	7,4	34,5	35,9	39,2
Педагоги, культурно-просветительные работники, экономисты и др.	8,6	9,2	10,0	8,5	9,6	11,4	49	55,7	62,5

Источники: Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. Стат. ежегодник. – Москва: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. – С. 407; Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. Стат. ежегодник. – Москва: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1963. – С. 431; Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Стат. ежегодник. – Москва: Статистика, 1965. – С. 375.

Literature sources: Narodnoe hozyajstvo RSFSR v 1960 godu [National economy of the RSFSR in 1960]. Stat. annual. – Moscow: Gosstatizdat CSO USSR, 1961. – P. 407; Narodnoe hozyajstvo RSFSR v 1962 godu [National economy of the RSFSR in 1962]. Stat. annual. – Moscow: Gosstatizdat CSO USSR, 1963. – P. 431; Narodnoe hozyajstvo RSFSR v 1964 godu [National economy of the RSFSR in 1964]. Stat. annual. – Moscow: Statistika, 1965. – P. 375.

Подводя итог приведенной в табл. 1 и 2 информации, проследим изменение числа специалистов среднего звена в народном хозяйстве Европейского Севера РСФСР, а также удельного веса их отдельных категорий в целом за весь изучаемый период.

Общая численность специалистов на изучаемой территории в целом за вторую половину 1950-х–начало 1960-х гг. показала рост более чем в два раза. Наибольший рост численности отмечен в Мурманской области (с 10,6 до 31,2 тыс. чел., или в 2,94 раза) и Коми АССР (с 13,1 до 33 тыс. чел., или в 2,52 раза). Наименьший показатель роста зафиксирован в Вологодской области (с 23,4 до 41,5 тыс. чел., или в 1,77 раза).

Рассматривая изменение числа специалистов в отдельных категориях, отметим, что максимальный рост на всей изучаемой территории наблюдается в категории техников – с 22 до 68,2 тыс. чел., или более чем в три раза. По отдельным областям и республикам наибольший прирост числа специалистов этой категории фиксируется в

Мурманской области (более чем в 3,5 раза), наименьший – в Архангельской (в 2,8 раза). В категории агрономов, зоотехников и других общий рост численности специалистов составил от 6,9 до 9,6 тыс. чел., или почти в 1,4 раза. Наибольший прирост в этой категории также зафиксирован в Мурманской области (более чем в 2,6 раза), а наименьший – в Вологодской (в 1,2 раза). В категории специалистов медицинского профиля общий прирост их числа на Европейском Севере в целом составил с 21,1 до 39,2 тыс. чел., или более чем в 1,8 раза. Максимальный рост числа специалистов данной категории отмечен в Мурманской области (почти в 2,4 раза), минимальный – в Вологодской (менее 1,6 раза). В последней из отмеченных категорий общий рост численности специалистов составил от 32,6 до 62,5 тыс. чел., или в более чем в 1,9 раза. В отдельных областях и республиках изучаемой территории максимальный прирост числа специалистов, отнесенных к категории педагогов, культурно-просветительных работников и других, отмечен в Мурманской области и Коми АССР (более чем в 2,7 и 2,4 раза соответственно), минимальный – в Вологодской области (в 1,5 раза).

Изменение удельного веса специалистов по четырем выделенным категориям на протяжении исследуемого периода было неравнозначным. Так, данный показатель в категории техников на территории Европейского Севера РСФСР в целом

показал значительный рост, увеличившись более чем на 11,3 %. Максимальный рост удельного веса специалистов этой категории отмечен в Вологодской и Архангельской областях (на 13,5 и 10,8 % соответственно). В прочих категориях наблюдается снижение удельного веса специалистов на изучаемой территории: агрономов, зоотехников и других – на 3 %, медицинских работников – на 3,7, педагогов, культурно-просветительных работников и других – на 4,6 %. В отдельных областях и республиках наибольшее снижение удельного веса в категории агрономов, зоотехников и других фиксируется в Вологодской области (на 4,1 %), минимальное – в Мурманской (на 0,2 %). В категории медицинских работников максимальное уменьшение удельного веса специалистов зафиксировано в Мурманской области (на 5,8 %), наименьшее – в Карельской АССР (на 0,8 %). Наиболее заметное снижение удельного веса специалистов, отнесенных к последней категории, отмечено в Вологодской области и Карельской АССР (на 6,5 и

6,7 % соответственно), меньше всего удельный вес данной категории снизился в Коми АССР (на 0,6 %).

При сравнении динамики изменения удельного веса отдельных категорий специалистов по Европейскому Северу РСФСР с данными по РСФСР в целом следует отметить ряд некоторых особенностей во второй половине 1950-х, начале 1960-х гг. и за весь изучаемый период. Так, если в целом по РСФСР во второй половине 1950-х гг. удельный вес специалистов среднего звена, отнесенных к категории техников, увеличился на 8,2 %, то на территории Европейского Севера России прирост удельного веса данной категории специалистов показал повышение только в 7,6 %. В категории агрономов на изучаемой территории уменьшение удельного веса специалистов отмечено на 0,5 % больше, а в категории медицинских работников, напротив, на 0,7 % меньше, чем в РСФСР. В начале 1960-х гг. вновь фиксируются различия в динамике изменения удельного веса отдельных категорий специалистов: в категории техников на изучаемой территории прирост удельного веса на 1,6 % меньше, чем в РСФСР, в категории же педагогов, культурно-просветительных работников и других на Европейском Севере отмечен рост этого показателя более чем на 1,3 %, в то время как по РСФСР в целом зафиксировано его снижение на 0,2 %.

За весь изучаемый период изменение удельного веса отдельных категорий специалистов на территории Европейского Севера России имеет следующие отличия от этого процесса по РСФСР: 1) увеличение рассматриваемого показателя в категории техников на Европейском Севере на 1,4 % меньше, чем по РСФСР в целом; 2) уменьшение удельного веса специалистов в категории агрономов, зоотехников и других на 0,5 % больше, чем по РСФСР; 3) уменьшение удельного веса в категории медицинских работников на 0,7 % слабее, чем по РСФСР; 4) уменьшение удельного веса специалистов в категории педагоги, культурно-просветительные работники и другие на 1,2 % слабее, чем по РСФСР [подсчитано по: 7, с. 375; 23, с. 275; 24, с. 381; 25, с. 434; 26, 27].

В заключении приведем сравнительные данные по изменению численности специалистов со средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве, относительно общей массы населения изучаемой территории как в целом, так и по отдельным областям и республикам. По имеющимся в статистических сборниках данным, за период второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. на территории Европейского Севера РСФСР численность населения увеличилась с 4261 до 4974 тыс. чел. [подсчитано по: 23, с. 50; 24, с. 37; 25, с. 34; 28; 29], в то время как количество специалистов среднего звена, работающих на данной территории, выросло с 82,6 тыс. до 179,5 тыс. чел. Показатель роста их удельного веса в общей массе населения увеличился на 1,67 % (с 1,94 до 3,61 %). Во второй половине 1950-х гг. интенсивность увеличения данного показателя составила чуть более 1 %, в то время как в начале 1960-х гг. сократилась до 0,4 %.

В областях и республиках Европейского Севера России динамика изменения удельного веса специалистов среднего звена относительно всей массы населения за

период второй половины 1950-х–начало 1960-х гг. выглядела следующим образом: в Архангельской области удельный вес специалистов увеличился на 1,53 % (с 1,97 до 3,50 %), в Вологодской – на 1,37 % (с 1,8 до 3,17 %), в Мурманской – на 2,41 % (с 2,24 до 4,65 %), в Карельской АССР – на 1,81 % (с 1,92 до 3,73 %) и в Коми АССР – на 1,6 % (с 1,95 до 3,55 %).

Таким образом, за изучаемый период на территории Европейского Севера РСФСР наблюдается процесс постепенного увеличения численности специалистов среднего звена, задействованных в различных отраслях народного хозяйства. Проследив динамику изменения удельного веса отдельных категорий специалистов, можно отметить влияние проводимой в стране реформы образования на примере значительного увеличения данного показателя в категории техников и заметное сокращение в прочих, особенно в категории педагогов, культурно-просветительных работников и др. Наиболее ярко это проявилось во второй половине 1950-х гг., в то время как в начале 1960-х гг., когда ряд негативных для системы среднего специального образования аспектов проводимой реформы был сглажен, данная тенденция начала менять свой вектор, что хорошо заметно по изменению динамики удельного веса отдельных категорий специалистов в это время. Кроме того, отмечается ряд особенностей в изменении динамики удельного веса по отдельным категориям специалистов среднего звена на Европейском Севере России от данного процесса по РСФСР в целом, хотя тенденция к общему росту численности изучаемых специалистов была практически схожей.

Источники и литература

1. Культурное строительство РСФСР. Стат. сб. – Москва: Госстатиздат, 1958. – С. 354–357.
2. Бархатова, С.В. Подготовка и состав специалистов высшей и средней квалификации в Карелии в послевоенные годы (1945–1960). Препринт доклада на заседании Ученого совета Института языка, литературы и истории 29 декабря 1988 г. / Карельский филиал АН СССР, Институт языка, литературы и истории; С.В. Бархатова. – Петрозаводск: КФАН СССР, 1988. – 39 с.
3. Безносиков, Я.Н. Развитие народного образования в Коми АССР / Я.Н. Безносиков. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1973. – 176 с.
4. Очерки истории Карелии. Т. 2 / ред.: С.И. Аввакумов [и др.]. – Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1964. – С. 472.
5. Очерки по истории Коми АССР. Т. 2 / ред. Д.А. Чугаев, Я.Н. Безносиков, В.Н. Давыдов, Л.И. Сурина. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1962. – С. 469.
6. Мацук, А.М. Среднее специальное педагогическое образование в Коми АССР в середине 1950-х – начале 1960-х годов (к вопросу о результативности реформы образования Н.С. Хрущева в СССР) / А.М. Мацук // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2021. – № 4 (50). – С. 79–87. DOI: 10.19110/1994-5655-2021-4-79-87.
7. Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Стат. ежегодник. – Москва: Статистика, 1965. – 577 с.

8. Сухарев, М.И. Подготовка промышленных кадров на европейском севере СССР в 1944–1958 гг. / М.И. Сухарев // Вопросы истории Европейского Севера. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского гос. университета, 1979. – С. 45–70.
9. Дранишников, В.В. Очерки истории народного образования Кольского края / В.В. Дранишников, В.П. Манухин, Е.Ф. Дудакова. – Мурманск: НИЦ Пазори, 2001. – 624 с.
10. Золотарев, О.В. Народное образование в Республике Коми (1941–2009 годы) / О.В. Золотарев. – Сыктывкар: Коми гос. пед. ин-т, 2009. – 133 с.
11. Мацук, А.М. Среднее специальное образование на Европейском Севере России в 1950–1980-е годы: историография и источники / А.М. Мацук. – Сыктывкар: ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2019. – 172 с.
12. Осьминский, Т.И. Очерки по истории края (Вологодская область) / Т.И. Осьминский, Н.В. Озеринин, И.И. Брусенский. – Вологда: Вологодское книжное издательство, 1960. – С. 441.
13. Киселев, А.А. Родное заполярье. Очерки истории мурманской области (1917–1972 гг.) / А.А. Киселев. – Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1974. – С. 403.
14. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней / ред. Б.И. Берхин. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1978. – С. 436, 547.
15. Гагиева, А.К. Кооперативное образование в России во второй половине XX века (по материалам Республики Коми) / А.К. Гагиева. – Саратов: Издательство «Научная книга», 2005. – 112 с.
16. Мацук, А.М. Средние специальные учебные заведения сферы торговли, экономики и бытового обслуживания на Европейском Севере России в 1950–1980-е гг. / А.М. Мацук // Вопросы истории. – 2020. – № 12–3. – С. 74–82. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi60.
17. Мацук, А.М. Средние специальные учебные заведения сферы просвещения и культуры на Европейском Севере России в 1950–1980-е гг. / А.М. Мацук // Финно-угорский мир. – 2022. – Т. 14, № 2. – С. 196–206. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.196-206.
18. Уханова, Ю.В. Формирование кадров сельскохозяйственных интеллектуалов Европейского севера России в 1930–1960 гг. (на материалах Вологодской и Архангельской областей) / Ю.В. Уханова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – Т. 2, № 3. – С. 41–43.
19. Изюмова, Л.В. Специалисты сельского хозяйства в колхозном производстве Европейского Севера России 1930–1960-х гг. / Л.В. Изюмова // Проблемы развития территории. – 2013. – № 3 (65). – С. 118–121.
20. Колокольчикова, Р.С. Демографические процессы и гендерные особенности населения в индустриальных городах Европейского Севера России (вторая половина 1960-х – середина 1980-х гг.) / Р.С. Колокольчикова // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Т. 1, № 1. – С. 55.
21. Безносиков, Я.Н. Культурная революция в Коми АССР / Я.Н. Безносиков. – Москва: Наука, 1968. – С. 210, 211, 285.
22. Мацук, А.М. Специалисты среднего звена в народном хозяйстве Европейского Севера РСФСР в 1950–1980-е годы: численность, гендерный аспект / А.М. Мацук // Историческая демография. – 2019. – № 1 (23). – С. 23–26. DOI: 10.19110/2304-5922-2019-1-23-26.
23. Народное хозяйство РСФСР. Статистический сборник. – Москва: Госстатиздат, 1957. – 372 с.
24. Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. Стат. ежегодник. – Москва: Госстатиздат, 1959. – 508 с.
25. Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. Стат. ежегодник. – Москва: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. – 600 с.
26. Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. Стат. ежегодник. – Москва: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. – С. 407.
27. Народное хозяйство РСФСР в 1962 году. Стат. ежегодник. – Москва: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1963. – С. 431.
28. Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. Стат. ежегодник. – Москва: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1962. – С. 72.
29. Народное хозяйство РСФСР в 1963 году. Стат. ежегодник. – Москва: Статистика, 1965. – С. 12.

References

1. Kul'turnoe stroitel'stvo RSFSR. Statisticheskii sbornik [Cultural construction of the RSFSR. Statistical collection]. – Moscow: Gosstatizdat, 1958. – P. 354–357.
2. Barkhatova, S.V. Podgotovka i sostav spetsialistov vysshei i srednei kvalifikatsii v Karelii v poslevoennye gody (1945–1960). Preprint doklada na zasedanii Uchenogo soveta Instituta iazyka, literatury i istorii 29 dekabria 1988 g. [Training and composition of specialists of higher and secondary qualifications in Karelia in the postwar years (1945–1960). Preprint of the report at the meeting of the Academic Council of the Institute of Language, Literature and History on December 29, 1988] / S.V. Barkhatova. – Petrozavodsk: KFAN USSR, 1988. – 39 p.
3. Beznosikov, Ya.N. Razvitie narodnogo obrazovaniia v Komi ASSR [The development of public education in the Komi ASSR] / Ya.N. Beznosikov. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1973. – 176 p.
4. Ocherki istorii Karelii. T. 2 [Essays on the history of Karelia. Vol. 2]. – Petrozavodsk: Karelian Book Publ. House, 1964. – P. 472.
5. Ocherki po istorii Komi ASSR. T. 2 [Essays on the history of the Komi ASSR. Vol. 2]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1962. – P. 469.
6. Matsuk, A.M. Srednee spetsial'noe pedagogicheskoe obrazovanie v Komi ASSR v seredine 1950-kh – nachale 1960-kh godov (k voprosu o rezul'tativnosti reformy obrazovaniia N.S. Khrushcheva v SSSR) [Secondary specialized pedagogical education in the Komi ASSR in the mid-1950s – early 1960s (on the issue of the effectiveness of N.S. Khrushchev's education reform in the USSR)] / A.M. Matsuk // Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. Seriya «Istoriia i filologiya» [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology"]. – №4 (50). – Syktyvkar, 2021. – P. 79–87. DOI: 10.19110/1994-5655-2021-4-79-87.
7. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1964 godu. Statisticheskii ezhegodnik [The national economy of the RSFSR in 1964. Statistical yearbook]. – Moscow: Statistika, 1965. – 577 p.

8. Sukharev, M.I. Podgotovka promyshlennykh kadrov na evropeiskom severe SSSR v 1944–1958 gg. [Training of industrial personnel in the European North of the USSR in 1944–1958] / M.I. Sukharev // Voprosy istorii Evropeiskogo Severa [Questions on the history of the European North]. – Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 1979. – P. 45–70.
9. Dranishnikov, V.V. Ocherki istorii narodnogo obrazovaniia Kol'skogo kraia [Essays on the history of public education in the Kola region] / V.V. Dranishnikov, V.P. Manukhin, E.F. Dudakova. – Murmansk: Research Center "Pazori", 2001. – 624 p.
10. Zolotarev, O.V. Narodnoe obrazovanie v Respublike Komi (1941–2009 gody) [Public education in the Komi Republic (1941–2009)] / O.V. Zolotarev. – Syktyvkar: Komi State Pedagogical Institute, 2009. – 133 p.
11. Matsuk, A.M. Srednee spetsial'noe obrazovanie na Evropeiskom Severe Rossii v 1950–1980-e gody: istoriografiia i istochniki [Secondary specialized education in the European North of Russia in the 1950s–1980s: historiography and sources] / A.M. Matsuk. – Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History FRC Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2019. – 172 p.
12. Os'minsky, T.I. Ocherki po istorii kraia (Vologodskaia oblast') [Essays on the history of the region (Vologda region)] / T.I. Os'minsky, N.V. Ozerinin, I.I. Brusenskii. – Vologda: Vologda Book Publ. House, 1960. – P. 441.
13. Kiselev, A.A. Rodnoe zapoliar'e. Ocherki istorii murmanskoj oblasti (1917–1972 gg.) [Native Arctic. Essays on the history of the Murmansk region (1917–1972)] / A.A. Kiselev. – Murmansk: Murmansk Book Publ. House, 1974. – P. 403.
14. Istoriia Komi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of the Komi ASSR from ancient times to the present day]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1978. – Ps. 436, 547.
15. Gagieva, A.K. Kooperativnoe obrazovanie v Rossii vo vtoroi polovine XX veka (po materialam Respubliki Komi) [Cooperative education in Russia in the second half of the XX century (based on the materials of the Komi Republic)] / A.K. Gagieva. – Saratov: "Nauchnaya kniga" Publ., 2005. – 112 p.
16. Matsuk, A.M. Srednie spetsial'nye uchebnye zavedeniia sfery torgovli, ekonomiki i bytovogo obsluzhivaniia na Evropeiskom Severe Rossii v 1950–1980-e gg. [Secondary specialized educational institutions in the sphere of trade, economics and consumer services in the European North of Russia in the 1950s–1980s] / A.M. Matsuk // Voprosy istorii [Questions of history]. – 2020. – № 12 – 3. – P. 74–82. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi60.
17. Matsuk, A.M. Srednie spetsial'nye uchebnye zavedeniia sfery prosveshcheniia i kul'tury na Evropeiskom Severe Rossii v 1950–1980-e gg. [Secondary specialized educational institutions in the sphere of education and culture in the European North of Russia in the 1950s–1980s] / A.M. Matsuk // Finno-ugorskii mir [Finno-Ugric World]. – 2022. – Vol. 14. – № 2. – P. 196–206. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.02.196-206.
18. Ukhanova, Yu.V. Formirovanie kadrov sel'skokhoziaistvennykh intellektualov Evropeiskogo severa Rossii v 1930–1960 gg. (na materialakh Vologodskoi i Arkhangel'skoi oblastei) [Formation of personnel of agricultural intellectuals of the European North of Russia in the 1930s–1960s (on the materials of the Vologda and Arkhangel'sk regions)] / Yu.V. Ukhanova // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Cherepovets State University]. – 2012. – Vol. 2. – № 3. – P. 41–43.
19. Izyumova, L.V. Spetsialisty sel'skogo khoziaistva v kolhoznom proizvodstve Evropeiskogo Severa Rossii 1930–1960-kh gg. [Agricultural specialists in the collective farm production of the European North of Russia in the 1930s–1960s] / L.V. Izyumova // Problemy razvitiia territorii [Problems of territory development]. – 2013. – № 3 (65). – P. 118–121.
20. Kolokol'chikova, R.S. Demograficheskie protsessy i gendernye osobennosti naseleniia v industrial'nykh gorodakh Evropeiskogo Severa Rossii (vtoraiia polovina 1960-kh – seredina 1980-kh gg.) [Demographic processes and gender characteristics of the population in the industrial cities of the European North of Russia (second half of the 1960s – mid-1980s)] / R.S. Kolokol'chikova // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. – 2011. – Vol.1. – № 1. – P. 55.
21. Beznosikov, Ya.N. Kul'turnaia revoliutsiia v Komi ASSR [Cultural revolution in the Komi ASSR] / Ya.N. Beznosikov. – Moscow: Nauka, 1968. – Ps. 210, 211, 285.
22. Matsuk, A.M. Spetsialisty srednego zvena v narodnom khoziaistve Evropeiskogo Severa RSFSR v 1950–1980-e gody: chislennost', gendernyi aspekt [Mid-level specialists in the national economy of the European North of the RSFSR in the 1950s–1980s: number, gender aspect] / A.M. Matsuk // Istoricheskaiia demografiia [Historical Demography]. – 2019. – № 1 (23). – P. 23–26. DOI: 10.19110/2304-5922-2019-1-23-26.
23. Narodnoe khoziaistvo RSFSR. Statisticheskii sbornik [The national economy of the RSFSR. Statistical collection]. – Moscow: Gosstatizdat, 1957. – 372 p.
24. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1958 godu. Statisticheskii ezhegodnik [The national economy of the RSFSR in 1958. Statistical yearbook]. – Moscow: Gosstatizdat, 1959. – 508 p.
25. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1959 godu. Statisticheskii ezhegodnik [The national economy of the RSFSR in 1959. Statistical yearbook]. – Moscow: Gosstatizdat TsSU USSR, 1960. – 600 p.
26. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1960 godu. Statisticheskii ezhegodnik [The national economy of the RSFSR in 1960. Statistical yearbook]. – Moscow: Gosstatizdat TsSU USSR, 1961. – P. 407.
27. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1962 godu. Statisticheskii ezhegodnik [The national economy of the RSFSR in 1962. Statistical yearbook]. – Moscow: Gosstatizdat TsSU USSR, 1963. – P. 431.
28. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1961 godu. Statisticheskii ezhegodnik [The national economy of the RSFSR in 1961. Statistical yearbook]. – Moscow: Gosstatizdat TsSU USSR, 1962. – P. 72.
29. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1963 godu. Statisticheskii ezhegodnik [The national economy of the RSFSR in 1963. Statistical yearbook]. – Moscow: Statistika, 1965. – P. 12.

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Информация об авторе:

Мацук Александр Михайлович – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; 167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: almmatsuk@gmail.com).

Author:

Alexandr M. Matsuk – Candidate of Sciences (History), Head of the Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia, Institute of Language, Literature and History FRC Komi SC UB RAS (Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation, 167982; e-mail: almmatsuk@gmail.com).

Для цитирования:

Мацук, А.М. Динамика численности и удельного веса специалистов среднего звена в народном хозяйстве Европейского Севера РСФСР во второй половине 1950-х–начале 1960-х годов / А.М. Мацук // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 147–154.

For citation:

Matsuk, A.M. Dinamika chislennosti i udelnogo vesa specialistov srednego zvena v narodnom hozyajstve Evropejskogo Severa RSFSR vo vtoroj polovine 1950-h-nachale 1960-h godov [Dynamics of the number and share of mid-level specialists in the national economy of the European North of the RSFSR in the second half of the 1950s-early 1960s] / A.M. Matsuk // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 147–154.

Дата поступления рукописи: 17.01.2023

Прошла рецензирование: 20.01.2023

Принято решение о публикации: 20.01.2023

Received: 17.01.2023

Reviewed: 20.01.2023

Accepted: 20.01.2023

Институализация коммеморационной политики в Узбекистане в период президентства И.А. Каримова (1991–2016 годы)

Н.А. Косяк

Белорусский государственный университет,
г. Минск
nik.kosyak.1998@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены институциональные процессы коммеморационной политики Узбекистана с 1991 по 2016 г. Ключевое внимание обращено на вклад первого президента республики И.А. Каримова в развитие вопросов исторической политики через призму создания институтов памяти. Проанализирована деятельность учреждений памяти, выявлены основные задачи и цели соответствующих организаций. Автором предложена периодизация основных этапов в институциональном строительстве Узбекистана с 1991 по 2016 г. Значительное внимание уделяется духовно-нравственным учреждениям, как уникальной черте узбекской модели памяти.

Ключевые слова:

благотворительные сообщества, институты памяти, институциональные процессы, коммеморация, комиссии памяти

После распада Советского Союза правительство Узбекистана взяло курс на построение независимой исторической политики республики. Идеологом коммеморационной политики¹ Узбекистана был первый президент республики И.А. Каримов, пришедший к власти в 1991 г. Институализацию вопросов учреждений «памяти» в период президентства И.А. Каримова можно разделить на несколько этапов: первый этап (1991–1998) характеризовался созданием государственных институтов памяти, отражавших позиции президента Узбекистана. Второй (1999–2011) – появлением специализированных учреждений, носящих узкопрофильную тематику. Третий этап (2012–2016) характеризуется модификацией высших научных инстанций с ориентацией на изучение новейшей истории страны.

Основной задачей на протяжении 1990–х гг. стало формирование институциональной сети учреждений «памяти». По этой причине под патронажем главы республики создавались музеи истории, институты и общественные объединения и фонды, дающие институциональное понимание о «памяти» республики.

¹ Характерной чертой институциональной политики памяти И.А. Каримова стало создание как государственных, так и общественных организаций, оказывающих влияние на формирование исторической политики государства.

Institutionalization of commemoration policy in Uzbekistan in the period of I.A. Karimov's presidency (1991–2016)

N.A. Kosyak

Belorussian State University,
Minsk
nik.kosyak.1998@mail.ru

Abstract

The paper considers the institutional processes of the commemoration policy of Uzbekistan from 1991 to 2016. Key attention is paid to the contribution of the first president of the republic, I.A. Karimov, to the development of issues of historical politics through the prism of creating the memory institutions. The activities of memory institutions are analyzed, the main tasks and goals of the corresponding organizations are identified. The author proposes a periodization of the main stages in the institutional building of Uzbekistan from 1991 to 2016. Considerable attention is paid to spiritual and moral institutions as a unique feature of the Uzbek model of memory.

Keywords:

charitable associations, memory institutions, institutional processes, commemoration, memory committees

Реализация государственной стратегии по институализации национальной памяти началась с музейной сети, когда в 1992 г. с целью исторической объективности и всестороннего отображения многовековой традиции узбекских граждан, по инициативе Кабинета Министров, был открыт «Музей истории Узбекистана» [1] (с 1994 г. носит статус государственного [2]).

Государственное строительство институтов, касающихся изучения вопросов памяти берет свое начало в 1995 г., с создания Академии государственного и общественного строительства при президенте Республики Узбекистан. Основной задачей академии провозглашались: подготовка высококвалифицированных специалистов в области понимания исторической политики государства; научная экспертиза концепций, программ, отражающих суть политики коммеморации республики [3, 4]. Помимо этого, под эгидой академии действовал Центр новой истории Узбекистана² (1996), предназначением которого стали публикация информации об истории региона и интеграция государства в мировую историческую параллель. Так, в 2000 г. сотрудники центра издали «Новую историю Узбекистана»,

² В 2012 г. деятельность центра при Академии была упразднена по причине создания другого институционального учреждения с похожими функциями при Академии наук Республики Узбекистан [5, с. 88].

посвященную имперскому и советскому влиянию при формировании национальной идентичности Республики Узбекистан [5, с. 88].

К 1998 г. произошла реорганизация деятельности Академии наук Республики Узбекистан (далее – АН РУз). В ее структуре выделилась независимая научная единица – Институт истории (далее – ИИ АН РУз). Главной целью института провозглашались изучение истории узбекского народа и его государственности и на основе этого подготовка собственной научно-исторической школы [6, с. 1]. При ИИ АН РУз действует постоянный республиканский семинар (созывается каждые полгода) «История государственности узбекского народа» им. академика Я. Гуломова [6, с. 4], а также регулярная публикационная активность посредством периодического издания «Узбекистон тарихи» («История Узбекистана»), освещающего историческое прошлое Узбекистана [6, с. 4].

Характерной чертой узбекской модели институционализации памяти является духовно-нравственный подход. Так, по инициативе И.А. Каримова в 1994 г. был создан республиканский общественный центр «Духовность и просветительство» (далее – ДЦП) («Маънавият ва Маърифат») [7]. Задача центра – формирование духовно-нравственного состояния граждан республики через призму исторического просвещения. С этой целью при центре действует научный журнал социально-философского характера «Таффакур», задачей которого является популяризация духовного наследия узбекского народа, восточных и этнических ценностей и религиозных принципов подрастающего поколения [7, с. 6].

Новым для узбекской «модели памяти» в 1990-е гг. стало формирование сети благотворительных учреждений, фондов, созданных при поддержке государства. Так, в 1992 г. для поддержания национальной культуры, традиций, обычаев и духовных ценностей благотворительный фонд «Навроз» [8, с. 1], а с сентября 1992 г. начало действовать благотворительное сообщество «Махалля» [9, с. 1], миссией которого является всестороннее сохранение традиций и обычаев узбекского населения [9, с. 3].

В 1996 г. учрежден фонд «Нуроний», занимающийся социальной поддержкой ветеранов Узбекистана [10]. С сентября 1996 г. на территории Узбекистана действует благотворительная организация «Олтин Мерос» («Золотое наследие»)³, занимающаяся сохранением памяти об узбекских соотечественниках, пострадавших в 1920–1930-е гг. [11, с. 3].

Одним из направлений в организации благотворительных сообществ «памяти» был положен принцип почитания национальных героев прошлого, причастных к истории Узбекистана. К примеру, в 1996 г. основан международный фонд «Амира Темура», занимавшийся популяризацией общественно-политической деятельности амира [12, с. 2]. С 1998 г. функционирует фонд «Имама аль-Бухари» (Имам аль-Бухари)⁴, целью которого является углубленное изуче-

ние духовного наследия имама [13, с. 1]. В 1999 г. начала свою работу организация «Ибн Сино» (Абу Али ибн Сина)⁵, в связи с глубоким интересом к творческому наследию ученого в сфере медицинской практики [14, с. 2].

Следовательно, для институциональных процессов в 1990-е гг. было характерно, с одной стороны, повсеместное учреждение исторических структур на государственном уровне, занимающихся популяризацией исторического знания среди местного населения, а с другой – часть созданных институтов (а также благотворительных организаций) носила духовно-нравственный характер, подчеркивая связь государства и религии.

К началу XXI в. в понимании вопросов политики памяти возникают изменения. Происходит оформление новых учреждений, занимающихся вопросами коммеморации жертв периода колониализма, и в то же время усовершенствование институтов «памяти» 1990-х гг., заключавшееся в их модернизации и расширении исследовательской платформы.

В мае 1999 г. по инициативе президента создается «Общественная комиссия по увековечению памяти жертв периода колониализма» (далее – ОКУПЖПК) [15]. Функции комиссии заключались в поиске соотечественников, подвергшихся репрессивной политике, и на основе этого – в изучении их биографий и общественной деятельности [15, с. 1]. На основе работы комиссии был разработан ряд рекомендаций и предложений по увековечиванию памяти пострадавших, среди которых было создание независимой благотворительной организации, развитие мемориального законодательства и возведение мемориальных комплексов «памяти».

В частности, в июне 1999 г. по запросу комиссии создается благотворительный фонд «Шахидлар хотираси» («Памяти жертв репрессий»)⁶ [15], предназначением которого являлось установление связей с мировым сообществом с целью организации научных экспедиций для поиска информации в зарубежных архивах о жизни и деятельности соотечественников за рубежом. Помимо этого, фонд оказывает содействие в подготовке книги памяти – «Катагон курбонлари» («Жертвы репрессий») [15, с. 2; 3]. В рамках развития мемориального законодательства по инициативе главы государства в мае 2001 г. был издан указ «Об установлении дня поминовения жертв репрессий», приходившийся на 31 августа [16].

Расширилась сеть строительства мемориальных комплексов и музеев «памяти». Основным назначением которых провозглашалось выявление причинно-следственных связей репрессивной политики; воспитание уважительного отношения к пострадавшим и тем самым увековечивание их памяти; популяризация «памяти» осужденных уро-

1998 гг. в честь имама сооружен мемориальный комплекс в г. Самарканде, где покоится прах усопшего.

⁵ Средневековый ученый, медик, философ, родившийся в дер. Афшан (недалеко от г. Бухары). Автор известной монографии «Книга исцеления» и медицинской энциклопедии «Канон медицины». На западе известен под псевдонимом «Авиценна» (980–1037).

⁶ Благотворительный фонд «Шахидлар хотираси» является составной единицей «Общественной комиссии об увековечении памяти жертв периода колониализма».

женцев через публикационную активность [17, с. 2]. К маю 2001 г. по инициативе Кабинета Министров Республики Узбекистан создан музей «Поминовения жертв репрессий» [17]⁷. В августе 2002 г. произошло открытие мемориального комплекса «Шахидлар хотираси»⁸, посвященного гражданам Узбекистана, пострадавшим от массовых политических репрессий первой половины XX в.

В результате к началу 2000-х гг. в институциональных процессах Республики Узбекистан наблюдался интерес к тематике памяти жертв колониализма через призму создания общественных комиссий, благотворительных фондов, мемориальных комплексов и музеев «памяти».

Особенностью периода является трансформация институций духовно-нравственной направленности. Преобразования заключались в применении к духовно-нравственным функциям элементов идеологической работы. По этой причине в 2000 г. был создан «Совет по координации просветительской и идеологической работы» (далее – СКПиИР) [19]. Задача учреждения состояла в воспитании у молодого поколения уважения к истории своей страны [19, с. 2].

Практическую деятельность совета осуществлял общественный центр «Духовность и просветительство», который в 2006 г. был переименован в «Республиканский центр пропаганды и духовности» (далее – РЦПД). Спектр работы включал в себя популяризацию нравственного долга узбекских граждан на примере своей родословной; повышение значимости национальных традиций, ценностей в жизни рядовых узбеков [20, с. 5].

На базе преобразованного общественного центра начал работу «Национальный научно-практический центр национальных идей и идеологий» (далее – ННПЦНИИ) [20, с. 4]. Миссия центра состоит во всестороннем ответе на вопрос о происхождении узбекской национальной идеи; в установлении взаимосвязи религии, государства и идеологии, и их сосуществовании в рамках единого государства [20, с. 4].

Таким образом, период с 1999 по 2011 г. определялся развитием «инфраструктуры» коммеморации, для которой характерно учреждение со стороны главы государства «института колониализма» через активность общественных комиссий, благотворительных организаций, музеев «памяти» установленной тематики. Кроме того, с 1999 г. наблюдается изменение в духовно-нравственном понимании «памяти». Первостепенную роль начинает играть идеологический окрас, посредством создания новых (СКПиИР) и реорганизации старых (РЦПД; ННПЦНИИ) институтов.

С 2012 г. в процессах институализации наблюдаются изменения в деятельности работы высших научных учреждений. В январе 2012 г. выходит постановление президента о создании «Общественного совета по новейшей истории Узбекистана» (далее – ОСНИУ) [21]. Общественный

совет является научно-координационным и консультативным рабочим органом в целях повышения эффективности исследований в области новейшей истории Узбекистана [21, с. 1]. В русле деятельности совета стоит задача противостояния искажений истории Узбекистана; уважение национальных традиций государства, направленных на формирование исторической памяти у рядовых граждан [21, с. 3]. В контексте работы совета задействовано создание «Координационно-методического центра по вопросам новейшей истории» (далее – КМЦВНИ) [21, с. 5]. Центр обеспечивает научно-методическую активность ОСНИУ.

В июле 2016 г. произошла модификация Института истории АН РУз. Он был преобразован в «Институт истории при Национальном университете Узбекистана имени Мирзо Улугбека» [22, с. 1]. Целью создания новой структуры было определено детальное изучение региона с древнейших времен до нового времени на основе современных исторических принципов и подходов. При проведении этнологических и источниковедческих исследований ставились задачи изучения древней и средневековой истории узбекской нации; происхождение государственности; всесторонняя разработка новейшей истории Узбекистана [22, с. 2].

Институциональные процессы коммеморации с 2012 по 2016 г. затронули все научные учреждения. Изменения заключались в создании института, занимавшегося новейшей историей Узбекистана (ОСНИУ), и усовершенствовании работы Института истории, перешедшего из юрисдикции Академии наук.

Таким образом, если в начале 1990-х гг. в институциональных процессах коммеморации преобладала тенденция создания учреждений «памяти» (музеев истории, благотворительных сообществ исторического профиля, духовно-нравственных институций и Института истории при АН РУ), то к началу «нулевых» в функционировании сети учреждений наблюдаются изменения, заключающиеся в создании организаций узкопрофильной тематики, затрагивающее колониальное прошлое республики (ОКУПЖПК) и учреждений нравственно-идеологической направленности (СКПиИР; РЦПД). С 2012 г. можно отметить изменения, вызванные запросом со стороны государства на изучение новейшей истории Республики Узбекистан (ОСНИУ; Институт истории при Национальном университете им. М. Улугбека).

Источники и литература

1. Об образовании музея истории Узбекистана: постановление Кабинета министров при президенте Республики Узбекистан от 21 апреля 1992 г. № 203 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/docs/424564?otherlang=3/> (дата обращения: 18.01.2023).
2. О создании государственного музея истории Узбекистана: постановление Кабинета министров при президенте Республики Узбекистан от 5 августа. 1994 г. № 402 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/655978/> (дата обращения: 18.01.2023).

⁷ В 2008 г. произошла реорганизация работы музея. Заключалась она в расширении тематической экспозиции, посвященной геноциду узбекской нации [18, с. 1] и доступности архивных учреждений и документов установленной тематики [18, с. 3].

⁸ Мемориальный комплекс-музей расположен в центре г. Ташкента, где происходили массовые расправы над узбекскими представителями интеллигенции, среди которых были национальные писатели: Абдулла Кадыри, Абдулхамид Сулейман угли Чулпан (авторский псевдоним Чулпан), Абдурауф Фитрат.

3. О создании академии государственного и общественного строительства при президенте Республики Узбекистан: указ президента Республики Узбекистан от 19 апреля 1995 г. № УП-1097 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/docs/181727> (дата обращения: 18.01.2023).
4. Об организации деятельности академии государственного и общественного строительства при президенте Республики Узбекистан: постановление Кабинета министров при Президенте Республики Узбекистан от 12 июня 1995 г. № 167 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/484550> (дата обращения: 18.01.2023).
5. Арслопзода, Р.А. Введение в специальность: учебное пособие / Р.А. Арслопзода. – Фергана: Classic, 2021. – 240 с.
6. О совершенствовании деятельности Института истории Академии наук Республики Узбекистан: постановление Кабинета министров при президенте Республики Узбекистан от 27 июля 1998 г. № 315 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/docs/813627> (дата обращения: 18.01.2023).
7. О создании Республиканского общественного центра «Маънавият ва маърифат» («Духовность и просветительство»): указ президента Республики Узбекистан от 23 апреля 1994 г. № УП-842 [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/196311/> (дата обращения: 18.01.2023).
8. О создании благотворительного фонда «Навруз»: указ президента Республики Узбекистан от 23 мая 1995 г. № УП-405 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/641198> (дата обращения: 18.01.2023).
9. О создании республиканского благотворительного фонда Махалля: указ президента Республики Узбекистан от 12 сентября 1992 г. № УП-472 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/169554> (дата обращения: 18.01.2023).
10. О фонде «Нуроний» по социальной поддержке ветеранов: указ президента Республики Узбекистан от 04 декабря 1996 г. № УП-1655 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/178452> (дата обращения: 18.01.2023).
11. О поддержке международного благотворительного фонда «Олтин Мерос» («Золотое наследие») при общественном центре «Маънавият ва маърифат»: постановление Кабинета министров при президенте Республики Узбекистан от 27 сентября 1996 г. № 338 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/476114/> (дата обращения: 18.01.2023).
12. О поддержке международного фонда Амира Темура: постановление Кабинета министров при Президенте Республики Узбекистан от 14 марта 1996 г. № 100 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/397736> (дата обращения: 18.01.2023).
13. О поддержке международного фонда имама Аль-Бухари: указ президента Республики Узбекистан от 16 ноября 1998 г. № УП-2110 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/276315> (дата обращения: 18.01.2023).
14. О поддержке международного фонда Ибн Сино: указ президента Республики Узбекистан от 06 января 1999 г. № УП-2171 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/209600> (дата обращения: 18.01.2023).
15. Об увековечении памяти патриотов, отдавших жизнь за свободу родины и народа: постановление Кабинета министров при президенте Республики Узбекистан от 27 июля 1999 г. № 358 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/605144> (дата обращения: 18.01.2023).
16. Об установлении для поминовения жертв репрессий: указ Президента Республики Узбекистан от 01 мая 2001 г. № УП-2837 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/177307> (дата обращения: 18.01.2023).
17. Об организации деятельности музея «Поминовение жертв репрессий»: постановление Кабинета министров при президенте Республики Узбекистан от 08 ноября 2002 г. № 387 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/687545> (дата обращения: 18.01.2023).
18. О дальнейшем совершенствовании деятельности музея «Поминовение жертв репрессий: постановление президента Республики Узбекистан от 05 июня 2008 г. № ПП-861 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/1512773> (дата обращения: 18.01.2023).
19. О создании Совета по координации просветительской и идеологической пропаганды: постановление Кабинета министров при Президенте Республики Узбекистан от 10 марта 2000 г. № 84 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/1211026> (дата обращения: 18.01.2023).
20. О повышении эффективности пропаганды национальной идеи и духовно-просветительской работы: постановление президента Республики Узбекистан от 25 августа 2006 г. № ПП-451 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/en/docs/1354503> (дата обращения: 18.01.2023).
21. О создании Общественного совета по новейшей истории Узбекистана при Министерстве высшего и среднего специального образования: постановление президента Республики Узбекистан от 27 января 2012 г. № ПП-1694 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/docs/1950738> (дата обращения: 18.01.2023).
22. О мерах по дальнейшему совершенствованию системы организации в области истории Узбекистана: постановление президента Республики Узбекистан от 18 июля 2016 г. № ПП-2562 // Национальная база данных законо-

дательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/3009526> (дата обращения: 18.01.2023).

References

1. Ob obrazovanii muzeya istorii Uzbekistana: postanovlenie Kabineta ministrov pri prezidente Respubliki Uzbekistan ot 21 aprelya 1992 № 203 [On the establishment of the Museum of History of Uzbekistan: Resolution of the Cabinet of Ministers under the President of the Republic of Uzbekistan dated April 21, 1992 № 203] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/docs/424564?otherlang=3/> (accessed: 18.01.2023).
2. O sozdanii gosudarstvennogo muzeya istorii Uzbekistana: postanovlenie Kabineta ministrov pri prezidente Respubliki Uzbekistan ot 5 avgusta. 1994 № 402 [On the establishment of the State Museum of History of Uzbekistan: Resolution of the Cabinet of Ministers under the President of the Republic of Uzbekistan dated August 5, 1994 № 402] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/655978/> (accessed: 18.01.2023).
3. O sozdanii akademii gosudarstvennogo i obschestvennogo stroitelstva pri prezidente Respubliki Uzbekistan: ukaz prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 19 aprelya 1995 № UP-1097 [On the establishment of the Academy of State and Public Construction under the President of the Republic of Uzbekistan: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated April 19, 1995 № UP-1097] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/docs/181727> (accessed: 18.01.2023).
4. Ob organizacii deyatelnosti akademii gosudarstvennogo i obschestvennogo stroitelstva pri prezidente Respubliki Uzbekistan: postanovlenie Kabineta ministrov pri prezidente Respubliki Uzbekistan ot 12 iyunya 1995 № 167 [On the work organization of the Academy of State and Public Construction under the President of the Republic of Uzbekistan: Resolution of the Cabinet of Ministers under the President of the Republic of Uzbekistan dated June 12, 1995 № 167] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/484550> (accessed: 18.01.2023).
5. Arslonova, R. A. Vvedenie v specialnost: uchebnoe posobie [Introduction to specialty: Study Guide] / R.A. Arslonova. – Fergana: Classic, 2021. – 240 p.
6. O sovershenstvovanii deyatelnosti Instituta istorii Akademii nauk Respubliki Uzbekistan: postanovlenie Kabineta ministrov pri Prezidente Respubliki Uzbekistan ot 27 iyulya 1998 № 315 [On improving the work of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan: Resolution of the Cabinet of Ministers under the President of the Republic of Uzbekistan dated July 27, 1998 № 315] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/docs/813627> (accessed: 18.01.2023).
7. O sozdanii Respublikanskogo obschestvennogo centra “Maynaviyat va mayrifat” “Duhovnost i prosvetitelstvo”: ukaz prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 23 aprelya 1994 № UP-842 [On the establishment of the Republican Public Center “Maynaviyat va mayrifat” (“Spirituality and enlightenment”): Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated April 23, 1994 № UP-842] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/196311/> (accessed: 8.01.2023).
8. O sozdanii blagotvoritelnogo fonda “Navruz”: ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 23 maya 1995 № UP-405 [On the establishment of the Charitable Foundation “Navruz”: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated May 23, 1995 № UP-405] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/641198> (accessed: 18.01.2023).
9. O sozdanii respublikanskogo blagotvoritelnogo fonda Mahallya: ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 12 sentyabrya 1992 g. № UP- 472 [On the establishment of the Republican Charitable Foundation Mahallya: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated September 12, 1992 № UP-472] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/169554> (accessed: 18.01.2023).
10. O fonde “Nuronii” po socialnoi podderjke veteranov: ukaz prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 04 dekabrya 1996 g. № UP-1655 [About the Fund “Nuronii” for social support of veterans: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated December 04, 1996 № UP-1655] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/178452> (accessed: 18.01.2023).
11. O podderjke mejdunarodnogo blagotvoritelnogo fonda “Oltin Meros”: “Zolotoe nasledie”, pri obschestvennom centre “Maynaviyat va mayrifat”: postanovlenie Kabineta ministrov pri prezidente Respubliki Uzbekistan ot 27 sentyabrya 1996 g. № 338 [On the support of the international charitable foundation “Oltin Meros” (“Golden Heritage”) at the public center “Maynaviyat va mayrifat”: Resolution of the Cabinet of Ministers under the President of the Republic of Uzbekistan dated September 27, 1996 № 338] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/476114/> (accessed: 18.01.2023).

12. O podderjke mejdunarodnogo fonda Amira Temura: postanovlenie Kabineta ministrov pri prezidente Respubliki Uzbekistan ot 14 marta 1996 g. № 100 [On the support of the Amir Timur International Foundation: Resolution of the Cabinet of Ministers under the President of the Republic of Uzbekistan dated March 14, 1996 № 100] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/397736> (accessed: 18.01.2023).
13. O podderjke mejdunarodnogo fonda imama Al-Buhari: ukaz prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 16 noyabrya 1998 g. № UP-2110 [On the support of the Imam Al-Bukhari International Foundation: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated November 16, 1998 № UP-2110] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/276315> (accessed: 18.01.2023).
14. O podderjke mejdunarodnogo fonda Ibn Sino: ukaz prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 06 yanvarya 1999 g. № UP-2171 [On the support of the Ibn Sino International Foundation: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated January 06, 1999 № UP-2171] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/209600> (accessed: 18.01.2023).
15. Ob uvekovechenii pamyati patriotov, otdavshih jizn za svobodu rodini i naroda: postanovlenie Kabineta ministrov pri prezidente Respubliki Uzbekistan ot 27 iyulya 1999 g. № 358 [On perpetuating the memory of patriots who gave their lives for the freedom of the motherland and the people: Resolution of the Cabinet of Ministers under the President of the Republic of Uzbekistan dated July 27, 1999 № 358] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/605144> (accessed: 18.01.2023).
16. Ob ustanovlenii dlya pominoveniya jertv repressii: ukaz prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 01 maya 2001 g. № UP-2837 [About the establishment for commemoration of repression victims: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated May 01, 2001 № UP-2837] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/177307> (accessed: 18.01.2023).
17. Ob organizacii deyatel'nosti muzeya "Pominovanie jertv repressii": postanovlenie Kabineta ministrov pri prezidente Respubliki Uzbekistan ot 08 noyabrya 2002 g. № 387 [About the organization of the museum "Commemoration of the repression victims": Resolution of the Cabinet of Ministers under the President of the Republic of Uzbekistan dated November 08, 2002 № 387] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/687545> (accessed: 18.01.2023).
18. O dalneishem sovershenstvovanii deyatel'nosti muzeya "Pominovanie jertv repressii": postanovlenie prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 05 iyunya 2008 g. № PP-861 [On the further activity improvement of the museum "Commemoration of repression victims": Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan dated June 05, 2008 № PP-861] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/1512773> (accessed: 18.01.2023).
19. O sozdanii Soveta po koordinacii prosvetitel'skoi i ideologicheskoi propagandi: postanovlenie Kabineta ministrov pri prezidente Respubliki Uzbekistan ot 10 marta 2000 g. № 84 [On the establishment of the Council for the Coordination of Educational and Ideological Propaganda: Resolution of the Cabinet of Ministers under the President of the Republic of Uzbekistan dated March 10, 2000 № 84] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/1211026> (accessed: 18.01.2023).
20. O povishenii effektivnosti propagandi nacionalnoi idei i duhovno-prosvetitel'skoi raboti: postanovlenie prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 25 avgusta 2006 g. № PP-451 [On the increasing the effectiveness of the national idea propaganda and spiritual-educational work: Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated August 25, 2006 № PP-451] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/en/docs/1354503> (accessed: 18.01.2023).
21. O sozdanii Obschestvennogo soveta po noveishei istorii Uzbekistana pri Ministerstve visshego i srednego special'nogo obrazovaniya: postanovlenie prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 27 yanvarya 2012 g. № PP-1694 [On the establishment of the Public Council on the Modern History of Uzbekistan under the Ministry of Higher and Secondary Special Education: Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan dated January 27, 2012 № PP-1694] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/docs/1950738> (accessed: 18.01.2023).
22. O merah po dalneishemu sovershenstvovaniyu sistemi organizacii v oblasti istorii Uzbekistana: postanovlenie prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 18 iyulya 2016 g. № PP-2562 [On the measures for the further improvement of the organization system in the field of history of Uzbekistan: Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan dated July 18, 2016 № PP-2562] [Electronic resource] // Nacionalnaya baza danih zakonodatelstva Respubliki Uzbekistan [National database of legislation of the Republic of Uzbekistan]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/3009526> (accessed: 18.01.2023).

Благодарность (госзадание)

Статья подготовлена при финансовой поддержке государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021-2025 гг., подпрограмма 1 «История», НИР «1.06.14 Советское прошлое в концепции современной исторической политики Республики Беларусь».

Информация об авторе:

Косяк Никита Александрович – магистр исторических наук, аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета (Белорусский государственный университет; 220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, д. 4; e-mail: nik.kosyak.1998@mail.ru).

Author:

Nikita A. Kosyak – Master of Sciences (History), Post-Graduate Student at the Department of History of Russia at the Belorussian State University (Belorussian State University, 4 Nezavisimosti Avenue, Minsk, Republic of Belarus, 220080; e-mail: nik.kosyak.1998@mail.ru).

Для цитирования:

Косяк, Н.А. Институализация коммеморационной политики в Узбекистане в период президентства И.А. Каримова (1991-2016 годы) / Н.А. Косяк // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 155–161.

For citation:

Kosyak, N.A. Institutualizatsiya kommemoratsionnoi politiki v Uzbekistane v period prezidentstva I.A. Karimova (1991-2016 gody) [Institutionalization of commemoration policy in Uzbekistan in the period of I.A. Karimov's presidency (1991-2016)] / Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 155-161.

Дата поступления рукописи: 06.02.2023

Прошла рецензирование: 10.02.2023

Принято решение о публикации: 10.02.2023

Received: 06.02.2023

Reviewed: 10.02.2023

Accepted: 10.02.2023

Истомины из Ижмы

В.И. Силин

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
silinv@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматриваются биографические данные и заслуги трех представителей рода Истоминых – уроженцев с. Ижмы. Отмечаются заслуги Ф. Истомина, как одного из первых миссионеров в тундрах Припечорья, деятельность в области литературы, краеведения, языковедения его сына М.Ф. Истомина и разнообразный вклад в науку внука Ф.М. Истомина – одного из первых коми этнографов.

Ключевые слова:

Печора, самоеды (ненцы), миссионерство, география, Архангельская губерния, Вологодская губерния, Истомины

Славные семейные династии исследователей Севера немало потрудились на пользу Отечества. Наиболее известны династии Крузенштернов, Черновых, но есть и менее знаменитые фамилии, внесшие весомый вклад в изучение нашего края. В XIX в. много интересных страниц в исследование Севера внесла ижемская семья Истоминых. Отдельным представителям этой интересной семьи в региональной литературе уделяли внимание многие ученые: И.Н. Костромина, В.И. Мартынов, В.А. Лимерова, В.И. Силин и др. Наиболее известный представитель семейства – Михаил Федорович Истомин (01.11.(20.10) 1821 – 07.12.(25.11.) 1862).

В статье автор хотел бы коснуться жизни и творчества отца Михаила Федоровича – Федора Истомина, и сына, названного в честь деда Федором.

Традиционно считается, что первым исследователем Большеземельской тундры был Александр Шренк, но сам он утверждал, что эта честь принадлежит руководителю миссии по крещению самоедов архимандриту Вениамину. Действительно, отец Вениамин написал работы и по географии тундры, и по языку самоедов и др. В миссии по крещению самоедов служил священник из Ижмы Федор Истомин. Деятельность по крещению самоедов он начал еще до оформления миссии.

Значение процесса привлечения иноверцев в веру Христову трудно переоценить. Совсем недавно верующий мир России отмечал 600-летие кончины Святого Стефана Пермского. Было сказано много слов о значении его подвижнического подвига, отмечено значение его миссионерской и просвещенческой деятельности. Его усилия по привлечению к христианству зырянского племени в бас-

The Istomins from Izhma

V.I. Silin

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
silinv@rambler.ru

Abstract

The paper examines the biographical data and merits of three representatives of the Istomins family – native sons of the village of Izhma. The author discusses merits of F. Istomin as one of the first missionaries in the tundra zone of the Pechora area, activities in the field of literature, local history, linguistics of his son M.F. Istomin and scientific achievements of his grandson F.M. Istomin, one of the first Komi ethnographers.

Keywords:

the Pechora area, Samoyeds (Nenets), missionary work, geography, the Arkhangelsk province, the Vologda province, the Istomins

сейнах рек Вычегды и Сысолы значительно способствовали и более быстрому продвижению на Северо-Восток власти Московского государства. Вместе с тем, после XIV в. значительная территория Севера – Малоземельская и Большеземельская тундры, Приуралье, Зауралье и т.д., еще была заселена племенами, не знающими христианской веры и верующих в своих языческих богов. В 1855 г. архимандрит Сийского монастыря отец Вениамин, описывая свою подвижническую деятельность, писал: «В 1810–1821 годах, между обер-прокурором Святейшего Синода и архангельскими епископами Иосифом и Неофитом производилась переписка об изыскании удобнейших способов для распространения христианского просвещения между Самоедами (раньше так назывались ненцы – В.С.). В 1822 г. епископ Неофит, по желанию нескольких Самоедов принять святое крещение, отправил в их кочевья Мезенского уезда священника Федора Истомина, и таким образом, в пустынных тундрах воссиял свет христианства» [1, с. 112].

Так начиналось святое дело по привлечению к христианской вере Большеземельских и Малоземельских кочевников. По всей видимости, деятельность отца Федора была достаточно плодотворна. А.И. Шренк (1855) пишет: «Весть о счастливом успехе посланного священника дошла до Императора Александра Благословенного и возбудила в нем желание нарядить миссию для совершения такого богоугодного дела» [2, с. 228].

Деятельность данной миссии в литературе уже описывалась [2–4 и др.], но так как эти издания сейчас достаточно трудно найти, автор статьи позволит себе о ней немного напомнить. 5 августа 1825 г. была утверждена самоедская

духовная миссия в составе «управляющего ею архимандрита Сийского монастыря Вениамина, священника Федора Истомина, дьячка Якова Истомина, новокрещенного самоедина Василия Двойникова и чиновника Алексея Федорова» [3, с. 605].

В январе 1925 г. миссия выехала из Архангельска в Мезень и приступила к исполнению своего святого дела. Деятельность миссионеров возглавил настоятель Антониево-Сийского монастыря, основанного в 1520 г. святым Антонием. Этому монастырю благоволил Иван Грозный, приказывая инокам его молиться за погубленного им сына и «опальных людей, им избиенных».

В 1599 г. по воле Бориса Годунова в Антониево-Сийском монастыре был пострижен и томился в заключении знаменитый боярин Федор Никитич Романов, родитель царя Михаила Федоровича (основателя царской династии Романовых), впоследствии Великий первосвятитель Филарет Никитич. В начале XIX в. Антониево-Сийский монастырь был наиболее известным крупным оплотом христианства на Европейском Севере.

В течение 1825 и 1826 гг. в Канинской тундре было обращено в веру 420 чел. Весной 1826 г. миссия отправилась в Большеземельскую тундру, где в течение лета крестились 357 чел. Во время зимы 1827 г. миссия проводила крещение самоедов Тиманской тундры. Весной 1827 г. миссия снова отправилась в Большеземельскую тундру, где в период 1826–1828 гг. было крещено 1871 чел. В 1829 г. и по 1 мая 1830 г. миссия снова работала в Канинской тундре. «Во всех тундрах обращено и крещено духовной миссией по 1830 г. включительно 3303 самоеда» [1, с. 114]. 2 мая 1830 г. миссия была упразднена, так как в тундрах осталось совсем небольшое количество некрещенных самоедов. Деятельность миссии под руководством архимандрита Вениамина и с участием Федора Истомина привлекла внимание не только местного начальства, но и столичного, и имела немалые последствия для дальнейшего развития христианства в этом забытом крае.

Годы спустя, в 1891 г., внук священника, Федор Михайлович Истомин, посвятил специальную статью истории деятельности миссии, в которой его дед принимал активное участие [5]. Он описал на основе документов состав, ход работы миссии и историю сооружения трех церквей в Архангельских тундрах. В завершении своей статьи он пишет: «Архимандрит Вениамин, как видели выше, имел утешение видеть полное завершение и увенчание своих трудов, участвуя в торжественном освящении храма, воздвигнутого его заботами; мне неизвестна судьба других его сподвижников, знаю лишь, что священник Федор Истомин, ранее других выступивший на подвиг, от тяжких лишений и трудов, понесенных им, скончался на пути в свой дом, после завершения миссионерского долга. Память об этом миссионере неразрывно связанная с "полотняною" (т.е. подвижной миссийскою) церковью жива и доныне во всем Печорском крае» [5].

Михаил Федорович Истомин родился в Ижме 1 ноября 1821 г. В соответствии с приведенными выше данными его рождение произошло еще до участия отца Федора в миссии отца Вениамина. Деятельность и жизнь сына священ-

ника Федора – Михаила Федоровича – в региональной литературе многократно рассматривалась (И.Н. Костромина, В.Н. Мартынов и др.), опубликованы статьи о его литературном творчестве (В.А. Лимерова и др.), поэтому его биография и деятельность в данной публикации подробно не рассматриваются. В Архангельске Е.И. Тропичевой издан библиографический указатель его трудов [6].

В. Мартыновым [7] приведена статья о Михаиле Федоровиче Истомине, в которой он рассказал о деятельности этого славного человека и его творчестве. В частности, он отмечал, что уроженец с. Ижмы М.Ф. Истомин внес весомый вклад в коми культуру в качестве исследователя лингвиста, поэта, собирателя фольклора, литературного критика, краеведа. Окончил духовное училище и семинарию в Архангельске, владел латинским, греческим и французскими языками. М.Ф. Истомин – автор более 30 публикаций, посвященных истории Архангельского порта, изучению ижемского диалекта коми языка, истории географического изучения Русского Севера, особенно, Новой Земли. Как чиновник он занимал должности редактора Архангельских губернских ведомостей, начальника архива Архангельского порта. М.Ф. Истомин первым опубликовал известное предание коми народа «Ягморт», которое легло в основу многочисленных литературных и культурных произведений последующих поэтов, писателей, композиторов: И.А. Куратова, К.Ф. Жакова, М.Н. Лебедева и др.

Известен М.Ф. Истомин и как поэт, творящий на русском языке. Данные о том, что Михаил Федорович писал стихи на коми языке нам неизвестны.

В конце прошлого века немало потрудился на ниве изучения Севера и, в частности, Коми края представитель третьего поколения семьи Истоминых – Федор Михайлович. Его биография менее известна, чем биография отца [8].

В 1886 г. Русское географическое общество (далее – РГО) снарядило экспедицию по Величайшему соизволению в Олонецкую, Архангельскую и Вологодскую губернии (*территория Республики Коми тогда входила в основном в Архангельскую и Вологодскую губернии – В.С.*) для сбора и записи старинных песен. Руководство этой экспедицией было поручено Ф.М. Истому. Впоследствии, в 1893 г. и далее, работы по сбору песен в северных губерниях продолжались. В этих работах участвовали знаменитые композиторы: Г.О. Дютш, С.М. Ляпунов. Затем Ф.М. Истомин руководил еще несколькими экспедициями по сбору песенного материала [9]. Исследования проводились по инициативе Песенной комиссии РГО, руководителем и душой которой был Третий Иванович Филиппов – крупный государственный деятель, Государственный контролер с 1889 по 1899 г.

Именно в его ведомстве служил Ф.М. Истомин и дослужился до высокого чина действительного статского советника (на 1913 г.), что приравнялось к военному чину генерал-майора и давало право на потомственное дворянство [10, с. 46].

В 1889 г. по инициативе Архангельского губернатора князя Николая Дмитриевича Голицына (кстати, последнего председателя Совета Министров царского правительства) организуется крупная экспедиция для исследования Тиманского края под руководством Феодосия Николаевича

Чернышева. К этой экспедиции в качестве этнографа был прикомандирован Ф.М. Истомин. В 1889 и 1890 гг. он путешествовал по Печорскому краю, проводя свои исследования в рамках этой экспедиции. Впоследствии населению Печорского края Ф.М. Истомин посвятил многочисленные работы.

С результатами исследований Федор Михайлович регулярно выступал в стенах РГО. На заседании 3 марта 1889 г. Ф. Истомин сделал краткое сообщение, в котором изложил общий план и задачи предстоявшей ему поездки на Печору. Представив в немногих словах общую характеристику края и состав его населения, докладчик указал на своевременность детального этнографического изучения населения Припечорья. По возвращении из путешествия Ф.М. Истомин, на заседании 13 октября, сделал сообщение «Этнографические сведения об Усть-Кожвинской волости, Мезенского уезда, Архангельской губернии», в котором ознакомил отделение с характером детальных этнографических работ, какие ему удалось произвести во время путешествия по обширному краю. Указав на географическое положение названной волости (по среднему течению р. Печоры), на ее состав и количество душ, ее населяющих, Ф. Истомин изложил свои этнографические наблюдения над местным «ижемско-зырянским» населением, причем сообщил о его происхождении, религиозном состоянии, о быте и культуре, «которая в основе своей оказалась чисто русской, несмотря на возобладавший впоследствии зырянский элемент». Свои слова Ф.М. Истомин подтверждал описанием местного жилища, одежды, пищи, обычаев, рядов семейных и общественных.

Ф.М. Истомин направился на Печору через Пермь. Поднявшись из Чердыни по р. Колве до ее верховьев, он прошел отсюда через 30-верстный волок по лесным дебрям на верховья р. Уньи, впадающей в Печору. Захватив на этом пути крайние населенные пункты, Ф. Истомин спустился от устья Уньи вниз по Печоре в лодке через губернии: Пермскую, Вологодскую и Архангельскую до селения Усть-Цильмы, при этом поднимался по притокам Печоры – по Усе, на 25 верст, до самоедского поселения Колвы, и по Ижме, на 300 верст, до селения Усть-Ухты. Прибыв в селение Усть-Цильму 1 июля, Ф.М. Истомин должен был отказаться от дальнейшей поездки вниз по Печоре до Пустозерска по причине позднего времени, неблагоприятной погоды, а также и потому, что все население как Усть-Цилемской, так и Пустозерской волостей находилось в отъезде на речные и морские промыслы; в деревнях же оставались лишь старцы да малые дети. В виду этого Ф. Истомин, покинув Печору, 6 августа направился на г. Мезень, по рекам Цильме и Пезе, потратив на этот переезд по многоводным и порожистым рекам 18 суток, при расстоянии между Усть-Цильмой и Мезенью в 748 верст [11].

На всем пути по Печорскому краю, от Чердыни до Мезени, Федор Михайлович посетил все населенные пункты, ознакомился с внутренним и внешним бытом припечорского населения: русского, зырянского и оседлого самоедского, произведя в некоторых пунктах детальные этнографические исследования, добыл некоторые важные сведения касательно истории заселения края; производил наблюдения над языком, и, между прочим, нашел два полных ру-

кописных русско-самоедских словаря. Отмечая подробно маршруты своего следования, Ф. Истомин наносил возможные исправления на карту, главным образом, касательно названий и положения населенных пунктов; исправлял существующие и фиксировал неизвестные названия рек и речек, встреченных на пути. Начиная с Вологодской губернии и кончая Усть-Цилемской волостью Архангельской губернии, Ф. Истомин собрал точные сведения по волостям о составе деревень, входящих в них, с обозначением расстояний одной от другой, о числе дворов каждой деревни и жителей по душам ревизским и наличным. Сверх того, Ф. Истомин собирал сведения касательно археологии края, добыл некоторые предметы древностей, а также до 20 номеров рукописей.

Одной из главных своих задач Ф.М. Истомин считал сбор былин, но эту задачу ему в полной мере осуществить не удалось. Приведем строки открывателя Печорских былин, известного этнографа Н.Е. Ончукова: «Съездив на Печору в 1891 г., Истомин писал в своем "Предварительном отчете о поездке на Печору" "Одним из крайне интересовавших меня вопросов в нынешнюю поездку был вопрос о былинах. Но указанных в прошлом году знатоков я вторично не застал дома, а расспросы мои о старинах, которые они знают, убедили меня, что это не былины, а рассказы и записи о местной старине". Таким образом, два раза Ф.М. Истомин ездил в Печору по научным заданиям, расспрашивал о былинах и пришел к твердому убеждению, что былины на Печоре нет. А 10 лет спустя я поехал на Печору и вывез оттуда прекрасных былин на целый сборник, который за 10 лет до того Истомин мог бы составить вдвое больше и качеством может быть еще лучше, ибо за 10 лет часть сказителей умерли. Какой-то фокус на первый взгляд, который объясняется, впрочем, очень просто. Ф.М. Истомин очень важным баринством ездил по Печоре. Остановливаясь на съезжих избах, как крупный петербургский чиновник, он "приказывал явиться" к себе старшине, старосте и "приказывал" разыскать и привести к себе песенников. Результаты приведенные выше – самые плачевные» [12, с. 279].

В этнографическом плане Ф.М. Истомин территорию Припечорья охарактеризовал и разделил на шесть районов: «Определяя этнографически точнее, получим следующие районы:

1. Пермско-Русская или Верховая Русская Печора.
2. Вологодско-Зырянская или Сысольско-Зырянская Печора.
3. Архангельско-Зырянская или Ижемско-Зырянская Печора.
4. Архангельско-Русская или Низовая Русская Печора.
5. Оседло-самоедский район – Усть-Колва.
6. Кочевой самоедский район или тундра» [13, с. 27].

Помимо этнографических исследований, Ф.М. Истомин охарактеризовал религиозную ситуацию во всем Печорском крае [14].

Теперь несколько слов о судьбе этнографа и писателя. Федор Михайлович родился в 1856 г., воспитывался в Кронштадтской классической гимназии; по окончании курса которой, в 1876 г., поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, ко-

торый закончил в 1880 г. со степенью кандидата, получив золотую медаль за сочинение «О складе народных славянских песен». В том же году, будучи оставлен при университете для приготовления к степени магистра славяно-русской филологии, вступил на должность штатного помощника библиотекаря университета. В 1891 г., по предложению Государственного контролера Т.И. Филиппова, перевелся в ведомство Государственного контроля на должность чиновника по особым поручениям при Государственном контроле.

Федор Михайлович являлся членом ряда научных обществ, что говорит о его разносторонних успехах: в 1881 г. Федор Михайлович вступил в число членов филологического общества при Санкт-Петербургском университете. В том же году был избран в действительные члены Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества, где с 1884 г. состоял членом издательской комиссии, исполняя с 1884 по 1886 г. обязанности секретаря. В 1890 г. избран в действительные члены Саратовской ученой комиссии, в 1893 г. – в члены Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Очень активную работу Ф.М. Истомин проводил в стенах РГО, где в 1883 г. он был избран в члены-сотрудники, а в 1893 г. – в действительные члены общества. С 1883 г. он занимал в РГО должность секретаря отделения этнографии, за исполнение которой в 1888 г. награжден малою Золотой медалью, с 1886 г. заведовал Ученым архивом общества, а с 1887 по 1889 г. – состоял секретарем редакционного комитета.

В 1884 г. Федор Михайлович по поручению Совета РГО совершил поездку в Архангельскую губернию для этнографических наблюдений и участия в 300-летнем юбилее г. Архангельска, в качестве представителя Общества.

Помимо этнографических заслуг, Федор Михайлович активно работал и в области литературы и критики, им был опубликован ряд критических статей на отдельные издания, которые, в основном, напечатаны в Журнале Министерства Просвещения. Проживал Ф.М. Истомин по адресу: Петербург, В.О. 5-я линия, 34 [15].

К сожалению, дальнейшие подробности из жизни Ф.М. Истомина автору неизвестны, разве что в отчетах АОИРС за 1914 г. в числе членов общества отмечается Федор Михайлович Истомин – чиновник, место проживания – г. Тифлис. Он это или его однофамилец также неизвестно.

Исследования жизни и деятельности славной семьи Истоминых на пользу Севера и всей России необходимо продолжить, и, возможно, на этом пути возникнут еще много интересных картин из прошлого нашего края. Очень важно, что работы и дела представителей династии Истоминых сейчас востребованы и изучаются современными исследователями [16, 17 и мн. др.].

Литература

1. Архимандрит Вениамин. Самоеды Мезенские / Вениамин Архимандрит // Вестник ИРГО. – 1855. – Т. 14. – Кн. 3. – С. 77–140.
2. Шренк, А. Путешествие к северо-востоку Европейской России чрез тундры самоедов к северным Уральским

горам, предпринятое по высочайшему повелению в 1837 году / А. Шренк. – Санкт-Петербург, 1855. – 665 с.

3. Иванов, А. Самоедская духовная миссия / А. Иванов // Известия АОИРС. – 1913. – Вып. 13. – С. 604–607.
4. Силин, В.И. Странички подвижничества на Севере / В.И. Силин // Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. – Сыктывкар, 1996. – Ч. 2. – С. 10–20.
5. Истомин, Ф.М. Обращение в христианскую православную веру язычествующих самоедов Канинской, Тиманской и Большеземельской тундр / Ф.М. Истомин // Церковные ведомости. – 1891. – № 38, 39.
6. Михаил Федорович Истомин. 200 лет со дня рождения (1821–1862). Библиографический список / Составила Е. И. Тропичева. – Архангельск, 2021.
7. Мартынов, В. Петліс Изъваысь / В. Мартынов // Войвыв кодзув. – 1995. – Вып. 1. – С. 65–69.
8. Биография и библиография Ф.М. Истомина приведена: Биограф. словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета (1869–1894). Т. 1. – Санкт-Петербург, 1896. – С. 281–285.
9. Силин, В.И. Инициативы Русского географического общества по сохранению песенного наследия русского народа / В.И. Силин // Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. – Сыктывкар, 1996. – Ч. 2. – С. 55–60.
10. Состав Императорского Русского географического общества (по 1 января 1913 г.). – Санкт-Петербург: Тип. Строитель, 1913. – С. 46.
11. Истомин, Ф.М. Поездка в Печорский край летом 1889 г. / Ф.М. Истомин // Изв. ИРГО. – 1890. – Т. 26. – С. 142–179.
12. Ончуков, Н.Е. Что и как записывать по народному творчеству / Н.Е. Ончуков // Краеведение. – 1925. – Вып. 3, 4. – С. 269–284.
13. Истомин, Ф.М. Об этнографическом изучении Печорского края / Ф.М. Истомин // Тр. VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей. – Санкт-Петербург, 1890. – Отд. 8. – С. 26–30.
14. Силин, В.И. Религиозная ситуация на Печоре в описании Ф.М. Истомина / В.И. Силин // Роль краеведения в изучении и сохранении историко-культурного наследия истории коми народа: доклады конференции, посвященной 100-летию Общества изучения Коми края. Ухта, 23 апреля 2022 г. – Ухта, 2022. – С. 59–62.
15. Список участников VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей // Тр. VIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей. – Санкт-Петербург, 1890. – С. XIII.
16. Терюков, А.И. Коллекция Ф.М. Истомина из Печорского края в собрании МАЭ / А.И. Терюков // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 231–235.
17. Краснопольская, Т.В. Из истории записи заонежских песен экспедицией Ф.М. Истомина и Г.О. Дютша и сборника «Песни русского народа»: (К проблеме: устная традиция и книга) / Т.В. Краснопольская // Заонежье: [сб. науч. ст.]. – Петрозаводск, 1994. – С. 85–101 (Кижский вестник; № 4).

References

1. Archimandrite Veniamin. Samoedy Mezenskie [Mezen Samoyeds] // Vestnik IRGO. - 1855. - Vol. 14. Book 3. - P. 77-140.
2. Shrenk, A. Puteshestvie k severo-vostoku Evropejskoj Rossii chrez tundry samoedov k severnym Ural'skim goram, predprinyatoe po vysochajshemu poveleniyu v 1837 godu [Journey to the north-east of European Russia through the tundra of the Samoyeds to the northern Ural Mountains undertaken by Royal decree in 1837] / A. Shrenk. - Sankt-Petersburg, 1855. - 665 p.
3. Ivanov, A. Samoedskaya duhovnaya missiya [Samoyed ecclesiastical mission] // Izvestiya AOIRS. - 1913. - Issue 13. - P. 604-607.
4. Silin, V.I. Stranichki podvizhnichestva na Severe [Pages of asceticism in the North] / V.I. Silin // Ocherki po istorii geograficheskikh issledovanij na territorii Komi kraya [Essays on the history of geographical research on the Komi territory]. - Syktyvkar, 1996. - P. 2. - P. 10-20.
5. Istomin, F.M. Obrashchenie v hristianskuyu pravoslavnuyu veru yazychestvuyushchih samoedov Kaninskoj, Timanskoj i Bol'shezemel'skoj tundry [Conversion to the Orthodox Christianity of the pagan Samoyeds of the Kanin, Timan and Bolshezemelskaya tundra areas] // Cerkovnye vedomosti [Church records]. - 1891. - № 38, 39.
6. Mihail Fedorovich Istomin. 200 let so dnya rozhdeniya (1821-1862). Biobibliograficheskij spisok [Mikhail Fedorovich Istomin. 200 years since his birth (1821-1862). Bio-bibliographic list] / Compiled by E. I. Tropicheva. - Arkhangel'sk, 2021.
7. Martynov, V. Petlis Iz'vays' // Vojvyy kodzuv. - 1995. - Issue 1. - P. 65-69.
8. Biografiya i bibliografiya F.M. Istomina privedena: Biograf. slovar' professorov i prepodavatelej Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta (1869-1894) [Biography and bibliography of F.M. Istomin is given: Biographic dictionary of professors and teachers of the Imperial St. Petersburg University (1869-1894)]. - Vol. 1. - Sankt-Petersburg, 1896. - P. 281-285.
9. Silin, V.I. Iniciativy Russkogo geograficheskogo obshchestva po sohraneniyu pesennogo naslediya russkogo naroda [The Russian Geographical Society initiatives for the preservation of the song heritage of the Russian people] / V.I. Silin // Ocherki po istorii geograficheskikh issledovanij na territorii Komi kraya [Essays on the history of geographical research on the Komi territory]. - Syktyvkar, 1996. - P. 2. - P. 55-60.
10. Sostav Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (po 1 yanvarya 1913 g.) [Composition of the Imperial Russian Geographical Society (until January 1, 1913)]. - Sankt-Petersburg: Stroitel' Printing House, 1913. - P. 46.
11. Istomin, F.M. Poezdka v Pechorskij kraj letom 1889 g. [Trip to the Pechora region in the summer of 1889] / F.M. Istomin // Izv. IRGO. - 1890. - Vol. 26. - P. 142-179.
12. Onchukov, N.E. Chto i kak zapisyvat' po narodnomu tvorchestvu [What and how to record folk art] / N.E. Onchukov // Kraevedenie [Local lore]. - 1925. - Issue 3, 4. - P. 269-284.
13. Istomin, F.M. Ob etnograficheskom izuchenii Pechorskogo kraya [About the ethnographic research of the Pechora region] / F.M. Istomin // Proc. VIII Congress of Russian Naturalists and Doctors. - Sankt-Petersburg, 1890. - Section 8. - S. 26-30.
14. Silin, V.I. Religioznaya situaciya na Pechore v opisani F.M. Istomina [Religious situation in the Pechora region in the description of F.M. Istomin] // Rol' kraevedeniya v izuchenii i sohranении istoriko-kul'turnogo naslediya istorii komi naroda: doklady konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu Obshchestva izucheniya Komi kraya [Role of local lore for research and preservation of the historical and cultural heritage of the history of the Komi people: Reports of the conference dedicated to the 100th anniversary of the Society for the Study of the Komi Region]. Ukhta, 23 April, 2022. - Ukhta, 2022. - P. 59-62.
15. Spisok uchastnikov VIII C"ezda russkikh estestvoispytatelej i vrachej [Participation list of VIII Congress of Russian Naturalists and Doctors] / Proc. VIII Congress of Russian Naturalists and Doctors. - Sankt-Petersburg, 1890. - P. XIII.
16. Teryukov, A.I. Kollekcija F.M. Istomina iz Pechorskogo kraya v sobranii MAE [Collection of F.M. Istomin from the Pechora region in exhibition of the MAE] / A.I. Teryukov // Radlovskij sbornik. Nauchnye issledovaniya i muzejnye proekty MAE RAN v 2008 g. [Radlovsky collection. Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2008]. - Sankt-Petersburg, 2008. - P. 231-235.
17. Krasnopol'skaya, T.V. Iz istorii zapisi zaonezhskih pesen ekspedicii F.M. Istomina i G.O. Dyutsha i sbornika «Pesni russkogo naroda»: (K probleme: ustnaya tradiciya i kniga) [From the history of recording the Zaonezhye songs by the expedition of F.M. Istomin and G.O. Dyutsh and the collection "Songs of the Russian people": (To the problem: oral tradition and book)] / T.V. Krasnopol'skaya // Zaonezhye: [Proc.]. - Petrozavodsk, 1994. - P. 85-101. (Kizhi Bulletin; № 4).

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Информация об авторе:

Силин Владимир Иванович – доцент, доктор географических наук, главный научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории

ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; 167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: silinv@rambler.ru).

Author:

Vladimir I. Silin – Associate Professor, Doctor of Sciences (Geography), Chief Researcher of the Sector of Historical-Demographic and Historical-Geographic Studies of the Russian North at the Institute of Language, Literature and History FRC Komi SC UB RAS (Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation, 167982; e-mail: silinv@rambler.ru).

Для цитирования:

Силин, В.И. Истомины из Ижмы / В.И. Силин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 162–167.

For citation:

Silin, V.I. Istominy iz Izhmy [The Istomins from Izhma] / V.I. Silin // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2023. – № 1 (59). – P. 162–167.

Дата поступления рукописи: 24.01.2023

Прошла рецензирование: 31.01.2023

Принято решение о публикации: 31.01.2023

Received: 24.01.2023

Reviewed: 31.01.2023

Accepted: 31.01.2023

Вопросы научного изучения арктических территорий в трудах отечественных и зарубежных исследователей (XIX–начало XX веков)

Н.В. Кызьюрова

Отдел гуманитарных междисциплинарных исследований
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
Сыктывкар

kamasheva.nad@gmail.com

Аннотация

Арктический регион привлекает внимание различных государств как потенциальный источник геополитического влияния. Борьба за ресурсы Крайнего Севера не закончена – государства пытаются доказать права на различные участки шельфа Арктики. Поэтому представляется важным обращение к опыту предыдущих поколений, обращая внимание на то, как развивалась наука в регионе в изменяющихся геополитических условиях, с какими сложностями сталкивались исследователи, как складывалось сотрудничество в регионе. В работе сопоставляются идеи отечественных и западных исследователей по основным вопросам становления научного поиска в Арктике в XIX–начале XX вв. В исследовании произведен анализ литературы изучаемого периода. В статье изучаются такие аспекты, как сложившиеся геополитические подходы, оказавшие влияние на обращение с морскими ресурсами; исследовательские задачи, которые ставились при изучении региона, выявлении и освоении арктических ресурсов; проблемы, с которыми сталкивалась наука в Арктике. В результате анализа историографии выделены основные направления историко-научных исследований: общность идеи использования ресурсов океана, поиск морских проходов в регионе, необходимость научного обоснования для разработки природных ресурсов, прежде всего, с целью поиска подходов устойчивого природопользования. Определены различия в работах отечественных и зарубежных авторов в периодах возникновения идей об арктическом научном сотрудничестве и в целом о развитии ресурсов Арктики.

Ключевые слова:

Арктика, историография, арктические исследования, история науки

Arctic exploitation issues in the works of the Russian and foreign researchers (XIX–early XX centuries)

N.V. Kyzuyurova

Department of Humanitarian Interdisciplinary Studies, Federal
Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences, Syktyvkar

kamasheva.nad@gmail.com

Abstract

The Arctic region attracts attention of different states as a potential source of geopolitical influence. The struggle for the resources of the Extreme North is not over – the states are trying to prove their rights to various sections of the Arctic shelf. Therefore, it is important to turn to the experience of previous generations, especially to the development of science in the region according to the changing geopolitical situation, to identify what difficulties the researchers of the past periods faced and how cooperation of states progressed not to harm the fragile environment of the Arctic along the search for new resources. The paper compares the ideas of the Russian and western researchers on the development of science in the Arctic in the XIX and early XX centuries. The study analyzes the sources and literature of the period under study. The paper examines such aspects as the prevailing geopolitical thoughts in the study period – what influenced the appeal specifically to marine resources, the development of Arctic resources – what resources scientists paid attention to, research potential – what tasks were set when studying the region and what difficulties science faced. Common are ideas on the ocean resources development, search for sea passages and the need of natural resources exploitation in the region. Different is realization of thoughts about cooperation and, in general, about development of the Arctic resources.

Keywords:

Arctic, historiography, Arctic research, history of science

Введение

Пристальное внимание современного мирового сообщества к Арктике обусловлено политико-экономическими аспектами. Регион, как «кладовая природных ресурсов», с запасами нефти и газа в четверть от всех запасов планеты,

является весьма притягательным для многих государств, не только находящихся в границах арктического бассейна. Государства-наблюдатели Арктического Совета (неарктические государства) также обращают свое внимание

на регион. Освоение арктических недр – это длительный и дорогостоящий процесс, что неудивительно, ведь суровые климатические условия Крайнего Севера предполагают и специальные технологии, требующие развития науки. Российская Федерация обладает наибольшей по протяженности морской границей в Арктике и наибольшим арктическим сектором, но на сегодняшний момент не все вопросы демаркации разрешены. Являясь страной-участницей Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г., Россия может доказать права на акватории, в том числе и в Арктике. Однако для этих целей также приходится привлекать науку в части проведения сейсмических и геологических работ, необходимых для получения доказательств континентального происхождения хребтов Менделеева и Ломоносова. Таким образом, актуальность данной темы обусловлена повышенным вниманием к арктическому региону в настоящий момент, развитие которого затруднительно без развития научных технологий. Современные вопросы в научном освоении и экономическом развитии Арктики вытекают из предыдущих исторических периодов. Мировое научное сообщество как российское, так и зарубежное прошло достаточно длинный путь от первых попыток приближения к суровой территории до широкого научного освоения.

Промышленная революция XIX в. привела к радикальному изменению материальной, общественно-политической, культурной жизни, что, в свою очередь – к более тесной связи науки с производством, исследования приобрели прикладной характер, а ученые обратили свои взгляды в сторону ранее недоступных территорий. Новые технические возможности, новое оборудование оказывали значимое содействие в изучении труднодоступных территорий, где развитие промышленности влекло за собой изучение и вовлечение новых природных ресурсов. О наличии таковых в Арктике неоднократно информировали ученые.

Цель работы – выявить закономерности и различия в развитии отечественной и зарубежной научной мысли в контексте научного изучения Арктики в XIX–начале XX вв.

В научной и философской мысли во второй половине XIX–начале XX вв. оформилось новое течение – позитивизм, который пытался уйти от классического идеализма и представлял собой попытку построить новую философию, дружественную к науке и основанную на науке. Ученые стали изучать действительность на основе опытных данных. Целью науки становится открытие природных законов и сведение их в основополагающую систему. Позитивизм подчеркивал надежность и ценность научного познания, опирающегося на опыт научного познания. Таким образом, научное сообщество осознавало важность эксперимента. И если говорить об Арктическом регионе, то было очевидно, что исследовать регион, находясь за его пределами, было невозможно. Требовались наблюдения непосредственно в изучаемой среде.

Материалы и методы

Теоретическую и методологическую основу работы составили теоретические и практические научные исследования, а также публикации как отечественных, так и зарубежных исследователей, посвященные проблемам

развития науки в Арктике. Для сопоставления идей изученных авторов использовался метод сравнительного анализа. Для изучения развития науки в связи с конкретными историческими условиями, повлиявшими на ее развитие, – принцип историзма. Системный подход был применен для всестороннего изучения вопроса развития полярной науки в XIX–начале XX вв.

Труды Л.И. Мечникова [1], Д.И. Менделеева [2], А. Мэхана [3] послужили опорой для определения геополитической мысли, существовавшей в XIX–начале XX вв.

Для анализа становления отечественной науки в Арктике использовались работы современников эпохи: Д.И. Менделеева [4], В.И. Вернадского [5, 6], П.А. Кропоткина [7–9], Ф.Н. Чернышева [10, 11], И.П. Толмачева [12] и С.Ф. Ольденбурга [13].

Р. Амундсен [14], Дж. Э. Бэрроу [15], Д. Баррингтон [16], У.М. Конвей [17], З.Б. Эрхарт [18], Й. Ханн [19] и К. Вейпрехт [20, 21] являлись участниками полярных научных экспедиций, поэтому их работы были использованы как источники для анализа развития полярной науки за рубежом.

Результаты

Отечественные исследователи. Геополитика

В конце XIX в. начало формироваться новое направление политической мысли – геополитика, изучавшая роль географического фактора в становлении государства. Геополитические предпосылки научного изучения Северного Ледовитого океана можно проследить в работах Л.И. Мечникова, родоначальника русской геополитической школы. В сочинении «Цивилизация и великие исторические реки» (1889) исследователь подчеркивает влияние освоения океана на развитие более современных цивилизаций – какого именно океана, зависело от геополитической обстановки. В XIX в., как подчеркивает автор, начали возрастать роль и ценность Северного Ледовитого океана, за которым возможно и будущее культурного развития, а экспедиции, проводимые в то время в полярных водах, подтверждали его мысли [1, с. 89].

На роль океана для развития страны обращал внимание и другой российский исследователь – Д.И. Менделеев. Воспринимая Россию как геополитическую сердцевину мира, он подчеркивал важную роль освоения морей и океанов для роста обороноспособности страны. Особенную роль он отдавал Ледовитому океану, а также тихоокеанскому побережью, где, как замечал ученый, «началась ярмарка новой мировой жизни, и впереди виден ее разгар» [2, с. 201]. Поэтому Россия должна была принимать активное участие в освоении этих территорий.

Освоение ресурсов арктических территорий и акваторий

Анализируя проблему освоения природных ресурсов, Д.И. Менделеев отмечал, что для дальнейшего экономического развития России необходимо учитывать природно-исторические факторы регионов. Ученый выделял 14 «экономических краев» в России. Особое внимание он уделял важному географическому фактору – протяженной границе, омываемой водами Северного Ледовитого океана. Д.И. Менделеев обосновал необходимость изучения океана и достижения Северного полюса из-за боль-

ших неизведанных запасов полезных ископаемых и для открытия новых возможностей для развития российского военно-морского флота.

Д.И. Менделеев в «Докладной записке об исследовании Северного полярного океана», направленной С.Ю. Вите, высказывает свое мнение по поводу необходимости развития северного судоходства. Он подчеркивает важность использования потенциала полярных вод именно для России, так как это поведет за собой экономическое развитие страны. Более того, он обращает внимание на то, что отсутствие торговых выходов через Северный Ледовитый океан тормозит экономическое развитие Северо-Востока Европейской России и почти всей Сибири. Кроме того, наличие таких выходов повлияло бы и на развитие военно-морской обороны страны, так как использование морского прохода позволило бы переводить военные суда вдоль собственного побережья из Атлантического океана в Тихий и обратно, что имеет значимость для защиты государственных интересов [4, с. 342]. Таким образом можно было бы достичь и Северного полюса.

К концу XIX в. прогресс в металлическом судостроении, применение на судах достаточно надежных, мощных и сравнительно недорогих паровых поршневых машин привели к возможности строительства ледокольного флота. В 1897 г. был заложен первый арктический ледокол «Ермак», который стал частью русского арктического флота. Комиссию по строительству возглавил вице-адмирал С.О. Макаров, в ее состав входил также и Д.И. Менделеев. А в 1899 г. «Ермак» совершил первое арктическое плавание, судно достигло Шпицбергена и Землю Франца-Иосифа.

В развитии идей о необходимости исследования природных ресурсов России важную роль сыграли работы академика В.И. Вернадского, создателя учения о ноосфере. Он подчеркивает, что знание о ресурсах и умение использовать народные духовные силы – залог выживания страны в мировом сообществе. В.И. Вернадский в работе «Вопрос о естественных производительных силах в России с XVIII по XX век» отмечает, что только Первая мировая война обратила внимание как правительства, так и общества на ресурсы страны и заставила задуматься о возможности их добычи. Вопросы Арктики и освоения Севера интересовали академика в контексте использования природосберегающих технологий и с точки зрения ответственного отношения человека к биосфере. Ученый подчеркивал, что географические исследования в области как Северного, так и Южного полюсов не влияют на научное мировоззрение, в отличие от открытий, совершенных в эпоху Великих географических открытий, но всячески поддерживал развитие исследований в этом регионе [5].

С научно-техническим развитием количество иностранных экспедиций в зону российской Арктики стало увеличиваться. Поэтому в Российской империи на повестке в правительственных кругах все чаще появлялись вопросы изучения навигации в полярных условиях, создания судов, пригодных для прохождения через воды, большую часть года закованные льдом. Как писал П.А. Кропоткин в начале XX в.: «... интерес к нашему Северу был пробужден в Географическом обществе из-за границы» [7, с. 143]. И действительно, освоение арктических территорий ино-

странными экспедициями побудило отечественных исследователей к освоению северных недр.

Критическое положение, связанное с началом Первой мировой войны, заставило российское правительство принять меры по поиску новых ресурсов – как природных, так и транспортных – и дальнейшему развитию страны. Зависимость от иностранных рынков, а также необходимость пополнения ресурсов для развития оборонной промышленности сказались на экономиках стран-участниц. Таким образом, требовалось найти новые транспортные артерии, а также месторождения природных ископаемых. Арктика рассматривалась как одно из направлений, где можно было бы развивать эти сферы.

Исследовательский потенциал

Деятельность Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, Императорского Русского географического общества (основанного в 1845 г.), Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей и врачей (основанного в 1868 г.) и некоторых других организаций заложила основы активного исследования Севера России. Экспедициями В. Беринга (1733–1745), В.Я. Чичагова (1755–1756) было положено начало изучению полярных морей и климатических условий. К концу XIX в. появились научные труды по проблематике Севера, направленные на поднятие интереса государства к освоению морского пути по Северному Ледовитому океану.

Вопрос исследования неизведанных территорий в Арктике интересовал революционера-анархиста П.А. Кропоткина, являвшегося с 1868 г. активным членом Императорского Русского географического общества. Будучи исследователем Арктики, он предложил теорию о ледниковом периоде [8]. Также он обосновал существование в Северном Ледовитом океане суши, которая была открыта два года спустя и названа Землей Франца-Иосифа. Его предсказания были доказаны результатами экспедиций, но не российских, а иностранных. Российское правительство на тот момент еще не было заинтересовано в освоении новых полярных территорий.

П.А. Кропоткин в 1871 г. в докладе Комиссии по снаряжению экспедиции в северные моря, основанной по поручению Отделением РГО по физической и математической географии в 1870 г., подчеркивал, что в Северном Ледовитом океане были мало исследованы не только острова, но и само побережье. В докладе автор раскрывает потенциал экспедиций в Северный Ледовитый океан в следующих вопросах: географические описания, вопросы земного магнетизма, северного сияния, приливы и отливы, исследование глубин, течений, климата, геологии, ботаники, зоологии и условий развития промышленности [9, с. 4].

Задачи полярных исследований П.А. Кропоткин видел в привлечении внимания общества в целом к Северу, к северным промыслам, опыту мореплаваний поморов, а также он считал важным распространение сведений о Севере, соответствующих действительности, с целью пробуждения интереса правительства к этой территории [9, с. 81].

Одним из ярких примеров полярных исследований стала русско-шведская экспедиция по измерению дуги меридиана (1899–1901). Руководитель экспедиции по гра-

дусному измерению Ф.Н. Чернышев подробно изложил ее программу в работе «О ходе экспедиции по градусным меркам на островах Шпицберген в 1899–1900 гг.» [21]. Среди целей было проведение метеорологических и магнитных наблюдений, геодезических и астрономических работ, наблюдения за различными северными природными явлениями [21, с. 260]. Оценивая результаты экспедиции, исследователь особенно подчеркивал ее вклад в развитие науки, а также назвал эту экспедицию “научным памятником” Императорской Академии наук [22, с. 377].

Северный Ледовитый океан на рубеже XIX–XX вв. представлял собой огромное пространство для исследований в разных областях, которые без координирующего органа носили спорадический характер и не позволяли осуществлять систематизированные исследования.

Задачу актуализации проведения научных полярных экспедиций, а также координации их действий получила постоянная Полярная комиссия при Академии наук. Инициатором организации комиссии стал геолог И.П. Толмачев. В «Записке об учреждении Постоянной полярной комиссии» (1914) он подчеркивал, что ее целью должны стать исследования Севера [10, с. 3]. В.И. Вернадский, один из постоянных членов комиссии, обращал внимание, что ее деятельность станет помощником в оборонном комплексе страны и пополнении ресурсов [6]. Так как деятельность комиссии началась во время Первой мировой войны, то и перед ней ставились соответствующие военному времени задачи. Заместитель председателя Полярной комиссии Б.Б. Голицын высказывал мнение о необходимости объединения усилий науки и техники в решении задач, поставленных военным временем, с помощью проведения необходимых исследований [11].

Итак, на рубеже веков в отечественной научной мысли оформилось понимание геополитических и экономических интересов Российской империи в Арктике и сложилось четкое представление, что ее освоение должно проводиться с использованием современных достижений в соответствующих отраслях науки. Параллельно вопросы освоения Арктики стали появляться в рабочей повестке Российского правительства, а также правительств других государств. Ученые обращали внимание на проблемы освоения Севера, так как понимали, что ресурсный потенциал неосвоенных территорий огромен, и необходимо привлечь внимание и влияние правительства к данному вопросу. Важность их деятельности заключалась в доведении до правящих кругов четкого понимания значимости этого региона для страны. В России превалировала точка зрения, что благодаря Северному Ледовитому океану никто не мог угрожать России с Севера. Но недостаток знаний о ресурсах, с одной стороны, не позволял правительству выделять деньги на предприятия, связанные с риском, а наука – с другой, не могла развиваться без финансовой поддержки государства. Однако на рубеже XIX–XX вв. научное сообщество все успешнее обосновывало свои позиции и неуклонно подвигало правительственные круги к изменению подходов к освоению арктических и приарктических территорий России.

Зарубежные исследователи. Геополитика

На рубеже XIX–XX вв. на международной арене особенно возростала политическая и экономическая конкурен-

ция, что требовало от вовлеченных в становление нового международного порядка государств большей интеграции в части освоения новых территорий, в том числе и арктических. Американский исследователь А. Мэхэн в своем труде «Влияние морской силы на историю 1660–1783» (1890) сделал акцент на использовании потенциала моря для господства государства над другими странами [14]. Во второй половине XIX в. существование неизведанных областей на карте заставляло ученых предпринимать попытки освоения именно Северного Ледовитого океана, а открытые и осваиваемые в эту эпоху арктические территории стали фактором, повлиявшим на расклад сил в XX–XXI вв. в Арктике.

Освоение ресурсов арктических территорий и акваторий

Аналогично поиску прохода по полярным водам в восточном полушарии, поиск морского пути осуществлялся и на Западе. По материалам Британской полярной экспедиции 1875–1876 гг. была издана книга «Арктический мир: его растения, животные и природные явления» с историческим очерком открытия Арктики, автор работы остался неизвестен. В ней подчеркивается необходимость открытия Северо-Западного прохода, так как это позволило бы сократить путь от Великобритании до Японии до трех-четырех недель. Но на момент написания книги (1876) морской проход еще был не полностью пройден, а его проходимость целиком не доказана. Также автор ссылается на английского физика Э. Сэбина, утверждавшего, что «прокладывание пути между Англией и Японией стало бы величайшим географическим достижением и подкрепило бы успехи Англии в ее деятельности по исследованию Арктики» [22, с. 10].

Анализом экспедиций в поисках Северо-Западного прохода занимался Д.А. Барроу, английский политик и один из основателей и вице-президент Королевского географического общества, опубликовавший в 1818 г. масштабное исследование о поиске полярных проходов между Атлантическим и Тихим океанами [15]. Анализируя результаты полярных экспедиций первой половины XIX в.,¹ автор подчеркивает, что после многочисленных безуспешных попыток открытия прохода между Атлантическим и Тихим океанами на северо-востоке, севере и северо-западе было бы неплохо сделать вывод, что такого прохода не существует. Попытки англичан и голландцев, с одной стороны, и русских – с другой, доказывали полную неосуществимость судоходного прохода вокруг северной оконечности Азии, несмотря на то, что все это побережье, за исключением одной точки, было пройдено в нескольких отдельных частях и в разное время [15, с. 370].

¹ Экспедиции, результаты которых анализировал Д.А. Барроу, имели целью поиск северного прохода между Атлантическим и Тихим океанами. Экспедиция Д. Росса (1829–1833) исследовала острова в Канадской Арктике, открыла Северный магнитный полюс, но была вынуждена вернуться назад, не добившись цели. Экспедиция Д. Бучана (1818 г.), также вдохновленная Д.А. Барроу, двигалась в другом направлении – к Шпицбергену. Продвинувшись достаточно далеко на север – до 80° с.ш., они вернулись обратно – прогнозы о благоприятном для судоходства состоянии льда не оправдались. Экспедиции под руководством В. Парри (1819–1820 и 1821–1822) удалось описать берега моря Баффина, но они не продвинулись дальше 81°44' з.д. Экспедиция Д. Франклина (1845–1847), имевшая целью пройти по Северо-Западному проходу, стала печально известна своим исчезновением.

Пройти Северо-Западный проход целиком удалось норвежскому полярнику Р. Амундсену. Исследователь описал свой опыт в работе «Северо-Западный проход. Плавание на судне «Йоа». 1903–1907 гг.» (1908), где подчеркнул, что поиск этого прохода стал одной из сложнейших арктических задач в его изысканиях и был связан с человеческими жертвами [14, с. 102].

Еще одной важной задачей, обсуждаемой научным сообществом Запада, было достижение Северного полюса. Мнение о том, что к полюсу можно подойти по морю, разделяли как опытные мореплаватели, так и ученые. В упомянутой выше работе Д.А. Барроу приводит аргумент, что несколько судов в разное время прошли на 3–4° выше архипелага Шпицберген и границы китового промысла, поэтому автор делает вывод, что если полярные воды могут быть судоходными до 84° с.ш., то, по-видимому, нет другого физического препятствия, кроме суши, для плавания по водам океана к самому Северному полюсу. Также не было оснований предполагать, что температура в этой точке зимой ниже, а летом намного выше, чем на параллели 80° с.ш. [15, с. 370–371].

Таким образом, одной из главных арктических целей поиска в западном полушарии учеными была признана необходимость исследования транспортного потенциала региона, без которого невозможно было освоение ресурсов Северного Ледовитого океана.

Исследовательский потенциал

Эпоха науки в Арктике, по мнению британского исследователя М.В. Конвей, началась в XVIII в. с увеличением качественного и количественного числа исследовательских экспедиций. Автор подчеркивает, что арктические экспедиции, отправленные разными странами и обществами, носили яркий национальный характер. К примеру, длительное время русские экспедиции напоминали путешествия беломорских охотников. Английская экспедиция Д. Фиппса была своего рода китобойным рейсом (1773). Шведские экспедиции XIX в. напоминали путешествия скандинавских охотников на шлюпках. Норвежские экспедиции, к примеру, гренландская экспедиция Ф. Нансена (1888–1889), использовали лыжи, которые были типичны для норвежцев. И сам М.В. Конвей, неоднократно участвовавший в полярных экспедициях, совершал альпинистские восхождения и исследовал горы и ледники [17, с. 263].

В своем труде «Ничейная земля. История Шпицбергена от открытия в 1596 г. до начала научного исследования страны» [17] М.В. Конвей проследил общие тенденции изменения политического мнения в странах, проводивших исследования в Арктике, – правительственные силы и национальные фонды начали выделять ресурсы для научных целей. На проблему отсутствия точной информации о регионах Севера обращало внимание Лондонское королевское общество. Очень важно было пробудить интерес к полярной теме [17, с. 277]. В Англии таким человеком стал британский адвокат, натуралист Д. Баррингтон, утверждавший, что до самого полюса можно добраться на парусном судне при благоприятных погодных условиях [16, с. 69]. Эта работа получила популярность уже после смерти автора после переиздания с дополнениями М. Бофоя (1818) ввиду возросшего интереса к освоению северных морей.

Во второй половине XIX в. существование неизведанных областей на карте заставляло ученых предпринимать попытки освоения данного региона. Инициатива К. Вейпрехта о проведении Международного полярного года (1882), русско-шведская экспедиция на архипелаг Шпицберген (1899–1901) и многие другие события – яркие примеры развития международных отношений в Арктическом регионе и повышения интереса к научному познанию арктических территорий.

Общие тенденции в развитии науки и геополитики во второй половине XIX–начале XX вв. распространялись и на развитие исследований Арктики. К. Вейпрехт, ученый и один из командиров Австро-Венгерской полярной экспедиции (1872–1874), в январе 1875 г. представил свой доклад «Фундаментальные принципы научных исследований Арктики» на заседании Австрийской Академии наук. В опубликованном позже тексте он выразил свои идеи по налаживанию международного сотрудничества для получения одновременных наблюдений, продолжающихся в течение значительного периода времени, в различных местах Арктической зоны [20]. Рассуждая о целях научного познания в Арктике, К. Вейпрехт в труде «Научная работа второй Австро-Венгерской полярной экспедиции 1872–1874 гг.» (1875) подчеркнул, что цели научного познания отодвигались на второй план, так как в 1870-х гг. экспедиции в Арктику стали напоминать геополитическую гонку – кто первым достигнет Северного полюса. Кроме того, он предложил проведение серии синхронных экспедиций в различных регионах Арктики для достижения значительных результатов в области полярных исследований [21].

Во время выступления на 48-м съезде немецких естествоиспытателей и врачей в Граце (1875) К. Вейпрехт впервые обосновал необходимость проведения Международного полярного года. Он признал, что ни одна страна не может проводить масштабные полярные научные исследования в одиночку. Вместо этого должен быть сделан упор на международное сотрудничество. Хотя доклад был встречен бурными овациями, участник того же съезда Ф. Гельвальд, австрийский исследователь, подчеркивал, что через два года диаметрально противоположные позиции были встречены в этом же кругу с не меньшим восторгом [23, с. 870]. Но, несмотря ни на что, в итоге проект все-таки был реализован в 1882–1883 гг.

В середине XIX в. продвижению исследований в полярных областях способствовали идеи австрийского метеоролога Ю.Ф. фон Ханна и директора Королевской баварской центральной метеорологической станции в Мюнхене Ф. Эрка, которые актуализировали вопрос о климатических колебаниях в мире. Ю.Ф. фон Ханн указывал на неравномерное распределение метеорологических станций на Земном шаре и неточное знание высоты используемых там барометров [19, с. 169]. Ф. Эрк объяснял причину климатических колебаний, ощущаемых в то время возможными колебаниями солнечной радиации, которая влияла на общую циркуляцию и распределение давления воздуха [20, с. 10]. Их идеи получили продолжение в исследованиях во время первого Международного полярного года (1882–1883).

Ученые были едины во мнении, что экспедиции в северные широты требовали скоординированных действий и актуализировали необходимость в международном со-

трудничестве с целью распределения территорий исследования, финансовых затрат, интеллектуальных сил для качественных исследований, позволяющих судить о регионе в целом.

Заключение

В результате анализа научной литературы отечественных и зарубежных авторов XIX – начала XX вв. было выявлено, что основная идея научного изучения Арктики заключалась в использовании потенциала региона, включающего в себя неразработанные природные ресурсы и альтернативные морские пути. Исследователи как отечественные, так и зарубежные подчеркивали, что степень изученности региона к концу XIX в. не удовлетворяла существующим потребностям. Развитие региона непосредственно было связано с развитием транспортных путей, но низкая осведомленность об условиях Арктики не стимулировала дальнейшее освоение этой области. Географические карты как океана, так и суши были существенно дополнены за вторую половину XIX в., однако требовали дальнейшей проработки.

Геополитическое понимание роли географического фактора для национального развития сформировалось к концу XIX в. как в США и государствах Европы, так и в России. Исследователи как зарубежные, так и отечественные подчеркивали, что в геополитическом плане пришла пора освоения океана, как географического фактора, способного влиять на развитие государства. Одним из исследователей, обративших внимание на морские ресурсы, в том числе и вод Северного Ледовитого океана, стал А. Мэхэн – его работы были выпущены, главным образом, в 1880–1890-х гг. В конце 1880-х гг. геополитика приобрела актуальность и в отечественной научной мысли вместе с работами Л.И. Мечникова. Этот же период послужил отправной точкой для развития геополитической стратегии государства, которая сложилась только к 1917 г. В последующие годы вместе с созданием государственных институций, ответственных за развитие науки в Арктике, можно проследить сдвиг фокуса научных исследований на Северный Ледовитый океан, как на потенциал для развития могущества страны.

В части освоения природных ресурсов на рубеже XIX–XX вв. в отечественных и зарубежных исследованиях обозначилась общая тенденция – делался акцент на необходимости исследования новых ресурсов, которые находились в полярных водах. Этого требовали развития промышленности, мореходства и создания оборонного комплекса. Для развития международной торговли необходимы были новые морские пути, и их исследования входили в число главных целей полярных экспедиций. В восточном полушарии стояла научная задача доказать проходимость Северного Ледовитого океана из Европы в Азию, в западном полушарии – найти Северо-Западный проход.

Принципиальных отличий в исследуемых направлениях не выявлено, однако существенным являлось то, что западное общество стало ранее открытым к изучению и освоению Арктики. Идеи международных экспедиций в Арктику появились в научном дискурсе во второй половине XIX в. В результате на рубеже веков осуществлены успешные научные международные проекты такие

как первый Международный полярный год (1882–1883 гг.) и российско-шведская экспедиция по измерению дуги меридиана (1899–1901 гг.). В России готовность государства к поддержке арктических проектов выявилась позже. Однако появление отечественных институтов, направленных на исследование именно Арктики, в начале XX в. показывает, что мнение ученых было услышано. Немаловажным фактором, подтолкнувшим правительства к поиску новых ресурсов, стала Первая мировая война. К тому же достижения науки (ледокольный транспорт, адаптированное к условиям Крайнего Севера оборудование) оформили предпосылки к активному исследованию Арктики.

В XIX в. преимущественно политика Российской империи в Арктике была направлена на упрочнение своего положения в регионе, но только в первой половине XX в. начали осуществляться экспедиционные исследования в Арктике. Зарубежные исследователи также обращали внимание на необходимость исследования данного региона, так как процессы, происходящие в Арктике, имели большое значение в целом для развития науки. Ученые понимали и важность международного сотрудничества, поэтому выдвигали идеи международных экспедиций. Научные вопросы, поднимавшиеся на повестке дня, требовали более целостных наблюдений, включающих в себя наблюдения и в полярных регионах, поэтому к началу XX в., благодаря деятельности международного научного сообщества, уже был осуществлен ряд успешных международных проектов. Общая тенденция, на которую обращали внимания ученые, – это связь полярных исследований с геополитической обстановкой, влияющей на тематику исследований.

Литература

1. Мечников, Л.И. Цивилизация и великие исторические реки (Географическая теория прогресса и социального развития) / Л.И. Мечников // Голос труда. – 1924. – 255 с.
2. Менделеев, Д.И. Заветные мысли: Полное издание / Д.И. Менделеев. – Москва: Мысль, 1995. – 414 с.
3. Mahan, A.T. The influence of sea power upon history, 1660–1783 / A.T. Mahan. – Boston: Little, Brown & Co., 1890. – 557 p.
4. Менделеев, Д.И. Сочинения / Д.И. Менделеев. – Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1952. – Т. XXI. – С. 341–350
5. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – Москва: Айрис-пресс, 2004. – 576 с.
6. Вернадский, В.И. К вопросу о задачах Полярной комиссии / В.И. Вернадский // Бюллетень Императорской Санкт-Петербургской Академии наук – Санкт-Петербург. – 1915. – С. 481–484
7. Кропоткин, П.А. Записки революционера / П.А. Кропоткин. – Санкт-Петербург–Лондон: Свободная мысль, 1906. – 471 с.
8. Кропоткин, П.А. Исследования о ледниковом периоде / П.А. Кропоткин // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. – 1876. – Т. 7. – № 1. – 839 с.
9. Кропоткин, П.А. Доклад Комиссии по снаряжению экспедиции в северные моря / П.А. Кропоткин. – Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и Комп, 1871. – 91 с.

10. Чернышев, Ф.Н. О ходе работ экспедиции по градусным измерениям на островах Шпицбергена в 1899–1900 гг. / Ф.Н. Чернышев // Известия Императорской Академии наук. – 1901. – Т. XIV. – С. 255–280.
11. Чернышев, Ф.Н. О ходе работ экспедиции по градусным измерениям на островах Шпицбергена в 1899–1900 гг. (Окончание) / Ф.Н. Чернышев // Известия Императорской Академии наук. – 1901. – Т. XIV, № 4. – С. 351–377.
12. Толмачев, И.П. Записка об учреждении Постоянной Полярной комиссии/ И.П. Толмачев // Бюллетень Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. – Санкт-Петербург, 1915. – С. 476–481.
13. Отчет о деятельности Императорской академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1915 год, составленный неперменным секретарем С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1915 года / С.Ф. Ольденбург – Петроград, 1915.
14. Amundsen, R. "The North West Passage." Being the record of a voyage of ex-ploration of the ship "Gjoa" 1903-1907 / R. Amundsen. – New York: E.P. Dutton and Company, 1908. – Vol. 2. – 350 p.
15. Barrow, J. A chronological history of voyages into the Arctic regions; undertaken chiefly for the purpose of discovering a north-east, north-west, or polar passage between the Atlantic and Pacific... / J. Barrow – London: John Murray, 1818. – 427 p.
16. Barrington, D. The possibility of approaching the North Pole asserted ... with an appendix, containing papers on the same subject and on a North West passage edited by C. Beaufoy / D. Barrington. – London: Charles Wood for T. and J. Allman, W.H. Reid, and Baldwin, Cradock, and Joy, 1818. – 280 p.
17. Conway, M. No man's land. A history of Spitsbergen from its discovery in 1596 to the beginning of the scientific exploration of the country / M. Conway – Cambridge: At the University Press, 1906. – 377 p.
18. Ehrhart, S.B. Die Verteilung der Temperatur und des Luftdruckes auf der Erdoberfläche im Polarjahre 1882/1883 / S.B. Ehrhart. – Inauguraldissertation, Stuttgarter Vereins-Buchdruckerei, 1902. – 298 p.
19. Hann, J. Lehrbuch der Meteorologie / J. Hann. – Verlag Chr. Herm. Tauchnitz: 1901. – 226 p.
20. Weyprecht, C. Grundzüge der arktischen Forschung / C. Weyprecht // berlin: Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz, 1875. – P. 167–175.
21. Weyprecht, K. Scientific work on the second Austro-Hungarian Polar expedition, 1872-4 / K. Weyprecht // The Journal of the Royal Geographical Society of London. – V. 45. – 1875. – P. 19–33.
22. Anonymous. The Arctic world: its plants, animals, and natural phenomena. With a historical sketch of Arctic discovery, down to the British Polar Expedition: 1875-76 / Anonymous. – London: T. Nelson and Sons. – 1876. – 339 p.
23. Гельвальд, Ф. В области вечного льда история путешествий к Северному полюсу с древнейших времен до настоящего со многими рисунками и картами / Ф. Гельвальд. – Санкт-Петербург: Издательство А.С. Суворина, 1884. – 880 с.

References

1. Mechnikov, L.I. Tsivilizatsiya i velikiye istoricheskiye reki (Geograficheskaya teoriya progressa i sotsial'nogo razvitiya) [Civilization and great historical rivers (Geographical theory of progress and social development)] / L.I. Mechnikov. – Golos truda, 1924. – 255 p.
2. Mendelev, D.I. Zavetnyye mysli: polnoye izdaniye [Cherished thoughts: Complete edition] / D.I. Mendelev. – Mysl, 1995. – 414 p.
3. Mahan, A.T. The influence of sea power upon history, 1660–1783 / A.T. Mahan. – Boston: Little, Brown & Co., 1890. – 557 p.
4. Mendelev, D.I. Sochineniya [Essays] / D.I. Mendelev. – Moscow-Leningrad: USSR Ac. Sci. Publ., 1952. – Vol. 9. – P. 341–350.
5. Vernadsky, V.I. Biosfera i noosfera [Biosphere and noosphere] / V.I. Vernadsky. – Moscow: Irispress, 2004. – 576 p.
6. Vernadsky, V.I. K voprosu o zadachakh Polyarnoy komissii [On the issue of the tasks of the Polar Commission] / V.I. Vernadsky // Bulletin of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences – St. Petersburg. – 1915. – P. 481–484
7. Kropotkin, P.A. Zapiski revolyutsionera [Notes of a revolutionary] / P.A. Kropotkin. – Saint-Petersburg- London: Svobodnaya mysl, 1906. – 471 p.
8. Kropotkin, P.A. Issledovaniya o lednikovom periode [Research on the Ice Age] / P.A. Kropotkin // Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po obshchey geografii [Notes of the Imperial Russian Geographical Society on General Geography]. – 1876. – Vol. 7. – № 1. – 839 p.
9. Kropotkin, P.A. Doklad po snaryazheniyu ekspeditsii v severnyye morya [Report of the commission on equipping the expedition to the northern seas] / P.A. Kropotkin. – Saint-Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i Comp, 1871. – 91 p.
10. Chernyshev, F.N. O khode rabot ekspeditsii po gradusnym izmereniyam na ostrovakh Shpitsbergena v 1899–1900 gg. [On work progress of the expedition on grade measurements on the Spitsbergen islands in 1899–1900] / F.N. Chernyshev // Proc. of the Imperial Ac. Sci. – 1901. – Vol. 14. – № 3. – P. 255–280.
11. Chernyshev, F.N. O khode rabot ekspeditsii po gradusnym izmereniyam na ostrovakh Shpitsbergena v 1899–1900 gg. [On work progress of the expedition on grade measurements on the Spitsbergen islands in 1899–1900] / F.N. Chernyshev // Proc of the Imperial Ac. Sci. – 1901. – Vol. 14. – № 4. – P. 255–280.
12. Tolmachev, I.P. Zapiska ob uchrezhdenii postoyannoy Polyarnoy komissii [Note on the establishment of the Permanent Polar Commission] / I.P. Tolmachev // Bulletin of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences – St. Petersburg, 1915. – P. 476–481
13. Otchet o deyatelnosti Imperatorskoy akademii nauk po fiziko-matematicheskому i istoriko-filologicheskому otdeleniyam za 1915 god, sostavlennyy nepremennym sekretarem S.F. Oldenburgom i chitanny v publichnom zasedanii 29 dekabrya 1915 [Report on the activities of the Imperial Academy of Sciences at the physical-mathematical and historical-philological departments for 1915, compiled by the indispensable secretary S.F. Oldenburg

- and read in a public meeting on December 29, 1915] / S.F. Oldenburg. – Petrograd, 1915.
14. Amundsen, R. "The North West Passage." Being the record of a voyage of exploration of the ship "Gjoa" 1903-1907 / R. Amundsen. – New York: E.P. Dutton and Company, 1908. – Vol. 2. – 350 p.
 15. Barrow, J. A chronological history of voyages into the Arctic regions; undertaken chiefly for the purpose of discovering a north-east, north-west, or polar passage between the Atlantic and Pacific... / J. Barrow – London: John Murray, 1818. – 427 p.
 16. Barrington, D. The possibility of approaching the North Pole asserted ... with an appendix, containing papers on the same subject and on a North West passage edited by C. Beaufoy / D. Barrington. – London: Charles Wood for T. and J. Allman, W.H. Reid, and Baldwin, Cradock, and Joy, 1818. – 280 p.
 17. Conway, M. No man's land. A history of Spitsbergen from its discovery in 1596 to the beginning of the scientific exploration of the country / M. Conway – Cambridge: At the University Press, 1906. – 377 p.
 18. Ehrhart, S.B. Die Verteilung der Temperatur und des Luftdruckes auf der Erdoberfläche im Polarjahre 1882/1883 / S.B. Ehrhart. – Inauguraldissertation, Stuttgarter Vereins-Buchdruckerei, 1902. – 298 p.
 19. Hann, J. Lehrbuch der Meteorologie / J. Hann. – Verlag Chr. Herm. Tauchnitz: 1901. – 226 p.
 20. Weyprecht, C. Grundzüge der arktischen Forschung / C. Weyprecht // Berlin: Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz, 1875. – P. 167-175.
 21. Weyprecht, K. Scientific work on the second Austro-Hungarian Polar expedition, 1872-4 / K. Weyprecht // The Journal of the Royal Geographical Society of London. – V. 45. – 1875. – P. 19-33.
 22. Anonymous. The Arctic world: its plants, animals, and natural phenomena. With a historical sketch of Arctic discovery, down to the British Polar Expedition: 1875-76 / Anonymous. – London: T. Nelson and Sons. – 1876. – 339 p.
 23. Gelvald, F. V oblasti vechnogo l'da: istoriya puteshestviy k Severnomu polyusu s osvoyeniyem vremen do nastoyashchego vremeni so mnogimi risunkami i kartami [In the eternal ice area: A history of voyages to the North Pole from the ancient times to the present with many drawings and maps] / F. Gelvald. – Saint-Petersburg: A.S. Suvorin's Publishing House, 1884. – 880 p.

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Информация об авторе:

Кызыурова Надежда Вячеславовна – аспирант Отдела гуманитарных междисциплинарных исследований ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; Author ID: 1128765 (Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; 167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24; e-mail: kamasheva.nad@gmail.com).

Author:

Nadezhda V. Kyzyurova – Postgraduate Student at the Department of Humanitarian Interdisciplinary Studies FRC Komi SC UB RAS, Author ID: 1128765 (Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 24 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Russian Federation, 167982; e-mail: kamasheva.nad@gmail.com).

Для цитирования:

Кызыурова, Н.В. Вопросы научного изучения арктических территорий в трудах отечественных и зарубежных исследователей (XIX–начало XX веков) / Н.В. Кызыурова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 168–175.

For citation:

Kyzyurova, N.V. Voprosy nauchnogo izucheniya arkticheskikh territorij v trudah otechestvennyh i zarubezhnyh issledovatelej (XIX-nachalo XX vekov) [Arctic exploitation issues in the works of the Russian and foreign researchers (19th-early 20th centuries)] / N.V. Kyzyurova // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 168-175.

Дата поступления рукописи: 25.11.2022

Прошла рецензирование: 01.12.2022

Принято решение о публикации: 01.12.2022

Received: 25.11.2022

Reviewed: 01.12.2022

Accepted: 01.12.2022

Из истории советского этнографического финно-угроведения 1940–1950-х годов

А.Е. Загребин

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
zagreb72@izh.com

Аннотация

Статья посвящена советским финно-угорским этнографическим исследованиям в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. Ключевым пунктом является история интеллектуального спора Д.В. Бубриха и Н.Н. Чебоксарова о путях развития финно-угроведения в СССР. Затрагиваются вопросы воздействия идей Н.Я. Марра на подходы к интерпретации этнографических материалов и дискуссия о космополитических влияниях в научных текстах советских финно-угроведов.

Ключевые слова:

советская этнография, финно-угроведение, полевые исследования, Великая Отечественная война, марризм, космополитизм

Предыстория

Завершение Гражданской войны в России и формирование нового типа государственности, основанного на принципах федерализма и жестком идеологическом каркасе большевизма, потребовало от властей обращения к народным энергиям и научным исследованиям. В 1920–1930-х гг., несмотря на имевшиеся расхождения в видении путей развития РСФСР/СССР, между учеными и правящей бюрократией возникло взаимопонимание, необходимое для начала социально-экономической модернизации. В числе первоочередных задач советского строительства находилась этническая тематика, ставшая одним из маркеров успешности социалистического переустройства. Демократизация образовательной политики, наряду с поддержкой национальных культур, открыла доступ к научной деятельности представителям этнических сообществ, ранее являвшихся объектом исследования. Одним из примеров познания ценности своей культурной среды и одновременно осознания ее родственности другим географически близким и далеким народам стал феномен советского финно-угроведения.

В первые десятилетия советской власти стихийное краеведческое движение и проводимая государством языковая политика в регионах, населенных финно-угор-

From the history of the Soviet ethnographic Finno-Ugric studies of the 1940s–1950s

A.E. Zagrebina

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences, Syktyvkar
zagreb72@izh.com

Abstract

The paper is devoted to the Soviet Finno-Ugric ethnographic studies during the Great Patriotic War and in the first post-war decade. The key point of the paper is the history of the intellectual dispute between D.V. Bubrikh and N.N. Cheboksarov about the development paths of the Finno-Ugric science in the USSR. It also highlights the influence of N.Ya. Marr's ideas on the approaches to the interpretation of ethnographic materials and the discussion on the cosmopolitan impacts in the scientific texts of the Soviet Finno-Ugric researchers.

Keywords:

Soviet ethnography, Finno-Ugric studies, fieldwork, the Great Patriotic War, marrism, cosmopolitanism

скими народами, обрели устойчивый базис, соединивший достижения дореволюционной эпохи с энтузиазмом пришедших в науку идей о практической применимости научного знания. Экспедиционные записи, грамматики и переводы христианской богослужебной литературы, описания быта и сборники фольклора и коллекции материального быта должны были послужить точкой отсчета для новой культурной истории води, ижоры, карел, вепсов, коми, коми-пермяков, удмуртов, мордвы, марийцев, хантов и манси. Работы по созданию современных культур советских финно-угров велись в университетах и академических учреждениях, равно как в сельских клубах и деревенских школах.

Правда, было обстоятельство, не позволявшее его игнорировать, а именно наличие традиции изучения родственных народов финскими, венгерскими и эстонскими учеными. В условиях растущей конфронтации и идеологических расхождений прежнее научное взаимодействие стало затруднительным и советское финно-угроведение должно было искать свой путь. Выбор состоял в попытках структурного оформления направления в виде отдельного института, кафедры, научного общества, журнала или конференции, либо сегментации проблематики по конкретным плановым темам, экспедициям, диссертациям.

В обоих случаях первостепенны были меры по кадровому обеспечению советского финно-угроведения, знаковую роль в которых сыграл Д.В. Бубрих¹. В 1925 г. при его деятельном участии открылась кафедра финно-угорского языкознания в Ленинградском университете; одновременно, с 1926 по 1929 г., он был профессором кафедры угро-финских языков этнологического факультета МГУ-1, в том же году его избрали председателем угро-финской секции НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР. Обучая других, Д.В. Бубрих нуждался в научном общении с представителями устоявшихся школ финно-угроведения. Руководством Академии наук СССР были выделены средства для его полугодовой поездки в 1927–1928 гг. по научным центрам Германии и Финляндии [2, с. 632]. Д.В. Бубрих увидел в финно-угроведении, где изначально доминировал филологический компонент, то звено, что в текущих обстоятельствах приобретало особую актуальность.

Речь идет об этнографической составляющей финно-угорских исследований. Интерес к изучению бытовой культуры финно-угорских народов СССР стимулировался существенными отличиями в хозяйстве и социальной организации, а также наличием многочисленных фактов культурного влияния со стороны соседних иноязычных этносов. В материальной проекции древнее финно-угорское родство просматривалось не столь отчетливо, нежели на лингвистическом фоне. Таким образом, находились аргументы для дискуссии с западной финно-угорской этнографией, ориентированной на выявление культурных черт, роднящих западных и восточных финно-угров. Свидетельством качества советских этнографических трудов стали публикации, сделанные на западно-финских материалах Д.А. Золотаревым, на волжско-финских и пермских – В.П. Налимовым, К.П. Гердом, М.Т. Маркеловым и Т.Е. Евсеевым. Особняком, но академически фундаментально представляли тему славяно-финно-угорских этнокультурных контактов труды Д.К. Зеленина.

Репрессивная волна 1930-х гг., казалось, предопределила сложности предстоящего выбора. Не так много оставалось возможностей для какой бы то ни было дальнейшей структуризации. Оставшиеся без старших товарищей молодые этнографы – финно-угроведы – В.Н. Белицер, Т.А. Крюкова, Н.Ф. Прыткова сосредоточились на музейной камеральной и преподавательской работе.

Назревающий конфликт с Финляндией вновь обратил внимание советских властей на отечественное финно-угроведение, особенно в отношении этнографических границ Карелии и карельской народной культуры². В рам-

ках обозначившегося интереса руководство Института этнографии АН СССР посчитало возможным в приоритетном порядке опубликовать посвященный карелам очерк из планируемого четырехтомника «Народы СССР» [4; 5]. Предвоенная советская этнография, как и другие общественные науки, руководствовалась трудами И.В. Сталина, в которых пыталась найти ответы на проблемные вопросы и указания на перспективные темы. Очевидно, этим желанием объяснялся разворот к сюжетам, связанным с этническим наполнением таких понятий, как племя, народность, народ, нация³. На финно-угорских материалах тех лет заметно, как смещались приоритеты – от изучения «крестьянских этносов» к охотничье-рыболовецким сообществам. В целом советская этнография к началу 1940-х гг. подошла методологически и кадрово обедненной. Этнографическое финно-угроведение в СССР не было исключением – практически всех этнографов коснулись репрессии.

Война и эвакуация

Великая Отечественная война внесла свои суровые коррективы в научные и жизненные планы этнографов, занимавшихся финно-угорской тематикой.

Восстановленный на работе в Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР после двухлетнего следствия Д.В. Бубрих успел в последний предвоенный год совершить экспедицию по вновь образованной Карело-Финской ССР⁴. В сентябре 1941 г. он эвакуировался из осажденного Ленинграда в г. Сыктывкар, где на площадях Коми педагогического института разместился Карело-Финский университет, в обоих вузах профессор Д.В. Бубрих читал лекции и заведовал кафедрами⁵. Основная же научная деятельность была связана с Научно-исследовательским институтом языка, письменности и истории коми народа, входившего в структуру Базы АН СССР по изучению Севера, ученым секретарем которого он стал [8, с. 10]. Три материально тяжелых, но свободных года позволили Д.В. Бубриху вернуться к крупным темам, внушая надежду на осуществ-

нии финнов и финно-угорских народов, не так давно названного профессором-фашистом «покойного финского ученого У. Сирелиуса». Приводит он и данные из публикаций финских этнографов А.О. Хейкеля и И. Маннинена [3, с. 113–114].

³ В редакционной статье к ежегоднику Института этнографии АН СССР В.В. Струве пишет не только о попытках «троцкистско-бухаринских вредителей» исключить этнографию из числа самостоятельных наук, но, ссылаясь на работы вождя, отмечает: «Из данных слов товарища Сталина следует, что этнография является по отношению к истории самостоятельной научной дисциплиной, ибо у нее другой объект изучения – племя – нежеле у истории, имеющей объектом изучения нацию» [6, с. 4–5].

⁴ В 1938 г. Д.В. Бубрих был арестован по обвинению в «обслуживании интересов финляндской буржуазии <...>, в шпионаже в пользу Финляндии, в контрреволюционной агитации и пропаганде в пользу Финляндии, и в участии (или даже создании) контрреволюционной организации, работавшей по заданию Финляндии» и осужден на 10 лет заключения, но после отправки материалов на доследование был освобожден в связи с прекращением «дела» [2, с. 636–637].

⁵ С 1 октября 1941 г. Д.В. Бубрих приступил к исполнению обязанностей заведующего кафедрой коми языка и литературы в Коми государственном педагогическом университете, читая финно-угроведческие дисциплины. В 1943/44 учебном году он возглавил кафедру финно-угорских языков историко-филологического факультета Карело-Финского государственного университета [7, с. 124].

¹ В 1911 г. А.А. Шахматов с группой академиков подготовил докладную записку о необходимости возвращения к финно-угроведению, поскольку «проводящаяся в Гельсингфорсе работа не может освободить русских ученые учреждения от обязанности изучать то, что так тесно связано с нашей страной в ее прошлом и настоящем». А.А. Шахматов предложил своему ученику Д.В. Бубриху сосредоточиться на проблемах финно-угроведения [1].

² Важность проблематики подчеркивалась тем, что на «карельские темы» начал писать чл.-корр. АН СССР Д.К. Зеленин, в эти годы вынужденный давать «ответ оппонентам», пытавшимся обвинить его в связях с западными славистическими центрами. Смелым является начало его статьи о быте карел, в котором он без доли критики цитирует книгу о происхожде-

вление идей советского финно-угроведения. Вместе с Карело-Финским университетом в 1944 г. он эвакуировался в г. Петрозаводск и после снятия блокады возвратился в Ленинград, где в числе выживших научных сотрудников был представлен к медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В тот победный год Д.В. Бубрих был награжден орденом Ленина.

До октября 1942 г. в Ленинграде оставалась Т.А. Крюкова – днем заведовавшая секцией народов Поволжья Государственного музея этнографии, а ночью выходившая на тушение зажигательных бомб. Вернувшись из эвакуации в 1944 г., она возглавила в музее отдел Поволжья, методически курируя еще отдел Прибалтики [9, с. 285–286]. В исследовательском отношении Т.А. Крюкова преимущественно интересовалась изучением народной одежды и украшений марийцев, мордвы и удмуртов, ставших, как и тематика народного искусства, «острым местом» в послевоенной советской этнографии. Стечением обстоятельств за несколько дней до начала войны из Ленинграда в экспедицию к казымским хантам выехала сотрудница Института этнографии АН СССР Н.Ф. Прыткова. Полевой сезон продлился для нее на несколько лет в должности начальника Казымской культбазы, ответственного за просвещение обширного региона [10]. По возвращении из затянувшейся экспедиции она опубликовала краткий, но ёмкий отчет о времени, вещах и людях обско-угорского, ненецкого и коми пограничья.

Новацией военных лет стали комплексные академические экспедиции, призванные дать новое знание о ресурсной базе малоизученных областей, в условиях затяжных боевых действий, утраты части людского, военно-промышленного и сельскохозяйственного потенциала. Одна из таких экспедиций Института географии АН СССР работала в 1944 г. на территории Коми-Пермяцкого национального округа Молотовской области. Примечательно, что одним из итогов ее поисков стала монография, посвященная этнографии коми-пермяков, вышедшая в послевоенные годы и ставшая одним из объектов критики в период развенчания «марризма» в советской этнографии [11]. В годы войны этнография вновь становится востребованной наукой. Этнический фактор стал восприниматься как важное слагающее советского патриотизма.

На полях боев тогда остались многие этнографы, среди них «удмуртский аспирант» Д.К. Зеленин, ответственный секретарь проекта «Этнография народов СССР» И.М. Лекомцев [12, с. 10–11]. В Сталинградской битве погиб коми-этнограф Г.А. Старцев [13, с. 385]. Иной жизненный путь избрал его наставник профессор Н.Н. Поппе [14, с. 66–67]. Тотальная война заставила всех сделать свой выбор.

Новый догматизм и этногенетические поиски

Война и связанные с ней героизм, жертвенность и воля к победе советских людей стали для этнографов временем консолидации и определения новых исследовательских задач, что нашло отражение в программной послевоенной статье директора Института этнографии АН СССР С.П. Толстова. Заявленные им историзм этнографии, изучение культуры конкретного народа и междисципли-

нарность подходов к предмету научного интереса были понятны, приемлемы и предсказуемы для профессионального сообщества [15, с. 8–9]. Приоритет этногенетических проблем внушал оптимизм в части глубины разработки и допустимости научного дискурса, безусловно, в рамках официально одобренной методологии.

Исходя из этой логики, финно-угроведение в СССР также получало возможности изучения этногенеза и этнической культуры каждого родственного народа в отдельности, что не препятствовало синтезу наук в поисках общего и особенного их исторического пути. Быть может, в такой или близкой парадигме размышлял Д.В. Бубрих, принимая в 1947 г. предложение возглавить Институт истории, языка и литературы Карело-Финской базы АН СССР в г. Петрозаводске. Годом ранее он был избран членом-корреспондентом АН СССР по специальности «финно-угорское языкознание». Своими главными задачами на данном этапе он видел попытку решения проблемы происхождения карельского народа и сбор всех заинтересованных сил в научном оформлении советского финно-угроведения. Достижению первой цели должна была способствовать его монография [16]. Ко второй задаче Д.В. Бубрих и его единомышленники попробовали приблизиться путем проведения в Ленинграде Всесоюзной конференции финно-угроведов [17]. Несмотря на «филологическую маркировку», на тематических секциях выступали историки, археологи и этнографы, что, по мысли организаторов, подчеркивало комплексный характер советского финно-угроведения [18]. В полном объеме доклады участников конференции были опубликованы отдельным томом неперiodической серии «Советское финноугроведение»⁶. Успех установочного мероприятия должен был быть закреплен в следующем году на конференции в Петрозаводске [20, с. 229]. Но неожиданно стали возникать сложности, о которых Д.В. Бубрих не мог предположить.

В 1945 г. по инициативе руководства Коми АССР и Базы АН СССР по изучению Севера в г. Сыктывкаре началось планомерное изучение европейского Северо-Востока страны силами академических учреждений. В этой связи республиканскими властями был подписан договор с Институтом этнографии АН СССР о создании Северной археолого-этнографической экспедиции. Общее руководство над ней принял антрополог и этнограф Н.Н. Чебоксаров, а этнографический отряд возглавила В.Н. Белицер, перешедшая в академический институт из Музея народов СССР [21]. Имея опыт исследований среди финно-угорских народов, она была незаменима как специалист, прежде всего, по материальной культуре [22, с. 142–146]. Народный быт, особенно в гендерном измерении, был сильной стороной ее этнографии. Погружаясь в материал, она сравнивала типологически близкие проявления в культурах разных народов, находила семантические связи и симво-

⁶ Как отмечалось редактором: «В деле издания этой серии центр и места будут сотрудничать. Отдельные томы будут выходить в Ленинграде и во всех шести финноугорских республиках – в Карело-Финской ССР, в Эстонской ССР, в Мордовской АССР, в Марийской АССР, в Удмуртской АССР, в Коми АССР» [19, с. 3–4].

лические отсылки к прошлому⁷. Двадцать лет в музейной системе координат научили ее ценить этнически окрашенные вещи не сами по себе, а в естественной связи с их недавними пользователями⁸. Переходя от одного коми села или зимовья к предметному ряду коми-пермяцких деревень, В.Н. Белицер могла до времени оставить методологические кондиции, столь памятные ей с довоенных поездок в поле. Иной позиции придерживался руководитель экспедиции.

В своих работах по «коми проблематике» Н.Н. Чебоксаров как специалист по физической антропологии показал не только умение интерпретировать фактологические материалы, но и способность соединять их с выдержками из письменных источников, равно использовать данные археологии [26]. Демонстрируя в динамике процессы взаимодействия локальных групп коми (зырян и пермяков) с обскими уграми, ненцами, тюрками и славянами на пространствах европейского Северо-Востока, он практически ни разу не упомянул о существовании финно-угорского языкового родства. Термины «финно-угорский» либо «финно-угроведение» словно намеренно исключались из вокабуляра, приличествующего описанию проблем этногенеза народов коми.

Многое прояснилось через несколько лет, когда появилась журнальная публикация, посвященная «конференции по финно-угорской филологии», в которой Н.Н. Чебоксаров с самого начала говорил о своем неприятии понятия финно-угроведения в качестве «новой советской научной дисциплины», в создании которой принимали участие «филологи, историки, археологи, этнографы и представители других смежных отраслей знания» [27, с. 176]. Основанием для такого заявления он считал то обстоятельство, что финно-угорские народы, с древнейших времен расселявшиеся на землях от Балтики и Дуная до Обь-Енисейского водораздела, никогда в истории не составляли этнического и культурного целого, будучи более тесно связаны с соседними «иноязычными» группами, чем между собой. В создании «советского финно-угроведения» автор статьи видит угрозу искусственного отрыва финно-угров от соседствующих с ними народов, прежде всего от восточных славян. Упрекая коллег в недостаточно полном использовании теоретического наследия Н.Я. Марра, он критиковал, прежде всего, Д.В. Бубриха, в котором видел идейного лидера неприемлемого «финноугроведения» и сторонника вестернизированной истории калевальской эпикки [27, с. 179–180]. Особо строго он оценивал тезисы доклада Д.К. Зеленина об общих элементах в древних финских и русских костюмах, замечая в них тенденцию к необоснованному возвышению западной культурной традиции в виде конвергенции модных проявлений [27, с. 180–182].

⁷ В этом отношении примечательна кандидатская диссертация В.Н. Белицер, посвященная народной одежде удмуртов в контексте проблем этногенеза удмуртского народа, защищенная в 1945 г. и опубликованная в ряде статей и позднее в виде монографии [23; 24].

⁸ В первые послевоенные годы В.Н. Белицер, работая среди разных групп коми и коми-пермяков, опиралась на личные неформальные связи среди работников краеведческих музеев, являясь негласным консультантом и официальным рецензентом многих выставочных и издательских финно-угорских проектов [25].

Итоги критического разбора были предсказуемы – любые попытки конструирования чего-либо «общего» заметно проигрывают полезности разработки «частного».

Символично выглядел вышедший менее чем через год очередной выпуск журнала советских этнографов, ключевыми темами которого стали 100-летний юбилей полного издания карело-финского народного эпоса «Калевала» и борьба с проявлениями чуждого отечественному народоведению буржуазного космополитизма. В редакционной статье был задан идейный лейтмотив, указывающий, что в ключевых пунктах противостояния марксистскому методу «космополиты и националисты» могут объединяться [28, с. 6]. Как это произошло с попытками последних лишить эпос родины и национальной принадлежности карело-финскому народу, т.е. привязки к территории Карело-Финской ССР⁹. Поскольку в традиции следовало не только дать общую оценку враждебных действий, равно выявить и осудить деятельность адептов подрывных теорий в программной статье «Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии», наряду с трудами фольклористов В.В. Проппа и П.Г. Богатырева, наиболее жесткой критике был подвергнут доклад Д.К. Зеленина об общих элементах в древних русских и финских костюмах на ленинградской конференции 1947 г. по финно-угорской филологии [30, с. 24–25]. Упрек в низкопоклонничестве перед влиянием западных научных школ становился все более угрожающим обвинением в профессиональной сфере.

Скорость реакции на идеологический запрос отразилась в материале, вышедшем в том же номере журнала, содержащем отчет о прениях по проблеме космополитизма в советской этнографии. В очередной раз был осужден Д.К. Зеленин за доклад и статью в сборнике «Советское финно-угроведение, т. 1» и другое, довольное, чтобы «объявить жесточайшую борьбу всей системе ошибочных взглядов Зеленина» [31, с. 170]. В перечне обликов космополитизма, включая пантюркизм, паниранизм, панисламызм, весьма тщательно был разобран панфиннизм, воплощенный в проведенной в Ленинграде конференции по финно-угорской филологии. Как отмечалось далее: «... Советская общественность финно-угорских народов была возмущена тенденцией создать такую комплексную финно-угорскую науку, идущую, с одной стороны, по пути выхолащивания культуры каждого отдельного народа, а с другой – по пути искусственного соединения их в какую-то финно-угорскую общность, противопоставляемую не только в лингвистическом, но и в историческом и культурном отношении русскому и другим народам СССР» [31, с. 174]. Теперь, когда космополиты и их пособники были определены, можно было ожидать решений по персоналиям, отдельным коллективам и направлениям исследований.

Между тем Д.В. Бубрих продолжал обороняться. В развернутом ответе на критику со стороны Н.Н. Чебоксарова он пытался доказать, что «советское финно-угроведе-

⁹ В подтверждение автохтонной теории, выступая с докладом «К вопросу об этнической принадлежности рун "Калевалы"» на юбилейной научной сессии Карело-Финской научной базы АН СССР, директор Института истории, языка и литературы Д.В. Бубрих отметил, что калевальские руны были созданы древним племенем «корела» – предком современного карело-финского народа [29, с. 152].

ние» не просто возможно, оно необходимо на современном этапе народоведческих поисков в СССР, в том числе учитывая нарастающее идеологическое противоборство с Западом, имеющем намерения по использованию финно-угорских исторических и филологических нарративов [32]. Примирительная тональность его выступления тем не менее не привела к ослаблению пафоса оппонентов. В пространной рецензии, посвященной критике тезисов в защиту «советского финно-угроведения», Н.Н. Чебоксаров вновь предостерегал: «... Не создавайте комплексной науки для изучения комплекса, которого нет ...» [33, с. 199]. Апеллируя к «финно-угорскому наследию» академика Н.Я. Марра, оппоненты хотели укрепить свою аргументацию щитом официально принятой методологии, искусно оперируя цитатами из работ классика этногенетических исследований. Д.В. Бубрих пытался уйти от догматического прочтения положений «нового учения о языке», соглашаясь, возражая и развивая его в нужных местах. Предел полемики наступил ровно с того места, где критик задался вопросом, как организаторы конференции по финно-угорской филологии позволили себе допустить «космополитические срывы», подобные «зеленинским пан-европейским (если не пан-глобальным) модам» [33, с. 204]. Адекватного ответа на этот вопрос не находилось.

Завершающей публикацией в серии статей Н.Н. Чебоксарова по проблемам финно-угроведения был текст, посвященный этногенетическим размышлениям, построенным в основном на данных антропологии [34]. Меньшего объема, чем прежние, она вышла после смерти Д.В. Бубриха, столкнувшегося с ожесточенными нападками марристов и обвинениями в «контрабанде буржуазных идей» со стороны борцов с космополитизмом. Немалая часть статьи имела «личное измерение», касаясь самоосуждения в заблуждениях идей марризма (включая критику Д.В. Бубриха), получивших нелицеприятные оценки в труде И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В сутевом отношении статья примечательна по двум обстоятельствам. Во-первых, само название, настоятельно вводящее в научный оборот понятие – «угрофинны» (термин появился в советской науке в 1920-х гг., но не закрепился), вместо историографически устоявшихся «финноугров». Чем была вызвана такая замена однозначно сказать сложно, но можно предположить, что в том проявлялась попытка противопоставить «угрофинноведение» «финноугроведению». Тем более, что последнее было явно связано с «ленинградской конференцией» и ее инициатором. Кроме того, понятия – «финно-угры», «финно-угроведение», «финно-угорские исследования» в идеологическом смысле не были безупречны, прямо корреспондируя с финскими и иными «западными» терминами – *“suomalais-ugrilainen kansatiede”*, *“finnisch-ugrische forschungen”*, *“finno-ougrienne”* etc. Как будто в подтверждение противопоставления автор посвятил несколько страниц критике этнологических воззрений У.Т. Сирелиуса, Т. Итконена, Х. Паасонена, Э. Сётяля, И. Маннинена и более ранних исследователей финно-угорской лингвистики и этнографии, связывая их научные разработки с пропагандой «бредовой идеи “великой Финляндии” от Балтики до Урала» [34, с. 37–38]. Время меня-

лось, менялись оценки, и все получилось, как в случае с марризмом. Недавний законодатель научных мод оказывался неправ и низложен, а перемена политического курса Финляндии в сторону налаживания взаимовыгодного сотрудничества с СССР делала неуместными дальнейшие идеологические выпады. Возможно, поэтому «угрофинны» остались «финноуграми».

Новые возможности в проведении экспедиций и научном общении преодолевали, казалось, незыблемые границы и установки. Первым шагом, открывающим перспективы междисциплинарного синтеза, в ранее неисследованном советской этнографией поле была Балтийская этнографо-антропологическая экспедиция (1952–1955) [35, с. 189]. Участниками ее работ становились сотрудники Института этнографии АН СССР, с другой – этнографы, антропологи и фольклористы из республик Советской Прибалтики.

В 1949 г. к исследованиям в Эстонии присоединилась В.Н. Белицер [36]. Через четыре года она возглавила Мордовскую этнографическую экспедицию, ориентированную на разрешение проблем этногенеза и ранней этнической истории, а также фиксацию этнографии современности [37]. Ей же будет суждено стать участницей одного из рецидивов уходящей эпохи в истории советской этнографии. Разоблачение этнографов-марристов, ставшее одной из задач послевоенного этапа работы Института этнографии АН СССР, с неким умыслом было поручено этнографам, чьи работы сами «грешили» повышенным вниманием к семантике и символике народных облачений [38, с. 84]. Опубликованный после выхода критической статьи в «Правде» текст В.Н. Белицер и Г.С. Масловой был направлен на коррекцию идеалистических воззрений на смысл и назначение народной одежды [39]. Занятия разгадыванием орнаментов и толкованием особенностей кроя в ущерб утилитарной функции было признано вредным. По традиции осудили статью Д.К. Зеленина об общих элементах в древних русских и финских костюмах и «по касательной» затронули книгу Т.А. Крюковой о марийской вышивке [40]. Ранее сами авторы внесли соответствующую правку в личные монографии [41; 42]. Тем не менее политическая оттепель уже ощущалась в настроениях советских этнографов, в том числе в ожиданиях финно-угроведов.

Литература

1. Бубрих, Д.В. А.А. Шахматов как финноугровед / Д.В. Бубрих // А.А. Шахматов (1864–1920): сб. статей и материалов / под ред. С.П. Обнорского. – Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1947. – С. 435–455.
2. Мандрик, М.В. Лингвист Д.В. Бубрих: материалы к биографии и обзор фонда (№ 1112), хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН / М.В. Мандрик // Миллеровские чтения – 2018. Преемственность и традиции в изучении и сохранении документального академического наследия / отв. ред. И.В. Тункина. Сер.: Ad Fontes. Вып. 14. – Санкт-Петербург: Реноме, 2018. – С. 628–643.
3. Зеленин, Д.К. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР / Д.К. Зеленин // Советская этнография. Сб. статей. – 1941. – Вып. 5. – С. 110–125.

4. Программа подготовляемого Институтом этнографии сборника «Народы СССР» // Советская этнография. Сб. статей. – 1939. – Вып. 2. – С. 210–212.
5. Линевский, А.М. Карелы / А.М. Линевский // Советская этнография. Сб. статей. – 1941. – Вып. 5. – С. 89–109.
6. Струве, В.В. Советская этнография и ее перспективы / В.В. Струве // Советская этнография. Сб. статей. – 1939. – Вып. 2. – С. 3–10.
7. Малкова, Т.А. Научная деятельность Д.В. Бубриха в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Т.А. Малкова // Европейский Север СССР в стратегии Второй мировой войны (на материалах Коми АССР). – Сыктывкар, 2005. – С. 123–131.
8. Жеребцов, И.Л. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: основные вехи истории (К 50-летию создания) / И.Л. Жеребцов // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2020. – № 2. – С. 5–27.
9. Решетов, А.М. Тернистый путь к этнографии и музею: страницы жизни Т.А. Крюковой / А.М. Решетов // Репрессированные этнографы. – 2003. – Вып. 2. – С. 269–300.
10. Прыткова, Н.Ф. Отчет о работе на Севере (1941–1945 гг.) / Н.Ф. Прыткова // Советская этнография. – 1946. – № 3. – С. 159–161.
11. Шишкин, Н.И. Коми-пермяки. Этнографический очерк / Н.И. Шишкин / под ред. акад. А.А. Григорьева и акад. И.И. Мещанинова: Институт географии АН СССР. – Молотов: Молотовгиз, 1947. – 140 с.
12. Решетов, А.М. Отдание долга. Часть II. Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР – воинов Великой Отечественной войны / А.М. Решетов // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 3. – С. 3–24.
13. Терюков, А.И. История этнографического изучения народов коми / А.И. Терюков. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2011. – 514 с.
14. Алпатов, В.М. Николай – Николас Поппе / В.М. Алпатов. – Москва: Восточная литература, 1996. – 144 с.
15. Толстов, С.П. Этнография и современность / С.П. Толстов // Советская этнография. – 1946. – № 1. – С. 3–11.
16. Бубрих, Д.В. Происхождение карельского народа: повесть о союзнике и друге русского народа на Севере / Д.В. Бубрих. – Петрозаводск: Гос. издательство Карело-Финской ССР, 1947. – 51 с.
17. Волков, Н.Н. Конференция по финно-угорской филологии / Н.Н. Волков // Советская этнография. – 1947. – № 2. – С. 219–221.
18. Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии. 23 января – 4 февраля 1947 г.: тезисы докладов / отв. ред. чл.-корр. АН СССР Д.В. Бубрих. – Ленинград, 1947. – 104 с.
19. От редакции // Ученые записки ЛГУ. № 105. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. Советское финноугроведение. Т. 1 / отв. ред. чл.-корр. АН, проф. Д.В. Бубрих. – Ленинград, 1948. – С. 3–4.
20. Шитов, Н. ИИЯЛ Карело-Финской базы АН СССР / Н. Шитов // Советская этнография. – 1948. – № 1. – С. 229–231.
21. Белицер, В.Н. Работа этнографического отряда комплексной экспедиции в Коми АССР / В.Н. Белицер // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. – 1947. – Вып. 3. – С. 3–12.
22. Загребин, А.Е. Полевая этнография В.Н. Белицер: забытые тексты экспедиций к удмуртам, коми и коми-пермякам в 1930–1950-х гг. / А.Е. Загребин, В.Э. Шарапов // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2015. – Вып. 4. – С. 139–150.
23. Белицер, В.Н. К вопросу о происхождении удмуртов (по материалам одежды) / В.Н. Белицер // Советская этнография. – 1947. – № 2. – С. 103–125.
24. Белицер, В.Н. К вопросу о происхождении бесермян (по материалам одежды) / В.Н. Белицер // Памяти Д.Н. Анучина (1843–1923). Труды института этнографии. Новая серия. Т. 1. – Москва–Ленинград, 1947. – С. 183–193.
25. Белицер, В.Н. Этнографическая экспозиция в краеведческом музее Коми АССР / В.Н. Белицер // Советская этнография. – 1946. – № 4. – С. 222.
26. Чебоксаров, Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии / Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1946. – № 2. – С. 51–80.
27. Чебоксаров, Н.Н. Некоторые вопросы изучения финноугорских народов в СССР (по поводу одной научной конференции) / Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1948. – № 3. – С. 176–185.
28. Бессмертный эпос карело-финского народа // Советская этнография. – 1949. – № 2. – С. 3–6.
29. Чистов, К. 100-летие полного издания карело-финского народного эпоса «Калевала» / К. Чистов // Советская этнография. – 1949. – № 2. – С. 151–153.
30. Потехин, И.И. Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии / И.И. Потехин // Советская этнография. – 1949. – № 2. – С. 7–26.
31. Корбе, О. Обсуждение доклада И.И. Потехина «Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии» / О. Корбе, Г. Стратанович // Советская этнография. – 1949. – № 2. – С. 170–177.
32. Бубрих, Д.В. О советском финноугроведении / Д.В. Бубрих // Советская этнография. – 1949. – № 2. – С. 189–196.
33. Чебоксаров, Н.Н. Еще раз о некоторых вопросах изучения финноугорских народов / Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1949. – № 2. – С. 197–204.
34. Чебоксаров, Н.Н. К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы / Н.Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1952. – № 1. – С. 36–50.
35. Терентьева, Л.Н. Совещание по этнографии народов Советской Прибалтики // Советская этнография. – 1950. – № 2. – С. 189–193.
36. Белицер, В.Н. Этнографическая работа в Эстонской ССР в 1949 году / В.Н. Белицер // Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР. Вып. 12. – Москва, 1950. – С. 118–129.
37. Белицер, В.Н. Работа Мордовской этнографической экспедиции в 1953–1957 гг. / В.Н. Белицер // Советская этнография. – 1958. – № 4. – С. 117–128.
38. Алымов, С.С. Три этюда о «марризме» в советской этнографии // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 6. – С. 79–93.

39. Белицер, В. Против антимарксистских извращений в изучении одежды / В. Белицер, Г. Маслова // Советская этнография. – 1954. – № 3. – С. 3–11.
 40. Крюкова, Т.А. Марийская вышивка / Т.А. Крюкова. – Ленинград, 1951. – 195 с.
 41. Белицер, В.Н. Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу / В.Н. Белицер // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 10. – Москва: Издательство АН СССР, 1951. – 142 с.
 42. Маслова, Г.С. Народный орнамент верхневолжских карел / Г.С. Маслова // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 11. – Москва: Издательство АН СССР, 1951. – 139 с.
- ## References
1. Bubrikh, D.V. A.A. Shahmatov kak finnougroved [A.A. Shakhmatov as a Finno-Ugric specialist] / D.V. Bubrikh // A.A. Shakhmatov (1864–1920): Collected articles and materials / Ed. S.P. Obnorsky. – Moscow, Leningrad: USSR Ac. Sci. Publ., 1947. – P. 435–455.
 2. Mandrik, M.V. Lingvist D.V. Bubrikh: materialy k biografii i obzor fonda (№ 1112), khranjashegosja v Sankt-Peterburgskom filiale Arhiva RAN [Linguist D.V. Bubrikh: materials of the biography and a review of the fonds (№ 1112) stored in the Sankt-Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences] / M.V. Mandrik // Millerovskie chteniya – 2018. Preemstvennost i tradicii v izuchenii i sohranении dokumentalnogo akademicheskogo naslediya [Miller Readings – 2018. Continuity and traditions in research and preservation of documentary academic heritage] / Ed. I.V. Tunkina. Ser.: Ad Fontes. – Sankt-Petersburg: Renome, 2018. – Issue 14. – P. 628–643.
 3. Zelenin, D.K. O starom byte karel Medvezhjegorskogo raiona Karelo-Finskoy SSR [About the old way of life of the Karelians of the Medvezhjegorsky district of the Karelo-Finnish SSR] // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. Collected papers. – 1941. – Issue 5. – P. 110–125.
 4. Programma prigotovljaemogo Institutom etnografii sbornika “Narody SSSR” [The program of the collection “Peoples of the USSR” prepared by the Institute of Ethnography] // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. Collected papers. – 1939. – Issue 2. – P. 210–212.
 5. Linevsky, A.M. Karely [The Karelians] / A.M. Linevsky // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. Collected papers. – 1941. – Issue 5. – P. 89–109.
 6. Struve, V.V. Sovetskaja etnografija i ee perspektivy [Soviet ethnography and its prospects] / V.V. Struve // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. Collected papers. – 1939. – Issue 2. – P. 3–10.
 7. Malkova, T.A. Nauchnaja dejatel'nost' D.V. Bubrikha v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945) [D.V. Bubrikh's scientific activity during the Great Patriotic War (1941–1945)] / T.A. Malkova // Evropejskij Sever SSSR v strategii Vtoroj mirovoj vojny (na materialah Komi ASSR) [The European North of the USSR in the strategy of the Second World War (based on the materials of the Komi ASSR)]. – Syktyvkar, 2005. – P. 123–131.
 8. Zherebtsov, I.L. Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra UrO RAN: osnovnye vekhi istorii (k 50-letiyu sozdaniya) [Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences: the main milestones in the history (to the 50th anniversary of its creation)] / I.L. Zherebtsov // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. – 2020. – № 2. – P. 5–27.
 9. Reshetov, A.M. Ternisty put k etnografii i muzeju: stranitsy zhizni T.A. Kryukovoy [The thorny path to ethnography and museum: life pages of T.A. Kryukova] / A.M. Reshetov // Represirovannye etnografy [Repressed ethnographers]. – 2003. – Issue 2. – P. 269–300.
 10. Prytkova, N.F. Otchet o rabote na Severe (1941–1945) [Report on work in the North (1941–1945)] / N.F. Prytkova // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1946. – № 3. – P. 159–161.
 11. Shishkin, N.I. Komi-permjaki. Etnograficheskiy ocherk [The Komi-Permians. Ethnographic essay] / N.I. Shishkin / Ed. Academician A.A. Grigoriev and Academician I.I. Meshchaninov. Institute of Geography of the USSR Academy of Sciences. – Molotov: Molotovgiz, 1947. – 140 p.
 12. Reshetov, A.M. Otdanie dolga. Chast II. Pamayati sotrudnikov Instituta etnografii AN SSSR – voinov Velikoi Otechestvennoi voiny [Last respects payment. Part II. In memory of the members of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences – soldiers of the Great Patriotic War] / A.M. Reshetov // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. – 1995. – № 3. – P. 3–24.
 13. Teryukov, A.I. Istorija etnograficheskogo izuchenija narodov komi [History of ethnographic research of the Komi peoples] / A.I. Teryukov. – Sankt-Petersburg: MAE RAS, 2011. – 514 p.
 14. Alpatov, V.M. Nikolay – Nicholas Poppe / V.M. Alpatov. – Moscow: Vostochnaya literatura, 1996. – 144 p.
 15. Tolstov, S.P. Etnografiya i sovremennost' [Ethnography and modernity] / S.P. Tolstov // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1946. – № 1. – P. 3–11.
 16. Bubrikh, D.V. Proishozhdenie karelskogo naroda: povest o soyuznike i druge russkogo naroda na Severe [The origin of the Karelian people: a tale about an ally and friend of the Russian people in the North] / D.V. Bubrikh. – Petrozavodsk: State. Publ. of the Karelo-Finnish SSR, 1947. – 51 p.
 17. Volkov, N.N. Konferencija po finno-ugorskoj filologii [Conference on Finno-Ugric philology] / N.N. Volkov // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1947. – № 2. – P. 219–221.
 18. Nauchnaya konferencija po voprosam finno-ugorskoj filologii [Scientific conference on Finno-Ugric philology]. January 23 – February 4, 1947: Abstracts of reports / Ed. Corr.-Mem. USSR Academy of Sciences D.V. Bubrikh. – Leningrad, 1947. – 104 p.
 19. Ot redakcii [From the editorial board] // Uchenye zapiski LGU [Scientific notes of the Leningrad State University]. № 105. Series of Oriental Sciences. Issue 2. Soviet Finno-Ugric Studies. Vol. 1 / Ed. Corr.-Mem. USSR Academy of Sciences, Prof. D.V. Bubrikh. – Leningrad, 1948. – P. 3–4.

20. Shitov, N. Ilyal Karelo-Finskoi bazy AN SSSR [Institute of History, Language and Literature of the Karelian-Finnish Base of the USSR Academy of Sciences] / N. Shitov // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – № 1. – P. 229–231.
21. Belitser, V.N. Rabota etnograficheskogo otriada kompleksnoi ekspeditsii v Komi ASSR [The work of the ethnographic team of a complex expedition to the Komi ASSR] / V.N. Belitser // Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR [Brief reports of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR]. – 1947. – Issue 3. – P. 3–12.
22. Zagrebin, A.E. Polevaia etnografia V.N. Belitser: zabytye teksty ekspeditsii k udmurtam, komi i komi-permiakam v 1930–1950-h gg. [Field ethnography of V.N. Belitser: forgotten texts of expeditions to the Udmurts, Komi and Komi-Permians in the 1930s–1950s] / A.E. Zagrebin, V.E. Sharapov // Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. – 2015. – Vol. 4. – P. 139–150.
23. Belitser, V.N. K voprosu o proiskhozhdenii udmurtov (po materialam odezhdy) [On the origin of the Udmurts (based on clothing materials)] / V.N. Belitser // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1947. – № 2. – P. 103–125.
24. Belitser, V.N. K voprosu o proiskhozhdenii besermian (po materialam odezhdy) [On the origin of the Besermians (based on clothing materials)] / V.N. Belitser // In Memory of D.N. Anuchin (1843–1923). Proceedings of the Institute of Ethnography. A new series. Vol. 1. – Moscow-Leningrad, 1947. – P. 183–193.
25. Belitser, V.N. Etnograficheskaya ekspozitsiya v kraevedcheskom muzee Komi ASSR [Ethnographic exposition in the Komi ASSR Museum of Local Lore] / V.N. Belitser // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1946. – № 4. – P. 222.
26. Cheboksarov, N.N. Etnogenez komi po dannym antropologii [Ethnogenesis of Komi people according to the anthropology data] / N.N. Cheboksarov // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1946. – № 2. – P. 51–80.
27. Cheboksarov, N.N. Nekotorye voprosy izucheniya finnougorskih narodov v SSSR (po povodu odnoi nauchnoi konferentsii) [Some questions on the study of Finno-Ugric peoples in the USSR (about one scientific conference)] / N.N. Cheboksarov // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1948. – № 3. – P. 176–185.
28. Bessmertnyi epos karelo-finskogo naroda [The immortal epos of the Karelian-Finnish people] // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1949. – № 2. – P. 3–6.
29. Chistov, K. 100-letie polnogo izdania karelo-finskogo narodnogo eposa "Kalevala" [To the 100th anniversary of the complete edition of the Karelian-Finnish folk epos "Kalevala"] / K. Chistov // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1949. – № 2. – P. 151–153.
30. Potekhin, I.I. Zadachi borby s kosmopolitizmom v etnografii [The tasks of combating the cosmopolitanism in ethnography] / I.I. Potekhin // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1949. – № 2. – P. 7–26.
31. Korbe, O. Obsuzhdenie doklada I.I. Potekhina "Zadachi borby s kosmopolitizmom v etnografii" [Discussion of I.I. Potekhin's report "The tasks of combating the cosmopolitanism in ethnography"] / O. Korbe, G. Stratanovich // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1949. – № 2. – P. 170–177.
32. Bubrikh, D.V. O sovetskom finnougrovedenii [About the Soviet Finno-Ugric studies] / D.V. Bubrikh // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1949. – № 2. – P. 189–196.
33. Cheboksarov, N.N. Eshe raz o nekotorykh voprosakh izucheniya finnougorskih narodov [Once again about some research issues of the Finno-Ugric peoples] / N.N. Cheboksarov // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1949. – № 2. – P. 197–204.
34. Cheboksarov, N.N. K voprosu o proiskhozhdenii narodov ugrofinskoj yazykovoi gruppy [On the issue of the origin of the peoples of the Ugro-Finnic language group] / N.N. Cheboksarov // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1952. – № 1. – P. 36–50.
35. Terentyeva, L.N. Soveshanie po etnografii narodov Sovetskoi Pribaltiki [Meeting on ethnography of the peoples of the Soviet Baltics] / L.N. Terentyeva // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1950. – № 2. – P. 189–193.
36. Belitser, V.N. Etnograficheskaya rabota v Estonskoi SSR v 1949 godu [Ethnographic work in the Estonian SSR in 1949] / V.N. Belitser // Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR [Brief reports of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. – 1950. – Issue 12. – P. 118–129.
37. Belitser, V.N. Rabota Mordovskoi etnograficheskoi ekspeditsii v 1953–1957 godakh [The work of the Mordovian ethnographic expedition in 1953–1957] / V.N. Belitser // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1958. – № 4. – P. 117–128.
38. Alymov, S.S. Tri etyuda o "marrizme" v sovetskoj etnografii [Three etudes on "marrism" in Soviet ethnography] / S.S. Alymov // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. – 2008. – № 6. – P. 79–93.
39. Belitser, V. Protiv antimarksistskikh izvraschenii v izuchenii odezhdy [Against anti-Marxist perversions in research of clothing] / V. Belitser, G. Maslova // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1954. – № 3. – P. 3–11.
40. Kryukova, T.A. Mariiskaya vyshivka [Mari embroidery] / T.A. Kryukova. – Leningrad, 1951. – 195 p.
41. Belitser, V.N. Narodnaya odezhda udmurtov. Materialy k etnogenezu [Folk clothing of the Udmurts. Materials for ethnogenesis] / V.N. Belitser // Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. A new series. Vol. 10. – Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1951. – 142 p.
42. Maslova, G.S. Narodnyi ornament verkhnevolzhskikh karelov [Folk ornament of the Upper Volga Karelians] / G.S. Maslova // Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences. A new series. Vol. 11. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1951. – 139 p.

Благодарность (госзадание)

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах Европейского Севера России (№ государственного учета 122040800166-0).

Информация об авторе:

Загребин Алексей Егорович – профессор РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581> (Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zagreb72@izh.com).

Author:

Aleksei E. Zagrebin – Professor of the RAS, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher at the Institute of Language, Literature and History FRC Komi SC UB RAS, <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581> (Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation, 167982; e-mail: zagreb72@izh.com).

Для цитирования:

Загребин, А.Е. Из истории советского этнографического финно-угроведения 1940–1950-х годов / А.Е. Загребин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 176–184.

For citation:

Zagrebin, A.E. Iz istorii sovetskogo etnograficheskogo finno-ugrovedeniya 1940-1950-h godov [From the history of the Soviet ethnographic Finno-Ugric studies of the 1940s-1950s] / A.E. Zagrebin // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 176–184.

Дата поступления рукописи: 17.02.2023

Прошла рецензирование: 27.02.2023

Принято решение о публикации: 27.02.2023

Received: 17.02.2023

Reviewed: 27.02.2023

Accepted: 27.02.2023

Формирование научной школы профессора А.А. Чернова в Коми филиале АН СССР в 1940–1960-х годах

А.Г. Оседах

Отдел гуманитарных и междисциплинарных исследований
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
nastya_osedah@mail.ru

Аннотация

Объектом исследования статьи является научно-исследовательская, научно-организационная деятельность ученых, научных сообществ и школ в отечественной науке. Предмет исследования – история становления научной школы доктора геолого-минералогических наук А.А. Чернова в Коми филиале АН СССР в 1940–1960-е гг. В статье автор анализирует период формирования научной школы, определяет учеников А.А. Чернова, область научных исследований и результаты представителей школы, прослеживает ее роль в истории академического учреждения. Результатом деятельности А.А. Чернова и его учеников в Коми филиале АН СССР являются геологическая изученность европейского Северо-Востока России, развитие научных направлений, а также создание Института геологии Коми филиала АН СССР, который успешно функционирует с 1958 г. по настоящее время.

Ключевые слова:

А.А. Чернов, научная школа, геологические исследования, Коми филиал Академии наук СССР, европейский Север России

В современной отечественной науке происходят институциональные преобразования, связанные с процессами реформирования Российской академии наук. Перед научным сообществом стоят задачи сохранения и приумножения научных знаний, опыта, исследовательского потенциала. В связи с этим возникает необходимость обращения к изучению опыта прошлого через исследования истории становления, развития, функционирования научных институтов и коллективов, созданных для решения научных задач. Анализ накопленного опыта необходим для определения и оценки вклада в науку, выявления новых перспективных направлений. Одним из эффективных объединений ученых для решения конкретных научно-исследовательских задач на протяжении длительного периода времени остаются научные школы. Соединяя пе-

Formation of the Scientific School of Professor A.A. Chernov at the Komi Branch of the Academy of Sciences of the USSR in the 1940s–1960s

A.G. Osedakh

Department of Humanitarian Interdisciplinary Studies, Federal
Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
nastya_osedah@mail.ru

Abstract

This study aims at the research and organizational activities of scientists, scientific communities and schools in the Russian science. The paper surveys the formation history of the Scientific School supervised by Doctor of Geological and Mineralogical Sciences A.A. Chernov at the Komi Branch of the Academy of Sciences of the USSR in the 1940s–1960s. The author analyzes the formation period of the Scientific School, identifies the disciples of A.A. Chernov, the area of scientific research and the results of the representatives of the school, its role in the history of the academic institution. The result of A.A. Chernov and his disciples at the Komi Branch of the Academy of Sciences of the USSR are the geological knowledge of the European North-East of Russia, development of scientific directions, and establishment of the Institute of Geology of the Komi Branch of the Academy of Sciences of the USSR that has been successfully operating since 1958 to the present.

Keywords:

A.A. Chernov, Scientific School, geological studies, Komi Branch of the Academy of Sciences of the USSR, European North of Russia

дагогическую и исследовательскую функции, они способствуют подготовке кадров, сохранению преемственности научных поколений, возникновению нового знания. При многих высших учебных заведениях, научно-исследовательских институтах, федеральных исследовательских центрах успешно функционируют и развиваются научные школы. В отечественной историографии к обоснованию и исследованию научных школ как феноменального явления в развитии науки ученые обратились в 1970-х гг. Это было связано с развитием в СССР в 1960–1970-х гг. новой дисциплины – науковедения. С этого времени начали появляться исследования о деятельности творческих коллективов в науке. В 1977 г. была издана коллективная монография «Школы в науке» [1] под редакцией советских историков науки С.Р. Микулинского и М.Г. Ярошевского и

ученых из ГДР Г. Кребера и Х. Штайнера. Заметный рост публикаций о научных школах начался с 1990-х гг. В связи с развитием государственного финансирования ведущих научных школ возникла необходимость формализовать определение, описать критерии и показатели научных школ, представить классификацию, степень их значимости и перспективности для науки в целом [2–4]. К основным критериям научных школ можно отнести наличие научного лидера, который сплачивает вокруг себя начинающих исследователей, научно-исследовательской программы или общности научных интересов, преемственности научных поколений, основных научных результатов представителей школы, их вклада в развитие определенных наук, направлений.

В последние десятилетия историки науки обращаются к изучению истории формирования и развития научных школ академических учреждений и высших учебных заведений. В ФИЦ Коми НЦ УрО РАН за более 75-летний период оформились школы в геологии, биологии, химии, физиологии и других научных направлениях [5–7]. Одной из старейших является школа доктора геолого-минералогических наук, исследователя европейского Северо-Востока России А.А. Чернова (1877–1963). Жизнь и научная деятельность А.А. Чернова отражена в трудах и воспоминаниях его коллег, учеников [8–10]. Основное внимание исследователей сконцентрировано на научной биографии А.А. Чернова и научной школе, которую он сформировал на Московских высших женских курсах в 1910–1918 гг. [11–12]. В литературе представлены только единичные работы, в которых рассматривалась академическая научная школа [13].

Документы по истории научной школы А.А. Чернова – основные источники исследования, сохранились в фондах Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Они сосредоточены в фондах Президиума Коми НЦ УрО РАН, его подразделений, Института геологии и в составе личных фондов геологов: В.А. Варсановичевой, А.И. Елисеева, В.И. Чалышева, В.А. Черных, А.А. Чернова, М.В. Фишмана и Н.Н. Кузьковой, которые ранее не были изучены в данном контексте. В процессе анализа архивных документов были выделены следующие группы – делопроизводственная (протоколы заседаний, планы и программы научно-исследовательских работ, годовые и промежуточные отчеты, справки о научно-исследовательской деятельности и др.) и научная (научные отчеты, рукописи научных трудов, полевые дневники и др.) документации, личного происхождения (письма, фотографии, воспоминания и др.).

Цель настоящей статьи – комплексный анализ становления научной школы А.А. Чернова в Коми филиале АН СССР в 1940–1960-е гг., который предполагает определение кадрового потенциала, областей научных исследований, достижений представителей школы, определение ее роли в истории академического учреждения.

История формирования научной школы А.А. Чернова в стенах первого академического учреждения в Республике Коми начинается с 1944 г. В 1941 г. в Сыктывкар были эвакуированы Северная и Кольская базы Академии наук и объединены в Базу АН СССР по изучению Севера. После эвакуации Базы в 1944 г. в Сыктывкаре была образована

База АН СССР в Коми АССР, в 1949 г. преобразована в Коми филиал АН СССР. С 1941 по 1958 г. А.А. Чернов руководил геологическим отделом. До начала Великой Отечественной войны и эвакуации в Сыктывкар у него был накоплен достаточный багаж геологических знаний о данной территории, проведены самостоятельные научно-поисковые работы в экспедициях на европейском Северо-Востоке СССР. С 1921 г. он регулярно проводил исследования в бассейне р. Печоры, участвовал в работах Северной научно-промысловой экспедиции НТО ВСНХ, Геологического комитета ВСНХ и других учреждений. А.А. Чернов в 1936 г. был назначен заведующим геологического сектора Северной базы АН СССР. Под его руководством сектор осуществлял изучение девонских отложений Северного Тимана и пермских отложений бассейна Северной Двины с целью поиска и разведки полезных ископаемых [14, с. 118].

На момент организации Базы АН СССР в Коми АССР в составе геологического отдела были два сектора (минерально-петрографический, стратиграфии и палеонтологии), аналитическая лаборатория, шлифовальная мастерская [15, л. 9]. В годы Великой Отечественной войны деятельность отдела была направлена на изыскания минерального сырья (нефти, железных руд, цветных металлов, минеральных солей, строительных материалов), необходимого для оборонной промышленности. С 1944 г. разрабатывались исследования с целью выяснения структурно-геологических предпосылок для поисков полезных ископаемых Северо-Востока европейской части СССР и обоснования расширения поисково-разведочных работ на железные, полиметаллические и другие руды Печорского Урала [15, л. 4]. В связи с отъездом многих ученых на прежние места работы или переходом в центральные академические учреждения, отдел был малочисленным. В 1945 г. штат отдела состоял из заведующего и старшего научного сотрудника, кандидата геологических наук М.А. Плотнокова [15, л. 9]. К работе в отдел А.А. Чернов привлекал своих коллег и учеников из ведущих научных организаций СССР в качестве научных консультантов докторов наук В.А. Варсановичеву, Д.М. Раузер-Черноусову, М.И. Шульгу-Нестеренко, И.А. Преображенского и др. [16].

С окончанием войны отдел пополнился новыми сотрудниками. Среди них были и выпускники вузов, формирование профессиональных качеств которых проходило под руководством и влиянием А.А. Чернова, и уже состоявшиеся ученые. Александр Александрович как научный лидер сплачивал вокруг себя молодых исследователей, передавая им свои знания, опыт. В 1946 г. на работу были приняты старший научный сотрудник В.А. Теряев и три младших научных сотрудника Л.Н. Моница, П.Д. Калинин и А.И. Першина, в 1947 г. – два младших научных сотрудника Н.Н. Кузькокова и А.П. Хаустов [15, л. 9].

Однако геологический отдел оставался малочисленным, не хватало квалифицированных специалистов для выполнения научных исследований. Проблема с привлечением ученых в геологический отдел Коми филиала АН СССР была связана с тем, что работы велись в трудных условиях северных районов, но это не предоставляло молодым сотрудникам тех преимуществ, которые они могли

иметь в других геологических организациях. Для устранения указанного пробела, по мнению А.А. Чернова, был один надежный путь, но он мог дать результат только в течение ряда лет. Он считал, что «при длительной систематической работе, с участием в полевых исследованиях, они обещают вырасти в нужных нам специалистов и едва ли оставят свою работу в Республике, так как тесно связаны с ней и по национальности и по своим семейным связям» [17, л. 8–9]. Еще одно затруднение в привлечении новых сотрудников состояло в недостаточном финансировании полевых исследований. Данная проблема стояла не только перед геологическим сектором и Базой АН СССР в Коми АССР. Она была актуальна для многих научных учреждений в военный и восстановительный периоды страны. Академией наук СССР было принято решение о закреплении практики подготовки специалистов на местах. После войны был взят курс на активное использование местных кадров, что особенно было характерно для вновь созданных баз Академии наук СССР на Дальнем Востоке, в Дагестане и Коми АССР [18, с. 3–4].

Значительную роль в формировании кадрового состава отдела сыграла аспирантура, которая начала функционировать при Базе АН СССР в Коми АССР с 1945 г. Аспирантами становились выпускники Коми государственного педагогического института и Карело-Финского государственного университета, эвакуированного в начале войны в Сыктывкар, демобилизованные офицеры и солдаты [18, с. 4–5]. Однако из-за недобора в аспирантуру в начале 1950-х гг. руководство филиала приняло решение искать молодых специалистов по всей стране [19, л. 96–103]. Так приглашали одного или нескольких выпускников по определенной специальности с учетом разрабатываемых и перспективных научных тем. Приоритетным направлением в послевоенный период было изучение природных ресурсов Коми АССР, поэтому в первую очередь принимали биологов, геологов, географов [18, с. 5].

Первыми аспирантами в геологическом секторе академического учреждения стали А.И. Першина и З.П. Майская (Михайлова). Антониды Ивановна поступила в аспирантуру в 1947 г., Заря Петровна в 1948 г. была зачислена на подготовительный курс, на следующий год переведена в «кандидатскую аспирантуру» Коми филиала АН СССР [20, л. 12, 27]. Они были выпускницами Карело-Финского государственного университета. Научными руководителями А.И. Першиной был назначен А.А. Чернов, З.П. Майской – Д.М. Раузер-Черноусова. В основном руководство осуществлял Александр Александрович как заведующий сектором, так и по причине фактического проживания Дагмары Максимилиановны в Москве. В 1949 г. все аспиранты Коми филиала АН СССР были распределены по секторам, получив рабочие места. Они занимались научно-исследовательской работой под непосредственным руководством заведующих секторов, на которых возлагалась ответственность за их научную подготовку [21, л. 36]. О наличии данной практики в учреждении негативно высказывался геолог В.В. Меннер. В отзыве на отчет геологического отдела Коми филиала АН СССР за 1948 г. он подчеркивал, что на рост молодых кадров крайне вредно влияет отсутствие повседневного высококвалифи-

цированного руководства, так как А.А. Чернов, несмотря на самоотверженную работу по Базе, не мог полностью обеспечить всех сторон геологической работы [22, л. 3–4]. В.В. Меннер считал, что для научных сотрудников необходимо организовывать систематические командировки в центральные институты АН СССР, где они могли работать в библиотеках, лабораториях, консультироваться со специалистами, повышать квалификацию. По мере финансовых возможностей сектор изыскивал средства для аспирантов и направлял их в командировки, экспедиции. Так, например, аспирант З.П. Майская в первый подготовительный год учебы была командирована с февраля по апрель 1948 г. в Москву для консультации по теме с Д.М. Раузер-Черноусовой. Во время поездки она занималась определением родов фораминифер по учебным шлифам музея Института геологических наук АН СССР. Кроме этого, выполнила несколько видовых определений каменноугольных фораминифер с р. Печорская Пижма [20, л. 22].

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. геологический отдел Коми филиала АН СССР пополнился новыми сотрудниками. В отдел были приняты после окончания Карело-Финского государственного университета В.И. Сорвачева (Есева) (1947) и А.И. Елисеев (1952), Новочеркасского государственного института им. Орджоникидзе М.В. Фишман (1948), Пермского государственного университета Н.В. Калашников (1954). В 1957 г. в Коми филиал АН СССР были зачислены четыре новых сотрудника В.А. Молин, В.И. Чалышев, В.А. Чермных, окончившие Саратовский государственный университет, и выпускник Казанского педагогического института Б.И. Гуслицер. Многие из молодых сотрудников отдела поступили в аспирантуру Коми филиала АН СССР. Под руководством А.А. Чернова обучались А.И. Елисеев, М.В. Фишман, В.И. Чалышев. В.А. Варсанюфьева координировала исследования аспирантов Б.И. Гуслицера, Н.Н. Кузьковой, В.А. Чермных.

Как свидетельствуют эпистолярные источники и воспоминания учеников, А.А. Чернов как руководитель содействовал профессиональному развитию молодых сотрудников, поддерживал их научные стремления. Взаимоотношения между ними были доверительные, дружеские. Он в их памяти остался внимательным, доброжелательным, отзывчивым. Благодаря высокому научному авторитету Чернова, для его учеников была открыта возможность общения со многими известными учеными СССР. «Стоило сказать, что "я от А.А. Чернова", – и вам всегда был гарантирован самый доброжелательный прием», – вспоминал М.В. Фишман [23, с. 25]. Для молодых сотрудников Александр Александрович находил консультантов, научных руководителей. Заметив интерес Н.В. Калашникова к палеонтологии, он направил его на первую сессию Палеонтологического общества СССР (1955), написал рекомендательное письмо для прохождения консультаций в Палеонтологическом институте в Москве [24, с. 235]. При определении тем исследований почти все они советовались с А.А. Черновым и прислушивались к его пожеланиям. Младший научный сотрудник В.А. Молин при выборе своего научного пути также обратился к Александру Александровичу. Он посоветовал ему продолжать исследова-

ние пермской системы и обратить внимание на ее палеонтологию. Название диссертации В.А. Молин определил вместе с А.А. Черновым. По личной просьбе Александра Александровича его научным руководителем был назначен Б.Б. Родендорф, доктор биологических наук, заведующий лабораторией членистоногих Палеонтологического института АН СССР [25, с. 241–242].

Однако А.А. Чернов не занимался мелочной опекой учеников, не навязывал им своих убеждений, предоставлял самостоятельность в научной работе. По воспоминаниям М.В. Фишмана, после основных рекомендаций он давал почти полную свободу в выборе объектов исследований, методик, но всегда требовал широкого подхода к проблеме, глубокого изучения и знания общей геологической обстановки, на фоне которой уже решались конкретные, более узкие задачи [26, с. 228]. Все научные работы молодых сотрудников Александр Александрович обязательно внимательно читал и редактировал. В целом он очень был терпим к их работам, но в то же время бескомпромиссен и высоко требователен к старшим [23, с. 25]. Ученики делились с А.А. Черновым вопросами частного характера, своими переживаниями и успехами после защит диссертационных исследований. Это отразилось в переписке между ними. Так, например, в письме А.И. Першиной от 13 февраля 1959 г. можно прочесть следующее «Глубокоуважаемый Александр Александрович! Благодаря Вашим заботам я, наконец, защитила эту "многострадальную" диссертацию» [27, л. 4].

Таким образом, учениками А.А. Чернова в Коми филиале АН СССР можно считать не только тех, кто обучался в аспирантуре и подготовил диссертационные исследования под его руководством, но и сотрудников, которые начинали свою трудовую и научную деятельность в геологическом отделе, а именно – первое поколение геологов Коми филиала АН СССР.

В 1940–1960-е гг. в геологическом отделе под руководством А.А. Чернова сотрудники продолжают исследования в области региональной геологии, стратиграфии, палеонтологии, геоморфологии и начинают работы по петрографии, литологии, геотектонике и др. С 1950-х гг. научно-исследовательскими учреждениями страны начинается углубленное изучение сырьевых ресурсов северных районов Урала и Северо-Востока европейской части России. В эти работы включился и отдел геологии Коми филиала АН СССР, о чем свидетельствуют научные и диссертационные работы сотрудников. Тематика исследований аспирантов отдела основывалась на материалах, которые были важны для Коми филиала АН СССР и Коми АССР. Темы утверждали согласно плановым заданиям отдела. Учитывая, что отдел фактически выполнял «заказ» государственных структур республики, темы имели конкретную практическую направленность. А.И. Першина проводила исследования на реках Щугор, Илыч, Подчерем и Малый Паток, изучая девонские и силурийские отложения и перспективы обнаружения в них железных руд и бокситов. Н.Н. Кузьковой было проведено изучение стратиграфии, литологии и условий образований нижнепермских отложений правобережья средней Печоры. М.В. Фишман исследовал геологи-

ческое строение, магматизм и металлогению Приполярного и Полярного Урала, Пай-Хоя, Новой Земли, Северного Тимана. Диссертация А.И. Елисеева была посвящена стратиграфии и литологии каменноугольных отложений гряды Чернышева.

Необходимо также отметить работу коллектива отдела геологии по подготовке первого тома монографии «Производительные силы Коми АССР» «Геологическое строение и полезные ископаемые Коми АССР». В связи с 30-летием образования Коми АССР возникла потребность подвести итоги научных исследований природных условий, ресурсов республики в различных отраслях науки. Составление обобщающей научной работы было вызвано также и тем, что большая часть полученных данных в период промышленного и хозяйственного освоения республики не была опубликована, что затрудняло планирование дальнейших научно-исследовательских, производственных работ, направленных на использование и развитие производительных сил региона [28, л. 7–8]. Монография должна была устранить этот недостаток, представить систематически научно обоснованный материал, который оказал бы помощь различным предприятиям и ведомствам в освоении природных богатств республики при внедрении достижений науки в практику.

В 1948 г. в Базе АН СССР в Коми АССР была начата работа над созданием фундаментального научного издания «Производительные силы Коми АССР». Структура коллективной монографии включала разделы, посвященные геологическому строению и полезным ископаемым, климату, воде, почве, растительности и животному миру, народному хозяйству. Уже в 1946 г. в план геологического отдела была включена двухлетняя работа на тему «Геологическое строение и полезные ископаемые Коми АССР» [17, л. 1]. А.А. Чернов начал составлять сводку материалов из собственных прежних исследований и изучений литературных и фондовых материалов, находящихся в Ухте, Воркуте и Архангельске. Обобщение этих материалов должно было привести к выводам относительно дальнейшего направления поисков и разведок разнообразных минеральных ресурсов республики [15, л. 7]. Работа велась в течение полутора лет, с 1949 по 1950 гг., под руководством А.А. Чернова. Согласование структуры монографии, общее редактирование, написание многих глав было выполнено лично Александром Александровичем. Сотрудники отдела геологии Коми филиала АН СССР В.А. Варсанофьева и П.Д. Калинин были авторами отдельных глав, подразделов о геоморфологии, геологическом строении, полезных ископаемых Коми АССР. М.В. Фишман и Н.Н. Кузькова составили геологическую карту и карту полезных ископаемых Коми АССР. В работе, опубликованной в 1953 г., были подведены итоги геологического изучения Северо-Востока Европейской части СССР с 1920-х до 1950-х гг., дан детальный анализ существующих представлений о геологическом строении региона и известных полезных ископаемых и была намечена развернутая программа дальнейших исследований. Монография была высоко оценена в научном сообществе. Президиум АН СССР в 1952 г. наградил А.А. Чернова золотой медалью им. А.П. Карпинского [29].

Одним из основных результатов деятельности А.А. Чернова и его учеников в Коми филиале АН СССР было создание Института геологии в июле 1958 г. В 1949 г. в период обсуждения структуры Коми филиала АН СССР Александр Александрович предложил организовать на базе отдела геологии институт. Он подготовил проект будущего Геологического института, который должен был состоять из трех отделов, химико-аналитической лаборатории, шлифовальной мастерской и геологического музея [30, л. 1–2]. Он считал возможным его открытие уже в 1951 г., при условии выделения сектору не менее пяти дополнительных штатных единиц [23, с. 25]. Однако из-за ряда причин, в том числе финансовых, создание института было отложено на несколько лет. В 1957 г. А.А. Чернов вновь выступил с ходатайством в Президиум АН СССР об образовании Геологического института в составе филиала. Создание института было необходимо, так как центр академической геологической науки был важен региону, минерально-сырьевая база которого становилась основой его экономики, и будущее республики в значительной степени определялось результатами геологических исследований. В Коми филиале АН СССР был сформирован определенный исследовательский потенциал, и отдел геологии представлял высокопрофессиональный коллектив [31, с. 3]. Институт должен был проводить изучение геологического строения Коми АССР и прилегающей к ней Архангельской области и выявления закономерностей размещения полезных ископаемых (угля, нефти, газа, цветных металлов, редких элементов и др.) [32, л. 320–321]. В силу преклонного возраста А.А. Чернов, которому на тот момент был 81 год, не мог возглавить институт, но был назначен руководителем лабораторий геоморфологии и четвертичной геологии, с 1961 г. вплоть до своей кончины – палеонтологии и споро-пыльцевого анализа. Директором института был назначен доктор геолого-минералогических наук Ю.П. Ивенсен. Кадровую основу института составили ученики А.А. Чернова. Они возглавили созданные лаборатории, развивали новые научные направления. По мнению М.В. Фишмана, который после Ю.П. Ивенсена возглавлял институт в 1961–1985 гг., Александр Александрович по праву стоит первым в числе его организаторов, так как под его руководством были подготовлены основные кадры будущего института и все необходимые предпосылки для вполне логичного преобразования сектора геологии в институт [23, с. 26].

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что в период работы в Коми филиале АН СССР благодаря направленной и активной деятельности А.А. Чернова был подготовлен коллектив специалистов – геологов, палеонтологов, стратиграфов и других, которые стали кадровым ядром его научной школы. Основы школы были заложены в период образования геологического отдела в Коми филиале АН СССР в 1940-х гг. и поступления молодых сотрудников на работу, начинавших трудовой и научный путь под его руководством. Ученики А.А. Чернова проводили стратиграфические, литологические, петрографические, палеонтологические исследования на Приполярном и Полярном Урале, Тимане, Пай-Хое. Научная школа А.А. Чернова внесла существенный вклад в изучение и освоение

территории северных территорий России. Результатом их деятельности является геологическая изученность территории европейского Северо-Востока России. Школа А.А. Чернова стала первым звеном в организации крупного академического научного центра на европейском Севере России. В настоящее время в Институте геологии им. академика Н.П. Юшкина ФИЦ Коми НЦ УрО РАН работают уже ученики учеников А.А. Чернова, которые, сохраняя традиции предшественников, развивают новые научные направления, готовят новые научные кадры.

Источники и литература

1. Школы в науке / под. ред. С.Р. Микулинского. – Москва: Наука, 1977. – 524 с.
2. Первозванский, А.А. Объективные признаки научной школы / А.А. Первозванский // Академические научные школы Санкт-Петербурга. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 208–212.
3. Куперштох, Н.А. Научные школы России и Сибири: проблемы изучения / Н.А. Куперштох // Философия науки. – 2005. – № 2. – С. 93–106.
4. Арпентьева, М.Р. Научные школы в истории научного творчества / М.Р. Арпентьева // Время науки – The Times of Science. – 2015. – № 4. – С. 12–17.
5. Рощевский, М.П. Коми научный центр Уральского отделения РАН: вклад в фундаментальную науку / М.П. Рощевский, Н.В. Ладанова // Академическая наука в Республике Коми: потенциал и возможности. Вестник Коми научного центра УрО РАН. – Сыктывкар, 1999. – Вып. 15. – С. 14–20.
6. Самарин, А.В. История Коми научного центра Уральского отделения АН СССР: становление и развитие (1944–1991) / А.В. Самарин. – Сыктывкар: Издательство Коми научного центра УрО РАН, 2006. – 236 с.
7. Научные школы // Основные итоги научно-исследовательской и научно-организационной деятельности Коми научного центра УрО РАН за 2013 г. – Сыктывкар, 2014. – С. 78–83.
8. Варсанюфьева, В.А. Александр Александрович Чернов / В.А. Варсанюфьева // Сборник трудов по геологии и палеонтологии. – Сыктывкар, 1960. – С. 5–28.
9. Александр Александрович Чернов / под. ред. А.И. Елисеева. – Санкт-Петербург: Наука, 1995. – 255 с.
10. Елисеев, А.И. Профессор Александр Александрович Чернов / А.И. Елисеев. – Сыктывкар: Геопринт, 2002. – 60 с.
11. Наливкин, Д.В. Александр Александрович Чернов и черновская группа / Д.В. Наливкин // Наши первые женщины-геологи. – Ленинград: Наука, 1979. – С. 75–85.
12. Барская, В.Ф. Роль А.А. Чернова, В.А. Варсанюфьевой и их школы в изучении Печорского края / В.Ф. Барская // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел геологический. – 1980. – Т. 55. – Вып. 4. – С. 114–122.
13. Елисеев, А.И. Черновская школа и ее роль в изучении геологии Европейского Северо-Востока России / А.И. Елисеев // Геология и минеральные ресурсы Европейского Северо-Востока России. – Сыктывкар, 1999. – Т. 4. – С. 271.

14. Бровина, А.А. Северная База АН СССР в истории освоения европейского Севера России (1933–1941 гг.) / А.А. Бровина // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 438. – С. 112–123. DOI: 10.17223/15617793/438/15
15. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (далее – НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 91. – 100 л.
16. Юхтанов, П.П. Навечно зачислен в списки Коми научно-го центра ... К 130-летию со дня рождения профессора Ивана Александровича Преображенского (1878–1956) // Вестник Института геологии Коми НЦ УрО РАН. – 2008. – № 4. – С. 26–31.
17. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 103. – 11 л.
18. Роцевская, Л.П. Подготовка научных кадров в Коми научном центре УрО РАН (1945–2011 гг.): сборник документов и материалов. Вып. 1. / Л.П. Роцевская, А.А. Бровина, А.В. Самарин, Э.Г. Чупрова. – Сыктывкар, 2004. – 114 с.
19. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 431. – 237 л.
20. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 1. – Оп. 19. – Д. 223. – 46 л.
21. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 133. – 377 л.
22. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 269. – 4 л.
23. Фишман, М.В. Александр Александрович Чернов – организатор Института геологии Коми НЦ УрО РАН / М.В. Фишман // Вестник Института геологии Коми НЦ УрО РАН. – 2002. – № 11. – С. 24–26.
24. Калашников, Н.В. Воспоминания об А.А. Чернове / Н.В. Калашников // Александр Александрович Чернов. – Санкт-Петербург: Наука, 1995. – С. 234–237.
25. Молин, В.А. Воспоминания об А.А. Чернове / В.А. Молин // Александр Александрович Чернов. – Санкт-Петербург: Наука, 1995. – С. 240–243.
26. Фишман, М.В. Воспоминания об А.А. Чернове / М.В. Фишман // Александр Александрович Чернов. – Санкт-Петербург: Наука, 1995. – С. 228–230.
27. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 379. – 4 л.
28. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 170. – 398 л.
29. О присуждении золотой медали и премии им. А.П. Карпинского 1952 г. // Известия Академии наук СССР. Серия геологическая. – 1953. – № 1. – С. 168.
30. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 205. – 2 л.
31. Юшкин, Н.П. Институту геологии пятьдесят лет / Н.П. Юшкин // Вестник Института геологии Коми НЦ УрО РАН. – 2008. – № 11. – С. 1–5.
32. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. – Ф. 1. – Оп. 18. – Д. 93. – 646 л.
4. Arpentyeva, M.R. Nauchnye shkoly v istorii nauchnogo tvorchestva [Scientific schools in the history of scientific creativity] / M.R. Arpentyeva // Vremya nauki [Time of Science]. – 2015. – № 4. – P. 12–17.
5. Roshchevsky, M.P. Komi nauchnyj centr Ural'skogo ot-deleniya RAN: vklad v fundamental'nuyu nauku [Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences: contribution to fundamental science] / M.P. Roshchevsky, N.V. Ladanova // Akademicheskaya nauka v Respublike Komi: potencial i vozmozhnosti. Vestnik Komi nauchnogo centra URO RAN [Academic science in the Komi Republic: potential and opportunities. Bulletin of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences] – Vol. 15. – Syktyvkar, 1999. – P. 14–20.
6. Samarin, A.V. Istoriya Komi nauchnogo centra Ural'skogo ot-deleniya AN SSSR: stanovlenie i razvitie (1944–1991) [History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR: Formation and Development (1944–1991)] / A.V. Samarin. – Syktyvkar, 2006. – 236 p.
7. Nauchnye shkoly [Scientific schools] // Osnovnye itogi nauchno-issledovatel'skoj i nauchno-organizacionnoj deyatel'nosti Komi nauchnogo centra URO RAN za 2013 g. [The main results of research and organizational activities of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2013] – Syktyvkar, 2014. – P. 78–83.
8. Varsanofyeva, V.A. Aleksandr Aleksandrovich Chernov [Alexander Alexandrovich Chernov] / V.A. Varsanofyeva // Sbornik trudov po geologii i paleontologii [Collection of works on geology and paleontology]. – Syktyvkar, 1960. – P. 5–28.
9. Aleksandr Aleksandrovich Chernov [Alexander Alexandrovich Chernov] / Ed. A.I. Eliseev. – Sankt-Petersburg: Nauka, 1995. – 255 p.
10. Eliseev, A.I. Professor Aleksandr Aleksandrovich Chernov [Professor Alexander Alexandrovich Chernov] / A.I. Eliseev. – Syktyvkar, 2002. – 60 p.
11. Nalivkin, D.V. Aleksandr Aleksandrovich Chernov i chernovskaya gruppa [Alexander Alexandrovich Chernov and the Chernov group] / D.V. Nalivkin // Nashi pervye zhen-shchiny-geologi [Our first women geologists]. – Lenin-grad: Nauka, 1979. – P. 75–85.
12. Barskaya, V.F. Rol' A.A. Chernova, V.A. Varsanofyevoy i ih shkoly v izuchenii Pechorskogo kraja [Role of A.A. Chernov, V.A. Varsanofyeva and their schools in the study of the Pechora region] / V.F. Barskaya // Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelej prirody. Otdel Geologicheskii [Bulletin of the Moscow Society of Naturalists: Geology]. – 1980. – Vol. 55. – № 4. – P. 114–122.
13. Eliseev, A.I. Chernovskaya shkola i ee rol' v izuchenii geologii Evropejskogo Severo-Vostoka Rossii [The Chernov school and its role in the study of the geology of the European North-East of Russia] / A.I. Eliseev // Geologiya i mineral'nye resursy Evropejskogo Severo-Vostoka Rossii [Geology and mineral resources of the European North-East of Russia]. – Syktyvkar, 1999. – Vol. 4. – P. 271.
14. Brovina, A.A. Severnaya Baza AN SSSR v istorii osvoeniya evropejskogo Severa Rossii (1933–1941 gg.) [The

References

1. Shkoly v nauke [Schools in science] / Ed. S.R. Mikulinsky. – Moscow: Nauka, 1977. – 523 p.
2. Pervozvansky, A.A. Obyektivnye priznaki nauchnoj shkoly [Objective signs of a scientific school] / A.A. Pervozvansky // Akademicheskie nauchnye shkoly Sankt-Peterburga [Academic scientific schools of Sankt Petersburg]. – Sankt-Petersburg, 1998. – P. 208–212.
3. Kupershtokh, N.A. Nauchnye shkoly Rossii i Sibiri: problemy izucheniya [Scientific schools in Russia and Siberia: study problems] / N.A. Kupershtokh // Filosofiya nauki [Philosophy of Science] – 2005. – № 2. – P. 93–106.

- Northern Base of the Academy of Sciences of the USSR in the history of development of the Russian European North (1933-1941)] / A.A. Brovina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]. – 2019. – № 438. – P. 112-123. DOI: 10.17223/15617793/438/15
15. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. – Fonds 1. – Inventory 1. – File 91. – 100 sheets.
 16. Yukhtanov, P.P. Navechno zachislen v spiski Komi nauchnogo centra... K 130-letiyu so dnya rozhdeniya professora Ivana Aleksandrovicha Preobrazhenskogo [Forever enrolled in the lists of the Komi Science Centre... On the 130th anniversary of the birth of Professor Ivan Alexandrovich Preobrazhensky] (1878-1956) / P.P. Yukhtanov // Vestnik Instituta geologii Komi NC URO RAN [Bulletin of the Institute of Geology of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. – 2008. – № 4. – P. 26-31.
 17. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. – Fonds 1. – Inventory 1. – File 103. – 11 sheets.
 18. Roshchevskaya, L.P. Podgotovka nauchnykh kadrov v Komi nauchnom centre URO RAN (1945-2011 gg.): Sbornik dokumentov i materialov. Vyp. 1. [Training of the scientific personnel at the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (1945-2011): Collection of documents and materials. Issue 1] / L.P. Roshchevskaya, A.A. Brovina, A.V. Samarin, E.G. Chuprova. – Syktyvkar, 2004. – 114 p.
 19. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. – Fonds 1. – Inventory 1. – File 431. – 237 sheets.
 20. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. – Fonds 1. – Inventory 19. – File 223. – 46 sheets.
 21. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. – Fonds 1. – Inventory 1. – File 133. – 377 sheets.
 22. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. – Fonds 7. – Inventory 1. – File 269. – 4 sheets.
 23. Fishman, M.V. Aleksandr Aleksandrovich Chernov – organizator Instituta geologii Komi NC URO RAN [Alexander Alexandrovich Chernov – the organizer of the Institute of Geology, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences] / M.V. Fishman // Vestnik Instituta geologii Komi NC URO RAN [Bulletin of the Institute of Geology of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. – 2002. – № 11. – P. 24-26.
 24. Kalashnikov, N.V. Vospominaniya ob A.A. Chernove [Memories about A.A. Chernov] / N.V. Kalashnikov // Aleksandr Aleksandrovich Chernov [Alexander Alexandrovich Chernov]. – Sankt-Petersburg: Nauka, 1995. – P. 234-237.
 25. Molin, V.A. Vospominaniya ob A.A. Chernove [Memories about A.A. Chernov] / V.A. Molin // Aleksandr Aleksandrovich Chernov [Alexander Alexandrovich Chernov]. – Sankt-Petersburg: Nauka, 1995. – P. 240-243.
 26. Fishman, M.V. Vospominaniya ob A.A. Chernove [Memories about A.A. Chernov] / M.V. Fishman // Aleksandr Aleksandrovich Chernov [Alexander Alexandrovich Chernov]. – Sankt-Petersburg: Nauka, 1995. – P. 228-230.
 27. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. – Fonds 7. – Inventory 1. – File 379. – 4 sheets.
 28. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. – Fonds 1. – Inventory 1. – File 170. – 398 sheets.
 29. O prisuzhdenii zolotoj medal i premii im. A.P. Karpinskogo 1952 g. [On awarding the A.P. Karpinsky gold medal] // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya geologicheskaya [Proc. of the USSR Academy of Sciences: Geology]. – 1953. – № 1. – P. 168.
 30. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. – Fonds 7. – Inventory 1. – File 205. – 2 sheets.
 31. Yushkin, N.P. Institutu geologii pyat'desyat let [The 50th anniversary of the Institute of Geology] / N.P. Yushkin // Vestnik Instituta geologii Komi NC URO RAN [Bulletin of the Institute of Geology of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. – 2008. – № 11. – P. 1-5.
 32. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the FRC Komi SC UB RAS]. – Fonds 1. – Inventory 18. – File 93. – 646 sheets.

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Информация об авторе:

Оседах Анастасия Григорьевна – младший научный сотрудник Отдела гуманитарных междисциплинарных исследований ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми

научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24; e-mail: nastya_osedah@mail.ru).

Author:

Anastasiya G. Osedakh – Junior Researcher at the Department of Humanitarian Interdisciplinary Studies FRC Komi SC UB RAS (Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 24 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Russian Federation, 167982; e-mail: nastya_osedah@mail.ru).

Для цитирования:

Оседах, А.Г. Формирование научной школы профессора А.А. Чернова в Коми филиале АН СССР в 1940–1960-х годах / А.Г. Оседах // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 185–192.

For citation:

Osedakh, A.G. Formirovanie nauchnoj shkoly professora A.A. Chernova v Komi filiale AN SSSR v 1940–1960-h godakh [Formation of the Scientific School of Professor A.A. Chernov at the Komi Branch of the Academy of Sciences of the USSR in the 1940s–1960s] / A.G. Osedakh // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2023. – № 1 (59). – P. 185–192.

Дата поступления рукописи: 03.02.2023

Прошла рецензирование: 16.02.2023

Принято решение о публикации: 16.02.2023

Received: 03.02.2023

Reviewed: 16.02.2023

Accepted: 16.02.2023

У истоков становления коми диалектологии как науки¹

А.Г. Мусанов

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
musanov@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

Коми диалектология зародилась в XIX в. в процессе составления первых лексикографических работ и связана с именами известных ученых-исследователей П.И. Савvaitова, Н.П. Попова, Ф.И. Видемана, Г.С. Лыткина и др. Ко второй половине XX столетия лексикографирование коми языка успешно развивалось. В 1960–1980 гг. в научный оборот впервые были введены уникальные диалектологические материалы в виде отдельных монографических работ по верхневыхегодскому, присыктывкарскому, верхнесысольскому, ижемскому, печорскому, нижневыхегодскому, среднесысольскому, лузско-летскому, удорскому диалектам. В этом большая заслуга исследователей, стоявших у истоков коми лингвистической науки. Среди них и Татьяна Ивановна Жилина², квалифицированный специалист в области коми диалектологии и лексикографии, кандидат филологических наук. Накопленные ученым в многочисленных экспедициях в бассейнах рек Вымы, Вычегды, Сысолы, Лузы, Летки, а также в Зауралье и Прикамье лексические материалы, содержащие более 100 тысяч единиц, являются надежной эмпирической базой, национальным словарным фондом коми языка. Несмотря на отсутствие в те времена должного технического оборудования, профессионализм и добросовестное отношение к работе не дают нам сегодня усомниться в верифицированных результатах. Среди финно-угорских центров в России аналогов пока нет и, возможно, в обозримом будущем не предвидится.

Ключевые слова:

пермские языки, коми язык, история, диалект, говор, лексика, лексикология, словарь, Т.И. Жилина, грамматика, фонетика

¹ К 100-летию со дня рождения Т.И. Жилиной, кандидата филологических наук, крупного специалиста в области коми диалектологии и лексикографии.

² Родилась 14 декабря 1923 г. в дер. Тентюково (ныне – часть г. Сыктывкара). По окончании Сыктывкарской средней школы № 1 в 1940–1944 гг. училась на историко-филологическом факультете Коми государственного педагогического института. После его завершения работала в Усть-Цилемской средней школе учителем русского языка и литературы. В 1946 г. Т.И. Жилина обучалась в аспирантуре Базы АН СССР в Сыктывкаре, которую успешно закончила в 1950 г., представив к защите кандидатскую диссертацию на тему «Именные категории верхневыхемских говоров северного диалекта коми языка». После успешной защиты в 1951 г. в Институте языкознания АН СССР поступила на работу в Коми филиал АН СССР, где проработала до 1982 г.

At the origins of the Komi dialectology as a science¹

A.G. Musanov

Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
musanov@mail.illhkomisc.ru

Abstract

The Komi dialectology originated in the XIX century as the scientists compiled their first lexicographic works and is associated with the names of famous researchers P.I. Savvaitov, N.P. Popov, F.I. Videman, G.S. Lytkin and others. Towards the second half of the XX century, the lexicography of the Komi language was a successfully developing scientific sphere. In the 1960s–1980s, unique dialectological materials were first introduced into scientific circulation in form of separate monographic works on the Upper Vychegda, Syktyvkar, Upper Sysola, Izhma, Pechora, Lower Vychegda, Middle Sysola, Luza-Letka, Udora dialects. This was possible by efforts of the researchers who stood at the origins of the Komi linguistic science. One of them is Tatiana Ivanovna Zhilina², a qualified specialist in the field of the Komi dialectology and lexicography, Candidate of Philological Sciences. The lexical materials accumulated by her in numerous expeditions to the basins of the Vym, Vychegda, Sysola, Luza, Letka Rivers, as well as to the Trans-Ural and Kama regions, contain more than 100 thousand units and are a reliable empirical base, the national word stock of the Komi language. In spite of the lack of proper technical equipment at that time, the professionalism and conscientious attitude to work of Tatiana Ivanovna do not allow us to doubt the reliability of the obtained results today. There are no analogues among the Finno-Ugric centers in Russia yet and they are not expected to appear in the foreseeable future.

Keywords:

the Perm languages, the Komi language, history, dialect, sub-dialect, vocabulary, lexicology, dictionary, T.I. Zhilina, grammar, phonetics

¹ To the 100th anniversary of the birth of T.I. Zhilina, Candidate of Philological Sciences, a major specialist in the field of the Komi dialectology and lexicography.

² Born on December 14, 1923 in the Tentyukovo village (now part of Syktyvkar). After graduating from the Syktyvkar Secondary School № 1 in 1940–1944, she studied history and philology at the Komi State Pedagogical Institute. After graduation, she worked at the Ust-Tsilma secondary school as a teacher of the Russian language and literature. In 1946, T.I. Zhilina took a postgraduate course at the Komi Base of the Academy of Sciences of the USSR in Syktyvkar and successfully completed it by presenting for defense the dissertation “Nominal categories of the Upper Vym subdialects of the northern dialect of the Komi language” in 1950. After its successful defense in 1951 at the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR, she joined the Komi Branch of the Academy of Sciences of the USSR where she worked until 1982.

Введение

Известно, что диалектология как наука зарождается в связи с развитием интереса к живой народной речи, ее описанию, выявлению территориальных особенностей и диалектного варьирования.

Изучение коми диалектной речи имеет свою историю. Зафиксированные в дневниках путешественников XVII–XVIII вв. Н. Витзена, Д. Мессершмидта, Ф. Страленберга, Г. Миллера, И. Лепехина, П. Палласа и др. небольшие словники с указанием региона были успешно продолжены в 20-х гг. XX столетия. Создание в 1928 г. Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка при Обществе изучения Коми края можно считать началом широкомасштабных исследований коми-зырянских, коми-пермяцких и коми-язьвинских говоров. Был организован ряд экспедиций, в результате которых собран значительный диалектный материал, разработаны общие принципы классификации говоров в диалектные массивы, изучены диалектные различия на обширной территории, описаны отдельные территориально-языковые образования. На основе уникальных диалектологических материалов верхнесысольских говоров реконструированы общекоми, общепермская и допермская системы древнего вокализма, структура слова финно-угорского праязыка [1].

Несмотря на короткий срок существования Комиссии (до 1931), ее члены: А.С. Сидоров, В.И. Лыткин, Г.А. Нечаев, Е.А. Чеусов, С.А. Попов и Н.А. Шахов, внесли неоценимый вклад в развитие коми диалектологии. Особенно значимы исследования В.И. Лыткина, который, будучи инициатором создания и председателем Комиссии, составил план изучения коми диалектов, разработал методику сбора и обработки диалектного материала, лично занимался фиксацией и описанием огромного диалектного материала. В «Записках Общества изучения Коми края» была опубликована его основополагающая статья «Краткий обзор диалектов коми языка» [2, с. 31–40]. Кроме того, в 1930–1931 гг. вышли два сборника статей с кратким описанием ижемского, верхнесысольского, среднесысольского, удорского и зюздинского диалектов коми языка.

С 1944 г. исследование диалектов вошло в число академических проблем коми языкознания. Начатая путешественниками работа по фиксации полевых материалов была поднята на новый уровень. Впервые осуществлено планомерное обследование коми говоров за пределами территории республики: от Оби до Кольского п-ова, от Коми-Пермяцкого национального округа до Нарьян-Мара. Слабая изученность коми диалектов, их богатство и разнообразие побуждали интерес исследователей.

Уникальные исследования с синхронным описанием определенных территориальных разновидностей коми языка

На сегодняшний день достигнуты значительные научные результаты в исследовании диалектов коми языков и в этом большая заслуга исследователей, стоявших у истоков коми лингвистической науки. Серия монографических исследований по всем коми-зырянским диа-

лектам представляет собой уникальный и оригинальный труд в финно-угроведении. Бесспорно, большая заслуга в деле обследования территориальных разновидностей коми языка принадлежит Т.И. Жилиной. Ученым разработаны и подготовлены четыре из десяти описательных диалектных монографий: изучены фонетический и морфологический строй присыктывкарского, верхнесысольского, лузско-летского и вымского диалектов коми языка, составлены словари диалектной лексики, образцы диалектной речи.

В монографической работе «Присыктывкарский диалект и литературный язык» [3], подготовленной в соавторстве с Г.Г. Бараксановым, посвященной исчерпывающему анализу диалектной основы коми литературного языка – присыктывкарского диалекта, Т.И. Жилиной написаны разделы «Фонетика» и «Морфология». В результате всестороннего исследования установлена специфика присыктывкарского диалекта и уточнены границы его локализации: по р. Сыsole до с. Шошки и по р. Вычегде до деревень Парчег и Красная включительно. Занимая центральное положение, по утверждению автора монографии, он имеет много общих свойств с окружающими его тремя крупными диалектами – среднесысольским, нижневыхгодским и верхневыхгодским, к примеру, ряд фонетических явлений, свойственных верхневыхгодскому диалекту, фиксируется в некоторых говорах Присыктывкарья: употребление в непервом слоге *э*, и (*версте* 'взрослый', *туьед* 'по дороге', *вильшасис* 'шаловливый'); стяжение гласных (*кӧдзыд дырйид* 'в морозы', *корьяс потӧмась* 'листья распустились'), фонетический закон перехода древнего *л* в *в* охватил не только нижневыхгодский диалект, но и территорию распространения присыктывкарского диалекта; чередование древнего *ть* с новым *-йт* наблюдается в обоих диалектах (*няйт* 'грязь' вместо древнего *нять*; *квайт* 'шесть' вместо *квать*) и др. [4, с. 390].

Детальное описание структурных особенностей южных верхнесысольского и лузско-летского диалектов, фонетики, морфологии на собственных полевых материалах нашли отражение в работах «Верхнесысольский диалект коми языка» [5] и «Лузско-летский диалект коми языка» [6]. Издания снабжены уникальным словарем. Изучаемые диалекты распространены в контактной зоне пермских языков и имеют трансграничный характер. В связи с этим исследование и экспликация данных территориальных разновидностей коми языка имеет исключительное значение не только для коми, но и в целом для пермского языкознания. Наблюдения и выводы исследователя, обобщенные в отмеченных работах, являются важным источником для изучения проблем этногенеза коми народа. В словарном составе южной группы коми-зырянских диалектов выделяется специфический пласт лексики, который отсутствует в других диалектах, но имеет параллели в удмуртском, марийском [7, с. 204–206] и прибалтийско-финских языках [8, с. 76–84].

Завершением многолетней работы по фундаментальному описанию всех коми-зырянских диалектов стало издание книги «Вымский диалект коми языка» (1998). В основе монографии – диссертационная работа на соис-

вание ученой степени кандидата филологических наук Т.И. Жилиной «Именные категории верхневимских говоров северного диалекта коми языка» [9]. Исследование содержит материалы, собранные автором языковые данные в 1948 и 1949 гг. в верхневимских населенных пунктах (селах Онежье, Кони, Весляне, Синдоре).

Несмотря на то, что рассматриваемый диалект имеет свою исследовательскую историю: впервые упоминается в «Полном русско-зырянском словаре» Н.П. Попова [10, с. 293–299; 11, с. 293–296], подробно описан венгерским лингвистом Д.Р. Фокош-Фуксом [12, с. 293–296], побывавшим в Коми крае и впоследствии (1916–1917 гг.) записавший тексты от его носителей, и др., Татьяне Ивановне с упором на большие эмпирические данные удалось дифференцировать диалектные особенности и точно охарактеризовать его с привлечением комплекса различителей (вокалические и консонантные признаки, грамматику, лексику и др.).

Благодаря многолетней работе Т.И. Жилиной и ее коллег М.А. Сахаровой и В.А. Сорвачевой был издан одним из первых в финно-угроведении «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов» (больше известный как ССКЗД) [13]. В словаре представлены все коми-зырянские диалекты. Татьяна Ивановна составила словарные статьи на буквы *л, м, н, о, ө, п, р, х, ш, ы, э, ю, я*. Это оригинальное издание, характерное только коми языкам.

Уникальное издание в серии фундаментальных трудов по коми диалектологии – книга «Образцы коми-зырянской речи» [14]. В настоящем сборнике Т.И. Жилиной подготовлены разделы по присыктывкарскому, верхнесольскому, лузско-летскому и вымскому диалектам. Работа актуальна и широко востребована до сих пор, поскольку это единственный сборник оригинальных диалектных текстов, изданный коми диалектологами.

Диалектологические исследования Т.И. Жилиной имеют неисчерпаемое научное и общекультурное значение. Ценность ее трудов в значительной степени определяется достоверностью и фундаментальностью наблюдений над процессами развития коми языка и его диалектов, отдельных явлений и единиц, причин и механизмов языковых трансформаций. Особенно это актуально сегодня, когда языковая коммуникация переживает переходный период, когда наблюдается снижение языковой культуры личности, неуважительное отношение к родному языку, нарушение норм и искажение стиля.

Опубликованные работы восполнили существенный пробел в коми лексикографии, стали образцом для создания аналогичных работ по другим финно-угорским языкам России. Они получили высокую оценку российских и зарубежных специалистов и активно применяются в практике преподавания коми языка в высших и средних учебных заведениях, а также в общеобразовательных учреждениях с преподаванием коми языка.

Выводы

Накопленный в 40–70-е гг. XX столетия богатейший диалектный материал является надежной эмпирической

базой, представляет большую научную ценность. На сегодняшний день эти лексические данные являются оригинальным словарным фондом коми языка, его национальным достоянием. К сожалению, после 1970-х гг. сбор полевых языковых материалов почти не производился. Этот период до 1990-х гг. оказался упущенным и безвозвратно утерянным. Зафиксированные Т.И. Жилиной с коллегами массивы лексических единиц (более 100 тысяч) послужили основой для разработки и издания фундаментальных работ в области практической лексикологии, к примеру, «Коми-русский словарь», новый «Русско-коми словарь», «Словарь синонимов коми языка», «Коми-роч кывчукör», «Русско-коми школьный словарь» и др. Самый объемный словарь в коми лексикографии, зарубежных аналогов пока нет, новый «Словарь диалектов коми языка (Коми сёрнисикас кывчукör)» в 2-х томах, содержит диалектные материалы, собранные несколькими поколениями исследователей коми языка с 1920-х гг. по настоящее время; он охватывает лексику всех 10 диалектов коми языка, включает свыше 78 тыс. заглавных слов, более 14 тыс. из которых представлены впервые. Двужычные словари являются определенным итогом развития коми лексикографии. Они опираются на компетенции составления национально-русских и русско-национальных словарей, наглядно демонстрируют исследовательский опыт, сохраняя преемственность. Это, прежде всего, в парадигме исследования. Значительным событием в коми лексикологии стало издание ряда отраслевых тематических, в частности, всесторонне исследована биологическая лексика коми языка, изданы словари ботанической, зоонимической, анатомической лексики. В ходе работы по сбору и систематизации лексики коми языка создана универсальная словарная картотека, которая в перспективе станет основой машинного фонда коми языка. Новые информационные и телекоммуникационные технологии дают большие возможности в создании электронных словарей на основе существующих, с формализацией лексического материала для осуществления быстрых поисковых запросов по различным проблемам коми языка; также для создания новых словарей, к примеру, так называемые словари-библиотеки, состоящие из нескольких словарей. Комплексный подход позволит поместить в словари материалы, которые будут взаимодополнять друг друга и т.д.

В последнее время научный интерес к проблематике диалектологии и полевой лингвистике в финно-угроведении не спадает. Актуальность заключается в том, что в условиях глобальных интенсивных интеграционных процессов национально-оригинальные черты культурного наследия народов и этнических групп сильно нивелируются. Поэтому одна из первоочередных задач современной лингвистической науки – документирование, сохранение уходящей этнической информации. Это в полной мере касается историко-культурного наследия народов, проживающих на территории Республики Коми.

Литература

1. Лыткин, В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. С обзором диалектов и диалектологическим словарем. [В 2-х ч.]. Ч. 1 / В.И. Лыткин. – Москва: Издательство Акад. наук СССР, 1955. – 128 с.
2. Лыткин, В.И. Краткий обзор диалектов коми языка / В.И. Лыткин // Записки общества изучения Коми края. – Сыктывкар, 1930. – Вып. 5. – С. 31–40.
3. Жилина, Т.И. Присыктывкарский диалект и коми-литературный язык / Т.И. Жилина, Г.Г. Бараксанов. – Москва, 1971. – 276 с.
4. Коми язык. Энциклопедия / отв. ред. Г.В. Федюнева. – Москва: ДиК, 1998. – 608 с.
5. Жилина, Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка / Т.И. Жилина. – Москва, 1975. – 268 с.
6. Жилина, Т.И. Лузско-летский диалект коми языка / Т.И. Жилина. – Москва, 1985. – 274 с.
7. Жилина, Т.И. Южные коми-зырянские диалекты и коми-пермяцкий язык / Т.И. Жилина // Ленинская национальная политика в действии: тезисы докладов и сообщений конференции. – Сыктывкар, 1971. – С. 204–206.
8. Лыткин, В.И. Прибалтийско-финские заимствования в коми зырянских диалектах / В.И. Лыткин // Труды Карельского филиала АН СССР. – 1963. – Вып. 29. – С. 76–84.
9. Фролова, Т.И. Именные категории верхневимских говоров северного диалекта коми языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Фролова Татьяна Ивановна; Акад. наук СССР, Коми филиал. – Сыктывкар: [б. и.], 1951. – 19 с.
10. Туркин, А.И. Русско-зырянский словарь Н.П. Попова / А.И. Туркин // Советское финно-угроведение. – 1976. – № 4. – С. 293–299.
11. Туркин, А.И. О втором варианте русско-зырянского словаря Н.П. Попова / А.И. Туркин // Советское финно-угроведение. – 1977. – № 4. – С. 293–296.
12. Туркин, А.И. Давид Фокош-Фукс как исследователь пермских языков / А.И. Туркин // Советское финно-угроведение. – 1974. – № 4. – С. 293–296.
13. Жилина, Т.И. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов: Около 25000 слов / Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева. – Сыктывкар, 1961. – 490 с.
14. Жилина, Т.И. Образцы коми-зырянской речи: сборник / Т.И. Жилина, В.А. Сорвачева. – Сыктывкар, 1971. – 311 с.
- the Study of the Komi Region]. – Syktyvkar, 1930. – Vol. 5. – P. 31–40.
3. Zhilina, T.I. Prisyktyvkarskij dialekt i komi-literaturnyj yazyk [Syktyvkar dialect and the Komi literary language] / T.I. Zhilina, G.G. Baraksanov. – Moscow, 1971. – 276 p.
4. Komi yazyk. Enciklopediya [The Komi language. Encyclopedia] / executive editor G.V. Fedyleneva. – Moscow: DiK, 1998. – 608 p.
5. Zhilina, T.I. Verhnesysolskij dialekt komi yazyka [Upper Sysola dialect of the Komi language] / T.I. Zhilina. – Moscow, 1975. – 268 p.
6. Zhilina, T.I. Luzsko-letsij dialekt komi yazyka [Luza-Letka dialect of the Komi language] / T.I. Zhilina. – Moscow, 1985. – 274 p.
7. Zhilina, T.I. Yuzhnye komi-zyryanskije dialekty i komi-permyackij yazyk [Southern Komi-Zyryan dialects and the Komi-Permian language] / T.I. Zhilina // Leninskaya nacionalnaya politika v dejstvii: tez. dokl. i soob. konf. [Lenin's national policy in action: Proceedings of the Conference]. – Syktyvkar, 1971. – P. 204–206.
8. Lytkin, V.I. Pribaltijsko-finskie zaimstvovaniya v komi zyryanskih dialektah [Baltic-Finnish borrowings in the Komi Zyryan dialects] / V.I. Lytkin // Trudy karelskogo filiala AN SSSR [Proceedings of the Karelian Branch of the Academy of Sciences of the USSR]. – 1963. – Issue 29. – P. 76–84.
9. Frolova, T.I. Imennye kategorii verhnnevymskih govorov severnogo dialekta komi yazyka [Nominal categories of the Upper Vym subdialects of the northern dialect of the Komi language]: abstract of diss... Cand. Sci (Philology) / Frolova Tatyana I.; Academy of Sciences of the USSR, Komi Branch. – Syktyvkar, 1951. – 19 p.
10. Turkin, A.I. Russko-zyryanskij slovar N.P. Popova [Russian-Zyryan dictionary of N.P. Popov] / A.I. Turkin // Sovetskoe finno-ugrovedenie [Soviet Finno-Ugric Studies]. – 1976. – № 4. – P. 293–299.
11. Turkin, A.I. O vtorom variante russko-zyryanskogo slovary N.P. Popova [About the second version of the Russian-Zyryan dictionary of N.P. Popov] / A.I. Turkin // Sovetskoe finno-ugrovedenie [Soviet Finno-Ugric Studies]. – 1977. – № 4. – P. 293–296.
12. Turkin, A.I. David Fokosh-Fuks kak issledovatel permskih yazykov [David Fokosh-Fuchs as a researcher of the Permian languages] / A.I. Turkin // Sovetskoe finno-ugrovedenie [Soviet Finno-Ugric Studies]. – 1974. – № 4. – P. 293–296.
13. Zhilina, T.I. Sravnitelnyj slovar komi-zyryanskih dialektov: Okolo 25000 slov [Comparative dictionary of the Komi-Zyryan dialects: About 25000 words] / T.I. Zhilina, M.A. Sakharova, V.A. Sorvacheva. – Syktyvkar, 1961. – 490 p.
14. Zhilina, T.I. Obrazcy komi-zyryanskoj rechi: [sbornik] [Samples of the Komi-Zyryan speech: [collection] / T.I. Zhilina, V.A. Sorvacheva. – Syktyvkar, 1971. – 311 p.

Referenes

1. Lytkin, V.I. Dialektologicheskaya hrestomatiya po permskim yazykam. S obzorom dialektov i dialektologicheskim slovarem [Dialectological anthology of the Permian languages. With a review of dialects and a dialectological dictionary]. [In 2 parts]. P. 1 / V.I. Lytkin. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1955. – 128 p.
2. Lytkin, V.I. Kratkij obzor dialektov komi yazyka [Short review of Komi language dialects] / V.I. Lytkin // Zapiski obshhestva izuchenija komi kraja [Notes of the Society for

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Информация об авторе:

Мусанов Алексей Геннадьевич – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; 167023, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: musanov@mail.illhkomisc.ru).

Author:

Aleksei G. Musanov – Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher of the Language Sector at the Institute of Language, Literature and History FRC Komi SC UB RAS (Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation, 167982; e-mail: musanov@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Мусанов, А.Г. У истоков становления коми диалектологии как науки / А.Г. Мусанов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 193–197.

For citation:

Musanov, A.G. U istokov stanovleniya komi dialektologii kak nauki [At the origins of the Komi dialectology as a science] / A.G. Musanov // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 193–197.

Дата поступления рукописи: 15.02.2023

Прошла рецензирование: 27.02.2023

Принято решение о публикации: 27.02.2023

Received: 15.02.2023

Reviewed: 27.02.2023

Accepted: 27.02.2023

Л.И. Сурина – исследователь истории Коми¹

М.В. Таскаев

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

Аннотация

В статье, посвященной памяти коми историка Лидии Ивановны Суриной (1918–2015), анализируется ее научная деятельность, дается оценка ее наиболее известных работ, среди которых в первую очередь академические «Очерки по истории Коми АССР» в 2-х томах, изданные в 1950–начале 1960-х гг. Это был период, когда в Коми АССР не имелось своих специалистов по истории региона, поэтому на помощь коми историкам пришли московские коллеги из Института истории АН СССР. Л.И. Сурина, как первый коми кандидат исторических наук, защитивший диссертацию в 1953 г., была редактором и соавтором этих очерков, ставших заметным явлением в отечественной историографии. В дальнейшем она работала и над другими известными изданиями Коми филиала АН СССР и Института языка, литературы и истории советского периода – это и «История Коми АССР с древнейших времен до наших дней», «История Сыктывкара», «Дорога борьбы и побед: хроника Коми областной организации КПСС. 1917–1981» и др. В достаточно преклонном возрасте она принимала участие также в проекте Коми научного центра УрО РАН «Энциклопедия Республики Коми», написала ряд статей. Ее научные труды высоко оценивались коллегами и читателями.

Ключевые слова:

Коми АССР, историография, Л.И. Сурина – основоположник исследований, рабочий класс, крестьянство, история КПСС, биография ученого

10 ноября 2023 г. исполняется 105 лет со дня рождения Лидии Ивановны Суриной – уникального историка, первого коми ученого, защитившего диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности «отечественная история».

Л.И. Сурина родилась 10 ноября 1918 г. в дер. Заозерье Пыелдинской волости Усть-Сысольского уезда в крестьянской семье. После окончания школ в Пыелдино и Нювчине в 1936 г. поступила на педагогический рабфак в Сыктывкаре, одновременно была учительницей начальных классов в Кибре (Куратово) в 1936–1938 гг. В 1938 г.

¹ Первый кандидат исторических наук в Коми АССР (к 105-летию Лидии Ивановны Суриной).

L.I. Surina – a researcher of the history of the Komi region¹

M.V. Taskaev

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar

Abstract

The paper dedicated to the memory of the Komi historian Lidiya Ivanovna Surina (1918–2015) analyzes her scientific activity, gives an assessment of her most famous works, among which, first of all, academic “Essays on the history of the Komi ASSR” in 2 volumes, published in the 1950s–early 1960s. It was a period when the Komi ASSR did not have its own specialists in the history of the region, so the Moscow colleagues from the Institute of History of Academy of Sciences of the USSR came to assist to the Komi historians. L.I. Surina, as the first Komi Candidate of Sciences (History), who defended her dissertation in 1953, was editor and co-author of these essays, which became a notable phenomenon in the Russian historiography. Later, she worked on other well-known publications of the Komi Branch of the Academy of Sciences of the USSR and the Institute of Language, Literature and History of the Soviet period. They are “The History of the Komi ASSR from ancient times to the present day”, “The History of Syktyvkar”, “The Road of Struggle and Victories: Chronicle of the Komi regional organization of the CPSU. 1917–1981” and others. Already being at the advanced age, she took part in the project of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences “Encyclopedia of the Komi Republic” and wrote a number of articles. Her scientific works were highly appreciated by colleagues and readers.

Keywords:

the Komi USSR, historiography, L.I. Surina – a pioneer of studies, labor class, peasantry, history of the CPSU, scientist’s biography

стала студенткой исторического факультета Коми государственного пединститута. Через год избрана депутатом Сыктывкарского городского Совета депутатов трудящихся. В военные годы работала секретарем сыктывкарского горисполкома, в 1946 г. награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.». Полгода работала референтом отдела Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

В 1949 г. Л.И. Сурина поступила в аспирантуру новообразованного Коми филиала АН СССР, определившись в научную школу доктора исторических наук, лауреата Ста-

¹ First Candidate of Historical Sciences in the Komi ASSR (to the 105th anniversary of Lidia Ivanovna Surina).

линской премии 2-й степени И.И. Смирнова по изучению аграрной истории России. Направление исследований этой школы определило тему кандидатской диссертации Л.И. Суриной «Крестьяне приустысольских волостей Вологодской губернии в конце XIX и начале XX веков», в которой на основе архивного материала Благовещенской, Богоявленской и Вильгортской волостей Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии Лидия Ивановна дала всесторонний анализ социально-экономического положения коми крестьянства в указанный период. Диссертант впервые в историографии проследил крестьянские выступления в Коми крае с конца XIX в. и до февраля 1917 г., выделив основные формы социально-экономического протестного движения коми крестьянства за свои права. На защите диссертации официальный оппонент д. и. н. И.И. Смирнов так оценил рукопись: «Рассмотрение содержания диссертации Л.И. Суриной позволяет дать высокую оценку ее исследованию. Это – настоящий научный труд, вносящий серьезный вклад в изучение социально-экономической истории Коми АССР и представляющий большой интерес и для изучения истории России в целом» [1, с. 28].

Защита диссертации в Ленинградском государственном университете 4 июня 1953 г. сделала Лидию Ивановну ведущим коми историком. Ей наряду с кандидатом исторических наук В.Н. Давыдовым вскоре выпала честь приступить к нелегкой работе над фундаментальным академическим проектом «Очерки по истории Коми АССР» в двух томах.

В середине 1950-х гг. малочисленных историков Коми филиала АН СССР в деле подготовки первого академического научного труда «Очерки по истории Коми АССР» поддержала исследовательская группа сотрудников Института истории АН СССР и других научных учреждений Москвы и Сыктывкара. В предисловии к первому тому особо отмечалось, что «выпускаемый в свет 1 том "Очерков по истории Коми АССР" представляет собой первую попытку изложения истории народа коми с древнейших времен до февральской буржуазно-демократической революции включительно» [2, с. 3]. Первый том был издан под редакцией московских историков д.и.н. К.В. Сивкова и к.и.н. А.А. Зимина и представителя сыктывкарских историков к.и.н. Л.И. Суриной. Автором первого тома «Очерков ...» Лидия Ивановна не была.

Авторами являлись член-корреспондент АН СССР д.и.н. С.В. Бахрушин (лауреат Сталинской премии за многотомный труд в соавторстве «История дипломатии», автор монографии «Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках», изданной в Ленинграде в 1935 г. и др.), д.и.н., профессор К.В. Сивков (специалист по истории российского крестьянства, автор монографии «Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в. По материалам архива Степных вотчин Юсуповых», изданной в 1951 г. и т.д.), к.и.н. А.А. Зимин (соавтор и редактор первого тома «Истории Москвы», 1952 г.; его уникальная кандидатская диссертация 1947 г. объемом в 1350 страниц, посвященная вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря будет издана только в 1977 г.; один из наиболее значимых источниковедов страны, впоследствии крупнейший специалист по русской средневековой исто-

рии, д.и.н.), к.и.н. Н.В. Устюгов (специалист по феодальной истории России, автор монографии «Башкирское восстание 1737–1739 гг.», изданной в 1950 г., позднее – руководитель ряда крупных научных проектов по истории союзных и автономных республик, например, «Очерков по истории Башкирской АССР», «Материалов по истории Казахской ССР», д.и.н.), к.и.н. А.Е. Иоффе (специалист по проблематике революционного движения в СССР, впоследствии д.и.н.), к.и.н. В.И. Цывунина, к.и.н. Л.П. Лашук, к.и.н. Н.Ф. Демидова, О.Н. Воздвиженская. Оговаривалось, что в первой главе, посвященной первобытнообщинному строю, используется материал А.С. Сидорова.

«Очерки ...» базировались на классовом подходе в освещении исторических процессов и изобилуют ссылками на работы марксистско-ленинских классиков; например, А.А. Зимин опирался на цитату И.В. Сталина: «Ни одна страна в мире не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц» [2, с. 61]. Научный результат «Очерков ...» до сих пор достаточно высок, особенно первого тома. В частности, в нем впервые был сделан вывод о двухэтапном вхождении Коми края в состав феодальной Руси: в XIII в. Вычегодско-Печорский край уже входит в состав Новгородской Руси, а в XIV–XV вв. – в состав Русского государства с центром в Москве, окончательной датой закрепления Коми края в Русском централизованном государстве назывался 1478 год – год вхождения самого Новгорода и его владений в состав Московии, признание Новгородом верховенства московских великих князей. В «Очерках ...» также впервые прозвучал вывод, что присоединение Коми края в состав Русского централизованного государства («роль объединителей национальностей взяли на себя великороссы») сыграло прогрессивную роль в истории региона, в котором с этого времени стали происходить глубокие изменения в социальной и экономической жизни народа коми: «... край избавился <...> от частых вторжений соседних северо-восточных народов ...», начинает внедряться трехпольное земледелие, развиваются просвещение и культура [2, с. 69–70, 74].

В своей рецензии на первый том, опубликованной в журнале «Вопросы истории», к.и.н. А.А. Преображенский (автор монографии «Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в.», изданной в 1956 г., впоследствии д.и.н., профессор Института истории АН СССР, научный руководитель кандидатских диссертаций сотрудников ИЯЛИ Коми филиала АН СССР М.А. Мацука и И.Л. Жеребцова) дал высокую оценку работе, заметив, что «"Очерки по истории Коми АССР" – ценное и полезное научное издание. Оно не только подводит итог изучению истории народа коми, но и по ряду вопросов дает дальнейшую научную разработку, пускает в оборот большое количество новых источников. Книга, несомненно, будет способствовать более углубленной монографической разработке недостаточно исследованных проблем исторического развития народа коми». В то же время А.А. Преображенский подверг первый том и справедливой критике, отметив: «Однако нельзя не ука-

зять и на некоторые недочеты рецензируемого труда. Отдельные главы "Очерков ..." мало согласованы друг с другом. Это не дает возможности правильно представить единый исторический процесс, приводит к разнобою в характеристике ряда важных вопросов, нечетким определениям и формулировкам <...> остается мало выясненным вопрос о степени развития земледелия на том или ином этапе <...>. Противоречиво излагается вопрос о перемещении в сферу производства капиталов, накопленных в торговле <...>. Упрощенно трактуется вопрос о двоевластии <...>. Встречаются и фактические неточности <...> количество опечаток значительно больше, чем указано в приложенном списке ... В книге следовало бы отметить, что в советское время были предприняты попытки написания сводных трудов по истории коми. Хотя эти труды и имели серьезные ошибки и пробелы, все же нужно было упомянуть о них и дать им оценку». Тем не менее А.А. Преображенский признал, что «рецензируемое издание представляет собой значительное достижение нашей исторической науки и является серьезным обобщающим исследованием по истории народа коми» [3, с.150–154].

В 1961 г. Л.И. Сурина была избрана на должность старшего научного сотрудника отдела истории Коми филиала АН СССР. В 1962 г. в Сыктывкаре издали второй том «Очерков ...» под редакцией к.и.н., с.н.с. Института истории АН СССР Д.А. Чугаева (отв. редактор), сыктывкарских ученых к.и.н. Я.Н. Безносикова, к.и.н. В.Н. Давыдова и к.и.н. Л.И. Суриной. Авторами тома являлись к.и.н. В.Н. Давыдов, к.и.н. Я.Н. Безносиков, к.и.н. Л.И. Сурина, к.и.н. Л.Н. Жеребцов, к.и.н. Д.Д. Балуева, к.и.н. И.Н. Каверин, к.и.н. Л.П. Лашук, В.С. Дегтев, В.Г. Зыкин, А.Н. Александров, А.А. Попов, Т.П. Раевская, Г.С. Филимонова (ученые степени и ученые звания выделялись при перечислении авторов в обоих томах). В этом томе «Очерков ...» освещался советский период истории Коми АССР. Накануне его выхода в свет на XXII съезде КПСС в 1961 г. приняли Программу по строительству коммунизма в стране, и она стала своеобразным методологическим подходом в освещении истории советского периода в регионе. Второй том «Очерков ...» содержал полностью отредактированную картину исторической действительности советского прошлого, став на несколько десятилетий эталоном в освещении только положительных моментов истории СССР, обтекая такие острые темы, как политические репрессии и историю инакомыслия в стране, борьбу с религией, межнациональные проблемы и др.

Помимо редактирования тома, Лидия Ивановна стала автором и соавтором двух разделов коллективного труда, в том числе написав заключение к разделу VI: «Накануне Великой Отечественной войны Советский Союз стал уже одной из могущественных держав мира. По объему промышленного производства наша страна стояла на первом месте в Европе и на втором месте в мире (после США). Советский народ успешно осуществлял программу дальнейшего упрочения и развития социалистического общества. Развивались и крепились движущие силы социалистического общества – дружба народов СССР, морально-политическое единство советского общества, советский патриотизм. Общность двух форм социалистической собственности

сблизила рабочий класс и колхозное крестьянство, упрочила их союз, сделала их дружбу нерушимой. За годы строительства социализма произошли существенные изменения в области национальных взаимоотношений в СССР. Советский союз стал великим содружеством новых, социалистических наций. Было обеспечено не только политическое равноправие наций, но и ликвидировано унаследованное от старого строя их экономическое и культурное неравенство. Опираясь на взаимную братскую помощь, трудящиеся Коми республики добились громадных успехов во всех областях хозяйственного и культурного строительства, в подъеме своего материального благосостояния ...» [4, с. 308].

В рецензии на второй том «Очерков ...», опубликованной в ведущем историческом журнале СССР «Вопросы истории», Д.А. Коваленко особо отметил, что «внимание читателя не может не привлечь новая книга по истории народа коми (зырян) в советский период. Ее написали местные историки – научные сотрудники отдела истории, этнографии и археологии Коми филиала АН СССР и преподаватели Коми педагогического института». Далее рецензент останавливается на обширных недостатках издания: «... упрощенно изложена авторами <...> проблема национально-освободительного движения: все местные национальные организации оцениваются только как контрреволюционные <...> Авторы "Очерков. ..." ограничились лишь общей формулой о политике военного коммунизма, не проанализировав, как осуществлялась она в местных условиях <...>. В книге нет четкой оценки деятельности отряда Мандельбаума. А сделать это следовало хотя бы потому, что в литературе есть противоречивые мнения на этот счет <...>. На наш взгляд, не совсем удачен принятый в книге порядок изложения истории культуры <...>. В параграфе о классовой борьбе в Коми области <...> почему-то отсутствует упоминание о борьбе кулачества против мероприятий Советской власти, направленных на подъем бедняцко-середняцких хозяйств. Вопросы коллективизации сельского хозяйства освещены авторами, в общем, правильно, хотя в объяснение причин перегибов и ошибок в колхозном строительстве в конце 1929 – начале 1930 г. можно было внести больше ясности. В "Очерках ..." перегибы объясняются лишь ошибками местной партийной организации, об ответственности же за них Сталина, который оказывал нажим на местные партийные организации с целью побудить их к форсированию темпов коллективизации, авторы даже не упоминают. Слабо раскрывается в книге и специфика колхозного строительства в крае». В заключение рецензент все же подчеркивает, что «труд этот заслуживает положительной оценки» [5, с. 101–103].

Оба тома «Очерков ...» – первая попытка комплексного, проблемного исследования истории Коми края от этногенеза и христианизации коми народа до периода развернутого строительства коммунизма. На десятилетия оценки рецензентов «Очерков ...» стали основой своеобразной программы академических исторических исследований в Коми регионе.

В 1965 г. Лидии Ивановне присвоили ученое звание старшего научного сотрудника (приравнено к доценту). В это время исследователь возглавляет небольшой коллек-

тив коми историков, работающих над научно-исследовательской темой «Социально-экономические отношения в Коми крае в последней трети XIX–начале XX вв.», куда входят Д.Д. Балуева, Р.Г. Пучкова, А.А. Габов и Э.Д. Красильникова. В 1967 г. по теме был подготовлен большой научный отчет, в котором Л.И. Сурина разработала такие разделы, как поземельные отношения в Коми крае в начале XX в., развитие сельского хозяйства, разложение крестьянства, положение трудящихся масс в годы Первой мировой войны, промышленность Коми края в начале XX в., введение и заключение. В дальнейшем, вплоть до 1970 г., Л.И. Сурина работала над научно-исследовательской темой «Развитие классовой борьбы в Коми крае в последней трети XIX – начале XX вв.». Своеобразным итогом реализации этих тем стала монография Л.И. Суриной «На далекой окраине. Как жили и боролись за свои права рабочие Коми края», выпущенная Коми книжным издательством в 1973 г. тиражом в 2500 экз. В ней автор делает вывод о рабочем движении в регионе в начале XX в.: «Невероятно тяжелые условия труда и жизни толкали рабочих на путь революционной борьбы. Они боролись не только за выгодные условия продажи рабочей силы, но в отдельных случаях выступали против гнета царизма и жестокой капиталистической эксплуатации. Проникновение революционных идей в среду рабочих проходило под влиянием революционной борьбы пролетариата промышленных центров страны и политических ссыльных-большевиков. Социал-демократы из среды политических ссыльных много сделали по воспитанию передовых рабочих, они разъясняли трудящимся массам цели и задачи большевистской партии ...» [6, с. 76]. Между прочим, в монографии исследователь обратила внимание и на влияние других партий, в частности, социалистов-революционеров (эсеров) на рабочих края. Она пишет об активной террористической деятельности эсеров, впервые (после В.М. Подорова) акцентировав внимание на организуемые эсерами теракты в Усть-Сысольске и уезде.

Сотрудники образованного в 1970 г. Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР совместно с другими историками Сыктывкара приступили в первой половине 1970-х гг. к разработке нового академического проекта – «История Коми АССР». Лидия Ивановна приняла самое активное участие в реализации этого проекта, написав разделы «Коми край в годы первой русской буржуазно-демократической революции», «Коми край между двумя буржуазно-демократическими революциями», «Коми автономная область в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства страны», «Коми АССР в годы третьей пятилетки».

В 1978 г. Коми филиал АН СССР издал однотомник «История Коми АССР с древнейших времен до наших дней», в предисловии к которому отмечалось, что «Очерки по истории Коми АССР» в двух томах стали библиографической редкостью, уже не отвечают полностью современному уровню науки, накоплен новый материал, позволяющий издать «первый, единый обобщающий труд», в котором «значительно расширены хронологические рамки и проблематика изложения, уточнено и восполнено освещение многих вопросов, а по некоторым из них даны новые оцен-

ки» [7, с. 3]. Однотомник полностью соответствовал классической марксистско-ленинской идеологии о классовой борьбе в обществе, как локомотиве истории.

Главным редактором однотомника являлся д.и.н., профессор Института истории АН СССР И.Б. Берхин (специалист по государственному строительству, в частности, автор монографии «Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.)», изданной в 1958 г., автор ряда учебников по истории СССР и т.д.), в редколлегию входили д.и.н., профессор А.А. Зимин, к.и.н. А.Н. Александров, к.и.н. В.Н. Давыдов, к.и.н. Н.Н. Рочев, к.и.н. Л.И. Сурина, Л.А. Габов. Авторами использованных в книге материалов и глав были А.Н. Александров, Д.Д. Балуева, С.В. Бахрушин, Я.Н. Безносиков, Т.И. Беленкина, А.Е. Ванев, Г.И. Вячеславов, Л.А. Габов, В.Н. Давыдов, В.С. Дегтев, Л.Н. Жеребцов, А.А. Зимин, В.Г. Зыкин, Н.Д. Иванов, Т.Г. Калянова, М.Д. Кравцова, Э.Д. Красильникова, В.Е. Лузгин, Э.К. Пархачева, В.И. Прошев, В.В. Политов, Л.Т. Россохин, Н.Н. Рочев, Э.А. Савельева, М.А. Свиридова, М.П. Свириденков, В.С. Стоколос, Л.И. Сурина, А.Н. Турубанов, Н.В. Федосеев, В.И. Чупров, Л.С. Шабалова, В.В. Шаньгина. Наличие в авторском коллективе всего двух московских историков (И.Б. Берхина и А.А. Зимина, у С.В. Бахрушина использовались только старые материалы) уже говорило о формировании профессионального коллектива местных исследователей в регионе. В 1981 г. предприняли издание однотомника с несколько измененным вариантом последнего раздела, посвященного эпохе развитого социализма и развернутого строительства коммунизма, в частности, были добавлены сведения о роли XXVI съезда КПСС, состоявшегося в 1981 г., в жизни советского общества.

Однотомник стал своеобразным образцом региональных исторических исследований в советский период, сфокусировав исследования по таким направлениям региональной истории, как история крестьянства, история индустриального развития и рабочего класса, проблемы социально-политической жизни северной деревни XIX–XX вв., истории Гражданской войны, Великой Отечественной войны и др. Критическая оценка прошлого в однотомнике касалась только периода самодержавия («... политика травли нерусских народов достигла крайних пределов» [7, с. 473–474]), был также небольшой абзац осуждения культа личности И.В. Сталина. А.А. Зимин по-прежнему выделял 1478 год как дату присоединения Новгородской Руси со всеми ее землями (в том числе Коми регионом) к Русскому централизованному государству, оговаривая, что перепись Коми земель Москвой была впервые проведена в 1481 г.

В рецензии на однотомник журнал «Вопросы истории» отмечал, что «положительная сторона книги состоит в том, что в ней анализируется действие общих объективных законов общественного развития в специфических условиях Коми края, роль народных масс как подлинных творцов истории, значение связей коми с другими народами, особенно с русским <...>. Самодержавие рассматривало Коми край как источник выкачивания средств для пополнения казны и проводило здесь русификаторскую политику <...>. Установление Советской власти в крае авторы рассматривают как поворотный пункт в истории коми <...>. На большом фактическом материале в книге показано коренное

изменение условий жизни, быта и культуры трудящихся Коми края ...». Помимо положительных сторон издания, были вскрыты и недостатки, в частности, подчеркивалось отсутствие ссылок на архивные источники, именного, предметного и географического указателя, особо отмечалось полное отсутствие историографического раздела. Рецензент замечал, что «нельзя не приветствовать первый опыт обобщения материала о Коми АССР, относящегося к периоду развитого социализма <...>. Но он пока страдает описательностью, излишним увлечением цифровыми данными, часть которых "не работает" на раскрытие рассматриваемых вопросов, а служит лишь справочным материалом» [8, с. 151–154]. Эти выводы рецензента справедливы и были признаны региональными историками.

Однотомник издали уже после выхода Лидии Ивановны на пенсию – это произошло в 1977 г. Однако и после выхода на заслуженный отдых Л.И. Сурина продолжала исследовательскую работу, выступая автором ряда разделов в таких обобщающих трудах, как «История Сыктывкара» (1980), «Дорогой борьбы и побед: хроника Коми областной организации КПСС. 1917–1981» (1982), «Очерки истории Коми областной организации КПСС» (1987). Ее вклад в науку был высоко оценен республикой, в 1980 г. Лидии Ивановне присвоили звание лауреата Государственной премии Коми АССР, а в 1995 г. она стала Заслуженным деятелем науки Республики Коми.

В 1990-е гг. Л.И. Сурина приняла участие в разработке «Энциклопедии Республики Коми» в трех томах, написав несколько небольших статей и персоналий, например «Военный коммунизм», «Первый пятилетний план развития народного хозяйства Коми автономной области (1928/29–1932/33)», «Артеева Матрена Трофимовна» и др.

В 2010 г. Лидия Ивановна опубликовала большую статью «Частное землевладение в Усть-Сысольском и Яренском уездах Вологодской губернии в пореформенную эпоху XIX – начале XX в.» в журнале «Известия Коми научного центра УрО РАН», в которой, в частности, сделала вывод, что «основными частными землевладельцами в Коми крае (Усть-Сысольском и Яренском уездах) были заводладельцы, купцы и предприниматели из среды мещан и крестьян. Эти владельцы пытались использовать земли с максимальной пользой в качестве пахотных, сенокосных угодий, мест для заготовки леса на древесный уголь и мест добычи руды. Часть предпринимателей на своих участках земли заготавливала лес для продажи на российских рынках и для отправки за рубеж. Время от времени землей владели местные чиновники и пожалованные земельными участками (дачами) военные. Однако и те и другие рассматривали свои земельные участки, как предмет продажи для быстрого получения денег. В результате, земля «временных» собственников переходила в руки местных предпринимателей и их российских и даже зарубежных «коллег», проводивших в крае лесозаготовки. Распространение частного землевладения в крае, все больше развиваясь за счет казенных и крестьянских земель, было проявлением общероссийского процесса развития товарно-денежных, капиталистических, отношений» [9, с. 102].

Последней работой 95-летнего историка стала научная брошюра «Михаил Николаевич Латкин», выпущенная в 2013 г. редакционно-издательским отделом ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. В этой работе Л.И. Сурина исследовала биографию купца 1-й гильдии М.Н. Латкина, единственного в регионе зырянского потомственного почетного гражданина, председателя Усть-Сысольской Земской управы ряда сроков.

В 2015 г. Л.И. Сурина скончалась. Всего ею написано около 40 научных трудов (монографии и разделы в монографиях, брошюры, журнальные и энциклопедические статьи, рецензии), значительная доля неопубликованных работ сохранилась в рукописном виде в научном архиве Коми НЦ УрО РАН.

Литература

1. Сурина, Л.И. Михаил Николаевич Латкин. Научные доклады на заседаниях Ученого совета. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Вып. 4. – Сыктывкар, 2013.
2. Очерки по истории Коми АССР. В 2-х т. – Сыктывкар, 1955. – Т. 1.
3. Преображенский, А.А. Очерки по истории Коми АССР / А.А. Преображенский // Вопросы истории. – 1956. – № 8.
4. Очерки по истории Коми АССР. В 2-х т. – Сыктывкар, 1962. – Т. 2.
5. Коваленко, Д.А. Очерки по истории Коми АССР. Том 2 (1917–1961) / Д.А. Коваленко // Вопросы истории. – 1963. – № 5.
6. Сурина, Л.И. На далекой окраине. Как жили и боролись за свои права рабочие Коми края. – Сыктывкар, 1973.
7. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. – Сыктывкар, 1978.
8. Канев, С.Н. «История Коми АССР с древнейших времен до наших дней» / С.Н. Канев // Вопросы истории. – 1979. – № 5.
9. Сурина, Л.И. Частное землевладение в Усть-Сысольском и Яренском уездах Вологодской губернии в пореформенную эпоху XIX – начале XX вв. / Л.И. Сурина // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2010. – № 2.

References

1. Surina, L.I. Mikhail Nikolaevich Latkin. Scientific reports at meetings of the Academic Council. Institute of Language, Literature and History Komi SC UB RAS. Issue 4. – Syktyvkar, 2013.
2. Ocherki po istorii Komi ASSR [Essays on the history of the Komi ASSR]. In 2 Vols. / Ed. Dr. Sci. (History) K.V. Sivkov [et al.]. – Syktyvkar, 1955. – Vol. 1.
3. Preobrazhensky, A.A. Ocherki po istorii Komi ASSR [Essays on the history of the Komi ASSR] / A.A. Preobrazhensky // Voprosy istorii [Questions of History]. – 1956. – № 8.
4. Ocherki po istorii Komi ASSR [Essays on the history of the Komi ASSR]. In 2 Vols. / Ed. Dr. Sci. (History) K.V. Sivkov [et al.]. – Syktyvkar, 1962. – Vol. 2.
5. Kovalenko, D.A. Ocherki po istorii Komi ASSR [Essays on the history of the Komi ASSR], Vol. 2 (1917–1961) / D.A. Kovalenko // Voprosy istorii [Questions of History]. – 1963. – № 5.

6. Surina, L.I. Na dalekoj okraine. Kak zhili i borolis za svoi prava rabochie Komi kraja [On the far outskirts. How the workers of the Komi region lived and fought for their rights] / L.I. Surina. – Syktyvkar, 1973.
7. Istoriya Komi ASSR s drevnejshih vremen do nashih dnei [The history of the Komi ASSR from ancient times to the present day] / Editor-in-chief I.B. Berkhin. – Syktyvkar, 1978.
8. Kanev, S.N. Istoriya Komi ASSR s drevnejshih vremen do nashih dnei [The history of the Komi ASSR from ancient times to the present day] / S.N. Kanev // Voprosy istorii [Questions of History]. – 1979. – № 5.
9. Surina, L.I. Chastnoe zemlevladienie v Ust-Sysolskom i Yarenskom uezdah Vologodskoj gubernii v poreformen-nuyu epohu XIX – nachale XX vv. [Private land ownership in the Ust-Sysolsk and Yarensk uyezds of the Vologda province in the post-reform time of the XIX – early XX centuries] // Proceedings of the Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. – 2010. – № 2.

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер проекта FUUU-2021-0011.

Информация об авторе:

Таскаев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории и этнографии Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26).

Author:

Mikhail V. Taskaev – Candidate of Sciences (History), Head of the Department of History and Ethnography at the Institute of Language, Literature and History FRC Komi SC UB RAS (Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation, 167982).

Для цитирования:

Таскаев, М.В. Л.И. Сурина – исследователь истории Коми / М.В. Таскаев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 198–203.

For citation:

Taskaev, M.V. L.I. Surina – issledovatel istorii Komi [L.I. Surina – a researcher of the history of the Komi region] / M.V. Taskaev // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 198–203.

Дата поступления рукописи: 17.02.2023

Прошла рецензирование: 27.02.2023

Принято решение о публикации: 27.02.2023

Received: 17.02.2023

Reviewed: 27.02.2023

Accepted: 27.02.2023

Г.М. Буров – первооткрыватель и основоположник исследований мезолита Европейского Северо-Востока

А.В. Волокитин, Н.А. Волокитина, С.А. Родов

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
volkt54@mail.ru

Аннотация

Григорий Михайлович Буров (22.09.1933 – 24.02.2013) – один из основоположников археологической науки в Республике Коми. Работал в Коми филиале АН СССР с 1957 по 1968 г. Впоследствии трудился в Ульяновске и Симферополе, однако период работы в Сыктывкаре оказался наиболее плодотворным. Г.М. Буров является первооткрывателем многочисленных памятников эпохи мезолита, раннего металла и раннего железного века в ранее неисследованном Вычегодском крае. Материалы этих памятников Г.М. Буров анализировал и публиковал все последующие годы жизни.

Всемирную известность приобрели открытые Г.М. Буrowым Висский 1 (мезолит) и Висский 2 (середина I тыс. н.э.) торфяники в окрестностях дер. Синдор. В синдорском микрорегионе были проведены образцовые палеогеографические исследования с участием ведущего геоботаника, болотоведа С.Н. Тюремнова и других специалистов. Составлены споровопыльцевые диаграммы, выполнено описание разрезов торфяников, воссоздана история положений русел рек Вис и Симва. Получена также серия прямых радиоуглеродных датировок по деревянным артефактам.

Уникальная коллекция Висского 1 торфяника предметов из дерева, коры и травы включает орудия рыболовства – фрагменты сетей, остроги; охоты – луки, стрелы, копье; средства передвижения – лыжи, санные полозья, весло; предметы быта, в том числе коробку из бересты, маты из дранки. Многие изделия украшены резным геометрическим орнаментом. Особо примечательна скульптурная голова лося на одной из лыж.

Г.М. Буров первый из исследователей обосновал культурную дифференциацию мезолитических древностей Европейского Северо-Востока. В окончательном варианте им выделено два культурных типа: камско-печорский, датируемый VIII–VII тыс. до н.э., и висский (вторая половина VII–VI тыс. до н.э.). В камско-печорский тип помещена выделенная им же средневычегодская мезолитическая культура.

Ключевые слова:

мезолит, Европейский Северо-Восток, Г.М. Буров, Висский 1 торфяник, деревянные изделия

G.M. Burov – a discoverer and initiator of the Mesolithic studies in the European North-East

A.V. Volokitin, N.A. Volokitina, S.A. Rodov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research
Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Syktyvkar
volkt54@mail.ru

Abstract

Grigory M. Burov (22.09.1933 – 24.02.2013), a graduate of the Kiev University, arrived in Syktyvkar in 1957. He worked in the Komi Branch of the Academy of Sciences of the USSR until 1968. Subsequently, he worked in Ulyanovsk and Simferopol. However, the period of his work in the Komi Region turned out to be the most productive. G.M. Burov is a discoverer of numerous sites of the Mesolithic, Early Metal and Early Iron Age of the previously unexplored Vychegda territory. G.M. Burov analyzed and published materials from Komi all the subsequent years of his life.

The Vis 1 (Mesolithic) and Vis 2 (mid I millennium A.D.) peat-bogs discovered by G.M. Burov in the vicinities of the Sindor village have gained worldwide fame. The exemplary paleogeographic studies were carried out in the Sindor microregion. The leading geobotanist and peat specialist S.N. Tyuremnov and other scientists compiled pollen diagrams, described profiles of peatlands, restored the historical courses of the Vis and Simva Rivers. They also obtained a series of direct radiocarbon datings of wooden artifacts.

A unique collection of items made of wood, bark, and grass was obtained at the Vis 1 peatbog. It included fishing tools – fragments of nets and a fishing spear; hunting tools – bows, arrows, a spear; means of transportation – skis, sledge runners, a paddle; household items including a box of birch bark, mats of wood shakes. Many items are decorated with carved geometric ornaments. The sculptural head of an elk on one of the skis is particularly noteworthy.

G.M. Burov was the first of the researchers who justified the cultural differentiation of the Mesolithic sites of the European North-East. He identified two cultural types: the Kama-Pechora type dating back to the VIII–VII millennium B.C., and the Vis type (the second half of the VII–VI millennium B.C.). The Middle Vychegda Mesolithic culture identified by him belongs to the Kama-Pechora type.

Keywords:

Mesolithic, the European North-East, G.M. Burov, Vis 1 peatland, wooden artefacts

Рисунок 1. Григорий Михайлович Буров.

Figure 1. Grigory M. Burov.

Г.М. Буров прибыл в г. Сыктывкар после окончания Киевского университета и года работы в Дагестане в 1957 г. (рис. 1). В полевой сезон этого же года он провел разведочные работы в среднем и верхнем течении р. Вычегды. Результат оказался более чем успешным – более десятка открытых археологических памятников различных эпох: мезолита, раннего металла и раннего железного века. По сути это было начало планомерных исследований древностей в

Вычегодском крае, ранее остававшемся *terra incognita* (неизведанной землей).

Вычегодские памятники изучались Г.М. Буровым в 1958 г. и частично в 1959, 1963 гг. Многие из этих стоянок были раскопаны на значительных площадях. Материалы данных исследований оперативно опубликованы в монографии и многочисленных статьях [1]. Наиболее представительные мезолитические коллекции получены им на полностью раскопанных стоянках Ульяново и Кузьвомын, а также в результате сборов на разрушенных памятниках Пезмог 1 и Курьядор. Это первые стоянки этой эпохи, открытые и изученные на Европейском Северо-Востоке (далее – ЕСВ). Сборы геолога Г.А. Чернова 1930-х и 1950-х гг. на яреях Большеземельской тундры были атрибутированы как мезолитические гораздо позднее. Попутно следует отметить, что и в настоящее время Вычегодский край является наиболее изученной территорией ЕСВ. И начало этому положено Г.М. Буровым в 1957 г.

В 1959 г. Г.М. Буров начинает работы в Синдорском микрорайоне. Обследовались как стоянки на берегах Синдорского озера, так и стоянки на останцах террас в долинах рек Вис и Симва. В 1960 г. у останца Малый Кытчесмыльк, где раскапывалось многослойное нестратифицированное поселение Вис 1, в старичных отложениях был открыт Висский 1 торфяник (мезолит) (рис. 2). А в 1962 г. у останца Большой Кытчесмыльк с поселением Вис 2 – Висский 2 торфяник (ранний железный век – средневековье). Исследование этих замечательных памятников продолжалось до 1967 г. Следует отметить, что были организованы и проведены комплексные изыскания с привлечением специалистов смежных наук. Немаловажно, что результаты этих работ оперативно и качественно опубликованы [2]. На раскопках торфяников побывал заведующий кафедрой геоботаники МГУ С.Н. Тюремнов. Им взяты образцы на споровопыльцевой анализ, описаны отложения, слагающие висские торфяники и пойму р. Вис. Для сравнения были привлечены данные Я.Я. Гетманова, геоботаника Коми филиала АН СССР, по близлежащим торфяникам синдорского микрорайона. Анализы образцов проводились в лаборатории почвоведения Института биологии Коми филиала АН СССР. Получена также серия так называемых прямых

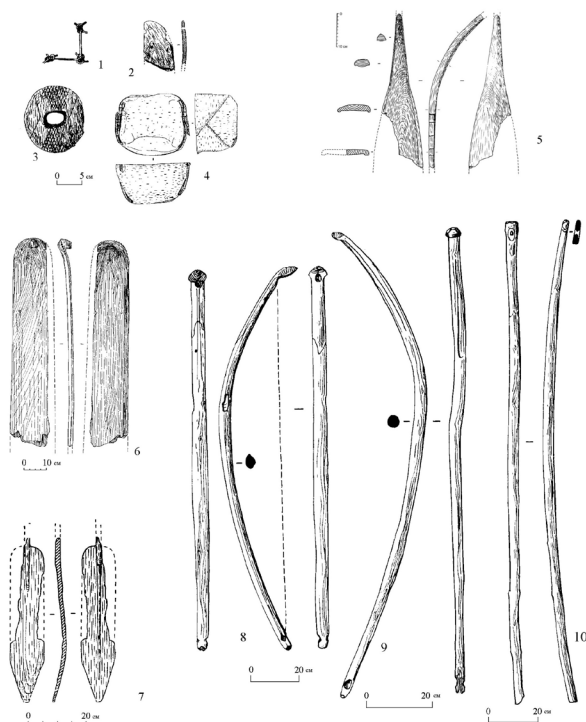

Рисунок 2. Висский 1 торфяник. Изделия из травы (1), коры (2), бересты (4) и дерева (3, 5-10). 1 – фрагмент сети; 2 – поплавоч для сети; 3 – диск ботала; 4 – коробка; 5 – фрагменты лыжи висского типа; 6 – санный полоз; 7 – весло; 8-10 – луки. По Г.М. Бурову.

Figure 2. Vis 1 peatbog. Items made of grass (1), bark (2), birch bark (4), and wood (3, 5-10). 1 – a fishing net fragment; 2 – a fishing net float; 3 – a disk of a pole used to drive fish into the nets; 4 – a box; 5 – fragments of Vis type ski; 6 – a sledge runner; 7 – a paddle; 8-10 – bows. According to G.M. Burov.

радиоуглеродных дат по обработанному дереву из торфяников [3]. Этот опыт в археологии послеледниковья в крае долгое время оставался единичным эпизодом. И только в 1990-2000-е гг. археологи ЕСВ начали проводить исследования такого уровня на других археологических памятниках региона.

Г.М. Буров занимался исследованием археологических памятников Вычегодского бассейна, охватывающих хронологический диапазон от мезолита до средневековья [4]. Так было принято во времена первоначального археологического изучения на обширных территориях. То же самое можно сказать и о В.И. Канивце, изучавшем археологию Печоры, и о В.Е. Лузгине, проанализировавшем памятники различных эпох, открытых им на Ижме. Этому соответствовали темы как кандидатской диссертации Г.М. Букова «Вычегодский край в каменном, бронзовом и раннем железном веке» 1963 г. [5], так и докторской «Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла» [6], представленной к защите гораздо позднее, уже в симферопольский период работы, в 1987 г.

В 1968-1974 гг. Г.М. Буров – доцент Ульяновского педагогического института им. И.Н. Ульянова; с 1974 г. – доцент, а с 1987 г. – профессор Симферопольского государственного университета (преобразованного в 1999 г. в Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, где он и проработал в течение 35 лет. Ныне – это Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского.

Работая в Поволжье и Крыму, Г.М. Буров проводил интенсивные экспедиционные работы, активно публиковал материалы своих исследований. В Ульяновске помимо двух обобщающих работ по каменному и медно-бронзовому векам издано учебное пособие для студентов историков [7]. К сожалению, в рукописи осталась составленная им карта археологических памятников Ульяновской области [8]. Он автор огромной по объему Энциклопедии крымских древностей [9].

Вместе с тем Г.И. Буров по-прежнему продолжает анализировать и публиковать материалы, накопленные в сыктывкарский период. Причем это публикации не только в привычном печатном виде, но и многочисленные доклады на престижных конференциях как в СССР, так и в европейских странах. В этой связи следует отметить, что опубликованные им четыре десятка статей на английском, немецком и французском языках познакомили мировое научное сообщество с достижениями археологии Коми края и ввели их в научный оборот.

Особое место в трудах Г.М. Букова занимала мезолитическая тематика. Нельзя сказать, чтобы она превалировала среди значительного числа направлений, разрабатываемых им по материалам археологии ЕСВ, однако же она была наиболее яркой. Особое место здесь принадлежит исследованиям на Висском 1 торфянике и полученной в результате раскопок обширной коллекции предметов из дерева, коры и травы (см. рис. 2). Уникальная сохранность этих находок объяснялась, согласно мнению Г.М. Букова, тем, что предметы удалялись древними людьми с территории мезолитической стоянки (или стоянок), на суходоле, где располагалось поселение Вис 1. Они погружались в воду и погребались отложениями старицы. Общее их количество свыше – 200 экземпляров. Состав коллекции документирует различные аспекты жизнеобеспечения мезолитических коллективов. Это орудия охоты и рыболовства, средства передвижения, бытовые орудия и утварь, строительные остатки и заготовки. Оружие – это охотничьи луки хольмогорского и висского типов ручные, висского типа гигантские луки-самострелы;

наконечник стрелы и цельнодеревянные стрелы с пазами для вкладышей; копья из стволов деревьев. Из орудий рыбной ловли – кусок сетного полотна и тетива сети из осики; поплавок для сети из сосновой коры; деталь остроги, наконечник ботала (диск с отверстием для шеста); фрагмент верши; обручи для сачков, вентерей. Из средств передвижения – полозья бескопых саней хейнолинского и висского типов; лыжа веретьевского типа со скульптурным изображением головы лося (рис. 3); лыжи висского типа; весло с заостренной лопастью, служившее на мелководье как шест. Для деревообработки использовались скобель дугообразный с пазами для пластинок-вкладышей, есть рукоять топора с массивной втулкой, а также лучки для высверливания отверстий или добытия огня, сходные по форме с висскими ручными луками. Из утвари присутствует коробка берестяная, сделанная с использованием деревянных шпенок, цинковка из дранки [10]. Ряд предметов (луки, лучки, санные полозья, рукоятка орудия) имеют гравированный орнамент в виде зигзага, прямой линии, косой сетки, крестов, насечек [11]¹.

Отметим, что в популярной книге Г.М. Букова «В гостях у далеких предков» [12], первой в таком жанре, увлекательно раскрывшей неизвестные стороны древнего быта на территории Коми Края, широко использованы материалы Висского 1 торфяника.

Относительно хорошо сохранившиеся деревянные предметы Висского 1 торфяника были использованы для научной реконструкции и атрибуции ряда находок из поселений Нижнее Веретье и Веретье 1 в Восточном Прионежье, с которыми Г.М. Буров сопоставлял Висский 1 торфяник. На стоянках Веретье такие находки были сделаны непосредственно в зоне проживания, поэтому, как отметил Г.М. Буров, некоторые из них представлены мелкими фрагментами.

Прямые радиоуглеродные даты были получены по бревну со срезом 8080 ± 90 радиоуглеродных (С14) лет (ЛЕ-

¹ Основная часть коллекции деревянных предметов хранится в Национальном музее Республики Коми, часть предметов экспонируется.

Рисунок 3. Лыжа веретьевского типа с реалистичным скульптурным изображением головы лося в экспозициях Национального музея Республики Коми.
Figure 3. A ski of the Veretye type with a realistic sculptural image of an elk's head in the expositions of the National Museum of the Komi Republic.

776(478)); бревну – 7820±80 С14 (РУЛ-616); луку-самострелу – 7150±60 С14 (ЛЕ-684); палке с уступом – 7090±80 С14 (ЛЕ-685).

Стратиграфическое положение находок в торфянике, радиоуглеродные даты как висские, так и Веретье 1, особенности обработки и породы дерева позволили создать оригинальную периодизацию висского мезолита. Было выделено три этапа.

Только на I этапе (около 6350 – 6100 гг. до н.э.) широко использовались лиственные породы; к этому этапу принадлежат лыжи висского типа, практически все хейнолинские полозья без штриховки сверху, некоторые луки (хольмегорского типа, висского – с уступом в средней части и массивной головкой внизу), метательные дубинки, топориче, плетеное изделие.

Только на II этапе (6100 – 5700 гг. до н.э.) известны деревянные копья, висские ручные луки с отверстием и выемками для стрел (нередко с орнаментом), станковые луки с отверстием, обручи и берестяная коробка. В середине II этапа появляются висские и штрихованные сверху скобелем хейнолинские полозья.

Самой яркой особенностью III этапа (5700 – 5000 гг. до н.э.) является массовое распространение крупных изделий со штриховкой: санные полозья, лыжа веретьевского типа, весло. Из луков были отмечены только гигантские самострелы с перехватом [6, с. 8–9].

Как отметил Г.М. Буров, «сопоставление этапов висского мезолита по вещам из растительного сырья и пыльцевым диаграммам с памятниками Прибалтики и Прионежья, часть которых (Корпилахти, Веретье I) датирована радиоуглеродным методом, позволяет считать, что Нижнее Веретье намного моложе Веретья 1, предшествующего Вису 1, и соответствует среднему этапу последнего» [6, с. 9].

Так получилось, что палеогеографические исследования на Синдоре, каменный инвентарь и керамика полно описаны в монографии 1967 г. Планировалось, что описание деревянных и других артефактов из растительного сырья будет представлено в следующем монографическом труде. Однако этого не случилось. Они были опубликованы в отдельных статьях на русском [13–17] и зарубежных [10; 11; 18–28] языках.

Существенно то, что Г.М. Буров первым постулировал и обосновал культурные различия в материалах мезолита региона. Анализируя накопленные в конце 1950 – начале 1960-х гг. материалы, Г.М. Буров объединил большинство мезолитических стоянок Европейского Северо-Востока и Прикамья в одну группу, получившую наименование камско-вычегодский мезолит [1, с. 158–159], а позднее – камско-печорско-вычегодский мезолит [2, с. 166]. Его дата была определена временем «после VI тыс. до н.э.». Камско-вычегодскому мезолиту были противопоставлены висские материалы с суходола Вис 1 и висского 1 торфяника, где помимо артефактов из растительных материалов была получена коллекция находок из кремня (около 1 тыс. экз.). Аналогии им находились в Балтии и Прионежье. Взгляды Г.М. Букова получили поддержку известнейшего специалиста мезолитоведа С.К. Козловского в его аналитическом обзоре, посвященном мезолиту Европы [29, с. 365].

В середине 1980-х гг. Г.М. Буров существенно откорректировал свою концепцию мезолита региона [6]. Им выделено два культурных типа: камско-печорский, датируемый VIII–VII тыс. до н.э., и висский (вторая половина VII–VI тыс. до н.э.). Камско-печорский тип, согласно Г.М. Бурову, включает мезолитические стоянки с «микро-макролитическим инвентарем». На Вычегде к этому типу отнесены стоянки выделенной им средневычегодской культуры (Курьядор I, Пезмог I, Ульяново и др.) и стоянка Кузьвомын, статус которой внутри культурного типа не определен. Большинство мезолитических стоянок бассейна Печоры (включая и Большеземельскую тундру) и ижемская стоянка Турун-Нюр I также вошли в данный культурный тип.

Ко второму (висскому) культурному типу отнесены материалы Висского 1 торфяника, суходольных комплексов Виса 1, Симвы 3, а также стоянки Черташ 2 (Вычегда) и Топыд-Нюр 5 (Печора) [30].

В настоящее время значительно увеличилась источниковая база по мезолиту ЕСВ. Изменились методы и методики исследований, много принципиально новых данных об эпохе получено на смежных территориях. Некоторые выводы, суждения Г.М. Букова подверглись уточнениям. Однако основа всех последующих достижений была заложена именно им.

Источники и литература

1. Буров, Г.М. Вычегодский край. Очерки древней истории / Г.М. Буров. – Москва: Наука, 1965. – 200 с.
2. Буров, Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э.) / Г.М. Буров. – Москва: Наука, 1967. – 220 с.
3. Буров, Г.М. Хронология деревянных сооружений и вещей, найденных в Северодвинском бассейне / Г.М. Буров, Е.Н. Романова, А.Д. Семенов // Проблемы абсолютного датирования в археологии. – Москва, 1972. – С. 76–79.
4. Васкул, И.О. Г.М. Буров – исследователь культур эпохи железа на территории европейского Северо-Востока / И.О. Васкул // Переходные эпохи в археологии: материалы Всероссийской археологической конференции с межд. участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар, 2013. – С. 156–157.
5. Буров, Г.М. Вычегодский край в каменном, бронзовом и раннем железном веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. / Григорий Михайлович Буров. – Сыктывкар, 1963. – 18 с.
6. Буров, Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: автореф. дис. ... д. и. н.: 07.00.06 / Григорий Михайлович Буров. – Новосибирск, 1986. – 37 с.
7. Буров, Г.М. Археологические культуры Севера европейской части СССР (Северодвинский край): учебное пособие для студентов-историков / Г.М. Буров. – Ульяновск, 1974. – 120 с.
8. Гисматулин, М.Р. Г.М. Буров – исследователь археологических памятников Ульяновского Поволжья / М.Р. Гисматулин // Переходные эпохи в археологии: материалы Всероссийской археологической конференции с межд.

- участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар, 2013. – С. 152–154.
9. Буров, Г.М. Энциклопедия крымских древностей: археологический словарь Крыма. – Киев: Стило, 2006. – 528 с.
 10. Burov, G.M. Die mesolithischen kulturen im Aussersten Eurpaischen Nordosten. In ed. by Stefan K. Kozlowski. The Mesolithic in Europe. / G.M. Burov. – Warsaw, 1973.
 11. Burov, G.M. Mesolithic Art from the European North East (USSR) / G.M. Burov // Mesolithic Miscellany. – Madison, USA, 1989. – Vol. 10. – №1. – P. 27–30.
 12. Буров, Г.М. В гостях у далеких предков / Г.М. Буров. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1968. – 80 с.
 13. Буров, Г.М. Фрагменты саней с поселений Вис I (мезолит) и Вис II (I тысячелетие н.э.) / Г.М. Буров // СА. – 1981. – № 2. – С. 117–131.
 14. Буров, Г.М. Бескопильные сани Фенноскандии, Вычегодского края и Зауралья: к вопросу о реконструкции древних транспортных средств / Г.М. Буров // XI Все-союзная конференция по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. – Архангельск, 1989.
 15. Буров, Г.М. Деревянные орудия охоты у мезолитических племен Крайнего Северо-Востока Европы / Г.М. Буров // РА. – 1993. – № 3. – С. 149–164.
 16. Буров, Г.М. Мезолитические деревянные изделия новых категорий и типов с поселения Вис 1 и в бассейне Вычегды // РА. – 2009. – № 3. – С.17–29.
 17. Буров, Г.М. Рыбная ловля в эпоху мезолита на Европейском Севере России / Г.М. Буров // РА. – 2011. – № 2. – С. 5–11.
 18. Burov, G.M. Some Mesolithic Wooden Artifacts from the Site of Vis 1 in the European North East of USSR. / G.M. Burov // In: Mesolithic in Europe: Paper Presented at the 3rd Intern. Symp. (Edinburgh 1985). Ed. by Clive Bonsall. – Edinburgh, 1985.
 19. Burov, G.M. Die Holzgerate des Siedlungsplatzes Vis I als Grundlage fur die Periodisierung des Mesolitikums im Norden des Europaischen Teils der UdSSR / G.M. Burov // Contributions to the Mesolithic in Europe. Eds. Vermeersch P.M. & van Peer P. – Leuven, Belgium: Catholic Univ. Press, 1990. – P. 335 – 344.
 20. Burov, G.M. Mesolithic Fishing in the European North East (Russia) / G.M. Burov // Mesolithic Miscellany. – 1992. – Vol. 13. – № 2. – P. 1–9.
 21. Burov, G.M. On Mesolithic Means of Water Transportation in Northeastern Europe / G.M. Burov // Mesolithic Miscellany. –Edinburgh, Great Britain, 1996. – №1. – P. 5–15.
 22. Burov, G.M. The Use of Vegetable Raw Materials in the Mesolithic of European North East / G.M. Burov // Harvesting the Sea, Farming the Forest / Eds. Zvelebil M. et al. – Sheffield, Great Britain: Academic Press, 1998. – P. 53–63.
 23. Burov, G.M. The Mesolithic in the North-East of European Russia. / G.M. Burov // In: Thevenin A. (ed.) L'Europe des derniers chasseurs: epipaleolithique et mesolithique. Actes du 5-e colloque international UISPP, commission XII, Grenole, 18–23 septembre 1995, Paris: Editions du CTHS, 1999. – P. 405–410.
 24. Burov, G.M. «Postswiderian» of the European North East / G.M. Burov // Tanged Points Cultures in Europe / Eds. Kozlowski K. & al. – Lublin, Poland: Univ. Press, 1999. – P. 281–291.
 25. Burov, G.M. On Mesolithic Means of Water Transportation in Northeastern Europe / G.M. Burov // Mesolithic Miscellany. – Edinburgh, Great Britain, 1996. – №1. – P. 5–15.
 26. Burov, G.M. Inland Waterborne Trade of Baltic Region Inhabitants with Communities of the Urals Area in the Mesolithic and Neo-Eneolithic / G.M. Burov // Schutz des Kulturerbes unter Wasser / Red. Grafm von Schmettow und andere. – Lubstorf, Deutschland: Buck GmbH, 2000. – P. 21 – 29, 33, 34. Zusammenfassung (in deutscher Sprache) // Ibidem. – P. 29–34.
 27. Burov, G.M. Ancient Wooden Objects and Structures in Oxbow PeatBogs of the European Northeast (Russia) / G.M. Burov // Enduring Records / Ed. Purdy B. – Oxford, Great Britain: Oxbow Books, 2001. – P. 214–232.
 28. Burov, G.M. The Prehistoric Skis of North Eastern Europe (Russia) / G.M. Burov // 3rd FIS Ski History Conference. – Murzzuschlag, Osterreich, 2004. – P. 15–22.
 29. Kozlowski, S.K. Introduction to the History of Europe in Early Holocene. / S.K Kozlowski // In: Kozlowski S.K. The Mesolithic in Europe. – Warsaw: Warsaw University Press, 1973.
 30. Буров, Г.М. Культурные типы Крайнего Северо-Востока Европы (эпоха мезолита, неолита и раннего металла) / Г.М. Буров. – Симферополь, 1986. – 77 с. Депонировано в ИНИОН АН СССР. – № 25191.

References

1. Burov, G.M. Vychegodskij kraj. Ocherki drevnej istorii [The Vychegda region. Essays on ancient history] / G.M. Burov. – Moscow: Nauka, 1965. – 200 p.
2. Burov, G.M. Drevnij Sindor (iz istorii plemen Evropejskogo Severo-Vostoka v VII tysyacheletii do n.e. – I tysyacheletii n.e.) [Ancient Sindor (from the history of the tribes of the European North-East in the VII millennium B.C. – I millennium A.D.)] / G.M. Burov. – Moscow: Nauka, 1967. – 220 p.
3. Burov, G.M. Hronologiya derevyannyh sooruzhenij i veshchej, najdennyh v Severodvinskom bassejne [Chronology of wooden structures and things found in the Northern Dvina River basin] / G.M. Burov, E.N. Romanova, A.D. Sementsov // Problemy absoljutnogo datirovaniya v arheologii [Problems of absolute dating in archaeology]. – Moscow, 1972. – P. 76–79.
4. Vaskul, I.O. G.M. Burov – issledovatel kultur epohi zheleza na territorii evropejskogo Severo-Vostoka [G.M. Burov – a researcher of Iron Age cultures on the territory of the European North-East] / O.I. Vaskul // Perekhodnye epohi v arheologii: Materialy Vserossijskoj arheologicheskoi konferencii s mezhd. uchastiem “XIX Uralskoe arheologicheskoe soveshchanie” [Transitional Epochs in Archaeology: Materials of the All-Russian Archaeological Conference with Intern. Participation “XIX Ural Archaeological Meeting”]. – Syktyvkar, 2013. – P. 156–157.
5. Burov, G.M. Vychegodskij kraj v kamennom, bronzovom i rannem zheleznom veke [The Vychegda region in Stone,

- Bronze and Early Iron Ages]: abstract of diss.... Cand. Sci. (History) / Grigory M. Burov. – Leningrad, 1963. – 18 p.
6. Burov, G.M. Krainij Severo-Vostok Evropy v epohu mezolita, neolita i rannego metalla [The Extreme North-East of Europe in the Mesolithic, Neolithic and Early Metal Epochs]: abstract of diss...Dr. Sci. (History): 07.00.06 / Grigory Mikhailovich Burov. – Novosibirsk, 1986. – 37 p.
 7. Burov, G.M. Arheologicheskie kultury Severa evropejskoj chasti SSSR (Severodvinskij kraj): Uchebnoe posobie dlya studentov-istorikov [Archaeological cultures of the North of the European part of the USSR (the Severodvinsk Region): Textbook for history students] / G.M. Burov. – Ulyanovsk, 1974. – 120 p.
 8. Gismatulin, M.R. G.M. Burov – issledovatel arheologicheskikh pamyatnikov Ulyanovskogo Povolzhya [G.M. Burov – a researcher of archaeological sites of the Ulyanovsk Volga region] / M.R. Gismatulin // Perekhodnye epohi v arheologii: Materialy Vserossijskoj arheologicheskoi konferencii s mezhd. uchastiem «XIX Uralskoe arheologicheskoe soveshchanie» [Transitional Epochs in Archaeology: Materials of the All-Russian Archaeological Conference with Intern. Participation "XIX Ural Archaeological Meeting"]. – Syktyvkar, 2013. – P. 152–154.
 9. Burov, G.M. Enciklopediya krymskikh drevnostej: arheologicheskij slovar Kryma [Encyclopedia of the Crimean antiquities: Archeological dictionary of Crimea] / G.M. Burov. – Kiev: Stilos, 2006. – 528 p.
 10. Burov, G.M. Die mesolithischen Kulturen im Aussersten Europaischen Nordosten / G.M. Burov. Ed. Stefan K. Kozlowski // The Mesolithic in Europe. – Warsaw, 1973.
 11. Burov, G.M. Mesolithic Art from the European North East (USSR) / G.M. Burov // Mesolithic Miscellany. – Madison, USA, 1989. – Vol. 10. – № 1. – P. 27–30.
 12. Burov, G.M. V gostyah u dalekih predkov [Visiting distant ancestors] / G.M. Burov. – Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1968. – 80 p.
 13. Burov, G.M. Fragmenty sanej s poselenij Vis I (mezolit) i Vis II (I tysyacheletie n.e.) [Fragments of sledges from settlements Vis I (Mesolithic) and Vis II (I millennium A.D.)] / G.M. Burov // Sovetskaya arkheologia [Soviet Archaeology]. – 1981. – № 2. – P. 117–131.
 14. Burov, G.M. Beskopylnye sani Fennoskandii, Vychegodskogo kraja i Zauralya: k voprosu o rekonstrukcii drevnih transportnyh sredstv [Sledges of Fennoscandia, the Vychegda region and Trans-Ural area: on the problem of reconstruction of ancient means of transportation] / G.M. Burov // XI Vsesoyuznaya konferenciya po istorii, ekonomike, yazyku i literature skandinavskih stran i Finlyandii [The XI All-Union Conference on History, Economics, Language and Literature of the Scandinavian countries and Finland]. – Arkhangelsk, 1989.
 15. Burov, G.M. Derevyannye orudiya ohoty u mezoliticheskikh plemen Krajnego Severo-Vostoka Evropy [Wooden hunting tools of Mesolithic tribes of the Extreme North-East of Europe] / G.M. Burov // Russian Archaeology. – 1993. – № 3. – P. 149–164.
 16. Burov, G.M. Mezoliticheskie derevyannye izdeliya novyh kategorij i tipov s poseleniya Vis 1 bassejne Vychegdy [Mesolithic wooden items of new categories and types from the Vis 1 settlement in the Vychegda basin] / G.M. Burov // Rossiiskaya arkheologia [Russian Archaeology]. – 2009. – № 3. – P. 17–29.
 17. Burov, G.M. Rybnaya lovlya v epohu mezolita na Evropejskom Severe Rossii [Fishing in the Mesolithic in the European North of Russia] / G.M. Burov // Rossiiskaya arkheologia [Russian Archaeology]. – 2011. – № 2. – P. 5–11.
 18. Burov, G.M. Some Mesolithic wooden artifacts from the site of Vis 1 in the European North East of U.S.S.R. / G.M. Burov // In: Mesolithic in Europe: Paper Presented at the 3rd Intern. Symp. (Edinburgh 1985). Ed. by Clive Bonsall. – Edinburgh, Great Britain: Univ. Press, 1989. – P. 391–401.
 19. Burov, G.M. Die Holzgerate des Siedlungsplatzes Vis I als Grundlage fur die Periodisierung des Mesolitikums im Norden des Europaischen Teils der UdSSR / G.M. Burov // Contributions to the Mesolithic in Europe. Eds. Vermeersch P.M. & van Peer P. – Leuven, Belgium: Catholic Univ. Press, 1990. – P. 335–344.
 20. Burov, G.M. Mesolithic fishing in the European North East (Russia) / G.M. Burov // Mesolithic Miscellany. – 1992. – Vol. 13. – № 2. – P. 1–9.
 21. Burov, G.M. On Mesolithic means of water transportation in Northeastern Europe / G.M. Burov // Mesolithic Miscellany. – Edinburgh, Great Britain, 1996. – № 1. – P. 5–15.
 22. Burov, G.M. The use of vegetable raw materials in the Mesolithic of European North East / G.M. Burov // Harvesting the Sea, Farming the Forest / Eds. Zvelebil M. [et al.]. – Sheffield, Great Britain: Academic Press, 1998. – P. 53–63.
 23. Burov, G.M. The Mesolithic in the North-East of European Russia / G.M. Burov // In: Thevenin A. (ed.) L'Europe des derniers chasseurs: epipaleolithique et mesolithique. Actes du 5-e colloque international UISPP, commission XII, Grenoble, 18–23 septembre 1995, Paris: Editions du CTHS, 1999. – P. 405–410.
 24. Burov, G.M. "Postwiderian" of the European North East / G.M. Burov // Tanged Points Cultures in Europe / Eds. Kozlowski K. [et al.]. – Lublin, Poland: Univ. Press, 1999. – P. 281–291.
 25. Burov, G.M. On Mesolithic means of water transportation in Northeastern Europe / G.M. Burov // Mesolithic Miscellany. – Edinburgh, Great Britain, 1996. – № 1. – P. 5–15.
 26. Burov, G.M. Inland waterborne trade of Baltic Region inhabitants with communities of the Urals area in the Mesolithic and Neo-Eneolithic / G.M. Burov // Schutz des Kulturerbes unter Wasser / Red. Grafm von Schmettow und andere. – Lubstorf, Deutschland: Buck GmbH, 2000. – P. 21–29, 33, 34. Zusammenfassung (in deutscher Sprache) // Ibidem. – P. 29–34.
 27. Burov, G.M. Ancient wooden objects and structures in oxbow peatbogs of the European Northeast (Russia) / G.M. Burov // Enduring Records / Ed. Purdy B. – Oxford, Great Britain: Oxbow Books, 2001. – P. 214–232.
 28. Burov, G.M. The prehistoric skis of North Eastern Europe (Russia) / G.M. Burov // 3rd FIS Ski History Conference. – Murzzuschlag, Osterreich, 2004. – P. 15–22.
 29. Kozlowski, S.K. Introduction to the history of Europe in Early Holocene / S.K. Kozlowski // In: Kozlowski S.K. The Mesolithic in Europe. – Warsaw: Warsaw University Press, 1973.

30. Burov, G.M. Kulturnye tipy Krajnego Severo-Vostoka Evropy (epoha mezolita, neolita i rannego metalla) [Cultural types of the Extreme North-East of Europe (Mesolithic,

Neolithic and Early Metal epochs)] / G.M. Burov. – Simferopol, 1986. – 77 p. Deponirovano v INION AN SSSR. – № 25191.

Благодарность (госзадание)

Работа выполнена в рамках плановой темы сектора культурной адаптации населения циркумполярной зоны европейского Северо-Востока Института языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН» на 2022–2025 гг. «Особенности формирования населения севера европейской части России в эпоху камня, раннего металла и средневековья по данным археологии» № ГР 121042600199–5.

Информация об авторах:

Волокитин Александр Васильевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: volkt54@mail.ru).

Волокитина Надежда Александровна – кандидат культурологии, научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: anjis@rambler.ru).

Родов Семен Анатольевич – аспирант Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: s.a.rodov@yandex.ru).

Authors:

Aleksandr V. Volokitin – Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Department of Archaeology, Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 26 Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, Russian Federation, 167982; e-mail: volkt54@mail.ru.

Nadezhda A. Volokitina – Candidate of Sciences (Culturology), Researcher, Department of Archaeology, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 26 Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, Russian Federation, 167982; e-mail: anjis@rambler.ru.

Semen A. Rodov – graduate student, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 26 Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, Russian Federation, 167982; e-mail: s.a.rodov@yandex.ru.

Для цитирования:

Волокитин, А.В. Г.М. Буров – первооткрыватель и основоположник исследований мезолита Европейского Северо-Востока / А.В. Волокитин, Н.А. Волокитина, С.А. Родов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 204–210.

For citation:

Volokitin, A.V. G.M. Burov – pervootkryvatel i osnovopolozhnik issledovaniy mezolita Evropejskogo Severo-Vostoka [G.M. Burov – a discoverer and initiator of the Mesolithic studies in the European North-East] / A.V. Volokitin, N.A. Volokitina, S.A. Rodov // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2023. – № 1 (59). – P. 204–210.

Дата поступления рукописи: 15.02.2023

Прошла рецензирование: 20.02.2023

Принято решение о публикации: 20.02.2023

Received: 15.02.2023

Reviewed: 20.02.2023

Accepted: 20.02.2023

Вклад Л.С. Грибовой в изучение декоративно-прикладного искусства народов Коми¹

В.Э. Шарапов, И.Л. Жеребцов

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
sharapov.valery@gmail.com
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

В статье рассмотрены основные вехи биографии видного коми этнографа Л.С. Грибовой (1933–1986), проанализировано значение ее исследований для понимания особенностей декоративно-прикладного искусства коми-зырян и коми-пермяков, охарактеризованы ее основные труды, посвященные этой научной проблематике.

Ключевые слова:

этнография, история науки, коми, народное искусство

Contribution of L.S. Gribova to investigation of decorative and applied art of the Komi peoples¹

V.E. Sharapov, I.L. Zherebtsov

Institute of Language, Literature and History of the Federal
Research Center Komi Science Centre of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Syktывkar
sharapov.valery@gmail.com
zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Abstract

The paper highlights the main issues of the biography of the prominent Komi ethnographer L.S. Gribova (1933–1986), analyzes the significance of her studies for understanding the specificities of decorative and applied art of the Komi-Zyrians and Komi-Permians, discusses her main works devoted to this scientific problem.

Keywords:

ethnography, history of science, Komi, folk art

15 августа 2023 г. исполняется 90 лет со дня рождения видного коми этнографа Л.С. Грибовой (1933–1986). Любовь Степановна родилась в 1933 г. в коми-пермяцком селе Большая Коча (Пермская область) в многодетной семье (шестеро детей) фельдшера и учительницы, окончила сельскую школу (1950), Кудымкарский учительский институт (1952), в 1952–1956 гг. преподавала историю в Отопковской и Петуховской семилетних школах, тогда же начала заниматься сбором материалов по народной культуре коми-пермяков. В 1956–1961 гг. Л.С. Грибова училась в Московском государственном университете, специализировалась по кафедре этнографии, участвовала в этнографических и археологических экспедициях, собирала материал по истории материальной культуры коми-пермяков [1–4].

По окончании МГУ Л.С. Грибову распределили на работу в Коми филиал АН СССР, и 1 августа 1961 г. она стала младшим научным сотрудником отдела этнографии и археологии. В 1963 г., «учитывая хорошую специальную подготовку» Л.С. Грибовой, ей доверили разрабатывать самостоятельную научную тему [2]. Первоначально предполагалось, что она будет заниматься этнографией коми-зырян, но, по просьбе самой Л.С. Грибовой, ей дали возможность изучать быт и культуру коми-пермяков. В октябре того же года Л.С. Грибова поступила в заочную аспирантуру. Ее временным научным руководителем стал Л.Н. Жеребцов, который в апреле 1964 г. на заседании отдела этнографии и археологии отметил, что Л.С. Грибова – «умелый, подготовленный этнограф» [1; 2]. В июне 1964 г.

научным руководителем Л.С. Грибовой стал известный советский этнограф, д.и.н., профессор С.А. Токарев. В 1966 г. Л.Н. Жеребцов писал, что Л.С. Грибова «является хорошо подготовленным серьезным научным работником, ряд лет самостоятельно проводит экспедиционные исследования, собрала большой новый материал» [2; 3]. За годы учебы в аспирантуре окончательно сложился круг научных интересов исследователя – генезис и стилистические особенности народного искусства финно-угорских народов.

В мае 1969 г. Грибова защитила кандидатскую диссертацию по теме «Историческая традиция в народном искусстве коми-пермяков» [5], в последующий год написала монографию на ту же тему. В этой работе были не только обобщены и систематизированы результаты изучения традиционного и современного декоративно-прикладного искусства коми-пермяков, но и определены некоторые перспективы комплексного исследования изобразительного искусства народов коми с целью выяснения генезиса, стилистических особенностей и тенденций развития различных его видов. В частности, была сформулирована гипотеза о значительном влиянии пермского звериного стиля на все виды народного изобразительного искусства финно-угров Европейского Северо-Востока и Приуралья. Профессор С.А. Токарев отмечал: «Л.С. Грибова обнаружила <...> все положительные качества молодого научного работника: серьезный интерес к избранной специальности, пытливость, большое трудолюбие, настойчивость, критическое и самостоятельное мышление» [2].

Разработкой этой проблематики, предполагающей охват широких хронологических и территориальных рамок исследований, Л.С. Грибова продолжала активно занимать-

¹ К 90-летию со дня рождения Л.С. Грибовой.
¹ To the 90th anniversary of birth of L.S. Gribova.

ся в последующие годы. Результатом этих научных поисков послужил выход в свет в 1975 г. монографии «Пермский звериный стиль. Проблемы семантики», в которой автором рассматривался ряд проблем: происхождение древнего искусства Прикамья; отражение в символике пермского звериного стиля социальной структуры и идеологии древнего населения Прикамья; связь культа предков у коми с историческими преданиями о чуди. Исследователь обращается к изучению социальной структуры древнего населения Урала на основе анализа символики пермского бронзового литья и, в частности, обосновывает тезис о «тотемической природе образов пермского звериного стиля», которые, по мнению автора, могли использоваться в качестве родовых, фратриальных и племенных знаков [6].

Исследование получило отклики не только у нас в стране, но и за рубежом. В отзывах на монографию обращалось внимание на явное преувеличение автором значения тотемизма в мировоззренческой системе древнего населения Урала. Предлагаемая автором тотемистическая концепция семантики древнего культового литья пермских народов вызвала у этнологов ряд серьезных замечаний [7; 8].

Вместе с тем отмечалось, что несомненным достоинством исследования является привлечение новых этнографических и фольклорных материалов при анализе семантики археологических памятников. В частности, Н.Д. Конаков подчеркивал, что книга Л.С. Грибовой – первое крупное научное исследование, посвященное реконструкции традиционного мировоззрения коми, опубликованное за почти столетие, прошедшего со времени издания книги А.С. Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у коми-зырян» (1927) [9]. Монография стала безусловным событием в финно-угроведении. Л.С. Грибова отобрала из опубликованных и архивных источников, а также собрала лично очень интересный и ценный материал по мифологии и языческим верованиям народов коми.

В 1975 г. к.и.н. Л.С. Грибова была избрана на должность старшего научного сотрудника и возглавила творческую лабораторию по изучению декоративно-прикладного искусства народов коми. Под руководством Л.С. Грибовой проводилось систематическое изучение археологических коллекций по художественному бронзовому литью (раннего железного века и средневековья) и этнографических материалов по традиционной культуре коми народов в Музее антропологии и этнографии, в Эрмитаже; тщательно прорабатывались и систематизировались фонды по народному изобразительному искусству в Сыктывкарском, Пермском, Кудымкарском, Гайнском и Салехардском краеведческих музеях [10].

Л.С. Грибова была опытным полевым исследователем. За 25 лет научной деятельности она провела многочисленные экспедиционные поездки на территории Коми республики (Усть-Куломский, Сыктывдинский, Усть-Вымский, Сыольский, Прилузский, Ижемский районы), в Коми-Пермяцком национальном округе и Архангельской области. Характерно, что Л.С. Грибова поддерживала постоянные контакты с мастерами по декоративно-прикладному искусству, вела активную переписку со многими своими информантами.

Многолетняя исследовательская и собирательская работа Л.С. Грибовой нашла свое итоговое выражение в изданной в 1980 г. обобщающей монографии «Декоративно-при-

кладное искусство народов коми», которая представляет собой первый опыт историко-этнографического обзора традиционного изобразительного искусства коми начиная с древнейших времен до наших дней. В исследовании рассматриваются генезис и стилистические особенности различных видов народного изобразительного искусства коми: художественная обработка дерева, металлов и кости; узорное ткачество и вязание; вышивка; набойка; обработка меха. Отдельная глава посвящена происхождению геометрического орнамента, чрезвычайно развитого в народном искусстве коми. Не оспаривая общепринятые теории о происхождении геометрического орнамента, исследователь обосновывает гипотезу о том, что основой геометрического орнамента могли послужить родовые знаки собственности – пасы. Л.С. Грибова выделяет несколько функций паса: знак родовой принадлежности, функция магическая (оберег), декоративная функция. По мнению исследователя, с утерей первых двух функций пас сохранился как орнаментальный мотив [11]. Это утверждение не согласуется с традиционными представлениями, характерными для многих народов о том, что орнамент выполняет функцию оберега от нечистой силы. Также недостаточно аргументированы и критерии выделения тех или иных пасов в качестве элементарных составляющих некоторых орнаментальных мотивов, поскольку даже из одного паса путем его различных комбинаций могут быть получены самые разнообразные композиции орнамента. Очевидно, что в работе Л.С. Грибовой предложен лишь один из возможных подходов в решении проблемы происхождения различных мотивов коми орнамента. Заключительная глава монографии посвящена анализу современного состояния и тенденциям развития народных художественных промыслов у коми.

Систематические научные исследования феномена «зырянского искусства», начатые в 60–80 гг. XX в. творческой лабораторией под руководством известного коми этнографов Л.С. Грибовой, а также опыт современного этнографического картографирования традиционных для коми ремесел и промыслов, показывают, что самобытные эстетические и технологические традиции формировались у коми в местах совместного либо пограничного проживания с иноэтничным населением [12; 13]. В частности, речь идет о таких ярких образцах народного искусства коми, как удорская и вычегодская роспись по дереву коми старообрядцев [14; 15]; летская вышивка на головных уборах и рубахах [16; 17]; резная деревянная пластика и меховая аппликация ижемских коми оленеводов [18–20]; берестяные изделия с прорезным орнаментом и тиснением/штампом удорских и печорских коми; сыольский керамический промысел; нювчимское кружевоплетение; повсеместно распространенное у коми узорное многоцветное вязание и ткачество [11].

Будучи признанным специалистом в области декоративно-прикладного искусства, Л.С. Грибова на протяжении многих лет оказывала консультативную помощь в экспозиционной работе сотрудникам художественного и краеведческих музеев республики, являлась членом республиканского художественного совета при Совете Министров Коми АССР, входила в состав Совета Союза художников Коми АССР, активно занималась популяризацией знаний о

народной культуре коми. Коми книжное издательство выпустило брошюру Грибовой «Народно-прикладное искусство коми» [21].

Перу Л.С. Грибовой принадлежит около 50 научных работ, из которых опубликовано 34. Некоторые труды исследователя были опубликованы в Венгрии и Финляндии. В 1985 г. Л.С. Грибова подготовила монографию «Народное искусство в истории культуры коми», но опубликовать ее не успела. Она скончалась 12 октября 1986 г. В 1993 г. вышел в свет первый альбом по народному изобразительному искусству коми, работа над которым была начата Л.С. Грибовой еще в 1980-х гг. и завершена под руководством д.и.н. Э.А. Савельевой сотрудниками Коми республиканского краеведческого музея [22].

В июне 2013 г. в Кудымкаре состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Этнокультурное наследие пермских финнов в истории России», посвященная 80-летию Л.С. Грибовой. В 2014 г. в Кудымкаре была переиздана ее монография «Пермский звериный стиль» [23]. (Забавно, что в информации о состоявшейся в апреле 2015 г. презентации этой книги в Пермской краевой библиотеке им. М. Горького было сказано, что Л.С. Грибова – «этнограф с мировым именем, первый исследователь финно-угорских народов, уроженка Кочёвского района» и «старший научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан» [24]).

Материалы по изобразительному искусству представлены в личных фондах Л.С. Грибовой, хранящихся в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН и Коми-пермяцком краеведческом музее; там же имеются и материалы по родильной, свадебной, погребальной и календарной обрядности народов коми, по традиционной медицине и др.

Конечно, в цикле научных работ, отражающих большой исследовательский путь ученого финно-угроведа Л.С. Грибовой, можно найти аспекты, требующие уточнения и пересмотра. В исследованиях Л.С. Грибовой, особенно в теоретических экскурсах, есть ряд спорных утверждений, которые, вероятно, во многом обусловлены общей неразработанностью методологии этнографического исследования изобразительного искусства, и не только традиционного. Задача исследователя тем более усложняется, когда поиск ведется на стыке искусствоведческого, этнографического и семиотических подходов.

Не вызывает сомнения тот факт, что исследования Л.С. Грибовой в той или иной мере повлияли на очерчивание круга проблем, разработкой которых в настоящее время продолжают заниматься сотрудники отделов этнографии и фольклора Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. На сегодняшний день, как правило, ни одна работа по народному искусству финно-угорских народов, по этнографии и фольклору коми не обходится без ссылок на опубликованные исследования Л.С. Грибовой либо на ее полевые материалы.

Можно с уверенностью сказать, что научное наследие Л.С. Грибовой может послужить не столько объектом для критических замечаний, сколько материалом, порой уникальным, для серьезных размышлений и поисков в изучении феномена народного изобразительного искусства.

Литература

1. Шарапов, В.Э. Л.С. Грибова – исследователь народной культуры коми / В.Э. Шарапов // Арт. 2003. – № 4. – С. 94–98, 148.
2. Жеребцов, И.Л. Любовь Степановна Грибова / И.Л. Жеребцов, В.Э. Шарапов // Очерки по истории изучения этнографии коми. – Сыктывкар, 2007. – С. 138–140.
3. Шарапов, В.Э. Л.С. Грибова – исследователь народного изобразительного искусства коми / В.Э. Шарапов // Этнокультурное наследие пермских финнов. – Кудымкар, 2013. – С. 19–23.
4. Мальцева, Н.А. О Любви Степановне Грибовой / Н.А. Мальцева // Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. – Кудымкар, 2014. – С. 162–168.
5. Грибова, Л.С. Историческая традиция в народном искусстве коми-пермяков: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Грибова Любовь Степановна; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 1969. – 16 с.
6. Грибова, Л.С. Пермский звериный стиль (Проблемы семантики) / Л.С. Грибова. – Москва, 1975. – 147 с.
7. Корепанов, К.И. Рецензия на монографию Л.С. Грибовой «Пермский звериный стиль. Проблемы семантики» / К.И. Корепанов, В.А. Оборин // Советская этнография. – 1978. – № 6. – С. 175–180.
8. Диенеш, И. Поединки и экстатические души шаманов / И. Диенеш // CUFU 6. Studia Hungarica. – Syktyvkar, Budapest, 1985. – P. 54–57.
9. Энциклопедия уральских мифологий. Т.1: Мифология коми / под ред.: А.-Л. Сиикала, В.В. Напольских, М. Хоппал; руководитель авторского коллектива Н.Д. Конаков. – Москва: ДиК, 1999. – С. 40.
10. Дерябин, В.С. Научные заслуги Л.С. Грибовой в развитии российской этноархеологии / В.С. Дерябин // Этнокультурное наследие пермских финнов. – Кудымкар, 2013. – С. 9–11.
11. Грибова, Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми / Л.С. Грибова. – Москва: Наука, 1980. – 240 с.
12. Шарапов, В.Э. О перспективах создания электронного атласа по этнографии коми. Предварительные материалы к разделу «декоративно-прикладное искусство» / В.Э. Шарапов // Музей и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми. Вып. 5. – Сыктывкар, 2004. – С. 261–270.
13. Шарапов, В.Э. Этнографическое картографирование народного изобразительного искусства коми / В.Э. Шарапов, И.В. Земцова // Роль визуальных источников в изучении региональной истории. – Сыктывкар, 2017. – С. 23–27.
14. Шарапов, В.Э. Традиция росписи по дереву верхневычегодских коми в конце XIX – первой четверти XX века / В.Э. Шарапов, И.В. Земцова // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2014. – № 2. – С. 119–125.
15. Шарапов, В.Э. «Несуществующая традиция»: роспись по дереву удорских коми старообрядцев / В.Э. Шарапов, И.В. Земцова // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2017. – № 3. – С. 88–94.
16. Климова, Г.Н. Вышивка летских коми / Г.Н. Климова // Этнографические исследования Северо-Запада СССР: Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. – Ленинград: Наука, 1977. – С. 49–62.

17. Сурво, В.В. «Зырянские узоры» в коллекции Национального музея Финляндии / В.В. Сурво, А.А. Сурво, В.Э. Шарапов // III Международный конгресс традиционной художественной культуры: фундаментальные исследования народного искусства (23–25 октября 2017 г., Ханты-Мансийск). – Москва, 2018. – С. 449–458.
18. Шипунова, Г.В. Народное искусство коми: (Резьба по дереву) / Г.В. Шипунова // Всесоюзное географическое общество. Доклады по этнографии Географического общества СССР. Вып. 5. – Ленинград, 1967. – С. 116–125.
19. Земцова, И.В. Ижемские резные шкатулки (краткий обзор коллекции Национального музея Республики Коми) / В.И. Земцова, Т.А. Земцова // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник Московской государственной художественно-промышленной академии им. С.Г. Строганова. – 2015. – № 4. – С. 173–182.
20. Шарапов, В.Э. Ненецко-зырянские «орнаментальные диалоги» в тундрах НАО и ЯНАО / В.Э. Шарапов // Орнаментика в артефактах традиционных культур: материалы XV Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 38–41.
21. Жеребцов, И.Л. Грибова Любовь Степановна / И.Л. Жеребцов // Ямал. Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. – Салехард, 2004. – Т. 1. – С. 247.
22. Грибова, Л.С. Народное искусство коми / Л.С. Грибова, Э.А. Савельева, И.О. Васкул, В.П. Зеновская, И.М. Уткина. – Москва 1993. – 190 с.
23. Грибова, Л.С. Пермский звериный стиль / Л.С. Грибова. – Кудымкар, 2014. – 176 с.
24. <https://permbook.livejournal.com/163112.html>. (дата обращения 17.02.2023 г.).
- L.S. Gribova's monograph "Perm animal style. Problems of semantics" / K.I. Korepanov // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – Moscow, 1978. – № 6. – P. 175–180.
8. Dienes, I. Poedinki i ekstatische dushi shamanov [Duel and ecstatic souls of shamans] / I. Dienes // CUF 6. Studia Hungarica. – Budapest, 1985. – P. 54–57.
9. Enciklopediya uralskih mifologij. T.I: Mifologiya komi [Encyclopedia of the Ural mythologies. Vol. I: the Komi mythology] / Ed. A.-L. Siikala, V.V. Napol'skikh, M. Hoppal. Head of the authors' team N.D. Konakov. – Moscow: DiK, 1999. – P. 40.
10. Deryabin, V.S. Nauchnye zaslugi L.S. Gribovoj v razvitii rossijskoj etnoarheologii [L.S. Gribova's scientific achievements in the Russian ethnoarchaeology] / V.S. Deryabin // Etnokulturnoe nasledie permskikh finnov [Ethnocultural heritage of the Perm Finns]. – Kudymkar, 2013. – P. 9–11.
11. Gribova, L.S. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo narodov komi [Decorative and applied art of the Komi peoples] / L.S. Gribova. – Moscow: Nauka, 1980. – 240 p.
12. Sharapov, V.E. O perspektivah sozdaniya elektronnoogo atlasa po etnografii komi. Predvaritelnye materialy k razdelu "Dekorativno-prikladnoe iskusstvo" [On the creating prospects of an electronic atlas on the ethnography of Komi. Preliminary materials for the section "Decorative and applied art"] / V.E. Sharapov // Museum and Local History. Proceedings of the National Museum of the Komi Republic. – Issue 5. – Syktyvkar, 2004. – P. 261–270.
13. Sharapov, V.E. Etnograficheskoe kartografirovanie narodnogo izobrazitelnogo iskusstva komi [Ethnographic mapping of the Komi folk art] / V.E. Sharapov, I.V. Zemtsova // Rol vizualnyh istochnikov v izuchenii regionalnoj istorii [The role of visual sources in the regional history research]. – Syktyvkar, 2017. – P. 23–27.
14. Sharapov, V.E. Tradiciya rospisi po derevu verhnevychegodskih komi v konce XIX – pervoj chetverti XX veka [The tradition of painting on wood of the Upper-Vychegda Komi at the end of the XIX – first quarter of the XX centuries] / V.E. Sharapov, I.V. Zemtsova // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. – Novosibirsk, 2014. – № 2. – P. 119–125.
15. Sharapov, V.E. "Nesushchestvuyushchaya tradiciya": rospis po derevu udorskih komi staroobryadcev [The "non-existent tradition": painting on wood of the Udora Komi - Old Believers] / V.E. Sharapov, I.V. Zemtsova // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. – 2017. – № 3. – P. 88–94.
16. Klimova, G.N. Vyshivka letsikh komi [Embroidery of the Letka Komi] / G.N. Klimova // Etnograficheskie issledovaniya Severo-Zapada SSSR: Tradicii i kultura selskogo naseleniya. Etnografiya Peterburga [Ethnographic Studies of the North-West of the USSR: Traditions and Culture of the Rural Population. Ethnography of Petersburg]. – Leningrad: Nauka, 1977. – P. 49–62.
17. Survo, V.V. "Zyryanskie uzory" v kollekcii Nacionalnogo muzeya Finlyandii [The "Zyryan patterns" in the collection of the National Museum of Finland] / V.V. Survo, A.A. Survo, V.E. Sharapov // III International Congress of Traditional Art Culture: Fundamental Research of Folk Art (October 23–25, 2017, Khanty-Mansiysk). – Moscow, 2018. – P. 449–458.

References

1. Sharapov, V.E. L.S. Gribova – issledovatel narodnoj kultury komi [L.S. Gribova – a researcher of the Komi folk culture] / V.E. Sharapov // Art. – 2003. – № 4. – P. 94–98, 148.
2. Zherebtsov, I.L. Lyubov Stepanovna Gribova / I.L. Zherebtsov, V.E. Sharapov // Ocherki po istorii izucheniya etnografii komi [Essays on the historical studies of the Komi ethnography]. – Syktyvkar, 2007. – P. 138–140.
3. Sharapov, V.E. L.S. Gribova – issledovatel narodnogo izobrazitelnogo iskusstva komi [L.S. Gribova – a researcher of the Komi folk art] / V.E. Sharapov // Etnokulturnoe nasledie permskikh finnov [Ethnocultural heritage of the Perm Finns]. – Kudymkar, 2013. – P. 19–23.
4. Maltseva, N.A. O Lyubovi Stepanovne Gribovoi [About Lyubov Stepanovna Gribova] / N.A. Maltseva // Gribova L.S. Permskij zverinyj stil [Gribova L.S. Perm animal style]. – Kudymkar, 2014. – P. 162–168.
5. Gribova, L.S. Istoricheskaya tradiciya v narodnom iskusstve komi-permyakov [Historical tradition in the folk art of the Komi-Permians]: abstract of diss... Cand. Sci. (History) / Gribova Lyubov Stepanovna; Moscow State University named after M.V. Lomonosov. – Moscow, 1969. – 16 p.
6. Gribova, L.S. Permskij zverinyj stil (Problemy semantiki) [Perm animal style (Problems of semantics)] / L.S. Gribova. – Moscow, 1975. – 147 p.
7. Korepanov, K.I. Recenziya na monografiyu L.S. Gribovoj "Permskij zverinyj stil. Problemy semantiki" [Review of

18. Shipunova, G.V. Narodnoe iskusstvo komi: (Rezba po derevu) [Folk art of Komi: (Wood carving)] / G.V. Shipunova // All-Union Geographic Society. Reports on Ethnography of the Geographical Society of the USSR. Issue 5. – Leningrad, 1967. – P. 116–125.
19. Zemtsova, I.V. Izhemskie reznye shkatulki (kratkij obzor kollektsii Nacionalnogo muzeya Respubliki Komi) [The Izhma carved caskets (a brief overview of the collection of the National Museum of the Komi Republic)] / I.V. Zemtsova, T.A. Zemtsova // Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda [Decorative art and the subject-spatial environment]. Bulletin of the Moscow State Art and Industrial Academy named after S.G. Stroganov. – 2015. – № 4. – P. 173–182.
20. Sharapov, V.E. Nenecko-zyryanskije "ornamentalnye dialogi" v tundrah NAO i YaNAO [The Nenets-Zyryan "ornamental dialogues" in the tundra areas of the NAO and YaNAO] / V.E. Sharapov // Ornamentika v artefaktah tradicionnykh kultur [Ornamentation in artifacts of traditional cultures]. Materials of the XV International Sankt-Petersburg Ethnographic Readings. – Sankt-Petersburg, 2016. – P. 38–41.
21. Zhrebtsov, I.L. Gribova Lyubov Stepanovna / I.L. Zhrebtsov // Yamal: encyclopedia of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. – Salekhard, 2004. – Vol. 1. – P. 247.
22. Gribova, L.S. Narodnoe iskusstvo komi [Folk art of Komi] / L.S. Gribova, E.A. Savelyeva, I.O. Vaskul, V.P. Zenovskaya, I.M. Utkina. – Moscow, 1993. – 190 p.
23. Gribova, L.S. Permskij zverinyj stil [Perm animal style] / L.S. Gribova. – Kudymkar, 2014. – 176 p.
24. <https://permbook.livejournal.com/163112.html> (accessed: 17.02.2023).

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Информация об авторах:

Шарапов Валерий Энгельсович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: sharapov@online.ru).

Жеребцов Игорь Любимирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Институт языка, литературы и истории Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zhrebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Authors:

Valery E. Sharapov – Candidate of Sciences (History), Leading Researcher at the Ethnography Sector of the Institute of Language, Literature and History FRC Komi SC UB RAS (Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Centre Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russia, 167982; e-mail: sharapov@online.ru).

Igor L. Zhrebtsov – Doctor of Sciences (History), Director of the Institute of Language, Literature and History FRC Komi SC UB RAS (Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Centre Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, Russia, 167982; e-mail: zhrebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Шарапов, В.Э. Вклад Л.С. Грибовой в изучение декоративно-прикладного искусства народов Коми / В.Э. Шарапов, И.Л. Жеребцов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 211–215.

For citation:

Sharapov, V.E. Vklad L.S. Gribovoj v izuchenie dekorativno-prikladnogo iskusstva narodov Komi [Contribution of L.S. Gribova to investigation of decorative and applied art of the Komi peoples] / V.E. Sharapov, I.L. Zhrebtsov // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 211–215.

Дата поступления рукописи: 17.02.2023

Прошла рецензирование: 27.02.2023

Принято решение о публикации: 27.02.2023

Received: 17.02.2023

Reviewed: 27.02.2023

Accepted: 27.02.2023

Накануне юбилея: как Российская Федерация отметила столетие революции 1917 года

В.И. Меньковский

Белорусский государственный университет,
г. Минск
menkovski@bsu.by; vmenkouski@gmail.com

Аннотация

В современной русскоязычной «революционной» историографии достаточно качественных теоретических и конкретно-исторических работ. События 1917 г. постоянно привлекали внимание историков и политиков. Однако в Российской Федерации официальная государственная позиция по отношению к революции была озвучена достаточно осторожно и не вполне определена. В этих условиях «столетний юбилей» является хорошим поводом для анализа концепций и взглядов, предложенных научным историческим сообществом. Одной из самых дискутируемых проблем являлись общие и противоположные составляющие Февраля и Октября, анализ взаимосвязи этапов революционного процесса, периодизация революции.

В статье рассмотрено отношение к этому комплексу проблем в современной русскоязычной историографии. Анализируется роль и место исторической науки в современной российской рефлексии на революцию, ее причины, движущие силы, ход и результаты

Ключевые слова:

революция 1917 г., Российская Федерация, историческая политика, методология исторического исследования, русскоязычная историография

Накануне 100-летнего юбилея революции 1917 г. стало очевидным отсутствие единых подходов к оценке периодизации, причин, значения, сущности события, которое в советские годы определялось как «начало истории». Все предшествующее историческое время трактовалось «отцами-основателями» советского государства не более чем «предыстория человечества». Постепенно характеристика теряла радикальность, но Великая Октябрьская социалистическая революция продолжала оставаться стержнем властного исторического нарратива вплоть до распада Советского Союза. В «годы перестройки» события революции дискутировались практически всем советским социумом, но затем другие исторические события и реалии повседневной жизни отодвинули революционное время на периферию общественного внимания.

Рубеж 2010–2020 гг. можно с определенной долей условности назвать «пятилеткой советских юбилеев». 2017 г. –

On the eve of the anniversary: how the Russian Federation celebrated the centenary of the 1917 revolution

V.I. Menkovsky

Belorussian State University,
Minsk
menkovski@bsu.by; vmenkouski@gmail.com

Abstract

There are a lot of high-quality theoretical and concrete-historical studies in the modern Russian-language "revolutionary" historiography. The revolutionary events of 1917 constantly attracted the attention of historians and politicians. However, the official state position towards the revolution was sounded with caution and not entirely definitely in the Russian Federation. So, the "centenary" is a good occasion for analyzing the concepts and views proposed by the professional historical community in this social-political context. One of the most debated issues are common and opposite components of February and October, analysis of the relationship between the stages of the revolutionary process, periodization of the revolution. The paper considers the attitude to this complex of issues in the contemporary Russian-language historiography. The role and place of historical studies in the modern Russian reflection on the causes of revolution, its driving forces, progress and results are analyzed.

Keywords:

1917 revolution, Russian Federation, historical policy, methodology of historical research, Russian-language historiography

столетие российской революции, 2018 г. – 140 лет со дня рождения И.В. Сталина, 2020 г. – 150 лет со дня рождения В.И. Ленина, 2021 г. – 30-летие распада СССР, 2022 г. – столетие образования СССР. Условность заключается лишь в том, что пятилетка растянулась на шесть лет, с 2017 по 2022 гг., но поскольку речь идет о советской истории, термин представляется возможным. По мере генезиса Советского Союза пятилетки включали в себя и настоящее, и «героическое прошлое», и «светлое будущее». Хотя Советский Союз прекратил существование более 30 лет назад, большинство новых независимых государств, образованных на его территории, продолжают определяться термином «постсоветские» и советское прошлое все еще актуально как для политических элит, так и для рядовых граждан этих стран.

Юбилеи стали удобным поводом для возвращения к обсуждению советского прошлого политиками, средствами

массовой информации, профессиональными историками, обществом в целом. Мы употребляем термин «возвращение» поскольку советская история уже была в центре внимания в конце XX – начале XXI вв. Потом интерес ослаб, внимание властных элит и общества переключилось на проблемы современности, а история осталась полем деятельности историков. Однако процесс самоидентификации российского общества, поиск «национальной идеи» вернули советскую историю в центр общественного внимания. Мемориальная политика, а, следовательно, и ее юбилейный аспект стали важным элементом идеологической и политической составляющей повседневности, т.е. советское прошлое стало объектом не только исторической науки, но и исторической политики. Как справедливо отмечала Н. Иванова, «Юбилеи – <...> мощный стимул для объединения. По тому, как они проходят в современной России, да и какие, собственно, юбилеи отмечаются – пышно и с размахом, или скромно, почти тайно – видны процессы либо размежевания, противостояния в обществе, либо нахождения и утверждения – на исторической толще юбилея – искомой идентичности» [1].

Конечно, в 2023 г. оценка революции уже не вызывает таких острых споров и разногласий как несколько лет назад, но нам представляется важным напомнить трактовки и подходы властных структур Российской Федерации и российского исторического сообщества к юбилею. Для большинства россиян революция стала событием, не вызывающим особых эмоций, ни особо положительных, ни особо отрицательных. Просто одна из исторических дат. Согласно данным Института социологии РАН, на вопрос: «Кого свергли большевики», – только 11 % респондентов дали ответ: «Временное правительство» [2], – а объектом гордости Октябрьскую революцию выбрали лишь 6 % опрошенных [3].

Иное дело корпорация историков. В течение почти 70-летнего существования Советского Союза была создана система символов революции(-ий) 1917 г., в которой Октябрь превалировал над Февралем, партия большевиков представлялась не только организатором победы революционных сил, но и единственным выразителем подлинных интересов социальных страт и национальных сообществ. Формирование «советского народа как новой исторической общности» напрямую связывалось с Революцией, которая одновременно представлялась как в контексте классового интернационализма, так и в формировании советской идентичности.

Краткий, но информативный и аргументированный экскурс в «приключение образов российской революции» в Советском Союзе и Российской Федерации дан в статье И.В. Нарского «Образ Октябрьской революции 1917 года в советско-российской коллективной памяти: сто лет перемен» [4, с. 191–198]. Автор выделил (сконструировал) следующие периоды:

- 1917–начало 1920-х гг. – период ускоренного коллективного забывания (т.е. создание мифа о жизни во время революции как непрерывного и сознательного героизма);

- начало 1920-х–середина 1950-х гг. – институционализация коллективного поминовения Октябрьской революции (т.е. обретение революционным мифом канонической формы);
- середина 1950-х – середина 1980-х гг. – время романтизации (т.е. восстановление образа революции как ленинского проекта «подлинного коммунизма») и рутинизации революции (миф Октябрьской революции начинает уступать место мифу о Великой Отечественной войне как главному событию советской истории)¹ [5, с. 544];
- середина 1980-х–середина 2000-х гг. – «плюрализм памяти без барьеров» (т.е. исчезновение объединяющих и ограничивающих рамок «революционного мифа») [5, с. 192].

В трактовке названных периодов мы солидарны с И.В. Нарским, однако не разделяем его характеристику последнего (современного) этапа российской исторической политики. Оценка революции как «удара ножом в спину России», по нашему мнению, все-таки не стала преобладающей в российском дискурсе. Скорее можно согласиться с позицией А. Левинсона, отмечавшего, что российская «власть хотела бы быть наследницей всего-всего – и романовской империи, и большевистской. Точнее, всего только хорошего – без того, за что красные справедливо ненавидели белых и за что белые справедливо ненавидели красных» [6, с. 105].

Наша трактовка также указывает на «парадоксальность» современной российской ситуации, в которой революция все еще не определена в качестве или «разрыва», или «связующего звена» российско-советской истории, т.е. мы считаем, что с середины 2000-х гг. происходит сочетание позитивной оценки дореволюционного и советского имперского прошлого с трактовкой революции как «Великой Российской».

Об астрономических, точнее астрологических, корнях термина «революция» вспоминает А.В. Сперанский, выводя их из работы Н. Коперника «О вращении небесных сфер». Однако для оценки масштабности и значимости революционных событий, по его мнению, «стоит обратиться к ее классическому пониманию, выработанному в лоне марксистской теории <...>. Несмотря на все идеологические и политические удары, полученные ею в последнее время, именно она наиболее точно и глубоко определяет содержание революционного процесса» [7, с. 53]. При этом российский революционный процесс он продлевает практически на весь XX век, считая временем его окончания «перестройку» 1980-х гг. «В конце XX в. Русская революция как переход от одной общественно-экономической формации к другой остановилась. Победившая в стране контрреволюция привела к утверждению прежних, ранее отвергнутых буржуазных общественно-экономических отношений» [7, с. 58].

Исполнительный директор фонда «Русский мир» В.А. Никонов определяет события 1917 г. как «крушение».

¹ Е.Ф. Кринко отметил, в этой связи, новые тенденции советских мемориальных практик данного периода: «В первую очередь, они выразились в создании единых мемориальных комплексов, посвященных героям Гражданской и Великой Отечественной войн, призванных связать их в единый историко-мемориальный ряд».

В работе «Крушение России. 1917 г.» он пишет, что его «книга – о революции 1917 года. Причем о менее популярной – Февральской. О ней надолго забыли, когда в центр глобальной и отечественной истории была поставлена революция Октябрьская, приведшая к власти большевиков, которые предложили и попытались навязать остальным альтернативную модель общественного устройства, поставив на дыбы весь остальной мир. Но не следует забывать, что разрушение многовековых форм российской государственности произошло именно в феврале-марте 1917 года и именно тогда было положено начало лавинообразной общественной дезинтеграции. С точки зрения исследования Крушений России Февральская революция важнее Октябрьской» [8, с. 4].

Прямо противоположный взгляд представляет руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН А.В. Шубин, для которого революция не трагедия разрушения, а шанс поступательного движения страны. «В феврале 1917 г. не "белая кость", наследники древних вырождающихся родов, а люди из толщи народной получили шанс определить судьбу страны на десятилетия. Впервые со времен Смуты XVII в. миллионы людей смогли выйти из скотного двора, где их держала Система, на холодный, ветреный простор Истории. Впервые за несколько поколений они почувствовали себя людьми, а не тварями дрожащими. Одни принялись грабить, другие в ужасе бросились назад в теплый хлев, но третьи – и таких тоже были миллионы – стали писать нашу историю. Пусть неумело, с ошибками. Но спасибо им за это. Лучше так, чем история, напечатанная чиновниками под копирку» [9, с. 5].

В концептуальном отношении В.А. Никонов использует становящееся все более популярным деление историографии революции на пессимистическое и оптимистическое направления. «Пессимисты полагают, что предреволюционная Россия находилась в глубоком системном кризисе, ее социально-экономическая и политическая структура была безнадежно устарелой и неререформируемой, старая власть – недееспособной <...>. Оптимисты же уверены, что строй позднеимперской России после Великих реформ 1860–1870-х годов и преобразований 1905–1906 годов обеспечивал хорошие условия для поступательного развития страны на основе частной собственности, рыночной экономики и формирующихся основ гражданского общества. Революция стала следствием случайных событий, к которым относилась, в первую очередь, мировая война» [8, с. 14–15].

Подобную классификацию историографических подходов использует и Б.Н. Миронов в работе «Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации». Он пишет, что «участников дискуссии можно, по аналогии с классификацией, используемой в зарубежной историографии, разделить на "оптимистов" и "пессимистов": первые считают, что в позднеимперский период в развитии страны преобладали положительные тенденции, которые при более удачном стечении обстоятельств позволили бы избежать революции, а вторые настаивают на неисправимости самодержавия и на тотальном системном характере кризиса, с неизбежностью закончившегося ре-

волюциями. "Оптимисты" борются с "пессимистами" – вот в чем суть дискуссии и причина высокого накала страстей. И в центре высокоэмоциональной дискуссии оказалась, по существу, революция 1917 г.» [10, с. 14].

Дилемма Февраль – Октябрь остается одним из спорных моментов русскоязычной историографии. Наличие различных трактовок отмечалось и в предшествующие годы. Н.Д. Ерофеев, анализируя российскую историографию рубежа XX–XXI вв. отмечал, что «в современной историографии неоднозначный ответ дается и на вопрос о том, сколько революций было в России в 1917 г... Нет единства и в определении заключительной вехи революции. По мнению В.И. Миллера, все зависит от того, какое явление имеется в виду под термином «революция». Если рассматривать революцию как процесс преобразования общества, то «она охватывает период с конца февраля 1917 г. и примерно до конца 1920 г. <...> Революция как событие это 27 февраля, 25 октября 1917 г. Историки, рассматривающие Февраль, Октябрь и гражданскую войну как неразрывно связанные между собой части Великой российской революции, относят ее завершение к 1922 г.» [11, с. 105].

Анализ современной русскоязычной историографии позволяет сделать вывод о преобладании в академическом сообществе отношения к событиям 1917 г. как к единому революционному процессу. К такой точке зрения склоняются, например, редакторы сборника «1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика». В предисловии они пишут, что «2017 год в России и за рубежом будет ознаменован многочисленными научными форумами, приуроченными к 100-летию юбилею Русской революции 1917 года. В ряде исследований по отношению к этому эпохальному событию применяется термин "Великая Русская революция", другие авторы продолжают настаивать на двух революциях в России 1917 года – демократической Февральской и пролетарски-плебейской (социалистической) – Октябрьской, третьи говорят о срыве революционного процесса в результате Октябрьского большевистского переворота. Мы предпочитаем говорить о единой Русской революции 1917 года, имевшей два этапа, и едином революционном процессе 1917–1920 годов, завершившемся победой большевиков» [12, с. 3].

По мнению Б.Н. Миронова, «февральские и октябрьские события 1917 г. представляют собой два этапа одной революции, начало которой целесообразно передвинуть к 1914 г. – моменту вступления России в Первую мировую войну, а завершение – к 1920 г., окончанию Гражданской войны ... Февральские события не успели завершиться легитимацией нового режима или его полным фактическим утверждением. Не случайно и правительство было временным, и парламент – предпарламентом. Определить правовой статус и превратить новый режим в легитимный должно было Учредительное собрание, но оно собралось слишком поздно и было безрезультатным: большевикам удалось его разогнать» [13, с. 73–74]. Автор приходит к выводу, что «ни марксистская, ни мальтузианская (в классической или современной версии) интерпретации, ни структурная, ни психосоциальные концепции революции

не подтверждаются эмпирически. Теория модернизации, а также институциональная и политическая концепции объясняют происхождение русских революций 1905 г. и 1917 г. намного убедительнее.

Революции начала XX в. произошли не потому, что Россия после Великих реформ 1860-х гг. вступила в состояние глобального перманентного кризиса, а потому, что общество (вследствие особых обстоятельств, порожденных войной и ожесточенной борьбой за власть между элитами) не справилось с процессом перехода от традиции к модерну» [13, с. 113–114]. К подобному выводу приходят и эксперты Горбачев-фонда, представившие доклад «Русская Революция 1917 года для нашей страны и мира: взгляд сто лет спустя». В докладе отмечается, что «мощная социальная динамика, которую вызвала Революция, вывела на передний план неграмотную массу аграрного населения. Превращение ее в реального политического и социального актора существенно снижало модернизационный потенциал изменений, вызванных революцией» [14, с. 7–8].

Заметное место в анализе состояния российского общества и государства накануне и во время революции занимают две самые интересные, с нашей точки зрения, публицистические работы 2017 г. [15, 16], написанные с разных идеологических позиций, но общие в попытке дать возможность современному читателю понять «дух», атмосферу времени. Л. Данилкин считает, что «мы перестанем стесняться революции – и будем вспоминать о ней, как о лучшем времени в истории» [17], а по мнению М. Зыгаря, «все просто рассыпалось, потому что больше не могло жить» [18].

Директор Института российской истории РАН Ю.А. Петров подчеркивает, что в историографии утвердилось понимание того, что революция – это процесс, а не событие [19, с. 212]. А.В. Баранов периодизацию революционных российских событий основывал на принципиальном отличии революции от государственного переворота. Революция меняет преобладающий тип собственности и социальную стратификацию, официальную идеологию, детерминирует долгосрочный вектор развития общества. «Исходя из данных критериев, в России состоялась революция 1917–1921 гг. Ее завершающими событиями стали установление большевистским режимом контроля над территорией страны и вынужденный переход от военного коммунизма к нэпу» [20, с. 193].

Через понятия «контроль» и «монополия» определял продолжительность революции Б.Н. Колоницкий. В ходе обсуждения монографии «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 г.) [21] на международном форуме историков, философов и публицистов «К 100-летию Великой российской революции. 1917–1922 гг.: провинция в эпоху системных кризисов», проходившем в Ульяновске в декабре 2017 г., он определил временем завершения революции тот момент, когда власть восстанавливает монополию на насилие.

Современная русскоязычная историография предлагает различные варианты подходов, расширяющих рамки революционного процесса за границы 1917 г. По мнению

А.В. Шубина, «в феврале (марте) 1917 г. началась Великая Российская революция, в составе которой выделяются два социально-политических переворота – “Февральская революция” и “Октябрьская революция”. Тем не менее, период революционных перемен имел место и в мае 1917 г., и в 1918 г. Революция не сводится к этим двум переворотам, это – более длительный процесс, протекавший с февраля 1917 г. до начала 1920-х гг. и прошедший в своем развитии несколько фаз» [9, с. 11].

1917 год лишь как эпизод революции рассматривает академик РАН Ю. Пивоваров: «В моей собственной концепции русской революции 1917 год – лишь одна из точек, важная, но одна из точек. На самом деле Русская революция – это эпоха от великих реформ Александра II в 1860-е годы до 1930 года, когда Сталин фактически установил крепостное право в системе колхозов» [22]. В.А. Космач представляет еще более нетрадиционный взгляд, определяя период 1917–1922 гг. как «движение Великой Российской буржуазно-демократической революции по нарастающей». Автор считает, что «Великая Российская буржуазно-демократическая революция в 1917–1922 гг. прошла (и крайне неудачно!) буржуазно (либерально-) конституционный этап (февраль/март – октябрь 1917 г.) и закрепились на буржуазно-демократическом, или большевистско-якобинском, этапе развития революции по нарастающей в октябре 1917 – декабре 1922 гг. В более широком понимании, по мнению В.А. Космача, можно говорить о продолжении революции по нисходящей линии. «Большой террор» второй половины 1930-х гг. и принятие новой Конституции 1936 г. де-факто и де-юре завершили окончательно Великую Российскую буржуазно-демократическую революцию 1917–1938 гг. в широком понимании ее хронологических рамок и окончательных результатов» [23, с. 402–403].

Взгляд на необходимость расширения хронологических границ революции и оценку Октября как этапа буржуазной революции разделяет и Д.Ю. Лысков, отмечая, что «в рамках классического марксизма, Октябрьская революция была буржуазной. Коллизия, при которой буржуазную революцию совершают социалисты, ведя за собой пролетариат и крестьянство, была разрешена развитием марксистских идей, теорией о перерастании буржуазной революции в социалистическую ... При этом сам Октябрьский переворот действительно признавался лишь завершающим этапом буржуазной революции» [24, с. 5].

Очевидно, отмечает В. Булдаков, что прежние подходы к истории революции, исходящие из ложных теорий или политических эмоций (часто это одно и то же), не оправдали себя. Очевидно, следует идти от естественных нарративов прошлого – социокультурной, повседневной и бытовой истории, – связанных психологией и воображением масс. На этот счет уже имеется фактологический задел. В любом случае следует отойти от так называемого презентизма – навязывания прошлому логики и психологии сегодняшних дней, не говоря уже о политических пристрастиях [25].

Как писал И. Калинин, «историю советских и постсоветских юбилеев революции можно схематично представить, как кардиологическую кривую, фиксирующую постепенное замирание революционного сердцебиения

<...>. Юбилей революции вынуждено отмечать государство, которое занимает двойственное положение по отношению к прошлому, этой революцией порожденному» [26]. А. Левинсон определил позицию, которую занимает по поводу революции российское общественное мнение как «позицию ухода от оценки» [27]. Нам представляется, что такую же характеристику можно дать и принципам поведения властных и околовластных элит².

Образно описал эту ситуацию так и сохранившейся неопределенности В. Дымарский: «Представители <...> официальной исторической мысли словно застыли в ожидании выстрела стартера, который должен был им указать, в какую сторону бежать – то ли к Ленину – Сталину, то ли от них <...>»

А выстрела все не было. Казалось, ну вот уже сентябрь, октябрь, пора <...>. Но стартовый пистолет молчал <...> Так и не дождавшись указателя направления движения...историки сели со своими идеями за круглые столы, архивисты достали из хранилищ документы, музейщики открыли тематические экспозиции, издатели выпустили немало литературы про революцию <...>. И, знаете, без подсказок и указаний сверху получилось неплохо» [29, с. 1].

Столетний юбилей революционных событий 1917 г. в Российской империи актуализировал ряд ключевых вопросов, стоящих перед историческим сообществом. Осознавая практическую невозможность выстраивания строгой и бесспорной иерархии задач корпорации историков в отношении юбилеев, мы обращаем внимание, прежде всего, на проблему символической (ре-)актуализации исторических событий для современного общества и государства.

Практическим результатом как научных дискуссий, так реализации государственной исторической политики стало решение Минобрнауки России об утверждении Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки. С 1 сентября 2023 г. в российских вузах вводится обновленный курс истории в объеме не менее 144 ч, 80 % из которых отводятся на классическую контактную работу со студентами – лекции и семинары [30]. Содержание курса преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки представили директор Института всеобщей истории РАН, член Президиума РИО Юрий Петров и научный руководитель Института всеобщей истории РАН, сопредседатель РИО, заместитель председателя Экспертного совета Александр Чубарьян.

В Концепции события 1917 г. определяются как начало Великой российской революции 1917–1922 гг. В своем развитии Великая российская революция, которая рассматривается в современной историографии как единый процесс, прошла несколько основных этапов. В качестве важнейших точек революции выделяются события февраля–марта 1917 г., приведшие к крушению монархии, взятию власти большевиками в октябре 1917 г., что стало прологом к кровопролитной Гражданской войне, завершившейся победой большевиков [31]. По мнению авторов Концепции, революция в России не была неизбежной, однако сочетание объективных и субъективных факторов и

обстоятельств привело в итоге к революционному взрыву – Великой российской революции, продолжавшейся в 1917–1922 гг. и оказавшей огромное воздействие на судьбы России и мира в XX в.

Источники и литература

1. Иванова, Н. Русский проект вместо русской идеи / Н. Иванова // Знамя. – 1999. – № 3. – URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/1999/3/russkij-proekt-vmeshto-russkoj-idei.html?ysclid=ldr3yqbtbi4842599036> (дата обращения: 02.02.2023).
2. ВЦИОМ: почти половина россиян считают свои знания по истории недостаточными // Tass.ru. – 14.09.2017. – URL: <http://tass.ru/obschestvo/4561082/> (дата обращения: 02.02.2023).
3. Революция не вызывает гордости у россиян] // Kommersant.ru. – 24.10.2017. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3447934/> (дата обращения: 02.02.2023).
4. Нарский, И.В. Образ Октябрьской революции 1917 года в советско-российской коллективной памяти: сто лет перемен / И.В. Нарский // Революция 1917 года и Гражданская война как определяющие факторы российской истории XX века: Международная научно-практическая конференция, Оренбург, 11–12 мая 2017 г.: сборник статей. – Оренбург, 2017. – С. 197–198.
5. Кринко, Е.Ф. События Революции и Гражданской войны в исторической памяти Юга России / Е.Ф. Кринко // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг.: материалы Всероссийской научной конференции, Ростов-на-Дону, 5–6 октября 2017 г. – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2017. – С. 544.
6. Левинсон, А. Вам красного или белого / А. Левинсон // Неприкосновенный запас. – 2017. – № 6. – С. 105.
7. Сперанский, А.В. Русский путь к единению: от революции к контрреволюции / А.В. Сперанский // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 3. – С. 53.
8. Никонов, В.А. Крушение России. 1917 / В.А. Никонов. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – С. 4.
9. Шубин, А.В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года / А.В. Шубин. – Москва: ООО «Родина МЕДИА», 2014. – С. 5.
10. Миронов, Б.Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации / Б.Н. Миронов. – Москва: Весь Мир, 2013. – С. 14.
11. Ерофеев, Н.Д. Современная отечественная историография русской революции 1917 года / Н.Д. Ерофеев // Новая и новейшая история. – 2009. – № 2. – С. 105.
12. 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: сборник научных трудов / Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. – С. 3.
13. Миронов, Б.Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции / Б.Н. Миронов // Общественные науки и современность. – 2013. – № 2. – С. 73–74.

² Анализ современной российской «исторической политики» по отношению к революционным событиям 1917 г. см. [28].

14. Жарков, В. Русская Революция 1917 года для нашей страны и мира: взгляд сто лет спустя / В. Жарков, А. Захаров, В. Рябов, М. Симон. – Москва: Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд), 2017. – С. 7–8.
15. Данилкин, Л. Ленин. Пантократор солнечных пылинок / Л. Данилкин. – Москва: Молодая гвардия, 2017. – 783 с.
16. Зыгарь, М. Империя должна умереть. История русских революций в лицах. 1900–1917 / М. Зыгарь. – Москва: Альпина Паблишер, 2017. – 909 с.
17. Нордвик, В. Погоня за Лениным. / В. Нордвик // Родина. – 12.12.2017. – URL: <https://rg.ru/2017/12/12/rodina-lev-danilkin.html> (дата обращения: 02.02.2023).
18. Зыгарь, М. Психологическая травма 1917 года никак не проходит / М. Зыгарь // Обзор.PRESS. – 28.10.2017. – URL: <https://obzor.press/russian/58610?ysclid=ldr6dk63sk440299703> (дата обращения: 02.02.2023).
19. Петров, Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тренды / Ю.А. Петров // Революция 1917 года и Гражданская война как определяющие факторы российской истории XX века: Международная научно-практическая конференция, Оренбург, 11–12 мая 2017 г: сборник статей. – Оренбург, 2017. – С. 212.
20. Баранов, А.В. Революция 1917–1921 гг. в России: опыт преодоления посредством НЭПа (иллюзии и реальность) / А.В. Баранов // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг.: материалы Всероссийской научной конференции, Ростов-на-Дону, 5–6 октября 2017 г. – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2017. – С. 193.
21. Колоницкий, Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года) / Б.И. Колоницкий. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – 511 с.
22. Пивоваров, Ю. 10 дней, которые потрясли мир: к юбилею революции 1917 года / Ю. Пивоваров // Polit.ru. – 02.11.2017. – URL: https://polit.ru/article/2017/11/02/revolution5/?ysclid=ldr37vc_sxg954176754 (дата обращения: 02.02.2023).
23. Космач, В.А. Великая Российская революция 1917–1922 гг. и ее последствия: опыт сравнительно-исторического анализа / В.А. Космач // Метаморфозы истории. Псковский государственный университет. – 2014. – № 5. – С. 402–403.
24. Лысков, Д.Ю. Великая русская революция, 1905–1922 / Д.Ю. Лысков. – Москва: ЛИБ-РОКОМ, 2013. – С. 5.
25. Булдаков, В. Мировая война, европейская культура, русский бунт: к переосмыслению событий 1917 года / В. Булдаков // Historyrussia.org. – URL: <http://rushistory.org/stati/mirovaya-vojna-evropejskaya-kultura-russkij-bunt-k-pereosmysleniyu-sobytij-1917-goda.html> (дата обращения: 02.02.2023).
26. Калинин, И. Призрак юбилея / П. Калинин // Неприкосновенный запас. – 2017. – № 1. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2017/1/prizrakyubileya-pr.html> (дата обращения: 02.02.2023).
27. Левинсон, А. 10 дней, которые потрясли мир: к юбилею революции 1917 года / А. Левинсон // Polit.ru. – 31.10.2017. – URL: <http://polit.ru/article/2017/10/31/revolution3/> (дата обращения: 02.02.2023).
28. Меньковский, В.И. 1917 год в исторической политике Российской Федерации и Республики Беларусь / В.И. Меньковский // История сталинизма. Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950 годы: материалы Международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. – Москва: РОССПЭН, 2018 (в печати).
29. Дымарский, В. Моя история / В. Дымарский. – Дилетант. – 2018. – № 1. – С. 1.
30. В Минобрнауки России утвердили Концепцию преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки // URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/63748/> (дата обращения: 06.02.2023).
31. Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования // URL: <https://minobrnauki.gov.ru/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F1.pdf> (дата обращения: 06.02.2023).

References

1. Ivanova, N. Russkii proekt vmesto russkoi idei [Russian project instead of Russian idea] [Electronic resource] / N. Ivanova // Znamya [Flag]. – 1999. – № 3. – URL: <https://magazines.gorky.media/znania/1999/3/russkij-proekt-vmesto-russkoj-idei.html?ysclid=ldr3yqt-bi4842599036> (accessed: 02.02.2023).
2. VCIOM: pochti polovina rossiyan schitayut svoi znaniya po istorii nedostatochnimi [VTsIOM: almost half of Russians consider their knowledge on history insufficient] [Electronic resource] // Tass.ru. – 14.09.2017. – URL: <http://tass.ru/obschestvo/4561082/> (accessed: 02.02.2023).
3. Revolyuciya ne vizivaet gordosti u rossiyan [Revolution does not cause pride among Russians] [Electronic resource] // Kommersant.ru. – 24.10.2017. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3447934> (accessed: 02.02.2023).
4. Narsky, I.V. Obraz Oktyabrskoy revolyutsii 1917 goda v sovetsko-rossiyskoy kollektivnoy pamyati: sto let peregmen [Image of the October Revolution of 1917 in the Soviet-Russian collective memory: a hundred years of change] // I.V. Narski // Revolyuciya 1917 goda i Grazhdanskaya voina kak opredelyayushchie faktori rossiiskoi istorii XX veka [Revolution of 1917 and the Civil War as determining factors of the Russian history of the XX century]: Proceedings of the International Scientific-Applied Conference, Orenburg, May 11–12. – Orenburg, 2017. – P. 197–198.
5. Krinko, E.F. Sobyitiya Revolyutsii i Grazhdanskoy voyny v istoricheskoy pamyati Yuga Rossii [Events of the Revolution and Civil War in the historical memory of the South of Russia] / E.F. Krinko // Yug Rossii v usloviyah revolyucionnih potryasenii, voorujennih konfliktov i socialno-politicheskikh krizisov 1917–2017 gg. [South

- of Russia in the conditions of revolutionary upheavals, armed conflicts and socio-political crises of 1917–2017]: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Rostov-on-Don, October 5–6, 2017. – Rostov-on-Don: Southern Sci. Centre, RAS, 2017. – P. 544.
6. Levinson, A. Vam krasnogo ili belogo? [Do you want red or white?] / A. Levinson // *Neprikosnovennyiy zapas* [An inviolable reserve]. – 2017. – № 6. – P. 105–108.
 7. Speransky, A.V. Russkiy put k edineniyu: ot revolyutsii k kontrevolyutsii [Russian way to unity: from revolution to counter-revolution] // *Ural Historical Bulletin*. – 2017. – № 3. – P. 52–60.
 8. Nikonov, V.A. Krushenie Rossii. 1917 [Collapse of Russia. 1917] / V.A. Nikonov. – Moscow: AST: Astrel, 2011. – P. 4.
 9. Shubin, A.V. Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya: ot Fevralya k Oktyabryu 1917 goda [Great Russian Revolution: from February to October 1917] / A.V. Shubin. – Moscow: OOO „Rodina MEDIA“, 2014. – P. 5.
 10. Mironov, B.N. Strasti po revolyutsii. Nravny v rossiyskoy istoriografii v vek informatsii [Passions to the revolution. Morals in the Russian historiography in the information age] / B.N. Mironov. – Moscow: Ves Mir, 2013. – P. 14.
 11. Erofeev, N.D. Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya russkoy revolyutsii 1917 goda [Modern Russian historiography of the Russian revolution of 1917] / N.D. Erofeev // *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and Recent History]. – 2009. – № 2. – P. 92–108.
 12. 1917 god v Rossii: sotsialisticheskaya ideya, revolyutsionnaya mifologiya i praktika: sbornik nauchnykh trudov [1917 in Russia: socialist idea, revolutionary mythology and practice: Collection of scientific works] / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural Federal University named after the first president of Russia B.N. Eltsin. – Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 2016. – P. 3.
 13. Mironov, B.N. Russkaya revolyuciya 1917 goda v kontekste teorii revolyucii [The Russian revolution of 1917 in the context of the theories of revolution] / B.N. Mironov // *Obschestvennye nauki i sovremennost* [Social sciences and modernity]. – 2013. – № 2. – P. 73–74.
 14. Zharkov, V. Russkaya Revolyuciya 1917 goda dlya nashei strani i mira vzglyad sto let spustya [The Russian Revolution of 1917 for our country and the world: a view a hundred years later] / V. Zharkov, A. Zakharov, V. Ryabov, M. Simon. – Moscow: Int. Foundation for Socio-economic and Political Science Research (Gorbachev Foundation), 2017. – P. 7–8.
 15. Danilkin, L. Lenin. Pantokrator solnechnykh pylinok [Lenin. Pantocrator of solar dust particles] / L. Danilkin. – Moscow: Molodaya gvardiya, 2017. – 783 p.
 16. Zygar, M. Imperiya dolzhna umeret. Istoriya russkikh revolyutsiy v litsah. 1900–1917 [The Empire must die. The history of the Russian revolutions in persons. 1900–1917] / M. Zygar. – Moscow: Alpina Publisher, 2017. – 909 p.
 17. Nordvik, V. Pogonya za Leninim [Pursuit of Lenin] [Electronic resource] / V. Nordvik // *Rodina*. – 12.12.2017. – URL: <https://rg.ru/2017/12/12/rodina-lev-danilkin.html> (accessed: 02.02.2023).
 18. Zigar, M. Psihologicheskaya travma 1917 goda nikak ne prohodit [The psychological trauma of 1917 has yet to pass] [Electronic resource] / M. Zigar // *Obzor.PRESS*. – 28.10.2017. – URL: <https://obzor.press/russian/58610?ysclid=ldr6dk63sk440299703> (accessed: 02.02.2023).
 19. Petrov, Yu.A. Rossiya nakanune Velikoy revolyutsii 1917 g.: sovremennyye istoriograficheskie trendy [Russia on the eve of the Great Revolution of 1917: modern historiographical trends] / Yu.A. Petrov // *Revolyuciya 1917 goda i Grajdanskaya voyna kak opredelyayushchie faktori rossiiskoi istorii XX veka* [The Revolution of 1917 and the Civil War as determining factors of the Russian history of the XX century]: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Orenburg, May 11–12, 2017. – Orenburg, 2017. – P. 212.
 20. Baranov, A.V. Revolyutsiya 1917–1921 gg. v Rossii: opyt preodoleniya posredstvom nepa (illyuzii i realnost) [The Revolution of 1917–1921 in Russia: the experience of overcoming through NEP (illusions and reality)] / A.V. Baranov // *Yug Rossii v usloviyah revolyutsionnykh potryaseniy, vooruzhennykh konfliktov i sotsialno-politicheskikh krizisov, 1917–2017 gg.* [The South of Russia in the conditions of revolutionary upheavals, armed conflicts and socio-political crises, 1917–2017]: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Rostov-on-Don, October 5–6, 2017. – Rostov-on-Don: Southern Sci. Centre, RAS, 2017. – P. 193.
 21. Kolonitsky, B.I. “Tovarishch Kerenskiy”: antimonarchicheskaya revolyutsiya i formirovaniye kulta “vozhdya naroda” (mart – iyun 1917 goda) [“Comrade Kerensky”: the antimonarchical revolution and formation of the cult of the “leader of the people” (March–June 1917)] / B.I. Kolonitsky. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. – 511 p.
 22. Pivovarov, Yu. 10 dnei, kotorye potryasli mir: k yubileyu revolyucii 1917 goda [10 days that shook the world: on the anniversary of the revolution of 1917] [Electronic resource] / Yu. Pivovarov // *Polit.ru*. – 02.11.2017. – URL: <https://polit.ru/article/2017/11/02/revolution5/?ysclid=ldr37vcsxg954176754> (accessed: 02.02.2023).
 23. Kosmach, V.A. Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya 1917–1922 gg. i ee posledstviya: opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza [The Great Russian Revolution of 1917–1922 and its consequences: the experience of comparative historical analysis] / V.A. Kosmach // *Metamorfozy istorii* [Metamorphoses of history]. – Pskov State University, 2014. – № 5. – P. 391–423.
 24. Liskov, D.Yu. Velikaya russkaya revolyuciya, 1905–1922 [The Great Russian Revolution, 1905–1922] / D.Yu. Liskov. – Moscow: LIBROKOM: 2013. – P. 5.
 25. Buldakov, V. Mirovaya voyna, evropeiskaya kultura, russkii bunt: k pereosmysleniyu sobytii 1917 goda [The world war, European culture, Russian revolt: to rethink the events of 1917] [Electronic resource] / V. Buldakov // *Historyrus-sia.org*. – URL: <http://rushistory.org/stati/mirovaya-vojna-evropejskaya-kultura-russkij-bunt-k-pereosmysleniyu-sobytiy-1917-goda.html> (accessed: 02.02.2023).

26. Kalinin, I. Prizrak yubileya [Ghost of the anniversary] [Electronic resource] / P. Kalinin // Neprikosnovennii zapas [An inviolable reserve]. – 2017. – № 1. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2017/1/prizrakyubileya-pr.html> (accessed: 02.02.2023).
27. Levinson, A. 10 dni, koje potryasli mir: k yubileyu revolyucii 1917 goda [10 days that shook the world: on the anniversary of the revolution of 1917] [Electronic resource] / A. Levinson // Polit.ru. – 31.10.2017. – URL: <http://polit.ru/article/2017/10/31/revolution3/> (accessed: 02.02.2023).
28. Menkovsky, V.I. 1917 god v istoricheskoy politike Rossijskoj Federacii i Respubliki Belarus [1917 in the historical policy of the Russian Federation and the Republic of Belarus] / V.I. Menkovsky // Istorija stalinizma. Uroki Oktyabrya i praktiki sovetsoj sistemy. 1920–1950 gody [History of Stalinism. Lessons of October and the practices of the Soviet system. 1920–1950]: Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow, December 5–7, 2017. – Moscow: ROSSPEN, 2018.
29. Dimarsky, V. Moya istoriya [My history] / V. Dimarsky. – Diletant. – 2018. – № 1. – P. 1.
30. V Minobrnauki Rossii utverdili Konceptiyu prepodavaniya istorii Rossii dlya neistoricheskikh specialnostej i napravlenij podgotovki [The Ministry of Education and Science of Russia approved the Concept of Teaching the Russian history for non-historical specialties and training areas] [Electronic resource] // URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/63748/> (accessed: 06.02.2023).
31. Konceptiya prepodavaniya istorii Rossii dlya neistoricheskikh specialnostej i napravlenij podgotovki, realizuemyh v obrazovatelnyh organizacijah vysshego obrazovaniya [The concept of teaching the history of Russia for non-historical specialties and study fields implemented in educational institutions of higher education] [Electronic resource] // URL: <https://minobrnauki.gov.ru/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F1.pdf> (accessed: 06.02.2023).

Благодарность (госзадание)

Статья подготовлена при финансовой поддержке Государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы, подпрограмма 1 «История», НИР «1.06.14 Советское прошлое» в концепции современной исторической политики Республики Беларусь».

Информация об авторе:

Меньковский Вячеслав Иванович – доктор исторических наук, профессор ВАК Республики Беларусь, профессор кафедры истории России Белорусского государственного университета (Белорусский государственный университет; 220080, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: menkovski@bsu.by; vmenkouski@gmail.com).

Author:

Vyacheslav I. Menkovsky – Doctor of Sciences (History), Professor of the Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus, Professor at the Department of History of Russia at the Belorussian State University (Belorussian State University, 4 Nezavisimosti Avenue, Minsk, Republic of Belarus, 220080; e-mail: menkovski@bsu.by; vmenkous-ki@gmail.com).

Для цитирования:

Меньковский, В.И. Накануне юбилея: как Российская Федерация отметила столетие революции 1917 года / В.И. Меньковский // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 216–223.

For citation:

Menkovsky, V.I. Nakanune yubileya: kak Rossijskaya Federaciya otmetila stoletie revolyucii 1917 goda [On the eve of the anniversary: how the Russian Federation celebrated the centenary of the 1917 revolution] / V.I. Menkovsky // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 216–223.

Дата поступления рукописи: 06.02.2023

Прошла рецензирование: 20.02.2023

Принято решение о публикации: 20.02.2023

Received: 06.02.2023

Reviewed: 20.02.2023

Accepted: 20.02.2023

Научное наследие

УДК 930.2:39:910.4(470.13)"1959"
DOI 10.19110/1994-5655-2023-1-224-230

Материалы по хозяйственному укладу населения Прилузья (из отчета Прилузской этнографической экспедиции 1959 года) (публикация И.Л. Жеребцова, В.А. Саблина, Л.Я. Каневой)

Л.П. Лашук, Л.Н. Жеребцов

Аннотация

Публикуется не издававшийся ранее фрагмент научного отчета о работе Прилузского этнографического отряда Коми филиала АН СССР в 1959 г., посвященный хозяйственному укладу населения Прилузья.

Ключевые слова:

Коми край, Прилузье, земледелие, животноводство, неземледельческие промыслы, речное судостроение

Materials on the economic structure of the population of the Luza region (from the report of the Luza ethnographic expedition of 1959) (publication of I.L. Zherebtsov, V.A. Sablin, L.Ya. Kaneva)

L.P. Lashuk, L.N. Zherebtsov

Abstract

The paper includes a previously unpublished fragment from the scientific report of the Luza ethnographic team of the Komi Branch of the Academy of Sciences of the USSR of 1959 devoted to the economic structure of the population of the Luza region (Komi Republic, Russia).

Keywords:

the Komi region, the Luza area, agriculture, cattle breeding, nonagricultural crafts, river shipbuilding

В Научном архиве Коми НЦ УрО РАН хранится ряд отчетов об этнографических экспедициях 1950–1970-х гг. содержащих разнообразные полевые этнографические и археологические, а также архивные материалы, представляющие значительную ценность для современных исследователей, но оставшиеся в значительной степени неизданными. Редколлегия журнала «Известия Коми научного центра УрО РАН». Серия «История и филология» продолжает публикацию этих материалов в рубрике «Научное наследие». В этом номере публикуется фрагмент научного отчета о работе Прилузского этнографического отряда Коми филиала АН СССР в 1959 г., подготовленного Л.П. Лашуком и Л.Н. Жеребцовым и хранящегося в Научном архиве Коми научного центра УрО РАН (Ф. 1. – Оп. 13. – Д. 48. – 151 мпс.). Отчет был обсужден и принят производственным заседанием отдела истории, этнографии и археологии Коми филиала АН СССР 25 мая 1960 г. Лев Павлович Лашук (1925–1990) работал в Коми филиале АН СССР в 1950–1960 гг. Экспедиция 1959 г. в Прилузье – последняя, в которой он участвовал, работая в г. Сыктывкаре. Позднее Л.П. Лашук работал в Московском государственном университете, защитил докторскую диссертацию «Этническая история и национальная консолидация коми (зырян)», опубликовал в издательстве МГУ фундаментальную монографию «Формирование народности коми». Жизнь Любомира Николаевича Жеребцова (1925–1991) со времени поступления в аспирантуру в 1949 г. и до выхода на пенсию в 1990 г. была связана с Коми

филиалом Академии наук СССР. Начав работу младшим научным сотрудником, он стал одним из наиболее известных и уважаемых ученых-гуманитариев нашей республики, Заслуженным деятелем науки Коми АССР, более четверти века возглавлял вначале группу этнографов, а затем сектор этнографии. Публикуемый фрагмент отчета находится на листах 48–63. Нумерация ссылок при публикации изменена с постраничной на сквозную, проведена минимальная редакторская правка.

* * *

Главное отличие южных районов Коми республики заключается в том, что здесь существуют наиболее благоприятные условия для занятия сельским хозяйством, и в первую очередь земледелием. Материалы, собранные нами, свидетельствуют о давней земледельческой традиции населения Прилузья, о наиболее развитых (в сравнении с другими районами коми) формах земледельческого хозяйства. Тем не менее, сельское хозяйство с давних пор не было единственным занятием жителей Лузы и Летки. Оно дополнялось различного рода мелкими крестьянскими промыслами: охотой и рыболовством, лесозаготовками и строительством барок, заготовкой березовой скалы (бересты) и сидкой дегтя, работой на речных судах, извозом и отхожим ремеслом.

Обо всем этом рассказывают старики в любом населенном пункте, но естественно, не сообщают точных данных о

месте той или иной отрасли производства в общей системе хозяйства. Поэтому точности ради в нижеследующем изложении мы будем прибегать к помощи не только полевых этнографических, но и архивных материалов.

Главное место в занятиях населения Прилузья занимало земледелие. С давних пор здесь в местах, пригодных для посевов и сенокосения, на больших площадях были сведены леса и производилась распашка. Хотя все селения расположены подле рек, но связь их с водой относительна, так как основное внимание крестьянами уделялось разработке новин, не только на коренных берегах, но и в глубине водоразделов. В Лойме существовало даже специальное выражение «деревня у пашни» для обозначения починков.

Жители Прилузья пользовались надельными старопахотными землями, но имели также право при отсутствии или неполной 15-тидесятиной даче на каждое хозяйство производить расчистки, используя их под новины или пожни [1]. Конечно, это правило соблюдалось далеко не всегда, так как малоземельные крестьяне постоянно прибегали к разработке подсек явочным порядком. Нуждаясь в тягловой силе и удобрениях, прилузские земледельцы содержали много скота, больше, чем, например, сысоличи. Средним хозяйством у них на рубеже XIX и XX вв. считалось хозяйство, имеющее в посеве на надельной земле от двух-трех до пяти-шести пудов озимого и примерно столько же ярового хлеба, одну, реже две лошади, две, а чаще три-четыре коровы, по несколько штук овец [2].

Полевые культуры были такие же, что и по всему Северу. Главное место занимала рожь озимая, затем ячмень, овес и – в очень небольших размерах и не повсеместно – пшеница. Значительно было развито льноводство, в основном, для собственных нужд, но нередко с отпуском кудели на сторону. Например, уже в первой половине XIX в. 70 хозяйств Лоймы указаны продающими собственный лен [3]. Из овощей возделывались капуста, репа, брюква (галанка), редька, лук, немного – морковь и горох. Повсеместно была распространена культура картофеля, но в систему полеводства она вошла сравнительно поздно. Сохранилось интересное документальное свидетельство о том, как «предписанием окружного начальника от 1842 г. приказано в каждом обществе иметь посев картофеля не менее десятины, и если в 1842 г. посева не было, то приказано в 1843 г. непременно выделить десятину, в крайнем случае несколькими участками». Но в общем в эти годы посадки картофеля были незначительны: не более одного пуда на деревню, а всего в 65 обществах Коми края было снято в 1842 г. 13 четвертей картофеля [4]. Фактически картофелеводство развивалось в Прилузье только в пореформенный период [5].

Материалы экспедиции позволяют существенно уточнить данные о системе земледелия, практиковавшейся на Лузе и Летке в сходных формах у коми и русских. Пашенное земледелие особых отличий не имело. Это было обычное для данных широт трехполье с чередованием ржи, ячменя, овса и чистого пара. Вспашка длительное время производилась двухрогой сохой, но, в отличие от Вычегды и Сысолы, в Прилузье раньше стал совершаться переход

к однолемешной вятской косуле, а затем к плугу с широким отвалом и ножом. По словам А.М. Мартюшева, в начале XX в. «в Прилузье исключительно пользуются вятскими косулями» [6].

Наиболее интересна система новинных земель. Различались «новины» («тыла») и «кулига» («пальник», «плиль»). Новину разрабатывали так: весной на небольшом участке рубили лес, который сохнул ровно год, затем производилась разделка стволов на хлысты (длиною до семи аршин), последние накатывали на продольные лежни, обкладывали хворостом и специально подвезенными дровами, сжигали, причем для быстрого и лучшего сгорания толстые древесные стволы вагами переворачивали, перекачивали по лежням. Не сгоревшие до конца деревья убирали в сторону, но на выжженной площади оставались пни, которые в первый год не корчевали. Дня три спустя после пала освобожденную от леса площадь намянго боронили, применяя борону-суковатку (в Лойме «борона новинная», у коми «пу агас»). Последняя представляла собой связанное из 9–12 расколотых стволов ели с сучьями бороздящее орудие, имела две длинные жерди, которые одними концами служили оглоблями, другими упирались в землю, не давая бороне опрокинуться.

Новина использовалась под посев ржи только один год. На следующий год на ней дожигали древесные остатки и живные и вновь сеяли рожь, но урожай обычно бывал слабее первого года. На третий год, желая превратить подсеку в постоянно возобновляемую пашню, на новинном участке корчевали пни и корни, а затем производили распашку. Чередование хлебных культур было следующим: рожь сеяли на новинах, овес пускали по истощенной подсеке после ржи, репу высевали на новинах по обочинам, на пашне всегда сеяли рожь и пшеницу.

Наряду с разработками площадей под ржаные посевы практиковались «кулиги» («пальники»), которые представляли собой небольшие участки, разработанные по мелколосью специально под посевы льна и репы. Здесь пней не корчевали и почву не пахали, заделывая семена прямо в пал. После этого кулигу бросали совсем или ряд лет подряд на ней сеяли клевер (в ближайшие предреволюционные и послереволюционные годы), затем корчевали пни и превращали участок в пашню или пожню.

Как отмечалось выше, прилузские крестьяне имели немалое количество скота, который, будучи малопродуктивным, в основном обеспечивал потребности земледельческого хозяйства. Состав стада был обычным: коровы, лошади, овцы, свиньи. Последние в Прилузье (не в пример многим районам коми) упоминаются в самых ранних источниках XIX в., но не в каждом крестьянском хозяйстве [7]. Накануне революции прилузское скотоводство имело товарное значение. Его продукты – мясо, масло, сырые шкуры – сбывались приезжим вятским скупщикам.

С давних пор в Прилузье и на Летке были развиты различные мелкие крестьянские промыслы. И. Лепехин в 1771 г. сообщает: «в Прокопьевке пропитание большею частью состояло в провозе приезжих» по вятскому тракту, в селе Ношульском «и других местах по Лузе строят барки и полубарки; нынешнего лета с сей пристани отпущено было 70

барок. Отпуск сей немало обогащает ношулян, ибо кроме построения барок и на грузки судов имеют они анбары, которые в зимнее время отдают в наем под хлеб» [8].

Более полные сведения находим мы в документах 1840-х гг. В с. Летка, в котором насчитывалось 145 дворов, помимо сельского хозяйства занимались охотой 43 чел., сплавом барок – 10 чел., извозом по вятской дороге – 120 чел. В Ношуле охотой промышляли 5 чел., но постройкой барок было занято не менее 300 чел. В Объячеве строителей барок и карбасов насчитывалось 340 чел., а работников по сплаву 200 чел. В Лойме производили заготовку корабельного леса для сплава к Архангельску 14 чел. [9].

В это время крупная роль принадлежала Ношулю, как большому торговому селу с пристанью, многочисленными складскими помещениями, рабочими избами и конторами различных судопромышленников. Ежегодно здесь строили большие бараки для сплава вниз по Лузе и Югу подвезенного по зимнему тракту вятского хлеба. Например, в 1847 г. местные крестьяне подрядились построить 169 барок. Заготовка корабельного леса, судовой снасти, смолы, строительство судов и сплав их до Устюга, Котласа и Архангельска привлекали многие сотни местных жителей и крестьян-отходников. Судостроение являлось одним из самых важных традиционных промыслов населения Прилузья. Возник этот промысел еще в XVI в., а в последующем столетии в Ношуле была даже устроена специальная таможенная изба для сбора пошлин «з брачного лесу которые барки делают на торговых людей» [10].

В начале пореформенного периода значение Ношуля возросло еще более. В 1867 г. от Ношульской пристани по Лузе прошло 59 барок и 55 карбасов с хлебом и другими товарами, а также 400 лесных плотов с числом судорабочих в 430 чел. [11]. Судостроение нуждалось в различных подсобных промыслах. Таковым, в частности, являлось дегтекурение и смолокурение. В конце XIX в. в Прилузье существовало самое крупное для Коми края дегтекурное производство, которое в основном совершалось на шести «заводах» (крупных мастерских) с выходом дегтя от одной до трех тысяч пудов на каждое предприятие [12].

Однако в начале XX в. экономическая роль Ношуля резко снизилась. Уже в 1900 г. земская статистика отмечала, что в этом пункте «торговля против прошлого 1899 г. значительно упала за проведением Пермской железной дороги» [13], по которой вятский хлеб устремился в Котлас, минуя Прилузье. В 1901 г. в Ношуле было построено всего три барки, на сплаве которых оказались занятыми только 60 судорабочих. Прежние судостроители вынуждены были обратиться к другим видам заработков [14].

Впрочем, и в лучшие времена судостроение с обслуживающими его подсобными промыслами не были единственным неземледельческим занятием тех же ношульских крестьян. В этой связи сошлемся на свидетельства волостной отчетности хотя бы за 1886 г. В указанном году в Ношульской волости занимались 916 чел., а именно: охотой – 220 чел., заготовкой леса – 7 чел., постройкой судов – 240 чел., сплавом барок – 199 чел., плотничеством – 130 и извозом – 120 чел. Волостным правлениям было выдано 320 месячных отпускных билетов лицам, уходившим на сплав

барок до г. Устюга и в извоз в гг. Слободской и Вятку, а также 25 паспорта отходникам в более далекие места – в Вятскую, Пермскую и Томскую губернии. В Борисовской (Объячевской) вол. свыше 400 чел. осенью занимались охотой, а также заготовкой сортового леса для сплава. Паспортов и билетов здесь было выдано 183, частью лицам, с давних пор проживающим в различных городах Приуралья и Сибири. В Шиловской (Спаспурубской) волости «крестьяне имеют промыслы; ловля зверей и птиц, заготовка сортового леса, выделка льна и конопли на продажу; всем этим занимались до 250 человек, кроме того уходят человек до 50 для сплава барок». В Уркинской (Лоемской) волости крестьяне в количестве до 180 человек занимались такими же промыслами. В Кочергинской (Летской) и Верхолузской волостях наряду с охотой, бывший в Верхолузье главным промыслом в период с 20 сентября по 15 ноября, производилась заготовка и продажа березовой скалы и ивового корья. Отходников-сплавщиков леса и извозчиков, обслуживавших вятский тракт – насчитывалось до 200 чел. [15].

К началу XX в. крестьянские неземледельческие промыслы значительно возросли. Хотя в Ношуле, как отмечалось выше, судостроение клонилось к упадку, все-таки в 1901 г. различного рода промыслами было занято до 1300 чел., в том числе на заготовке леса с последующим сплавом до Котласа – 300 чел., на заготовке бересты и березовой скалы – до 600 чел., получили паспорта в связи с отходом – 463 чел. [16]. Среди отхожих занятий следует отметить такой специализированный промысел, как портняжество. Немалое число ношульских портных не исключая и женщин, в предреволюционные годы бродило в поисках заработка по городам и весям Сибири, добираясь до Томска, Омска, Красноярска, Читы [16], но все-таки портняжество в Прилузье не получило такого развития; как, положим, на Сысоле, где одно только село Пыелдино в иные годы давало до 900 отходников. Прилузье само было районом, куда приходили отходники, ремесленники со стороны. Например, в Лойму, где собственных ремесленников было мало и отходничество не развито, ежегодно наведывались плотники и сапожники вятские («вятчане»), пимокаты и портные сысольские («зыряне» из Кибры, Визинги, Межадора), набойщики холстов с Виледи, коновалы с низовьев Лузы.

Развитие крестьянских неземледельческих промыслов объяснялось следующими причинами: 1) постоянной потребностью в денежных средствах для уплаты податей при крайне слабой товарности собственного сельского хозяйства; 2) необходимостью многих крестьян приобретать недостающие продовольственные товары, главным образом, хлеб; 3) общим развитием товарно-денежного хозяйства в условиях пореформенной России, особенно на таком бойком торговом пути как летско-лузский.

С давних пор изучаемые районы находились в сфере экономического и культурного влияния, с одной стороны, В. Устюга, а с другой, Вятки, которое чувствовалось буквально во всем. Особенно значительной в XIX – начала XX вв. была роль Вятской земли – области широкого развития земледелия и ремесла, и крупного хлебного рынка для Коми края и Севера. Подавляющее большинство необ-

ходимых товаров население Прилузья и Летки получало со стороны Вятки, сюда же сбывались все излишки сельскохозяйственного производства южных коми – продукты животноводства, лен, конопля, пушнина, даже сено. В начале XX в. этот взаимный товарооборот совершался на прилузских ярмарках – ношульской (в декабре) и двух лоемских (в марте и ноябре) [17], а также в результате поездок лузян и летчан в самую Вятку и г. Слободской и встречных поездок по деревням вятских торгашей и скупщиков.

Интересно отметить, что под влиянием вятчан население Прилузья перешло к более совершенной системе земледелия на «новицах» с посевами клевера (см. выше), усовершенствованным пахотным орудием (косуля и железная борона), к такому средству передвижения как четырехколесная телега, в значительной степени сменившая традиционную одноколку. Наряду с самодельной, изготовленной способом простого налепа глиняной посудой в Прилузье широко бытовала привозная вятская гончарная керамика.

Экономические связи Прилузья с другими районами коми распространялись до Усть-Сысольска. В зимнее время не только лузяне но и летчане целыми обозами с хлебом, льняными изделиями, рогожами, лыком и другими товарами направлялись на Сысолу и в уездный центр на ярмарки. С другой стороны, сысольские и вычегодские отходники-специалисты по различному ремеслу ежегодно посещали прилузские села и работали здесь по заказу местных жителей весь осенне-зимний сезон.

Итак, вышеизложенный материал, относящийся к дореволюционному времени, достаточно убедительно показывает, что в хозяйственном отношении Прилузье и Летка имели немалые отличия от остальных районов Коми края, но мало в чем разнились друг с другом, что опять-таки позволяет их рассматривать как единый этнографический район.

Современное экономическое положение Прилузского и Летского районов по сравнению с прошлым существенно изменилось. В результате осуществления советской национальной политики и окончательной победы социализма оба района, находившиеся на периферии Коми края, оказались теснейшим образом связанными с центром Коми АССР, представляющей собой сплоченную национальную республику и единый административный экономический район. Экономическому единству несколько не препятствует то, что значительную часть товаров Летка по-прежнему получает через Киров (бывш. Вятка) и станцию Мураши.

Не столь давно южные районы Коми АССР считались традиционно земледельческими. Конечно, и сейчас в них значительно развито колхозное и совхозное земледельческое хозяйство, но год от году на Лузе и Летке растет и крепнет промышленное производство, главным образом заготовительное. Как отмечалось в предыдущем разделе отчета, на территории почти каждого существует предприятия лесной промышленности с многочисленными рабочими кадрами, в том числе из представителей коренной национальности.

Необходимо подчеркнуть, что развитие лесозаготовок в крупных масштабах, производимых механизированными леспромхозами, располагающими солидными опорными базами, оказывает очень сильное воздействие на эконо-

мику Прилузского и Летского районов. Они не только вносят общее оживление в местную жизнь и поднимают культуру населения, но и обеспечивают значительную доходность колхозникам, занимающимся как сельским хозяйством, так и (в зимнее время) работой в лесу по договорам.

В области сельского хозяйства также произошло много изменений. В прошлом в крестьянском хозяйстве главным считалось земледелие с сопутствующим ему скотоводством. Местные жители содержали немалое количества скота, преимущественно молочного, но скот был низкопородный и малопродуктивный, поэтому животноводство не могло выделиться в самостоятельную отрасль хозяйства. В настоящее время прилузско-летские колхозы и совхозы имеют специализированное животноводческое направление при подсобном, создающем кормовую базу, земледелии.

Посевные площади за годы колхозного строя расширились, изменился ассортимент выращиваемых культур. Ныне наряду с рожью, овсом и ячменем повсеместно сеют пшеницу, дающую неплохие урожаи. Значительная масса хлебных культур используется в качестве корма скоту.

В местных условиях хорошо произрастают овощи, поэтому заботой совхоза является создание собственной овощеводческой базы в целях обеспечения потребностей самих колхозников, продажи овощей через систему потребкооперации и на корм общественному скоту. Выращиваются все виды овощей, возможные в северной лесной зоне: капуста, свекла, лук, горох, огурцы, репа, редька, брюква, морковь, турнепс и даже помидоры. Большую площадь занимают посадки картофеля.

В связи с развитием животноводства все шире практикуются посевы клевера, тимофеевки, горохо-овсяной смеси и других кормовых культур. Прилузье и Летка являются главным льнопроизводящим районом Коми АССР. Большая трудоемкость этого производства при недостатке рабочих рук в недавнем прошлом привели к упадку льноводства, но в последние годы приняты решительные меры к расширению посевов льна, которые имеют многие колхозы. В современных условиях льноводство весьма выгодно, так как продажа государству его основного продукта – тресты (кудели) дает колхозам немалые денежные средства. Переработка тресты производится на местном льнозаводе, существующем в Гурьевском сельсовете, обслуживающем также колхозы соседней Кировской области.

За истекшие пять-шесть лет значительно возросла роль местного общественного животноводства. Все колхозы, преодолевая отставание военного и послевоенного периодов, увеличили поголовье крупного рогатого скота и за счет улучшения породности и содержания животных добились подъема удойности и товарности молочного скота. Захиревшее было колхозное овцеводство восстановлено и стало прибыльным. Большое внимание уделяется росту поголовья свиней и домашней птицы. Животноводство дает основную массу общественных доходов.

Перестройка всей системы производства путем организации крупного социалистического хозяйства и возникновения местной промышленности, обеспечивающей работой высвобождающиеся в сельском хозяйстве трудовые резервы, привели к сокращению мелких промыслов и

ликвидации отходничества, хотя перемещение населения из сельской местности в города и рабочие поселки наблюдается и в настоящее время.

Характерной чертой наших дней является быстрое возрастание механизации основных трудовых процессов в колхозах и совхозах. Осенняя и весенняя вспашка, уборка зерновых, транспортировка продуктов на дальние расстояния производятся исключительно с помощью машин. Каждый колхоз имеет технику, купленную в упраздненных МТС: трактора гусеничные и колесные, самоходные комбайны, автомашины и другие механизмы. Не редкостью стали колхозные силовые установки, дающие энергию для молотбы, размола зерна, лесопиления и освещения домов колхозников. Складываются постоянные кадры сельских механизаторов, преимущественно из молодежи.

Конечно, в сельхозартелях широко еще применяется конная тяговая сила, но не на основных работах; велика еще доля ручного труда, особенно в уходе за посевами и скотом, в уборке овощей и сенокошении на заболоченных участках. До сих пор ручной труд на полях больше всего практикуется женщинами, тогда как мужчины или являются колхозными механизаторами и строителями, или работают на лесозаготовках и лесоповале, а зимою кое-кто из них занимается охотой.

Так как несколько лет назад имел место заметный отлив населения из многих прилузских и летских сельсоветов, то до сих пор, несмотря на повышение технической оснащенности, в колхозах чувствуется недостаток рабочей силы. Такое положение постепенно выправляется, так как с повышением материальной заинтересованности и ростом благосостояния колхозников молодежь с образованием в 7-10 классов менее стремится в город и остается работать в родном селе, но подобная тенденция наблюдается не везде в одинаковой степени. Например, взять два соседних колхоза – Слудский и Гурьевский Летского района.

Бок о бок с первым расположен Якуньельский лесопункт, переход на работу в который стал своего рода традицией для молодежи с. Слудка. Напротив, в Гурьевке является обычным почти поголовное участие молодежи в сельском производстве. Поэтому на одного трудоспособного в Гурьевке приходится 3 га земли, а в Слудке – 6 га, т.е. в два раза больше. Гурьевский колхоз им. XX съезда КПСС считается средним по району, но он гораздо самостоятельнее своего слудского соседа. В 1958 г. доходность гурьевской сельхозартели выразилась в 634 тыс. руб., в 1959 г. эта сумма должна удвоиться, главным образом за счет роста животноводства.

Наряду с общественным производством, немалую в жизни сельского населения Прилузья и Летки играет индивидуальное хозяйство. Почти каждый колхозный двор держит скот (корову, овец или коз, свиней) и домашнюю птицу, имеет посадки картофеля и овощей на приусадебном участке. Распространены также посев льна, конопли и хмеля. Существует домашнее ткачество холстов и дрожек. Кое-кто занимается индивидуальным пчеловодством. Строительство и ремонт жилищ и хозяйственных помещений также производится в индивидуальном порядке путем семейной (родственной) кооперации или соседских

«помочей». Изготовление мелкого хозяйственного инвентаря и простейшей утвари, посуды, одежды остается по преимуществу домашним занятием.

Однако личное хозяйство давно уже не удовлетворяет все потребности населения. Все большее значение в этом отношении приобретает общественное хозяйство. Колхозы давно уже перешли к распределению всего продовольственного зерна (ржи, ячменя, пшеницы) между членами сельхозартели, которые получают также в общественной кладовой в счет заработанных трудодней различные продукты – молоко, масло, мясо, яйца, овощи. Цены на эти продукты несколько выше государственных заготовительных, но ниже рыночных. Например, литр молока по госзакупке стоит 1 р. 20 коп., по рыночной цене – 2 р. 90 коп., а колхозники получают его по 1 р. 65 коп. В период летних работ многие колхозы практикуют горячее общественное питание для полеводов в счет тех же трудодней.

Колхозное производство Прилузского и Летского районов находится ныне на подъеме, причем особое внимание уделяется росту продуктивности и доходности животноводства. В местных условиях это сложная задача, так как все еще недостает кормов скоту по причине запущенности или непригодности для сенокоса многих лугов, бездорожья, не позволяющего бесперебойно и в нужном количестве подвозить комбинированные корма со станции Мураши, а также недостаточного опыта в заготовке силоса и выращивания высокоурожайных кормовых культур (топинамбура, кукурузы и пр.). Узок и рынок сбыта молока, картофеля, овощей. Оба района нуждаются в хороших путях сообщения, по которым местные сельскохозяйственные продукты получили бы выход на достаточно емкий колхозный рынок в городах и рабочих поселках Коми АССР и Кировской области.

Преодолевая указанные трудности, сельхозартели южных районов Коми республики планируют в перспективе текущей семилетки значительно расширить производственную базу и увеличить выход продукции. Характерен пример перспективного планирования колхоза им. XX съезда КПСС (Летский район), который исходя из своих возможностей принял на себя следующие обязательства (см. табл. 1).

Из этих показателей следует, что упомянутая сельхозартель в области производства продовольственных культур стремится достигнуть их увеличения не столько за счет расширения посевных площадей, сколько за счет резкого повышения урожайности основных культур. Зато намного увеличиваются площади, занятые под кормовыми культурами, что имеет целью создание прочной базы для содержания скота. В области животноводства главное внимание уделяется росту поголовья коров и свиней, а также увеличению домашней птицы. Примерно в таком разрезе, с учетом, конечно, местных условий, планируют развитие своего хозяйства и другие колхозы южных районов Коми АССР.

В заключение следует подчеркнуть, что с этнографической точки зрения Прилузье и Летка и в наше время не утратили свое хозяйственное своеобразие и по этому признаку, почти нечем не различаясь друг с другом, опять-таки составляют единый этнографический район Коми республики.

Обязательства колхоза им. XX съезда КПСС

Obligations of the collective farm named
after the XX Congress of the CPSU

Таблица
Table

По посевным площадям		
Культуры	1959 г.	1965 г.
Зерновые	568 га	570 га
Картофель	90 га	100 га
Овощные	10 га	10 га
Лен-долгунец	100 га	100 га
Кормовые	585 га	645 га
Силосные	275 га	345 га
Многолетние травы	241 га	401 га
ВСЕГО	1859 га	2171 га
По урожайности		
Культуры	1959 г.	1965 г.
Зерновые	7,7 ц/га	12 ц/га
Лен-долгунец	2,5 ц/га	4 ц/га
Картофель	80 ц/га	120 ц/га
Овощные	100 ц/га	150 ц/га
По животноводству		
Виды скота	1959 г.	1965 г.
Общее поголовье рогатого скота,	620	800
В том числе коров	285	400
Свиней	245	290
Овец	230	300
Птицы	500	700

Литература

1. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). – Ф. 277. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 3–4.
2. НАРК. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 326. – Л. 56–60.
3. НАРК. – Ф. 66. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 7.
4. НАРК. – Ф. 277. – Оп. 1. – Д. 13. Л. 1–6.
5. НАРК. – Ф. 52. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 21.
6. Мартюшев, А.А. Краткий очерк кустарных промыслов населения Усть-Сысольского уезда / А.А. Мартюшев. – Вятка, 1904. – С. 25.
7. НАРК. – Ф. 66. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 41.
8. Лепехин, И. Дневные записки путешествия / И. Лепехин. – Санкт-Петербург, 1814. – Ч. III. – С. 229–234.
9. НАРК. – Ф. 66. – Оп. 1. – Д. 30; – Ф. 277. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 2–3.

10. НАРК. – Ф. 277. – Оп. 1. – Д. 133. – Л. 6, 11–14.
11. Устюгов, Н.В. Ремесло и мелкое товарное производство в русском государстве XVII в. / Н.В. Устюгов // Исторические записки. – 1950. – № 34. – С. 182.
12. НАРК. – Ф. 155. – Оп. 1. – Д. 54.
13. НАРК. – Ф. 155. – Оп. 1. – Д. 111. Л. 86.
14. НАРК. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 326
15. НАРК. – Ф. 155. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 105–130.
16. НАРК. – Ф. 155. – Оп. 1. – Д. 1.
17. НАРК. – Ф. 155. – Оп. 1. – Д. 111. – Л. 72, 86.

References

1. National Archives of the Republic of Komi (hereinafter NARK). – Fonds 277. – Inventory 1. – File 32. – Sheets 3–4.
2. NARK. – Fonds 64. – Inventory 1. – File 326. – Sheets 56–60.
3. NARK. – Fonds 66. – Inventory 1. – File 30. – Sheet 7.
4. NARK. – Fonds 277. – Inventory 1. – File 13. – Sheets 1–6.
5. NARK. – Fonds 52. – Inventory 1. – File 8. – Sheet 21.
6. Martyshev, A.A. Kratkij ocherk kustarnyh promyslov naseleniya Ust-Sysolskogo uезда [Short review of the handicraft industry of the population in the Ust-Sysola district] / A.A. Martyshev. – Vyatka, 1904. – P. 25.
7. NARK. – Fonds 66. – Inventory 1. – File 107. – Sheet 41.
8. Lepekhin, I. Dnevnye zapiski putestvstviya [Daily travel notes] / I. Lepekhin. – Sankt-Petersburg, 1814. – Part III. – P. 229–234.
9. NARK. – Fonds 66. – Inventory 1. – File 30; Fonds 277. – Inventory 1. – File 13. – Sheets 2–3.
10. NARK. – Fonds 277. – Inventory 1. – File 133. – Sheets 6, 11–14.
11. Ustyugov, N.V. Remeslo and melkoe tovarnoe proizvodstvo v russkom gosudarstve XVII v. [Handicraft and small commodity production in the Russian state of the XVII century] / N.V. Ustyugov // Istoricheskie zapiski [Historical Notes]. – 1950. – № 34. – P. 182.
12. NARK. – Fonds 155. – Inventory 1. – File 54.
13. NARK. – Fonds 155. – Inventory 1. – File 111. – Sheet 86.
14. NARK. – Fonds 64. – Inventory 1. – File 326.
15. NARK. – Fonds 155. – Inventory 1. – File 8. – Sheets 105–130.
16. NARK. – Fonds 155. – Inventory 1. – File 1.
17. NARK. – Fonds 155. – Inventory 1. – File 111. – Sheets 72, 86.

Благодарность (госзадание)

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформация общества, власти и экономики в регионах Европейского Севера России (№ государственного учета 122040800166-0).

Для цитирования:

Лашук, Л.П. Материалы по хозяйственному укладу населения Прилузья (из отчета Прилузской этнографической экспедиции 1959 года) (публикация И.Л. Жеребцова, В.А. Саблина, Л.Я. Каневой) / Л.П. Лашук, Л.Н. Жеребцов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2023. – № 1 (59). – С. 224–230.

For citation:

Lashuk, L.P. Materialy po hozyajstvennomu ukladu naseleniya Priluzya (iz otcheta Priluzskoj etnograficheskoy ekspedicii 1959 g.) (publikatsiya I.L. Zherebtsova, V.A. Sablina, L.Ya Kanevoi) [Materials on the economic structure of the population of the Luza region (from the report of the Luza ethnographic expedition of 1959) (publication of I.L. Zherebtsov, V.A. Sablin, L.Ya. Kaneva)] / L.P. Lashuk, L.N. Zherebtsov // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2023. – № 1 (59). – P. 224–230.

Дата поступления рукописи: 10.02.2023

Прошла рецензирование: 17.02.2023

Принято решение о публикации: 17.02.2023

Received: 10.02.2023

Reviewed: 17.02.2023

Accepted: 17.02.2023

Рецензии

История Коми с древнейших времен до конца XVII века. 6–7 классы: учебное пособие для образовательных организаций Республики Коми / под общей редакцией И.Л. Жеребцова. – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2022. – 224 с.: ил.

History of Komi from ancient times to the late XVII century. 6th–7th forms: textbook for educational organizations of the Komi Republic / Under the general editorship of I.L. Zherebtsov. Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2022. – 224 p.: ill.

В начале XXI столетия отечественная школа переживает непростые времена. Свидетельством кризиса среднего образования является недопустимо низкий уровень знаний выпускников. Следует признать, что государство осознает серьезность ситуации. Именно поэтому в последнее время были предприняты некоторые шаги, которые должны способствовать ее исправлению. Есть среди них и меры, призванные коренным образом улучшить положение с подготовкой по истории. Они обозначены в «Концепции преподавания учебного курса "История России" в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы» [1].

В этом программном документе верно указано на важность сочетания в школьном курсе истории Российского государства с историей регионов и локальной истории (прошлое родного села, города, региона).

Действительно, история малой родины является краеугольным камнем национального самосознания. Ведь только тот может понимать и любить свой народ, кто хорошо знаком с прожитым и пережитым им. Именно поэтому в «Концепции ...» акцентируется внимание на важности «обращения обучающихся к изучению локальной истории, истории своей семьи. Это способствует развитию умений применять полученные на уроках знания, приобретению опыта поисковой и аналитической работы на доступном и близком им материале». Правильно говорится и о значимости подготовки учебно-методических комплексов по этому предмету [1].

На самом деле, не в последнюю очередь низкое качество общеобразовательной подготовки выпускников школ обусловлено недостатками учебников. В значительной степени это замечание касается учебных пособий и по региональной истории. Например, последнее школьное издание по коми истории вышло из печати более двух десятилетий назад, и во многом несло на себе явную печать конъюнктуры того времени [2].

Конечно, эту лаку в какой-то мере заполняли научно-популярные [3–5] и научные книги [6], которые вызвали неподдельный интерес. Что вполне объяснимо, ведь история города, района, где ты родился и прожил первые годы своей жизни (а порой и всю жизнь) всегда привлекает внимание, причем не столько ученых, писателей, общественных деятелей, сколько самых простых людей.

Но сейчас, в начале третьего десятилетия столетия остро стоит задача создания новых школьных учебников (взамен явно устаревших) по истории Коми края. И к чести ученых-историков региона первый шаг в этом направлении уже сделан. В свет вышла учебная книга для 6–7 клас-

сов по истории Коми с древнейших времен до начала XVII столетия. Она подготовлена группой сыктывкарских ученых. Это красочное, хорошо оформленное издание, напечатанное сравнительно большим для сегодняшних дней тиражом (2, 5 тыс. экз.).

Авторы пособия не просто известные педагогической общественности республики исследователи (И.Л. Жеребцов, Э.А. Савельева, И.О. Васкул, О.И. Уляшев, Н.Н. Русеева, В.Н. Карманов, Е.В. Поляков). И мы знаем, что они имеют несомненные заслуги в воссоздании картины прошлого нашего региона. Однако авторы пособия основывают свою работу во многом на исследованиях других исследователей-историков, археологов, этнографов, филологов. Именно такой метод позволил учесть в издании опыт новых научных открытий ученых и краеведов, сделанных в последние годы.

Учебник освещает различные стороны жизни и истории народа коми с древнейших времен до начала XVII столетия. В целом пособие насыщено полезными и нужными для учащихся сведениями. В нем рассказывается не только о развитии экономики, культуры, политических событиях. Школьники знакомятся с элементами этнографии, повседневной жизни, процессом расселения народа коми (в частности, весьма любопытна глава об участии коми-зырян в освоении Сибири) и т.д.

Следует выделить и качественное полиграфическое исполнение книги: хорошая бумага, значительное количество иллюстраций, карт (в том числе и цветных) и т.д. Это чрезвычайно важно для учебного издания. Ведь при таком подходе приведенные сведения подкреплены иллюстративным материалом, и это весьма способствует восприятию учебной информации (в особенности школьниками среднего звена, для коих и предназначена книга).

Заметно и серьезное отношение авторов к методическому обеспечению учебного пособия. Каждый раздел снабжен вопросами и заданиями для повторения, списком дополнительной литературы. Это не только способствует усвоению учащимися пройденного материала, но и стимулирует интерес к истории родного края. Есть в конце книги перечень важнейших исторических дат и список рекомендуемой литературы. Последний, впрочем, не лишен определенных пробелов. Некоторые заслуживающие внимания работы авторами пособия по каким-то причинам не упомянуты [7]. Хотя они явно относятся к изучаемой тематике, и ознакомление с этими трудами было бы весьма полезно учащимся. Не без греха, несмотря на внешне безупречный вид, и художественное оформление. Например, некоторые иллюстрации так малы, что читате-

лю сложно сообразить, что на них изображено. Хотелось бы, чтобы учебник имел и твердую обложку (ведь пользоваться книгой будет, судя по всему, не одно поколение школьников).

Далее, история складывается, как мы помним, из действий людей, определенных личностей. А вот их-то мы в тексте практически не видим. Возможно, в последующих изданиях следует насытить книгу хотя бы мимолетными портретами людей, сыгравших значительную роль в истории коми народа.

Надо упомянуть и об иных слабых сторонах пособия. К ним следует отнести нередко непростой, трудный, сугубо «научный» язык, которым написаны некоторые разделы. Часто текст «пересыпан» цитатами из документов, что делает его сложным для восприятия школьников (тем более учащихся 6–7 классов).

Наконец, на наш взгляд, излишнее внимание уделено авторами «общему фону» (особенно это заметно в иллюстративном материале), течению собственно российской истории. Конечно, история коми народа неотделима от становления и развития русской государственности. Но об основных вехах этого процесса школьники узнают на уроках и из учебников «Истории России».

Наверное, многих ошибок можно было избежать, если бы к подготовке издания были привлечены ученые из вузов республики, имеющие богатый опыт преподавания коми истории. Возможно, имело смысл широко обсудить текст с участием педагогов вузов и общеобразовательных школ, родителей учащихся, общественности. И результаты этого обсуждения учесть при окончательной доработке книги.

Но, несмотря на некоторые присущие изданию погрешности, можно быть уверенными в том, что книга займет достойное место в ряду учебных пособий по истории коми. Вне всякого сомнения, она найдет полезное применение в учебном процессе не только в средней школе, но и в техникумах и вузах. Впрочем, она любопытна и полезна не только для учащихся и педагогов, ученых-историков, но для широкого круга людей, любящих родной край, желающих знать его историю.

В заключение хотелось бы повторить: выход в свет нового учебника – это событие немалого значения в культурной и общественной жизни Республики Коми. Конечно, ученым и педагогам республики нельзя останавливаться

на достигнутом. Важно подготовить учебное пособие по истории региона и по незатронутому в данном издании хронологическому периоду: с начала XVII в. до наших дней. Ждет своей очереди и вузовский учебник по коми истории.

Литература

1. Концепции преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы. – URL: https://instrao.ru/images/concept/Kontseptsiya_po_Istorii.pdf (дата обращения: 17.01.23).
2. Рогачев, М.Б. История Республики Коми. 7–11 кл.: учебник для общеобразовательных учебных заведений / М.Б. Рогачев, И.О. Васкул, И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев, О.И. Уляшев. – Москва: ДИК, 2000. – 448 с.
3. Жеребцов, И.Л. История Республики Коми: научно-популярные очерки / И.Л. Жеребцов, Э.А. Савельева, А.Ф. Сметанин. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1996. – 286 с.
4. Жеребцов, И.Л. Историческая хроника Республики Коми / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев, М.Б. Рогачев, Б.Р. Колегов. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2002. – 344 с.
5. Жеребцов, И.Л. Коми край. Очерки о десяти веках истории / И.Л. Жеребцов, А.Ф. Сметанин. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2003. – 368 с.
6. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 1 / под общ. ред. А.Ф. Сметанина. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. – 560 с.; Т. 2 / под общ. ред. А.Ф. Сметанина. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. – 704 с.
7. Республика Коми: Энциклопедия / гл. ред. М.П. Рощевский. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1997. – Т. 1. 472 с.; / гл. ред. М.П. Рощевский. 1999. – Т. 2. – 576 с.; 2000. – Т. 3. – 400 с.

*О.В. Золотарев,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и методики обучения
общественно-правовым дисциплинам
Института истории и права
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина»*

История и культура уйльта (ороков) Сахалина: историко-этнографические очерки (XIX–XXI вв.) / отв. ред. В.В. Подмаскин. – Владивосток: ООО «Дальнаука», 2021. – 376 с.

History and culture of Uilta (Oroks) of Sakhalin: historical and ethnographic essays (the XIX–XXI centuries) / Responsible Editor V.V. Podmaskin. – Vladivostok: Dalnauka, 2021. – 376 p.

В Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии Наук (далее – ИИАЭ ДВО РАН) в 2021 г. под руководством ответственного редактора, профессора, д.и.н. В.В. Подмаскина опубликована книга по истории и культуре ороков Сахалина. Следует особо отметить, что

книга написана по полевым материалам российских этнографов с применением архивных источников и опубликованной литературы. Список использованной литературы, озаглавленный «Библиография», включает 430 публикаций на русском языке и 41 – на английском [1]. Такого количества использованной литературы не имеется ни в одной

из коллективных книг малочисленных этносов Дальнего Востока, выпущенных ИИАЭ ДВО РАН в 1987–2021 гг. Поэтому внушительный библиографический список «Истории и культуры уйльта (ороков) Сахалина» вселяет надежду, что читатель из содержания этой книги не только познает историю и культуру ороков Сахалина, но и найдет ответы на ряд вопросов, касающихся нерешенной проблемы этногенеза и этнонимии этноса.

В подготовке разделов книги приняли участие ученые из Владивостока, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбург и этнолог из Республики Молдова В.Д. Косарев. В книге обозначен круг проблем, связанный с происхождением ороков, рассмотрены многочисленные топонимы и этнонимы (В.В. Подмаскин и Р.В. Гвоздев), представлено описание традиционного хозяйства и материальной культуры (Т.П. Роон и М.М. Прокофьев). Проблемам природопользования ороков особое внимание уделяет В.Д. Косарев. Разделы по духовной культуре написаны С.В. Березницким, Т.Ю. Сем, Е.В. Фадеевой, Н.А. Мамчевой, В.И. Прокопенко и Л.В. Озолина. В заключении ответственным редактором дана оценка социально-экономических и культурных преобразований в советский и постсоветский периоды. Почти все разделы книги подготовлены на высоком научном уровне.

Однако наряду с позитивными сторонами имеется ряд недостатков. В книге четко просматривается, что все авторы ороков называют этнонимом *уйльта*. Но это название большинство ороков не признают и сами себя называют этнонимом *уйлта*, полученным от своих далеких предков. Их мнение разделяют доктора наук филологи из Санкт-Петербурга А.А. Бурыкин и А.М. Певнов, автор настоящей рецензии (этнограф) и др. На взгляд рецензента, в коллективной книге в первую очередь должны быть разрешены все спорные вопросы. Однако на практике сложнейшая проблема по этнонимии ороков не только не получила разъяснения, но была полностью проигнорирована, хотя эта проблема, возникшая еще в годы исследований Л.И. Шренка, не решена и в наше время.

Со второй половины XIX в. у ороков, кроме экзонима *орочены*, фиксировалось только одно самоназвание – *ольча*. В 1883 г. И.С. Поляков у ороков Сахалина выявляет этноним *ульча*. Его сообщение об этом было настолько неожиданным для Л.И. Шренка, что тот решил, что И.С. Поляков ошибочно записал слово «ульча» вместо «ольча», или эту ошибку допустило издательство при наборе текста (У Л.И. Шренка были основания сомневаться на счет ошибки, допущенной издательством в опубликованной статье И.С. Полякова. В 1868 г. вышел исторический отчет Ф.Б. Шмидта, в котором на титульном листе фигурировала фамилия Ф.Б. Шмит. В этой фамилии была пропущена буква «д»). По этой причине Л.И. Шренк не отреагировал на появление нового этнонима в форме «ульча», хотя и был знаком с соответствующей работой И.С. Полякова: описывая двускатные жилища ороков с двумя входами, характерными для эвенов Магаданской области и удэгейцев Приморского края, Л.И. Шренк ссылается на ту самую страницу (с. 81) в материале И.С. Полякова, на которой упоминалось и новое самоназвание ороков в форме «ульча». Последую-

щие исследователи, не зная, как объяснить феномен, что у одного народа имеется два самоназвания в формах *ольча* и *ульча*, решили, что И.С. Поляков у ороков ошибочно записал термин «ульча» вместо «ольча», поэтому эти слова стали объединяться знаком равенства или использоваться с пояснением «ульча (т.е. ольча)».

С утверждением советской власти на Дальнем Востоке возникла потребность конкретизировать названия дальневосточных этносов. Все народы Приморья и Приамурья получили официальное название, исходя из своих самоназваний. Получили свой этноним и мангуны Нижнего Амура, часть из которых сами себя называли именем *ольча*. А.Н. Липский, решив, что этнонимы *ольча* и *ульча* идентичны, категорично заявил, что термин *ульча* является новым написанием слова *ольчи* [2, с. XLIII]. Никто из этнографов А.Н. Липскому не возразил, и из этнографической литературы и этнонимии ороков Сахалина исчез термин *ольча*, а мангунам было навязано чужое самоназвание в форме *ульча* (*ульчи*).

В 1928 г. Б.А. Васильев у ороков выявляет этноним в написании и звучании «ульта», или «улта» [3, с. 5, 8]. В 1967 г. этот вариант этнонима отмечается в книге Т.И. Петровой в написании «ульта» («уйльта», «уйльта»). Этнонимы, заключенные в скобки, означают, что все они идентичные. Затем из этой триады этнонимов Т.И. Петрова без объяснений убирает этноним *уйльта*, выявленный В.К. Арсеньевым в 1916 г. у ольчей Нижнего Амура, и концентрирует свое внимание только на названиях *ульта* и *уйльта*, которые даются в книге через тильду – «ульта ~ уйльта» [4, с. 5–6], означающую, что эти слова эквивалентны, т.е. взаимозаменяемы.

Вышеприведенные примеры касающихся этнонимии ороков Сахалина говорят об определенном недопонимании самоназваний ороков этнографами конца XIX – второй половины XX вв. Почему в одном случае у ороков фиксируется самоназвание *ольча*, в другом – *ульча*, в третьем – *ульта*, и, наконец, почему исследователи остановились на этнониме *уйльта*? Именно на эти вопросы ответственный редактор рецензируемой книги должен был дать исчерпывающие ответы. В литературе на эту тему по орокам имеется монография и более 20 статей автора настоящей рецензии, но эти концептуальные работы почему-то не нашли отражения ни в истории изучения ороков, ни в тексте самой книги¹. Ответственный редактор книги не ответил и на главный вопрос: почему разные этнонимы, принадлежавшие одному народу, постсоветские исследователи стали сводить к одному названию – *уйльта*?

Рецензент считает, что в годы досоветского и советского периодов (вторая половина XIX в. – конец 1960-х гг.) отсутствовала теория этноса, объясняющая, что у каждого народа, кроме основного самоназвания, может быть несколько дополнительных – территориальных названий, принадлежавших этнографическим группам. Незнание теории этноса некоторыми этнографами советского, а затем и постсоветского периодов привело к тому, что все многочисленные созвучные этнонимы ороков Сахалина в напи-

¹ А.Ф. Старцев отказался принимать участие в написании книги из-за разногласий с ответственным редактором по проблемам этнонимии ороков и вопросам их этногенеза.

сании *уйльта*, *ульта* и *уйльта* объявили эквивалентными, заменяющими друг друга, и в научной литературе стал утверждаться этноним «*уйльта*».

Однако эту точку зрения российских постсоветских исследователей не стали разделять не только некоторые российские ороковеды, но и зарубежные ученые. Касаясь этнических названий ороков Сахалина, этнограф из Республики Молдова В.Д. Косарев, принявший участие в написании книги, ни одного раза не упомянул название ороков в написании *уйльта*, а использовал только нейтральное название в форме «ороки». Так вот, В.Д. Косарев об этнониме «*уйльта*» пишет так: «Чего мне не мог объяснить никто – это появление кажущегося лишним звука "й" в названии, происходящем от "уля/ула". История с этим этнонимом кажется подозрительной, и может статься так, что это не исконное имя ороков, а искусственно созданное или данное кем-то извне» [5, с. 19]. В свою очередь финляндский исследователь Ю. Янхунен особо подчеркивал, что самоназвание ороков в звучании «*уйлта* (русское *uil'ta* и японское *uiruta*)», <...> сегодня признано единственно правильным наименованием этой этнической группы» [6, с. 12], а польский этнограф А. Маевич в статье «Ороки в прошлом и настоящем», посвященной истории и культуре ороков Сахалина, писал, что «старый этноним "*орок*" (по-японски "*орокко*") постепенно вытесняется в Японии исторически подлинным названием народности – "*уйлта*"» [7, с. 28].

Рассуждая об использовании этнонимов *уйлта*, *ульта* и *уйльта*, исследователь тунгусо-маньчжурских языков филолог А.М. Певнов, ссылаясь на японского филолога Дз. Икэгами, особо подчеркивал: «Отмечу не очень удачную транскрипцию – в инлауте тунгусо-маньчжурских слов недопустимо сочетание трех согласных; на самом деле это не *уйлта*, а *уйлта*» [8, с. 887].

В слове *уйлта* латинская буква «j» относится к согласным [4, с. 13], поэтому вывод А.М. Певнова подтверждает факт, что в языке ороков слова в форме *уйлта* (*уйльта*), имеющего подряд три согласных буквы, не должно быть. Таким образом, русифицированный этноним *уйльта* в написании и звучании с буквой «й» и мягким знаком «ь» – это плод ошибочного восприятия российских, постсоветских исследователей, считающих этнонимы *уйлта* (*уйльта*) и *ульта* (*ульта*) разными звучаниями одного термина, закрепившегося в научной литературе в форме слова *уйльта*. Из вышесказанного следует, что термин «*уйльта*» не может быть эндоэтнонимом ороков Сахалина, как утверждает ответственный редактор книги В.В. Подмаскин.

В книге «История и культура уйльта (ороков) Сахалина ...» без каких-либо обоснований проводится идея, что этноним *уйльта* является первичным этнонимом ороков. Вслед за Т.И. Петровой из этнонимии ороков выбрасывается термин *уйлта* (*уйльта*). При этом делается ссылка на коллективную книгу, в которой использована статья В.В. Подмаскина, который утверждает: «Этимология наименования *ул'та ~ уйл'та* (как и *ульча*) неясна. Сами ороки его никак не поясняют и употребляют как неразложимый термин для обозначения своей народности» [1, с. 37].

К сожалению, в рецензируемой книге не обратили внимание на размышления Т.И. Петровой об этимологии этно-

нимов, о том, при каких условиях у ороков могли возникать этнические имена. Т.И. Петрова писала: «Если бы мы слово *ул'та ~ уйл'та* разложили предположительно на морфемы (основную *ул' ~ уйл'* и суффиксальную *-та*), то для них в языке ороков соответствующих живых значений не найти» [4, с. 6]. Судя по всему, **под соответствующими живыми значениями с основой на *уль*, *уйль*** Т.И. Петрова подразумевала наличие географических названий, из которых могли возникнуть этнические имена ороков.

Размышление Т.И. Петровой о возможном появлении родовых имен из топонимов представляет собой блестящую догадку, которой воспользовались Л.И. Сем, Л.И. Миссонова, А. Маевич, В.В. Подмаскин и мн. др. Эти исследователи без привязки этнонимов к местности этническое название ороков *ульта ~ уйльта* стали связывать с нарицательным словом «*ули*» – «вода». Исследователь тунгусо-маньчжурских языков филолог Л.И. Сем первая подхватила идею использования термина *уйл'* для этимологизации этнонима *уйлта* (*уйльта*), отметив, что в основе этимологии этнических названий *ульта* и *ульчей* «лежит корень, связанный с понятием "вода": ... *уйлта*, *ульта* (от *уйл*, *ул* + *чан* = "речные люди, поречане")». При этом свой вывод Л.И. Сем подкрепляет эвенкийским термином *уйл*, *уул* («водоворот», «заводь») [9, с. 9]. Идеи Т.И. Петровой и Л.И. Сем об этимологии этнонимов ороков из эвенкийского термина *уйл* со значением водоворот были продолжены С.В. Соколовским, Л.И. Миссоновой, В.В. Подмаскиным и другими, которые этноним *ульта* (*уйльта*) стали связывать с понятием «поречанин».

На наш взгляд, этимологию орокского этнонима *уйлта* (*уйльта*) и *ульта* (*ульта*) **нельзя** выводить из эвенкийского слова «*уйл*», означающего понятие «водоворот», хотя бы по той причине, что у тунгусо-маньчжуров водоворот на реке являлся входом в мир мертвых, о чем относительно подробно и рассказывает Г.М. Василевич [10, с. 212]. Кроме этого, на каждой реке имеются сотни водоворотов, поэтому определить от какого водоворота произошли ороки не представляется возможным.

Рецензент считает, что основу этнических самоназваний ороков составили ойконим *Uil* (*Уил*) и гидроним *Ул*, – река, впадающая в Сахалинский залив, а не нарицательные слова «*уйл*, *уул*» в понятии «вода» и «водоворот». Л.Я. Штернберг писал, что *Uil* – это большая деревня на р. Амгуни, находящаяся на территории негидальцев, жители которой «... лет двадцать назад все вымерли» [11, с. 532, 548]. В этой деревне жили не только ольчи и ульчи, но и негидальцы, которые, как отмечал Ч.М. Таксами, с верховьев Амгуни переселились на Сахалин и вошли в состав ороков [12, с. 34–35].

Если ойконим *Uil* (*уйл*) объединить с суффиксом принадлежности *-та*, то мы получим термин *Uilta* (*уйлта*), что в переводе будет означать «жители селения *Уил*» [13, с. 126]. Вполне возможно, что этимология селения *Уил* (*Uil*) и самоназвание *уйлта* (*уйльта*) может связываться с орокским словом «*уи*» – «верхний», «верхняя сторона» [14, с. 246]. Исходя из этого, полный перевод этнонима *уйлта* (*уйльта*) будет означать «жители верховьев реки», или «верховские» [13, с. 128], а не поречане, как считают советские и постсоветские исследователи. Аналогичным образом от ги-

дронима Ул получили имя и ороки улта. На р. Ул, впадающей в Сахалинский залив Охотского моря, обитали, по мнению К.Я. Лукса, тывлинские тунгусы-эвены [15, с. 85], или так называемые оленные ульчи, которые, со слов В.К. Арсеньева, жили на Севере, дальше Николаевска-на-Амуре [16, с. 178], у них и образовался этноним улта [13, с. 126].

На с. 38 коллективной книги в середине текста Т.И. Петровой об образовании этнических названий из гидронимов [4, с. 6] включен такой материал: «На юге Сахалина отмечен гидроним Ул». Ссылка сделана на книгу Т.И. Петровой [1, с. 38]. Однако рецензенту не удалось обнаружить гидроним Ул на страницах книги Т.И. Петровой. Не дали положительных результатов и поиски этого названия на географических картах Сахалина. Материалы Интернета показали, что на Сахалине названия реки под названием Ул нет [17].

Говоря об этом гидрониме, рецензент еще до публикации книги «История и культура уйльта ...» писал, что этническую основу ороков, о которой упоминает Т.И. Петрова, следует искать не на Сахалине, а в Приамурье, где формировались этнографические группы ороков с их последующим переходом на Сахалин. «Из географических названий данной территории особое значение имеют гидроним Ул и ойконим Uil (Уил). Таких топонимов, кроме Приамурья, на Дальнем Востоке нет. Если соединить их с суффиксом -та, то мы получим два территориальных названия ороков: самоназвание в форме улта со значением «жители бассейна р. Ул» и этноним уилта (Uilta) – «жители селения Уил» [18, с. 168].

Ответственный редактор рецензируемой книги пишет: «В английском языке этот народ известен под названиями Uilta, Ulta, Orok» [1, с. 37]. Действительно, этноним ороков Сахалина во всех иностранных изданиях, опубликованных на английском языке, отмечается в написании Uilta. Однако термин «Uilta» не английское слово, а латинское. В 1931 г. советские лингвисты и этнографы создали для народов Севера письменность на основе латинского алфавита, а с 1937 г. письменность была переведена на основу русского алфавита. Ойконим Uil – название деревни, отмеченное Л.Я. Штернбергом, – писалось латинскими буквами. Поэтому написание этнонима Uilta в английской литературе и этнонима Uilta, написанным латинскими буквами, внешне ничем друг от друга не отличается. Однако произношение слова Uilta по-английски будет ближе к произношению уйльта (уйелтееа), а в латинском языке это слово как пишется, так и читается. Аналогичного мнения придерживается и зав. сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН д.и.н. Ю.П. Шабает: «Слово "Uilta", скорее, имя собственное, и соответственно оно не должно переводиться на русский язык, а сохраняет свое родное звучание – "Uilta" (Уилта)» [19, с. 176].

Часть недостатков связана с библиографией. Например, из более 500 названий использованной литературы, как отмечает сам ответственный редактор книги [1, с. 14], более сотни наименований из числа русскоязычных и англоязычных публикаций ни в тексте, ни в сносках не нашли отражения. Обычно в конце книги формируется авторский список использованной литературы. По требованиям из-

дательства «Дальнаука» этот список делается не только в алфавитном порядке, но и в хронологической последовательности, если у одного автора более двух публикаций. Однако в рецензируемой книге список использованной литературы и источников не соответствует понятию «хронологический порядок». Например, публикации Л.Я. Штернберга в разделе «Библиография» даны в следующей последовательности: 2009, 1904, 1933, 2001, 1925, 1908, 2001а. Аналогичная хронологическая чехарда распространена почти на всех авторов, у кого имеется более двух публикаций.

В книге использованы материалы архива ИИАЭ ДВО РАН (Ф.1. – Оп.2. – Д. 416), однако нигде нет отметки, что этот архивный материал принадлежит д.и.н. С.В. Березницкому, хотя относительно некоторых материалов других архивов указания на авторов и организации в тексте коллективной монографии имеются [1, с. 27–29]. Ответственный редактор и рецензенты обязаны были указать автору книги на эти недочеты, которые должны были быть исправлены. Но этого не произошло. Возникает вопрос, насколько внимательно рецензенты знакомились с рукописью книги и знакомились ли вообще. Основания для такого предположения имеются: известно, что один из рецензентов, не зная предмета исследования, поставил свою подпись под заранее подготовленным отзывом, за что и был наказан Институтом. Вероятно, свою роль сыграло и то, что рукопись этой книги обсуждалась не в отделе этнографии, а в филологическом отделе Института, который и рекомендовал работу к публикации.

Завершая просмотр коллективной книги, следует отметить, что в ней не получила разрешения основная проблема, связанная с происхождением этноса: кто такие ороки, откуда они пришли, где и когда формировались этнографические группы этноса? Видимо, на эти и другие вопросы дадут ответ уже исследователи нового поколения.

Литература

1. История и культура уйльта (ороков) Сахалина: Историко-этнографические очерки (XIX–XXI вв.). – Владивосток: Дальнаука, 2021. – 376 с.
2. Липский, А.Н. Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племен бассейна Амура / А.Н. Липский // Первый туземный съезд Д.В.О. (протоколы съезда с вводной статьей А. Липского). – Хабаровск, 1925. – С. V–LI.
3. Васильев, Б.А. Основные черты этнографии ороков. Предварительный очерк по материалам экспедиции 1928 г. / Б.А. Васильев // Этнография. – 1929. – № 1. – С. 3–22.
4. Петрова, Т.И. Язык ороков (ульта) / Т.И. Петрова. – Ленинград: Наука, 1967. – 156 с.
5. Косарев, В.Д. Ороки (ульта) в этногенетике тунгусо-язычных народов Приамурья: задача со многими неизвестными / В.Д. Косарев // Культурное население Дальнего Востока России Сахалинской области. Уйльта. Эвенки. – Южно-Сахалинск: Сахалинский гос. обл. краевед. музей, 2009. – С. 17–32.
6. Янхунен, Ю. Об этнонимах ороки и урянхай (Uryangkhai) / Ю. Янхунен // Россия и АТР. – 2018. – № 4. – С. 11–24.

7. Маевич, А. Ороки в прошлом и настоящем. Перевод с английского В.В. Переславцева / А. Маевич // Краеведческий бюллетень. – 1994. – № 2. – С. 11–31.
8. Певнов, А.М. Этимология самоназваний ороков / А.М. Певнов // ACTA Linguistica PETROPOLITANA: Труды Института лингвистических исследований. Том XIII, часть 3. – Санкт-Петербург: Наука, 2017. – С. 886–892.
9. Сем, Ю.А. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектический орокско-русский словарь: этнографические исследования / Ю.А. Сем, Л.И. Сем, Т.Ю. Сем // Труды ИИАЭ ДВО РАН. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – Т. 14. – 157 с.
10. Василевич, Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII–XX в.) / Г.М. Василевич. – Ленинград: Наука, 1969. – 304 с.
11. Штернберг, Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны / Л.Я. Штернберг. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.
12. Таксами, Тунгусские народы на Сахалине // Страны и народы Востока: Страны и народы бассейна Тихого океана / отв. ред. Б.А. Вальская, Ю.В. Марентин. – Москва: Наука, 1968. – Вып. VI. – С. 29–42.
13. Старцев, А.Ф. Ороки – орочен, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина / А.Ф. Старцев. – Владивосток: Дальнаука, 2015. – 163 с.
14. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В.И. Цинциус. – Ленинград: Наука, 1977. – Т. 2. – 992 с.
15. Лукс, К.Я. Туземное административное и кооперативное районирование низовьев Амура / К.Я. Лукс // Туземное хозяйство низовьев Амура в 1927–28 году (по материалам обследования 1928 года). – Хабаровск; Благовещенск: Издательство Дальхотсоюза и Далькрайсоюза, 1929. – С. 82–92.
16. Арсеньев, В.К. Жизнь и приключения в тайге / В.К. Арсеньев // Собр. соч. в 6 томах. 2-е доп. издание. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. – Т. II. – С. 5–206.
17. Государственный водный реестр: река Ул textual.ru/gvr/index.php?card=2959...
18. Старцев, А.Ф. Нерешенные проблемы этнонимии ороков Сахалина в трудах российских и зарубежных исследователей / А.Ф. Старцев // Россия и АТР. – 2020. – № 2. – С. 165–178.
19. Старцев, А.Ф. История появления и функционирования этнонимов ороков Сахалина / А.Ф. Старцев // Россия и АТР. – 2018. – № 3. – С. 168–181.

*А.Ф. Старцев,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник отдела этнографии
и антропологии Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН*

Коми пединститут: время инновационного развития. 1973–2014: сборник материалов и воспоминаний / гл. ред. В.Н. Исаков. – Сыктывкар: Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. – 774 с.: ил.

Komi Pedagogical Institute: time of innovative development. 1973–2014. Collection of materials and memoirs / ch. ed. V.N. Isakov. Syktyvkar: Publishing House of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 2022. – 774 p.: ill.

Юбилей старейшего в Коми высшего учебного заведения (в 2022 г. Коми педагогическому институту (далее – КГПИ) исполнилось 90 лет), совпавший с юбилеем Сыктывкарского университета (далее – СГУ), который в 2022 г. отметил полвека работы, оживил интерес общественности к истории высшего образования в республике. В немалой степени этому способствовало и усилившееся внимание государства к проблеме патриотического воспитания, которое базируется на исторической памяти. Благодаря этому обстоятельству и в результате настойчивости сотрудников института и университета, за последние годы из печати вышел ряд изданий, посвященных истории КГПИ и СГУ им. П. Сорокина (сборник документов «Трудовые семестры студентов Коми пединститута» [1], «Летопись Коми государственного педагогического института (1932–2014)» [2], «Сыктывкарский государственный университет в воспоминаниях современников» [3], энциклопедия «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина» [4] и др.). Но отрадно отметить, что внимание руководства университета к истории высшего образования в республике не ослабло. Свидетельство этого – появление нового сборника документов и материалов, посвященного истории развития КГПИ в 1973–2014 гг.

В рецензируемом издании представлен значительный материал по развитию Коми педагогического института на завершающем этапе его истории. Имеются как архивные документы (из Национального архива Республики Коми, бывшего партархива Коми обкома КПСС, архива Коми пединститута), так и газетные статьи, материалы из различных сборников документов, воспоминания. Большая их часть опубликована впервые. В книге освещены различные стороны жизни вуза: материалы по истории факультетов и кафедр, документы и воспоминания сотрудников и студентов пединститута и др.

В исторической части сборника приведено большое количество приказов и отчетов, свидетельствующих как о работе вуза в целом, так и по отдельным направлениям работы и факультетам. Эти материалы позволяют не только составить объективную картину о деятельности пединститута, но и проследить его развитие.

Весьма любопытны и приложения, которые содержат сведения о почетных работниках КГПИ, воспоминания преподавателей, сотрудников, выпускников института и краткие сведения об авторах. Особый интерес, на наш взгляд, представляют воспоминания, собранные сотрудниками му-

зея КГПИ (см.: воспоминания И.В. Колесова, Т.П. Королевой, З.Я. Немшиловой, Н.А. Морозова и др.).

Важно и то, что опубликованные материалы передают колорит эпохи, студенческой жизни, характерные для нее особенности. Не уходят составители и от трудностей развития вуза. Все это говорит о тщательном подборе документов. Что, на наш взгляд, позволило отразить все стороны институтской жизни. Это свидетельствует о серьезной и кропотливой работе, сделанной авторами.

Однако некоторые моменты содержания сборника вызывают определенные сомнения. В первую очередь – хронология разделов. Возможно, первый раздел следовало бы закончить 1991 г. (а не 1985 г.). Ведь именно тогда начались серьезные перемены в развитии высшего образования в стране, связанные с распадом СССР и рыночными реформами.

Неполным выглядит и обзор литературы о пединституте. Так, из него «выпали» статьи в газетах и журналах, материалах научных конференций, посвященных различным аспектам старейшего в Коми республике вуза.

К сожалению, в рецензируемый сборник прокрался и ряд иных недочетов. Впрочем, они во многом носят технический характер и ни в коей мере не умаляют благоприятного впечатления от вышедшей из печати книги.

Сборник носит научно-популярный характер и рассчитан на преподавателей, студентов, историков-краеведов. Его материалы могут применяться при проведении занятий по истории образования, истории Республики Коми.

Данный том итожит серию изданий документов и материалов по истории пединститута, начатую в 2005 г. [5–7]. И это неоспоримое свидетельство того, что книга задумывалась давно. И это понятно, ведь пединститут был не просто свидетелем, но и участником интересных и судьбоносных для страны и республики событий. И если читатель обычно ищет в подобного рода публикациях живые детали, позволяющие воссоздать образ времени, то в этих изданиях он найдет не только это. Они несколько иные. Здесь не столько описывается жизнь института, сколько рассказывается о том, что можно назвать биографией дела. Фактически – это история КГПИ в документах. Читатель получает представление о разных периодах «биографии» вуза, его становлении и развитии, о научных и образовательных успехах.

Но не только ... Это повествование и об истории нашей республики за последние 90 лет, истории сложной, подчас трагичной (о чем ярко свидетельствуют и судьбы многих сотрудников и руководителей института). Мы можем проследить, что тревожило и радовало разные поколения нашей страны, как развивались образование и наука. И все это – через судьбу Коми пединститута, в которой преломилась история страны.

В заключение хотелось бы отметить большую работу, сделанную составителями сборника по подбору и сохранению материалов и документов, относящихся к истории первого вуза Коми республики. Что касается руководства

СГУ (в который влился в 2014 г. Коми пединститут), то, наверное, ему следует продолжить публикацию материалов по истории КГПИ. А, возможно, и задуматься о создании большого обобщающего издания по истории пединститута. Попытки проследить биографию старейшего в республике вуза, конечно, уже делались. Был написан ряд статей и книг. Но последнее подробное исследование вышло более 40 лет назад ... [8, 9].

Литература

1. Трудовые семестры студентов Коми пединститута: сборник документов, материалов, воспоминаний / гл. ред. О.А. Сотникова; сост.: Л.А. Жданов, З.Я. Немшилова, О.Е. Бондаренко. – Сыктывкар: Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. – 416 с.
2. Летопись Коми государственного педагогического института (1932–2014) / гл. ред. О.А. Сотникова; сост.: В.Н. Исаков, О.Е. Бондаренко, Н.В. Захарова, Н.А. Попов. – Сыктывкар: Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. – 204 с.
3. Сыктывкарский государственный университет в воспоминаниях современников / отв. редактор и составитель М.А. Бурлыкина. – Сыктывкар: Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. – 230 с.
4. Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина: энциклопедия / М.А. Бурлыкина. – Сыктывкар: Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. – 257 с.
5. Коми пединститут: становление и развитие (1932–1941): сборник документов, материалов, воспоминаний / гл. ред. В.Н. Исаков; сост.: Л.А. Жданов, В.Д. Захаров, Э.В. Роттэ. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2007. – 346 с.
6. Коми пединститут в годы Великой Отечественной войны 1941–1945». Документы, материалы, воспоминания / гл. ред. В.Н. Исаков; сост.: Л.А. Жданов, В.Д. Захаров, Э.В. Роттэ. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2005. – 253 с.
7. Коми пединститут: новый этап развития. 1945–1972: сборник документов, материалов, воспоминаний / ред. кол.: М.Д. Китайгородский (гл. ред.), Л.А. Жданов, Д.Ю. Григорьева, Н.И. Сурков. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2012. – 672 с.
8. Первенец высшей школы / В.Н. Ахмеев, Н.Н. Безносилов, Я.Н. Безносилов и др. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1982. – 108 с.
9. Зильберг, А.Я. Первый вуз Коми республики / А.Я. Зильберг. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1972. – 136 с.

*О.В. Золотарев,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и методики обучения
общественно-правовым дисциплинам
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина»*

Сообщения

XI Международный симпозиум по исторической демографии (Сыктывкар, 4–8 июля 2022 года)

В Сыктывкаре с 4 по 8 июля 2022 г. прошел XI Международный симпозиум по исторической демографии «Этнодемография Арктики и Субарктики: история и современность». Организаторами симпозиума выступили Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Северная секция Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии, Отделение Российского исторического общества. На симпозиум было подано более 60 заявок учеными из Республики Беларусь, Казахстана, российскими исследователями из Москвы, Санкт-Петербурга, Ульяновска, Тюмени, Вологды, Ростова-на-Дону, Екатеринбурга, Сыктывкара.

Традиционно на симпозиуме обсуждаются проблемы источниковедения и историографии этнодемографических, историко-демографических и историко-географических исследований: типы источников по историко-демографическим и этнодемографическим процессам, методы их анализа, доступность и достоверность источников, возможности их публикации, современное состояние исследований, перспективы их развития и практическая значимость.

В рамках симпозиума прошли два круглых стола, посвященные международному сотрудничеству и вопросам продолжительности жизни северян, также состоялось расширенное заседание редколлегий научных журналов «Историческая демография» (издается Институтом языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН) и «Известия Коми НЦ УрО РАН. Серия История и филология» (издается ФИЦ Коми НЦ УрО РАН). Работа по представлению и обсуждению докладов прошла 6 и 7 июля.

На открытии пленарного заседания выступили директор ИЯЛИ И.Л. Жеребцов и Председатель Совета МО ГО «Сыктывкар» А.Ф. Дю, которая отметила важную роль Института в развитии межрегиональных исследований, в том числе по исторической демографии, и пожелала плодотворной работы участникам симпозиума. Профессор и декан исторического факультета Евразийского национального университета имени Н. Гумилева (Астана, Казахстан) Т.С. Садыков в приветствии отметил важность изучения новых источников, международного сотрудничества, также поблагодарил И.Л. Жеребцова, который является консультантом восьми докторантов по истории в Евразийском Университете. С приветственным словом обратился к участникам профессор Минского государственного университета (Беларусь) В.И. Меньковский, который в том числе отметил, что доброжелательная атмосфера в коллективе ИЯЛИ и широкое международное сотрудничество способствуют развитию «реальной науки».

В рамках научной программы и представления докладов большой интерес вызвало выступление С.А. Прокopenko (Ульяновск) об изучении документов обследова-

ния Симбирской губернии 1917–1917 гг. В ходе активных архивно-изыскательских работ выявлено 1 млн 600 тыс. архивных документов. Автором было представлено рассмотрение связи между числом призванных в армию и зажиточностью хозяйств, которые обследовались. На примере данных обследований Алатырского и Корсунского уездов показана выявленная зависимость между количеством мобилизованных и зажиточностью домохозяйств. Факторами, повлиявшими на развитии хозяйств, автором также были отмечены уход работников из Симбирской губернии в Самарскую и Оренбургскую губернии, что создавало дефицит рабочей силы, а также общее негативное влияние Первой мировой войны, подорвавшей домохозяйства губернии.

В докладе исследователя В.А. Исупова (Санкт-Петербург), посвященном проблемам государственного регулирования рождаемости в начале XX в., был представлен глубокий анализ решения вопросов воспроизводства на основе широкого круга исторических фактов. В частности отмечено: «До революции за искусственный аборт полагалось уголовное наказание. По мнению большевиков, это было пережитком капитализма, с которым надо бороться, и спецкомиссии выдавали разрешения на аборт – свобода, обставленная бюрократическими препятствиями после революции. В 1920–1930-е гг. наша страна была патриархальной, аборты в основном производились в городе работницами и служащими. Распространение контрацепции были в рекламах журналов, но крестьянки их не читали. Во второй половине 1930-х гг. ситуация изменилась. Потери от голода 1930-х гг. были колоссальны, при этом социалистический закон народонаселения гласил, что при социализме рождаемость может быть только высокой, а смертность – только низкой, поэтому рождаемость стимулировалась разными способами. Однако увеличение материальной помощи многодетным и запрет абортов не привели к росту рождаемости». В итоге, по мнению исследователя, главной мерой, стимулирующей рождаемость, анализируя данную проблему в исторической ретроспективе, должна стать помощь при рождении первого ребенка.

Исследователь А.С. Иванов (Тюмень) представил доклад об особенностях ведомственного характера использования в отдельных отраслях труда спецпереселенцев, в частности в рыбодобыче в послевоенные годы. Были рассмотрены межведомственные конфликты на примере решения вопросов об открытии дома инвалидов для спецпереселенцев и «очищении аппарата рыбзаводов» и школ от «директоров-спецпереселенцев».

Доклады В.В. Фаузера (Сыктывкар) и Д.В. Вишняковой (Сыктывкар) вызвали дискуссию среди участников, так как касались не только вопросов исторической демографии, но и актуальных на сегодняшний день социальных вопросов. В.В. Фаузером был представлен доклад, включавший ши-

рокий ряд статистических материалов об изменении этнической структуры, численности и расселения населения в XIX–начале XXI в. в Республике Коми. Д.В. Вишнякова впервые в региональной научной практике изучила архивные данные о динамике заболеваемости оспой в XIX в. и организации прививочной компании в Коми крае, работе оспенных комитетов и оспопрививателей. Был продемонстрирован фотоматериал об оспопрививании в начале XX в. На основе изложенного автор сделала вывод, что общая заболеваемость снижалась благодаря прививкам.

Проблемы развития научных исследований были рассмотрены в докладе А.К. Гагиевой (Сыктывкар) «Пространственное освоение арктических территорий Европейского Севера России в дореволюционной историографии». Автор отметила, что информация об арктических территориях нашла отражение в северных летописях Архангельска, Холмогор и В. Устюга. Значительный вклад внесли работа археографической комиссии и императорского географического общества и сочинения иностранных авторов. В итоге к XIX в. сложился широкий круг исследований об освоении, общественном укладе, о сельском хозяйстве и промыслах арктического региона. Была отмечена оригинальная теория семейной колонизации северных территорий. Также вопросы историографии анализировались в докладе М.В. Хайдунова (Сыктывкар) «Социально-демографический облик пореформенного духовенства в современной историографии».

Были заслушаны доклады, раскрывающие историко-демографические исследования (М.А. Мацук, А.П. Обедков, У.В. Лыткина, Н.М. Игнатова и др.) и анализирующие социально-демографические проблемы (Д.В. Милохин, М.А. Зырянова, М.М. Стыров, Т.В. Милаева и др.). Изучению историко-географических исследований был посвящен доклад В.И. Силина (Сыктывкар).

На симпозиуме представлена коллективная монография Н.М. Игнатовой, Д.В. Вишняковой, А.П. Обедкова, В.И. Силина «Численность и воспроизводство населения Республики Коми в XIX–XX вв.: историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера. Выпуск 1» (Сыктывкар, 2022. – 276 с.), подготовленная сотрудниками сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Книга посвящена исследованию проблем динамики и воспроизводства населения Республики Коми на протяжении периода от второй половины XIX в., охватывая досоветский и советский периоды, до периода реформ 1990-х гг. В монографии представлен анализ исторических источников и научной исследованности темы, рассмотрена динамика и половозрастная структура народонаселения по историческим данным и географическим материалам, особое внимание уделено вопросам рождаемости и смертности населения как наиболее актуальной проблеме для северных регионов.

При подведении итогов XI Международного симпозиума по исторической демографии были отмечены высокий уровень докладов, глубокий анализ историографии и источников, комплексность, междисциплинарный подход, интерес к массовым источникам и документам нового происхождения, выявление актуальных тем – история медицины и борьбы с эпидемиями в прошлом.

*Н.М. Игнатова,
кандидат исторических наук,
заведующий сектором историко-демографических
и историко-географических исследований
Российского Севера ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

Юбилей

Михаилу Павловичу Рощевскому – 90 лет

М.П. Рощевский. Фото М.В. Соколовой.

«... крупнейший физиолог России, организатор института, многолетний лидер Коми научного центра и заместитель Председателя Уральского отделения РАН ... Человек многогранный, у него много хобби. История России – главное из них. Он сам уже стал частью истории Российской академии наук».
Академик Г.А. Месяц

Есть люди, которые создают историю. Одному из них, Михаилу Павловичу Рощевскому, академику АН СССР, главному научному сотруднику Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН 5 марта 2023 г. исполнилось 90 лет. Он родился в 1933 г. в г. Пскове. В 1955 г. Михаил Павлович окончил биологический факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького в Свердловске (в настоящее время – г. Екатеринбург). Он начал свой путь в *alma mater* ассистентом кафедры физиологии университета, затем старшим научным сотрудником, ученым секретарем Уральского научно-исследовательского института сельского хозяйства, в 1959 г. защитил кандидатскую диссертацию.

В Коми филиале АН СССР (в настоящее время – ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения РАН») М.П. Рощевский работает с декабря 1960 г. По воспоминаниям самого Михаила Павловича, в то время в Сыктывкаре не было не только асфальтированных улиц и железнодорожного сообщения, но и электрокардиологии как науки. Вначале Михаил Павлович занялся исследованием физиологического состояния животных при воздействии на них новых кормов.

Итогом его работы стала докторская диссертация (1969) и проведение в Сыктывкаре на невиданном прежде уровне Третьего симпозиума по новым силосным расте-

ниям, секретарем оргкомитета которого он являлся. Тогда сформировался один из его научных принципов, согласно которому путь к самостоятельным исследованиям лежит не в отлынивании от навязанной руководителем тематики, а в выполнении ее на гораздо более высоком уровне, чем предполагает руководитель.

После этого у Михаила Павловича появилась возможность заняться любимой электрокардиографией. В 1965 г. в издательстве «Наука», благодаря усилиям М.П. Рощевского, выходит сборник работ по электрокардиологии животных, который на несколько месяцев опередил издание аналогичного труда под редакцией профессора Д. Детвайлера в Филадельфии. В Сыктывкаре в 1979 г. М.П. Рощевский успешно провел Первый Всесоюзный симпозиум по сравнительной электрокардиологии с международным участием, который имел большой резонанс в мировом физиологическом сообществе. За ним последовал еще ряд международных мероприятий данной тематики. С тех пор сыктывкарская научная физиологическая школа, созданная Михаилом Павловичем, не просто шла в ногу с мировым сообществом, а задавала тон: научные доклады наших исследователей звучали на международных конгрессах по электрофизиологии по всему миру.

В 1970 г. Михаил Павлович был утвержден заместителем Председателя Президиума Коми филиала АН СССР, а с 1983 г. – стал Председателем Президиума Коми филиала АН СССР. В 1988 г. в связи с организацией Уральского отделения АН СССР М.П. Рощевский утвержден заместителем Председателя Уральского отделения АН СССР. В 1987 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1990 г. – действительным членом АН СССР.

Академик Михаил Павлович Рощевский – выдающийся ученый-физиолог, основоположник нового направления в физиологии – сравнительной электрокардиологии, крупнейший специалист в области эволюции сердца и экологи-

М.П. и Р.А. Рощевские в конце декабря 1960 г. переехали на работу в Коми филиал АН СССР. Из кн.: Рощевский, М.П. Избранные труды. В 4-х т. / М.П. Рощевский. – Сыктывкар, 2013. – Т. II. (1 вклейка).

ческой физиологии, труды которого внесли весомый вклад в развитие фундаментальной науки.

Научные исследования М.П. Рощевского посвящены проблемам сравнительной и эволюционной электрокардиологии и экологической физиологии человека и животных. В конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. им был открыт и описан необычный для млекопитающих вид активации миокарда желудочков типа «вспышка», получивший в дальнейшем международное признание и вошедший в действующие международные учебники по физиологии животных. Им предложена методика фронтальных и сагиттальных отведений электрокардиограмм, которая с тех пор применяется в ветеринарной кардиологии. На основе сравнительных исследований сердечной деятельности у представителей разных классов позвоночных животных в начале 1970-х гг. М.П. Рощевским было обосновано и предложено новое для своего времени научное направление – эволюционная электрокардиология. В рамках данного направления М.П. Рощевским с сотрудниками впервые установлены основные закономерности структурно-функциональной организации возбуждения интрамуральных слоев сердца у рыб, амфибий, рептилий, птиц и многих видов млекопитающих. Обнаружены и описаны четыре типа последовательности деполяризации миокарда желудочков у позвоночных животных; впервые изучена хромотопография интрамурального распространения волны возбуждения в стенках предсердий; в предсердиях млекопитающих установлено наличие путей преимущественного проведения возбуждения.

М.П. Рощевский – создатель Института физиологии Коми научного центра УрО РАН и его руководитель с 1988 по 2004 г. За этот период исследования Института в об-

1972 г.
Обсуждение возможности создания Института физиологии в Коми филиале АН СССР с президентом АН СССР академиком М.В. Келдышем во время прогулки по г. Сыктывкару. Слева направо: секретарь Коми Обкома КПСС А.П. Кармановский, президент АН СССР академик М.В. Келдыш, Председатель Президиума Коми филиала АН СССР В.П. Подоплелов, заместитель Председателя Президиума Коми филиала АН СССР М.П. Рощевский, секретарь Коми Обкома КПСС А.А. Попов. Из кн.: Рощевский, М.П. Избранные труды. В 4-х т. / М.П. Рощевский. – Сыктывкар, 2013. – Т. II. (1 вклейка).

ласти экологической физиологии человека и животных, эволюционной и сравнительной электрокардиологии получили всероссийское и международное признание.

Обладая большими организаторскими способностями, Михаил Павлович Рощевский успешно сочетал научную работу с научно-педагогической, организационной и государственной деятельностью. Вместе с академиками Г.А. Месяцем и Г.А. Толстиковым он был в числе организаторов Уральского отделения Российской академии наук.

1990 г.
Создание и успешная работа Уральского отделения АН СССР – достойный итог нескольких лет плотной работы трех академиков. Слева направо: М.П. Рощевский, Г.А. Месяц, Г.А. Толстиков. Из кн.: Рощевский, М.П. Избранные труды. В 4-х т. / М.П. Рощевский. – Сыктывкар, 2013. – Т. III. (1 вклейка).

Необходимо отметить его большой личный вклад в становление и развитие науки в Республике Коми. За время работы М.П. Рощевского Председателем Президиума Коми научного центра в Сыктывкаре было создано три новых института: физиологии, химии и экономических и социальных проблем Севера, его усилиями в центре столицы был создан академический городок, сохранен ведомственный детский сад для детей сотрудников.

Коми научный центр стал одним из крупнейших научных центров на северо-востоке России, в котором велась работа по развитию перспективных научных направлений, повышению научного потенциала, привлечению молодых кадров, укреплению материальной базы. По инициативе и непосредственном участии М.П. Рощевского в 2001 г. создан Коми научный медицинский центр Северо-Западного отделения Российской академии медицинских наук, объединивший усилия ведущих специалистов в области медицины в Республике Коми под крылом Северо-западного отделения Российской академии медицинских наук.

Михаил Павлович – председатель многих международных, всесоюзных и российских научных форумов. Под его руководством выполнено и защищено более 20 кандидатских и докторских диссертаций. Он является автором множества научных работ, в том числе 10 монографий, многие из которых стали настольными книгами для специалистов. Михаил Павлович очень разносторонний исследователь, его интерес всегда вызвала история. Поэтому в его библиографии есть также интереснейшие издания по истории науки, истории России и Республики Коми.

М.П. Рощевский посвятил много времени общественной работе в составе международных советов и обществ по электрокардиологии, редколлегий ряда научных журналов РАН, бюро Отделения биологических наук РАН, секции «Медицина и биология» Комиссии при Президенте РФ по госпремиям РФ в области науки и техники, Объединенного ученого совета УрО РАН по биологическим наукам, Центрального совета Российского физиологического общества им. И.П. Павлова.

За большой вклад в развитие науки и успешную научно-организационную деятельность М.П. Рощевский награжден орденами «Трудового Красного Знамени», «Дружбы народов», «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Российской Федерации, Благодарностью Президента Российской Федерации, почетным званием «Заслуженный деятель науки и культуры Коми АССР», многими другими наградами и дипломами. В 2005 г. заслуги Михаила Павловича были отмечены одной из самых почетных наград – Государственной премией Российской Федерации в области науки и техники.

Председатель Правительства Российской Федерации М.Е. Фрадков вручает М.П. Рощевскому (руководителю работы) Государственную премию Российской Федерации 2003 г. в области науки и техники за работу «Эволюционная электрокардиология: хронотопография возбуждения сердца позвоночных». Москва, Дом Правительства, 28 июня 2005 г. Из кн.: Рощевский, М.П. Избранные труды. В 4-х т. / М.П. Рощевский. – Сыктывкар, 2013. – Т. IV. (3 вклейка).

Михаил Павлович является Почетным гражданином г. Сыктывкара, всегда занимает активную гражданскую позицию. И жители одного из домов в центре города с благодарностью вспоминают семейную пару – Михаила

Павловича и Руфину Александровну, чьими заботливыми руками посажен благоухающий сад вокруг этого дома. А мы благодарим Михаила Павловича за тот оазис науки, который создан им в Республике Коми и в котором трудятся и будут трудиться на благо науки многие поколения исследователей.

С глубоким уважением и признательностью поздравляем Михаила Павловича с юбилеем, выражаем ему искренние пожелания здоровья, благополучия и творческих успехов!

*В.И. Прошева, Е.А. Пшунетлева, Д.Н. Шмаков
и сотрудники Института физиологии
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

Литература

1. Академик Михаил Рощевский: «А по субботам парюсь веничком березовым» // Красное знамя. – 2003. – 14 марта.
2. Академик Михаил Рощевский: о чем стучит сердце дракона? // Литературная газета. – 2001. – 19-25 сентября. – № 38 (5849). – С. 12.
3. Доктора наук Республики Коми / редкол.: М.П. Рощевский [и др.]. – Сыктывкар: Издательство Коми НЦ УрО РАН, 2004. – 388 с.
4. Михаил Павлович Рощевский / сост. И.М. Рощевская, Г.Я. Филиппова; авт. вступ. ст. А.И. Григорьев. – Москва: Наука, 2008. – 189 с. – (Материалы к библиографии ученых: биологические науки: физиология; вып. 20).
5. Новиков, С.Г. Портрет интеллекта. Ученые Республики Коми [Фотоальбом] / Фото С. Новикова. – Санкт-Петербург: ООО Издательский дом «Светлячок», 2002. – 362 с.
6. Ноздрачев, А.Д. Михаил Павлович Рощевский (к 70-летию со дня рождения) / А.Д. Ноздрачев, В.Л. Свищерский, Д.П. Дворецкий, Д.Н. Шмаков // Российский физиологический журнал. – 2003. – Т.89, № 4. – С. 378-360.
7. Пульс научной и «околонаучной» жизни Института физиологии. – Сыктывкар, 1999.
8. Рощевский, М.П. Избранные труды / под ред. академика А.И. Григорьева, академика Ю.В. Наточина, академика А.Д. Ноздрачева, чл.-корр. РАН И.М. Рощевской. В 4-х т. – Сыктывкар, 2013. – 862 с.
9. Черешнев, В.А. Жизнь, отданная науке / В.А. Черешнев, В.Н. Большаков, О.В. Бухарин, Д.Н. Шмаков // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. – 2003. – № 4(4). – С.64-66.

Афанасию Николаевичу Турубанову – 85 лет

Афанасий Николаевич Турубанов.

26 января 2023 г. исполнилось 85 лет известному ученому-историку, главному научному сотруднику сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, почетному члену Ученого совета Института, доктору исторических наук, профессору **Афанасию Николаевичу Турубанову**.

Афанасий Николаевич родился в 1938 г. в с. Кобра Койгородского района, в 1956 г. окончил Койгородскую среднюю школу, работал в Комском лесопункте Кажимского леспромхоза, в 1957–1962 гг. учился на историко-филологическом факультете Коми государственного педагогического института, затем работал учителем истории в средней школе с. Слудки (Прилузский район), в 1963–1964 гг. служил в армии, в ноябре 1964 – декабре 1965 г. являлся инструктором, заведующим отделом учащейся молодежи Сыктывкарского горкома комсомола, в январе-феврале 1966 г. – заместителем командира дивизиона по политчасти Сыктывкарского отдела внутренних дел, в марте-сентябре 1966 г. – заместителем председателя Коми республиканского комитета Красного Креста.

22 сентября 1966 г. началась научная деятельность Афанасия Николаевича – он стал младшим научным сотрудником отдела истории Коми филиала Академии наук СССР. Основными направлениями исследований 28-летнего историка стали проблемы социально-экономической истории Коми республики XX столетия, в первую очередь – история промышленного развития региона. А.Н. Турубанов активно подключился к разработке коллективных научных тем, которыми руководили его старшие товарищи. В 1969 г. в «Материалах III республиканской молодежной научной конференции» была опубликована первая научная работа молодого ученого «Изменения в составе рабочих деревообрабатывающей промышленности Коми АССР в предвоенные годы 3-й пятилетки (1938–1940 гг.)». Он поступил в

заочную аспирантуру Коми филиала АН СССР по специальности «История СССР», которую окончил в 1973 г. и в следующем году защитил в Петрозаводском государственном университете кандидатскую диссертацию «Создание Сыктывкарского лесопромышленного комплекса в Коми АССР (1959–1972 гг.)».

В 1979 г. А.Н. Турубанов как зарекомендовавший себя опытный историк был избран на должность старшего научного сотрудника и возглавил исследования по истории рабочего класса и индустриального развития Коми АССР в конце 1950-х – 1970-е гг. Результатом его научных изысканий стала монография, носившая характерное для того периода название «Рабочий класс Коми АССР в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма» и опубликованная в 1981 г. в Москве, в главном научном издательстве страны «Наука». В том же году А.Н. Турубанов возглавил сектор истории советского периода Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, а пять лет спустя под его руководством объединились в один отдел все историки и социологи Института.

На посту заведующего А.Н. Турубанов пробыл 27 лет – с 1981 по 2008 г. За это время историки ИЯЛИ подготовили сотни научных трудов, организовали десятки научных конференций, защитили около 30 диссертаций. Сам А.Н. Турубанов активно вел научные исследования, результатом которых стала защита в 1990 г. в Институте истории СССР Академии наук СССР (Москва) докторской диссертации «Индустриальное развитие и рабочий класс Коми АССР в 60-е – первой половине 80-х годов». Помогал он защищаться и другим – был научным руководителем или консультантом у шести кандидатов и докторов наук. В 2002 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

В 1990-е гг. ученые Республики Коми под руководством А.Н. Турубанова разрабатывали тему «История Коми с древнейших времен до конца XX века», результатом чего явился выход в 2004 г. фундаментальной двухтомной коллективной монографии под этим же названием и переизданной с дополнениями в 2011 г. В 2000–2007 гг. А.Н. Турубанов осуществлял руководство и принимал непосредственное участие в разработке таких научных проблем, как история потребительской кооперации Республики Коми, лесной и топливный комплексы региона. В 2008 г. А.Н. Турубанов перешел на должность главного научного сотрудника и с удвоенной энергией взялся за научно-исследовательскую работу. Помимо индустриальной истории, ученый занимался историей национально-государственного строительства и межнациональных отношений в Коми, историей социально политических процессов на Севере. Всего он опубликовал около 200 научных работ и учебных пособий, в числе которых более 40 монографий, научно-популярных книг, сборников документов («Создание целлюлозно-бумажной промышленности в Коми АССР», «Промышленные рабочие Коми АССР. 1918–1970 гг.», «Первенец индустрии республики. Страницы истории Сыктывкарского лесопильно-деревообрабатывающего комбината», «История Сыктывкара», «Профес-

сия – строитель», «Лесной комплекс Республики Коми в XX веке», «Строительный комплекс Республики Коми в XX веке», «Памятуя мысль о благе и пользе России ... : представители Коми края в российском парламенте», «Исчезнувшее село. Очерки истории Кобры» и др.).

А.Н. Турубанов является научным редактором, автором или соавтором ряда документальных и учебных изданий для учащихся школ, профессионально-технических училищ, средних специальных и высших учебных заведений: «Наш край в истории СССР», «Лесная промышленность Коми АССР. 1917–1960 гг.», «История родного края», «Лесная промышленность Республики Коми. 1961–1990 гг.», «История Коми края в документах и материалах. Хрестоматия. Часть II. Советский период. Учебное пособие для средних школ Республики Коми» и др.

А.Н. Турубанов являлся ученым секретарем Коми регионального экспертного совета Российского гуманитарного научного фонда «Русский Север: история, современность, перспективы», членом Диссертационного совета по присуждению ученой степени кандидата исторических наук в Вологодском государственном педагогическом институте, заместителем председателя Диссертационного совета по присуждению ученой степени кандидата исторических наук в Сыктывкарском государственном университете, членом Ученого совета ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, предсе-

дателем Общества архивистов Республики Коми, членом Совета Общества изучения Коми края.

Афанасия Николаевича Турубанова хорошо знают коллеги-историки не только в Республике Коми, но и в других регионах России – Москве, Екатеринбурге, Петрозаводске, Вологде, Архангельске ... Вклад А.Н. Турубанова в научно-исследовательскую, научно-организационную и общественную работу отмечен заслуженными наградами – медалями «За трудовую доблесть» и «Ветеран труда», Почетным знаком ЦК ВЛКСМ, Почетными грамотами Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Президиума Академии наук СССР, Президиума Верховного Совета Коми АССР и др., почетными знаками «Почетный ветеран Уральского отделения РАН», «Ветеран Коми научного центра УрО РАН», присвоено звание «Заслуженный деятель науки Коми», лауреат Премии Правительства Республики Коми в области науки.

Сегодня Афанасий Николаевич Турубанов, несмотря на солидный возраст, по-прежнему энергичен и целеустремлен, отдает все свои силы и знания любимому делу – науке, работает над созданием новых трудов по истории Республики Коми.

*И.Л. Жеребцов,
доктор исторических наук,
директор ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

Валерий Иванович Мартынов (к 90-летию со дня рождения)

Валерий Иванович Мартынов (1993–2015).

Известный коми литературовед, организатор науки и критик Валерий Иванович Мартынов родился 1 ноября 1933 г. в с. Ильинск Кырчанского района Кировской области. После того, как погиб на фронте отец, Иван Васильевич (в 1942 г. семья получила похоронку), его мать, Варвара Никифоровна, в 1943 г. переехала с сыном на свою родину в с. Иб Коми АССР. В 1948 г. В.И. Мартынов окончил 7 классов Ыбской средней школы, в 1951 г., когда семья переехала в город – Сыктывкарскую мужскую среднюю школу № 12 с серебряной медалью, в 1955 г. – историко-филологический факультет Коми государственного пединститута. С 1955 по 1958 г. служил в армии (в группе советских войск в Германии). С 1958 по 1966 г. был учителем русского языка и литературы в средней школе № 2 г. Инты и вел занятия литературного кружка старшеклассников при городской библиотеке.

В 1964–1966 гг. в летнее время года Валерий Иванович преподавал русский язык немецким учителям в Германской Демократической Республике (Дрездене и Потсдаме). В 1966–1967 гг. работал на кафедре русской, коми и зарубежной литературы Коми государственного пединститута, читал спецкурсы по русскому фольклору, руководил студенческим литобъединением, которое посещали А. Суворов, А. Богданович, А. Ульянов, А. Белых, И. Белых, А. Некрасов, А. Одинцов, И. Кузнецов, В. Лодыгин и др.

В эти годы Валерий Иванович вел также занятия по эстетике с руководителями творческих союзов Республики Коми. Этот семинар посещали самые известные ныне писатели, поэты, актеры – Г. Юшков, П. Шахов, Ю. Васютов, И. Аврамов, Э. Попов и другие деятели национальной культуры.

В школьные годы начал писать стихотворения. В дальнейшем публиковал свои стихи в журнале «Войвыв кодзув», коллективных сборниках «Перекличка» (1966), «Люди третьего фронта» (1969), «Инта весенняя» (1972).

В 1967 г. В.И. Мартынов был принят в Коми филиал АН СССР на должность младшего научного сотрудника отдела

языка и литературы. С 1971 г. исполнял обязанности заведующего сектором литературы и фольклора, в 1974 г. был избран на эту должность и занимал ее до 1988 г.

В 1973 г. в Институте русской литературы АН СССР (Ленинград) Валерий Иванович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Роль русских писателей в формировании литературы коми». Его научным руководителем был известный ученый и поэт А.Е. Ванеев. В 1982–1983 гг. был прикомандирован в Институт мировой литературы им. А.М. Горького, где подготовил исследование «Идейно-эстетическое становление коми литературы». Литературоведом опубликовано более 200 работ, среди них монографии, изданные в Москве в издательстве «Наука»: «Роль русских писателей в формировании литературы коми» (1974), «Становление коми литературы: идейно-эстетический аспект» (1988).

Научные интересы В.И. Мартынова сосредоточены на изучении национальной литературной традиции и ее месте в творчестве современных коми писателей. Используя сравнительно-исторический и сравнительно-типологический принципы и подходы к произведениям, он рассматривал контактные связи коми литературы. Ученый исследовал тематические, образные сходства и различия, раскрывал общие исторические и историко-литературные закономерности, а также межлитературные взаимодействия, анализируя переводческую судьбу произведений.

По мнению ученого, коми литературу как художественную систему сформировали соединение литературной традиции и национального литературного опыта с мировоззрением времени. Так происходит постоянное обогащение и качественный философско-гражданский рост национальной литературной традиции, ведущие к расцвету коми литературы.

В.И. Мартынов в качестве организатора науки – особая веха в жизни ученого. Институт языка, литературы и истории был создан в 1970 г. на базе самостоятельных гуманитарных отделов Коми филиала АН СССР, а уже в 1971 г. молодой младший научный сотрудник стал исполняющим обязанности заведующего сектором литературы и фольклора, через три года был избран на эту должность и фактически возглавлял одно из ведущих подразделений Института в течение 17 лет – до 1988 г. В эти годы в секторе работало целое созвездие крупных ученых – А.Е. Ванеев, Ф.В. Плесовский, А.К. Микушев, П.И. Чисталев, Ю.Г. Рочев и др. При нем повысили научную квалификацию и защитили кандидатские диссертации Н.А. Бурилова, И.М. Ванеева, В.Н. Демин, В.В. Пахорукова. Возглавлять такой коллектив было непросто. Валерий Иванович умел создать деловую обстановку, проявлял и дипломатические способности, определенную гибкость и, когда этого требовали обстоятельства – жесткость и требовательность, но у него всегда было уважение к коллегам, их мнению. При его руководстве издавались монографии и сборники научных трудов, составившие золотой фонд коми литературоведения и фольклористики.

В течение 10 лет ученый руководил авторским коллективом сектора литературы и фольклора по созданию фун-

даментального научного труда «История коми литературы» в трех томах (1979, 1980, 1981), впервые обобщившего путь развития национальной литературы от произведений устной народной поэзии до современной коми литературы. Решить такую сложную задачу в сравнительно короткий срок и возглавить эту работу мог только ученый с большими организаторскими способностями. В.И. Мартынов был автором также обобщающих глав этого исследования: «У истоков национальной литературы», «Коми литература во взаимодействии с другими литературами», «Критика и литературоведение», «Коми литература второй половины XIX – начала XX веков» (совместно с В.И. Лыткиным и А.Е. Ваневым), творческих портретов выдающихся деятелей коми культуры – В.А. Савина, М.Н. Лебедева, В.Т. Чисталева, В.И. Лыткина.

В.И. Мартынов как историк литературы первым исследовал творчество таких писателей прошлого, как М. Истомина, П. Распутина, В.Н. Латкина, С.В. Пантелеевой, М.М. Латкиной, восстанавливал наследие церковных деятелей Коми края. Как критик всегда замечал появление молодых талантливых авторов. В 1970-е гг. обратил внимание на первые произведения поэтов А. Мишариной и А. Некрасова, в 1990-е – писал об А. Ельцовой, в 2000-е гг. – Е. Афанасьевой.

В.И. Мартынов составил систематический свод коми литературоведческих терминов «Коми литературоведческий словарь-справочник» (1993) и получил признание ученых как единственный литературовед, продвигавший новую коми лексику в активное использование. В 1995 г. им было опубликовано пособие для учащихся средней школы – «Теория литературы коми». В 2000 г. вышел в свет подготовленный им биобиблиографический словарь-справочник «Литераторы земли Коми», включающий в себя три сотни персоналий коми и русских писателей. По числу словарных статей это наиболее полный справочник литераторов Коми края. В.И. Мартынов явился автором 87 статей в трехтомной энциклопедии «Республика Коми» (1997, 1999, 2000), что свидетельствует об огромной эрудиции и работоспособности ученого.

В.И. Мартынов занимался и проблемой терминоведения. Им составлен систематический свод коми литературоведческих терминов «Коми литературоведческий словарь-справочник» (1993), который получил признание специалистов за внимание к вопросу обновления литературоведческой лексики и ее продвижения.

В 1995 г. ученым было опубликовано пособие для учащихся средней школы «Теория литературы коми». В 2000 г. вышел в свет подготовленный им биобиблиографический словарь-справочник «Литераторы земли Коми», включающий в себя три сотни персоналий коми и русских писателей, по числу словарных статей это наиболее полный

справочник литераторов Коми края. Он служит важным подспорьем для новых аналогичных работ.

Валерий Иванович – активный участник и организатор республиканских и всесоюзных научных конференций, посвященных И.А. Куратову. В своих докладах поднимал проблему взаимосвязи его творчества с творчеством русских писателей, перевода его поэзии на русский язык и др. Являясь ученым секретарем Куратовских чтений, отредактировал шесть томов материалов уникальных научных форумов, посвященных изучению биографии и творчества основоположника коми литературы. Его первые статьи об И.А. Куратове появились уже в самом первом выпуске «Куратовских чтений» в 1973 г. («И.А. Куратов и А.В. Кольцов», «И.А. Куратов и Н.А. Некрасов»).

В.И. Мартынов регулярно принимал участие в работе крупных научных форумов финно-угроведов: XVI Всероссийская конференция финно-угроведов (Сыктывкар, 1979), VI Международный конгресс финно-угроведов (Сыктывкар, 1985), VII Международный конгресс финно-угроведов (Дебрецен, Венгрия, 1990).

В 2000-е гг. регулярно печатался в республиканских периодических изданиях, публиковал воспоминания о коми писателях Ф. Щербакове, Г. Федорове, ученых А.К. Микушеве, А.Е. Ваневе.

Заслуги В.И. Мартынова отмечены медалями «За доблестный труд» (1970), почетными грамотами Совета Министров Коми АССР (1988), Президиума Верховного Совета Коми АССР (1983), Министерства просвещения РСФСР (1983, 1985).

В.И. Мартынов на протяжении всех лет своей деятельности на поприще коми культуры был активным ее исследователем и пропагандистом, до самых последних дней жизни сохранял живой интерес ко всему новому, талантливому в литературе, восстанавливал забытые имена, поддерживал память о лучших деятелях коми культуры и своим многолетним служением ей вписал свое имя в ее историю.

В.И. Мартынов был награжден медалями «За доблестный труд» (1970), «Ветеран труда» (1980), знаком «Победитель социалистического соревнования» (1973), почетными грамотами Совета Министров Коми АССР (1988), Президиума Верховного Совета Коми АССР (1983), Министерства просвещения РСФСР (1983, 1985).

Валерий Иванович Мартынов скончался 18 апреля 2015 г. Похоронен в г. Сыктывкаре.

*Г.К. Лисовская,
научный сотрудник сектора литературоведения
ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

Научный журнал

ИЗВЕСТИЯ

Коми научного центра

Уральского отделения Российской академии наук

Серия «История и филология»

№ 1 (59)

Номер подготовили:

Ответственный редактор серии – д.и.н. И.Л. Жеребцов

Зам. ответственного редактора серии – к.и.н. И.О. Васкул

Зам. ответственного редактора серии – д.филол.н. Е.А. Цыпанов

Ответственный секретарь серии – к.и.н. Д.В. Милохин

Выпускающий редактор – И.В. Курляк

Редактор – О.А. Гросу

Переводчики – Е.С. Кузьмина, Т.А. Исакова

Компьютерное макетирование – Е.Н. Старцева

Дизайн обложки – Я.С. Куликова

Лицензия № 0047 от 10.01.1999.

Подписано в печать 13.04.2023. Дата выхода в свет 20.04.2023.

Уч.-изд.л. 30,0. Усл.-печ.л. 30, 0. Тираж 300. Заказ № 14.

Формат 60x84¹/₈. Свободная цена.

Подготовлено к изданию и отпечатано в редакционно-издательском центре ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.

Адрес учредителя, издателя: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр УрО РАН».
167982, Российская Федерация, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24.